

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА IV

Иммануил
Валлерстайн

IV

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА IV

Immanuel
Wallerstein

Триумф
центристского либерализма, 1789–1914

The Modern World-System IV
Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914

Университет Дмитрия Пожарского

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА IV

Триумф центристского либерализма, 1789—1914

Андервуд и Андервуд, «Арест миссис Панкхёрст». Миссис Эммелин Панкхёрст была лидером британских суфражисток. Несмотря на то, что в то время ее много критиковали за воинственную тактику, сейчас ей придается значительная роль в обретении женщинами Великобритании избирательного права. Этот снимок был сделан 2 июня 1914 года, когда Панкхёрст направлялась с петицией в парламент, и напечатан *New York World-Telegram & Sun* (публикуется с разрешения отдела печатных копий и фотографий Библиотеки Конгресса).

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА IV

Триумф центристского либерализма, 1789—1914

The Modern World-System IV

Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914

МОСКВА

Университет Дмитрия Пожарского

2016

Рецензент:
проф. Г. М. Дерлугьян

Валлерстайн И.

В15 Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789—1914 / Пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 496 с.: ил.

Перевод выполнен с издания: *Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914. University of California Press, 2011, 396 pp.*

ISBN 978-5-91244-155-4

Четвертый (и на данный момент последний из опубликованных) том капитального труда Иммануила Валлерстайна «Мир-система Модерна» охватывает временной промежуток от Великой французской революции до начала Первой мировой войны. Основные сюжеты этого тома: становление либерального государства в странах центра капиталистического мира-экономики, классовые конфликты в процессе развития либерального государства, история борьбы за гражданские права, возникновение современных социальных наук. Каждый из этих сюжетов рассматривается сквозь призму центральной темы всего тома — возникновения трех основных идеологий современности (либерализма, консерватизма и социализма), которые Валлерстайн интерпретирует как варианты одной идеологии — центристского либерализма, в ходе «долгого девятнадцатого века» ставшего доминирующей геокультурой капиталистической мир-системы.

3

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие. Об описании мир-системы Модерна</i>	xi
1. ЦЕНТРИСТСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ	1
2. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, 1815—1830	23
3. ЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КЛАССОВЫЙ КОНФЛИКТ, 1830—1875	89
4. ГРАЖДАНИН В ЛИБЕРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ	167
5. ЛИБЕРАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА	255
6. ПАРАФРАЗ АРГУМЕНТАЦИИ	321
<i>Комментарии переводчика</i>	327
<i>Библиография</i>	369
<i>Указатель</i>	441

Джованни Арриги — в память и с почтением

Дэвид Уилки, Абрахам Реймбах, «Деревенские политики». Рисунок шотландского жанрового художника Дэвида Уилки стал «гвоздем» лондонской выставки Королевской академии 1806 года, сформировавшим репутацию автора. Позже Уилки стал сотрудничать с Реймбахом с целью производства гравюр на основе своих рисунков, что обеспечивало им широкое распространение. Именно эта работа была первой подобной гравюрой, выполненной в 1813 году. Ее значимость заключалась в изображении того, как политические дебаты стали местечковым занятием простонародья и более не были ограничены верхними стратами общества (публикуется с разрешения отдела печатных копий и фотографий Библиотеки Конгресса).

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОБ ОПИСАНИИ МИР-СИСТЕМЫ МОДЕРНА

Перед вами четвертый том в серии, первая книга которой была издана в 1974 году. Весь этот труд был задуман как многотомное исследование исторического и структурного развития мир-системы Модерна. Каждый из томов планировался как самостоятельная книга, но в то же время претендовал стать частью единой, более крупной работы, что ставит ряд проблем и перед автором, и перед читателем. Я думаю, что с моей стороны было бы полезно разъяснить последнему, каким образом я подходил к этим трудностям, не все из которых были для меня очевидны, когда я начинал работу. Я делаю это в надежде, что мои намерения и методы станут для читателя более ясными.

Каждый том и каждая глава в рамках отдельного тома имеют свою тему и тем самым пытаются обосновать тот или иной тезис. Вся книга в целом является одновременно исторической/диахронической и структурной/аналитической/теоретической. Это согласуется с моей исходной эпистемологической предпосылкой, согласно которой нашумевшее различие между идеографической и номотетической эпистемологией является устаревшим, сомнительным и пагубным для солидного исследования. Социальная реальность всегда и необходимым образом является как исторической (в том смысле, что реальность неизбежно меняется каждую наносекунду), так и структурной (в том смысле, что социальное действие направляется ограничениями, проистекающими из исторической социальной системы, в рамках которой происходит данное действие).

Однако же если попытаться описать реальность в рамках большого пространственно-временного континуума (скажем, мир-систему Модерна в целом от ее зарождения в «долгом» XVI веке [1450—1640 годы] вплоть до сегодняшнего и завтрашнего дня), то мы столкнемся с той элементарной сложностью, что невозможно сделать все и сразу. Поэтому я принял решение вести изложение в более или менее хронологическом порядке, представляя те или иные структурные аспекты мир-системы Модерна в те моменты, когда они впервые возникли либо стали значимым образом заметны. Например, мне представлялось бессмысленным рассмотрение структурных проблем, которые стали характерными лишь в XIX веке, в томе, посвященном главным образом «долгому» XVI веку.

Впрочем, в томе, который в основном посвящен XIX веку, в равной степени не представляется целесообразным обсуждать те структурные моменты, которые уже были рассмотрены в первом томе и характеристики

которых существенно не изменились в последующих столетиях. А поскольку мои представления о том, когда впервые возникло такое явление, как «индустриализация», несколько отличаются от тех, что высказываются многими другими исследователями, читатели не смогут обнаружить его в той части книги, где они ожидают увидеть его рассмотрение. Но по мере продвижения работы я старался прояснять для читателя логику моих решений.

Итак, позвольте для начала рассказать о том, как я решил обращаться с хронологией. В предисловии к первому тому я говорил, что вся работа будет разделена на четыре эпохи, которым в этом же предисловии были заданы определенные даты. Первый том намеревался охватить «долгий» XVI век, протяженность которого определялась с 1450 по 1640 годы. Однако, приступив к написанию второго тома, я тут же увидел, что сюжет, который я собирался в нем изложить, начинался не в 1640 году, а скорее примерно в 1600 году, а завершался где-то к 1750 году — именно эти даты я и вынес в подзаголовок второго тома. Тогда я вполне намеренно принял идею наложения длительных периодов — идею, которую я развивал в третьем и четвертом томах. Но это, конечно же, означало, что я не смогу добраться до нашего времени всего за четыре тома, как собирался в 1974 году.

Именно идея наложения временных промежутков оказалась ключевой для моих исследований, поскольку временные границы, разумеется, являются довольно произвольными и могут быть обоснованы лишь в рамках той непосредственной проблемы, которая является предметом рассмотрения. История голландской гегемонии в мире-экономике (глава 2 второго тома) может начинаться в 1600 году (или даже раньше), но она определенно не завершилась в 1640 году и фактически не являлась частью истории «долгого» XVI века. Поэтому голландская гегемония относилась ко второму тому, посвященному консолидации европейского мира-экономики в XVII веке, — опять же, в большей или меньшей степени.

Кроме того, здесь возникает вопрос о том, в какой момент в текст следует вводить те или иные структурные концепты (*structural notions*). В XVI веке — по крайней мере, по моим представлениям — державы-гегемона не существовало, поэтому вводить данное понятие в первом томе было бы неуместно. Первой державой-гегемоном в мир-системе Модерна была Голландия, однако столь же верно, что она не была последней. Но само понятие гегемонии не было рассмотрено в контексте принятия на себя этой роли Великобританией, а в равной степени не будет рассмотрено и в контексте дальнейших аналогичных действий Соединенных Штатов. Будучи однажды рассмотренным, данное понятие считалось само собой разумеющимся, и при необходимости на него делались ссылки без рассмотрения самой его природы, поскольку теоретический обзор уже был выполнен.

Хронология каждой главы также следует ее собственной внутренней логике при том единственном условии, что она в той или иной степени остается в хронологических рамках конкретного тома. Хорошим примером этого является третий том. Его пределом в целом подразумевается 1840 год, и третья

глава, посвященная инкорпорации внешней сферы мира-экономики, заканчивается, как указано в ее заголовке, именно 1840-м годом, но фактически даже несколько выходит за этот предел. С другой стороны, четвертая глава, посвященная переселенческой деколонизации Американского континента, охватывает промежуток с 1763 по 1833 годы.

Поскольку я не могу быть уверен, что каждый читатель настоящего тома прочел три предшествующих, то считаю, что было бы полезно вкратце изложить излагавшийся в них диахронический/теоретический сюжет. В том случае, если читатели настоящего тома посчитают, что мне не удалось рассмотреть некие аспекты, которые, по их мнению, следовало бы в него включить, то, возможно, они обнаружат, что данные темы представляют собой нечто уже обстоятельно рассмотренное. Например, в большинстве книг, посвященных XIX веку, рассматривается, причем весьма обстоятельно, так называемая Промышленная революция. Однако я уже обращался к этой теме в первой главе третьего тома и не вижу смысла повторять сказанное в четвертом, особенно учитывая то, что я намерен преподнести иную картину истории XIX века.

Поэтому я хотел бы начать с краткого обзора общей аргументации каждого из четырех томов. В первом томе, охватывающем, как уже было сказано, «долгий» XVI век, изложена история создания мир-системы Модерна и некоторых ее основных экономических и политических институтов. Второй том является историей не новой феодализации, а консолидации европейского мира-экономики в период с 1600 по 1750 годы; здесь предпринята попытка объяснить то, каким образом капиталисты в разных зонах мира-экономики реагировали на такое явление, как всеобщий медленный рост. Третий том, в подзаголовке которого обозначен промежуток с 1730-х по 1840-е годы, — это история возобновившейся экспансии (и экономической, и географической) капиталистического мира-экономики. Четвертый том, который, по моему замыслу, должен охватить период 1789—1873/1914 годов, посвящен созданию (причем только в этот поздний момент) геокультуры для мир-системы Модерна — геокультуры, главным образом формируемой и направляемой тем явлением, которое я называю центристским либерализмом.

Как уже было сказано, в отдельных главах моей книги последовательно выдвигаются определенные теоретические положения. В первой главе первого тома я рассматривал, почему и каким образом мир-система Модерна возникла из средневековой прелюдии. Позже я посчитал, что данная глава не соответствует своей теме, и существенно переработал ее аргументацию в эссе, впервые опубликованном в 1992 году¹. Ключевой в первом томе является глава 2, в которой я очертил понятие осевого разделения труда, ведущее к формированию различных зон мира-экономики: центра,

¹ „The West, Capitalism, and the Modern World-System” // *Review*, 15, no. 4 (Fall 1992): 561—619; перепечатано в: *China and Historical Capitalism: Genealogies of Sinological Knowledge*, ed. Timothy Brook and Gregory Blue (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999), 10—56.

периферии и полупериферии (последнее понятие я добавил к различению центра и периферии, ранее выдвинутому Раулем Пребишем*). Я также обосновал то, что этот процесс представлял собой создание капиталистического мира-экономики — формы, которую приняла мир-система Модерна, и что исходно данный вид капитализма был создан в сфере сельского хозяйства при наличии различных видов контроля над трудом в разных зонах мира-экономики.

В главе 3 были проанализированы создание государств в рамках мир-системы Модерна и та роль, которую сыграли в этом процессе абсолютные монархии XVI века. В главе 4 было проведено различие между миром-экономикой и миром-империей, а также рассмотрен вопрос, почему попытка Карла V создать мир-империю потерпела крах. В главе 5 были рассмотрены центральные зоны рождающегося мира-экономики и проведено исследование того, почему сильные государственные структуры были основаны именно здесь, а также рассмотрено, какую роль в этом процессе играла категория класса. В главе 6, где содержится обзор периферийных зон, рассмотрено, почему их государственные структуры были слабыми.

Логичным завершением первого тома стало обобщение основной аргументации всей книги в итоговой теоретической репризе, которая суммировала и концептуализировала конкретные эмпирические трансформации, описанные в предшествующих ей главах. В ходе «долгого» XVI века, а фактически и в течение некоторого времени после его завершения, капиталистический мир-экономика существовал лишь на некоторой части земного шара — по сути, в Западной Европе и на некоторых территориях Американского континента. Оставшаяся часть земного шара еще не являлась частью этой исторической социальной системы и поэтому не была подчинена ее правилам и ограничениям.

Итак, в первом томе была оспорена общепринятая точка зрения, согласно которой до конца XVIII века не существовало ничего, что можно назвать «модерным» или «капиталистическим». В то же время первый том оспаривал позицию тех, кто утверждал, что начало капитализма имело место в XVI веке, но уже в следующем столетии состоялось его масштабное отступление (см. весьма обширную литературу о «кризисе XVII века», рассмотренную во введении и главе 1 второго тома). Напротив, я стремился утверждать, что так называемый кризис был вовсе не отступлением, а нормальной фазой В (или понижительной фазой) мира-экономики — фазой, которая способствовала продолжению капиталистического развития, а не прерывала его.

Как уже было сказано, в главе 2 второго тома были рассмотрены голландская гегемония и общие модели того, когда и как та или иная страна становится гегемоном, хотя и не на долгое время. Далее, в главе 3, рассмотрено, что происходит, когда держава-гегемон начинает клониться к закату; здесь обсуждается, каким образом периферийные зоны справляются с фазой В и

* Слова, помеченные звездочкой, см. в разделе **Комментарии переводчика**.

почему «поворот вовнутрь» не является антикапиталистическим, а предполагает выживание капитализма. Глава 4 стала первым серьезным рассмотрением характеристик полупериферии, той роли, которые полупериферийные зоны играют в жизни мир-системы Модерна, а также различия между «поднимающимися» и «клонящимися к закату» полупериферийными зонами. Главной темой главы 6 стало продолжение франко-британского соперничества в период после того, как Голландия потеряла значимую политическую роль. В этой главе было рассмотрено, каким образом Великобритания взяла на себя лидерство и почему это было следствием не более передовых экономических структур (как обычно утверждается), а того факта, что в силу различных причин британское государство было сильнее французского (опять же, вопреки общепризнанной точке зрения).

Широко распространенное представление относительно конца XVIII — начала XIX веков как о периоде экономической и географической экспансии капиталистического мира-экономики обычно связывается с неким феноменом, называемым «промышленной революцией», или же, как часто говорят, «первой промышленной революцией», которая, предположительно, произошла в Англии. Я полагал, что в эвристическом смысле данная концепция исходно имела две слабости. Во-первых, не было — да и не могло быть — отдельных «промышленных революций» в разных странах, ведь если нечто подобное и было, то это должен был быть феномен капиталистического мира-экономики как целого. А во-вторых, несмотря на то, что ход событий в данный период действительно отражал восходящий импульс в механизации и стоимости продукции в рамках всемирного производства, это было не более значимым явлением, чем несколько предшествующих и несколько последующих подобных импульсов. Именно этот тезис я и стремился продемонстрировать в первой главе третьего тома.

Во второй его главе наступает черед Французской революции. Масштабная литература об этом «событии» в настоящее время состоит из работ сторонников его социальной (или классической) интерпретации, которая была столь заметна на протяжении долгого времени, и работ сторонников либеральной (или ревизионистской) интерпретации, которые весьма усилились в последней трети XX века. Однако мое утверждение заключалось в том, что обе эти интерпретации были ошибочными, поскольку и та, и другая фокусировали внимание на явлениях, внутренних для Франции, и на характере тех изменений, которые происходили во французских государственных и экономических структурах. Позиция, изложенная во второй главе третьего тома, заключалась в том, что Французская революция была составной частью и следствием последней фазы британско-французской борьбы за преемственность в мир-системной гегемонии — борьбы, которая, конечно же, была выиграна англичанами. При этом внутренние изменения во Франции, произошедшие в результате революции, были куда менее фундаментальны, нежели обычно считается.

Одним из результатов этой франко-британской борьбы была вторая великая географическая экспансия капиталистического мира-экономики, в ходе

которой в осевое разделение труда были инкорпорированы четыре крупные зоны: Россия, Османская империя, Индийский субконтинент и Западная Африка. Ключевым здесь является вопрос о том, что происходит с той или иной территорией, когда она оказывается включенной в капиталистический мир-экономику в качестве его периферийной зоны. Представляется, что результатом трансформации политических и экономических структур в указанных четырех регионах, несмотря на то, что в исходной точке до инкорпорации эти структуры очень различались, стало появление в них более или менее похожих структур.

Наконец, в четвертой главе третьего тома впервые рассматривалось понятие формальной деколонизации: почему она начинается и почему она связана с появлением новой державы-гегемона? Однако я также утверждал, что деколонизация Американского континента была «переселенческой», а не представляла собой восстановление коренным населением контроля над своей собственной жизнью. Единственным исключением было Гаити, и я постарался показать, как и почему эта страна была изолирована и в значительной мере разрушена экономически — именно потому, что это была не переселенческая деколонизация.

Подойдя к четвертому тому, который, как я рассчитывал, должен был стать историей «долгого» XIX века, я столкнулся с двумя проблемами. Во-первых, по мере хронологического продвижения расширяется география мир-системы, что увеличивает количество материала, который требуется рассмотреть. Однако количество научной литературы, даже о какой-либо отдельной стране, к настоящему времени увеличилось, по меньшей мере, в арифметической, а возможно, и в геометрической прогрессии. Это ставит реальную проблему нехватки времени на чтение и создает сложности со сведением всего материала воедино. Именно таково мое — возможно, неубедительное — оправдание того, что работа над четвертым томом заняла так много времени. Еще один оправдательный аргумент заключается в том, что с течением времени я все больше участвовал во многих других интеллектуальных начинаниях, которые отбирали время, имевшееся у меня для написания четвертого тома.

Вторая из упомянутых проблем заключалась в необходимости решить, какой будет центральная тема настоящего тома. Учитывая мои предыдущие изыскания, это не могла быть ни промышленная революция, ни создание капиталистической системы, поскольку я был уверен, что все это произошло ранее. Этой темой не могла быть и великая демократическая революция (или революции), будь то французского или американского типа, поскольку я полагал, что роль этих двух разновидностей революции довольно отличалась от той, которая часто приписывалась им большинством исследователей. Поэтому я решил, что ключевое событие настоящего тома следует расположить в сфере культурных последствий Французской революции для мир-системы Модерна в целом. Я осмыслил эти последствия как создание геокультуры для мир-системы, то есть набора идей, ценностей и норм, которые стали общепринятыми во всей этой системе и в дальнейшем ограничивали социальное действие.

Как сможет убедиться читатель, я полагаю, что Французская революция легитимировала представление о нормальности политического изменения, а также идею, что носителем суверенитета является не суверен, а народ. Последствия этой пары убеждений были многогранны. Первым из них было создание (в качестве реакции на указанные широко распространившиеся новоявленные идеи) трех идеологий Модерна: консерватизма, либерализма и радикализма. Ключевая идея настоящего тома в целом заключается в том, что центристский либерализм оказался способен «укротить» две другие идеологии и одержать триумф на протяжении XIX столетия. Затем это позволило создать либеральные государства, прежде всего в двух наиболее сильных странах того времени — Великобритании и Франции. Свою дальнейшую форму центристский либерализм обрел, стимулируя создание значимых разновидностей антисистемных движений (новое понятие, которое рассматривается в данном томе), а затем ограничивая их влияние. Именно здесь я обращаюсь к тем преимуществам, которые обеспечило понятие гражданства, и к иллюзиям, связанным с масштабом этих преимуществ. Наконец, центристский либерализм принял форму стимулирования и ограничения формирования исторических социальных наук. Вся эта история в целом продолжалась с 1789 по 1914 годы или, лучше сказать, с 1789 по 1873/1914 годы.

Мне понадобилось некоторое время на осознание того, что при подобном акценте исследования еще три сюжета, которые я намеревался изложить в настоящей книге, мне придется перенести на пятый том. Во-первых, это схватка за Африку и подъем национально-освободительных движений; во-вторых, американско-германское экономическое и политическое соперничество за право наследовать Британию в качестве державы-гегемона с состоявшимся в результате триумфом Соединенных Штатов; в-третьих, инкорпорация Восточной Азии, ее периферизация и возрождение в конце XX века.

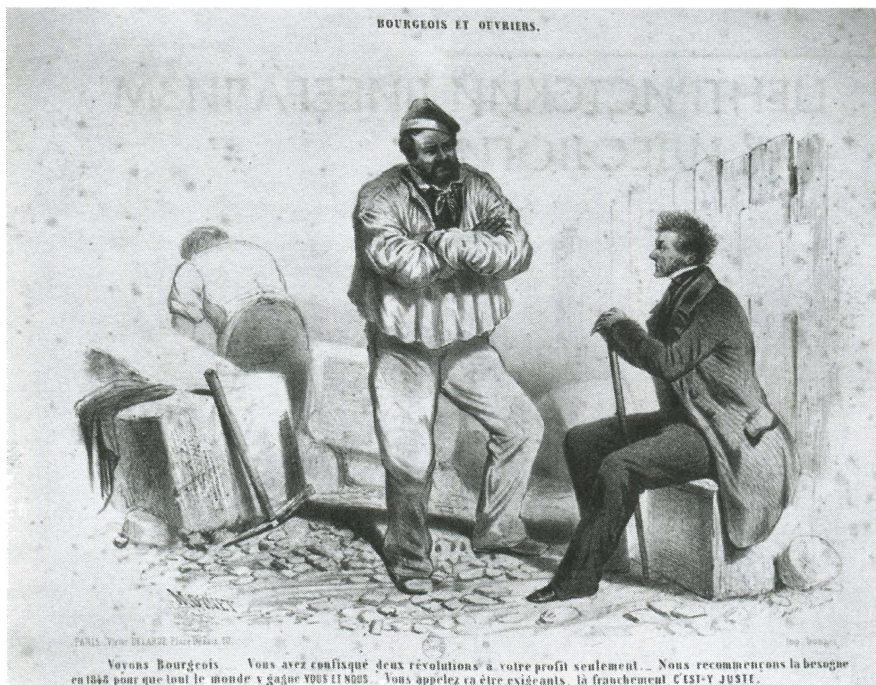
Начало всем этим трем сюжетам было положено где-то в середине XIX века, однако их невозможно вразумительно описать так, словно они каким-то образом завершились в 1914 году. История XIX века интегрирована в свое продолжение в XX столетии, и 1914 год сам по себе не был переломной точкой ни для одного из трех данных сюжетов. Существенная часть каждого из них располагалась в пределах изогнутой кривой подъема и спада, или же спада и подъема. В любом случае я посчитал, что каждый из трех указанных сюжетов относится к истории «долгого XX века» — истории столетия Америки, а не Британии. Таким образом, я прошу читателя о снисходительности и терпении.

Если пятый том, как я рассчитываю сейчас (хотя все может измениться в процессе его написания), займет промежуток с 1873 по 1968/89 годы, то должен быть и шестой (если я смогу его закончить), темой которого станет структурный кризис капиталистического мира-экономики. Временные рамки шестого тома будут начинаться с 1945/1968 годов и длиться где-то до середины XXI столетия — скажем, до 2050 года. А тогда уже, как я предчувствую, мы окажемся в принципиально новой ситуации. Мир-система Модерна к тому

времени потерпит окончательный крах (demise), уступив место своему преемнику или преемникам — еще неизвестным и непостижимым, характеристики которых пока невозможно очертить.

1

ЦЕНТРИСТСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Виктор Делаив, «Буржуа и рабочий». Этот рисунок появился в мае 1848 года в разгар социальной революции во Франции. Рабочий говорит буржуа, что тот присвоил себе две предыдущие революции (1789 и 1830 годов), но на сей раз «мы, рабочие, потребуем нашу достойную долю. Только так будет справедливо» (публикуется с разрешения Национальной библиотеки Франции).

Французская революция... — это тень, под которой жил весь XIX век.

Джордж Уотсон (Watson, 1973, 45)

В 1815 году наиболее важной новой политической реалией для Великобритании, Франции и всей мир-системы был тот факт, что в соответствии с духом времени политическое изменение стало нормальной вещью. «Вместе с Французской революцией парламентская реформа стала доктриной, а не уловкой» (White, 1973, 73). Кроме того, в умах все большего и большего количества людей место средоточия суверенитета все больше и больше смещалось от монарха или даже от представительного органа к чему-то более неуловимому — «народу» (Billington, 1980, 160—166, тж. 57—71). Несомненно, все это было главным геокультурным наследием революционного и наполеоновского периода. Следовательно, фундаментальной политической проблемой, с которой Великобритании, Франции и мир-системе в целом пришлось столкнуться в 1815 году и впоследствии, было то, каким образом примирить требования тех, кто будет настаивать на реализации идеи народного суверенитета, осуществляя нормальность изменений, с желанием нотаблей (как в рамках отдельно взятых государств, так и в мир-системе в целом) сохранить свое пребывание у власти и обеспечить длительную способность бесконечно накапливать капитал.

Идеология — вот имя, которое мы дадим этим попыткам устранить то, что, на первый взгляд, представляется глубоким и, возможно, непреодолимым разрывом между конфликтующими интересами. Идеологии — это не просто способы взгляда на мир, они больше, чем предрассудки и исходные постулаты. Идеологии — это политические метастратегии, и как таковые они востребованы лишь в таком мире, где политическое изменение считается нормальным явлением, а не девиацией. Именно таким стал капиталистический мир-экономика под воздействием культурного потрясения революционно-наполеоновского периода. Именно этот мир выработал идеологии, которые на протяжении XIX и XX веков служили и учебниками ежедневной политической деятельности, и в качестве кредо, оправдывающих земные компромиссы этой деятельности присущие.

Была ли Французская революция вдохновлена либеральной идеологией, или же она была скорее ее отрицанием? Именно так звучала главная тема дискуссий во Франции (да и во всем мире) во время празднования 200-летия революции в 1789 году. Однако этот вопрос, возможно, не слишком значим, поскольку либерализм как идеология сам по себе является следствием Французской революции, а не термином для описания ее политической культуры¹. Первой идеологической реакцией на вызванную Французской революцией трансформацию геокультуры в действительности был не либерализм, а консерватизм. Эдмунд Бёрк и Жозеф де Местр писали о революции в книгах, которые и по сегодняшний день остались кладом консервативной идеологии, непосредственно в ее момент, находясь в сердце событий. Конечно, идеи предшествовали терминам. Сам термин «консервативный», очевидно, впервые появился лишь в 1818 году², а существительное «либерал», возможно, первый раз было использовано в 1810 году³.

¹ Историю этого спора во Франции во всех его неприглядных деталях см. в: Kaplan (1993). Эта работа делает очевидным, насколько безрезультатным был данный спор — во многом потому, что сам вопрос не мог быть поставлен в соответствующих терминах. Или же, скорее, причина, почему вопрос был поставлен именно так, заключалась в необходимости противостоять политическим проблемам конца XX века, а не прояснить историческую реальность. Подобная постановка вопроса делает невозможным понимание подъема и исторической роли либеральной идеологии. Как следует понимать Французскую революцию с точки зрения исторической эволюции мир-системы Модерна, было рассмотрено в предыдущем томе (Wallerstein, 1989, гл. 1, 2; рус. изд. Валлерстайн, Иммануил. Мир-система Модерна III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы. М., 2016).

² Филипп Бенетон (Beneton, 1988, 6) возводит этот термин к журналу Шатобриана *Le Conservateur* и обнаруживает его использование в Великобритании в качестве названия партии в статье Дж. У. Крокера, написанной в 1830 году. Термин «реакция» или «реакционный», похоже, вошел в словарь еще позже. Андре-Жан Тудеск (Tudesq, 1964, 2:1028) утверждает, что эти термины стали общепотребительными (*se vulgarisent*) лишь в 1848 году, но на самом деле это ничего не говорит относительно их первого употребления.

³ В качестве прилагательного с политической коннотацией этот термин, похоже, был впервые употреблен в годы Директории во Франции. Мария Крус Сеоане (Cruz Seoane, 1968, 157) относит первое его использование к 1796 году, когда Бенжамен Констан говорил о «либеральных идеях». Фердинанд Брюно и Шарль Брюно (Brunot and Bruneau, 1937, 2: 660—61) относят начало его использования к VIII году Республики (1797—98) в качестве термина, отличающегося от понятий «сектант» (*sectarian*) и «якобинец». Однако они также обнаруживают его использование в качестве глагола с политическим значением (*se libéraliser*) в *Ami des Patriotes* в 1791 году.

Как представляется, существует общее согласие, что данное прилагательное стало существительным в Кадисе в 1810—1811 годах, когда оно использовалось применительно к группе испанских кортесов. Граф де Торено, один из членов кортесов, 60 лет спустя в своих записках утверждал, что публика называла «друзей реформ» понятием *los liberales* (цит. по: Marichal, 1955, 58). Джеймс Биллингтон (Billington, 1980, 554, n. 33) говорит, что это привело к созданию в 1813 году *partido liberal* [либеральной партии — исп.] (см. тж. Cruz Seoane, 1968, 158). Хуан Маричаль усматривает иронию в том, что именно Испания, наименее буржуазная страна в Западной Европе, создала ключевое слово ев-

Консервативная идеология была глубоко связана с представлением о Французской революции как о примере той разновидности намеренного политического изменения, которое разрушает медленное течение эволюции «естественных» социальных сил. Для консерваторов этот разрушительный процесс имел длительное и сомнительное наследие:

«Французская революция была ничем иным, как кульминацией исторического процесса атомизации, восходившего к истокам таких доктрин, как номинализм, религиозный раскол, научный рационализм, и разрушению тех групп, институтов и интеллектуальных устоев, которые были базовыми для средних веков» (Nisbet, 1952, 168—169).

Таким образом, консервативная идеология была «реакционной» в том простом смысле, что она являлась реакцией на наступление того феномена, который мыслится нами как Модерн (modernity), и ставила перед собой цель либо полного поворота ситуации вспять (жесткая версия консерватизма), либо ограничения ущерба и по возможности максимально долгого сдерживания наступавших изменений (более тонкая версия). Консерваторы были уверены, что, применяя свои «рациональные», дедуктивные схемы к политическому процессу, сторонники революции (или реформы — в рамках консервативной догмы между ними мало различия) создают беспорядок, упраздняют вековую мудрость и тем самым наносят социуму вред.

Как и все идеологии, консерватизм был в первую очередь и главным образом политической программой. Консерваторы прекрасно знали, что они должны держаться за государственную власть либо отвоевать ее и что государственные институты были ключевым инструментом, необходимым для достижения их целей. Когда в 1815 году консервативные силы вернулись к власти во Франции, они увековечили это событие словом «Реставрация». Однако в

ропейской буржуазии XIX века (Marichal, 1955, 60). Впрочем, это не так уж иронично: в 1810 году испанские либералы находились в гуще революционной борьбы, поэтому идеологическая ясность выступала для них точкой сбора политических сторонников под свои знамена.

Д. Дж. Мэннинг (Manning, 1976, 9) заявляет, что «исходное использование термина „либерал“, как и термина „империалист“, было главным образом уничижительным». Но из упомянутого описания кортесов это не вполне очевидно. Возможно, Мэннинг имеет в виду парламентскую речь лорда Каслри 15 февраля 1816 года, в которой он утверждал, что испанская партия, хотя и является антифранцузской в военном отношении, «в политическом смысле была французской партией самого худшего толка. Они декларировали, что не признают права Фердинанда на трон», если он не санкционирует те принципы, которые они сформулировали, в том числе то, что суверенитет принадлежит народу. Эти „либералы“ были в принципе отменно якобинской партией» (*Parl. Deb.*, xxxvii, 602, цит. в: Halévy, 1949a, 82, п. 3). Фердинанд, очевидно, был согласен с подобным заявлением, поскольку в том же году запретил использование данного термина (см. Marichal, 1955, 60). Во французское и британское политическое употребление термин «либерал» входит в 1819 году (см. Bertier de Sauvigny, 1970, 155; Halévy, 1949a, 81, п.3), но пройдет еще четверть века, прежде чем виги переименуются в Либеральную партию.

действительности, как мы увидим, ход событий не вернулся к прежнему положению дел. Людовику XVIII пришлось уступить, издав «Хартию»⁴, а когда Карл X попытался установить подлинную реакцию, он был смещен с престола, а на его место был поставлен Луи-Филипп, который принял куда более современный титул «король французов»⁴.

Идеальным решением для консерваторов было бы полное исчезновение движений, отражавших либеральные позывы, — за тем исключением, что следующим лучшим решением было бы убедить законодателей в необходимости предельной осторожности при осуществлении какого-либо политического изменения громадной значимости. Однако этого не случилось и в 1815 году, а после 1848 года это будет признано утопией. Вместилищем устойчивой политической силы консерватизма станет массовая обеспокоенность тем, что в «суверенном народе» будет постоянно появляться множество разочарований в реформах. С другой стороны, громадная слабость консерватизма всегда заключалась в том, что он был, в сущности, негативной доктриной. «[Консервативная доктрина] родилась в реакции на Французскую революцию... Таким образом, она была контрреволюционной по своему рождению»⁵. А контрреволюция в XIX и XX веках в целом была еще менее популярна, чем революция, — и этот ярлык выступал для консерваторов источником постоянной тревоги.

Тем не менее консерваторы ощущали, что их позиции неуязвимы. Самым значительным возражением, которое имелось у них в отношении Французской революции, была убежденность, поддерживаемая ее сторонниками и теоретиками, что через политическую сферу все становилось возможным и легитимным. Вместо этого консерваторы отстаивали органическую концепцию

⁴ Хартия, на которую согласился Людовик XVIII, имела ключевую политическую значимость для его «реставрации». В декларации, изданной в Сент-Уэне, будущий король провозгласил, что он был вынужден «принять либеральную конституцию», которую назвал Хартией. Поль Бастид (Bastid, 1953, 163—164) отмечает, что «термин „хартия“, значение которого в былые времена было множественным и вариативным, прежде всего напоминал о свободах коммун (communal liberties)». Бастид добавляет, что «для лиц с либеральными склонностями он вполне естественно наводил на мысль об английской Великой хартии вольностей 1215 года». По мнению Бастида, «Людовик XVIII никогда бы не смог получить публичное признание, если бы некоторым образом не удовлетворил эти стремления к свободе». Когда в 1830 году Луи-Филипп провозгласил собственную хартию⁵, на сей раз она была документом, на который король «пришлось согласиться» (*assented to, consentie*), а не даровать его (*bestowed, octroyée*).

⁵ Bénétou (1988, 9). См. далее: «Сущностью консерватизма остается антимодернистская критика посредством его приверженности традиционалистским убеждениям, а его уделом — неспособность предотвратить последовательное упразднение традиционного порядка... Консерваторы зывают к истории, но в некотором смысле история им лжет» (р. 10). То же самое утверждает Норман Гэш: «[Консерватизм] родился из реакции, будучи частью защитного механизма, который восходит к эпохе Французской революции, начавшейся в 1789 году» (Gash, 1977, 21). Следовательно, консерватизм всегда будет ограничен в своей возможности выдвинуть какие-либо предложения, упреждающие события, и фактически, как мы увидим, будет вынужден стать вариацией реформистского либерализма.

общества и «принципиальную несостоятельность понимания политического как конечного определения человека»⁶. Консерваторы поддерживали государство в той мере, в какой оно олицетворяло авторитет, но при этом с подозрением относились к централизованному государству в той мере, в какой оно могло заниматься законотворчеством. Следствием этого было пристрастие консерваторов к местечковости (localism) — отчасти потому, что нотабли были более сильны именно на локальном уровне, а отчасти потому, что на этом уровне можно было по определению меньше сделать при помощи законодательного регулирования⁷. Конечно, среди «контрреволюционеров» этот антиполитический уклон не был всеобщим, он просто преобладал. Весьма убедительное различие между консерватизмом Бёрка (именно он подразумевался в только что приведенном описании консерватизма) и консерватизмом Меттерниха проводит Генри Киссинджер:

«Бороться за консерватизм во имя исторических сил, отвергать значимость вопроса о революции, поскольку консерватизм отрицает преходящую (temporal) сторону общества и социальный контракт, — таков был ответ Бёрка. Бороться с революцией во имя разума, отрицать значимость самого вопроса о революции с эпистемологических позиций как вопроса, противоречащего структуре

⁶ White (1950, 4). См. тж. Quintin Hogg, *The Case for Conservatism*, 1947 (цит. по: White, 1950, 31): «Консерватор действительно не верит в неограниченную силу политики наводить порядок в этом мире». Аналогичным образом Бернард Р. Крик определяет консерватизм как «прежде всего отказ от возможностей в пользу предписаний, ставший порождением урока, преподанного страхом Французской революции» (Crick, 1955, 363). Наконец, в начале XX века лорд Сесил⁷ определил политический консерватизм как явление, происходящее от «естественного консерватизма», который подразумевал «недоверие к неизвестному» и «предпочтение того, к чему мы привыкли, поскольку привычка действительно приспособила к этому нашу натуру» (Lord Cecil, 1912, 14).

Всю антиполитическую, а следовательно и антиинтеллектуальную, глубину подобного настроения демонстрирует Р.Дж. Уайт (White, 1950, 1—2): «Консерватизм в меньшей степени является доктриной, нежели неким расположением чувств, образом жизни... Очевидно, что всю эту толпу людей удерживает вместе не столько корпус интеллектуально сформулированных принципов, сколько набор инстинктов, причем главным из них является инстинкт удовольствия... Политическое значение этого инстинкта, этой главным образом бессознательной приверженности жизни здесь и сейчас во всех ее богатстве и разнообразии заключается в том, что они придают политике роль чего-то вторичного и случайного».

⁷ Дэвид Робертс (Roberts, 1958, 334) описывает подобные настроения у тори в Великобритании: «Слово „централизация“ было ругательством. Оно пробуждало глубочайшие предрассудки тори и затрагивало их самые священные интересы... Тори бдительно охраняли свои привилегии и с равным рвением защищали право духовенства заниматься образованием бедняков, право окрутов (borough) на управление своими тюрьмами, право церковных приходов на ремонт своих дорог... Привязанность консерваторов к местному управлению произрастала из многих источников: из традиционализма, из денежной заинтересованности во власти и патронаже на локальном уровне, из лояльности церкви и из страха более высоких налогов. Последний мотив имел немалую значимость».

универсума, — таков был ответ Меттерниха. Разница между двумя этими позициями фундаментальна...

Именно эта рационалистическая концепция консерватизма придавала жесткость политике Меттерниха...

Именно поэтому эпоха Просвещения глубоко пережила себя в XIX веке в лице своего последнего апологета, который оценивал те или иные действия по их „правде“, а не по их успеху»⁸.

Успех. Это был боевой клич либералов. Но успех в чем? Именно таков ключевой вопрос, который необходимо рассмотреть. Либерализм как идеология, в отличие от либерализма как политической философии, то есть либерализм как метастратегия по отношению к требованиям народного суверенитета, в отличие от либерализма как метафизики добропорядочного общества — такой либерализм не родился взрослым из головы Зевса, он был слеплен из множественных, часто противоположных интересов. Вплоть до настоящего времени сам термин «*либерализм*» вызывает весьма различные реакции. Например, существует классическое «смещение» так называемого экономического и так называемого политического либерализма. Кроме того, имеется либерализм социального поведения, иногда именуемый либертарианством. Эта смесь, эта «путаница» хорошо послужили либеральной идеологии, позволив ей обеспечить себе максимальную поддержку.

Либерализм дал начало идеологической жизни и на левом фланге политического спектра или, по меньшей мере, в его левом центре. Либерализм определял себя как противоположность консерватизму на базе того, что можно назвать «осознанием принадлежности к современности» („consciousness of being modern“) (Minogue, 1963, 3). Либерализм провозглашал себя универсалистским⁹. Будучи уверенными в себе и в истине этого нового мировоззрения современности (modernity), либералы стремились пропагандировать свои взгляды и вводили логику своих воззрений во все социальные институты, тем самым избавляя мир от «иррациональных» пережитков прошлого. Для осуществления этого им приходилось бороться с консервативными идеологиями, которые представлялись им охваченными страхом «свободных людей»¹⁰ — людей, освобожденных от ложных идолов традиции.

⁸ Kissinger (1973, 193, 194, 196). В долгосрочной перспективе политическая жесткость позиции Меттерниха не будет служить интересам тех, кто стремился сохранить (conserve) свои привилегии и власть. В действительности эта жесткость погрузит их в глубокое беспокойство и подтолкнет к парадоксальным формам разрушительного «радикализма», что, как мы увидим, случилось с консерваторами-бонапартанцами во время Реставрации во Франции. Меттернихова версия консерватизма была воскрешена лишь в последние десятилетия XX века, но, опять же, она может и не стать хорошим подспорьем для интересов тех, кто стремится сохранить привилегии и власть.

⁹ «Почти все без исключения либералы обращались именно к человечеству в целом» (Manning, 1976, 80).

¹⁰ В «Пармской обители» Стендаля революционер Ферранте Палла всегда представляется как «свободный человек».

Однако либералы были уверены, что прогресс, даже если он был неизбежен, не мог быть достигнут без определенного человеческого усилия, без некоей политической программы. Поэтому либеральная идеология представляла собой веру в то, что для следования естественным курсом истории требовалось заниматься сознательным, длительным и рациональным реформизмом при полном осознании, что «время — это универсальный товарищ, который неизбежно даст еще большее счастье еще большему количеству людей» (Scharif, 1949, 13).

После 1815 года либеральная идеология выставляла себя оппонентом консервативному наступлению¹¹ и как таковая рассматривалась консерваторами как «якобинская». Однако когда либерализм в качестве идеологии приобрел импульс, поддержку и авторитет, его левые черты оказались ослаблены, а в некоторых отношениях либерализм даже приобрел правые характеристики. И все же уделом либерализма оставалось утверждение, что он находится в идеологическом центре — именно так уже в XVIII веке он был концептуализирован Бенжаменом Констаном¹². В XIX столетии либерализм был институционализирован в качестве центристской позиции, а в середине XX века он по-прежнему прославлялся в качестве «жизненного центра» Шлезингером¹³ (Schlesinger, 1962).

Конечно, само определение «центр» — это просто абстракция и риторическая фигура, ведь всегда можно оказаться в центре, просто определяя крайности по собственному усмотрению. Именно это и решили сделать своей базовой политической стратегией либералы. Перед лицом изменения как нормы они будут претендовать на позицию между консервативным лагерем, или же правыми, которые хотели как можно сильнее замедлить поступь нормального изменения, и «демократами» (или радикалами, или социалистами, или революционерами), или же левыми, которые хотели как можно сильнее ускорить эту поступь. Короче говоря, либералы — это те, кто стремился контролировать поступь изменений таким образом, чтобы они происходили с оптимальной, по их мнению, скоростью. Но можно ли на самом деле знать, какая скорость является нормальной? Да, утверждали либералы, и их метастратегия как раз и была приспособлена к достижению этой цели.

В процессе развития этой метастратегии возникли две символические фигуры — Гизо и Бентам. Первый из них был историком, литератором и, конечно же, политиком, второй — философом и сторонником конкретных законодательных действий. В конечном итоге оба они сконцентрировались на феномене государства. Гизо определял *модерность* (modernity) как «приход в государственном управлении интеллектуальных средств на смену

¹¹ Рене Ремон (Rémond (1982, 16) относит начало углубляющегося разрыва между политикой консерватизма и либерализма не к 1789, а к 1815 году, то есть к тому моменту, когда «правые и левые стали социальной реальностью и данностями коллективного сознания».

¹² «„Либеральная“ позиция означала для Констана „умеренное“ и „центральное“ положение между двумя крайностями — якобинством (или „анархией“) и монархизмом (или „фанатиками“)» (Marichal, 1956, 293).

материальным, хитрости на смену силе, „итальянской” политики на смену феодальной» (Guizot, 1846, 299). Он утверждал, что данный процесс начался с Людовика XI, и это в самом деле могло быть верно. Но даже в этом случае подобная политика была полностью институционализирована лишь в первой половине XIX века — как раз тогда, когда Гизо был членом французского правительства.

Гизо искал способ приглушить народный суверенитет, не обращаясь к священному праву королей. Он обнаружил этот путь, провозгласив существование «непреодолимой руки» разума, движущейся сквозь течение истории. Постулируя эту более политическую версию «невидимой руки» Адама Смита, Гизо в качестве первого условия осуществления права народного суверенитета смог выдвинуть обладание некой «способностью», определяемой как «дар действия в соответствии с разумом»¹³. А «научная политика» и «рациональное правительство» возможны только в том случае, если ограничить право голоса теми, кто имеет данную способность. Лишь такое правительство устранило бы тройную угрозу «возвращения деспотического государства, освобождения народных страстей и социального распада» (цит. в: Rosanvallon, 1985, 255—256; см. тж. 156—158). Ссылка на науку не является случайной — она фундаментальна. Взаимосвязи между либеральной идеологией и ньютоновской наукой прослеживает Мэннинг (Manning, 1976, 16, 21, 23), демонстрируя происхождение от ньютоновской мысли трех постулируемых им принципов либеральной идеологии: принципа баланса, принципа спонтанной генерации и циркуляции и принципа единообразия. Во-первых, стабильность мира «зависит от того, что его составляющие части пребывают в сбалансированных отношениях». Во-вторых, «любая попытка трансформировать общество, находящееся в состоянии самостоятельного движения, в управляемое общество с необходимостью должна разрушить гармонию и баланс его рационального порядка». В-третьих, «можно рассчитывать, что демократические институты воплотятся в человеческих сообществах всякий раз, когда последние достигнут подходящего уровня развития, по аналогии с тем, как можно ожидать, что любое физическое

¹³ Rosanvallon (1985, 91, 95). Далее Розанваллон указывает, каким образом данная точка зрения отличала Гизо и других доктринеров (*doctrinaires*) от Бональда, с одной стороны, и Руссо, с другой: «Они стремились ввести в политическую мысль социологическую точку зрения, которая в качестве необратимого и позитивного факта подразумевала достижение гражданского равенства и полное признание современной личности. Это преодолевало антагонизм между реакционной и либерально-демократической мыслью, сознательно уводя философию с той траектории, которая считалась порочным кругом противостояния этих доктрин».

Упомянутая «„способность” была даром, а не качеством, у нее имеется и личностное, и безличное измерение. Она позволяет различать тех, кто наделен ею, „способных”, от остального населения, которое не в состоянии присоединиться к этой способности или полностью овладеть ею». Таким образом, принцип способности позволял объединить стабильность и социальную мобильность, порядок и движение. «Мы должны устраивать все сами, — писал Гизо, — а люди найдут свое место в этом порядке вещей» (р. 97).

явление материализуется с учетом принципа достаточного условия для его возникновения».

Одним словом, Гизо не поддерживал ни Людовика XVI (или Карла X), ни Робеспьера, поскольку ни в том, ни в другом случае это не был рациональный выбор. Но из этих двух вариантов Гизо (а также его эпигонов), возможно, больше беспокоили Робеспьер и Руссо. «То, что по-прежнему обычно называют „либерализмом“, в начале XIX века было попыткой вообразить политику, направленную против Руссо. Революционный террор был порождением политического волюнтаризма (*artificialisme*); с таким рассуждением соглашался каждый» (Rosanvallon, 1985, 44)¹⁴.

Но репутация Гизо померкла, запятнанная, несомненно, его все более консервативной ролью при Июльской монархии, и только теперь восстанавливается французскими неолибералами. Что же касается Бентама, то утверждение и одобрение его репутации совершенного (*quintessential*) великобританского либерала не прекращалось никогда¹⁵. Конечно, упомянутый выше тройной вызов Гизо был столь же актуален и для последователей Бентама, но они, возможно, противостояли ему еще более искусно¹⁶. Тем, кто указал, что исходная позиция Бентама в действительности не слишком отличалась от взглядов Руссо, но на выходе получилась не революция, а классический либерализм, был великий французский англофил и либерал Эли Алевй' (Halévy, 1900, iii—iv):

«У Англии, как и у Франции, был свой век либерализма: век промышленной революции по ту сторону Ла-Манша был эквивалентом века Французской революции; утилитарная философия тождества интересов была аналогом юридической и спиритуалистской философии прав человека. Интересы всех личностей тождественны. Каждая личность — лучший знаток своих интересов. Следовательно, необходимо устранить все искусственные барьеры, которые традиционные институты воздвигли между личностями, все социальные ограничения, которые опираются на предполагаемую необходимость защищать

¹⁴ Розанваллон добавляет в сноске (р. 45, п. 2): «Таким образом, этот „либерализм“ необходимо принципиально отличать от демократического либерализма, основанного на идее прав человека».

¹⁵ Эрик Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 228) называет философов радикалов-последователей Бентама «буржуазной школой британских мыслителей, обладавшей наибольшим самосознанием».

¹⁶ Дэвид Робертс (Roberts, 1959, 207) предупреждает, что Бентаму нельзя доверять слишком буквально: «В случае Бентама действительно выдающимся было не столько его влияние на значительный круг людей, сколько те предвидение, ясность и логика, с которыми он выражал те истины, которые осуществляют другие силы, куда более могущественные, чем его собственные идеи». Но это вообще верно относительно любых ранних идеологических утверждений, представляющих собой убедительное выражение взглядов, которые отражают лежащую в их основе метастратегию политических сил, зачастую неспособных даже для себя четко артикулировать, какой именно политике они следуют. Поэтому первые идеологи могут и не быть действительными родоначальниками самой метастратегии. Лишь позднее их идеологические утверждения будут использованы в качестве способов социализации и рационализации.

людей друг от друга и от себя самих. Это философия эмансипации, по своему духу и принципам очень отличающаяся от сентиментальной философии Ж.-Ж. Руссо, но во многих своих практических приложениях близкая к ней. Кульминацией философии прав человека на континенте станет революция 1848 года; в Англии в этот же период философия торжества интересов воплотится в триумфе идей манчестерского фритредерства.

С одной стороны, согласно Бентаму, общество является «спонтанным продуктом воли его индивидуальных членов, [и поэтому] — свободным процессом роста, в котором государство не принимало участия». Однако в то же самое время — и это принципиально для Бентама и либерализма — общество было «творением законодателя, отпрыском позитивного закона». Поэтому действия государства абсолютно легитимны «при том условии, что государство является демократическим и выражает волю подавляющего большинства»¹⁷.

Бентам разделял пристрастие Гизо к научной политике и рациональному управлению, поскольку государство являлось совершенным нейтральным инструментом достижения «величайшего блага для подавляющего большинства». Тем самым государство должно было стать инструментом реформы, причем реформы радикальной, как раз из-за упомянутой тройной угрозы:

«Бентам и его последователи... никогда не испытывали благодушия по поводу состояния Англии. Они были „радикальными реформаторами“ и упорно трудились над своими реформами, разрабатывая их детальные программы, путем пропаганды, агитации, интриги, заговора — и, если сказать по правде, путем стимулирования революционных движений вплоть до той точки, где следующим шагом стала бы необходимость прибегать к физической силе (но не переступая эту границу)»¹⁸.

Именно здесь мы подходим к сути вопроса. Либерализм никогда не был метастратегией антиэтатизма (antistatism) или хотя бы метастратегией так называемого государства-ночного сторожа. Отнюдь не являясь чем-то

¹⁷ Очевидным предметом внимания было непосредственное назначение государства — не слишком малое, но и не слишком значительное, однако последователи Бентама не испытывали нехватки самонадеянности: «Никто не знал или не полагал, что знает, каким образом осуществлять управление (regulate) наиболее эффективно и наименее ущербно, лучше, чем утилитаристы-последователи Бентама, вторая генерация философов *laissez-faire* [невмешательства государства в экономику — *фр.*]» (Evans, 1983, 289).

¹⁸ Viner (1949, 361—362). Вайнер перечисляет множество реформ, с которыми ассоциировались после смерти Бентама его последователи: фундаментальная правовая реформа, избирательное право (включая право голоса для женщин), свободная торговля, реформа колониального управления, легализация тред-юнионов, всеобщее образование за государственный счет, свобода слова и свобода печати, тайное голосование, назначение и продвижение по гражданской службе на основании личных достоинств, реформа местного самоуправления, отмена законов о ростовщичестве, общая регистрация прав собственности, нормы безопасности для торгового мореплавания, реформа санитарии и профилактическая медицина за государственный счет, систематический сбор статистических данных и бесплатная юридическая помощь бедным. Кроме того,

противоположным *laissez-faire*, «либеральное государство само было созданием саморегулируемого рынка» (Polanyi, 1957, 3). В конечном итоге, либерализм всегда был идеологией сильного государства в овечьей шкуре индивидуализма, или, точнее, идеологией сильного государства как единственного верного и абсолютного гаранта индивидуализма. Конечно, если определять индивидуализм как эгоизм, а реформу как альтруизм, то два эти направления действительно несопоставимы. Однако если определять индивидуализм как максимизацию способностей личности достигать самостоятельно формулируемых целей, а реформу как создание социальных условий, в рамках которых сильный может умирять недовольство слабого и одновременно извлекать преимущества из ситуации, когда сильному оказывается легче, чем слабому, реализовать свои желания, то в таком случае какая-либо имманентная несопоставимость этих двух явлений отсутствует. Совсем наоборот!

Двумя государствами, которые располагали сравнительно сильными государственными аппаратами, созданными уже в XVI—XVIII веках, были Великобритания и Франция. Однако эти государства не имели глубоко укорененной в народе легитимности, а та легитимность, которая у них существовала, была подорвана Французской революцией. Либерализм XIX века поставил перед собой задачу создания этой легитимности (точнее, ее пере-создания с существенным увеличением) и за счет этого — укрепления силы данных государств, как внутренней, так и в рамках мир-системы.

еще до Мальтуса Бентам выступал в защиту контроля над рождаемостью. Как будет показано, это разнородный список, включающий элементы, которые ассоциируются с внедрением *laissez-faire*, защитой гражданских прав, вмешательством государством в трудовые отношения и предоставлением личности социальных прав. Общим знаменателем всего этого были необходимость принятия законодательства и в конечном итоге принудительное внедрение этих реформ государством.

Харольд Перкин (Perkin, 1977, 107) подчеркивает значимость момента принуждения в реформах Бентама — «инъекцию некоего витального ингредиента, назначение административных чиновников, которые были ключевым связующим звеном в обратной цепочке реакции». См. т.ж. Roberts (1959, 207): «[Бентам] более осознанно, чем его современники, видел необходимость более масштабного административного государства».

Альбрет Венн Дэйси (Dicey, 1914 [1898]) изображал Бентама исключительно как великого сторонника *laissez-faire*. Однако Дж. Бартлетт Бребнер (Brebner, 1948, 59—60) утверждал, что это миф. Впрочем, даже те, кто, как Генри Паррис (Parris, 1960, 34—35), считают, что Бребнер погорячился, говорят, что две «темы-близнецы», *laissez-faire* и государственное вмешательство, «были в равной степени характерны для середины XIX века» и что «нет необходимости в допущении, что они противоречили друг другу». Причина этого, по мнению Парриса, очевидна: «Главным принципом утилитаризма, в котором были уверены его сторонники и который они утверждали, был принцип полезности (utility). Его применение вело к одновременному существенному расширению и *laissez-faire*, и государственного вмешательства». О том же, в сущности, говорит и Гвидо де Руджеро (Ruggiero, 1959, 99): «Бентамовские проекты реформ, хотя они и требовали значительной активности со стороны государства, не являлись противоречием принципам индивидуализма и не означали такового, но лишь придавали им необходимое дополнение».

Последней из трех идеологий, которые предстояло сформулировать, был социализм. До 1848 года его едва ли можно было рассматривать в качестве отдельной идеологии. Причиной этого было в первую очередь то, что люди, которые после 1789 года стали воспринимать себя как левое крыло либералов, всегда видели в себе наследников и сторонников Французской революции. Именно это обстоятельство в первой половине XIX века фактически не отличало их от тех, кто стал называть себя либералами¹⁹. Даже в Великобритании, где Французская революция была отвергнута широкими кругами, и поэтому «либералы» предъявили претензию на иное историческое происхождение, «радикалы» (которые затем в большей или меньшей степени станут «социалистами») поначалу казались просто несколько более воинственными либералами.

В действительности тем, что особенно отличало социализм от либерализма в качестве политической программы, а значит и идеологии, было убеждение, что достижению прогресса требовалась не просто рука помощи, а *большая* рука помощи, без которой данный процесс окажется очень медленным. Короче говоря, ядро программы социалистов заключалось в ускорении хода истории. Именно поэтому им больше импонировало слово «революция», чем слово «реформа», которое, казалось, подразумевало просто терпеливую, хотя и сознательную, политическую деятельность и воплощало в первую очередь выжидательную тактику.

В результате возникли три доктрины по отношению к Модерну и «нормализации» изменения: консерватизм, или как можно большее ограничение опасности; либерализм, или достижение по прошествии должного времени счастья человечества как можно более рациональным образом; социализм/радикализм, или ускорение движения к прогрессу путем суровой борьбы против тех сил, которые оказывали этому значительное сопротивление. Именно в промежутке 1815—1848 годов сами термины *консерватизм*, *либерализм* и *социализм* стали широко использоваться для обозначения трех перечисленных доктрин.

Следует отметить, что каждая из них противопоставляла себя другой. Для консерваторов мишенью была Французская революция. Для либералов это был сам консерватизм (и старый порядок (*ancien régime*), к сохранению которого, как считалось, стремятся консерваторы). А для социалистов мишенью был либерализм, который они отвергали. Именно этот принципиально критический, негативный тон в самом определении трех идеологий объясняет то, почему существует так много версий каждой из них. В рамках каждого из трех лагерей в качестве положительного кредо были выдвинуты и утвердительные постулаты, хотя и значительно различавшиеся и даже противоречившие друг другу, причем все из этих тезисов заявляли о себе как о подлинном

¹⁹ Как указывает Джон Пламенац, несмотря на то, что среди противников Июльской монархии во Франции было четыре группы, которые можно назвать «левыми» и которые затем поддержали революцию 1848 года, в то время их в целом обозначали термином *республиканцы*, а не *социалисты* (Plamenatz, 1952, 47 и далее).

смысле конкретной идеологии. Однако единство каждого идеологического семейства заключалось лишь в том, против чего оно выступало. Это не малозначимая деталь, поскольку именно благодаря этому негативному качеству три лагеря удерживались вместе на протяжении 150 лет или около того (по меньшей мере, до 1968 года).

Поскольку идеологии в действительности являются политическими программами отношения к Модерну, каждой из них требуется некий «субъект», или главный политический актор. В рамках терминологии современного мира данное положение рассматривалось в качестве вопроса о суверенитете. Французская революция по этому поводу провозгласила кристально четкую позицию: взамен суверенитета абсолютного монарха она объявила о суверенитете «народа».

Этот новый язык народного суверенитета является одним из главных достижений эпохи Модерна. И даже если затяжные баталии против него продолжались и столетие спустя, никто уже не был в состоянии низвергнуть этого нового идола — «народ». Однако эта победа оказалась тщетной. Могло присутствовать общее согласие по поводу того, что суверен учреждается народом, но с самого начала не было согласия по поводу того, кого же считать «народом». Более того, по этому деликатному вопросу ни у одной из трех идеологий не было четкой позиции, но это не означало, что их сторонники признавали отсутствие ясности в своих взглядах.

Похоже, что наименее двусмысленная позиция принадлежала либералам. «Народ» для них выступал суммой всех «личностей», каждой из которых в конечном итоге принадлежали политические, экономические и культурные права. Личность — вот ключевой (*par excellence*) исторический «субъект» Модерна. По меньшей мере, либералам можно поставить в заслугу широкое обсуждение вопроса о том, что же представляет собой эта личность, в которой сосредоточен суверенитет.

Консерваторы и социалисты в принципе тоже должны были рассмотреть данный вопрос, поскольку каждый из этих лагерей предлагал в качестве «субъекта» нечто иное, нежели личность, однако их дискуссия была куда менее явной. Если «субъектом» не является личность, то кто же это? Разглядеть его в таком случае довольно непросто. Вот что, к примеру, писал Бёрк в «Размышлениях о Французской революции» (цит. в: White, 1950, 28):

«Природа человека запутанна; объекты социума являются наиболее сложными из всех возможных, и поэтому ни к природе человека, ни к качеству его деяний неприменимы простое отношение или направление силы».

Если не знать, что произведение Бёрка атакует французских революционеров, то можно подумать, что оно направлено на разоблачение абсолютных монархов. Дело становится чуть более ясным, если посмотреть на то, что Бёрк заявлял почти за два десятилетия до этого (Burke, 1926 [1780], 357): «Личности проходят как тени, но общество (*commonwealth*) остается устойчивым и стабильным».

Совсем иной подход предлагал Бональд, который настаивал на ключевой роли церкви. Однако в его точке зрения содержится один элемент, общий для всех разновидностей консервативной идеологии, а именно важность, которой консерваторы наделяют такие социальные группы, как семья, гильдии (corporations), церковь — традиционные «уклады» (orders), которые для консерваторов становятся «субъектами», имеющими право на политическое действие. Иными словами, консерваторы отдавали приоритет тем группам, которые могли считаться «традиционными» (и тем самым воплощающими некую преемственность), но отвергали при этом отождествление консерватизма с какой-либо «целостностью» (totality) в качестве политического актора. В действительности же в консервативной мысли никогда не было ясности по поводу того, каким образом решать, какие именно группы воплощают собой эту преемственность. В конечном итоге и вокруг королевских родословных всегда шло соперничество.

Для Бональда (Bonald, 1988 [1802], 87) великой ошибкой Руссо и Монтескье было именно то, что они «воображали... чистое состояние природы, предшествующее обществу». Напротив, «подлинная природа общества... есть то, что общество, публичное общество представляет собой в настоящий момент»²⁰. Однако данное определение оказалось ловушкой для его автора, поскольку оно настолько легитимировало настоящее, что фактически запрещало «реставрацию». Впрочем, логическая точность никогда не была сильной стороной основного круга консервативной полемики. Скорее консерваторы заботились о том, чтобы раздавать предупреждения о вероятном поведении большинства, составленного из индивидуальных голосов. Их исторический субъект был гораздо менее активным, чем субъект либералов. С точки зрения консерваторов, хорошие решения принимаются медленно и редко, причем подобные решения главным образом уже были приняты.

Если консерваторы отказывались придать личности приоритет в качестве исторического субъекта, отдавая предпочтение малым, так называемым традиционно ориентированным группам, то социалисты отказывались от этого в пользу одной крупной группы — всего народа. Анализируя раннюю социалистическую мысль, Дж. Д. Х. Коул (G. D. H. Cole, 1953, 2) отмечал:

«„Социалистами“ были те, кто в противовес преобладающему акценту на требованиях личности подчеркивали социальный элемент в человеческих отношениях и стремились вынести социальный вопрос на передний край того великого спора о правах человека, который в мировом масштабе развязала Французская революция и который сопровождался революцией в экономической сфере».

Узнать, какие именно личности составляют народ, непросто. Еще сложнее — узнать, из как «групп» он состоит. Но наиболее сложно — понять, каким образом определять общую волю всего народа. Как можно узнать, какова эта воля? И для начала чьи взгляды следует принимать в расчет и каким образом?

²⁰ Как отмечает Тудеск (Tudesq, 1964, 235), легитимистская оппозиция Июльской монархии была противостоянием нотаблей установленной власти. Не противоречили ли в таком случае легитимисты утверждению Бональда?

Короче говоря, то, что предлагали три рассмотренные идеологии, было не ответом на вопрос, кто является адекватным историческим субъектом, а просто тремя исходными точками в вопросе о том, кто воплощает суверенитет народа: так называемая свободная личность у либералов, так называемые традиционные группы у консерваторов и все члены «общества» у социалистов.

Народ как «субъект» имел своим главным «объектом» государство. Именно в рамках государства народ исполняет свою волю, то есть является сувереном. Однако начиная с XIX века также часто говорилось, что народ формирует «общество». Каким образом можно примирить государство и общество? — такова великая интеллектуальная антиномия эпохи Модерна.

Наиболее удивительно то, что если с этой точки зрения рассмотреть дискурсы трех идеологий, то все они, как представляется, принимают сторону общества против государства. Соответствующие аргументы хорошо известны. Для истинных либералов главным было удерживать государство за рамками экономической жизни и сводить его роль в целом до минимума: «*Laissez-faire* — это доктрина государства как ночного сторожа» (Watson, 1973, 68). Для консерваторов ужасающим аспектом Французской революции был не только ее индивидуализм, но также — и в особенности — ее этатизм. Государство становится тираническим, когда оно ставит под вопрос роль групп-посредников, которые определяют первоначальную благонамеренность народа — семьи, церкви, гильдий²¹. Кроме того, хорошо известна знаменитая характеристика из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса:

«Наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она [буржуазия] завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (Marx and Engels, 1976 [1848], 486, цит. по: Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 4, с. 24).

Эти негативные воззрения на государство не препятствовали жалобам сторонников каждой из трех идеологий, что это государство, бывшее объектом их критики, находилось вне их контроля и, как утверждалось, пребывало в руках их идеологических оппонентов. Фактически же все три идеологии испытывали огромную потребность в услугах государства, чтобы продвигать собственную программу. Не будем забывать, что идеология есть в первую очередь и главным образом политическая стратегия. Социалисты долго подвергались нападкам за их предполагаемую непоследовательность в том, что большинство из них, невзирая на свою антигосударственную риторику, в краткосрочной перспективе всегда стремились увеличить государственную активность.

Но являлись ли консерваторы более серьезными антиэтатистами? Постоянно ли они противостояли достижению реформ посредством государственного

²¹ См. рассмотрение взглядов Бональда в: Nisbet, 1944, 318—319. Нисбет использует термин «корпорация» в значении «ассоциация, основанная на занятии или профессии».

действия? В действительности — не совсем, ведь необходимо принимать в расчет вопрос «упадка ценностей», который консерваторы рассматривали как одно из главных последствий наступления эпохи Модерна. Для того, чтобы обратить вспять ощущаемый в настоящем упадок социума, чтобы восстановить общество до более чистого состояния, в котором оно существовало прежде, консерваторам всегда было нужно государство. Об одном из великих английских консерваторов 1840-х годов сэре Роберте Пиле¹ было сказано так: «Он верил, что конституция, обеспечивающая сильную исполнительную власть, была принципиально необходима для того анархического века, в который он жил» (Gash, 1951, 52). Фактически этот комментарий применим и к практике консервативных политиков в целом.

Обратим внимание, каким способом Алеви (Halévy, 1949, 42—43) объясняет эволюцию консервативной позиции по отношению к государству во время «реакции тори» в Англии начала XIX века:

«В 1688 и в последующие годы король рассматривал себя в качестве суверена и воспринимался таковым в общественном мнении. Поэтому всегда следовало опасаться того, что он сделает свой суверенитет абсолютным, и та независимость от его власти (authority), которой пользовались все ветви государственной власти (all the powers of the State), выступала намеренным ограничением исключительного права, системой конституционных гарантий против королевского деспотизма. Но в начале XIX века в Америке, во Франции и даже в Англии претензию на верховенство предъявил (или приблизился к этому) народ. Поэтому теперь три ветви власти отстаивали свою независимость именно против народа. Теперь уже не виги, а тори поддерживали институты, смысл которых изменился, хотя их форма оставалась прежней. И теперь уже король возглавил альянс, сформированный тремя ветвями власти в защиту их автономии от новой претензии на суверенитет».

Это рассуждение предельно ясно. Консерваторы всегда были готовы усиливать структуру государства до того уровня, который был необходим, чтобы контролировать народные массы, выступающие за изменения. Фактически именно это имел в виду лорд Сесил в следующем высказывании: «До тех пор, пока деятельность государства не предполагает какую-либо несправедливость или угнетение, нельзя утверждать, что принципы консерватизма враждебны ему» (Cecil, 1912, 192).

Хорошо, но в таком случае не оставались ли либералы — поборники свободы личности и свободного рынка — враждебными государству? Отнюдь нет! Однако с самого начала либералы оказались в фундаментальном противоречии. В качестве защитников прав личности по отношению к государству их подталкивали в направлении всеобщего избирательного права — единственной гарантии демократического государства. Но тем самым именно государство становилось главным агентом всех реформ, направленных на освобождение личности от социальных ограничений, унаследованных от прошлого. Это, в свою очередь, приводило либералов к идее о необходимости поставить позитивный закон на службу утилитарным целям.

И вновь последствия этого четко обозначил Алеви (Halévy, 1950, 99—100):

«Утилитарная» философия была не единственной и даже, возможно, не фундаментально либеральной системой. В то же самое время она являлась доктриной власти, которая заботилась о намеренном и в некотором смысле научном вмешательстве государства с целью достижения гармонии интересов. По мере развития своих идей Бентам, в молодости бывший защитником „просвещенного деспотизма“, обратился в демократическую веру. Но к этой позиции он пришел в результате, так сказать, большого скачка, одним махом пронесшего его над множеством политических доктрин, на которых он мог остановиться — над аристократией, „смешанным устройством“, балансом сил, а также учением, согласно которому целью государственного деятеля должно быть освобождение личности путем ослабления авторитета государства и максимально возможного разделения его властей. С точки зрения Бентама, когда власть государства приведена в согласие с интересами большинства всеобщим или, по меньшей мере, очень широким избирательным правом, в таком случае больше нет причин держать ее под подозрением — она становится чистым благом».

А стало быть, теперь уже консерваторы становились сторонниками подлинной либеральной традиции: старая система аристократического самоуправления с чиновниками, чья работа не оплачивалась, против новой системы бюрократического деспотизма, управляемой чиновниками, которые получали жалованье.

В таком случае можно ли полагать, что доктрина Бентама на самом деле была отклонением от либерализма, оптимальную формулировку которого скорее следует искать у классических экономистов-теоретиков „*laissez-faire*“? Нет, поскольку мы еще увидим, что все ведущие классические экономисты своего времени поддержали принятые в Великобритании первые Фабричные законы — об этом феномене говорил (и одобрял его) не кто иной, как Альфред Маршалл (Marshall, 1921, 763—764), отец неоклассического экономикса. С того момента рост мощного бюрократического государства никогда не прекращался, а его расширение поддерживалось чередой либеральных правительств. Когда Л. Т. Хобхаус написал свою книгу о либерализме в ответ на книгу лорда Сесиля о консерватизме, он оправдывал это расширение следующим образом: «Функция государственного принуждения — преодолеть индивидуальное принуждение и, конечно же, принуждение, осуществляемое любым объединением лиц внутри государства» (Hobhouse, 1911, 146).

Обоснования, которые каждая из идеологий использовала для объяснения своего несколько сбивающего с толку этатизма, несомненно, отличались друг от друга. Для социалистов государство занималось внедрением всеобщей воли. Для консерваторов же государство защищало от этой всеобщей воли традиционные права. А для либералов государство создавало условия, обеспечивающие процветание прав личности. Однако в каждом из этих случаев государство в конечном итоге усиливалось по отношению к обществу, в то время как риторика призывала делать с точностью до наоборот.

Весь этот беспорядок и интеллектуальная неразбериха, содержащиеся в теме подлинного отношения общества и государства, позволяют понять то, почему никогда не было полной уверенности в том, сколько же в точности

отдельных идеологий получили существование в XIX веке. Три? Две? Или только одна? Мы только что рассмотрели традиционные аргументы в пользу того, что их было три, но теперь можно попробовать свести три идеологии к двум.

Представляется очевидным, что в промежутке между Французской революцией и революциями 1848 года «единственное четкое разделение» для современников той эпохи проходило между теми, кто принимал прогресс как неизбежный и желаемый и поэтому «всецело приветствовал» Французскую революцию, и теми, кто приветствовал Контрреволюцию, которая выступала против распада ценностей, считая это глубоко неправильным (Agulhon, 1992, 7). Таким образом, политическая борьба шла между либералами и консерваторами, а те, кто называл себя радикалами (или якобинцами, республиканцами, социалистами), рассматривались просто как более воинственная разновидность либералов. В «Сельском священнике» Бальзака епископ восклицает:

«Мы обязаны сотворить чудо в промышленном городе, где дух мятежа против религиозных и монархических доктрин пустил глубокие корни, где порожденная протестантизмом разрушительная система взглядов, ныне именуемая либерализмом, готовая завтра же принять другое имя, охватила всё и вся» (Balzac, 1897 [1839], 79, цит. по рус. изд.).

Тудеск (Tudesq, 1964, 125—126) напоминает, что в 1840 году газета легитимистов «Орлеанец» обвиняла другое издание, «Журнал Луары», в том, что оно является «либеральным, протестантским, сенсимонистским, ламеннеанским листком». Это не было полнейшей дичью, поскольку, напоминает Уолтер Саймон (Simon, 1956, 330), «идея Прогресса в действительности выступала ядром и главным вдохновителем общей спекулятивной философии Сен-Симона» (срв. Manning, 1976, 83—84).

Кроме того, этот либерально-социалистический альянс был укоренен в либеральной и эгалитаристской мысли XVIII века, в борьбе против абсолютной монархии (см. Meyssonier, 1989, 137—156). Он получил новую подпитку в XIX столетии благодаря еще более возросшей заинтересованности обеих идеологий в производительности, которую каждая из них рассматривала в качестве основного требования к социальной политике современного государства. «И сенсимонизм, и экономический либерализм эволюционировали в том направлении, которое сегодня называется экономической рационализацией» (Mason, 1931, 681). С подъемом утилитаризма, возможно, казалось, что этот альянс мог бы стать браком. Бребнер с симпатией говорит о «коллективистской» стороне взглядов Бентама, заключая: «Кем были фабианцы», если не новоявленными сторонниками Бентама?» (Brebner, 1948, 66). Кроме того, Бребнер добавляет, что Джон Стюарт Милль уже в 1830-х годах, «можно сказать, был либеральным социалистом».

С другой стороны, после 1830 года между либералами и социалистами начало возникать четкое различие, которое после 1848 года стало довольно глубоким. В то же время 1848 год ознаменовал начало примирения между либералами и консерваторами. Эрик Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 117) полагает, что масштабным последствием событий 1830 года стало появление самой

возможности массовой политики благодаря тому, что во Франции, Англии и особенно в Бельгии (и даже отчасти в Швейцарии, Испании и Португалии) был допущен политический триумф «умеренного» либерализма, результатом чего стал «откол умеренных от радикалов». Делио Кантимори, анализируя данную проблему с итальянской точки зрения, полагает, что вопрос «развода» между ними был открыт до 1848 года. До этого, отмечает он (Cantimori, 1948, 288), «либеральное движение... не отвергало никаких путей: ни призыва к восстанию, ни реформистского политического действия» — и лишь после 1848 года расхождение между двумя этими тактиками было завершено.

Принципиально отметить, что после 1848 года социалисты перестали ссылаться на Сен-Симона — социалистическое движение стало организовываться вокруг марксистских идей. Предметом жалоб была уже не бедность, которую можно было уменьшить путем реформ, но дегуманизация, вызванная капитализмом, и решением этой проблемы было его полное низвержение (см. Kolakowski, 1978, 222).

Именно в это время консерваторы стали осознавать полезность реформизма для консервативных целей. Сразу же после Билля о реформе 1832 года сэр Роберт Пиль издал предвыборное воззвание — так называемый Тэмвортский манифест, который стал почитаться в качестве доктринального заявления. Современники рассматривали его в качестве «почти революционного» — не только потому, что в нем провозглашалось признание Билля о реформе «окончательным и бесповоротным решением великого основополагающего (constitutional) вопроса», но и потому, что это заявление было обращено к народу, а не к парламенту, что в те времена вызвало огромную «сенсацию» (Halévy, 1950, 178)²².

В процессе консерваторы заметили свое схождение с либералами в вопросе о важности защиты собственности, даже несмотря на то, что в теме собственности их в первую очередь интересовал тот факт, что она олицетворяла собой преемственность и тем самым выступала в качестве основания семейной жизни, церкви и прочих проявлений социальной солидарности (см. Nisbet, 1966, 26). Однако за этим практическим схождением скрывалась конкретная угроза реальной революции — страх, который, как заметил лорд Сесил (Cecil, 1912, 64), разделяли и консерваторы, и либералы: «Ведь умеренная реформа в консервативном духе должна стать неотъемлемой частью действенного противостояния якобинству».

Наконец, не следует полностью отвергать и третье возможное сведение трех идеологий к двум, предполагающее, что консерваторы и социалисты объединяют усилия в оппозиции либералам — даже если теоретически такая возможность выглядит наименее вероятной. Например, часто отмечался «консервативный» характер социализма Сен-Симона, его корни обнаруживались в идеях Бональда (см. Manuel, 1956, 320; Iggers, 1958a, 99). Два эти лагеря могли сойтись вместе вокруг своего антииндивидуалистского рефлекса. В равной

²² Алеви цитирует статью, появившуюся в «Квартальном обозрении» в апреле 1835 года (*Quarterly Review*, vol. 53, p. 265) под заголовком «Адрес сэра Роберта Пила»:

степени либералы типа фон Хайека осуждали «социалистический» характер консервативной мысли Карлейля — на сей раз под вопросом оказалась «социальная» сторона консервативной мысли. Эту возможность фактически без колебаний открыто декларировал лорд Сесил (Cecil, 1912, 169):

«Часто предполагается, что консерватизм и социализм представляют собой прямую противоположность. Однако это не совсем верно. Современный консерватизм наследует традиции тори (Toryism), которые были благосклонны к деятельности и власти государства. В самом деле, мистер Герберт Спенсер нападал на социализм, считая его в действительности возрождением торизма».

Последствием либерально-социалистических альянсов было возникновение чего-то вроде социалистического либерализма, пришедшего к двум вариантам либерализма. Альянсы консерваторов и социалистов, более неправдоподобные, исходно были просто краткосрочной тактикой. Но можно предположить и то, что различные «тоталитаризмы» XX века могли оказаться более долговременной формой подобного альянса в том смысле, что они институционализировали такую форму традиционализма, которая была и популистской, и социальной. В таком случае эти разновидности тоталитаризма были еще одним способом, посредством которого либерализм сохранял главную роль в качестве антитезы своего рода манихейской драмы. Позади этого фасада масштабного противостояния либерализму обнаруживается ключевая составляющая требований всех подобных режимов: такая же вера в прогресс через производительность, которая была евангелием либералов. В этом смысле можно сделать вывод, что даже социалистический консерватизм (или консервативный социализм) был в некотором смысле вариантом либерализма — его дьявольской формой. Но в таком случае не будет ли верным заключить, что начиная с 1789 года существовала лишь одна настоящая идеология — либерализм, который выступал под знаменами трех своих главных версий?

Разумеется, подобное утверждение следует делать в рамках историзма. Если в промежутке 1789—1848 годов шла великая идеологическая борьба между консерватизмом и либерализмом, то консерватизму, как мы увидим, в итоге не удалось достичь окончательной формы. После 1848 года либерализм добьется культурной гегемонии в мир-системе и сформирует фундаментальное ядро геокультуры. На протяжении оставшейся части «долгого» XIX века либерализм доминировал на сцене без серьезной оппозиции. Марксизм в самом деле попытался утвердить социалистическую идеологию в качестве независимого полюса, но он никогда не был способен на полный успех. Поэтому история триумфа либерализма в XIX веке и является главной темой этого тома.

«Когда прежде премьер-министр действительно считал целесообразным объявить народу (the People) не только о вступлении в должность, но и о своих принципах и даже о тех мерах, которые он намеревался реализовать, и настойчиво потребовать — не от парламента, а от народа, чтобы тот поддерживал исключительное право короля до тех пор, пока последний предоставляет выбранным им министрам не фактически безграничное доверие, а справедливую оценку их действий?» (Halévy, 1950, 178, сн. 10).

2

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, 1815–1830

Сэр Томас Лоуренс, «Портрет князя Меттерниха». Этот фотомеханический оттиск воспроизводит выполненный британским художником портрет Клеменса Венцеля, князя Меттерниха, ведущей фигуры реакционного Священного Союза в 1815—1848 годах. Публикуется с разрешения отдела печати и фотографий Библиотеки Конгресса США.

Французская революция низвергла или ужаснула правителей, привела в замешательство философов, изменила форму проблем.

Эли Алеви (HALÉVY, 1901A, 276)

В течение полувека после Французской революции, от падения Бастилии до окончательного коллапса английского чартизма, революционная опасность никогда полностью не исчезала ни в одной европейской стране.

Фрэнк О. Дарвалл (DARVALL, 1934, 304)

С 1651 по 1815 годы Великобритания и Франция вели долгую битву за гегемонию в рамках капиталистического мира-экономики¹. Лишь в 1815 году Великобритания наконец одержала окончательную победу. Сразу же после этого две страны с примечательной быстротой вступили в молчаливый, но очень глубокий альянс, предпринимавший усилия по институционализации новой политической модели для государств, находившихся в центральных зонах мира-экономики (или претендовавших на это). Это была модель либерального государства, которое являлось ключевым элементом в легитимации капиталистического мира-экономики в эпоху народного суверенитета.

Альянс между Великобританией и Францией был основан не только на том обстоятельстве, что они испытывали в некотором отношении сопоставимые внутренние затруднения, но и на том, что они нуждались друг в друге для достижения указанной цели. Им, конечно же, были необходимы взаимная поддержка и приобретение знаний в конструировании модели либерального государства. Кроме того, они нуждались друг в друге для поддержания геополитического баланса в своих взаимных интересах². Но прежде всего им требовалось представить общий стандарт для всего остального мира, для того чтобы более эффективно устранить альтернативные модели и

¹ Этот сюжет был рассмотрен в томе 2 (главы 3 и 6) и в томе 3 (глава 2).

² «После 1815 года французскую экспансию эффективно сдерживали мирные соглашения... В то же время [Великобритания] в качестве нового вызова все больше воспринимала Россию... Британская политика в целом была направлена на укрепление препятствий для российской агрессии» (Evans, 1983, 196—197). Конечно, во второй половине XIX века вызовом стала уже Германия. Однако, как известно, британо-французский альянс оставался прочным на протяжении и этого столетия, и следующего.

обратить все взоры на их собственную. Так началось их совместное, хотя и далеко не всегда полное сердечное согласие (*cordial entente*). Ключевым периодом в этом процессе был промежуток с 1815 по 1875 годы, после которого рассматриваемая модель была твердо установлена. Она останется таковой еще, по меньшей мере, столетие, что позволит капиталистическому миру-экономике сохранять определенную структурную стабильность посреди весьма беспокойных волнений, которым он будет подвержен. Тем не менее сразу после Ватерлоо у либерального государства, похоже, было очень мало сторонников среди власть предержащих — даже в Великобритании и во Франции. В действительности даже термина «либеральное государство» еще не существовало.

Конструирование современного государства, расположенного в рамках межгосударственной системы и ограниченного ею, стало основополагающим элементом мир-системы Модерна с самого ее появления в «долгом» XVI веке. Заботой правителей было усиление государства в двух направлениях: укрепление его власти (*authority*), то есть способности осуществлять эффективные решения в его границах, и укрепление силы (*power*) государства на мировом уровне, то есть способность навязывать его волю другим государствам и уменьшать их возможность делать то же самое. При этом шел долгий и масштабный спор относительно правильного распределения процессов принятия решений в рамках государства. В какой мере данные процессы должны быть сосредоточены в руках главы государства в качестве суверена? Насколько они должны быть разделены с законодательными структурами? Однако на протяжении трех столетий этот спор оставался дискуссией о распределении власти между ветвями государства (*government*). В самом деле, в 1776 году американская Декларация независимости была провозглашена от имени «мы, народ», но было не вполне понятно (даже для тех, кто ее подписал), насколько серьезно следовало воспринимать идею народного суверенитета и что она подразумевала. Для мир-системы в целом «лишь Французская революция выпустила джинна из бутылки. После 1789 года стало невозможно удерживать политические дебаты в рамках привилегированного круга собственнических классов» (Evans, 1983, 66). Французская революция и ее наполеоновское продолжение сделали идею народного суверенитета тем, с чем приходилось мириться любому правительству современного мира, причем никому в большей степени, чем правительствам двух стран, соперничавших за право называться державой-гегемоном. В 1815 году вопрос стоял так: был ли период 1789—1815 годов просто некоей революционной интерлюдией, которую должны были предать прошлому «Реставрация» и «реакция тори», или же идея народного суверенитета получит длительное политическое влияние? К удивлению реставраторов глобального порядка, это была идея, которая укоренилась больше, чем они это осознавали: они не могли ее похоронить, как бы этого ни хотели. Нотаблей³

³ Я использую термин «нотабли» в значении эпохи Июльской монархии, когда это понятие использовалось для обозначения правящей страты, объединяя вместе

преследовал призрак демократии. Различие между либеральным государством и демократией, по словам Макса Беллоффа, было «наиболее важным в политике XIX века»⁴. В значении, принятом в этом столетии, демократия означала принятие народного суверенитета всерьез. Нотабли не были готовы к этому — причем никогда. Именно осознание этой новой реальности породит такое экстраординарное изобретение XIX века, как политическая идеология.

В 1789 году в самом деле никто не знал, что в действительности означает перенос суверенитета с монарха на народ. Участники тех событий полагали, что это имело нечто общее с ограничением деспотической мощи исполнительной власти, которая ассоциировалась с идеей абсолютного монарха. Так и получилось, но когда это было сделано, по-прежнему требовался поиск легитимного основания для решений мимолетных коалиций разномастных политических лидеров. Всем, кто обладал действительной политической властью, серьезное восприятие лозунга народного суверенитета представлялось как никогда угрожающим, допускавшим неприятную перспективу подчинения прихотям темных и капризных масс. Поэтому проблема для нотаблей заключалась в том, каким образом сконструировать некую структуру, которая будет казаться народной, а на самом деле не будет являться таковой, но тем не менее будет сохранять поддержку значительной части «народа». Такая задача окажется непростой. Ее историческим решением и станет либеральное государство.

«аристократов, псевдознать и крупную буржуазию... Нотабль — это обычно наследник чего-либо» (Jardin and Tudesq, 1973, 1:157).

⁴ Беллофф говорит, что это различие «ощущалось Токвилем и еще несколькими другими людьми. Однако оно было отброшено наследниками якобинцев и утилитаристами, поскольку те рассматривали данное различие в качестве обоснования сохранения таких неотъемлемых классовых привилегий, как узко ограниченное кругом собственников право голоса в рамках Июльской монархии, что действительно имело место. Но в то же время они не видели в этом различии ничего, кроме указанного обоснования, а это было не так» (Beloff, 1974, 49).

Аналогичным образом этот страх перед демократией отмечал (и по умолчанию одобрял) Пьер Розанваллон (Rosanvallon, 1985, 75, 76, 80):

«Мадам де Сталь, Балланш', Шатобриан, Ламеннэ, Ройе-Коллар'', Бональд, Сен-Симон, Бенжамен Констан или Огюст Конт — все они говорили на одном языке, несмотря на их [либерально-консервативные] различия...

В центре их общего внимания было желание отбросить модель народного суверенитета, которая одновременно считалась ответственной за все эксцессы предыдущего [революционно-наполеоновского] периода, матрицей революционного беспорядка и питательной почвой наполеоновского деспотизма...

Признание двойственности демократической реальности в современных обществах разработало и завершило это признание ее хрупкости. Эту двойственность можно вкратце резюмировать следующим образом: для кружка доктринеров демократия была одновременно и позитивным основанием нового общества, и тем, что угрожало ниспровергнуть его; она представляла собой и справедливый принцип, на основе которого требовалось строить (гражданское равенство), и потенциал для разрушения (анархическое излияние масс в процессе принятия политических решений).

Что можно было увидеть в 1815 году с точки зрения внутренних социальных трений во Франции и Великобритании, оглядываясь назад на долгие перипетии событий с 1789 по 1815 годы? Мишель Вовель (Vovelle, 1993, 7) говорил о собственном очерке Французской революции, что было бы претенциозно озаглавить его «Рождение нации» и поэтому взамен он назовет его «более скромно» — «Открытие политики»⁵. Но есть ли здесь различие? Что еще понимать под нацией, если не то, в рамках чего считается легитимной реализация политики ее гражданами? В глубинном смысле суверенитет народа есть понятие, воплощающее легитимность политики. А стало быть, спор о внедрении этого понятия является спором о границах политического: не только о том, кто может участвовать в нем и каким образом, но также о том, какие вещи подвластны коллективному решению нации. В этом смысле начало Франции в качестве нации было жестоким, но то же самое можно сказать и об остальной Европе, ведь в результате «завоеватель» Наполеон «со своими идеями эмансипации и социального освобождения... распространил идею нации» (Ponteil, 1968, vii)⁶, а вместе с ней — жестокое начало Франции. Как и для всех других новых наций, вопрос для Франции заключался в том, что будет означать политика нации для жизни обычных людей, в отличие от той ситуации, когда политики не существовало и решения были подчинены интригам двора. Предполагалось, что это различие будет очень глубоким. Однако по-прежнему остаются те, кто, подобно Годфри Лорду Элтону (Elton, 1923, 7), подходят к рассмотрению революции в качестве «прежде всего движения к порядку, движению против хаоса». В этом случае можно «незаинтересованно» утверждать, что Наполеон (хотя и не только он) «„организовал *ancien régime* [старый порядок — *фр.*]” или консолидировал революцию, поскольку два эти процесса были идентичны» (Elton, 1923, 69).

С точки зрения политики в период после 1815 года, революционно-наполеоновская эпоха принесла два главных политических последствия.

⁵ См. тж. Billington (1980, 57): «Центральным в Французской революции... было понятие „нации”, даже несмотря на то, что не было создано новой страны. Слово „нация” (*nation*) вскоре возобладаало над более старым и более патерналистским словом „отечество” (*patrie*)».

⁶ См. тж. Demangeon and Febvre (1935, 111): «Реформация [была] первым в серии повторяющихся ударов, которые на протяжении 300 лет потрясут ветхое строение средневековой Европы вплоть до Наполеона, который ниспроверг ее одним резким движением плеча». Возникший после 1815 года неопределенный идеологический баланс между Францией и Великобританией в некотором смысле уже функционировал во время Наполеоновских войн. См. исследование Биллингтона о распространении радикализма в Южной Европе: «Лидерство Британии в антинаполеоновской борьбе способствовало смещению правых и левых во всей Южной Европе — от Греции через южную Италию до Испании и Португалии. Британским *средством* (*medium*) политической мобилизации элит часто выступали консервативные шотландские масонские ордена, но главным британским *посланием* (*message*) (конституционное ограничение королевской власти) в этих владениях абсолютизма была революционная идея» (Billington, 1980, 119).

Одним из них был образ Террора, до сегодняшнего дня оказывающий влияние и на французскую, и на мировую политику, — Террора, который во многих умах неразрывно ассоциируется с демократией. На протяжении долгого времени именно Террор был главным аргументом, который нотабли использовали против расширения избирательного права. «Во избежание повторения этого опыта такие люди, как Франсуа Гизо или Бенжамен Констан, отказывали в распространении политических прав на нуждающиеся классы» (Donzelot, 1984, 21—22). Вторым же последствием революции, тесно связанным с первым, было непрекращающееся стремление к недопущению низших страт на национальную политическую арену.

В Великобритании ситуация в действительности не слишком отличалась. Часто считают, что абсолютизм исчез там гораздо раньше, чем во Франции, но на самом деле лишь в рассматриваемый период власть короля назначать и снимать министров, то есть контролировать исполнительную власть, была ликвидирована на практике. Действительно, поначалу Французская революция получила скромную поддержку от так называемых английских якобинцев⁷, однако они были сравнительно боязливы, «воздерживаясь от революционных средств» (Thomis and Holt, 1979, 11)⁷. Скорее, по словам Эванса (Evans, 1983, 23), «[именно] Питт-младший [занимавший должность премьер-министра с 1783 по 1801 годы] сокрушил власть монархии — это утверждение

⁷ См. далее: «Когда требования, выдвинутые народом, игнорируются, ... движение за реформы обязательно дезинтегрируется, если его сторонники не подготовились к наращиванию своего протеста при помощи более прямых действий». Но это был не тот случай. См. тж. Evans (1983, 69): «Часто отмечается, как легко властям в 1794—1795 годах достался триумф над реформой, но не так часто осознается, насколько плохо были готовы сторонники реформ в Англии к какой-либо борьбе, которая выходила бы за комфортные пределы печатных памфлетов или дискуссионных групп». В 1794 году правительство приостановило действие *habeas corpus* [права неприкосновенности личности — лат.], в мае 1794 года были привлечены к ответственности 12 ведущих лондонских радикалов, в том же году были изданы так называемые Два акта: Акт против мятежных сборищ (любое собрание в количестве более 50 человек требовало разрешения магистрата) и Акт об измене (который запретил даже говорить или писать о конституции). «После 1795 года радикализм был загнан в подполье» (р. 72).

Чтобы не относить эти репрессии к традиционным антифранцузским настроениям в Англии XVIII века, следует отметить, насколько изменились стороны вместе с революцией 1789 года. Прежде выступать против Франции было прерогативой «радикалов», которые рассматривали это в качестве способа противостояния высшим классам. В связи с событиями 1789 года «это движение утратило свою претензию на защиту Англии, а значит, и свою претензию на популярность. Вместо этого оно вновь опустилось... до уровня культа ненависти к предполагаемым антианглийским предателям, друзьям Франции и поклонникам французского уклада» (Newman, 1987, 230).

⁸ В то же время, продолжает Эванс (Evans, 1983, 60), передислокация сил, проведенная Питтом в 1794 году после победы над вигами⁸, «была настоящей консервативной коалицией, [которая] черпала идеологическую поддержку в идеях, высказанных в „Размышлениях о Французской революции“ Бёрка, ... [и] стремилась противостоять злой мощи Франции». Уничтожение власти монархии определенно имело не так много общего с демократией.

может показаться странным и определенно слишком простым, но данное наблюдение содержит зерно истины»⁸.

Период Революционных и Наполеоновских войн в Великобритании был временем репрессий в отношении рабочего класса. В 1799—1800 годах были приняты так называемые Анतिकомбинационные акты⁹, но это, конечно, не было полностью новым шагом. Подобные законы принимались еще с 1339 года, но ими в основном пренебрегали. Дороти М. Джордж утверждает, что так было и на сей раз⁹ — в самом деле, Анतिकомбинационные акты, по ее словам, были «на практике весьма ничтожным инструментом угнетения». Но если это действительно так, то удивительно, почему Питт был обеспокоен, и ответ на этот вопрос, конечно же, состоит в том, что данные акты были приняты «в первую очередь с целью пресечь в зародыше якобинскую агитацию» (Evans, 1983, 158), которая, как мы уже отмечали, в то время преувеличивалась правительством.

Речь в меньшей степени шла о непосредственной угрозе сложившемуся порядку, нежели о страхе, что серьезная угроза может находиться в зачаточном состоянии. Несомненно, Анतिकомбинационные акты были идеологическим сигналом, посланным городским рабочим, которые начинали воспринимать доктрину народного суверенитета слишком серьезно. Это послание стало более конкретным благодаря печально известной Манчестерской бойне¹⁰ 1818 года, но, с точки зрения властей, события, которые вели к этому, в действительности были просто кульминационными проявлениями нарастающего потока гражданского неповиновения, восходившего к 1789 году. К 1818 году это движение создало Манчестеру «в глазах современников специфическую репутацию беспокойного места» (Read, 1958, 93). Нотаблей особенно волновало то обстоятельство, что характер протестного движения менялся. Ведущей формой протеста перестали быть локальные хлебные бунты, хотя именно так было еще в конце XVIII века. Вместо этого народные движения становились «национальными по масштабам и приобретали организацию... [После 1800 года] они все больше отождествлялись с новыми промышленными районами» (Thomis and Holt, 1977, 29). Луддиты, несмотря на то, что их лозунги выглядели обращенными в прошлое из-за их антииндустриальной тональности, обеспокоили нотаблей не потому, что они представлялись противниками прогресса или в связи с собственно насилием, а потому, что они демонстрировали «примечательную способность к организации в рамках рабочего класса»¹⁰. Как следствие, луддиты объединили тори и вигов против «якобинства рабочего класса» (Thomis, 1970, 174).

⁹ «Если данное законодательство не применялось, то причина этого, конечно, заключалась в том, что хозяева рабочих предпочитали не осуществлять правовые процедуры — либо потому, что им не по силам была организация людей, либо потому, что они не отваживались принять на себя риск, связанный с издержками и неопределенностью этих законов, либо потому, что не хотели провоцировать недовольство» (George, 1927, 227).

¹⁰ «...а также примечательную солидарность в защите нарушителей закона и их секретов» (Thomis and Holt, 1977, 33).

Неслучайно, что в этот период утверждения народного суверенитета и, как следствие, национализма была предпринята прямая попытка оправдать лишение рабочего класса права на участие в этих процессах исходя из тех соображений, что он еще не был готов к тому. Чтобы этот аргумент стал действенным, верхние страты даже были готовы пожертвовать собственным гедонизмом. Английская аристократическая культура XVIII века была «несдержанной, пасторальной и буйной», допускавшей пышные развлечения, блуд и алкоголизм. Начало XIX века было эпохой подъема евангелизма, адепты которого проповедовали «следование правилам, самодисциплину и умеренность в личных склонностях» (Evans, 1983, 46). Нотабли стали менять свое поведение (позже это получит институциональное оформление в качестве викторианства), тем самым допустив, что обращение рабочего класса в евангелизм будет подразумевать появление канала для его ресоциализации, до завершения которой не могло быть и мысли о распространении на рабочий класс политических прав или о его социальном признании.

Конечно, это требование носило патерналистский характер. Однако необходимо понимать, что это была просто замена более затратной формы патернализма на менее затратную. В этот же период времени система социальной защиты, созданная еще в Елизаветинскую эпоху (регулирование заработной платы, законы о бедных), была упразднена как «анахроничная и непрактичная»:

«К концу войн с Францией с патернализмом, санкционированным законодательством, было покончено; отношения между хозяевами и народом защищались „объективно“ — силами рынка. Это было первым триумфом новой политической экономии и талисманом нового века за десятилетие до лобовой атаки на тарифы» (Evans, 1983, 44).

Это требование сначала пройти ресоциализацию, требование трансформации «морального порядка» в качестве пути к последующему получению политических прав, появившееся вместе с народным суверенитетом, раздавалось не только по отношению к рабочим классам Великобритании, но и в качестве требования к «неумытым», опасным классам тех территорий, которые сегодня мы называем Третьим миром, или Мировым Югом. Те же самые методисты, возглавлявшие евангелическое движение в Великобритании, были первой христианской группой, которая в 1787 году организовала «постоянную систему иностранных миссий» (Halévy, 1949a, 1:446)¹¹. Кроме того, в этот момент происходил подъем аболиционистского движения. За общественным давлением в Великобритании в пользу отмены рабства и работорговли, конечно же, стояло множество экономических, равно как и гуманитарных, мотивов¹².

¹¹ Единственной ранней европейской протестантской миссией были моравские братья в Германии.

¹² Экономические интересы были сложны и многочисленны, что делало довольно двусмысленной британскую «работорговую дипломатию» после принятия в 1807 году акта, запретившего атлантическую работорговлю. См. Blackburn (1988, 316—326).

Однако в данном случае следует отметить культурный посыл данного процесса. Первый билль Уилберфорса¹³ был опубликован в 1789 году, когда у движения против рабства были, по существу, «радикальные последователи», а само движение зарабатывало очки благодаря общей революционной смуте. Однако якобинская фаза Французской революции «внесла разделение в ряды [британских] аболиционистов» и спровоцировала «контрреволюционную мобилизацию», которая отбросила движение вспять. Десять лет спустя это движение оказалось в состоянии возродиться в куда более консервативном климате именно потому, что оно рассматривалось в качестве «не столько самой необходимой, сколько наименее противоречивой реформы, которую можно было предпринять» (Blackburn, 1988, 147, 295). Эту «консерватизацию» идеи аболиционистского движения лучше всего можно понять в контексте значительного изменения отношения британцев к своим «подвластным расам», которое происходило как раз в это время. Как отмечает С. А. Бейли (Bayly, 1989, 7),

«между 1780 и 1820 годами... азиаты, евразийцы, африканцы и даже небританцы и европейцы-непротестанты практически полностью не допускались к правительственным должностям [в колониях], и в то же время предпринимались шаги по очищению механизмов британской исполнительной власти от влияния „домашней“ (native) коррупции. По иронии, растущее и организованное презрение к азиатским, африканским и даже европейским подданным отчасти проистекало из тех же гуманитарных порывов, которые присутствовали в отмене работорговли и в начале движения к освобождению рабов. Вернуть рабов в гражданское общество из состояния социального небытия было моральной необходимостью. Но в таком случае требовалось тщательно установить иерархию гражданского общества как через институты, так и при помощи идеологии, проистекавшей из той идеи, что культуры достигали состояния „дивилизации“, проходя через несколько стадий морального пробуждения и материальных усилий. „Открытие“ городской бедноты и криминальных классов в [Велико]британии выступало частью очень схожего проекта и осуществлялось теми же гражданскими и религиозными инстанциями»¹³.

Двумя государствами, где в XVI—XVIII веках уже были созданы сравнительно сильные государственные аппараты, были именно Великобритания и Франция. Однако эти государства не обладали глубокой народной легитимностью, а Французская революция подорвала и ту легитимность, которую они имели. Либерализм XIX века поставил перед собой задачу создания (пере-создания с существенным усилением) этой легитимности и тем самым укрепления силы этих государств — как внутренней, так и в рамках мир-системы.

¹³ Бейли (Bayly, 1989, 12—13) также очень интересуется тем, в какой степени ирландский и шотландский национализм в этот период, вне зависимости от его происхождения и притязаний, проистекал (по меньшей мере, частично) из «ощущаемого исключения из империи, а не... включения в нее». Опять-таки, когда народ является сувереном, ключевой вопрос — что такое народ?

Конечно, в 1815 году Великобритания и Франция оказались в не совсем одинаковой экономической ситуации. В некоторых отношениях их экономическое состояние фактически стало диаметрально противоположным. К концу Наполеоновских войн

«Британии больше не грозила опасность завоевания, она развивала производительность, технические навыки и финансовую мощь. Теперь Британия была не должником, а практически единственной страной-кредитором в мире. В ходе долгой и истощающей борьбы Франция, на тот момент величайшая держава на Европейском континенте, и ее колеблющиеся союзники были отсечены от расширяющегося заморского мира и обнищали» (Condliffe, 1951, 203)¹⁴.

Впрочем, конец Наполеоновских войн прекратил «аномальное развитие сельского хозяйства, кораблестроения и реэкспортной торговли [времен войны]», и эти отрасли впали в «суровую и хроническую депрессию» (Rostow, 1942, 18)¹⁵. Однако Великобритания в 1815—1850 годах просто сделала более значительный акцент на внутренних инвестициях, осуществив то, что Уолт Ростоу (Rostow, 1942, 22) называет «невероятно легким» приспособлением¹⁶.

¹⁴ С точки зрения Кондлиффа, «положение Британии в конце Наполеоновских войн во многих отношениях было аналогично тому, в котором оказались Соединенные Штаты в конце Второй мировой войны». Контраст между Францией и Великобританией становится особенно ярко выраженным, если взглянуть на состояние торгового флота двух стран. До 1789 года у Франции было порядка двух тысяч кораблей, но к 1799 году «в Мировом океане больше не было торговых судов под французским флагом» (Bruun, 1938, 86—87). С другой стороны, флот Великобритании даже в условиях активных военных действий состоял из 15—18 тысяч кораблей.

Морис Леви-Лебойе (Lévy-Leboyer, 1964, 246) утверждает, что уже в первой половине XIX века поединок за контроль над морями стал вестись исключительно между Великобританией и Соединенными Штатами и что западноевропейские государства оказались вне игры — их совокупный торговый флот водоизмещением в миллион тонн составлял половину флота США и треть флота Великобритании. «В конце XVIII века подобное относительное исчезновение (*effacement*) было сложно предвидеть, особенно в случае Франции». Леви-Лебойе относит поворотный момент в этом процессе к 1793 году.

¹⁵ См. тж. несколько жалобное описание следовавшей за Наполеоновскими войнами депрессии в Великобритании у М. Бьюэра (Buer, 1921, 169): «Нет никакой сложности в объяснении длительной стагнации. Страна была истощена колоссальной борьбой. Тяжелое налоговое бремя нельзя было облегчить, обслуживание долга поглощало половину национального дохода, а военные и гражданские расходы включали большую долю платежей с фиксированным сроком. Поэтому с падением цен национальные расходы сократились незначительно, в то время как реальное бремя для налогоплательщика увеличилось. Плательщики местных налогов оказались в том же положении. Небольшое послабление, вопреки падению цен, вновь усиливало разрушительное бремя».

¹⁶ Поэтому Ростоу не уверен, что экономика Великобритании в период 1815—1847 годов заслуживает закрепившейся за ней «в экономической истории дурной репутации». В самом деле, жилищные и санитарные условия в новых промышленных

Разрыв в промышленном производстве между Великобританией и ее континентальными соседями увеличивался¹⁷. Однако разрыв с Францией (а также Бельгией и, возможно, некоторыми другими странами) стал

городах были плохи, имели место периоды острой безработицы, плохого урожая и высоких цен на продовольствие. Действительно, сельскохозяйственное сообщество было подавлено, а уровень прибыли сокращался. Однако компенсацией этого стало интенсивное внутреннее развитие: «процентные ставки падали, реальные заработные платы росли, а условия торговли становились для Британии благоприятными» (Rostow, 1948, 19).

¹⁷ «Между 1789 и 1848 годами Европу и Америку наводнили британский экспорт, паровые машины, техника для хлопковой промышленности и инвестиции» (Hobsbawm, 1962, 51). См. объяснение Леви-Лебойе (Lévy-Leboyer (1964, 32, 41): «В действительности совокупность факторов ведет к представлению о том, что, принимая на себя технологическое лидерство, некоторая страна или крупный город приобретают способность концентрировать и обучать рабочую силу, строить и быстро ликвидировать фабрики — короче говоря, существенно влиять на себестоимость (*prix de revient*), не пускать на рынок потенциальных конкурентов и становиться практически единственным приобретателем выгод от ожидаемого увеличения спроса. В любом случае фактором в пользу индустриализации Великобритании был избыток энергетических ресурсов. В 1817 году она производила 16 млн тонн угля в сравнении с 800 тысячами тонн во Франции. Это дало англичанам свободу очень масштабного маневра, позволив им забросить старые места размещения фабрик, раскиданные вдоль рек, сконцентрировать прядильные фабрики около угольных месторождений и, возможно, увеличить масштабы деятельности...

Каковы бы ни были аспекты этой концентрации, бросается в глаза один факт: в первой трети XIX века усилилась манчестерская группа предприятий».

Тем не менее Франция не была беспомощной перед лицом неумолимой силы британцев. См. Johnson (1975, 143—144): «Заявление Леви-Лебойе о „масштабном отставании“ Франции на протяжении всей революционно-наполеоновской эпохи требует определенного уточнения. Действительно, и в 1815, и в 1830 году французская промышленность в сравнении с гигантом по ту сторону Ла-Манша находилась в резко неблагоприятном конкурентном положении.

Франция адаптировалась к этой ситуации прежде всего путем ограничительной тарифной политики... До недавнего времени менее значимую оценку получали и другие адаптивные стратегии, к которым прибегали французские бизнесмены. Основную часть британской промышленной продукции составляли обычные, массовые потребительские товары, особенно текстильные. Главным источником успеха в этой сфере было капиталоемкое производство. Однако в производстве товаров более высокого качества, *articles de goût* [вещей со вкусом — *фр.*], у Франции были исторически сложившаяся репутация и, что более важно, конкурентные возможности... В целом заработные платы во французской промышленности составляли примерно две трети от английских. Это означало, что чем выше было качество продукции, тем больше труда на нее затрачивалось и тем сильнее оказывалось сравнительное положение французской промышленности... Все это означало, что ручной труд, особенно в ткачестве, во Франции сохранял свое значение гораздо дольше, чем в Англии. Более того, на протяжении значительной части первой половины XIX века имел место феномен, который в самом деле может показаться странным для страны, где происходит индустриализация, а именно масштабное развитие сельской надомной работы в текстильной промышленности. Причину этого, разумеется, легко установить: сельский труд был дешевле».

сокращаться, так что примерно между 1835 и 1850 годами он фактически исчез¹⁸. Тем не менее превосходство Великобритании в мировой торговле

¹⁸ См. у того же Леви-Лебойе (Lévy-Leboye, 1964, 115, 326, 409): «В 1820 году вопрос, сможет ли [Франция] когда-нибудь преодолеть отставание от Англии, был уместен. К 1840 году эта задача фактически была завершена...

Если взглянуть на текстильное производство или транспортную сферу, то к 1835 году балансовая ведомость континентальных достижений представляется положительной. Разрыв, накопившийся в начале столетия, был существенно сокращен и будет устранен совершенно, когда автоматические ткацкие станки и машины, железные дороги и пароходы окажут полное воздействие на экономику в целом...

Если же рассматривать промышленное производство, которое между 1815 и 1850 годами росло на 3% в год, или доходы от иностранных инвестиций, которые росли темпами чуть больше 4% в год, то совокупные результаты вполне благополучно сопоставимы с британской статистикой».

Как утверждает Тихомир Маркович (Markovitch, 1966, 122), в промежутке 1815—1848 годов промышленный рост во Франции был быстрее, чем в любой иной момент XIX века. Анри Сэ (см. Sée, 1927, 70) считает, что наиболее характерной чертой этого периода был «прогресс машинного производства» (*machinism*), выразившийся в усовершенствовании текстильной машинерии и распространении парового двигателя.

Аналогичным образом Робер Демулен (Demoulin, 1938, 298—299) утверждает, что бельгийская промышленность между 1800 и 1830 годами трансформировалась благодаря широкому распространению машин в традиционных отраслях и что ее рост ускорился после 1830 года.

Особое мнение по поводу разрыва между Великобританией и континентальной Европой, включая Францию, высказывает Франсуа Крузе (Crouzet, 1978, 19), уверенный, что в первой половине XIX века этот разрыв стал «едва ли меньше» в относительном измерении и вырос в абсолютном. Крузе указывает, что в 1860 году население Великобритании составляло 2% от мирового и 10% от европейского, но на нее приходилось от 40 до 45% мирового производства и от 55 до 60% европейского. В одной из более ранних статей (Crouzet, 1972b, 115—116) Крузе объясняет эту неспособность Западной Европы «нагнать» Великобританию в 1815—1850 годах узостью западноевропейских внутренних рынков и трудностями в развитии сильной экспортной торговли, учитывая «почти полную монополию» Великобритании в торговле с Соединенными Штатами и Латинской Америкой. Тем самым Крузе занимает очень близкую к Леви-Лебойе позицию относительно принуждающего воздействия экономической гегемонии: «Представляется, ... что, как только утвердился главная „современная“ индустриализирующаяся экономика — [Велико]Британия, — общий международный торговый контекст стал неблагоприятен для других наций, а само присутствие нового промышленного гиганта значительно ограничивало их возможности сделать внешние рынки основой для значительного индустриального рывка».

Похожее, но более умеренное, чем у Крузе, утверждение о сохранении индустриальной мощи Великобритании делает Хобсбаум: «[В 1850—1870 годах] Британия была *par excellence* [преимущественно — *лат.*] промышленной страной, и... ей удавалось сохранять свое относительное положение, несмотря на то, что ее производственные мощности, основанные на паровой энергии, начинали серьезно отставать» (Hobsbawm, 1975, 40). Некую среднюю характеристику дает Рондо Кэмерон: с одной стороны, он отмечает, что «к 1850 году во Франции было 6800 паровых машин — больше, чем у других континентальных стран вместе взятых», но добавляет такое примечание: «С другой стороны, [Велико]Британия, возможно, имела их больше, чем все континентальные державы вместе взятые, включая Францию» (Cameron, 1961, 66 и сн. 9).

(т.е. торговле за пределами Западной Европы) сохранится, по меньшей мере, еще на четверть века¹⁹ — и это превосходство Великобритании будет поддерживать за счет ссуд своего капитала другим странам²⁰. «Вклад внешней торговли и зарубежных инвестиций в достигнутый британскими домохозяйствами уровень потребления» (O'Brien and Keyder, 1978, 63), по сути дела, объясняет более высокий уровень жизни, который на протяжении XIX века будет сохраняться в Великобритании в сравнении с Францией, несмотря на приблизительно одинаковый объем внутреннего товарного производства на душу населения.

¹⁹ «Грузы, проходившие через британские порты в середине столетия, составляли примерно четверть от стоимостного объема всей международной торговли» (Imlah, 1950, 194), тогда как в 1800 году эта доля составляла всего 3% (р. 191, сн. 24). «Британский рынок был превосходен» (р. 192, сн. 24).

²⁰ «На объемы экспорта существенно влияла направленность британских займов. Экспорт капитала успешно перемещался в товарную форму, причем, скорее всего, в подавляющем масштабе — в форму британских товаров. Непомерно раздувшийся экспорт на континент в годы войны, в Южную Америку в 1808—1810 и 1820—1825 годах, в Соединенные Штаты в 1830-х, в Индию и Китай в 1840-х невозможно отделить от заимствований в соответствующие периоды. В равной степени и последующий спад, конечно же, нельзя рассматривать отдельно от приостановки предоставления займов» (Gayet, Rostow, and Schwartz, 1953, 2:842).

В процессе этой всемирной торговли континентальная Европа (и особенно Франция) в данный период стала играть полупериферийную роль: «Последовательно наращивая продажи шелковой пряжи в Европе и конечной продукции в новых странах, Англия смогла разделять риски и подготовиться к будущему, поскольку то, что происходило на континенте, рано или поздно должно было воспроизвестись за океаном. Французы получали косвенный доход от индустриализации третьих стран, обеспечивая их предметами роскоши, а англичане — прямой доход от поставок им тканей и хлопковой пряжи, причем даже более тонкого качества, время от времени — от поставок машин и всегда — от предоставления технического персонала» (Lévy-Leboyer, 1964, 181). Тем не менее к середине XIX века не Великобритания, а именно Франция, «вторая в мире промышленная держава», сыграет «лидирующую роль» в индустриализации континентальной Европы посредством экспорта технологий и капитала (Cameron, 1953, 461).

Несмотря на точку зрения Пауля Байроша (Baigoch, 1973, 592—593), что на протяжении XIX века торговля континентальной Европы с Третьим миром была «сравнительно незначительной», применительно к Соединенному Королевству это было не так. «Уже в середине XIX века доля Третьего мира составляла 40% от общего объема экспорта [Великобритании], в то время как на экспорт в Европу приходилось лишь 35%». Аналогичным образом Эрик Дж. Эванс (Evans, 1983, 340) отмечает, что если в 1815 году на Европу приходилось более половины экспорта Великобритании, а на Азию — всего 6%, то в середине 1850-х годов доля Европы снизилась до 32%, доля Азии выросла до 20%, и не менее 37% экспорта направлялось в обе Америки. См. тж. Condliffe (1951, 207). Вернер Шлоте (Schlote, 1952, 41) обнаруживает, что самый быстрый рост заморской торговли в отношении к размеру населения происходит именно между 1845 и 1855 годами, что еще сильнее подчеркивает значение торговли за пределами Европы.

Тем не менее Альберт Х. Имла (Imlah, 1950, 176) согласен с Гейером, Ростоу и Шварц, что огромное преимущество Великобритании объясняется не экспортом. В самом деле, чистые взаимные условия торговли (коэффициенты рядов экспортных цен, деленные на ряды импортных цен) последовательно снижались до середины столетия.

Таким образом, устоявшаяся точка зрения на Великобританию начала XIX века как на «мастерскую мира»²¹ в ряде отношений оказывается под снайперским прицелом. Уже в 1934 году Фрэнк О. Дарвалл (Darvall, 1934, 12) утверждал, что «в 1811 году Англия оставалась главным образом сельской и аграрной страной»²². Примерно через 40 лет к этой теме вновь вернулся Рафаэль Сэмюэл (Samuel, 1977, 19):

Ни одно другое изменение индексов «не выглядит настолько ярко... Оно было вызвано более быстрым падением экспортных цен, чем цен на новый импорт, и в основном значительная часть ухудшения чистых условий взаимной торговли уже имела место к 1839 году». См. тж. Checkland (1964, 62).

Эти избытки импорта «на много десятилетий предшествовали [более свободной торговой политике 1840-х годов]» (Imlah, 1958, 6). «Падение цен на сырье [было] результатом тарифной реформы» (Imlah, 1950, 189). Дональд Макклоски (McCloskey, 1964, 313) меняет последовательность в соотношении избыточного импорта и низких тарифных ставок: «Намеренная политика свободной международной торговли... лишь частично (в действительности — в небольшой части) несла ответственность за сокращение тарифных ставок. Значительную часть этого сокращения объясняет прецедент более высокого отношения импорта к национальному доходу, сам по себе лишь отчасти являвшийся следствием британской финансовой реформы, а триумф фритредерской идеологии в данном случае объясняет очень немногое». Но, каким бы ни был порядок описываемого процесса, из этого следовало, что «новая промышленная система Британии не создавала экспортных избытков, а... ее феноменальное накопление заморских кредитов в XIX веке не может объясняться этим прошедшим испытание временем допущением». Скорее это кредиты «невидимого» характера (торговый флот, торговые комиссии, накопления лиц, покинувших метрополию, и доход от инвестиций за рубежом) «сформировали дефицит „видимой“ торговли Британии и обеспечили то, что любой новый капитал инвестировался за границей» (Imlah, 1948, 149).

²¹ В 1907 году в четвертом издании своей главной работы Уильям Каннингем писал: «В период господства вигов внимание было сосредоточено на стимулировании любых типов промышленности, но никаких усилий не прилагалось для того, чтобы Англия стала мастерской (workshop) в тех обширных сферах, где ее влияние и партнерство способствовали бы поддержанию открытых рынков для наших мануфактур» (Cunningham, 1907, 494).

Я не уверен, что именно от этого высказывания происходит ставшая классической формула «Англия — мастерская мира» (или же что данный фрагмент можно найти в более ранних изданиях, первое из которых было выпущено в 1890 году), но вполне возможно, что начало этой идее дал именно Каннингем.

²² См. тж. Rousseaux (1938, 62): «До 1830 года английская экономика все еще находилась на сельскохозяйственной стадии». Это высказывание практически идентично словам Анри Сэ о Франции 1815—1848 годов: «В период монархии, основанной на ограниченном избирательном праве [*la monarchie censitaire*], Франция была главным образом сельскохозяйственной страной» (Sée, 1927, 11). Эти соображения развивает Дарвалл (Darvall, 1984, 12—13): «Промышленность по-прежнему размещалась в основном в сельской местности. Даже сравнительно новые виды индустрии, такие как крупные растущие мануфактуры на севере Англии, по-прежнему располагались в большей степени в селе, чем в городе... В 1811 году типичный рабочий нового индустриального Севера, равно и более старых, более сельских Юга и Востока, работал на дому или в небольшой деревенской мастерской, приводя в действие собственной рукой свою единственную машину».

«Полнейший триумф механизма состоялся в хлопковой торговле промышленного Ланкастершира. Но в других местах его продвижение было менее гладким, причем имелись масштабные сегменты экономики, ... где паровая энергия вообще имела очень незначительное влияние вплоть до 1870-х годов... Даже в текстильной отрасли прогресс механизации был неравномерным»²³.

Если механизация была меньше распространена и менее совершенна, чем наши сложившиеся представления о ней, то как в таком случае Великобритания достигла своего выдающегося промышленного роста? Некоторые недавние исследования даже ставят под вопрос сам факт того, насколько он был выдающимся, или, по меньшей мере, был ли этот рост столь масштабным, как в это заставляли поверить ученые прошлого, такие как Уолтер Хоффманн, Филлис Дин и У.А. Коул. Чарльз Н. Харли (Harley, 1982, 267; см. тж. р. 285) при помощи перерасчетов, выполненных на основании данных о роде занятий населения в ходе переписи 1841 года, приходит к выводу, что этот рост был «на треть ниже», чем данные авторы утверждали в отношении промежутка 1770—1815 годов. А Байрош (Bairoch, 1962, 318, 323) отмечает, что темп роста в Великобритании XIX века (а также во Франции и в Соединенных Штатах) составлял менее 2% в год. Байрош называет наше представление о том, что он был выше, «огромным преувеличением», истоки которого он обнаруживает в тех временах, когда большое влияние имела теория 1930-х годов о медленном росте в зрелых экономиках, что, как следствие, вело к переоценкам задним числом²⁴.

Впрочем, не стоит бросаться в другую крайность, не обращая внимания на сравнительную мощь Британии. Ревизионистские исследования позволяют увидеть за силой Британии ее слабости, а стало быть, и политические проблемы, с которыми сталкивалось ее правительство даже в этот период относительной силы Британии в мире-экономике. Основной проблемой для стран центра мира-экономики в промежутке 1815—1873 годов было то, что рост вел к падению цен²⁵, в особенности цен на промышленную продукцию в соотношении с ценами на сырьевые материалы (Markovitch, 1966, 228—229). С середины XVIII по середину XIX века контроль за издержками

²³ Сэмюэл (Samuel, 1977, 47) связывает этот «медленный процесс механизации» с «относительным избытком трудовых ресурсов, как квалифицированных, так и неквалифицированных».

²⁴ Впрочем, сравним данные Байроша с данными Вальтера Хоффмана (Hoffman, 1949, 165—66), утверждающего, что темп экономического роста в Великобритании с 1781 по 1913 годы составлял 2,8%.

²⁵ Гейер, Ростов и Шварц (Gayer, Rostow, and Schwartz, 1953, 1:486) говорят о «вековом спаде [цен в Великобритании], нижняя точка которого, похоже, была достигнута в 1850 году». См. тж. Marczewski (1987, 34—36) о Франции. Рецессия по-прежнему носила инфляционный характер, будучи связанной с традиционными проблемами плохих урожаев, которые снижали ВВП, при этом увеличивая стоимость товаров повседневного потребления. Эта ситуация изменится, как только усовершенствования в транспорте на глобальном уровне устранят подобное влияние фактора плохих урожаев, что, возможно, произойдет после 1870-х годов и определено в XX веке.

у производителей был сосредоточен на значительной доле заработной платы в конечной цене. Для сокращения этих издержек использовалось (причем успешно) сочетание угнетения и механизации. В действительности эти методы имели даже слишком большой успех, поскольку они имели отрицательные последствия как в виде стимулирования политической нестабильности, так и ведя к относительному снижению мировых цен на промышленную продукцию. Эту дилемму удастся преодолеть лишь посредством создания либерального государства, при этом капиталистические производители в центральных зонах смогут получить выгоду от восстановления внутреннего порядка и вернуться к благоприятным условиям торговли. Ключевым механизмом, который использовался либеральным государством, было перемещение главного фокуса контроля над издержками с внутреннего фронта на периферию — воплощением этого процесса стала колониальная экспансия последней трети XIX века.

Однако до того, как это произошло, Западной Европе в целом и Великобритании в частности приходилось уживаться с проблемами дефляции, особенно острыми в промежутке с 1815 года по конец 1840-х. От этого страдали наемные работники, поскольку уровень заработных плат снижался и в абсолютном, и в относительном измерении²⁶. Это ударило и по сельскохозяйственным производителям, потому что «в первых трех четвертях XIX века цены на хлеб в Англии стабильно падали» (Fairlie, 1969, 105)²⁷.

Все ли делали правильно даже британские промышленники? Как уже было отмечено, к 1850 году их довольно значительное исходное (по состоянию на 1815 год) преимущество над Западной Европой, похоже, было растрчено, не говоря уже о появлении на сцене во второй половине XIX века Германии и Соединенных Штатов. Возникла угроза, что прибыльность английской промышленности окажется эфемерной — поэтому требовалось обеспечить альтернативы, и они имелись. Если задачей британской гегемонии в мир-системе

²⁶ Rousseaux (1938, 229). Руссо указывает промежуток 1822—1848/50 годов. См. тж. Evans (1983, 141): «Самыми худшими временами для трудящихся был период после 1815 года, когда рынок был наводнен демобилизованными военными, что совпало с падением цен на сельскохозяйственную продукцию. В эти годы заработные платы резко снижались, а величина прожиточного минимума достигла своего пика... Самым неприятным в эти 20 лет (1811—1831), когда возможности трудоустройства сокращались наиболее резко, было то, что население наиболее затронутых этим процессом южных и восточных графств выросло на 31%».

²⁷ См. тж. Thompson (1963, 232). Далее Сьюзан Фэйрли (Fairlie, 1969, 108) пишет: «Если принять на веру, что примерно до 1870 года для Европы была характерна постоянно нарастающая волна дороговизны хлеба, то единственная возможность согласовать это утверждение с очевидным последовательным падением английских цен на пшеницу заключается в утверждении, что прежде защищенные цены на хлеб были настолько велики (в сравнении с потенциальными внутриевропейскими источниками поставок), что переход к неконтролируемой торговле между [Велико]Британией и Европой означал чистое падение цен в Англии, даже несмотря на то, что первоначальная восходящая тенденция продолжалась». Из этого можно понять, почему требование отмены Хлебных законов вызвало такое сильное сопротивление.

было создание некоего длительного экономического преимущества, то оно возникло путем обеспечения возможности для значительного роста британских иностранных инвестиций, ставших «одним из наиболее важных фактов британского экономического развития в XIX веке и никоим образом не мало-значимым фактом в мировых делах» (Imlah, 1952, 222).

Конечно, Франция представлялась (особенно для промышленников) оказавшейся в еще более тесных рамках, однако у нее было несколько подлинных преимуществ. Благодаря революции и Наполеону во Франции процветало техническое образование, в начале XIX века считавшееся лучшим в мире. Франция могла экспортировать свои технические и коммерческие компетенции (см. Cameron, 1957a, 245—246; Cameron, 1961), а ее индустриальная база, как мы видели, постоянно росла. Тем не менее на протяжении долгого времени считалось, что индустриализации Франции, а следовательно, и ее конкурентным преимуществам на мировом рынке, препятствовали медленный рост населения и в особенности значительная роль мелкой, а не крупной промышленности²⁸. Эту точку зрения оспорил Джон Винсент Най (Nye, 1987, 650, 668), утверждавший, что малый размер французских предприятий в действительности был «рациональным ответом на господствующие экономические условия и никоим образом не препятствовал процессу французской индустриализации», поскольку «по любой мерке прибыль за счет эффекта масштаба [была] довольно низкой». А Бертран Жиль (Gille, 1959b, 163) утверждал, что во Франции было больше крупной промышленности, чем было принято думать. Фактически он относил рождение крупномасштабной капиталистической индустрии во Франции к периоду 1815—1848 годов.

Однако не занимали ли Великобритания и Франция противоположные позиции по ключевому вопросу свободной торговли в мире-экономике? Ответ на этот вопрос менее очевиден, чем тот, к уверенности в котором ведут сложившиеся представления. Прежде всего,

«в 1815 году Великобритания оставалась протекционистской державой, а государство играло важную роль в направлении ее внешней торговли и морской экспансии. Тарифная защита была распространена не только на сельское хозяйство, но и на растущие мануфактурные отрасли промышленности [Велико]Британии. Жесткие ограничения были наложены на эмиграцию квалифицированных работников и экспорт техники» (Evans, 1983, 12).

Во-вторых, если не говорить о государственной защите, то британская промышленность была «пронизана соглашениями о ценах или взаимными договоренностями, зачастую лишь на региональной базе, но иногда и

²⁸ Это распространенная тема в литературе по рассматриваемому вопросу (Markovitch, 1966, 316; Landes, 1949; Kindleberger, 1961a). Кэмерон (Cameron, 1957a, 441) объясняет это относительным дефицитом в сфере предложения с вытекающей отсюда высокой стоимостью сырьевых материалов для промышленности. Но, поскольку, как уже было сказано, сырьевые издержки были высоки и в Великобритании, допустимо только сопоставительное утверждение: во Франции они были выше, чем в Великобритании.

на национальной» (Cain, 1980, 20). В-третьих, британские промышленники, включая манчестерских, были не вполне бесспорными сторонниками свободной торговли. В 1840-х годах свободная торговля «рассматривалась в качестве орудия в торговой войне [с другими странами], и когда она не представлялась отвечающей [требованиям победы в этой войне], она не имела поддержки» (Evans, 1983, 20)²⁹.

Наконец Имла (Imlah, 1949, 307—309) указывает, что в последние годы своего существования британский протекционизм пребывал «в наихудшем состоянии»:

«После Наполеоновских войн его воздействие было настолько более суровым, чем в предшествующий, младенческий период британского индустриализма, что фактически он представлял собой новую систему...

Пройдя испытание реальными [т.е. не „официальными“] ценами, британские таможенные пошлины в конце XVIII века были очень умеренными... Настоятельной проблемой, [которая объясняла значительный рост таможенных пошлин в начале XIX века], были доходы».

Имла утверждает, что указанные пошлины были настолько высоки, что, приведя к значительному сокращению импорта, они влияли на покупательную способность потенциальных потребителей. А поскольку внешняя торговля имела существенное значение для экономического здоровья Британии, ее «налоговая система [выводила] из равновесия международную экономику»³⁰.

²⁹ П. Дж. Кейн (Cain, 1980, 24) напоминает, что среди прочих причин для колебаний было и то, что «свободная торговля также означала конец колониальных привилегий и делала невозможным сохранение плотного контроля над колониями после того, как они достигали зрелой фазы развития». См. тж. Musson (1972b, 18—19): «Историки слишком стремились акцентировать конкурентное преимущество Британии в целом, игнорируя тот факт, что британские мануфактуры развивались за стеной протекционизма, причем многие из них по-прежнему нуждались в ее сохранении... Манчестерские мануфактуры, хотя они и требовали отмены пошлин на импорт хлопка-сырца и упразднения Хлебных законов, в то же самое время упорно сохраняли протекционистскую позицию в своем противостоянии отмене ограничений на экспорт техники, особенно для производства хлопковой мануфактуры, что способствовало бы иностранной конкуренции».

³⁰ К 1830 году таможенные пошлины составляли 38% государственного дохода, а к 1840 году — 45%, что было почти вдвое больше довоенного положения дел. Кроме того, «пошлина, которой облагалась рыночная стоимость, стала существенно выше и имела тенденцию к росту» (р. 311).

³¹ См. Jeremy (1977, 2): «В начале 1780-х годов ни один квалифицированный ремесленник или мануфактурщик не мог легально и свободно покинуть [Велико]Британию или Ирландию и въехать в какое-либо иностранное государство за пределами владения британской короны для занятия своей деятельностью». Но многие, конечно же, поступали именно так. Например, по оценке Джереми, между 1783 и 1812 годами из Ольстера в США эмигрировали 100 тысяч человек. Ограничения на эмиграцию ремесленников были сняты в 1824 году, а в 1825 году был также отменен полный запрет на экс-

Возможно, некоторые из этих протекционистских мер были показательными — определенно не все они строго осуществлялись³¹. Но все это лишает блеска ключевой для британской политики образ свободной торговли — по меньшей мере, до 1850 года, особенно если сравнивать ее с реалиями французского протекционизма, а не с теоретическими представлениями о нем. На протяжении всего периода 1800—1840 годов французские тарифные ставки в действительности были «существенно ниже», чем британские, несмотря на ощущение, что все было наоборот. Джон Винсент Най (Nye, 1991, 25; 26, таблица 1; 42) объясняет это неверное восприятие тремя факторами: во-первых, вниманием, которое во всем мире придавалось отмене Хлебных законов; во-вторых, тем обстоятельством, что исследователи принимали в расчет только определенные отрасли промышленности вместо модели экономики в целом; в-третьих, тем обстоятельством, что британцы стремились говорить о свободной торговле, в то время как французы стремились обсуждать протекционизм, даже при Наполеоне III. Однако в действительности, утверждает Най, «традиционные фритредерские сюжеты, противопоставляющие либеральную [Велико]британию и протекционистскую Францию, которая неохотно втягивалась в мир более просвещенной торговой политики, сейчас следует рассматривать как неверные». Фактически даже Имла (Imlah, 1958, 123), столь уверенный в экономических преимуществах свободной торговли, объясняет *недостатки* в экономической деятельности Великобритании в этот период именно сравнительным отсутствием свободы торговли:

«Во многих отношениях первая половина XIX века должна была стать для британской торговли временем сверхприбылей. Техническая эффективность все более механизующейся британской промышленности, возможности развития внутреннего и внешнего спроса на британский уголь и машины (и то, и другое после 1825 года можно было свободно экспортировать), потенциал британского торгового флота и деловых услуг, спрос на британский капитал — все это создало благоприятные возможности, которым было мало равных в экономической истории. Но эти возможности не были полностью реализованы в условиях масштабного протекционизма послевоенных лет»³².

порт машинного оборудования с заменой на систему лицензирования. Но полностью все ограничения лишь в 1843 году отменил Гладстон, занимавший в тот момент пост министра торговли. Впрочем, Джереми уверен, что этим запретительным законам «в ранний индустриальный период явно не удалось сдержать поток распространения технологической информации за рубежом — как через людей, так и посредством машин» (р. 34). См. тж. Henderson (1954, 6). Хендерсон утверждает, что британские власти «позволили проскользнуть сквозь пальцы многим агентам по найму рабочей силы, а также контрабандистам техники и чертежей».

³¹ Кроме того, Имла (Imlah, 1958, 23) возлагает на протекционизм ответственность за социальную напряженность. По его утверждению, если использовать реальные (а не опять-таки лживые «официальные») данные о ценах, то экспортная торговля stagnировала. В 1842 году в сравнении с 1816 (оба эти года характеризовались экономическим спадом) объем экспортной торговли был всего на 14% выше, в то время как

Именно на этом фоне ложного противопоставления Великобритании и Франции³³ следует рассматривать еще одну ревизионистскую дискуссию, связанную с гипотетически медленной индустриализацией Франции³⁴, или постулируемым «запаздыванием отрыва» („lateness” of „take-off”) Франции³⁵. Патрик О’Брайен и Чаглар Кейдер (O’Brien and Keyder, 1978), выполнив ряд сопоставлений Великобритании и Франции в промежутке 1781—1913 годов, обнаружили, что их подушевой объем внутреннего товарного производства был примерно равным. Во Франции был заметно ниже уровень заработных плат, но, поскольку и наемных рабочих там было меньше, это обстоятельство мало говорит о среднем уровне доходов. В Британии была выше производительность труда, но это компенсировалось тем, что во Франции большая часть потенциальных трудовых ресурсов размещалась в сельскохозяйственном и индустриальном производстве³⁶. В Британии была выше и производительность сельского хозяйства, что О’Брайен и Кейдер связывают не с большей его эффективностью, но с лучшим земельным фондом и более значительным использованием земли под интенсивное животноводство³⁷. В промышленности же производительность труда была выше во Франции, причем британцы не могли догнать ее до 1890-х годов, хотя во Франции

население выросло на 40%, а новый импорт — на 55%. «Это предполагало напряжение артерий, а не мускулатуры [как высказался Бисмарк в похвалу британскому протекционизму данного периода] и более точно объясняет симптомы роста давления социальной крови, очевидные в то время. Введение свободной торговли [после 1842 года] могло стать избавлением от преждевременной старости». Но, как будет показано выше, подобное рассуждение представляется слишком упрощенным.

³³ На протяжении всей этой книги мы не раз видели, как историография кормила нас этими ложными противопоставлениями. Эта историографическая перверсия является частью наследия социальной науки XIX века в ее функции в качестве либеральной идеологии.

³⁴ Основание конкретно этого спора уже рассматривалось в 1 и 2 главах тома 3.

³⁵ Теперь уже почти забытая мода на концепт «отрыва» была запущена в 1960 году У.У. Ростоу (Rostow, 1971), который относил этот момент применительно к Франции к 1830—1860 годам, в то время как в Великобритании «отрыв» произошел «в два десятилетия после 1783 года» (р. 9). Наличие единственного периода «отрыва» для Франции оспорил Жан Марчевский, точнее, он утверждал, что если бы существовал один такой период, то он произошел бы самое позднее в начале XIX века (Marczewski 1961; 1963, 123); см. т.ж. Bouvier (1965, 270), Markovitch (1966) и Lévy-Leboeuf (1968b, 801).

³⁶ Следовательно, во Франции был меньше сектор услуг и меньше «паразитов», в связи с чем О’Брайен и Кейдер (O’Brien and Keyder, 1978, 32) замечают, что теперь они «видят силу слов Ницше о том, что „мощь цивилизации” следует измерять количеством паразитов, которых она может вынести».

³⁷ «Сельскохозяйственная „отсталость” [меньший объем выпуска на одного работника] во Франции проистекала из высокой плотности трудовых ресурсов в сельской местности, что неизбежно вело к интенсивной обработке земель худшего качества и преобладанию в структуре урожая базовых продуктов питания. Однако во Франции безземельные крестьяне составляли гораздо меньшую часть (фактически меньшинство) деревенского населения, при этом большинство крестьян десятилетие за десятилетием не демонстрировали желания перемещаться со своей „плохой” земли в города... Крити-

было меньше массовых производств. В заключение О'Брайен и Кейдер (O'Brien and Keyder, 1978, 198) критикуют любое допущение о «сравнительной отсталости» Франции, рассматривая ее экономические альтернативы как, несомненно, отличные от Англии, но в равной степени рациональные. Фактически же авторы идут еще дальше, утверждая, что они «склонны видеть в опыте Франции более гуманный и, возможно, не менее эффективный переход к индустриальному обществу»³⁸. Воздействие этой ревизионистской концепции оказалось настолько сильным, что даже те, кто продолжает, подобно Крузе, настаивать на британском «превосходстве», были вынуждены

ки французских экономических достижений часто забывают, что аграрные институты во Франции были консолидированы вооруженными акциями крестьян во время революции» (O'Brien and Keyder, 1978, 190, 195).

Хобсбаум также напоминает, что французские крестьяне середины XIX века, вспоминая времена после 1789 года и сравнивая себя с сельскими тружениками в Великобритании, «едва ли могли сомневаться в том, кто из них заключил лучшую сделку» (Hobsbawm, 1962, 201). Далее Хобсбаум приводит следующую оценку британского автора Х. Колмана из его книги «Сельскохозяйственная и деревенская экономика Франции, Бельгии, Голландии и Швейцарии», написанной в 1848 году (Colman, 1848, 25—26): «Проведя много времени среди крестьянства и трудящегося класса как дома, так и за границей, я в самом деле должен сказать, что я не знаю более цивилизных, чистых, прилежных, бережливых, умеренных и хорошо одетых людей, чем французские крестьяне, ... среди лиц их положения. Во всех перечисленных отношениях они представляют собой разительный контраст со значительной частью шотландских сельскохозяйственных работников — грязных и опустившихся до крайности; со многими английскими крестьянами, которые услужливы, сломлены духом и сурово ограничены в средствах к существованию; с бедными ирландцами, полуодетыми и находящимися в диких условиях» (цит. по р. 201, п. а).

Наконец Пол Гогенберг (Hohenberg, 1972, 238—239) утверждает, что «на протяжении XIX века сельская Франция претерпела больше изменений [социальной структуры, демографического поведения и институтов землепользования], чем кажется внешне. Парадоксальным образом это было изменение, которое сделало возможным укрепление — фактически вплоть до усиления — исходного равновесия, основанного на хозяйстве, которое принадлежит и управляется одной семьей».

³⁸ См. аналогичные переоценки рациональности французских экономических альтернатив и сравнительно неплохих достижений французской промышленности XIX века в: Lévy-Leboyer (1968b), Roehl (1976) и Cameron and Freedman (1983). Однако Морис Леви-Лебойе, который в 1968 году восхвалял «гибкую адаптацию [французской] экономики и ее мужественный индустриальный порыв», характеризующий «сравнительно гармоничной экспансией» на протяжении XIX века (р. 801), занял менее оптимистичную позицию в книге, выпущенной в соавторстве с Франсуа Бургиньоном в 1985 году. Авторы говорят (Lévy-Leboyer and Bourguignon, 103—104) о «специфической французской проблеме» — слишком большой доле потребления продуктов питания, очень слабо диверсифицированном спросе, слишком малом промышленном экспорте, слишком малых инвестициях — и обвиняют в этом французское крестьянство: «То обстоятельство, что в результате технологическая инициатива покинула Францию, в некотором смысле восходящее к 1790-м годам, когда политические волнения, инфляция и войны превалировали над промышленной революцией, следует объяснять двумя факторами. Во-первых, в долгосрочной перспективе, тем фактом, что уровень бедности на селе, унаследованный от доиндустриальной эпохи, сокращался лишь очень медленно

«вдаваться в детали» ревизионистской позиции, заявляя, что французские экономические достижения в XIX веке были «достойными уважения, хотя и не более того»³⁹. Н. Ф. Р. Крафтс (Crafts, 1984, 59, 67) пытается продемонстрировать, что «ревизионистская интерпретация [экономической деятельности во Франции XIX века] преувеличивает французские достижения». Однако, обозначив свои различные возражения в адрес ревизионистов, Крафтс, похоже, вынужден сделать вывод, что «если принять все вышеизложенные пункты, то французские экономические достижения действительно выглядят существенно лучше, чем некогда думали»⁴⁰.

В таком случае в 1815 году и Великобритания, и Франция стремились сконцентрировать всемирное накопление капитала в своих границах, и то, в какой мере им это удалось, было лишь отчасти производным от мощи соответствующих промышленных предприятий. В весьма значительной степени их успех в накоплении капитала был также производным от способности ограничивать трудовые издержки, обеспечивать постоянство внешних поставок и получать для своей продукции сопоставимые по размерам рынки. А это в большей степени была политическая задача, нежели вопрос соответствующего увеличения экономической эффективности, которая по мировым меркам была велика и у одной, и у другой страны. Поэтому ключевым моментом здесь была движущая роль государства, но применение его власти было деликатным вопросом, поскольку государства могли наносить ущерб в той же мере, что и обеспечивать преимущества. Государство требовалось приручить, им нужно было манипулировать и управлять им рационально.

[картина, отличная от той, что приводит Хобсбаум в предыдущей сноске]. Это объясняет отмеченные деформации в структуре заработков и потребительских расходов в периоды ускоренного роста. Выход на рынок труда менее квалифицированной рабочей силы и потоки сельского миграции всякий раз меняли численность различных социальных групп, ... увеличивая объем низших страт (*les classes défavorisées* [обездоленных классов — *фр.*]). Незначительный рост уровня заработков и спроса на промышленную продукцию в данном цикле обязан изменениям в указанных подгруппах, которые необходимо учитывать, чтобы произвести подсчет средств к существованию, значимых для всего населения».

В результате Леви-Лебойе и Бургиньон приходят к утверждению, что во второй половине XIX века во Франции по-прежнему имелось значительное сельское население, из которого промышленники могли черпать рабочие руки всякий раз, когда им необходимо было сократить городские заработные платы, то есть та резервная армия труда, которую Великобритания в значительной мере уже исчерпала в первой половине XIX века. А вторым из выделенных указанными авторами факторов, прервавших первую промышленную революцию во Франции, было обвинение государства в чрезмерном вмешательстве в 1870—1880-х годах.

³⁹ Оба эти высказывания принадлежат Крузе (Crouzet, 1970, 86 и 1972а, 278). В своей книге 1985 года о предполагаемом «превосходстве» Англии над Францией Крузе тем не менее предъясняет длинный список того, что обе страны вместе сделали «первые», и довольно несмело заключает: «Между двумя этими судьбами так много напоминаний и сближений» (Crouzet, 1985, 454).

⁴⁰ Он также характеризует их как «важные, но не выдающиеся» (р. 67), что несколько сильнее, чем «достойно уважения, хотя и не более того».

В следующие 60 лет политика будет сконцентрирована именно вокруг этого стремления «рационализировать» роль государства — то есть отладить структуру государства таким образом, чтобы максимизировать возможности увеличения «богатства народов», а в особенности тех, кто накапливал капитал в национальных границах.

Этот процесс начался на межгосударственном уровне. С 18 сентября 1814 по 9 июня 1815 года европейские монархи и министры иностранных дел встречались в Вене для заключения мирного договора, при помощи которого планировалось управлять Европой — эта система получит название Европейского концерта. Посреди этого длительного конклава Наполеон вернулся с Эльбы на «Сто дней», но затем был окончательно и бесповоротно разгромлен при Ватерлоо 18 июня 1815 года.

Договориться о мире всегда сложнее, чем о войне. Мирные задачи более долгосрочные и многосторонние — следовательно, они разделяют миротворцев. В тот момент лишь Великобритания не покладая рук противостояла Франции (причем еще со времен, предшествовавших Наполеону) — у Австрии, России и Пруссии же на протяжении периода войн была неоднозначная история отношений с Францией. Поэтому именно Великобритания была главным победителем в 23-летней череде войн (которые лучше считать единой войной), равно как и в 150-летней борьбе за гегемонию в мир-системе, и у нее были все основания для спокойствия, уравновешенности и силы. Конечно, Великобритания хотела быть уверенной, что Франция никогда больше не поднимется, чтобы бросить ей вызов, но после краха наполеоновских Ста дней это больше не могло представляться серьезной проблемой. Возможно, лорда Каслри больше волновало то, каким образом предотвратить чрезмерное распространение мощи других трех великих держав, особенно потому, что они не полностью разделяли политическое мировоззрение Великобритании — а в равной степени, конечно, и ее экономические интересы.

С одной стороны, теперь, когда французская военная мощь была сломлена, Великобритании приходилось беспокоиться лишь о военном могуществе и возможных экспансионистских амбициях России. Говоря языком XX века, тогда существовали лишь две «сверхдержавы», хотя в действительности возможность военной конфронтации между ними отсутствовала⁴¹. Реальной проблемой Каслри было наличие такого соперника в формировании

⁴¹ См. Kraehe (1992, 693). Пол Шредер (Schroeder, 1992a, 684) даже говорит о «совместной британской и российской гегемонии», но мне подобная формулировка представляется чрезмерной. См. тж. Jervis (1992), Gruner (1992) и Schroeder (1992b). Что касается Австрии и Пруссии, то они были «великими державами только ради приличия» (Hobsbawm, 1962, 129).

Алеви (Halévy, 1949a, 95) хорошо уловил британскую оценку военной ситуации в 1815 году: «Определенно не было никаких соображений национальной безопасности, способных предотвратить сокращение англичанами своих расходов на армию. Теперь у Англии не было врагов, которых она боялась. После завершения войны, растянувшейся более чем на столетие, мощь Франции наконец была сломлена. Карфаген завоевал Рим».

политического порядка, как князь Меттерних, который использовал свои дипломатические навыки и выражал политические настроения «восточного» трио (Австрии, Пруссии и России), направленные на то, чтобы уравновесить глобальную силу Великобритании. По оценке Генри Киссинджера (Kissinger, 1973, 5), Каслри «устроил международное соглашение», но именно Меттерних «легитимировал его»:

«Каслри, обладая уверенным пониманием островной безопасности Англии, был склонен противостоять только *прямой* агрессии. Однако Меттерних, государственный деятель державы, расположенной в центре континента, прежде всего стремился *предупредить* глубокие социальные изменения»⁴².

Сам бы я сказал, что Меттерних пытался навязать определенную форму легитимации, которая действительно была не по вкусу Великобритании, но фактически первенство окажется на стороне последней. В любом случае вскоре станет очевидно, что Меттерних не мог предотвратить слишком многое⁴³.

⁴² О Меттерних см. тж. Schroeder (1992a). Относительно Великобритании Чарльз Уэбстер (Webster, 1925, 48—49) аналогичным образом подчеркивает ее ощущение отделенности от остальной Европы и долгосрочный приоритет, который она пыталась придавать морским и имперским проблемам: «Морская мощь и морские права по-прежнему, причем всерьез, рассматривались как бастион державы... Не допускалась даже дискуссия о „морских правах“. Тем самым „право досмотра“ [судов в открытом море с целью обнаружения запрещенных товаров] и другие принципы международного права, которые не принимала ни одна другая великая держава, были сохранены во всей их силе... Однако [после 1815 года] „морские права“ никогда больше не исполнялись».

Каслри действительно был большим «изоляционистом», чем окажутся его преемники, но было бы ошибкой смешивать высокомерие тори с долгосрочной стратегией. На тот момент, в 1815 году, между островной обособленностью Каслри и романтическим восторгом Александра I можно обнаружить любопытный, по определению Жоржа Вейля (Weill, 1930, 14), факт: «[В 1815 году] защитником большинства конституционных проектов выступал русский аристократ, а его оппонентом — британские дипломаты: эти гордые тори были уверены, что только их страна способна управлять свободной системой, которая сохранит власть в руках аристократии». Bravo! Хорошо сказано, в лучших традициях едких французских комментариев по поводу мира власти.

Как бы то ни было, в Вене Каслри добился того, что Великобритания считала ключевым моментом и к чему непосредственно стремилась: «Она сохранила свое командное положение на морях, получила общую и локальную безопасность, приобрела важные владения» (Nicolson, 1946, 211), а именно ряд стратегических островов и портов на мировых морских маршрутах, которые уже были захвачены в 1783—1816 годах. Их список приведен в: Wallerstein (1989, 122, см. Том III, с. 151).

⁴³ Фактически Меттерних признает это, когда в 1830 году скажет об Июльской революции во Франции, что она имела «эффект прорыва сточной канавы» (цитируется без указания источника в: Vidal, 1931, 34). С этим согласен Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 132): «Революции 1830 года полностью уничтожили [договоренности 1815 года]». Но если быть более точным, то они уничтожили меттернихову их версию, чтобы лучше скрыть английскую версию. Вейль (Weill, 1930, 4) называет промежуток 1815—1847 годов периодом «краха» Священного союза, который «не мог противостоять ни прогрессу национальной идеи, ни пламенной пропаганде либеральных партий».

Однако в непосредственных интересах Великобритании (не говоря уже о ее долгосрочной стратегии) определено было восстановление Франции до такого состояния, в котором та могла бы служить в качестве потенциального союзника в политико-дипломатических баталиях (даже если Франция время от времени будет возмущаться этой ролью младшего партнера). В самом деле, можно утверждать, что крупную победу на Венском конгрессе одержала именно Франция, поскольку «самой поразительной особенностью посленаполеоновского мирного соглашения было, несомненно, снисхождение, проявленное к побежденной державе» (Schenk, 1947, 45)⁴⁴. Обычно (и не без определенной справедливости) это приписывают гению Талейрана. Однако не следует недооценивать роль понимания Великобританией того, какие усилия потребуются для стабилизации посленаполеоновского режима во Франции. Секретный рапорт, написанный неким М. Галларсом британскому посланнику в Париже сэру Чарльзу Стюарту в апреле 1816 года и далее отправленный лорду Каслри, четко обозначает то, чего боялась Британия:

«Общая смута, вызванная революцией, по-прежнему живет в умах, поскольку власть, столь долго пребывавшая в низменных руках, утратила свое величие, бывшее основой доверия и уважения, ... [а также] поскольку религия потеряла весь контроль над тем классом людей, которые, не имея подходящего образования, не знают моральных законов, так что их невозможно запугать муками ада и смертью от рук палача» (цит. в: Schenk, 1947, 49).

Из-за этих страхов британцы (даже ультраторы типа Веллингтона') взяли сторону более умеренных советчиков из окружения Людовика XVIII, опасаясь, что полная реакционная доза лекарства будет отвергнута «пациентом», который может из-за этого «вновь вернуться к своим старинным левым революционным иллюзиям» (Schenk, 1947, 130—131)⁴⁵. Для повышения авторитета Людовика XVIII Великобритания не могла сделать ничего больше, чем осуществить дипломатическую реабилитацию Франции.

В действительности эта реабилитация Франции служила способности Великобритании осуществлять свою гегемонию. Несколько упрощенные формулировки Каслри — Гарольд Николсон (Nicolson, 1946, 155) утверждает, что он мечтал об «идеальном равновесии, почти математически просчитанном с точки зрения населения и власти», — фактически были смягчены и улучшены «более реалистической» концепцией Талейрана, которая позволила ему (а тем самым в равной мере и британцам) противостоять всему свету с «ясностью, гибкостью и

⁴⁴ Дж. Клэпхэм (Clapham, 1930, 317) действительно считает победителей слишком великодушными: «[После 1815 года] континентальные державы согласились с островитянами, что последние из рук вон плохо несли на себе бремя долгов и налоговой системы. Но редко отмечалось, что одной из причин этого долгового бремени был напоминавший джентльменское поведение политический отказ Каслри и Веллингтона рассматривать требование от Франции сколько-нибудь существенного возмещения военных убытков».

⁴⁵ Далее Шенк отмечает, что «Веллингтон... с примечательной глубиной понимания ситуации предвидел, что Бурбонов ожидает судьба Стюартов» (Schenk, 1947, 132).

скоростью». Именно так Франция была допущена во внутренний круг. На смену так называемому Четвертому альянсу, задуманному в 1815 году в Вене, в 1818 году пришел Пятерной союз (или Пентархия великих держав) в Ахене⁴. Как отмечает Шарль Дюпюи (Dupuis, 1909, 165), это изменило всю картину:

«Казалось, что вступление Франции в эту европейскую директорию усиливает ее мощь и влияние, но в действительности ослабило ее... Французские страхи остались в прошлом, и теперь французам станет проще выражать разницу во мнениях или преследовать противоположные интересы»⁴⁶.

Представления Меттерниха, конечно же, довольно отличались от позиции Великобритании. В сентябре 1815 года три «восточных»⁴⁷ монарха

⁴⁶ Лео Гросс (Gross, 1968, 45) утверждает, что процесс консультаций и конференций по взаимным интересам, которому положил начало Европейский концерт, «обеспечил некое подобие самопровозглашенного руководящего органа для сохранения и управления тем балансом сил, на котором шатко покоился европейский мир на протяжении примерно столетия». Однако более точной мне представляется точка зрения Дюпюи (Dupuis, 1909, 192), предполагающего, что в действительности все это не продлилось долго: «Веронский конгресс» [1822 года] завершил испытательный срок общеевропейского правительства, использовавшего в качестве средства управления частые совещания великих держав по вопросам, которые беспокоили всех». Самое большее, чем смог стать Европейский концерт, — это «периодически собирающийся синдикат интересов» (p. 503).

Пьер Ренувен (Renouvin, 1954, 57) считает, что совместные действия в рамках Европейского концерта завершились еще раньше, вместе с государственной декларацией британского кабинета министров от 5 мая 1820 года по поводу предполагаемой интервенции в Испанию. В этой бумаге утверждалось, что Священный Союз «никогда не замышлялся в качестве союза правительств мира или для контроля за делами других государств... [Великобритания] не может и не будет действовать на основании абстрактных и спекулятивных принципов предусмотрительности» (цит. в: Crawley, 1969, 674—675).

⁴⁷ Лео Гросс (Gross, 1968, 45) утверждает, что процесс консультаций и конференций по взаимным интересам, которому положил начало Европейский концерт, «обеспечил некое подобие самопровозглашенного руководящего органа для сохранения и управления тем балансом сил, на котором шатко покоился европейский мир на протяжении примерно столетия». Однако более точной мне представляется точка зрения Дюпюи (Dupuis, 1909, 192), предполагающего, что в действительности все это не продлилось долго: «Веронский конгресс» [1822 года] завершил испытательный срок общеевропейского правительства, использовавшего в качестве средства управления частые совещания великих держав по вопросам, которые беспокоили всех». Самое большее, чем смог стать Европейский концерт, — это «периодически собирающийся синдикат интересов» (p. 503).

Пьер Ренувен (Renouvin, 1954, 57) считает, что совместные действия в рамках Европейского концерта завершились еще раньше, вместе с государственной декларацией британского кабинета министров от 5 мая 1820 года по поводу предполагаемой интервенции в Испанию. В этой бумаге утверждалось, что Священный Союз «никогда не замышлялся в качестве союза правительств мира или для контроля за делами других государств... [Великобритания] не может и не будет действовать на основании абстрактных и спекулятивных принципов предусмотрительности» (цит. в: Crawley, 1969, 674—675).

подписали документ, который стал известен под названием Священного Союза — обет совместно работать над поддержанием статус-кво в Европе, при необходимости — посредством интервенций в те страны, которым угрожает революция⁴⁸. Великобритания к подписавшим это соглашение не присоединилась. Принц-регент объяснил это, исходя из того, что по закону ему был необходим министр, который поставил бы вторую подпись под документом, и удовлетворился подписью под «священными максимами». Каслри отказался провести этот документ через свое правительство на том основании, что это был «образчик возвышенного мистицизма и нонсенса» (Weigall, 1987, 111; см. тж. Ruggiero, 1959, 93). Однако Меттерних был кем угодно, кроме как мистиком — просто он верил в Старый порядок, как можно ясно увидеть из его мемуаров, когда он рассматривает реформистские движения во Франции, Германии, Италии и Испании:

«Во всех четырех странах возбужденные классы состояли в первую очередь из состоятельных людей — реальных космополитов, которые обеспечивали свое персональное преимущество за счет любого порядка вещей: оплачиваемых государственных чиновников, литераторов, юристов и лиц, обремененных государственным образованием... Это зло можно описать одним словом: наглость» (Metternich, *Memoirs*, 3:465, 467, цит. в: Boyle, 1966, 832—833).

Великобритания была достаточно сильна, чтобы игнорировать эту наглость. «Когда Каслри противостоял революции, он делал это не потому, что она была „неестественной“, как полагал Меттерних, а потому, что она рождала беспорядок» (Kissinger, 1973, 32, 35). Далее Киссинджер продолжает: «Революции, хотя они и были для Каслри нежелательным явлением, не являлись [для него] действительной опасностью». Препятствий для «единственного крупного экспансионистского интереса», который имела Великобритания, а именно интереса торговли и инвестиций (Hobsbawm, 1962, 134), похоже, больше не оставалось. Норман Гэш называет Великобританию «насытившейся державой» (Gash, 1979, 282). Поэтому она стремилась к «влиянию без вовлечения» — и могла легко позволить себе просто стремиться к этому (Evans, 1983, 196—203)⁴⁹. Со своим «прагматическим пацифизмом» (Polanyi, 1957, 5) Великобритания «знала, как извлечь наибольший результат из своего превосходства» (Renouvin, 1954, 131).

Один из способов осуществить это предполагал сосредоточение не просто на мировой торговле, а на том, чтобы стать поставщиком публичных

⁴⁸ О Священном Союзе как краеугольном камне порядка после 1815 года см. Seton-Watson (1937, 47—49). Х. Шенк (Schenk, 1947, 41) напоминает, что приглашение вступить в Священный Союз было направлено всем европейским державам, за исключением Османской империи: «Оправданием этого выступал христианский характер пакта».

⁴⁹ См. тж. Condliffe (1951, 203—209). Имла (Imlah, 1958, 2) привычно делает основной акцент в своей интерпретации на следующем аспекте: «[Больше, чем военной силой] *Pax Britannica* [британский мир — *лат.*] отличался... тем влиянием, которое он оказывал посредством своей свободы и высокоэффективной политики на отношение к нему других народов, а тем самым и на политику других государств».

займов для других государств. На протяжении одного поколения такие займы были главным образом монополией Ротшильдов и имели склонность оказываться «займами в поддержку революции, а не легитимности», то есть это были займы для Латинской Америки, Греции, Испании и Португалии. Таким образом, предложения на фондовой бирже «апеллировали к той смеси политического идеализма и коммерческой стратегии, которая была преобладающим тоном британского общественного мнения». В свою очередь, ценные бумаги по этим займам (количество которых достигло между 1815 и 1830 годами 750 тысяч) представляли собой «накопление активов, высоколиквидных за границей», которые оказывались инструментом, подходящим для «финансирования зерновой торговли» (Jenks, 1927, 44—45, 61—62)⁵⁰.

Структура гегемонии в мир-системе не могла быть стабильной, пока не был безопасным внутренний фронт, а Великобритания в 1815 году находилась именно в беспокойном состоянии. Сочетание растущего населения, расширения городских и промышленных зон и резкого послевоенного спада представляло собой «совокупность социальных зол, для приведения которых под контроль понадобилось столетие» (Gash, 1979, 2). С точки зрения государственных финансов, принципиальным выбором для правительства был либо акцент на сокращении расходов, включая социальные, и максимальное открытие экономики, либо более осторожная и более протекционистская политика, в защиту которой выступало большинство сторонников нахождения у власти тори. «В действительности [правительство] колебалось между конфликтующими направлениями политики» (Halévy, 1949b, 46)⁵¹.

Несмотря на то, что данный период известен под именем реакции тори, британский вариант консервативной идеологии был с самого начала сравнительно «просвещенным», хотя порой и поневоле. Конечно, торизм подчеркивал «ощущение общественной гармонии» (Brock, 1941, 35)⁵², но вопрос заключается в том, насколько это было значимо в практическом смысле. По мнению Алеви (Halévy, 1949a, 199), реакция тори, в конечном итоге, достигла очень немногого. Политические настроения, которые эксплуатировали лидеры тори, модные фразы, столь часто звучавшие из их уст, в сущности, не отличались от общей массы настроений и общих мест, которые на протяжении

⁵⁰ Дженкс (р. 63) также отмечает, что в случае с Латинской Америкой эти займы были «порочными», поскольку они использовались главным образом для закупки вооружений. «Насилие, коррупцию, нестабильность, финансовое безрассудство, характерные для большинства южноамериканских республик на протяжении значительной части столетия, в немалой степени можно связывать со слабостью лондонского финансового рынка в его ранний период». Но действительно ли это была слабость?

⁵¹ Алеви продолжает, что «первое из этих направлений добилось очевидного триумфа, когда в 1819 году с восстановлением платежей металлическими деньгами знаковую победу одержала школа Рикардо, причем, более того, в тот момент, когда сам Рикардо завоевал себе место в Палате общин».

⁵² Брок продолжает: «Ни король, Палата лордов, ни Палата общин, ни народ не должны были оказывать решающее влияние, но каждый из них имел свою отведенную сферу и каждый мог нарушить баланс, переступая границу этой сферы».

предшествующих 60 лет составляли политику вигов⁵³. А У.Р. Брок (Brock, 1941, 35, 76) отсчитывает маргинализацию старых, или «высоких», тори, «которые противостояли реформам всякий раз, когда они начинались», с премьерства лорда Ливерпуля (1812—1827 годы, в особенности начиная с реорганизованной версии его кабинета после 1822 года). Брок называет этот кабинет «первым из тех правительств XIX века, которые хотя и нельзя считать „реформистскими“, но определенно можно рассматривать в качестве „сторонников улучшений“»⁵⁴. Консерваторы меньше думали о том, что улучшения должны быть медленными, нежели о том, что их не следует сознательно планировать либо интеллектуально конструировать — они должны просто появляться в виде спокойного консенсуса мудрецов⁵⁵.

Непосредственной проблемой подобной тактики было то, что во времена экономических неурядиц терпение рабочих классов иногда оказывалось ограниченным, а посреди социального разлада довольно трудно внедрять улучшения в порядке пресловутого спокойного консенсуса. Поэтому перед тем как Великобритания смогла начать упомянутые улучшения, правительство ощутило, что этот разлад необходимо поставить под контроль, и выбранным для этого путем стали репрессии. Уже военные годы не обходились без подавления социальных волнений — от усмирения английских якобинцев в 1790-х годах (см. Thompson, 1997) до разгрома луддитов в 1811—1812 годах. В 1815 году вместе с наступлением мира состоялось вызывающее принятие Хлебных законов (именно они с таким ажиотажем будут отменены в 1846 году), которые породили «движение петиций беспрецедентного

⁵³ Алевй (Halévy, 1949a, 200) в числе точек схождения политики тори и вигов называет понимание государства как партии войны и жесткой защиты свобод в Европе, социальную поддержку со стороны правительства, невмешательство военных в государственные дела, реформу государственной службы, смешанную конституцию с размытым фокусом власти.

⁵⁴ Аса Бриггс (Briggs, 1959) называет период между 1780-ми и 1867 годом в Великобритании «эпохой улучшений».

⁵⁵ В самом деле, в XX веке академические консерваторы будут утверждать, что именно так и происходило в действительности. Дженнифер Харт (Hart, 1965, 39) рассматривает феномен, названный ею «тористской интерпретацией истории» (ссылаясь на таких историков, как Дэвид Робертс, Оливер Макдонах и Дж. Китсон Кларк) в противовес виговской интерпретации, которая делала акцент на людях и идеях: «Объясняя прогресс в Англии XIX века, они преуменьшали роль людей и идей, в особенности роль последователей Бентама. Они считали, что общественное мнение, часто движимое христианской моралью, было в целом гуманистическим, что именно поэтому социальные язвы подвергались нападкам и с ними принимались бороться, когда люди ощущали их нестерпимыми, что многие изменения не обдумывались заранее или планировались определенным образом, но были результатом „исторического“ процесса или „слепых сил“. Все это подразумевало, что социальный прогресс в будущем, как и раньше, будет иметь место без человеческого усилия: все обернется к лучшему, если нас просто понесет лодка Оукшотта».

масштаба» (Stevenson, 1979, 190)⁵⁶. В 1817 году так называемое Пентричское восстание ткачей, работавших на ручных станках (не вполне революция, но некоторым в то время именно так и казалось), привело к приостановке действия права *habeas corpus*, а лидеры восстания были повешены⁵⁷. Массовый митинг в августе 1819 года, собравший примерно 60 тысяч человек на площади св. Петра в Манчестере (вслед за аналогичными собраниями в Бирмингеме, Лидсе и Лондоне) вызвал паническую реакцию властей, которая стала известна как Манчестерская бойня (Peterloo Massacre) (эта язвительная игра слов с намеком на Ватерлоо была навсегда внесена в анналы истории). Государство отреагировало на собственную панику появлением «одиннадцати мучеников»^{*} и принятием так называемых «Шести актов», а также увеличением размеров вооруженных сил (10 тысяч человек войск и 2 тысячи военных

⁵⁶ В Лондоне «случились события, вновь напомнившие о бунте лорда Гордона» 1780 года. О принятии Хлебных законов 1815 года см. Holland (1913, гл. 10). Очевидно, что правительство вводило их для обеспечения поставок продовольствия. Бойд Хилтон (Hilton, 1977, 303) предлагает следующее обоснование этого: «Когда падение цен в 1814—1815 годах стало угрожать тяжелыми потерями для сельскохозяйственных инвестиций военного времени, масштабным прекращением обработки земли и бегством капитала из этой сферы, министры вмешались в этот процесс, чтобы предотвратить неподобающий [*sic!*] уход данных капиталов в промышленность, а также с целью недопущения на рынок внешних излишков продовольствия, которые были достаточно велики для того, чтобы они могли уничтожить фермерские хозяйства, но слишком малы, чтобы накормить едоков». Данная точка зрения выглядит эгоистичной, но аргументы против Хлебных законов были немногим более альтруистичными. Соображения промышленников очерчивает Дональд Рид (Read, 1958, 11—12): «Манчестерские оппоненты Хлебных законов не рассуждали с позиций социальной справедливости, которые затем использовала Лига против Хлебных законов. Их аргументы неприкрыто отстаивали дешевый труд. Они утверждали, что высокие цены на хлеб заставят хозяев платить работникам высокие заработные платы, а следовательно, их продукция потеряет значимость на мировых рынках».

См. оценку у Коулмена (Coleman, 1988, 35, 39) всего периода, который привел к Манчестерской бойне, ставшей его кульминацией: «„Привычка к власти“, приписываемая правящим классам Британии XIX века, обернулась авторитаризмом, которому был брошен вызов еще в начале столетия. Некоторые репрессивные меры были неформальными (такие как социальное давление и притеснение, использование традиций в интересах богатей, поощрение или потворство насилию лоялистских движений), в то время как другие носили формальный и правовой характер, например, ужесточение статусных запретов и контроля, кампании травли, рост вооруженных сил для принуждения недовольных к повиновению или их подавления... Само правительство усилилось. Какие бы последствия ни имела Манчестерская бойня, именно таков был реальный урок 1819 года».

⁵⁷ См. Briggs (1967, 43), Evans (1983, 181—186). Как отмечает Уайт (White, 1973, 175), в связи с этой казнью «лорд Колчестер» продемонстрировал удовлетворение тем, что данное событие позволило устранить вредное заблуждение, будто «государственная измена была статьей обвинения, по которой не наказывали простолюдинов». Надвигающаяся демократия получила еще одну привилегию аристократии». О центральной роли ткачей в радикализме этого периода см. Clapham (1930, 1:178—180), Prothero (1979) и Read (1958).

моряков) (см. Read, 1958, 186—189)⁵⁸. Наконец в феврале 1820 года агентом-provokатором был раскрыт заговор на Кейто-Стрит, участники которого планировали взорвать весь кабинет министров; пять человек были повешены.

Как следует оценивать этот период беспорядков? Брок (Brock, 1941, 1) заявляет, что он «остается единственным на протяжении XIX века отрезком времени, когда могла произойти революция»⁵⁹. Однако это утверждение представляется несколько неприязненным преувеличением. Напротив, Малколм Томис и Питер Холт (Thomis and Holt, 1979, 124) делают вывод, что «наиболее устойчивое впечатление», которое оставляет эта «революционная угроза», заключается в «слабости движения собственно рабочего класса без участия среднего класса»⁶⁰. Возможно, так и было, но в любом случае можно согласиться с Р.Дж. Уайтом (White, 1973, 192), что «вместе с Манчестерской бойней и завершением эпохи Регентства назрела парламентская реформа». «Спокойный консенсус мудрецов» будет состоять в том, что лучшей гарантией долгосрочной политической стабильности окажется сочетание репрессий с последующими реформами (но не одно без другого).

Это становится еще более очевидно, если вспомнить, что волнения не ограничивались Великобританией — в 1819—1820 годах они имели общеевропейский масштаб. На конгрессе в Троппау* в 1820 году на это отреагировал Меттерних, призвав к интервенции в Неаполь и Испанию. Но британский

⁵⁸ В число «Шести актов», принятых 23 ноября 1819 года, входили:

- Билль о запрете на обучение владению оружием (Training Prevention Bill);
- Билль о конфискации оружия (Seizure of Arms Bill) (давал право на поиск оружия с последующим арестом);
- Билль о незамедлительном отправлении правосудия (Misdemeanors Bill) (был направлен на сокращение отсрочек в правосудии в случае массовых беспорядков);
- Билль о мятежных собраниях (Seditious Meetings Bill), направленный на пресечение собраний численностью более чем 50 человек. Такие встречи могли происходить только в церковном приходе по постоянному месту проживания их участников, и даже в этом случае их можно было разогнать по приказу, причем в любом случае участники не могли иметь с собой оружие, вывешивать флаги, использовать барабаны или играть музыку, шествовать военным строем;
- Билль о богохульстве и клевете в печати (Blasphemy and Seditious Libels Bill), направленный на ограничение роли радикальной прессы;
- Билль о подчинении газет штемпельному сбору (Newspaper Stamp Duties Bill), распространявший данную пошлину на печатные издания, которые выходили чаще, чем один раз в течение 26 дней, и стоили *менее чем 6 пенсов без налога*.

См. тж. Prothero (1979, 75).

⁵⁹ В духе «этого еще не хватало!» Брок утверждает (pp. 35—36), что «радикальные беспорядки 1816 и 1819 годов замедлили, а не ускорили парламентскую реформу. Тори более чем когда-либо убедились во враждебном отношении к реформистам, а виги стали равнодушны к тому делу, которое, как им казалось, получило такую поддержку».

⁶⁰ Далее (p. 127) авторы резко оспаривают обоснованность страха надвигающейся революции: «Ввиду подобной очевидной слабости революционной стороны, объяснение того, почему революция не произошла в конце XVIII или начале XIX века, не нужно искать в твердом положении правительства и сил под его командованием».

кабинет министров, как мы уже видели, формально отвергал эту идею, несмотря на ту «возрастающую симпатию», которую сторонники тори ощущали к Меттерниху в свете собственного чувства неуверенности «в контроле над народными массами» (Webster, 1925, 176—177). Менее же горячие головы понимали, что победа уже одержана, и теперь самое время переходить от репрессий к реформам или, по меньшей мере, к определенным улучшениям.

Франция во многих отношениях изначально испытывала меньше народного недовольства послевоенным спадом, чем Великобритания — возможно, потому, что французы были слишком поглощены восстановлением государственного аппарата. А может быть, это было наследие революционных структур, несмотря на то, что Франция, казалось, переживает Реставрацию. Возможно, там было более необходимо ограничить группу ультрароялистов, что ускоряло поступь либерального центра. Возможно же — и это наиболее вероятно, — что чрезмерная наглость «ультра» могла отвлекать внимание от социальных проблем.

Можно даже утверждать, что тем человеком, который начал данную реструктуризацию, был сам Наполеон, в период Ста дней «обратившийся в либерализм». Столкнувшись с Людовиком XVIII, провозгласившим в своей Хартии либеральную конституцию, Наполеон за две недели до Ватерлоо обратился к Палате пэров: «Я пришел, чтобы учредить конституционную монархию» (Suel, 1953, 180). «Мессианскому возвращению» Наполеона с Эльбы фактически было суждено окончательно затуманить его образ как тирана и воссоздать его образ как революционера. Тем самым Наполеон обеспечил определенное наследие: «Именно у тех трех наций, которым принадлежало первенство в революционной традиции начала XIX века — у Франции, Италии и Польши, — культ Наполеона был наиболее развит» (Billington, 1980, 129).

В 1814 году король, еще не вполне уверенно занявший трон, искал поддержку в центре. Не желая признавать идею народного контроля в принципе, вместо этого Людовик XVIII *провозгласил* Хартию, которая гарантировала значительное количество «народных» завоеваний революции: равенство перед законом, налогами и военной службой; свободу слова и совести (хотя католицизм вновь окажется государственной религией); сохранение наполеоновского гражданского кодекса; сохранение титулов и рангов, пожалованных предыдущим режимом; сохранность собственности, которая была конфискована и продана в революционном порядке; и прежде всего — сохранение централизованного государства. Конечно, одним из элементов этого компромисса был тот факт, что в политическом отношении первая реставрация была осуществлена при молчаливом согласии многих ключевых сторонников Наполеона, которые пошли на сделку в обмен на сохранение своих постов (см. Zeldin, 1959, 41). Однако важно отметить, что, несмотря на то что некоторые из данных лиц скомпрометировали себя перед королем во время Ста дней и затем были подвергнуты чистке, а в отдельных случаях и повешению, в ход Белого террора второй реставрации Хартия сохранялась. Очевидно, что этот факт был чем-то большим, нежели отражением ситуационного соглашения — это был политический выбор.

К разочарованию короля, результатом первых парламентских выборов стало избрание ультрароялистского парламента с учениками де Местра, Бональда и Шатобриана. Всего за год «умеренные», лояльные к королевским преференциям, оказались в парламентском меньшинстве, а Франция попала в ироничную ситуацию, в которой ультрароялисты, выступавшие за то, чтобы «традиция была возведена в систему и продвигалась в качестве политики»⁶¹ — традиция, столпом которой была монархия, — оказались в противофазе с воплощением этого столпа традиции. Этот состав парламента распустил сам король, распорядившись, чтобы следующий был несколько более подходящим для него. Однако борьба продлится до 1824 года, когда значительному росту популярности ультрароялистов способствовало вступление на престол брата Людовика XVIII Карла X. Но именно этот определенно правый поворот, конечно же, напрямую приведет к Июльской революции 1830 года.

Главное и окончательное сражение за создание либерального государства велось не в Великобритании, где, как мы видели, к 1820-м годам оно одержало победу даже внутри партии тори. Эта битва велась во Франции, где легитимисты во время Реставрации упорно и не покладая рук боролись за то, что, как они считали, должно было ознаменовать отстранение Наполеона — а именно за восстановление привилегированной аристократии и привилегированной церкви, то есть, с их точки зрения, за «уничтожение равенства!» (Elton, 1923, 103). Поэтому, оказавшись под властью короля, который желал править рационально и умеренно, то есть занимая центристскую позицию (поскольку он осознавал, что реальная проблема заключалась в том, каким образом направлять народные настроения, которые больше нельзя было игнорировать как недостойные внимания), легитимисты обратились против короля, а тем самым и против традиции. Бональд (цит. в: Mellon, 1958, 102—103) давал четкую оценку происходившему уже в 1817 году:

«Мы, называющие себя роялистами, хотим, чтобы королевская власть была утверждена легитимностью. И если мы начнем действовать примерно как сторонники Католической лиги», то нас следует оправдать — и даже похвалить, поскольку нам приходится действовать именно так потому, что королевская власть сейчас противостоит легитимности. Поэтому мы правы в том, что служим [королевской власти] против нее самой»⁶².

Легитимисты занимались самоуничтожением. С одной стороны, они оказались в фаворе у авторитарного государства, а это не то же самое, что оказаться в фаворе у абсолютистского государства, поскольку это подразумевает популистскую или, по меньшей мере, антиэлитарную тональность⁶³. В то же время «их приверженность абсолютной монархии и праву помазанника

⁶¹ Именно такое определение «ультра» дает Рене Ремон (Rémond, 1982, 22), рассматривая их как одних из трех типов «правых» во Франции; двумя другими были орлеанисты (консерваторы-либералы) и националисты-бонапартисты.

⁶² *Archives*, I, 1817, 10 (цит. в: Mellon, 1958, 102—103).

⁶³ Бернар-Пьер Лекьюер (Lecuyer, 1988, ii) в своем редакторском предисловии к переизданию Бональда 1980-х годов указывает, что когда его работа «Теория поли-

Божьего [их попытка служить королевской власти против нее самой] вела их к противостоянию конституционной монархии и выступлению на стороне парламента» (Ruggiero, 1959, 174)⁶⁴. Хуже того, они стали выступать за расширение избирательного права, полагая, что голоса среднего класса можно разбавить «традиционалистскими» голосами крестьян. А поступая таким образом, они еще сильнее подчеркивали роль парламента. Луи Блан доходчиво писал в 1841 году (Blanc, 1841, 1:73):

«Какое значение для истории имеют намерения парламента 1815 года? Его наследие заключается в сделанном им. Именно этот парламент провозгласил догму абсолютного суверенитета законодательного органа, а тем самым именно он неосознанно заложил основания для того хода мысли, выводом из которого после 15 лет борьбы был 1830 год... [Результатом роспуска парламента Людовиком XVIII было то, что] называвшие себя *ультрароялистами* оказались в смятении, а называвшие себя *либералами* аплодировали, хотя все должно было случиться наоборот».

Поэтому не удивительно, что эти же легитимисты к 1840 году сформировали первую организованную политическую партию во Франции.

Легитимисты предоставили удобный случай либералам, позволив им приспособить революцию (и даже Наполеона) к подлинной традиции, в процессе отделив себя от чрезмерных демократических обертонів революции⁶⁵. Последняя была благом, но пошла по неправильному пути, отклонившись от

тической и религиозной власти» была опубликована в 1796 году, она была запрещена французским правительством (Директорией) и поэтому имела во Франции немного читателей. Правда, у Бональда был «один примечательный читатель: в то время об этой книге слышал Бонапарт и, похоже, был ею сильно увлечен». Не имеет значения, что сам Бональд в последующие годы будет занимать яростно антинаполеоновскую позицию, исходя как раз из тех оснований, что Наполеон был тираном (см. Коуте, 1946, 57, п. 6), поскольку логика его позиции, по оценке Бенетона (Béneton, 1988, 43), подталкивала его в современном авторитарном направлении: «Поскольку подлинный разум всецело социален, любые новшества должны априори считаться пагубными и опасными... Но наиболее опасна новая *идея*... Поэтому необходима цензура книг... Примат социального оправдывает апелляцию к светским властям. Таким образом, кульминацией радикального традиционализма Бональда становится авторитарный рецепт».

⁶⁴ Это позволяет эталонному либералу Гвидо де Руджеро (Ruggiero, 1959, 85) нападать на легитимистов как на революционеров: «[В рассуждениях де Местра, Бональда и прочих] нет ничего, к чему было бы применимо слово „реставрация“ в его подлинном смысле. Скорее это продолжение той же самой революции, демонстрирующей свою новую сторону... Монархи периода Модерна действительно выросли из краха средневекового универсализма... Поэтому религиозный универсализм Священного Союза полностью оторван от традиции; он направлен против Декларации прав человека, но сам по себе по своему характеру является не менее традиционным».

⁶⁵ См. Mellon (1958, 3, 7): «Первой политической задачей, с которой столкнулись либералы, ... было очищение Французской революции. Само их существование в этот период зависело от их способности оправдать революцию, освободить ее от беззакония, отделаться от ее преступлений... Вместо того, чтобы восславить „новизну“ революции, ее отвращение к столетиям тьмы и тирании, либералы эпохи Реставрации ухватятся за

своего исходного либерального направления, утверждали Гизо⁶⁶ и прочие либеральные историки (в конце XX века эту тему возродит Франсуа Фюре), однако «благодаря Хартии Людовика XVIII стало возможно завершить катехизис — Революция триумфально окончена». В этом смысле «либералы стали подлинными роялистами, а „ультра“ — подлинными революционерами» (Mellon, 1958, 47)⁶⁷. Меллон называет данное прочтение истории Французской революции «краеугольным камнем в развитии европейского либерализма». Тем самым либералы лишились радикализма и стали отличаться — в своем собственном восприятии и все больше и больше в чужом — от «демократов». *Либерализм* стал термином, связанным с умеренным статус-кво⁶⁸. Он потерял «дополнительное значение „фанатик“, растворившись семантически в общем определении различных французских „достижений“ после 1789 года» (Marichal, 1956, 293). А вместе с этим либерализм смог перейти от направления, представлявшего собой оппозицию наполеоновскому деспотизму, к продолжению наполеоновского опыта:

«Либерализм как государственная практика происходил из той же матрицы, что и наполеоновская администрация, с единственным и практически ограниченным исключением выборного представительства в качестве фактора, сдерживающего произвол власти. Как и наполеоновские функционеры, либералы были убеждены, что они воплощали социальный и экономический прогресс, были благосклонны к науке и технологиям и провозглашали рациональные, утилитарные принципы в качестве основы высококвалифицированного и нейтрального управления. Преемственность между наполеоновским опытом и либерализмом усиливалась упорной защитой бывших имперских администраторов от легитимистских претензий ряда восстановленных монархий, равно как и ведущей ролью этих администраторов в предложениях

ее связи с прошлым и будут противостоять попытке консерваторов исключить революцию из французской истории с версией, предполагающей ее долг перед прошлым, ее преемственность».

⁶⁶ «Революция, результат священной необходимости общества в движении, основанная на моральных принципах, предпринятая ради общественного блага, была ужасной, но легитимной борьбой закона против привилегий, свободы против произвола, и... лишь она способна путем саморегулирования, самоочищения и учреждения конституционной монархии довести до конца заложенное ею благо и исправить причиненный ею ущерб» (Guizot, 1820b, 28). Таким образом, по выражению Розанваллона (Rosanvallon, 1985, 199), «понятая с этой точки зрения, Хартия 1814 года вовсе не была незаконнорожденным, ситуационным компромиссом, а напротив, представлялась финальной точкой в долгой истории».

⁶⁷ Этот анализ историографии Французской революции в период Реставрации у Стэнли Меллона (1958 год) следует рассматривать в связи с анализом историографии времен двухсотлетия революции у Стивена Каплана (1993 год). *Plus ça change* [много что изменилось — фр.]...

⁶⁸ Как в самом деле заявляет Руджеро в защиту либерализма (Ruggiero, 1959, 89), «подлинная Реставрация заключалась не в Венском трактате, имевшем ограниченное действие, и даже не в политике Священного Союза, но постепенно осуществлялась в истории европейских наций, в которой традиция и революция, реакционеры и якобинцы противоположными курсами двигались в общем направлении восстановления равновесия и осуществления сплава старого и нового».

статистического характера, направленных на разрешение социальных проблем» (Woolf, 1991, 242).

Таким образом, как только либерализм отбросил свои радикальные связи (и в Великобритании, и во Франции), он вступил на технократический, реформистский путь. Для британского правительства в то время наиболее острой проблемой, требовавшей решения, были деньги. Действительно, в книге Уильяма Кука Тейлора⁶⁹ 1851 года говорилось, что после 1815 года Великобритании нужно было решить три неотложные проблемы — «деньги, хлеб и католики» (cash, corn, and Catholics), причем отметим, что именно деньги Тейлор поставил на первое место. В 1797 году в силу экономических сложностей, возникших из-за военных расходов и сложного положения на фронтах, Питт «временно» приостановил «наличные платежи» (металлическими деньгами) по банкнотам Банка Англии, тем самым сохранив его металлические резервы⁶⁹, но при этом «вызвав дискуссию, которая продолжалась более чем три четверти столетия» (Fetter, 1965, 1). Если быть более точным, то дискуссии было две. Восстановление платежей металлическими деньгами совпало с кульминацией так называемой биллионистской дискуссии, а это, в свою очередь, вело к еще одному спору — между так называемыми банковской и денежной школами⁷⁰. Биллионисты были напуганы инфляционным давлением 1809—1810 годов, которое они связывали с чрезмерной эмиссией денег, и в качестве средства от этого проповедовали конвертируемость бумажных денег в золото. Антибиллионисты же утверждали, что проблема не может быть решена путем изменения финансовой политики, поскольку она порождена чрезвычайными трудностями войны, а значит, является преходящей. Компромисс заключался в том, чтобы отложить восстановление платежей металлическими деньгами до наступления мира. Однако в этот момент началась острая дефляция, и любое сдерживание кредита, что и представляло собой данное восстановление⁷¹, вызывало существенное противостояние. На тот момент это в значительной степени

⁶⁹ Об оттоке ликвидности из казначейства в 1793—1797 годах см. Clapham (1944, 1:259—272). Клэпхэм (р. 172) говорит о «ключевой значимости драгоценных металлов» для Банка Англии «сразу перед приостановкой наличных расчетов в 1797 году» (1:172). В это время банкноты Банка Англии не были легальным платежным средством, и «до тех пор, пока общественность не видела в банковских билетах преимуществ легального платежного средства, правительство и банк предпочитали использовать их именно таким образом». Одной из причин того, почему приходилось избегать термина «*легальное платежное средство*», было то, что в общественном мнении он ассоциировался с ассигнациями времен Французской революции» (Fetter, 1965, 59). Крах ассигнаций в 1795 году в действительности привел к росту использования во Франции металлических денег, что, в свою очередь, было одним из факторов, вызвавших упомянутый отток металлов из британского казначейства (см. Fetter, 1965, 11—21).

⁷⁰ Обзор этих запутанных дискуссий см. в: Laidler (1987) (о биллионистской дискуссии) и Schwartz (1987) (о противостоянии банковской и денежной школ). Об обеих дискуссиях см. тж. Fetter (1965, 28, 187—192).

⁷¹ О политической подоплеке спора о возобновлении расчетов металлическими деньгами см. Jenks (1927, 25—31) и Fetter (1965, 95—103).

было противостояние между теми, кто акцентировал положение Великобритании в международном обмене (например, лидеры хлопковой промышленности), которое усиливал золотой стандарт, и теми, кто беспокоился об удержании цен на сельскохозяйственную продукцию⁷², причем к последним относились не только крупные землевладельцы, но и в равной степени «обычные люди»⁷³.

Когда Манчестерская бойня продемонстрировала непреклонную сущность правительства, вопрос о том, сколько места должно быть отведено «простому человеку», стал притягивать все больше и больше общественного внимания в Великобритании. В основе народного недовольства — это было очевидно — лежала «нужда», а существующих институтов ее облегчения было явно недостаточно для того, чтобы удерживать трудящиеся классы от «необходимости прибегать к беспорядкам» (Darvall, 1934, 199)⁷⁴. Несмотря на то, что Манчестерская бойня была попыткой запугать эти классы, и до определенной степени сделать это удалось, правящие классы были запуганы растущей социальной мощью трудящихся.

⁷² «Недовольство сельскохозяйственных производителей усиливалось возобновлением платежей металлическими деньгами. При „бумажном режиме“ заключались контракты, заимствовались деньги и распределялись налоги, но с возвращением к золотому стандарту стоимость денег вырастет, цены упадут, а оговоренные долговые обязательства придется оплачивать деньгами по увеличенной стоимости» (Brock, 1941, 186).

«В этот момент хлебный и денежный вопросы в протестном движении очевидно пересеклись — действительно, на какое-то время они стали единым вопросом... Должники оказались под тяжелым бременем... Одной из наиболее значимых групп должников были фермеры... Технические детали финансовых манипуляций имели... огромную важность для земледельцев, сколь бы мало они в них ни понимали. Однако критики легко забывали эти детали и нападали на политических экономистов с их „лживой спекуляцией“, „гнусными теориями“ и „людьми с Чейндж-Элли“, которые представлялись ответственными за большую политику. „Вера! Теперь она становится всем“ — настаивает Бэринг на конгрессе суверенов“, а Рикардо [представлявший закон о восстановлении платежей металлическими деньгами] решает внутренние вопросы» (Briggs, 1959, 204–205).

⁷³ «Все это было благом для богатей, которые после Наполеоновских войн могли найти любой необходимый им кредит и утвердить жесткую дефляцию и монетарную ортодоксию в экономике; пострадал же обычный человек, который в XIX веке в любой стране и в любое время требовал легкого кредита и неортодоксального подхода к финансам» (Hobsbawm, 1962, 58). Возвращение к золотому стандарту в 1819 году было воспринято как восстановление в правах монополистической власти богатого класса, который контролировал денежное предложение» (Cole, 1953, 1:110). Радикалы из среднего класса были на стороне восстановления платежей металлическими деньгами, поскольку они полагали, что это позволит стране «вернуться к нормальным для мирного времени ставкам налогообложения» (Read, 1958, 64).

⁷⁴ Разумеется, это было в равной степени верно в сельских районах, где существовали «два отдельных класса, чьи интересы полностью различались и противоречили друг другу... Когда капиталисты богатели, трудящиеся страдали. [К 1815 году] в сельских районах Англии и Шотландии назрел пролетарский мятеж» (Halévy, 1949a, 249).

Спор между либералами и консерваторами (лучше употреблять эти термины, нежели «виги» и «тори» или даже «радикалы» и «тори») шел не о том, имелась ли некая «проблема», которую следовало решить. Скорее спор шел о том, каков был наилучший способ ее решения. Либералы рассчитывали на наделение законодательными полномочиями специалистов, в то время как консерваторы надеялись на ту неопределенную сущность, которая именуется «интересами»⁷⁵. Тем не менее первые робкие шаги в рамках законодательного подхода были сделаны в 1817 году, при правительстве тори, с принятием Акта о трудоустройстве бедняков, который обеспечил последним работу на строительстве каналов, дорог и мостов. Этот закон представлял собой «существенно новую отправную точку» в том смысле, что он «по умолчанию признавал» обязательство помогать «простому человеку» во времена экономической депрессии (Flinn, 1961, 92)⁷⁶. К этому робкому законодательному усилию следует добавить умиротворяющие элементы методизма, эмиграции и имперского фактора. О роли протестантских сект в обеспечении политической стабильности Великобритании говорится давно⁷⁷. Предложения Уилмот-Хортона стимулировать эмиграцию в качестве решения проблемы бедности получили

⁷⁵ «Преобладающим отношением партии тори в отношении трудящихся классов была идея „групповых интересов“. Именно старый предрассудок XVIII века, отдававший предпочтение в качестве предмета управления „интересам“, а не государству, был тем элементом, который наиболее упорно противостоял усилиям либеральных реформаторов по формированию публичной администрации в ясном и рациональном духе» (Hill, 1929, 92).

⁷⁶ Флинн также отмечает (pp. 84—85), что в 1793—1811 годах парламент четырежды голосовал за казначейские векселя, которые облегчали положение купцов, мануфактурщиков и колониальных плантаторов, оказавшихся в затруднительном положении. В четвертом из данных постановлений действительно упоминалась «проистекающая из этого угроза для занятости». Однако до 1817 года данные акты просто способствовали росту оборотных средств предпринимателей и стимулировали некоторые виды общественных работ. Упомянутый акт 1817 года включал также «стремление повысить уровень занятости», хотя в действительности правительственное социальное законодательство предшествовало этому акту. Имелся также Акт о здоровье и морали подмастерий 1802 года, который ограничивал рабочее время подмастерий-бедняков на текстильных фабриках 12 часами в день. На самом деле это было, возможно, в большей степени продолжением законов о бедных Елизаветинской эпохи, нежели ответом на новую социальную силу трудящихся классов (см. Heywood, 1988, 218), однако в 1815 году Пиль с подачи Роберта Оуэна издал второй подобный билль (см. Ward, 1973, 56). Сложно провести границу (если таковая вообще существует) между социальной благотворительностью тори (*noblesse oblige* [положение обязывает — *фр.*]) и их же осмотрительным приспособлением к необходимости ограничивать социальные волнения. В любом случае «пилевский консерватизм не имел единодушного мнения по рабочим вопросам. Внимание официальной партии при Пиле и Веллингтоне было занято другими вещами» (Hill, 1929, 181).

⁷⁷ «Они предлагали выход, который мог облегчить отчаяние пролетариата во времена голода и нищеты, воздвигали мирный барьер перед распространением революционных идей и обеспечивали потребность в правовом контроле путем раскачивании деспотического общественного мнения» (Halévy, 1949b, vi). «[Сектантов] с их пламен-

определение «выгребания нищих»⁷⁸, а эмиграция, в свою очередь, была связана с империей.

Лейтмотивом британской политики в период, начавшийся сразу после 1815 года, представляется осторожность. Британцы с осторожностью относились к отмене протекционистских структур, к возобновлению платежей металлическими деньгами, и ту же осторожность можно увидеть в их отношении к колониям и меркантилистской системе. Либеральные политические экономисты были в принципе против империи⁷⁹, но это была оппозиция любому «внезапному опрокидыванию существующей системы» — здесь, как и в других вопросах, либералы перестраховывались. Да, они выступали за свободный рынок, но не жертвуя накоплением капитала. Изменения действительно

ной страстью к свободе объединяла приверженность порядку, которая брала верх в крайних случаях» (Halévy, 1949a, 424).

⁷⁸ Хью Джонстон (Johnston, 1972, 64) защищает Хортонa от подобной клеветы, утверждая, что он действительно «верил в ценность колониальных владений». Возможно, и так, но масштабы эмиграции бедняков были значительны (примерно 11 тысяч человек, или каждый из 19 эмигрантов) и действительно сокращали масштаб проблемы. Правительство в самом деле стимулировало эмиграцию, о чем с ясностью говорит сам Джонстон (pp. 1—2): «Между 1815 и 1826 годами правительство лорда Ливерпуля провело шесть отдельных экспериментов с государственной поддержкой эмиграции... Как и в случае с парламентской реформой и отменой Хлебных законов, эмиграция была вопросом, коренившимся в недовольстве низших классов».

Еще одним поводом для беспокойства было то, что ирландцы и шотландцы из горных районов станут переселяться в «экономически развитые территории Соединенного Королевства» (Clapham, 1930, 63). Очевидно, что это был реальный сценарий, и не менее очевидно, что до определенной степени он был очень благоприятен для предпринимателей. Однако в какой-то момент он начинал усиливать проблему социального напряжения в городах, в то время как эмиграция тех же самых людей за пределы Соединенного Королевства не создавала подобных неудобств. В «Эмиграционном исследовании 1826—1827 годов» говорилось о «несметном увеличении численности потенциальных ирландских мигрантов и... угрозе для британского образа жизни» (цит. в: Clapham, 1930, 64).

⁷⁹ «Будучи заклятыми врагами меркантилизма и всех его практик, эти экономисты [Рикардо, Мальтус, Милль, Маккаллох], конечно, противостояли колониальной системе, и в то время, когда империя без торговых ограничений представлялась некоей аномалией, их проповедь была действительно антиимпериалистической по своему тону» (Schuyler, 1945, 70). Одно из самых сильных высказываний по данному вопросу, сделанное по случаю парламентских дебатов о прекращении навигационной монополии, принадлежит Уильяму Хаскиссону (Huskisson, 1825, 24): «По сути дела, ... [колониальная] монополия является либо бесполезной, либо губительной. Она бесполезна, когда метрополия может обеспечивать колонию товарами по той же либо по меньшей цене, чем другие страны, а если она не в состоянии это сделать, то монополия, вынуждающая некоторую часть капитала метрополии находить себе такое применение, к которому он не имеет особенной склонности, очевидно и определенно является пагубной». В подтверждение этих истин Хаскиссон указывал на пример продолжавшейся интенсивной торговли с США после обретения ими независимости. Что же касается предотвращения иностранной конкуренции, то он утверждал (p. 285), что «все тираннические правила и *guarda costas* [береговая охрана — исп.] старой Испании не уберегли ее колонии от наводнения запрещенными товарами из Англии, Франции и Германии».

состоялись, хотя «фритредерам казалось, что старая система, подобно Карлу II, была вопиющим убийством времени» (Schuyler, 1945, 103).

Либералы были осмотрительны даже в своих идеях относительно колоний. В целом либеральные экономисты были очень обеспокоены снижением прибылей, и Эдвард Гиббон Уэйкфилд⁷ пришел к выводу, что колонии были частичным ответом на нехватку возможностей для доходного инвестирования. Джеймс Милль (цит. в: Winch, 1963, 398), хотя в целом и принимал критические замечания Рикардо, фактически соглашался, что «если колонизация была для Британии экономической необходимостью, то она требовала правительственной поддержки»⁸⁰. Уэйкфилд развивал «новую, либеральную концепцию империи» с чисто бентамовским обоснованием эффективных и самофинансируемых колоний⁸¹. Поэтому колонии в империи эпохи Регентства действительно отличались от колоний более раннего периода, как утверждал Винсент Харлоу (Harlow, 1953). Они стали «заокеанским продолжением социального изменения, образчиком социального империализма» (Bayly, 1989, 252—253)⁸².

Для британцев заокеанское социальное изменение на практике означало колонизацию, когда это имело для британцев экономическую необходимость, и деколонизацию других стран, когда это было экономически полезно для Британии. В отсутствии наполеоновских универалистских притязаний целый мир для островного народа внезапно стал его великим делом. «Начиная с 1815 года Англия отправляла по всему свету полчища своих посланцев» — в качестве туристов, эмигрантов, колонизаторов и романтических

⁸⁰ Однако точка зрения Хаскиссона (Huskisson, 1825, 287) довольно отличалась: «Действительно, НОРМА прибыли в немалой степени зависит от того, насколько велика сфера использования капитала, но это всецело определяется производительностью промышленности в конкретный момент времени».

⁸¹ «Уэйкфилд подчеркивал „научную“ природу данного предположения... Можно провести параллель между Центральным управлением по землям и эмиграции Уэйкфилда и еще одним творением в духе Бентама — Центральным управлением надзора за исполнением законов о бедных, система которых была пересмотрена. Оба эти агентства представляли собой централизованные бюрократические структуры в духе, незнакомом и несозвучном тогдашней британской ментальности. Оба они требовали штата специалистов с полной занятостью, полностью сведущих в тех принципах, которые лежали в основе данной системы, для экономичного и эффективного управления ею, с прозрачной цепочкой приказов и ответственности, достигающей до их подчиненных... Колонии больше не являлись просто военными форпостами или местами ссылки заключенных, не предназначались для аристократических синекур или торговых выгод определенных групп интересов. Теперь предполагалось создать новые сообщества, свободные от политических и религиозных ограничений английской жизни, но обладающие некоторыми атрибутами старой цивилизации» (Winch, 1965, 149—150).

⁸² См. далее: «Конечно, в умах государственных мужей не было злого умысла, что присвоение какого-нибудь карибского острова или там индийской провинции поможет дисциплинировать рабочий класс или обеспечит территорию для нищих шотландских горцев или недовольных ирландских крестьян. Это было больше, чем ощущение национальной миссии, выкованной из конфликта и смуты в Британии и в особенности распространявшейся новыми военизированными джентри, которые отправились за моря и оживили угасшие амбиции покладистых губернаторов колониальных форпостов».

сторонников революционеров (Halévy, 1949b, 126—127)⁸³. В 1823 году, после долгого промежутка времени, наполненного колебаниями и одновременно поощрением переселенческих движений за независимость Латинской Америки, Великобритания наконец заняла решительную позицию против любой страны, помимо Испании, которая посылала войска для подавления этих движений — и это было признано решающим моментом в их борьбе⁸⁴. Ведь Великобритания была готова сражаться там — точно так же, как она не была готова сражаться против французской интервенции в саму Испанию в 1820 году⁸⁵. Конечно же, именно этого и ожидают от державы-гегемона, и именно

⁸³ См. далее у Алеви: «Представители знати и среднего класса отправлялись в Париж или в Италию, чтобы насладиться более дешевой жизнью, более легкими налогами [пусть это возьмут на заметку те, кто думает, что Великобритания превосходно воплощала собой образ государства как ночного сторожа — И. В.], лучшим климатом и более обильными удовольствиями. Безработные трудящиеся покидали Великобританию, чтобы найти работу на нетронутой почве Северной Америки, Южной Африки и Океании, а революции, разразившиеся почти по всему миру, обеспечивали всем, кто был движим духом приключений и находил мирную жизнь пресной, возможность вырваться вперед в качестве верных поборников свободы. В Париже сэр Роберт Уилсон помогал бежать Ла Валетту, в Равенне Байрон вступал в конфликт с австрийской полицией», но самые славные приключения этим странствующим рыцарям предоставляла Южная Америка. Лорд Кочрейн командовал флотом Чили, командор Браун — флотом Республики Ла Плата, который стоял перед Буэнос-Айресом. В Венесуэле генерал Мактрегор шел от битвы к битве, а генерал Инглиш возглавлял англо-германский корпус из 300 человек. Согласно одной из оценок, в 1819 году более 10 тысяч человек отплыли из ирландских портов „сражаться против деспотизма в Южной Америке“, причем только одна из бригад состояла из более чем 50 сотен, участвовавших в битве при Ватерлоо».

⁸⁴ «Хорошо известно, каким образом Каннинг отреагировал на проблему [угрозы европейской интервенции]. Он издал своевременное предупреждение, что британский флот будет использован для предотвращения отбытия из Европы войск Франции и прочих стран, помимо Испании... Континентальные государства получили серьезный повод, чтобы подсчитать те риски, которым они себя подвергали» (Imlah, 1958, 9).

⁸⁵ В 1823 году также увидела свет доктрина Монро⁸⁶, но ее действенность не следует преувеличивать. Декстер Перкинс (Perkins, 1927, 256—58) говорит о ее «временном, а не длительном интересе для большинства европейцев», добавляя, что «представление о страхе, который она вселяла в сердца дипломатов Старого Света, — это легенда и не более того». Очевидно, что на действия Великобритании была иная реакция, отмечает Р. Сетон-Уотсон (Seton-Watson, 1937, 88): «Едва ли было бы преувеличением утверждать, что именно позиция Каннинга, а не доктрина Монро была решающим фактором в „создании Нового Света“, поскольку Соединенные Штаты, по общему признанию, не были готовы к длительной войне, в отличие от вполне подготовленного Каннинга, и Европа, осознавая это, явно была впечатлена». Что же касается намеченной интервенции в саму Испанию, то Каслри и его тогдашний министр иностранных дел Каннинг отклонили участие в ней. Конечно, они дали понять, что не одобряют французскую интервенцию, но делали это «полностью пассивно при том условии, что Франция избегает вмешательства в дела Португалии и Испанской Америки» (Seton-Watson, 1937, 84).

таким образом подобная держава заявляет о себе — создавая внутренние угрозы, которые, как она ожидает, не будут пробуждены к жизни, но при этом зная, в каких ситуациях она недостаточно сильна, чтобы выдвигать ультиматумы⁸⁶. Таким образом, успешно создав для европейских государств такое положение, в котором они не могли ничего поделать, «Каннинг фактически получил главный кредит доверия среди южноамериканцев» (Temperley, 1925b, 53), и тем самым Великобритания обеспечила себе статус знаменосца свободы, несмотря на то, что ее собственные экономические интересы в этой игре были очевидны.

Эта готовность Великобритании выступать с ограниченной поддержкой движений за независимость в равной степени распространялась на Балканы/Османскую империю, в особенности в случае Греции. Общественное мнение в Великобритании разрывалось между презрением к автократии, которая рассматривалась как нечто не вполне цивилизованное, и благоразумным желанием не слишком впутываться в эту историю. «Влияние без вовлечения» — именно так Эванс (Evans, 1983, гл. 21) описывает задачи британской внешней политики того времени в Европе. Однако другим способом обозначения этих целей является утверждение, что главной задачей Британии было медленное разрушение Священного Союза путем создания для него помех везде, где его принципы были наиболее шаткими. Случай Греции представлял в этом смысле блестящую возможность. Греческая революция началась позже других революций в Европе 1820—1822 годов, но примерно в то же время. В случае других революций Великобритания, как мы видели, «пассивно» не одобряла интервенцию. Однако греческое восстание имело специфическую особенность, будучи восстанием христиан против мусульманской империи, в частности, восстанием православных христиан. Меттерних мог сохранять безразличие, но для императора Всероссийского занять такую же позицию было сложнее. Однако даже в этом случае Александр колебался, но Николай I, вступивший на престол в 1825 году, был готов присоединиться к Великобритании, а затем

⁸⁶ См. рассуждение Темперли (Temperley, 1925b, 37) об очевидном авторитете Великобритании в данном вопросе: «Каслри принял Александра I в Ахене (1818), чтобы отвергнуть любой план насильственного вмешательства в дела Латинской Америки... Но тот факт, что новый Священный Союз подчинился Каслри в 1818 году, не означал, что он должен был поступить так же [и в 1823 году], если Франция готовилась рискнуть чем-нибудь, чтобы достичь этой цели». Но была ли готова к этому Франция? Казалось, она предполагает, что сможет это сделать. В 1815 году Людовик XVIII уже пытался возобновить Фамильный договор и тем самым предлагал поддержку Испании — следовательно, Франция надеялась простимулировать создание в Латинской Америке монархий во главе с Бурбонами. Однако к концу 1823 года Франция убедилась, что «Испания не может отвоевать свои бывшие колонии» (Robertson, 1939, 319) и поэтому невозможно принять вызов Великобритании, несмотря на то, что значительную поддержку интервенции оказывала партия ультрароялистов (включая «Месье», который вскоре станет королем Карлом X).

и к Франции в ускорении решения греческого вопроса⁸⁷, что окончательно и полностью произошло только в 1830 году.

С одной стороны, в Великобритании и в других странах греческое восстание было делом радикалов:

«Греция... стала вдохновителем международного либерализма и „филэллинства“, что подразумевало организованную поддержку греков и отправку в Грецию множества волонтеров. В 1820-х годах это сыграло в единении европейского левого фланга такую же роль, какую поддержку Испанской республики суждено будет сыграть в конце 1930-х» (Hobsbawm, 1962, 145)⁸⁸.

Но, с другой стороны, греческий национализм выступал тем клином, который британское правительство могло использовать для подрыва того, что осталось от Священного Союза. И если последний еще в 1822 году оставался «чудовищным знаменем», то уже к 1827 году стал «предметом презрения» (Temperley, 1925a, 474) — в первую очередь благодаря Греческой революции. «Главным творцом этого обрушения [Священного Союза] был Джордж Каннинг» (Weill, 1931, 68)⁸⁹.

Роль Греческой революции была двусмысленной: она выступала как архетипом национальной (nationalist) революции для последующей «весны народов», так и главным поручительством в британской борьбе за усиление хватки гегемона в мире-экономике. Следовательно, и радикальный миф, и обоснование интеллектуальных маневров тори как раз и отражали двусмысленности романтизма. Ведь именно Греция была первым вдохновителем европейского романтизма, даже несмотря на то, что старые добрые европейские

⁸⁷ Х. Г. Шенк (Schenk, 1947, 41) напоминает, что, когда в 1815 году османскому правительству отказали во вступлении в Священный Союз, оно «было склонно искать за этим шагом скрытые мотивы. В конечном итоге нелегко было забыть, что еще совсем недавно, в 1808 году, Россия притязала на Константинополь».

⁸⁸ См. тж. Billington (1980, 135): «[Греческая революция 1821 года] подняла престиж конституционной революции во всей Европе в то самое время, когда ее дело казалось наиболее безнадежным. Она дала впечатляющий стимул делу национальной (но не социальной) революции, которая политически мобилизовала влиятельных романтических писателей». Национализму действительно требовался этот стимул. Это было очень молодое учение, в некотором отношении родившееся в Наполеоновскую эпоху, но его все еще смешивали с сопротивлением оккупационным силам. Лишь после 1815 года национализм становится осознанной доктриной, утверждающей, что государство и нация должны совпадать. Как утверждает Пьер Ренувен (Renouvin, 1954, 12), «в 1815 году... эта доктрина еще нигде не возникла в своей полноте».

⁸⁹ Вейль (р. 95) утверждает, что «распад Священного Союза, начавшийся в связи с Испанией и Испанской Америкой, был завершен на Востоке... Именно раскол этой группы европейских государств сделал возможной победу либерализма в 1830 году». См. Temperley (1925a, 474—475). Темперли выдает Каннингу аналогичный кредит: «Таким образом, это была постоянная работа. Безопасностью, которой наслаждалась Англия в разгар бури 1848 года, она больше обязана Каннингу, чем кому-либо еще... Революции 1830 и 1848 годов доказали, что мир может „оказаться безопасным для конституционной монархии“. Именно Каннинг предвидел ее умиротворяющее влияние в 1820-х годах».

классицисты восхваляли рациональность древних греков. Эпоха романтизма «пришлась на промежуток 1790—1830 годов». Она естественным образом ассоциировалась с Французской революцией, поскольку романтизм имел отношение к «созданию нового общества, отличающегося от его непосредственного предшественника» (Barzun, 1943, 52). Поэтому он был индивидуалистическим, волюнтаристским и поэтическим, выступая за освобождение воображения. Но именно потому, что он стремился к этому, он отвергал ограничения настоящего. Однако в то же время романтизм был «и любовью к прошлому, привязанностью к старым традициям, удивлением для эпохи, когда народы, наполненные [*bercés*] легендами, создавали наивную поэзию, немного ребяческую, но искреннюю и спонтанную» (Weill, 1930, 215).

«Таким образом, несмотря на то, что романтизм предполагал спонтанность и тем самым мог санкционировать революцию, он резко противостоял любому универалистскому тону революции, в особенности тому, который воплотился в наполеоновском применении универалистского проекта к непокорным народам⁹⁰. Именно поэтому такой радикальный революционер-рационалист, как Огюст Бланки, считал романтиков врагами. Когда Бланки, великий революционер-практик XIX века, прекратил борьбу во время революции 1830 года, он ворвался в помещение редакции газеты, где он работал, сбросил, стоя в дверях, свое ружье и закричал с юным энтузиазмом [определенно романтическое качество — И. В.] сидевшим там старшим по возрасту журналистам: „*Enfoncez, les romantiques!*“ — „Попались, романтики!“ Революция, ради которой Бланки только что рисковал жизнью, не была для него в первую очередь победой рабочих-республиканцев над их угнетателями. Прежде всего ему пришли на ум витиеватый романтический стиль Шатобриана, идеализация Средневековья, псевдоготика и подражание феодализму — все это теперь исчезнет, уступив место более чистому классическому стилю, который в словесности, драме и архитектуре будет подражать благородной традиции республиканского Рима» (Postgate, 1974, 97).

Тем не менее, утверждает Барзун (Barzun, 1961, ххi), «романтизм является популистским направлением, ... даже когда романтики, такие как Скотт или Карлейль, проповедуют феодальный порядок». Возможно, общую тональность лучше всего улавливает Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 306):

«Несмотря на то, что никоим образом не очевидно, за что именно выступали романтики, вполне ясно, против чего они были — против середины. Каким бы ни было его содержание, романтизм был экстремистским кредо. Романтические художники или мыслители... обнаруживаются на крайнем левом фланге, ... на крайнем правом фланге,... мечущимися с левого фланга на правый,...но едва ли их можно вообще найти среди умеренных или вигов-

⁹⁰ «[Романтиков] отталкивала идея навязывания одной нацией другой своих путей, среды или искусства. Ведь именно эту рационалистическую ошибку попыталась претворить в жизнь Французская революция и именно с ней сражались романтики» (Barzun, 1943, 129). Вейль (Weill, 1930, 216) утверждает, что «альянс между антиреволюционными политиками и новой литературой многим современникам представлялся очевидным».

либералов, в рационалистском центре, который действительно был цитаделью „классицизма”»⁹¹.

Где в таком случае поместить Грецию с точки зрения этого растяжимого понятия? Здесь вспоминается важная работа Мартина Бернала (Bernal, 1987, 1991) по концептуализации происхождения Европы. Бернал указывает, что мыслители эпохи Возрождения рассматривали в качестве «исходного творческого источника» не Грецию, а Египет, причем Египет и Китай сохраняли «высокую репутацию за [их] философию и науку, но прежде всего за [их] политическую систему» (Bernal, 1987, 16). Так было вплоть до самого времени Французской революции, когда под предводительством романтических мыслителей фокус сместился в направлении Греции:

«К концу XVIII века преобладающей парадигмой стал „прогресс”, динамизм и изменение ценились больше, чем стабильность, а мир стал рассматриваться сквозь призму времени, а не пространства. Тем не менее, пространство оставалось важным для романтиков в связи с их интересом к локальному образованию народов или „рас”... Настоящая коммуникация больше не воспринималась как происходящий посредством разума процесс, который был доступен любому рациональному человеку. Теперь она рассматривалась как процесс, протекающий посредством чувства, которое могло затронуть лишь тех, кто был связан друг с другом родством или „кровью” и разделял общее „наследие”» (Bernal, 1987, 28).

Именно поэтому Египет следовало вычеркнуть из родословия Европы. Для романтиков и расистов XVIII—XIX веков было попросту нестерпимо, что «Греция, которая рассматривалась не просто как Европа в миниатюре, но и как ее чистое детство, могла быть порождением смеси коренных европейцев и колонизаторов — африканцев и семитов» (Bernal, 1987, 28). Греция представляла собой и должна была символизировать черту между Европой и внешним миром, Востоком, землями варварства. Национализм был приемлем и даже желателен в зоне «Европы» (особенно если он протестовал против нехристианского имперского образования). Следовательно, и белые переселенцы в Латинской Америке, и греки могли получить британскую поддержку против «автократии», однако это не имело ничего общего с тем, что было приемлемо в отдаленных культурных сферах, таких как Индия.

Существование более консервативных и более революционных форм романтизма соотносится с расколом во времени и пространстве. Во времени романтизм, взращенный в противостоянии универсализму революционно-

⁹¹ Хобсбаум продолжает: «Было бы слишком сильно называть это антибуржуазным кредо, поскольку романтиков также приводит в восхищение революционная и конкистадорская стихия юных классов, по-прежнему готовых чуть ли не штурмовать небеса... Их преследовала... демоническая стихия накопления капитала... Но все же романтические элементы оставались второстепенными даже на стадии буржуазной революции». Хобсбаум (р. 310) также напоминает, что «наиболее длительными результатами этой романтической критики были понятие человеческого „отчуждения”, которому суждено сыграть ключевую роль в учении Маркса, и указание на совершенное общество будущего».

наполеоновского периода, преобладал в более ранние годы этой эпохи, причем в странах центра. Около 1830 года в Италии, Германии и Польше он уступил, следуя по стопам Греции, «романтизму прогресса», который стал «важным фактором в движениях национального освобождения» (Renouvin, 1954, 19). Однако в центре, особенно в Великобритании, он по-прежнему отождествлялся «с традицией и сохранением авторитета церкви и государства», в отличие от того «революционного или полуреволюционного характера», который он носил на континенте (Seton-Watson, 1937, 40).

Романтизм хорошо служил британской гегемонии. Он подрывал Священный Союз, который, как уже было отмечено, был довольно рационалистическим и универсализирующим образованием. Подрывал он и остатки революционно-наполеоновской традиции. Романтизм стимулировал реорганизацию геополитического пространства в Европе (а также на Американском континенте), что служило непосредственным экономическим интересам Великобритании и ее способности сохранять и усиливать режим ее гегемонии. Кроме того, романтизм проводил четкую линию между Европой и остальным миром, создавая базовое обоснование для империализма и расизма — и то, и другое окажется столь значимым для геополитики и геокультуры в мире после 1789 года. Конечно, романтизм представлял собой источник повышенной опасности, и его не всегда можно было контролировать. Таким образом, романтизм фактически станет и составной частью ликвидации режима британской гегемонии, но лишь после того, как этот порядок будет подорван экономическими и политическими трансформациями последней трети XIX века.

На руку британцам серьезно играло и то, что рука об руку с этой ключевой схемой шла внутренняя эволюция Франции. Как и в Великобритании, во Франции период после 1815 года «не принес рабочим классам ни процветания, ни изобилия», а вместо этого дал им безработицу, усугубленную внутренней миграцией в направлении крупных городских центров (Ponteil, 1968, 285)⁹². В социальном отношении разрыв между рабочими и городской буржуазией был огромен⁹³. Права рабочих на создание собственных организаций были жестко ограничены обществами взаимной помощи под надзором полиции⁹⁴. В 1817 году в Лионе произошли волнения рабочих, которые подняли трехцветное знамя. Префект департамента Рона связал это событие с дурным влиянием новостей о восстаниях в Англии (а в равной степени о мятеже на

⁹² См. т.ж. Bruhat (1952, 186—87): «В 1815—1830 годах условия жизни рабочих существенно ухудшились. Заработные платы падали одновременно с ростом продолжительности рабочего времени и стоимостью жизни... Начавшее распространяться газовое освещение служило в первую очередь для того, чтобы сделать возможным удлинение рабочего дня в зимний период».

⁹³ «Утвердить себя равным буржуа было жестом „храбрости“ для рабочего» (Daumard, 1963, 517).

⁹⁴ Bruhat (1952, 206—07). В то же время Брюк отмечает: «Тем не менее вклад этих ассоциаций, даже несмотря на то, что их деятельность была ограничена взаимопомощью, заключался в придании смысла организации рабочих, хотя бы только за счет постоянного сбора взносов, проведения собраний и назначения сборщиков» (р. 208).

Американском континенте и заговоре в Лиссабоне»⁹⁵. Но еще в 1820 году такой либерал, как Гизо мог говорить: «Я не теряю надежду получить поддержку масс (*saisir les masses*), особенно в отношении политических институтов»⁹⁶.

Однако в середине 1820-х годов в политическом процессе произошло серьезное возмущение. Именно в этот момент, когда Великобританией овладел либеральный торизм, во Франции после преждевременной смерти своего предшественника в 1824 году к власти пришел Карл X, начавший насаждать свои чрезвычайно реакционные взгляды. Это привело к натянутым отношениям с британцами и к напряженности даже с значительной частью *pays légal* [правящих кругов — *фр.*] и трудящимися классами. Кроме того, вступление на трон Карла X совпало с экономическим спадом, начавшимся в 1825 году и значительно усилившимся в 1829. Сочетание политического оцепенения и экономических неурядиц становилось взрывоопасным и напрямую вело к революционной атмосфере 1830 года (см. Bourgin, 1947, 203 и Gonnet, 1955, 250—280).

Вместо того чтобы попытаться сделать свою политику более умеренной и успокоить некоторых недовольных ею, Карл X утверждал свою власть все более деспотически⁹⁷. Когда депутаты в количестве 221 человека набрались храбрости послать ему публичный адрес, прося его уважать права законодательного органа, Карл увидел в этом (и был не так уж неправ) защиту ключевых принципов Французской революции, признанных в Хартии Людовика XVIII, и проигнорировал эту просьбу. В некотором смысле для Карла X это был последний шанс. «Если в 1830 году и была революция, то это была спровоцированная революция». 26 июля Карл X издал репрессивный декрет о печати. Депутаты медлили, но толпа рабочих действовала. Эта толпа состояла не из «отчаявшихся и лишенных собственности лиц» и не из «основательного среднего класса», но «главным образом из людей квалифицированных занятий, в довольно зрелых летах» (Suel, 1953, 188).

В таком случае была ли это та революция, на которую надеялся Буонарроти⁹⁸, «первый профессиональный революционер» Европы, когда «накануне революции 1830 года он фактически молился за триумф реакции» (Eisenstein, 1959, 49)?⁹⁸ Фактически нет. Это была трехдневная народная революция, 27—29 июля, *les Trois Glorieuses* [три славных дня — *фр.*], быстро перехваченная либерализмом периода Реставрации, результатом чего стала Июльская монархия с Луи-

⁹⁵ См. Rudé (1969, 61—62) о сообщении префекта, графа де Шаброля от 24 июля 1817 года. Руде также упоминает памфлет «Лион в 1817 году», выпущенный полковником Фавье⁹⁵, который аналогичным образом предполагает дурное влияние движений в Лиссабоне и революции в бразильском Пернамбуку.

⁹⁶ Письмо Форбелью⁹⁶, цит. в: Rosanvallon (1985, 39).

⁹⁷ Лабрусс (Labrousse, 1949a, 19) утверждает, что это было одной из общих особенностей французских революций 1789, 1830 и 1848 годов. Все они были спонтанными, их причины были эндогенными, в каждом случае они носили социальный характер, и всем им предшествовали экономические трудности. «Чтобы эти два взаимосвязанных явления, экономические и политические трения, привели к взрыву, они должны были встретить сопротивление... В Англии — гибкая политика, временные уступки и никаких взрывов. Во Франции — сопротивление, и все взрывается».

⁹⁸ Буонарроти больше всего боялся не Священного Союза, а «более тонкого врага, каковым являлась Англия Каннинга и эпохи реформ» (Eisenstein, 1959, 139).

Филиппом, который был готов называть себя не королем Франции, а королем французов. Как утверждал Тьер, «без герцога Орлеанского... мы бы никогда не смогли сдержать эту толпу» (цит. по: Dolléans, 1947, 42). В противовес «ультра», которые по-прежнему надеялись на подлинную реставрацию той или иной версии Старого порядка, Июльская монархия сделала легитимной либеральную версию Французской революции. «Революция 1830 года окончательно отразила атаку на революцию 1789 года» (Elton (1923, 88)⁹⁹.

Рабочие вскоре осознают, что «с точки зрения экономики и социальной структуры революция [1830 года] не привела вообще ни к какому изменению» (Bourgin, 1947, 205)¹⁰⁰. И если рабочие просто лишились иллюзий, то «ультра» все же были в смятении. 7 августа 1830 года Шатобриан (цит. в: Béneton, 1988, 56—57, п. 3) произнес речь в Палате пэров, отказавшись поддерживать Луи-Филиппа: «Бесполезная Кассандра, я наскучил трону и отечеству своими высокомерными предупреждениями; все, что мне остается делать, — это сидеть на обломках кораблекрушения, которое я так часто предрекал». При этом крупные предприниматели не были уверены, аплодировать им или

⁹⁹ До сегодняшнего дня это знаменует тот факт, что памятник событиям *Trois Glorieuses* стоит в Париже на площади Бастилии. Однако превозносимая этим монументом Французская революция была революцией, воплощенной прежде всего в Хартии Людовика XVIII 1814 года. Оппозиция парижской буржуазии в отношении «ультра» «не была прогрессивной; в сознании нотаблей Хартия была конечной, а не исходной точкой. Борясь против тех, чьи реакционные взгляды они отрицали, лидеры буржуазии оставались в той же степени обращенными к прошлому. Их консервативное мироощущение проявляло себя как на социальном уровне, так и в сфере политики» (Daumard, 1963, 575).

¹⁰⁰ Эдуар Доллеан (Dolléans, 1947, 44) соглашается, что «для рабочего класса ничего не изменилось... Министры [Луи-Филиппа] были еще более враждебны к народу, чем деятели Реставрации». Аналогичной точки зрения придерживается и Аделин Домар (Daumard, 1963, 576, 583): «Общепринятым является тезис, что после Июльских дней буржуазия присвоила плоды революции, совершенной народом... В конце 1831 года буржуазное общество было организовано. Реформы были ограниченными, но они демонстрировали тогдашние желания среднего класса, чьи представители до единого имели ощущение, что достигли подходящего им места внутри государства».

См. тж. Newman (1974, 58—59): «[Революция 1830 года] была результатом альянса между конституционными либералами и простыми людьми, который создавался на протяжении нескольких лет... [Два эти класса] могли рассматривать друг друга как части одного политического тела — народа, объединенные против общего врага — контролируемой духовенством аристократической партии во главе с Карлом X... [Лишь позднее] с помощью социалистов, таких как Луи Блан, [обычные люди увидят, что] одной свободы недостаточно и что либеральный средний класс не представлял и не мог представлять их интересы».

В действительности это «позднее» означало «почти сразу». Уже к середине августа в Париже произошло немало забастовок, а к октябрю случились «беспорядки». «Рабочий класс обнаружил, что революция, отнюдь не сделав его удел лучше, вопреки ожиданиям, лишь ухудшила его» (Pinkney, 1972, 313). К 7 октября 1831 года префект департамента Рона отметит, что недовольство рабочего класса «последовало сразу за революцией, которая, как [он], должно быть, полагал, была совершена от его имени» (цит. в: Tarlé, 1929, 151).

нет, опасаясь одновременно «реакции, ... легитимистов [и] социальной революции масс» (Price, 1975b, 6)¹⁰¹.

Наконец, британцы также поначалу сомневались, приветствовать ли им революционные события во Франции. В действительности в недели, следовавшие сразу за революцией, «над Францией тяжело нависла угроза войны» (Pinkney, 1972, 303). Трехцветный флаг, Марсельеза, реорганизация национальной гвардии — все это заставило государства Священного Союза содрогнуться, они даже заботились возобновления французской агрессии. Однако британское правительство, которое возглавлял не кто иной, как Веллингтон, выразитель мнения более консервативных тори, поспешило признать новое французское правительство. А к октябрю его признали все.

Почему британцы среагировали так быстро? Несомненно, этому способствовало то, что Луи-Филипп был «искренним почитателем» парламентских институтов Великобритании и сторонником союза с ней (см. Guyot, 1901, 579). Несомненно и то, что со стороны Луи-Филиппа было мудрым жестом пригласить Талейрана, известного выразителя этих двух позиций, послом в Великобританию, символизируя тем самым, что поддержка этой страны «была наиболее важна для победы [Луи-Филиппа]» (Guichen, 1917, 186)¹⁰². Также несомненно, что у британцев было множество поводов для раздражения той внешней политикой, которую проводил Полиньяк при Карле X. В частности, их не устраивало французское вторжение в Алжир в начале 1830 года, особенно когда британцы осознали, что Карл X фактически рассматривал его как возрождение Крестовых походов¹⁰³. В момент, когда Великобритания достигла успеха в сдерживании Священного Союза, Карл X, казалось, исполнил всю картину¹⁰⁴. Великобритания удержалась от прямого действия против него, поскольку Франция получала существенную поддержку от других

¹⁰¹ Прежде всего, крупный бизнес уже чувствовал себя довольно хорошо, даже при Карле X. Несмотря на то, что революция «в самом деле привела на публичные должности новых людей» — действительно, она произвела «тщательную... чистку на высших постах государства» (Pinkney, 1972, 276—77), — она «не установила нового режима *grande bourgeoisie* [крупной буржуазии — *фр.*]» (Pinkney, 1964b, 71). Последняя и правда опасалась экономического воздействия беспорядков. Весна 1830 года, по ее мнению, представляла «определенный подъем после периода трудностей». Условия ведения бизнеса «в месяцы, следовавшие за революцией, ухудшились», а кроме того, за революцией последовало «народное волнение» (Johnson, 1975, 150—151, 153).

¹⁰² Несмотря на то, что назначение Талейрана было противоречиво воспринято и во Франции, и в Великобритании, оно было прекрасно принято британскими массами. См. Masure (1893, 108—113).

¹⁰³ «Эта далекая экспедиция против Регентства Алжирского для устранения берберских пиратов... льстила королю Франции Карлу X, поскольку его религиозный дух воспринимал ее так же, как в Средневековье монархи воспринимали Крестовые походы» (Coulet, 1931, 2). Но британцы, должно быть, рассматривали это как опасную провокацию.

¹⁰⁴ Людовик XVIII ограничивал свою колониальную политику, чтобы успокоить британцев. Карл X же в этом отношении ощущал меньшую сдержанность. Верно, что поначалу он участвовал в решении судьбы Греции наряду с Великобританией и Росси-

европейских держав, в особенности от России¹⁰⁵. Однако теперь, при Луи-Филиппе, Великобритания могла надеяться на лучшее¹⁰⁶, что в действительности и произойдет.

Однако, несмотря на все эти колебания, Июльская революция действительно была успешной — в том смысле, что либеральное государство было установлено, по меньшей мере, в своей первоначальной форме. Столетие спустя Бенедетто Кроче, оглядываясь назад на, по его выражению, «Июльское солнце», мог воскликнуть:

«С [Июльскими днями] весь европейский абсолютизм был морально разгромлен и, напротив, европейский либерализм, боровшийся и обуздываемый, стал примером того, как противостоять врагу в крайних ситуациях, доказательством того, что победа на этом пути предопределена, подтверждением самого факта, что великая держава достигла расцвета свободы, и почвой для уверенности в надвигающихся революциях» (Croce, 1934, 101—102).

Как указывает Кроче, революции 1830 года суждено было стать повзрослым, распространившимся практически сразу на близлежащие Бельгию и Италию, но также и на Польшу. «Народы Европы восстали после долгой апатии, Священный Союз был потрясен» (Rudé, 1940, 413)¹⁰⁷. Но из этих трех революций лишь одна — бельгийская — оказалась успешной, и по одной основательной причине: только она соответствовала проекту создания и консолидации либерального государства в странах центра мира-экономики. Итальянское восстание карбонариев было поддержано более радикальными элементами во Франции и различными группами в *Parti du mouvement* [Партии движения — *фр.*] под руководством Лафайета. Они организовали движение *Volontaires du Rhône* [волонтеров Роны — *фр.*], чтобы прийти на помощь Пьемонту (а заодно и аннексировать Савойю). Но в действительности их одурачили сами французские

ей. Однако гарантировавший независимость Греции Адрианопольский мир 1829 года, который выступил событием, узаконившим режим британской гегемонии, развязал французским войскам руки для участия в других различных заморских экспедициях (см. Schefer, 1928, 32—33).

¹⁰⁵ См. Guichen (1917, 65): «Общественное мнение в Европе рассматривало алжирскую кампанию в качестве уловки, направленной на то, чтобы отвлечь внимание от ситуации в парламенте, усилить политическое положение правительства и самого престола при помощи успеха, который впечатлит всю Европу». В результате «почти единогласное одобрение европейских держав сильно ограничивало Абердина» и Веллингтона» (р. 67). Пока «Англия безостановочно протестовала, ... согласие между Петербургом и Парижем становилось все более сердечным» (Schefer, 1907, 446).

¹⁰⁶ По меньшей мере, на несколько лучшее. Несмотря на то, что Талейран предложил Луи-Филиппу оставить Алжир в качестве жеста в сторону британцев, тот отклонил данное предложение (см. Guichen, 1917, 187). Тем не менее британцы могли иметь дело с Луи-Филиппом как с человеком, разделявшим их взгляды на Европу, тогда как с Карлом X это было невозможно.

¹⁰⁷ Однако Огюст Мазур (Masure, 1892, 696) полагает, что он был «потрясен» еще до 1830 года: «К началу 1830 года Священный Союз был не более чем названием».

власти¹⁰⁸, поскольку новое правительство страны просто хотело сдерживать Австрию, король же Пьемонта Карл Альберт желал, чтобы австрийцы убралась, а либералы находились под контролем. Поэтому в результате потерпели неудачу именно либералы (см. Renouvin, 1954, 73—75). Что же касается Польши, то революция здесь была подавлена без особого труда. Связь между польской революцией и французской была не более чем духовной¹⁰⁹ — французы были слишком далеко и не были способны что-либо сделать, да и не готовились к этому.

Но Бельгия была совсем другой историей. Она никогда не была независимым государством, однако за долгий промежуток между Нидерландской и Французской революциями она являлась в определенном смысле автономной административной единицей сначала под испанским, а затем под австрийским владычеством. В ходе этого периода там не только расцвело сельское хозяйство¹¹⁰, но в равной степени пышно цвела промышленность, особенно в течение «32-летнего процветания» [1748—1780] при принце Карле. Его заместитель граф Кобленц [1753—70], известный как «нидерландский Кольбер», установил протекционистскую политику (Briavoinne, 1839, 7, 86—90), результатом которой стал «поразительный» рост между 1765 и 1775 годами¹¹¹, с того момента ставший устойчивым¹¹². Одним из преимуществ, которыми в это

¹⁰⁸ См. Rudé (1940, 433). Руде показывает, каким образом «участники движения волонтеров Роны проникли в некоторые рабочие группы, тайно организованные в Лионе... 21—22 ноября 1831 года именно волонтеры Роны... повели рабочих в бой в Лионе». Для Священного Союза Лафайет был отдельным объектом насмешек и страха. Русский посол в Париже Поццо дель Борго называл его «защитником и очевидным зачинщиком этого крестового похода всемирной смуты». А секретарь австрийского посольства в Париже Аппоньи утверждал, что Лафайет был «идолом народа и манеженом революции» (цит. в: Guichen, 1917, 180).

¹⁰⁹ См. Leslie (1952, 121): «Слишком мало свидетельств демонстрирует, что главные заговорщики [в Польше] поднялись на восстание, чтобы предотвратить использование [русской] армии для подавления Французской революции 1830 года. Это обоснование задним числом с целью предъявить претензию на симпатии французов почти такое же, как и утверждения, что второй и третий раздел Польши спасли Французскую революцию 1789 года. В действительности [русский великий князь] Константин [главнокомандующий армией] раскрыл существование заговора Высоцкого», и в связи с этим заговорщикам было необходимо принять быстрое решение».

¹¹⁰ Б. Х. Слихер ван Бат (Slicher van Bath, 1963, 243) утверждает, что «наиболее значительное развитие происходило в 1650—1750 годах», поскольку «интенсивный тип фламандского сельского хозяйства был в большей степени основан на промышленных и фуражных культурах, нежели на зерновых». Однако это развитие продолжилось и после 1750¹ года. Вильгельм Абель (Abel, 1973, 286) отмечает, что «около 1800 года европейские путешественники вновь в один голос давали [Фландрии] высший ранг в европейском [сельскохозяйственном производстве]».

¹¹¹ Hasquin (1971, 299). Аскен в особенности имеет в виду город Шарлеруа. См. тж. Garden (1978b, 21). Как утверждает Гарден, «даже несмотря на неполноту и неточность, статистические данные 1764 года оставляют впечатление наличия на большей части Австрийских Нидерландов хаотической массы промышленности».

¹¹² По поводу периода 1770—1840 годов Пьер Лебрюн говорит о «чрезвычайно быстром и компактном характере бельгийской промышленной революции».

время Австрийские Нидерланды обладали над Соединенными Провинциями, было сочетание высокого темпа роста населения, низких заработков и наличия квалифицированной рабочей силы¹¹³. Одним из результатов этого было то, что Бельгия внедряла промышленную технику почти столь же быстро, как и Англия¹¹⁴.

В 1795 году Бельгия была аннексирована Францией. Основные центры промышленного производства — хлопковые предприятия в Генте, Вербье и Эйпене, тяжелая индустрия в Льеже и Эно — в «французский период» приняли дальнейшую «значительную экспансию» (Мокур, 1974, 366)¹¹⁵. Представляется, что на это были две причины: «интеграция с мощно защищенной и объединенной территорией в 30 миллионов потребителей» (Crouzet, 1964, 209) и трансформация социальной структуры — снятие внутренних барьеров для торговли (таможни, пошлины), упразднение гильдий, гражданское равенство, реформы законодательства и судов, отмена феодальных прав (см. Wright, 1955,

¹¹³ Джозл Мокир (Мокур, 1974, 381) связывает высокую демографическую динамику с выращиванием картофеля вкупе с внутренней сельской промышленностью, утверждая, что «чрезвычайно низкие заработные платы, установленные в этой protoиндустрии, впечатляли современников так же, как и историков». Мокир делает вывод, что «низкие заработные платы могли быть важным фактором, предпринявшим быструю индустриализацию Бельгии, а голландскую стагнацию перепределили более высокие заработки» (р. 385). Алан Милуорд и С. Б. Сол (Milward and Saul, 1973, 452—453) предлагают следующее объяснение низких заработных плат в Бельгии: «Структура сельского хозяйства вносила свою лепту... в слом тех преград, которые задерживали Францию. Фермы были настолько мелкими, что та же самая рабочая сила часто использовалась и в сельском хозяйстве, и в промышленности. После рабочего дня фабричный рабочий возвращался на свой небольшой надел, находившийся на значительном расстоянии от фабрики. Это была не переходная стадия в развитии пролетариата, но постоянная черта бельгийской экономики. Представляется, что она выросла из долгой традиции трудовой миграции внутри Бельгии, и это было одним из объяснений сравнительно низких зарплат в бельгийской промышленности в сравнении с Францией, поскольку предпринимателю не было нужды постоянно перемаывать рабочую силу с земли».

О квалифицированных рабочих см. Ruwet (1967, 23): «Тот факт, что начиная с [XVIII] века курфюрст Палатината, Венецианская республика, курфюрст Баварский, [Священный Римский] император, король Пруссии, а затем и императрица России периодически стремились привлечь в свои страны рабочих из Вербье, более чем удостоверяет репутацию этого города и его механиков».

¹¹⁴ Лебрюн (Lebrun, 1948, 24) говорит о «незначительном отставании».

¹¹⁵ Крузе (Crouzet, 1964, 583) добавляет шелк Крефельда. Мокир (Мокур, 1974, 368—369) отмечает «существенное напряжение» в голландский период с последующей утратой «определенного импульса» после 1830 года. Крайбекс (Craeybeckx, 1968, 123—24) вносит осторожную тональность, утверждая, что Континентальная блокада «стимулировала определенные отрасли промышленности», но в то же время «сдерживала... технический прогресс» в других сегментах, что было особенно заметно в металлургии. Однако Крайбекс отмечает, что в конце французского периода эффект от устранения «последних преград, остававшихся от старого порядка», действительно был «особенно важен».

90)¹¹⁶. Похоже, что в совокупности все это сработало блестяще, с чем соглашались все: «резкое ускорение», «отрыв» в духе Уолта Ростоу, «полная трансформация... [и] момент решительной экспансии» — в таком духе описывается этот период разными авторами (Lebrun, 1961, 555; Devleeshouwer, 1970, 618; Dhondt, 1969, 42, 44)¹¹⁷. Впрочем, все это уже содержалось в оценке бельгийской исследовательницы того времени Натали Бриавойн (Briavoine, 1839, 113):

«Политические события [французского периода], единое гражданское законодательство и, что более важно, полная реорганизация судов, [а также] усовершенствованные коммерческие институты — все это лежало в основе необычайного импульса, который получили Бельгия и Франция, однако именно Бельгия получила самую раннюю и наибольшую выгоду».

После Ватерлоо Бельгия без консультаций с местным общественным мнением была интегрирована в Королевство Нидерландов. Воссоединение после 250 лет раздельного существования в Бельгии было воспринято враждебно обеими главными группами населения: и сильными в Валлонии демократами, желавшими парламентской системы, и сильными во Фландрии католиками, опасавшимися существования под протестантской монархией без предшествующего соглашения, которое защищало бы их религиозные права (см. Ponteil, 1968, 17). Непосредственный экономический эффект от присоединения к Голландии был негативным — отчасти из-за общемирового экономического спада, а отчасти из-за сжатия рынка для бельгийских товаров¹¹⁸. В политическом плане основной спор шел вокруг тарифов между голландскими купцами, которые существовали за счет открытых *entrepôts* [перевалочных пунктов — *фр.*] и их больше заботил Гамбург, чем Манчестер¹¹⁹, и бельгийскими

¹¹⁶ Альбер Деманжен и Люсьен Февр (Demangeon and Febvre, 1935, 128) указывают, что многие из этих реформ попытался осуществить австрийский император Иосиф II, но потерпел крах, в то время как Наполеону они удались. «Поэтому Наполеона считали в Бельгии исполнителем воли Иосифа II».

¹¹⁷ С этим также по существу соглашались Милуорд и Сол (Milward and Saul, 1973, 292), но менее восторженно, утверждая, что последствия французского правления в Бельгии были «неоднозначными, хотя в целом, при подсчете всех плюсов и минусов, благоприятными». Жан Дхондт и Маринетт Брювьер (Dhondt and Bruwier, 1973, 352) называют этот период «пиком» бельгийской промышленной революции. Однако Лебрюн (Lebrun, 1961, 574–76) указывает на некоторые «упущенные возможности», вызванные тем, что было допущено появление слишком крупных городских агломераций, и незначительным вниманием к образованию.

¹¹⁸ Дхондт и Брювьер (Dhondt and Bruwier, 1973, 349) отмечают, что политическая реструктуризация в совокупности со свободным притоком британской продукции «вели к коллапсу текстильной промышленности Гента. Стагнация продлилась до 1823 года». Однако затем промышленность нашла новые точки сбыта в Голландской Ост-Индии. Катарин Лис и Гуго Соли (Lis and Soly, 1977, 480) отмечают, что уровень жизни в Антверпене «резко падал и количественно, и качественно», судя по потреблению продуктов питания.

¹¹⁹ См. Wright (1955, 28, 77): «В конце XVIII века большая часть голландской торговли была основана на таможенных пошлинах, нежели на явном экономическом преи-

промышленниками, которые стремились к защите от британской конкуренции¹²⁰.

Нидерландский король Вильгельм I в первую очередь заботился о том, чтобы удерживать единство своего увеличившегося государства и обслуживать громадный государственный долг¹²¹. В действительности тарифная распря стихала. Бельгийцы чувствовали себя лучше, чем голландцы, и становились меньшими протекционистами. Но это, в свою очередь, тоже оказывалось проблемой, поскольку после 1825 года общеевропейский спад именно в Бельгии создавал массу безработного пролетариата, «готового впитать революционный фермент» (Demoulin, 1938, 369).

Поэтому Июльская революция в Париже получила в Бельгии немедленный резонанс, оживив вечную подспудную мысль о возможном воссоединении с Францией, которая воодушевляла часть валлонской буржуазии. А для католиков революция оживила и недовольство протестантским владычеством. Однако требовался взрыв. И даже если, как утверждают некоторые, восстание в Брюсселе 25 августа 1830 года было инспирировано «агитаторами, прибывшими из Парижа», им была нужна «пехота», которую можно было найти только среди безработных трудящихся (Harsin, 1936, 277). Это был «народный

мушкетер. Условия военного времени заставили иностранных купцов искать новые переправочные пункты». Вопрос «вернется ли когда-нибудь торговля?» после 1815 года еще больше осложнился из-за открытия устья Шельды, закрытого с 1585 года, и сокращения сложностей с пересечением германских границ. «В 1816 году большинство голландских купцов ответили на вызов новой эпохи в духе Венеции XV века, а не Гамбурга XIX столетия. Они хотели иметь порто-франко, ограниченный всеми возможными запретами в пользу голландских торговых прибылей и традиций».

¹²⁰ См. Demoulin (1938, 124): «После утраты французского рынка бельгийская промышленность была в расстроенном состоянии... Тем не менее бельгийские требования были чрезмерны: бельгийцы хотели повсеместных запретов... [Хотя] протекционистской была вся Европа того времени». Х. Р. С. Райт (Wright, 1955, 100) отмечает, что «большинство бельгийских либералов были протекционистами».

¹²¹ Нидерландский долг накапливался с XVI века и в тот момент требовал ежегодных платежей по его обслуживанию в размере более 14 млн флоринов. У Бельгии же фактически не было долгов (платежи составляли менее 300 тысяч флоринов). Конечно, в Наполеоновскую эпоху бельгийцы ежегодно платили 75—80 млн флоринов [налогов], однако с точки зрения налогового режима они сравнивали голландский период с австрийским. В особенности они были недовольны тем, что налоговые реформы 1821—1822 годов принесли сельскохозяйственные и промышленные территории Бельгии «в жертву интересам торговых городов Голландии» (Terlinden, 1922, 16). Опасаясь бельгийских протестов, король отступил и предоставил некоторые дополнительные протекционистские меры. В новой редакции «система 1821 года оказалась удовлетворительной для широкой массы бельгийцев. Их железо, уголь, а также хлопок и шерстяные изделия продолжали пользоваться чрезвычайно важной протекцией на голландском рынке и также получили ее в голландских колониях» (Wright, 1955, 208). Кроме того, бельгийские банкиры извлекали значительные прибыли из сохранения двух металлических монет — голландских флоринов и бельгийских франков — в ситуации, когда обменный курс был благоприятен для франка, что вынуждало северонидерландский капитал перемещаться на юг (см. Chlepnier, 1926, 28—30).

мятеж», которому предшествовала социальная неудовлетворенность, и его отличительными чертами были луддизм и определенные акты насилия¹²². Однако и здесь, как и в случае с Июльской революцией, восстание было быстро перехвачено силами среднего класса и превращено в национальную, либеральную революцию (см. Demoulin, 1950, 152)¹²³.

В отличие от Франции, в Бельгии не было сильной ультра-партии — как раз потому, что у власти не находились католики. Это сделало бельгийских католиков более открытыми к той версии католического либерализма, основоположником которой во Франции стал Ламеннэ, однако там она не могла оказаться главной реальной социальной силой¹²⁴. Конечно, Ватикан был сам весьма легитимистским и поэтому очень сдержанно относился к бельгийскому либеральному национализму, однако «политика Рима — это одно, а поведение бельгийского

¹²² Demoulin (1950, 17—21). Демулен высмеивает утверждение голландской полиции, что подстрекателем народного мятежа была брюссельская буржуазия: «Похоже, что это объяснение задним числом, ведь буржуазия действительно боялась народа и была слишком благоразумна, чтобы играть роль ученика чародея» (р. 17). Аргументы против интерпретации бельгийской революции как «пролетарской» по происхождению см. в: van Kalken (1930).

¹²³ Революция была национальной не только в том, что она выступала за Бельгию, отдельную от Нидерландов, но и потому, что она включила в состав Бельгии Льеж, который не был частью Австрийских Нидерландов. Французы аннексировали его вместе с Бельгией и запустили процесс их ассимиляции, хотя на 1815 год они по-прежнему считались разными территориями. Однако «в 1830 году повсеместно стал вопрос о единственной [и единой] Бельгии» (Stengers, 1951, 105, п.1).

¹²⁴ Король Вильгельм оскорбил даже консервативных католиков, когда в 1825 году осмелился потребовать, чтобы все католические семинаристы посещали его Философский колледж для изучения общего права и церковной истории (заявляя, что данные предметы не являются частью теологии). К 1829 году в католической церкви наступило «время Ламеннэ и либералов» (Simon, 1946, 8). Либералов и католиков объединил их «общий враг» (р. 10). Гильом Жакемен (Jasquetmups, 1934, 433) предполагает, что романтики играли такую же роль в одновременном стимулировании религиозности и национализма, тем самым приспособляясь к социальному реформизму в духе Ламеннэ, — это подтверждает некоторые двусмысленные последствия романтического движения, уже рассмотренные выше.

Роль Ламеннэ во Франции представляет собой увлекательный сюжет. Он начал как самый крайний «ультра» среди самих «ультра». В своей логике он был настолько ультрамонтаном, что в конечном итоге стал рассматривать монархию, связанную с галлицизмом, в качестве реального врага. Тем самым он отыскал общее дело с «врагом деспотизма — свободой. Лишь только он допустил этот поразительный альянс, как тот быстро пленил его», и Ламеннэ стал заявлять об историческом совпадении ультрамонтанства и свободы, рассматривая в качестве примеров такого совпадения Католическую лигу во Франции XVI века и восстание в Вандее во время Французской революции. В действительности же именно бельгийская революция помогла развитию его идей и предвосхитила его собственный случившийся в дальнейшем «сдвиг влево» (Mellon, 1958, 189). В 1832 году, когда папа Григорий XVI в своей энциклике *Mirari Vos* [Дивлюсь вам — лат.], обличил либерализм, разделение церкви и государства и связь религии со свободой, Ламеннэ оказался готов «пожертвовать церковью ради демократии» (Ponteil, 1968, 308).

духовенства — другое» (Demoulin, 1950, 143)¹²⁵. Валлонские антиклерикальные либералы стремились пойти на уступки католикам (главным образом фламандцам), чтобы добиться их поддержки по национальному вопросу¹²⁶.

Проблема быстро перестала формулироваться как «статус-кво против изменения», сведясь просто к форме изменения. Существовало три его возможных варианта: отделение Бельгии от Нидерландов, но под властью короля из Оранского дома, воссоединение Бельгии с Францией, либо независимость при короле, приглашенном из какого-либо другого места. Шансы принца Оранского, сына короля Вильгельма, рухнули после того, как король произвел бомбардировку Антверпена 27 октября, в чем бельгийцы увидели способ поддержки голландских купцов против них. С другой стороны, настроения в пользу воссоединения с Францией никогда не были слишком сильны, к тому же им в любом случае противостояла сильная оппозиция за пределами Бельгии. А внутри страны и у оранжизма, и у реюнионизма был очень мощный враг — церковь, которая рассматривала Оранский дом как протестантский, а Францию — как слишком антиклерикальную¹²⁷.

Однако внутреннего общественного компромисса было бы недостаточно для победы, если бы независимость Бельгии не служила более масштабным потребностям Великобритании и Франции. Священный Союз надеялся, что Великобритания не будет торопиться с признанием нового режима в Бельгии, как в случае с Луи-Филиппом, рассчитывая, что торговые связи Британии с Голландией могут вынудить британцев занять жесткую позицию. В равной степени Священный Союз предполагал, что Великобритания испугается возобновления французского экспансионизма (см. Guichen, 1917, 172 и далее)¹²⁸. Однако там были не в состоянии понять динамизм возникающей

¹²⁵ Несмотря на то что так и обстояло дело до и во время Бельгийской революции, ситуация стала меняться. По мере того как Ламеннэ и его последователи смещались влево, церковь включала определенные тормоза, и католики начинали играть в национальной революции умиротворяющую роль (см. Guichen, 1917, 255).

После публикации энциклики *Mirari Vos* церковь успешно покончила с альянсом с либералами. В Бельгии церковь стала утверждать, что существовала разница между католическим либерализмом Ламеннэ и либеральным католицизмом, за который выступала она сама. Иными словами, сторонники либерального католицизма были в первую очередь не либералами, а католиками, и если они принимали отделение церкви от государства, то это могло быть лишь *pis aller* [крайним средством — фр.]. Данная доктрина известна как учение Мехеленской школы (см. Simon, 1959, 416). Но, несмотря на то что оно стало ключевым для будущей внутренней политики Бельгии как независимого государства, в действительности этот откат от либерализма состоялся слишком поздно. Бельгия была создана как либеральное государство, разделенное между антиклерикальными и католическими либералами, и подобная ситуация сохранялась на протяжении XIX века.

¹²⁶ Этот компромиссный процесс, в первую очередь по проблеме школьного образования, начался еще в 1828 году (см. Renouvin, 1954, 62).

¹²⁷ Подробное рассмотрение этого выбора из трех вариантов см. в: Stengers (1951).

¹²⁸ Это было не совсем абсурдное допущение. Отношение Франции к независимости Бельгии было очень двойственным. В то время Франция поддерживала ее, но Жан-Батист Нотон был уверен, что, за исключением Луи-Филиппа и Гизо, большинство

британско-французской модели и то, каким образом независимая Бельгия, индустриализованная и либеральная, в действительности эту модель консолидирует. «Начиная с 1830-х годов идея „либерального альянса“ [была] постоянной темой лондонской и парижской либеральной журналистики» (Lichtheim, 1969, 42). Французы провозгласили принцип «невмешательства», чтобы предотвратить интервенцию прусских войск в конце августа, и в этом сошлись с позицией британцев¹²⁹. «Доверительные отношения между Великобританией и Францией в первые дни октября 1830 года имели величайшее значение для сохранения мира» (Demoulin, 1950, 127)¹³⁰ и тем самым обеспечили провозглашение Декларации независимости Бельгии Национальным конгрессом 18 ноября. А 24 ноября конгресс исключил возможность любого рассмотрения кандидатуры короля из Оранского дома. Однако в тот самый момент, когда Россия вела мобилизацию, чтобы отправить войска в Бельгию, 29 ноября разразилось польское восстание. В результате царь был дважды удержан от интервенции — до этого военная акция была отложена из-за противодействия великого князя Константина и министра иностранных дел графа Нессельроде. Они советовали сохранять благоразумие, при этом Константин опасался тяжелых потерь в польской армии — своей «личной вотчине». И вот теперь польское восстание определено «спасло Бельгию от интервенции, а Европу, возможно, от войны» (Guyot, 1926, 64). Действительно, мобилизация, объявленная царем, сама по себе была составляющей частью польского восстания, поскольку польские офицеры опасались масштабных потерь в этой надвигающейся войне (см. Morley, 1952, 412—414)¹³¹. 15 января 1831 года Лафайет сказал: «Господа, против нас готовилась война. Польша должна была стать авангардом, но авангард обратился против главной армии» (цит. в: Morley, 1952, 415).

Таким образом, польское восстание исключило всякую возможность российской интервенции в Бельгию. Конечно, самой Польше это принесло

считало ее «существование неким переходным периодом» (Stengers, 1981, 29, п. 1). Мишле называл Бельгию «английским изобретением» (цит по: р. 7), и даже в 1859 году французский министр в Бельгии называл ее «национальностью по соглашению [*nationalité de convention*]» (р. 8).

¹²⁹ Талейран, представляя королю Англии свои верительные грамоты, поднимал тему невмешательства, которую некогда в качестве уловки использовал Каннинг. «Таким образом, Талейран претендовал сделать из минутной политической хитрости, которую Каннинг заимствовал у Монро [в отношении независимости государств Латинской Америки],... общий и постоянный закон межгосударственных отношений» (Guyot, 1901, 585).

¹³⁰ См. тж. Betley (1960, 245): «Взгляды, возникшие в Лондоне и Париже, обеспечивали основу бельгийского государства, несмотря на любые разногласия по этому поводу между двумя государствами».

¹³¹ Действительно, польское восстание отозвалось в самой России. Поляки вдохновили заговор кадетов, предложив в качестве жеста в их сторону лозунг «За нашу и нашу свободу». «В тот же день, когда сейм проголосовал за низложение Николая с польского престола (25 января 1831 года), Лига кадетов организовала тщательно подготовленную мемориальную демонстрацию в память о пяти повешенных декабристах. Посреди процессии несли знамена со словами „За нашу и вашу свободу“» (р. 415).

мало хорошего. Когда премьер-министр Великобритании лорд Грей в начале 1831 года принял польского посланника князя Льва Сапегу, последний напомнил ему о памфлете, который Грей написал в поддержку Польши. «Грей сказал, что его позиция принципиально не изменилась, но ввиду наличия опасности, что общественное мнение подвигнет Францию аннексировать Бельгию, у Британии должен быть союзник, способный противостоять подобному движению, — и таковым может быть только Россия» (Betley, 1960, 89).

Подобный цинизм был *de rigueur* [в порядке вещей — фр.]. Однако он действительно подчеркивает ключевое различие между Бельгией и Польшей — ту роль, которую именно Бельгия, а не Польша могла потенциально сыграть в консолидации упомянутой британско-французской модели. Для Буонарроти, по меньшей мере, было очевидно, что произошло: при избранном наконец короле Леопольде I Саксен-Кобургском Бельгия присоединилась к Великобритании и Франции, чтобы сформировать «бастионы той конституционной монархии, основанные на парламентской системе и широком консенсусе средних классов», которую он отрицал как «эгоистический порядок» (Eisenstein, 1959, 86). У Меттерниха было столь же ясное понимание ситуации. В письме графу Нессельроде он писал: «Моя самая тайная мысль заключается в том, что старая Европа находится в начале своего конца... С другой стороны, новая Европа еще не началась. Между концом и началом будет хаос» (цит. по: Silva, 1917, 44).

Эрик Дж. Эванс (Evans, 1983, 200) называет это «естественным водоразделом в истории европейской дипломатии» — автократией на Востоке, либеральным конституционализмом на Западе¹³². Это служило материальной основой для нового культурного концепта, «Запада», который возник именно в промежутке между 1815 и 1848 годами, отчасти у Огюста Конта, отчасти у различных российских теоретиков, которые нетерпеливо и неудовлетворенно смотрели на эту «специфическую форму цивилизации» (Weill, 1930, 547). Идея Запада — сильного в военном отношении и доминирующего экономически, притягивающего на знамя личной свободы против экономической отсталости, против «несвободного Востока», — станет моделью для оставшейся части XIX и для XX столетия.

Преимуществом, имевшимся у Бельгии над Польшей, было ее географическое положение в северо-западной Европе в сочетании с уже развитой промышленной базой. Поэтому Бельгия могла включиться в расширявшийся центр мира-экономики — и в ней действительно была потребность в качестве увеличившегося средоточия производства высокотехнологичной продукции, необходимой для растущего мира-экономики¹³³. Бельгия быстро справится со своими переходными экономическими сложностями, причиненными

¹³² См. тж. Seton-Watson (1937, 151): «Результатом [волнений в Европе в 1830-х годах] стало ее вполне определенное разделение на два лагеря: Восточные державы, демонстрировавшие автократию, ... и либеральный Запад, основанный на конституционном прогрессе и склонный ... пропагандировать его в Испании и Португалии против свирепой реакции карлистов и дона Мигела».

¹³³ Сидни Поллард (Pollard, 1973, 640) считает, что Бельгия по-прежнему играла полупериферийную роль. Рассматривая ее роль в 1815—1865 годах, он утверждает, что

нестабильностью политической революции¹³⁴, чтобы оказаться под дальновидным управлением короля, который поставит перед собой задачу «работать над франко-британским союзом» (Ponteil, 1968, 327).

Обеспечив контроль над Францией и Бельгией, Великобритания теперь вполне легко могла устанавливать собственные политические условия. История парламентской реформы на самом деле началась не в 1830 году при правительстве вигов во главе с лордом Греем, но в 1829 году, когда герцог Веллингтон возглавлял правительство тори, наиболее близкий к режиму «ультра» кабинет Великобритании. Проблема заключалась не в том, чтобы предоставить гражданские права городским средним классам, а в «эмансипации» католиков. Последний вопрос обсуждался в парламенте начиная еще с 1778 года, когда были отменены карательные законы против папистов и нонконформистов¹³⁵. Исходно это был вопрос распространения гражданских прав на меньшинство — один из элементов постепенной либерализации политической системы. Однако проблему осложнил Акт об унии Великобритании и Ирландии 1800 года. Как только Ирландия была юридически включена в состав Великобритании, расширение прав католиков могло рассматриваться в качестве «необходимого завершения» этого акта — но также и в качестве промежуточного пункта в придании ему обратного направления, в качестве одного из элементов в возможной деколонизации Британской империи.

В то же самое время в общей картине появилось еще два элемента. Первым из них было протестантское возрождение XVIII века, которое, несмотря на то, что само по себе оказывало давление на англиканскую церковь, стало сильным голосом, «в целом противостоявшим [католической] эмансипации»

«некоторые фирмы, лучшие и наиболее стойкие, выживали [на фоне британской индустриализации]. Их ниша находилась между более передовой Британией, с одной стороны, и более отсталой Европой, с другой. Бельгия была территорией, первой и наиболее успешно настроенной для выполнения подобной посреднической роли, и ее промышленную историю можно полностью понять лишь в рамках этих двояких отношений». Однако я полагаю, что Поллард недооценивает экономическую мощь Бельгии, особенно после 1834 года.

¹³⁴ У. О. Хендерсон (Henderson, 1954, 125) отмечает, что «Бельгия обеспечила свою политическую независимость ценой серьезных неурядиц в ее экономике». Б.-С. Шлеппер (Chlepper, 1926, 57) также утверждает, что «революция 1830 года вызвала... глубокий экономический кризис». Однако к 1834 году Бельгия начала масштабную промышленную экспансию, основанную на строительстве железных дорог, а возрождение Антверпена позволила ей стать средоточием растущей британо-германской торговли. Кроме того, в дальнейшем Бельгия смогла получать выгоду от того, что она включилась в данные процессы с опозданием: «Там, где у французских и германских металлургов были серьезные основания упорно придерживаться старых технологий, у Бельгии были все поводы как можно скорее обратиться к новой металлургической технологии. Основным продуктом большинства бельгийских кузнечных производств после 1834 года был железный рельс» (Milward and Saul, 1977, 443).

¹³⁵ Свою роль, безусловно, сыграли необходимость вербовки ирландских рекрутов и поддержка Квебека в войне с Тринадцатью колониями Северной Америки (см. Hexter, 1936, 297—298). Акт 1778 года был непосредственной причиной протестантского бунта лорда Гордона (см. Stevenson, 1979, 76—90).

(Nexter, 1936, 313). Вторым из этих элементов, развивавшимся в ином направлении, была Французская революция. Противостояние революции вело к изменению отношения к католикам в Великобритании: «Католицизм больше не был великаном, пожирающим души людей, — это был мужественный Атлант, который подпирал шатающийся мир, противостоя натиску безбожного санкюлотизма» (Nexter, 1936, 301)¹³⁶.

В то же время существовали ирландские низшие классы, которые, несомненно, форсировали решение проблемы, при этом их действия отражали не острую необходимость в интеграции в британскую политическую систему, а начало ирландского народного национализма:

«В католической эмансипации [ирландские низшие классы] скорее смутно предвидели удовлетворение многих своих желаний: экспроприацию протестантских лендлордов и раздел земли между представителями этих классов — словом, реституцию за католиками той земли, которая принадлежала их предкам» (Halévy, 1949a, 191).

К 1829 году национализм столь масштабно овладел Ирландией, что она выглядела готовой к бунту — «по меньшей мере, так казалось герцогу Веллингтону» (Reynolds, 1954, 30)¹³⁷. Полагая, что требуется выбор между эмансипацией католиков и революцией, «железный герцог», сурово противостоявший эмансипации, — «решился на одно из своих стратегических отступлений. Он вымогал у короля разрешение» (Reynolds, 1954, 30)¹³⁸ на осуществление мер по безоговорочной эмансипации.

¹³⁶ Одним из непосредственных результатов этого был Билль о послаблении католическим диссидентам 1791 года.

¹³⁷ У Веллингтона был ряд определенных свидетельств о политических настроениях ирландских католиков. Лидер Католической ассоциации Дэнис О'Коннелл в 1828 году выиграл выборы в парламент от графства Клэр у вновь назначенного президента Торгового бюро Визи Фицджеральда с перевесом 2057 голосов против 982. «Эмансипация была неизбежна. Однако ее осуществление в 1829 году, а не 5 или 10 лет спустя, было напрямую связано с ситуацией в Ирландии и особенно с [Католической] ассоциацией» (p. 164).

¹³⁸ Веллингтон в этот момент консультировался со своим заместителем Робертом Пилем, который затем станет «архитектором» отмены Хлебных законов. Конечно, им также требовалось убедить парламент. Малькольм Томис и Питер Холт (Thomis and Holt, 1977, 82) называют это «триумфом нового стиля политических кампаний и политической организации». Можно сравнить этих («просвещенных») тори с периодом, когда у власти находились виги. Алеви (Halévy (1950, 255—56) отмечает, что в 1830-х годах «во всем мире — в Ирландии, Бельгии, Польше, Канаде и Ньюфаундленде — недовольные, клиенты передовых либералов, были католиками». Однако к 1838 году эти виги «предали Польшу, ввели военное положение в Нижней Канаде и вернули католиков в Люксембурге и Лимбурге под кальвинистскую власть [Нидерландов]». Аналогичным образом Бернард Холланд (Holland, 1913, 77) признает, что «за десятилетие власти [вигов; 1830—1841, с перерывом с ноября 1834 по апрель 1835 года] их правительство существенно не изменило национальную систему Хлебных законов, льготные тарифы на импорт из колоний (Colonial Preference), Навигационные акты и высокие протекционистские

Эмансипация изменит жизнь ирландских низших классов куда меньше, чем они надеялись¹³⁹. Ну и неважно! Последствием отступления Веллингтона было то, что «оно сделало реформу respectable делом» (Moore, 1961, 17), и в то же время это был последний шаг в превращении британских «ультра» в сторонников избирательной реформы. Это была реакция, аналогичная поведению французских «ультра» в ходе Реставрации перед лицом того, что они считали недостаточно автократической позицией Людовика XVIII. Британские «ультра» полагали, что Веллингтон и Пиль оказались ненадежными фигурами. Имея поддержку представителей «гнилых местечек», эти «ультра» теперь утверждали — «парадоксально, но не иррационально», — что «в объединении под лозунгом „Нет папизму“ можно полагаться лишь на рациональный и массовый электорат» (Evans, 1983, 206)¹⁴⁰. Временное отступление Веллингтона по вопросу об эмансипации католиков обеспечило то, что события в Англии не будут развиваться по сценарию Июльских дней, но результат в целом окажется тем же самым, поскольку это была кульминация, по существу, одновременных процессов в обеих странах.

Католическая эмансипация могла успокоить Ирландию, но в тот же год ощущение беспокойства возобновил неурожай в Англии. Зимой 1830 года в деревне «широко распространилась» безработица, а за этим последовал крах банков в сельской местности, что привело к аграрным бунтам (см. Gash, 1935, 91). Именно в этот момент, в преддверии новых выборов, и разразилась Июльская революция во Франции. Реакция на это, как мы уже отмечали, была смешанной. Радикалы праздновали «триумф», видя в июле 1830 года «новый 1789 год». Либеральный же центр (виги-аристократы и нотабли из городского

пошлины на мануфактурные товары». У вигов почти никогда не хватало храбрости для приписываемого им либерализма, и в этом действительно нет ничего удивительного, поскольку «вигство всегда носило печать аристократии... „Виг-демократ“ — это была забава, а не убеждение» (Southgate, 1965, xv—xvi).

¹³⁹ См. Reynolds (1954, 168): «В самой Ирландии непосредственные последствия данной меры представлялись едва ли сопоставимыми с теми энергией и энтузиазмом, которые были потрачены за шесть лет волнений».

¹⁴⁰ Первый «радикальный билль о реформе» был предложен в 1830 году одним из этих «ультра» — маркизом Блэндфордом. Этот проект призывал к «передаче мандатов „гнилых местечек“ графствам, лишению избирательного права тех, кто не проживал на данной территории, изгнанию из парламента королевских чиновников, оплате деятельности членов парламента и всеобщему праву голоса для тех, кто платит налоги». Конечно, можно по-разному рассматривать тот факт, что парламент, заполненный представителями «гнилых местечек», голосовал за реформы. Алеви (Halévy, 1949a, 145, 147) дает этому благосклонную оценку: «Таким образом, сама коррупция электората в некоторой степени корректировала пороки системы и предоставляла средства, при помощи которых новые классы общества могли получить места в парламенте и представительство своих интересов в палате... [Два последовательных голосования за билли об избирательной реформе] доказывают, что, в отличие от Палаты лордов, нероформированная Палата общин уже в значительной мере представляла мнение всей страны» или, по меньшей мере, мнение «банкиров, купцов и бизнесменов всех сортов», о чем членство в Палате общин говорит Алеви.

среднего класса) надеялся, что Июльская революция окажется «одновременно либеральной и консервативной и на самом деле возродит не 1789 или 1792 годы, а 1688 год и тем самым станет французским вкладом в политическую мудрость Англии» (Halévy, 1950, 5—6).

Как бы то ни было, Веллингтон проиграл выборы, что Алеви (Halévy, 1935, 53) рассматривает как «естественный результат падения последнего короля Франции»¹⁴¹. Несмотря на то что Июльские дни могли затронуть, а могли и не затронуть Веллингтона, мы уже видели, что в действительности он не относился к Луи-Филиппу враждебно. Как отмечал в то время Луи Блан (Blanc, 1842, 2:4), если виги восприняли Июльские дни как «триумф французского либерализма», то тори согласились с этим мнением потому, что они стремились сохранить британское «превосходство... в Европе»:

«Английская аристократия, как и любая другая, была вполне проницательна и последовательна, стремясь к осуществлению своих целей. Ей было известно, что при Карле X у Франции была серьезная возможность захватить левый берег Рейна и передать русским Константинополь. Знала она и то, что герцог Орлеанский по своим вкусам и наклонностям был англичанин».

Зараза 1830 года распространялась явным образом. Однако реформа могла бы никогда не произойти — причем именно в Великобритании, чем во Франции или Бельгии, — если бы не наличие давления снизу. Новое правительство вигов лорда Грея отреагировало на продолжавшиеся аграрные беспорядки, внедряя законы «с предельной суровостью» и успешно ликвидируя бунты и поджоги (Halévy, 1950, 15). Как только мятежи оказались под контролем, лорд Грей выдвинул свой билль о реформе. Но когда оказалось, что он продвигается совсем нехотя, парламент был распущен, после чего вернулось строгое реформистское большинство. Однако когда в октябре 1831 года Палата лордов отклонила вновь принятый билль о реформе, начались беспорядки в городах. Лидеры реформистов из среднего класса, такие как Френсис Плейс, боролись за то, чтобы остаться во главе движения. Плейс выдвинул знаменитый лозунг: «Чтобы остановить герцога [Веллингтона], забирайте золото», что означало изъятие частных сбережений из банков. Распускались слухи о предполагаемом вооруженном сопротивлении новому кабинету тори, хотя «революция во главе с Френсисом Плейсом была бы абсурдом» (Evans, 1983, 211).

¹⁴¹ Норман Гэш (Gash, 1956) оспаривает точку зрения Алеви о прямом воздействии Июльской революции на британские выборы, утверждая, что к тому времени, когда 3 августа новости об этом достигли Великобритании, 60 из 120 членов парламента уже были избраны. Гэш признает, что четверть из оставшихся 60 мандатов составляли места, которые оспаривались больше всего, утверждая при этом, что парламентская реформа стала значимой проблемой еще до июльских событий во Франции, а также что приписывание Июльским дням прямого воздействия на британское общественное мнение было в первую очередь претензией, выдвинутой радикальными спикерами задним числом. Однако это подразумевает, что воздействие Июльской революции совершалось путем влияния на тех, кто еще избирался, а не на позиции тех, кто был уже фактически избран.

Тем не менее угроза сработала. Веллингтон отказался от оппозиции, при этом король пообещал Грею, что при необходимости он назначит новых пэров. «Но проверка этого заявления так и не состоялась» (Thomis and Holt, 1977, 91, 98)¹⁴².

И сторонники, и противники реформы соглашались, что в тот момент Великобритании «стояла на грани беспорядков» (Fraser, 1969, 38). Жорж Руде утверждает, что в 1830 году революция не произошла в Англии потому, что там не было «движения рабочего класса, обладающего самосознанием», а также потому, что периодические выплески гнева рабочих «были лишены серьезной поддержки среднего класса» (Rudé, 1967, 102). Но является ли это верным направлением анализа происходивших событий? В ответ на хвalebные утверждения, что реформы 1832 года были завершены «без восстания», Джон Стюарт Милль в 1849 году задавался вопросом (Mill, 1849, 12): «Но состоялись бы они без *страха* восстания? Если бы не возможность восстания, отказалась бы Палата лордов от своей оппозиции или бросил бы отчаявшийся герцог Веллингтон свою игру?»¹⁴³ Ответ на эти вопросы таков: почти однозначно нет.

Однако это не означает, что предполагаемые мятежники достигли своих целей, ведь центристские либералы вновь взяли процесс в свои руки. «Главной

¹⁴² «Именно так современные парламентские реформаторы стали на свой путь, и прецедент, созданный ими при помощи вырывания уступок под угрозой вооруженного сопротивления, станет для них серьезным затруднением, когда чартисты начнут требовать дальнейших шагов парламентской реформы и использовать такую же тактику для достижения этого» (Thomis and Holt, 1977, 99).

¹⁴³ Дж. Т. Уорд дает совсем иное объяснение (Ward, 1973, 56): «Нет необходимости обращаться к методизму в качестве сдерживающего фактора революции или искать другие ограничения — революционной ситуации просто не было. Реформа оказалась успешной, поскольку ее сторонники были главным образом избраны в ходе последних дореформенных выборов, Веллингтон был не в состоянии сформировать кабинет министров, пэров не заботило, что их может поглотить новый порядок, а предусмотрительные манипуляции вигов со статьями билля обеспечили преобладание буржуазного электората». Все это верно, но данные факторы главным образом имеют промежуточный характер и не отрицают тот фактор, который предлагает Милль — страх восстания.

Вот отличное утверждение Дональда Саутгейта (Southgate, 1965, 21–22): «Единственным аргументом в пользу широкой реформы — возможно, единственным аргументом в пользу *любой* реформы, который все министры Грея могли сознательно произнести в унисон, — было то, что она была необходима для безопасности, влияния и репутации правящего класса. Убежденные в том, что их задача была, по существу, консервативной и представляла собой спасательную операцию в интересах статуса и собственности, авторы билля смогли сыграть роль, которую агиография вигов приписывала героям старины... Они постарались выделиться из рядов тех, кто был против конституции для средних классов — большой зарождающейся группы людей, отличавшихся от „простых слесарей“ и тружеников богатством, собственностью, образованием, „респектабельностью“ и тем самым готовых к тому, чтобы вступить в ряды *pays légal* [правящих политических кругов — *фр.*] Массам же Билль о реформе не предложил ничего — это был недемократический и антидемократический шаг».

целью» Билля о реформе было «сконцентрировать поддержку среднего класса вокруг аристократической системы» (Gash, 1979, 147)¹⁴⁴. Виги «убедились — используя их собственный язык, — что „эпоха улучшений“ внезапно не обернется „эпохой разрушений“». Для этого им и требовался закон — любой закон, который казался включением средних классов в политическое сообщество¹⁴⁵. Даже Джон Брайт, который хотел гораздо большего, скажет: «Если этот билль и не был хорош, ... то это был великий билль в момент, когда он был принят» (Briggs, 1959, 259—260).

Для британских политиков все эти реформы имели некоторые непредвиденные последствия. «Шотландия и католическая Ирландия, которым предоставили политические права, стали мощным укреплением парламентской силы вигов-либералов» (Gash, 1979, 154). Кельтские окраины окажутся бастионом сначала для Гладстона и Ллойд Джорджа, а затем для лейбористов. В то же время консерваторы теперь могли от просто «партии короны и пэрства» смещаться в сторону «партии Англии» (Halévy, 1950, 182). В любом случае можно утверждать, что реформы 1829—1832 годов, в равной мере осуществив интеграцию кельтских окраин и средних классов, учредили в Великобритании национальное либеральное государство.

Кроме того, упразднив «гнилые местечки», билль ослабил силу кабинета министров в отношении отдельных членов парламента, которым теперь требовалось отвечать за свои избирательные округа. Данная ситуация изменится лишь через 50 лет в результате развития централизованных партий, которые вернут под свой контроль депутатов и избирательные округа. Тем временем ослабление автократического (пусть даже в форме кабинета министров) центра фактически вселило тревогу во многих радикалов, либералов и даже вигов, поскольку они обнаружили, что добиваться нового реформистского законодательства стало зачастую сложнее, а не проще, ведь теперь было недостаточно убедить нескольких человек на самом верху вовремя произвести значительные изменения — необходимо было принимать в расчет интересы куда более широкой, но по-прежнему довольно узко мыслящей группы:

«Любовь последователей Бентама к Веллингтону и Пилю в 1829 и 1830 годах действительно может быть крайне значимым обстоятельством. Если бы

¹⁴⁴ И, конечно же, этот билль действовал: «Действенность притязаний вигов на то, чтобы отделить средние классы от радикализма низов, никогда не была более ясно продемонстрирована, нежели в 1831—36 годы... За достижением парламентской реформы последовал крах членства и финансов лондонского Национального политического союза» (Gash, 1979, 191).

¹⁴⁵ Опять же, не следует преувеличивать. Благодаря Биллю о реформе численность электората выросла с полумиллиона до миллиона человек (см. Halévy, 1950, 27). Однако, как утверждает Дж. Китсон Кларк (Kitson Clark, 1962, 7), «после 1832 года средний класс, хотя и был определен, но [не] преобладал в стране. Определенно ему было суждено иметь политическую значимость во время Билля о реформе, и как раз признание этой значимости и было предложено и проведено этим документом. Однако после его принятия решающий контроль в политической сфере по-прежнему безоговорочно находился в руках старых правящих классов — аристократии (nobility) и джентри».

история представляла собой логическую последовательность (хотя она никогда таковой не является), то можно было бы утверждать, что первый Билль о реформе скорее отсрочил такие меры, как отмена Хлебных законов, нежели их ускорил» (Moore, 1961, 34).

И пусть средние классы получили меньше, чем они, возможно, хотели, но теперь они приобрели уважение и больше не будут проявлять недовольство. Однако трудящиеся классы в Великобритании и Франции получили лишь «разочарование» (Briggs, 1956, 70) и ослабление своих позиций перед следующим раундом сражения¹⁴⁶.

К 1830/1832 годам либеральное государство, управляемое либеральным центром, было создано в Великобритании, Франции и Бельгии — трех наиболее индустриализованных странах того времени. В совокупности эти три государства формировали экономическое и культурное ядро мир-системы. Модель либерального государства предназначалась для их целей и для целей тех, кто претендовал на достижение сравнительного процветания и стабильности. Священный Союз и «ультра» в центре мира-экономики удалось сдержать, а на деле — разбить наголову. Консерваторы и радикалы стали фактически трансформироваться в обычные варианты центристского либерализма. И если «ультра» были эффективно нейтрализованы, то мятежные революционеры едва ли вообще смогли бы добиться какого-либо политического представительства, особенно в трех модельных либеральных государствах.

Теперь требовалось развить механизмы либерального государства. Процесс избирательной реформы был по-прежнему робким, но он был запущен и неизбежно будет продолжаться, пока не достигнет своего пика в виде всеобщего права голоса в течение столетия. Наряду с правом голоса, происходило расширение гражданских прав на всех граждан — равных субъектов, равных резидентов. Но второй столп либерального государства в деле укрощения опасных классов — государственная защита тех, кто слаб экономически и социально, — еще не был возведен в полной мере. Этот процесс стартует в следующий период — период консолидации либеральных государств между 1830 и 1875 годами.

J

¹⁴⁶ См. Southgate (1965, 24): «Социальная „великая стратегия“ Билля о реформе получила подтверждение в фиаско чартистов в 1848 году, когда Британия с ее реформированной конституцией преодолела неурядицы, порожденные новой революцией во Франции».

3

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
И КЛАССОВЫЙ КОНФЛИКТ,
1830–1875

Лешар (?), «Восстание в Лионе, 9—14 апреля 1834 года».

Забастовка ткачей (*canuts*) в Лионе переросла в вооруженное противостояние между рабочими и силами правопорядка, в результате чего произошло массовое убийство рабочих. На их флаге написано: «Жить работая или умереть сражаясь»
(публикуется с разрешения Национальной библиотеки Франции).

Вмешательство британского государства в экономику росло как снежный ком на протяжении всего [XIX] столетия, которое большинство историков склонны характеризовать как эпоху, когда правительство не распускало руки по отношению к бизнесу.

Дж. Бартлетт Бребнер (BREBNER, 1948, 108)
Революции просто происходят — они не терпят крах и не завершаются успехом.

Джон Пламенац (PLAMENATZ, 1952, XII)
Борьба укладов заполняет или, скорее, создает всю эту историю... Факты не исчезают просто так, поскольку министры и партии не хотят этого или считают полезным, чтобы это не произошло.

Франсуа Гизо (GUIZOT, 1820, 6)

В первой половине XIX века социализм как идея был неотделим от идеи «буржуазной демократии», или же, по словам Лабрусса (Labrousse, 1949b, 7), «якобинство и социализм по-прежнему смешивались в политической жизни». В некотором смысле такое положение дел сохранялось, возможно, еще, по меньшей мере, в течение столетия — полное различие двух этих понятий будет отсутствовать. Тем не менее после 1830 года либерализм (это понятие представляется мне лучшим, чем «буржуазная демократия») и социализм встали на расходящиеся траектории в качестве политических опций. Действительно, как утверждает Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 284),

«либералы-практики... отступили от политической демократии... Социальное недовольство, революционные движения и социалистические идеологии посленаполеоновской эпохи усилили проблему [опоры на большинство для осуществления велений разума — И.В.], а революция 1830 года ее обострила. Либерализм и демократия представлялись противниками, а не союзниками»¹.

¹ Хобсбаум продолжает (р. 285): «Хотя тем самым либеральная идеология утратила свой первоначальный самоуверенный натиск,... новая идеология, социализм, переформулировала старинные истины XVIII века. Ее твердыми основаниями были разум, наука и прогресс». Для Эмиля Корнарта (Coornaert, 1950, 13) 1830 год тоже означал «пере-

Идея класса и классового конфликта была привнесена не социалистической идеологией, причем в наименьшей степени — Карлом Марксом. Это была идея Сен-Симона, развитая и осуществленная Гизо в качестве либерального проекта². Согласно представлению Сен-Симона, классовая структура современного индустриального мира состояла из *трех* классов: собственников, лишенных собственности и ученых мужей. Он рассматривал классовый конфликт между «промышленными рабочими» („industrials”) (теми, кто работает) и праздными в качестве переходной стадии, на смену которой придет гармоничное общество производительных индустриальных классов под эгидой ученых мужей. Это была меритократическая точка зрения, в которой на смену старой аристократии по рождению приходит аристократия таланта (Manuel, 1956; Iggers, 1958b)³. А для Гизо идея класса была существенным элементом в его стремлении «узаконить политические притязания буржуазии» (Fossaert, 1955, 60)⁴.

лом» и «отправную точку» в истории пролетариата. Он также отмечает (р. 26) восприятие философии XVIII века: «вера в разум, науку, упрощенная вера в бесконечный прогресс человечества».

² Об этом с марксистской точки зрения довольно ясно и довольно рано сообщил еще Плеханов в 1902—1903 годах. Но и это еще не все: классическая марксистская дефиниция социализма в «Критике Готской программы» — «от каждого по способности, каждому по труду» — в действительности взята напрямую из «Доктрины Сен-Симона» (Saint-Simon, 1830, 70): «*A chacun selon sa capacité; à chaque capacité selon ses œuvres*» (цит. в: Manuel, 1956, 227). Правда Маркс уточняет, что это промежуточная формула. В последующий период «коммунизма» ее вторая часть будет звучать как «каждому по потребности».

³ Джордж Дж. Иггертс изначально обвинял Сен-Симона в том, что он был «то-талитарен» (Iggers, 1958a, 3), но в более поздней книге отказался от этого мнения, предпочтя говорить о консервативных основах мысли Сен-Симона: «Подобно де Местру, которым [последователи Сен-Симона] глубоко восхищались, и в отличие от других сторонников теории прогресса, они были убеждены в том, что человек обладал *'penchants vicieux'* [порочной склонностью — фр.] и из-за этого свойства возникала необходимость в существовании государства, которое ограничивало и регулировало свободу личности» (Iggers, 1970, 689). Вернер Старк (Stark, 1943, 55) называет Сен-Симона «пророком буржуазии». См. тж. точку зрения Жоржа Брюне, который подчеркивает, что Сен-Симону было понятно, против чего он выступает, но неясно, за что, характеризуя его (Brunet, 1925, 9) как «Эдипа перед Сфинксом», взирающего на лежащий перед ним XIX век и пытающегося понять будущее. Фридрих фон Хайек (Науек, 1952, 156—188) прослеживает влияние Сен-Симона в трех направлениях: влияние на младогегельянцев и социализм после 1848 года, влияние на «континентальный капитализм» и влияние на Конта и позитивистскую социологию. А Дж. Д. Х. Коул придерживается суровой оценки: «Во всем этом не было ни капли демократии» (Cole, 1953, 1:43).

⁴ Фоссарт продолжает изложение мысли Гизо: «Самоутверждающаяся и претендующая на главенство в государстве буржуазия не боится обращаться к революционным методам — доказательством этого является 1830 год. Не боится буржуазия и сциентистских теорий. Она осознает себя борющимся классом и принимает свое определение в таком качестве. Но уже в 1847 году, когда Гизо проводил куда более консервативную политическую линию, он был поносим своими оппонентами за подобную поддержку классовой доктрины. В Палате депутатов некто Гарнье-Паже заявил: „В этой стране нет классов... А вы, г-н Гизо, разделяете одну из самых отвратительных теорий о существовании

Однако в 1830 году Гизо и его товарищи добились успеха (а одновременно такой же успех состоялся в Великобритании)⁵ в учреждении формы правления среднего класса «в качестве постоянного *juste milieu* [умеренного правительства — *фр.*], или золотой середины между крайностями революции и реакции» (Starzinger, 1965, viii)⁶. 7 августа 1830 года Палата депутатов запретила преамбулу к Хартии 1814 года как «затрагивающую национальную честь заявлением о *пожаловании* французам прав, которые принадлежат им по природе» (Collins, 1970, 90). Либералы в политическом отношении, а *grande bourgeoisie* [крупная буржуазия — *фр.*] в социальном наконец завоевали для себя *droit de cité* [право гражданства — *фр.*]⁷.

Кроме того, поскольку все эти события совпали с периодом ускорения экономического и социального изменения, наиболее неотложные проблемы, с которыми столкнулись Франция и Великобритания, теперь стали «социальными проблемами» индустриализма — особенно проблемы «нового

разных классов, буржуазии и бедных, буржуазии и народа... Вы хотели разделить нас, но вам это не удастся; ... во Франции есть только французские граждане». Домар (Daumard, 1963, xi), цитируя это выступление, отмечает, что Гарнье-Паже почти сразу продолжил свое обращение к палате такими словами: «Я вижу тут много буржуа», что вызвало в палате как минимум смех.

⁵ Гэш (Gash, 1977, 39) отмечает, что кабинет пэров лорда Ливерпуля в действительности состоял из сыновей и внуков среднего класса. В 1835 году сэр Роберт Пиль, выступая с речью в Сити, указал на тот факт, что его отец был хлопковым мануфактурщиком. «Чувствовал ли я каким-либо образом отражение этого на себе? ... Нет, но не заставляет ли это, точнее, не должно ли заставлять это вас, джентльмены, сделать все возможное, чтобы с помощью той же системы законов, при которой наша страна так долго процветала, закрепить за другими сыновьями других владельцев текстильных фабрик те же самые возможности добиться подобных результатов при помощи тех же почтенных средств?» (цит. на с. 71).

⁶ Гизо «ни отрицал, ни принимал революцию целиком... Общество „разума“ и „справедливости“ было той базовой философской идеей, с помощью которой доктринеры отрицали монопольные претензии как революцией, так и Старого порядка» (Starzinger, 1965, 20—21).

⁷ Жан Льемм (Lhomme, 1960, 36) и Шарль-А. Пута (Pouthas, 1962, 258) утверждают, что один класс пришел на смену другому в качестве господствующей силы. Однако Андре-Жан Тудеск (Tudesq, 1964, I, 335) предупреждает, как именно следует интерпретировать данное явление: «Главенство *grande bourgeoisie* невозможно отрицать, однако она в большей степени ассимилировала старую аристократию, нежели выставила ее за дверь». Тем не менее этот сдвиг имел реальные социальные последствия, о чем свидетельствует письмо префекта Парижа, адресованное мэрам различных городских округов (*arrondissements*) вскоре после революции 1830 года, в котором он рассматривал необходимые приготовления для возможных торжеств при дворце: «Вы, несомненно, сочтете уместным... заранее составить список лиц в каждом округе, которым может быть оказана честь получить приглашение от короля. Выдающиеся достоинства, честно приобретенное богатство, недаром знаменитое имя, великое усердие — вот... условия, которые, помимо достойной жизни, должны руководить вашим выбором. Поэтому, пожалуйста, внесите в список членов магистрата, крупных собственников, банкиров, *agents de change* [биржевых маклеров — *фр.*], нотариусов, поверенных, мануфактурщиков, военных чиновников, художников, литераторов, проживающих в вашем районе, по пять или шесть наиболее значимых лиц в своей профессии». Цитируя это письмо, Домар (Daumard, 1963, 305) дает такой комментарий: «Вопроса о происхождении больше не существует, за исключением мимолетных ситуаций и для того, чтобы не забыть никого имеющего „недаром знаменитое имя“, и даже в таком случае не обязательно, что это будет унаследованное имя».

пролетариата и ужасов стремительной урбанизации» (Hobsbawm, 1962, 207). Поэтому теперь классовый конфликт будет означать нечто отличное от того, что имели в виду Сен-Симон и Гизо. Сама революция 1830 года состоялась в момент особых экономических сложностей для рабочих (значительная безработица, необычайно высокие цены на пшеницу)⁸. Это предоставило доказательства в пользу политического восстания и послужило стимулом для сознания рабочих, для ощущения ими наличия общего интереса «лишь как пролетариев», ощущения «достоинства рабочего» (Festy, 1908, 330)⁹. Либералы тут же осознали это изменение. В своем выступлении в Палате депутатов Тьер говорил: «На следующий же день после Июльской революции мы видели своим долгом успокоить ее. В результате больше не было свободы, но была опасность для порядка» (цит. в: Bezucha, 1974, 137)¹⁰.

В последующие несколько лет беспорядки рабочих получают новую интенсивность и новое качество как во Франции, так и в Великобритании. В литературе о стачках и рабочих волнениях стала преобладать точка зрения, что данная деятельность была более характерна для «ремесленников», а не для собственно «рабочих». Несмотря на то что эта линия аргументации, как некоторые, кажется, полагают, не всегда ясна, в целом «ремесленники» считаются обладавшими большими техническими навыками, более высокими реальными доходами и большей автономией на рабочем месте, чем прочие типы трудящихся. Многие из этих «ремесленников» были членами организаций, которые существовали задолго до XIX века и действовали с целью улучшения благосостояния своих участников путем социальной поддержки и взаимопомощи. Эти организации были иерархичными и строились вокруг определенных ритуалов.

Кроме того, это вообще были единственные организации, разрешенные в те периоды, когда создание профсоюзов было строго запрещено¹¹, и то разрешенные лишь под внимательным надзором властей. Однако в меняющейся

⁸ «Создавая недовольство среди населения, приучая его к мятежам, кризис создал революционную атмосферу» (Gonnet, 1955, 291).

⁹ См. тж. Moss (1975a, 204): «*Trois Glorieuses* [Три славных дня — фр.] вдохновили как возрождение эгалитарных идеалов Первой республики, так и беспрецедентную волну протеста рабочего класса».

¹⁰ Через месяц после революции 1830 года *Journal des Débats* предупреждал средние классы о подъеме пролетариев в современном обществе, сравнивая их с варварами в Римской империи (см. Daumard, 1963, 515). Столетие спустя революцию 1830 года аналогичным образом анализировал еще один либерал, Бенедетто Кроче (Croce, 1934, 150): «Ситуация изменилась. Теперь это была борьба не между либерализмом и абсолютизмом, но между либерализмом и демократией, от ее умеренных до крайних и социалистических форм. Эта борьба, будучи действительно настоящей и прогрессивной борьбой XIX века, происходила... в странах, которые наслаждались свободой».

¹¹ См. Wallerstein (1989, 107, 120—121 / с. 132 тома 3 рус. изд.) о законе Ле Шапелле во Франции и Антикомбинационных актах в Великобритании.

¹² Руде (Rudé, 1969, 22) утверждает, что воинственность подобных ассоциаций была заметна и до 1830 года: «На самом деле события октября—ноября 1831 года нельзя считать случайными. Для членов ассоциации руководителей шелковых мастерских в

после 1830 года политической ситуации даже общества взаимопомощи стали выполнять новые функции. Как указывает Анри Сэ (Sée, 1951, 2:199), «многие из этих обществ служили... прикрытием настоящим *организациям сопротивления*, враждебным для работодателей; создавая *дополнительные денежные резервы (bourses auxiliaires)*, они формировали фонды для поддержки безработных и забастовщиков»¹². Поэтому, как утверждал Питер Н. Стернс (Stearns, 1965, 371—372), подобные «ремесленники» в это время могли быть с большей вероятностью вовлечены в забастовочную деятельность, нежели «фабричные рабочие», которые, будучи в еще более ненадежном положении, сохраняли «почти полное спокойствие»¹³.

Различие, которое многие ученые делают между ремесленниками и фабричными рабочими, как представляется, основано в первую очередь на разной организации рабочего места. Однако в действительности ремесленники обычно работали в «мастерских», которые по своей структуре и даже по социальной организации не слишком отличались от сравнительно небольших «фабрик», существовавших в эту эпоху. Поэтому я подозреваю, что реальное различие заключалось в социальном происхождении двух указанных групп трудящихся. «Ремесленниками» были мужчины, причем главным образом выходцы с близлежащей к месту их работы территории. «Фабричными рабочими» же были в основном либо женщины, либо дети (Bezucha, 1974, 35), или же «мигранты» — как выходцы из сельских сообществ, так и рабочие, говорившие на другом языке¹⁴.

Лионе (носившей название *Mutuellisme* [взаимопомощь — *фр.*]) «сигнал к освобождению рабочих» был подан не в 1831 году, а за три или четыре года до этого, когда была основана их организация [1828] ... А на протяжении эпохи Реставрации рабочее движение, проявлявшее себя в виде «коалиций» и заговоров, никогда не прекращало демонстрировать поразительную жизнеспособность».

¹³ Чарльз Тилли, с одной стороны, утверждает, что 1830 год «мало повлиял» на рабочих политиков на севере Франции, говоря о «почти полном отсутствии забастовок». Но, с другой стороны, он утверждает, что «возросшая динамика социального конфликта в 1830-х и 1840-х годах сделала забастовку нормой — по меньшей мере, в некоторой степени» (Tilly, 1986, 262, 263, 265).

¹⁴ См. Bezucha (1974, 23). Безуча приводит статистику 1833 года для рабочего района в Лионе, показывая, что из 3257 подмастерий лишь 547 родились в этом городе, а остальные были либо иностранцами, либо выходцами из сельских сообществ. Таким образом, «иммиграция была принципиальным фактором в росте Лиона в этот период» (р. 158). Жан-Пьер Агюэ (Aguet, 1954, 4) излагает опубликованный в номере *Constitutionnel* от 16 августа 1830 года отчет о марше на полицейскую префектуру в Париже, во время которого местные рабочие требовали, чтобы «иностранцев» рабочих (включая французов сельского происхождения) попросили покинуть столицу. Префект отказался удовлетворить их требование, исходя из того, что присутствие «иностранцев» рабочих создавало «конкуренцию, которая поддерживает соперничество, благоприятствует духу улучшений и уже внесла существенный вклад в усиление французской промышленности». Агюэ (р. 9) сообщает о подобных событиях и в Лионе, и Гренобле.

Тогда, как и сейчас, «иностранцам» рабочим платили меньше, чем местным, но их привлекали более высокие заработные платы, чем те, что были доступны там,

Самым показательным выражением протеста «ремесленников» стало восстание ткачей (*canuts*)¹⁵ в Лионе в 1831 году, а затем в 1834. Их борьба началась сразу же после Июльской революции и включала разрушение машин и вытеснение «иностраннных» рабочих¹⁶. Эти события восходили к воинственным настроениям ремесленников еще в XVIII веке, которые в 1786 году взорвались так называемым восстанием двух су (*émeute de deux sous*), в ходе которого ремесленники стремились добиться фиксированной минимальной ставки на готовые ткани. Последующие беспорядки продолжались вплоть до Французской революции и принятия закона Ле Шапелье. Безуча (Bezucha, 1974, 11) делает вывод, что «Французская революция в действительности нарушила импульс, возникший до 1789 года, и могла замедлить развитие рабочего движения в Лионе». Однако между 1789 и 1830 годами сравнительно стабильная система квалифицированных рабочих (*compagnon*) была замещена более «подвижной системой сдельных работников» (Bezucha, 1974, 46).

Левассёр (Levasseur, 1904, 2:6) задается вопросами: почему Лион? почему 1831 год? Его ответ заключается в том, что Лион жил за счет индустрии роскоши — производства шелка, что делало его более «чувствительным к экономическим кризисам и политическим потрясениям». Непосредственной же проблемой, как и в 1786 году, был минимальный уровень заработной платы, который был согласован с префектом, но затем отменялся центральным правительством. Первая забастовка была относительно вне политики, однако недовольство не прекратилось. В 1832 году произошла забастовка в Париже. Атмосфера все больше и больше политизировалась, отчасти из-за неудовлетворенности рабочих классов политикой Июльской монархии, отчасти (по крайней мере, в Лионе) из-за агитации итальянских националистических сил. Ближайший помощник Мадзини — генерал Раморино часто бывал в Лионе для вербовки людей с целью освобождения Савойи и

откуда они прибыли. Сэ (Sée, 1924, 494, 498) цитирует исследование Луи-Рене Виллерме 1840 года, содержащее данные о парижских рабочих, которые позволяют ему сделать вывод, что крестьян притягивал относительно «высокий уровень заработков, предлагаемых мануфактурной промышленностью», но тем не менее «существование рабочего представлялось довольно ненадежным».

¹⁵ Слово *canut*, очевидно, происходит от слова *canette*, означающего ткацкую шпильку, и представляет собой наименование, которое использовалось в кукольных представлениях в Лионе начиная с XVI века для карикатурного изображения местных работников шелкоткачества. Однако Эмиль Левассёр (Levasseur, 1904, 2:7) настаивает, что это был «не оскорбительный термин».

¹⁶ «Если бы для французов было больше доступной работы, то это означало бы, что работодатели и государство изгнали бы иностранцев из Франции... Эта проблема изгнания иностранных рабочих была одним из принципиальных пунктов разногласий между рабочими и правительством в первые месяцы после Июльской революции» (Newman, 1975, 23). См. тж. работу Bruhat (1952, 1:223), где выражается сожаление, что «рабочие не атаковали напрямую ни режим (капитализм), ни тех людей (капиталистов), которые были причиной их страданий».

Пьемонта (Bezucha, 1974, 122). 14 февраля 1834 года раздался призыв к всеобщей забастовке, но он оказался безуспешным. Настроения членов местной Республиканской партии разделились¹⁷. Репрессивный закон вызвал дальнейшее противодействие рабочих в апреле — восстание, в ходе которого было убито примерно 300 человек. Эта попытка стала рассматриваться как «веха в истории европейского рабочего класса» (Bezucha, 1974, 124). На сей раз последовали решительные репрессии со стороны властей. В 1835 году состоялось «чудовищное судилище», которое правительство использовало для того, чтобы «разделаться с республиканцами»¹⁸. Столкнувшись с зачатками серьезной классовой борьбы со стороны городского рабочего класса, либеральное государство изначально реагировало на это так же репрессивно, как и его предшественники.

Британский сюжет не слишком отличался от французского. Идеологическим эквивалентом Июльской революции был Билль о реформе 1832 года. Великобритания не познала «три славных дня» «революции», вместо этого там происходила парламентская схватка, в ходе которой «революция» была единогласно «избрана» в ключевом втором чтении 1831 года. Когда, несмотря на это, билль был разгромлен в правительственном комитете, парламент был распущен, но затем был избран парламент, выступавший за реформу. Ведь в то время в Англии всерьез воспринимали события во Франции и возможность того, что случится «худшее». Речь Маколея в пользу реформы проясняет соображения тех, кто выступал в ее защиту:

«Обернитесь везде, где можно — внутрь, вокруг: голос великих событий провозглашает — реформа, которую вы можете не допустить... Возобновим молодость нашего государства! Сохраним собственность, разделенную против своей природы! Сохраним разнообразие, которому угрожают его собственные неуправляемые страсти! Сохраним аристократию, которой грозит ее собственная непопулярная власть! Сохраним величайшую, чистейшую и

¹⁷ Насколько велика была поддержка, которую рабочие получили от республиканцев, является предметом дискуссии. Безуча (Bezucha, 1974, 171) не придает ей значения: «Согласно последним исследованиям, участие республиканцев в лионском восстании было результатом слабости, а не силы местной партии». Это был мятеж рабочих, утверждает Безуча — но не политический мятеж, как заявляло правительство. Брюа также стремится подчеркнуть приоритет сознания рабочего класса (Bruhat, 1952, I, 262). Левассёр (Levasseur, 1904, 2:819), напротив, утверждает, что республиканцы «мстили» за обман 1830 года, поддержав восстание 1834 года, в то время как восстание 1831 года в действительности не носило политического характера. Доллеан (Dolléans, 1947, 1:97) показывает другую сторону проблемы, утверждая, что именно рабочие настаивали на том, чтобы борьба касалась их непосредственных интересов: «Они опасались, что их требования окажутся под угрозой, если они будут действовать вместе с республиканцами. Они стремились к осмотрительности».

¹⁸ Plamenatz (1952, 55). «Или, что еще более верно, загнать их в подполье», за которым последовали «годы молчания», добавляет Пламенац. См. т.ж. Dolléans (1947, 1:107) о том, как правительство использовало забастовку в качестве предлога для подавления республиканцев.

наиболее высоко цивилизованную страну, которая когда-либо существовала, от бедствий, которые за несколько дней могут уничтожить все богатое наследие столь многих веков мудрости и славы! Времени мало! Если этот билль будет отвергнут, я молю Бога, чтобы никто из тех, кто сообща действует за это, никогда не вспомнил о своем голосе с напрасным раскаянием посреди разрушения законов, смещения чинов, разграбления собственности и исчезновения общественного порядка»¹⁹.

Точка зрения Маколея была услышана. Точно так же, как во Франции, как только средние слои завоевали для себя *droit de cité* [право гражданства — *фр.*], их внимание сразу обратилось к сдерживанию требований рабочих классов. Чартизм, ставший «наиважнейшим движением рабочих»²⁰ (Evans, 1983, 215) и продолжением старого радикального движения за реформу, совпал с великой промышленной депрессией 1837—1843 годов и был наиболее силен именно в этот период. Чартизм получил определенную скандальную известность и в течение нескольких лет представлялся реальным вызовом властям. Значительную часть чартистских кругов составляли выходцы из профессиональных сообществ²¹, но движение имело поддержку и среди радикалов из среднего класса (Rowe, 1967, 85). Чартистское движение существовало одновременно с фритредерским движением Лиги против Хлебных законов и было его противником. Алеви (Halévy, 1947, 9) усматривает в этом призрака потенциала для «гражданской войны». Бриггс (Briggs, 1959, 312) говорит о том, что два эти движения представляли «контраст между двумя сегментами разделенного общества». Гэш (Gash, 1965, 2) утверждает, что «Движение» («формулировка, заимствованная из континентальной политики») «имело неоспоримый дух классовой войны»²².

¹⁹ Miscellaneous Writings and Speeches (popular ed., p. 492), цит. в: Fay (1920, 33—34).

²⁰ Дж. Т. Уорд (Ward, 1973, 7) называет чартизм «первой политической партией рабочего класса».

²¹ См. Prothero (1971, 203, 209): «Ведь те успехи, которых достиг лондонский чартизм, были обязаны тому, что он завоевал поддержку наиболее важных профессиональных групп столицы — плотников, каменщиков, портных и сапожников». Тем не менее Протеро утверждает, что чартизм получал более мощную и более последовательную поддержку и от «менее сильных, хотя и организованных, профессиональных групп», так называемых аристократических профессий, которые стремились к объединению лишь тогда, когда их собственные интересы оказывались под угрозой со стороны законодательства, например, после принятия в 1844 году закона о хозяевах и слугах (см. Prothero, 1969, 84).

²² Гэрет Ст. Джоунс (Jones, 1983, 57) отмечает, что это было следствием разочарования, наступившего после 1832 года: «Билль о реформе рассматривался как грандиозное предательство того, что считалось общей борьбой [радикалов из среднего класса и рабочих]. Последовавшие за ним меры виговского правительства — Ирландский принудительный билль, отказ от принятия Билля о десятичасовом рабочем дне, Муниципальные акты и новые законы о бедных — рассматривались как подтверждение предательства среднего класса. Практический вывод, который следовало отсюда сделать, заключался в том, что рабочий класс должен сам завоевать свою свободу».

Однако после яркой вспышки чартистское движение выдохлось. Уже в 1843 году оно пошло на спад: отчасти потому, что в Великобритании не было достаточной социальной поддержки для движения, которое изначально и открыто являлось рабочим, а отчасти само движение не могло найти согласия по поводу того, в какой степени легитимным оружием борьбы является насилие. Кроме того, отчасти свою роль сыграл «ирландский фактор»: рабочий класс в Англии больше не был только английским, но состоял из англичан и ирландцев, и проблемы ирландского национализма стали переплетаться с классовыми проблемами. Когда лидером чартистов стал Фергюс О'Коннор, это смешение стало слишком серьезным и движение было «скомпрометировано»²³. Но, возможно, важнее всего было то, что жизнь стала несколько лучше, а программа экономических реформ сэра Роберта Пия устранила часть недовольства²⁴. В конечном итоге классовая война в Великобритании в это время не зашла значительно дальше, чем во Франции.

Внутренние проблемы Великобритании и Франции никогда не были настолько велики, чтобы эти державы не могли концентрировать внимание на геополитике мир-системы. Июльская революция, повторением и подтверждением которой стали независимость Бельгии и Акт о реформе 1832 года, окажет непосредственное воздействие на Европу. Отношения между Великобританией и Францией в 1815—1830 годах были корректными, причем оба государства часто оказывались на одной стороне в международных делах, однако наследие двухвековой борьбы за гегемонию продолжало создавать достаточно взаимных подозрений, чтобы обеспечивать достаточную дистанцию между ними. Июльская революция способствовала ее преодолению, повлияв даже на правительство тори во главе с Веллингтоном в преддверии принятия Билля о реформе. Европа теперь вступала в эпоху Сердечного согласия, которое хоть и было браком не по любви, а определенно по расчету, однако этот альянс переживет все последующие раздоры, по меньшей мере, вплоть до 1945 года. Возможно, сам термин «Сердечное согласие» был пущен в ход Пальмерстоном в 1831 году, хотя в официальное употребление он не входил вплоть до 1842 года (Guyot, 1926, 220; Halévy, 1950, 3:73, п. 1). Геополитическая основа этого альянса была очевидна. «В качестве либеральной державы Франция [после Июльской революции] по самой природе вещей была союзницей

²³ См. Halévy (1947, 208, 211): «Общественное мнение, похоже, смешивало ирландцев с французами. „Француз, — писал некий журналист, — это цивилизованный кельт, ирландец — галльский варвар. То, что во Франции является коммунизмом, в Ирландии представляет собой бандитизм”. Было очевидно, что британская нация не будет иметь ничего общего с движением во главе с ирландцем, намеренным развязать в Англии революцию по французскому образцу».

²⁴ Возможно, чартистские активисты не были одурачены. Как утверждает Алеви (Halévy, 1947, 149), «что касается чартистов, то принятие Билля о десятичасовом рабочем дне было ничем иным, как арьергардной победой над одним из вражеских флангов». Данная точка зрения в меньшей степени отражает взгляды активистов, нежели их потенциальных сторонников.

либеральной Англии» (Halévy, 1950, 3:73)²⁵. Великобритания теперь могла с еще большей легкостью проводить свою политику сдерживания абсолютизма в Европе и расширять круг либеральных государств (Guyot, 1926, 88, 117)²⁶.

Но были и другие мотивы. Великобритания и Франция сталкивались с теми же внутренними проблемами, и даже если Франция еще не была готова ухватиться за фритредерскую панацею Великобритании, то «в глазах демократов и социалистов» Сердечное согласие представлялось «альянсом капиталов», представлявшим собой „*fait accompli*” [свершившийся факт — *фр.*] (Guyot, 1926, 302). Было ли это так уж неверно? В самом деле, два отмеченных эффекта не существовали по отдельности. Оказывая давление на другие державы, с тем чтобы те следовали их примеру, Великобритания и Франция со своим Сердечным согласием «обескураживали международную революционную пропаганду, которая делала ставку на разногласия между этими державами» (Guichen, 1917, 424—425).

Кроме того, в 1830 году началась реализация схемы, которая будет создавать для подобной пропаганды еще большие затруднения. По меньшей мере, для Франции 1830 год способствовал возвращению ощущения ею центрального положения в мире и французской национальной гордости. Отнюдь не Гизо, а французский социалист Луи Блан напишет (Blanc, 1844, 4:143—144):

«Июльская революция была больше, чем *dénouement* [развязкой — *фр.*] борьбы против церкви и королевской власти — она являлась выражением национального чувства, чрезвычайно подавленного соглашениями 1815 года. Нам было суждено сбросить ярмо этих соглашений и восстановить европейское равновесие»²⁷.

Одним из любопытных фактов, достойных упоминания в связи с Июльской революцией, стали события в Алжире. Имперское предприятие, начатое Карлом X, больше всего не устраивало Великобританию, однако Луи-Филипп был готов пожертвовать им, чтобы успокоить британцев. Но когда французы самоустранились от прямой интервенции в Бельгию, они поняли, что сделали все возможное со своей стороны, чтобы удовлетворить британцев, и просто

²⁵ Герцог де Брольи в своем предисловии к мемуарам Талейрана называл Сердечное согласие «альянсом двух либеральных монархий, с обеих сторон основанным на их национальных интересах» (цит. в: Weil, 1919, 4).

²⁶ Жарден и Тудеск (Jardin and Tudesq, 1973, 1:179—180) утверждают, что условия для этого альянса созрели: Англия и Франция только что выступили союзниками в установлении перемирия в Нидерландах; подписанный османами Ункяр-Искелесийский договор угрожал положению обеих стран; обе они симпатизировали либералам в германских и итальянских государствах в 1832 году.

²⁷ В 1830 году в рабочем журнале «Подарок пролетарию» утверждалось: «Мы сбросили правительство Бурбонов не потому, что оно делало нас несчастными, поскольку люди никогда не были более счастливы, чем между 1816 и 1829 годами, а потому, что оно было навязано нам так называемыми победителями, иностранными силами и внутренними предателями» (*Étrennes d'un prolétaire*, цит. в: Levasseur, 1903, 1:667).

продолжили оккупацию Алжира — на сей раз без протеста с британской стороны²⁸. Одним из соображений в пользу этого определенно было воздействие на рабочие беспорядки во Франции. «Бурлящее» население Парижа, потенциальные революционеры, были воодушевлены усмирением Алжира. Действительно, в 1838 году Леон Блондель, высокопоставленный чиновник в Алжире, мог сказать с определенной уверенностью, что «Африка — это составляющая часть порядка во Франции» (цит. в: Tudesq, 1964, 2:815)²⁹.

Таким образом, либеральные государства сочетали легитимацию политической роли среднего класса (тем самым получая легитимацию с их стороны) и внутреннее подавление недовольства рабочего класса с «сердечным согласием» внутри себя для обеспечения своего превосходства на геополитической арене. Поначалу казалось, что это работает, но данная схема была хрупкой, что и продемонстрирует европейская революция 1848 года. Для обеспечения стабильной политической структуры капиталистического мира-экономики в ситуации после 1789 года требовалось предпринять больше усилий.

Хрупкость политической структуры заключалась в том, что либеральные уступки рабочим классам были крайне ограничены, и если либеральные правительства не были готовы идти дальше, то они сталкивались со сложностями, преодолевая расстройтва, причиняемые периодическими острыми экономическими спадами. Наиболее заметно это было во Франции, где Июльская монархия и ее либеральный эпигон Гизо становились с годами все более и более консервативными перед лицом мучительного социального недовольства. Экономический кризис 1847—1848 годов, один из «наиболее жестоких» среди известных к этому времени, стал тяжелым ударом для

²⁸ Schefer (1928, 50—51). «Бельгийцы... завоевали для нас Алжир во второй раз», указывает далее Шефер. Почему Июльская монархия продолжала алжирскую политику, которую ее сторонники столь открыто критиковали непосредственно перед своим приходом к власти, объясняет Ренувен (Renouvin, 1954, 109): «Это не столь удивительно. Либералы, боровшиеся с Полиньяком, враждебно относились к этому предприяттию, поскольку оно могло консолидировать политический режим, к которому они питали отвращение. Но как только этот режим исчез, те же самые люди поняли, что отказ от приобретений в Алжире был бы опасен для престижа Орлеанской монархии». Как утверждает Ренувен, британцы соглашались с ними отчасти потому, что у них не хватало ясности по поводу намерений Июльской монархии, а отчасти потому, что «их интерес заключался в осторожном обхождении с Францией, поскольку им требовалось ее сотрудничество в европейских делах. Проводить политику прекращения огня было хорошим решением» (p. 111).

²⁹ Социалисты также не выступали против алжирской политики. Луи Блан пробуждал энтузиазм для борьбы против Абд-аль-Кадира (Blanc, 1844, vol. 5, chap. 9), заявляя о цивилизационной и геополитической легитимности империализма: «Обязанность расширяться... является результатом подлинного гения Франции. По своему темпераменту — даже больше, чем по своему географическому положению — Франция является морской державой... Альянс с Англией обрекает нас... быть не более чем континентальной нацией, но если мы даже в малом согласимся на эту роль, то конкуренция задушит нас» (pp. 504—505).

Франции. Прибыли резко упали, и на пике кризиса 75% промышленных рабочих Парижа были временно уволены (Markovitch, 1965, 256; Sée, 1951, 2:143; Labrousse, 1976b, 3:983—984).

Правительство в этой ситуации не отличалось гибкостью. Более того, ему не удалось осознать, что его главный политический механизм, *vote censitaire* [избирательный ценз — *фр.*], аукнулся ему отчуждением той самой группы мелких торговцев, чью поддержку оно получило в 1830 году, снизив уровень ценза. Проблема заключалась в том, что по мере того, как правительство снижало налоги, само это обстоятельство оставляло данную группу за пределами списков избирателей, подрывая не только ее политические права, но и ее социальное положение³⁰, что делало ее восприимчивой к агитации за избирательную реформу. Тем временем среди трудящихся классов очень умеренные «икарийцы» Этьена Кабе, которые в 1840-х годах были главным голосом социалистов — христианским, пацифистским, легалистским, националистическим и делающим акцент на классовом примирении, — теперь вытеснялись экономическим кризисом и поэтому уступали место более радикальным группам³¹.

Консерватизация французского режима контрастировала с тем, что происходило в других либеральных государствах. В 1846 году к смятению Меттерниха был избран либеральный папа Пий IX (Bury, 1948, 425). Если Бельгия в 1848 году сохраняла «спокойствие», то «потому, что она совершила свою революцию мирным путем в 1847 году» (Dhondt, 1949, 124). Аналогичным образом либералы и радикалы выиграли внутреннюю борьбу против Зондербунда в Швейцарии в 1847 году при дипломатической поддержке британцев в ситуации, когда Франция колебалась (Halpérin, 1948, 1:157)³². Действительно,

³⁰ Daumard (1963, 57). Домар отмечает, что «роль избирателя и того, кто мог быть избран, имела психологическое значение почти всемирного масштаба; например, избиратели были поименованы в „Альманахе 25 тысяч адресов“».

³¹ «Кабе-*endormeur* [усыпитель — *фр.*] предлагал народу спокойствие, когда ситуация требовала от рабочего класса революционной готовности и вооруженной бдительности» (Johnson, 1974, 286). Именно в этот момент Кабе бросил все и эмигрировал в Техас.

³² Алеви (Halévy, 1947, 193—194) отмечает: «В 1847 году Люцерн, [напавший на кантоны, которые восстали против Зондербунда], отменил за судьбу Кракова в 1846 году... Это было серьезное поражение Меттерниха и, следовательно, Гизо, который открыто имел с ним дело (но не для Луи-Филиппа, чья... „осторожность сдерживала [Гизо]“), а тем самым — важной победой для Пальмерстона и одновременно для западного либерализма». Неприятие Гизо британского проекта либерального миропорядка нарастало в течение определенного времени и до этого. 6 марта 1844 года он написал письмо французскому посланнику в Австрии графу Флао, в котором утверждал: «Сегодня нет повода, глубоко разделяющего великие державы, нет серьезного конфликта интересов, нет подлинной борьбы влияний... В Европе осталась только одна забота, общая для всех: подавление анархического духа и сохранение мира для достижения этой цели». В свою очередь, князь Меттерних, увидев письмо Гизо, написал письмо своему секретарю в парижском посольстве графу Алпони, в котором процитировал этот пассаж со следующим комментарием: «Таково и мое убеждение». Данные письма цитируются в: Weill (1921, 6, 8, 13).

это был момент временного нарушения Сердечного согласия³³. У себя дома британцы вполне справлялись с вызовом чартистов в то самое время, когда сэр Роберт Пиль держал курс в направлении отмены Хлебных законов³⁴, так что «призрак коммунизма»³⁵ успешно миновал Британию. Кризис 1847 года «не спровоцировал революционного возмущения» (Halévy, 1947, 181)³⁶, хотя заплатить за это пришлось ирландцам³⁷.

³³ Нарушение Сердечного согласия началось в 1846 году с возвращением Пальмерстона в министерство иностранных дел. Дональд М. Гриэр связывает это с давней враждебностью Пальмерстона к Орлеанскому дому, которая восходила к 1809—1815 годам, когда он был военным министром. Но это мнение представляется натянутым, особенно учитывая то, что термин «Сердечное согласие» ввел в оборот сам Пальмерстон. В любом случае «эта англо-французская враждебность была, возможно, наиболее разительным дипломатическим событием в начале 1848 года» (Greer, 1925, 163) — и, можно добавить, одним из имевших наиболее значимые последствия.

³⁴ «В материальном плане отмена Хлебных законов обеспечит защиту более бедных классов во время нужды от любого разрушительного роста цен на продукты питания. А в моральном отношении это даст им гарантии того, что, хотя большинство из них и не обладали избирательным правом, их благосостояние было предметом заботы аристократического правительства и парламента» (Gash, 1977, 97). Робертс говорит о Пиле, что он «был архитектором нового консерватизма, готового примириться с XIX веком, пытаясь, как проповедовал Бёрк, смешивать осторожные реформы со старыми традициями».

³⁵ «Когда Маркс в 1848 году говорил о „призраке коммунизма“, который преследовал Европу, он сообщил о... достоверном факте — по меньшей мере, для Франции и Германии. В середине столетия имели место подлинные настроения страха или надежды на восстание масс» (Hammen, 1958, 199).

³⁶ В действительности он действовал противоположным образом. Неудача 10 апреля — «фиаско», не только «обозначившее конец» чартизма как политической силы, но и создавшее пространство для маневра для британского правительства, испуганного примером революций в Париже, Берлине и Вене, чтобы «забыть его до смерти» (Vugr, 1948, 1:415). Однако Дженкс добавляет осторожную ноту: «Английские экономисты и публичные деятели никогда полностью не осознавали, насколько близко Англия подошла к потоку 1847—1848 годов» (Jenks, 1927, 158). Дженкс связывает спасение Британии от революции не с ее политической мудростью и не с ее «фетишем» и «заклинанием» — свободной торговлей, а с одновременным открытием золота в Калифорнии (1848) и Виктории (1851), что вело к всемирному росту цен и... последующему импульсу для предпринимательства. В ходе этого процесса ведущими активами Англии вместо долговых обязательств стали железные дороги и свободная торговля» (p. 162).

³⁷ Ирландский картофельный голод случился как раз во время дебатов о Хлебных законах. «При наличии Кобдена и Брайта, которые готовились к решающей борьбе на следующих всеобщих выборах, назначенных на 1847 год, и преобладающих настроениях обратившихся к их воззрениям британских среднего и низшего классов за пределами чисто сельскохозяйственных территорий, Пилю и [министру внутренних дел сэру Джеймсу] Грэхему представлялось очевидным, что запрос в парламент о миллионе фунтов или более средств налогоплательщиков для того, чтобы накормить Ирландию, при одновременном сохранении действия Хлебных законов породит бурю противодействия» (Gash, 1977, 95). То, что ирландский голод стал уловкой в политической игре внутри консервативного лагеря, становится ясно из изложения истории от-

Тем не менее ослабление либерального проекта во Франции, одном из двух его государств-столпов, обеспечило достаточно горючего материала для того, чтобы революционный пламя зажглось в нелиберальных частях Европы. Конечно, Меттерних и австрийцы обвиняли в этих восстаниях британцев³⁸ за то, что они были слишком либеральны, но более правомерным было бы предъявить обвинение в адрес французов, которые проявили трусость и оказались недостаточно либеральными. Джон Стюарт Милль (Mill, 1849, 7), оценивая причины восстания в Париже в 1848 году, ставшего началом европейской революции, очень жестко высказывался о Луи-Филиппе:

«Теперь ни одно правительство не может рассчитывать удержаться у власти, если оно не гарантирует прогресс, а в равной мере порядок, — в равной степени оно не может продолжать действительно обеспечивать порядок, если оно не содействует прогрессу. Правительства пока еще могут предпринимать дальнейшие действия лишь с небольшим духом улучшений, и пока реформаторы имеют даже отдаленную надежду осуществления своих целей посредством существующей системы, они в целом склонны мириться с нею. Но когда надежды совсем не остается, когда сами институты, кажется, воздвигают перед

мены Хлебных законов у Китсон Кларка (Kitson Clark, 1951b, 3): «Традиционным средством от голода была приостановка действия Хлебных законов и открытие портов. Однако Пиль сообщил своему кабинету, что если он сделает это [на сей раз в случае с Ирландией], то он не готов обещать нового введения этих законов, и большинство в кабинете понимало, что они не могут поддержать его политику на данных условиях. Поэтому Пиль ушел в отставку, однако виги не могли сформировать правительство или не стали бы это делать. В результате Пиль вернулся на свой пост по просьбе королевы [и] отменил Хлебные законы сам». См. тж. Schuyler (1945, 145): «Ужасающий неурожай картофеля в Ирландии в 1845 году дал громадную поддержку... движению за отмену Хлебных законов». Но при этом Шайлер отмечает, что их отмена не решила продовольственную проблему Ирландии — 1846 и 1847 годы также были отмечены голодом (р. 186), а пресловутый миллион фунтов так и не был запрошен.

³⁸ Меттерних говорил об «инфернальной роли» Пальмерстона, который нес главную ответственность за революции, в то время как последний был «твердо уверен, что наиболее эффективным заслоном для революции была конституционная реформа» (Вугу, 1948, 1:420, 429). Австрийский посол в Бельгии писал 16 ноября 1847 года: «Бельгийские либералы слепы, коммунизм пожрет их всех». Этот отрывок цитирует Джон Бартье (Bartier, 1948, 1:358), отмечая далее: «Известно, что будущее опровергло эти мрачные предсказания. Свой престол потерял Луи-Филипп [во Франции], а не Леопольд I [в Бельгии], и Меттерних получил убежище в Брюсселе, а не Шарль Рोजье [лидер бельгийских радикалов], который нашел приют в Вене».

Сто лет спустя взгляды Меттерниха разделял Франсуа Фейтё в книге, прославляющей (по меньшей мере, отчасти) 1848 год: «Сам факт существования [Англии], развивавшееся состояние ее социальной структуры, внутренне присущая ей борьба были стимулом для реформистских идей. Поэтому с данной точки зрения Англию можно было рассматривать в качестве главного агента революции. Однако, с другой стороны, можно также увидеть, что само существование Англии, ее мощь, с которой Франция не осмеливалась помериться силами, предотвращали расширение революционной волны» (Fejtő, 1948c, 2:456). Кто бы ни был виноват, 1848 год от 1789 отличал именно «интернационализм революции» (Beloff, 1974, 44; см. тж. Hobsbawm, 1975, 10).

программой улучшений непреодолимый барьер, над ними собирается надвигающаяся волна, пока не нахлынет на них»³⁹.

Эта волна — европейская революция 1848 года, как и все подобные ей великие события, включала в себя разнородные движения и цели. Во Франции ее составляли, по сути дела, объединившиеся вместе «первое великое пролетарское восстание» (Tilly, 1972, 228)⁴⁰ и резкое недовольство левых либералов, которые разделяли представления Джона Стюарта Милля о консерватизации Июльской монархии. В других частях Европы, в государствах, которые еще не стали приверженными либерализму, пролетарских восстаний не было — скорее это были либеральные восстания, сочетавшиеся с восстаниями националистическими. Две ситуации — два решения: Луи-Наполеон разобрался с первой из них, Пальмерстон — со всем остальным.

Февральское восстание озаарило надежды на «социальную республику» — ту тщетную социалистическую утопию, которая даст работу безработным и освобождение всем тем, кто страдал от неуважения и неравенства. Каждый выдвинул свои требования: «ремесленники», которые стремились восстановить свои привилегии и свой способ производства⁴¹; крестьяне, стремившиеся вновь утвердить традиционные права коллективного землепользования⁴²; женщины, которые стремились к наделению их «универсальным» правом голоса⁴³; рабы, стремившиеся к освобождению⁴⁴. Маятник стал

³⁹ Еще одной ошибкой правительства Луи-Филиппа — даже более фатальной — был *culte des intérêts matériels* [культ материальных интересов — *фр.*] и «поклонение кошельку и счетной книге», что привело к «деморализации правительства» (Mill, 1849, 7—8).

⁴⁰ «Оно заслуживает этого титула», поскольку рабочие впервые проявили себя в «коллективном насилии» «как таковые» (Tilly, 1972, 245).

⁴¹ Эллис (Ellis, 1974a, 41) несколько резко утверждает, что «революция 1848 года... стала предсмертным порывом разлагающегося ремесленного класса».

⁴² Это было «стремление сельскохозяйственных сообществ, занятых главным образом (хотя и не исключительно) натуральным хозяйством, защитить некоторые из тех разнообразных способов, при помощи которых они добывали средства к существованию, от тех более богатых лиц, которые стремились улучшать технологии сельского хозяйства посредством огораживания и отмены коллективных практик, от агентов правительства, стремившихся защищать леса от деградации, или частных лесовладельцев, которые аналогичным образом желали защищать зеленые насаждения, составлявшие их капитал» (Price, 1975b, 16).

⁴³ Голосование по всеобщему праву голоса для мужчин состоялось 6 марта. Упомянутый запрос делегация женщин подала 22 марта Арману Маррасту, члену временного правительства и мэру Парижа. Тот ответил, что, поскольку прежде у женщин не было политических прав, то принимать столь значительное решение следует не Временному правительству, а Национальному собранию, когда оно будет избрано. См. Thomas (1948, 36—37). Впрочем, всеобщего избирательного права для мужчин раньше тоже не было.

⁴⁴ Виктор Шильер, возглавлявший *Commission instituée pour préparer l'acte d'abolition immédiate de l'esclavage* [Комиссию, учрежденную для подготовки акта о немедленной отмене рабства — *фр.*], утверждал, что отмена рабства есть единственный путь для сохранения колоний. Как и в случае с избирательным правом для женщин,

раскачиваться слишком сильно, и в июне силы правопорядка под командованием генерала Кавеньяка обуздали неуправляемые опасные классы⁴⁵. «Жалкое временное правительство!» — восклицает Лабрусс (Labrousse, 1948, 2). «Оно боялось социальной революции точно так же, как и контрреволюции»⁴⁶.

Марраст хотел отложить решение этого вопроса, но на сей раз ему не удалось пойти этим путем, и 27 апреля 1848 года правительство объявило о немедленной отмене рабства. И очень своевременно, утверждает Эме Сезер (Césaire, 1948, 1): «Что случилось бы с идеей отмены рабства, если бы пришлось подождать до выборов и отложить этот вопрос для разрешения Учредительным собранием, как этого хотели Марраст, Местро [управляющий колониями] и многие другие?» См. тж. Schoelcher (1948, 175—184). Кроме того, колонии в день отмены рабства получили и право голоса, включая бывших рабов, а также право «определять способ своих выборов, так что их представители могли участвовать в работе над конституцией республики наряду с представителями метрополии» (Césaire, 1948, 23).

⁴⁵ «Средние классы были несколько не готовы к тому, чтобы присоединиться к требованиям рабочих как по возвращению к ремесленному способу производства, так и по принципиальной реформе возникающего индустриального способа. Они не только проигнорировали [*sic!*] социалистические планы кооперативной собственности, но и в равной степени побрезговали обеспечить даже скромный рост заработной платы. Конфликт между двумя указанными группами особенно явно выразился в отношении буржуазии к только что завоеванной ею власти. В каждом городе, затронутом восстаниями 1848 года, было сформировано нечто вроде гражданской милиции для защиты победителей и их собственности, и почти в каждом случае, как только проходил первый порыв эйфорического энтузиазма, эта милиция обращала оружие против низших классов» (Ellis, 1974a, 39—40). См. аналогичную оценку в Bourgin (1948, I, 214—215): «В начале правления Луи-Филиппа, после подавления польского восстания, некий французский генерал мог сказать: „В Варшаве правит порядок“. После июньских дней [1848 года] порядок воцарился в Париже, и царь Николай посчитал приемлемым поздравить Кавеньяка с его победой... Как явственно предвидел Ламеннэ, социальная республика, о которой мечтали пролетарии и социалисты 1848 года, умерла во время этих июньских дней».

⁴⁶ Лабрусс (р. 3) противопоставляет испуг Временного правительства смелости *Constituante* [Учредительного собрания — *фр.*], которое «не боялось превышать свои мандатные полномочия». Вот как Лабрусс объясняет этот испуг: «Людям 1848 года не хватало „воли“? Не будем судить их слишком строго. Если бы они хотели, они, возможно, могли бы сделать больше, но не „знали“, как... Франция 1848 года больше была похожа на сельскую Францию Людовика XV, чем на Францию времен конца Второй империи... А глубокая драма революции 1848 года, возможно, заключалась в том, что она выдвинула великие проблемы XX века в столетие, располагавшее лишь структурами XVIII века».

Хобсбаум (Hobsbawm, 1975, 20) судит более резко: «В 1848—49 годах умеренные либералы в Западной Европе сделали два важных открытия: революция была опасна, а некоторые из их важнейших требований (особенно в экономических вопросах) могут быть удовлетворены и без нее. Буржуазия прекратила быть революционной силой».

Кроме того, как указывает Жак Буильон (Bouillon, 1956, 71), несмотря на то, что современники говорили о «Горе» и о «красном списке», «на самом деле не было никакой... „партии“ Горы — за этой вывеской скрывалась сложная реальность». Это была в лучшем случае лево-ориентированная коалиция разнородных групп, и даже

Кавеньяк мог подавить восстание, но не мог снова легитимировать государство. Не могло состояться и возвращение монархии — она исчерпала свой кредит. Именно в этот вакуум вступил Луи-Наполеон, стремившийся вновь создать либеральное, упорядоченное, современное государство; при этом он, по отличному выражению Теодора Зельдина (Zeldin, 1958, 6), «не был избран, потому что он был кандидатом [от „партии порядка“], а... ее кандидатом он был, поскольку ее сторонники считали, что он наверняка победит»⁴⁷. Однако что представлял собой Луи-Наполеон? Прежде всего он являл наполеоновскую традицию, которая сочетала наследие Французской революции, приверженность научному и промышленному прогрессу и национализм. В 1840-е годы Луи-Наполеон был резким критиком Июльской монархии, поскольку он ощущал, что дистанцироваться от прогрессивного либерализма означает «строить замки на песке, которые определенно рухнут». Но, в отличие от Гизо, он понимал, что «при наличии верных стражей демократический режим может быть установлен без угрозы стабильности страны»⁴⁸.

В 1848 году либералы действовали так же, как и в 1830. Встревоженные режимом, который стал слишком жестким, слишком нелиберальным, они поднялись и быстро одержали победу. Затем, напуганные возможностью, что низшие слои окажутся способны извлечь преимущества из сложившейся ситуации и завести дело слишком далеко, они возобновили свои связи с политическими группами, которые они только что оттеснили от власти, поскольку «враг теперь находился на левом фланге» (Palmade, 1961, 255)⁴⁹. Когда Луи-Наполеон совершил свой государственный переворот 2 декабря 1851 года, главной целью этого было подавление левых⁵⁰. Однако следующая задача заключалась в том, чтобы ограничить способность консервативных

когда она появилась под руководством Ледрю-Роллена на выборах 13 мая 1849 года, она получила лишь треть голосов.

⁴⁷ Зельдин указывает, что они бы предпочли Тьера — и они, конечно, его получат, но им придется подождать немного более 20 лет.

⁴⁸ Приведенные цитаты являются не собственными словами Луи-Наполеона, а обобщением его идей у Кэмпбелла (Campbell, 1978, 3—4), который далее напоминает, что в 1840-е годы «бонапартизм стал частью социального романтизма, [а] Луи-Наполеон приобрел репутацию, близкую к социалисту» (р. 5). План классовой гармонии посредством действия государства, очерченный в его книге «Искоренение нищеты», напоминал идеи, которые пропагандировали последователи Сен-Симона, что было подходящим прологом для той роли, которую бывшим сен-симонистам суждено сыграть во Второй империи.

⁴⁹ «Именно смена фронтов в социальной борьбе после шока 1848 года ускорила это сближение, которое в действительности было интеграцией аристократических элементов в деловую буржуазию».

⁵⁰ «Репрессии после *coup d'état* [государственного переворота — фр.] были хуже, чем что-либо совершенное французским правительством начиная со времен якобинского террора. Более 26 тысяч человек, почти все из них республиканцы, были арестованы и отданы под суд специальных комиссий... Их задачей было не пренебречь правосудием, а устроить политическую чистку» (Plamenatz, 1952, 105—106). Изгнанникам не будет дозволено вернуться до 1859 года. См. тж. Merriman (1976, 210):

сил действовать иначе, чем через него⁵¹. Можно, если угодно, акцентировать цезаристскую — так называемую бонапартистскую — составляющую в режиме Наполеона III⁵². Но при этом есть риск упустить то, в какой степени результатом упомянутых репрессий, которые были реальны и эффективны⁵³,

«*Coup d'état* Луи-Наполеона 2 декабря 1851 года был... кульминацией продолжительной серии ударов по радикальной Республиканской партии». Райт (Wright, 1975, 2), в сущности, приходит к такому же выводу. «Репрессии были куда более далеко идущими и устрашающими, чем можно предположить из официальных цифр», утверждает он, поскольку вместе с ними следует учитывать незафиксированные, неофициальные репрессии. Однако к этому предупреждению Райт добавляет, что «репрессии, хотя они и были ужасны, могли быть гораздо хуже» (р. 303). Буржен (Bourgin, 1948, 1:246—247) делает вывод, что вступление на престол Луи-Наполеона было великим поражением революционеров 1848 года — их «тройным фиаско»: социальным (из-за отмены права на труд), политическим (из-за ограничения избирательных прав и изменений, последовавших за государственным переворотом) и международным (из-за римской экспедиции 1849 года').

⁵¹ Одновременно с республиканцами Луи-Наполеон подвергал арестам консервативных парламентариев. Прайс (Price, 1975b, 56) рассматривает это в первую очередь как тактический ход: «Определенная потенциальная оппозиция левых была разоружена благодаря восстановлению всеобщего избирательного права, а также благодаря роспуску консервативного Национального собрания, где преобладали монархисты, большинство членов которого не могли рассчитывать на значительную симпатию ни со стороны бедняков, ни со стороны демократов. Однако большинство предпринятых мер не являлись антироялистским переворотом, а представляли собой превентивное нападение на демократические организации. Более чем что-либо другое это был кульминационный акт в ходе длительного периода репрессий». Но не была ли эта тактика частью основополагающей стратегии Луи-Наполеона? В любом случае Прайс (р. 63) отмечает, что если консерваторы и «приветствовали переворот... в целом», то лишь «с опаской».

⁵² См. точку зрения германского историка Михаэля Штюмерера в работе, представленной на франко-германском коллоквиуме по бонапартизму: «1848/49 годы были прежде всего общеевропейской революцией. После этого психологический фундамент для цезаризма был заложен не только во Франции, но и на другом берегу Рейна. Крах либерализма в национальном вопросе, его безразличие к социальному вопросу, возникновение массового политического рынка на волне темы всеобщего избирательного права, воззвание к массам и учреждение новой легитимности на базе согласия между харизматичным лидером и его последователями — все это начиная с 1848 года принадлежит к азам, которые и в Германии, и во Франции ассоциируются с именем Цезаря. Разрыв с легитимизмом будет освящен поддержкой и ликованием масс. Однако что произойдет, если эта поддержка однажды будет отвергнута?» (Stürmer, 1977, 110). Аналогично мрачную точку зрения на Луи-Наполеона высказывает Дж. Солвин Шапиро (Scharif, 1949, 330): «Был провозглашен новый метод борьбы с социальной революцией, предполагавший направление революционного потока недовольства рабочего класса в новый канал популярной и национализированной (socialized) диктатуры».

⁵³ Тактика Луи-Наполеона заключалась в том, чтобы заставить либеральные формы служить репрессивным целям, а лучше всего — безопасным образом достичь либеральных, но не демократических целей. Хорошим примером этого является тайное голосование. Либералы были удовлетворены решением 1848 года сохранить этот

стал центристский режим, ориентированный на капиталистическую экспансию и выстраивающий либеральный компромисс⁵⁴, — режим, возглавляемый не классическим либералом, а просвещенным консерватором.

институт, рассматривая его как гарантию свободы волеизъявления. Однако Пламенац (Plamenatz, 1952, 107—108) указывает, что соображения Луи-Наполеона и его советников были совершенно иными: «Они хотели развязать руки страху при помощи позора» — имеется в виду, что люди догадывались, что власти узнают, как они голосовали. «Если люди проголосуют против президента, то тайное голосование не защитит их от его полиции, но может избавить их от упреков и злоупотреблений их друзей. Поэтому голосование сделали тайным, чтобы испуг мог потворствовать их слабости и тем самым можно было не опасаться их самонадеянности... Террор в сочетании с тайным голосованием... впервые оказался эффективным 21 декабря 1851 года».

⁵⁴ См. точку зрения французского историка Луи Жирара на том же франко-германском коллоквиуме: «Принес ли он новые идеи? Едва ли. Бонапартизм вышел из Французской революции... Это демократическая, «трехцветная» идеология. Однако для бонапартиста революция не была объединением — необходимо было фильтровать то, что она несла с собой... [Бонапартизм выдвинул доктрину] совершенного баланса [*juste milieu*], доктрину центризма» (Girard, 1977, 23). Жирар цитирует высказывание Луи-Наполеона 1850 года: «От революции мы должны взять ее добрые побуждения и жестко бороться с побуждениями злыми... Для меня порядок является поддержанием всего, что свободно выбрано и согласовано с народом, это национальная воля, восторжествовавшая над разногласиями». Морис Дювержер (Duverger, 1967, 191) аналогичным образом говорит о бонапартизме как о «блестящем центризме». Исходно его блистательность заключалась в том, что он вообще пришел к власти: «В этой несчастной республике без республиканцев вскоре началось соревнование между теми, кто выступал за реставрацию династии (хоть Бурбонов, хоть Орлеанского дома), и бонапартистами. Полагаясь на поддержку центра и используя силу, это соревнование выиграл Луи-Наполеон. Тем самым он перехватил власть от попадания ее в руки настоящих правых» (p. 141).

См. т.ж. Zeldin (1958, 44—45): «Выборы 1852 года продемонстрировали, что такое Вторая империя. Она... стремилась сочетать аристократию с демократией... Ее внутренней движущей силой была амбиция, а вознаграждением — всемирная слава, открытая для всех. Она позволила крестьянам голосовать за левых — за революционеров, которые пренебрегали конституцией и против старых партий и знати, но в то же время и голосовать за правых, за порядок, собственность, семью и религию». Шарль Моразе (Morazé, 1957, 2) утверждает, в сущности, то же самое, но более едко: «На протяжении нескольких месяцев буржуазия боялась потерять все. В 1848 году парижский народ попытался стать повелителем прогресса. Но нет, час социализма еще не пробил. Наполеон III и Бисмарк привели к власти высокомерный капитализм, стремившийся догнать и перегнать Англию, борясь друг с другом за то, чтобы прийти первым, превратив конкуренцию предпринимателей в конкуренцию между нациями».

Марсель Бланшар (Blanchard, 1956, 211—212) акцентирует либеральный исход процесса: «Если верить в то, что всеобщее право голоса есть необходимый инструмент национального суверенитета, то можно увидеть, что, несмотря на систему официальных кандидатов, [Вторая] империя в одно и то же время представляла собой школу всеобщего голосования и решающий момент в демократической эволюции французского крестьянина, в особенности в процессе политического формирования французского крестьянства». Стюарт Л. Кэмпбелл (Campbell, 1978, 24) дает столь же позитивную оцен-

Чтобы вновь утвердить во Франции либеральный центр, ему требовалась бонапартистская форма, учитывая высокий градус мятежности рабочего класса в сочетании с упорством консервативных сил, что было следствием характерного для Франции более узкого пространства для маневра перед лицом экономического спада в сравнении с Великобританией того времени. Однако в других местах Европы проблема заключалась не в том, чтобы вновь утвердить либеральный центр, а в том, чтобы вообще дать ему появиться. Поддержание этого процесса было функцией державы-гегемона, Великобритании, которая, безусловно, благоприятствовала ему, начав с резкого нарушения геополитического равновесия.

За пределами Франции у призрака коммунизма не было сопоставимой социальной базы. Тем не менее он представлялся реальным правящим элитам, которым было сложно проводить различия между либералами и социалистами. Один французский автор, писавший об Испании в *Revue des Deux Mondes* [Обозрении Старого и Нового света — фр.] в январе 1848 года, как раз перед началом революции, утверждал:

«Повторяю, я не верю, что революция возможна, если наше правительство не наделает ошибок, на которые, я думаю, оно неспособно. Но давайте, по меньшей мере, не будем тешить себя иллюзиями. Пусть меня услышат те, кто столь неосмотрительно восхищается яростью народа и столь амбициозно спекулирует на его гнев! Революция произойдет не в пользу некоему мнению, а к выгоде коммунизма»⁵⁵.

Аналогичным образом Делио Кантимори (Cantimori, 1948, 1:279) утверждает, что в северной и центральной Италии «страх социальной революции... был ничем иным, как отражением того страха „красного призрака“, жакерий и коммунизма, который ощущали все силы европейской реакции». Революции разразились повсеместно, приобретя различный местный колорит в соответствии с предшествующей историей: в Австрийской империи («нигде она...

ку: «Авторитарная гарантия порядка со стороны Наполеона обещала обеспечить то, от чего устранились деятели 48-го года. Предотвращая беспорядок, правительство сохраняло принцип всеобщего голосования... К 1860-м годам последнее стало составляющей частью французской политической жизни». Кэмпбелл напоминает удачное выражение Сент-Бёва, что величайшим вкладом Наполеона III было избавление Франции от предшествующих режимов. «Это было более верно, чем он осознавал» (р. 26). Хобсбаум (Hobsbawm, 1975, 26) соглашается с этим, но задает иной поворот темы: «Выборы Луи-Наполеона означали, что даже демократия с всеобщим правом голоса, этот институт, отождествлявшийся с революцией, был совместим с поддержанием социального порядка».

⁵⁵ Цит. в: Quero (1948, 1:323). Формулировка «некое мнение» отражает культурную атмосферу тех времен. Тудеск (Tudesq, 1964, 1:368), рассматривая «партийную» систему при Луи-Филиппе, отмечает: «Пресса периода Июльской монархии обильно использовала термин „партия“ для обозначения тенденций общественного мнения. Лишь крайние политические опции, враждебные самому принципу Июльского режима, располагали организацией (не слишком структурированной) и программой (иногда довольно двусмысленной), о которых можно было утверждать, что они объединяли их последователей».

не была столь заразной» [Vermeil, 1948b, 2:46; срв. Endres, 1948]), в Германии и Польше, в Северной и Южной Европе⁵⁶. Причем везде «голубые» либералы/националисты и куда более слабые «красные» вскоре оказались в одной компании (Fejtő, 1948c, 2:441)⁵⁷. Радикальных элементов было легко сдерживать, но в ходе революций достижения центристских националистов и либералов оказались ограниченными⁵⁸. В зависимости от обстоятельств национализм, конечно же, можно было использовать и для пропаганды, и для сдерживания либерализма⁵⁹.

Великобритания вписалась в эту картину — где-то поддерживая либералов, где-то обеспечивая, чтобы они не зашли слишком далеко, и повсеместно обеспечивая баланс, а следовательно, и свое влияние на межгосударственную систему. В Испании, где до 1848 года правительство было тесно связано с Луи-Филиппом, Великобритания в марте 1848 года поддержала попытки либералов сменить правительство генерала Нарваэса. Действительно, 16 марта Пальмерстон направил формальное письмо испанскому правительству, в котором позволил себе такое высказывание: «Королева Испании поступила бы разумно, если бы, критически оценив положение дел, она изменила структуру правительства, расширив основания, на которых держится ее администрация и прибегнув к совету некоторых из тех, кому доверяет либеральная партия» (цит. в: Quero, 1948, 1:328)⁶⁰.

⁵⁶ В Богемии национальный вопрос легко совпал с социальным: «Подавляющее большинство чехов поддерживали революционное движение, в котором вскоре стали преобладать националистические элементы. Но поскольку большинство чехов были обычными людьми, социальные требования оказались неразрывно связаны с национальными. Германская буржуазия Богемии вскоре почувствовала, что чехи стремятся объединиться с рабочими против немцев» (Klíma, 1948, 2:218).

⁵⁷ Луи Тиссо (Tissot, 1948, 1:390) говорит о «триумфе националистических концепций над идеями реформ».

⁵⁸ См. Luzzatto (1948, 86) о страхах либералов Мадзини перед коммунистами и их влиянием на городских рабочих: «Для [либералов] так же, как и для [австрийской полиции], коммунистический террор был реальностью, что вело как минимум к удержанию низших классов на более значительном расстоянии из опасений их участия в политической и социальной борьбе. Результатом этого было именно то, чего [либералы], по их словам, хотели избежать: ослабление тех сил, которые могли продолжать бороться за свободу и независимость, лишение борьбы боевого энтузиазма народных сил».

⁵⁹ С одной стороны, в Греции, где уже имелась вполне либеральная конституция, правительство держало демократическое движение на расстоянии, размахивая «флагом великой идеи» — эллинизма, «отвлекавшего народное внимание от внутренних проблем» (Sakellariou, 1948, 2:337). Однако в Швеции, которая долго была независимым государством и поэтому не имела «национальной проблемы» как таковой, национализм приобрел форму скандинавизма. Это предполагало переход от пророссийской к про«западной» (то есть пробританской) внешней политике и утверждение скандинавского «либерализма» против «германизма, особенно в его авторитарном и феодальном измерении» (Tissot, 1948, 1:394—395). А в Германии того времени оппозиция тенденциям к объединению страны «также представляла собой реакцию против либерализма» (Vermeil, 1948b, 2:30).

⁶⁰ Пальмерстон имел в виду так называемых прогрессистов, которые находились на левом фланге от умеренных в правительстве, но по-прежнему занимали про-

Если же британское вмешательство не имело прямого успеха, оно могло ограничивать репрессии. Например, британцы добились большего на Сицилии, где поддерживали участников восстания против Неаполитанского королевства. Неаполь решил, что его союзница Австрия находится далеко и в любом случае занята своими делами, поэтому в ответ на требования восставших король пожаловал конституцию — и «одним решающим ударом Италия [или, по меньшей мере, Неаполь. — И. В.] оказалась на стороне Франции, Англии и Швейцарии» (Cantimori, 1948, 1:265). В 1849 году Пальмерстон также попросил австрийцев «великодушно» отнестись к Венгрии, на что австрийский посланник в Лондоне ответил, что Австрия будет «сама решать», как обойтись с мятежниками (Fejtő, 1948b, 2:202). С другой стороны, Пальмерстон отклонил идею вмешательства в польские дела вместе с российским царем, опасаясь, что это может воодушевить ирландское движение (Goriély, 1948a, 2:277). Короче говоря, политика Пальмерстона была очень простой: «Его внешняя политика... не имела иных целей, помимо обращения в пользу Англии ситуации, созданной революционными событиями» (Fejtő, 1948a, 1:35). В целом эта политика была эффективной, даже когда дипломатические вмешательства получали отпор⁶¹.

Европейская революция 1848 года началась как угроза мировому либеральному режиму, который учреждался державой-ге-

монархическую позицию и были менее радикальны, чем собственно радикалы. Тем не менее подобная позиция Британии придала храбрости испанским либералам, «вдохновив их на силовое свержение правительства генерала Нарваэса» (Queiro, 1948, 1:329). Но восстание было преждевременным, поэтому правительство подавило гражданские свободы и распустило кортесы, после чего британский министр по испанским делам лорд Балвер обратился к испанскому правительству с призывом вновь открыть кортесы, напоминая об обещании королевы Изабеллы сохранять свободу и заключая, что «сегодня самая твердая гарантия трона какого-либо суверена обнаруживается в национальной свободе и просвещенной справедливости, совершаемой под его властью» (цит. на с. 332). Пресса узнала об этом письме и опубликовала его. Испанский министр иностранных дел счел письмо *fin de non recevoir* [основанием для отказа в рассмотрении — фр.], заявив об оскорблении независимой нации и поставив вопрос об Ирландии. Последовал разрыв дипломатических отношений, продлившийся до 1850 года.

⁶¹ В любом случае британцы, как и положено державе-гегемону, сохраняли самодовольство. В 1851 году королева Виктория сказала: «Когда [в 1848 году] революционное движение произошло по континенту и потрясло почти все правительства Европы, Англия одна продемонстрировала такие свойства, как порядок, мужество и процветание, которые обязаны стабильному, свободному и хорошему управлению» (цит. с обратным переводом по: Burg, 1948, 1:403). Меньшее восхищение выражал лидер французских республиканцев Ледрю-Роллен в своей книге «Упадок Англии» (Ledru-Rollin, 1850, 1:99): «При изучении ее законов и традиций Англия открывает нам весь произвол привилегированного положения и все извращение разума. История ее завоеваний и ее войн расскажет нам о вероломстве ее политики и даст значительное количество примеров ее преступлений и предательстве об их масштабах». Но именно Ледрю-Роллен станет тем, кто понесет наибольшие потери, как символические, так и личные, от наполеоновского сценария во Франции — сценария, который хорошо подходил для британской политики.

гемоном — Великобританией — при значительной поддержке Франции, а затем революция стала плавильным котлом, в котором было утверждено господство либерализма в геокультуре. Карл Поланьи, очерчивая в своей «Великой трансформации» (Polanyi, 1957, 3) четыре столпа цивилизации XIX века — систему баланса сил, международный золотой стандарт, саморегулируемый рынок и либеральное государство, — утверждает, что «источником и образцом этой системы был саморегулируемый рынок». Если и был момент, когда последний, похоже, функционировал максимально близко к своей теоретической модели, то это был промежуток 1850—1873 годов. А решающей прелюдией к этому моменту оптимального действия данного принципа была отмена Хлебных законов в Великобритании в 1846 году. Этот сюжет стоит рассмотреть в ряде деталей.

Так называемые «голодные сороковые», ставшие продолжением «воистину настоящих страданий 1820-х и 1830-х годов», допустили схождение интересов рабочих классов, которых беспокоили цены на базовые товары, и либералов, проповедовавших достоинства свободного рынка. Мишенью для обеих групп могли стать те монополисты, чья деятельность была виной высокой стоимости жизни: кофейные и сахарные круги Вест-Индии, Ост-Индская компания, которая контролировала морскую торговлю, а прежде всего, английские землевладельцы, ведь цены на их зерновую продукцию как раз и защищали Хлебные законы (Mellor, 1951, 14)⁶².

Политический баланс стал смещаться в сторону, противоположную продолжению протекционистских мер в отношении зерна. После 1815 года в Европе имел место избыток зерновых из-за предшествующего расширения его производства в связи с военным спросом и воздействием Континентальной блокады. Именно этот избыток выступал обоснованием принятия Хлебных законов⁶³, но к концу 1830-х годов его уже не было. Городское население в процессе промышленной экспансии выросло, землю стали использовать для промышленных культур, а в равной степени — для животноводства (нормальный сдвиг в период спада в Кондратьевском цикле).

⁶² См. McCord (1958, 16): «[Лига против Хлебных законов была], по существу, ответвлением радикальной партии, и ее успех в значительной степени был обязан тому, что атака на Хлебные законы приобрела приемлемую для энергичных радикалов форму в то время, когда они серьезно нуждались в подобной объединяющей идее». После 1835 года и Тамвортского манифеста консерваторы стали «врагом, с которым пришлось бороться радикалам, и с определенных точек зрения именно Хлебные законы были лучшим основанием для атаки, чем избирательный процесс... Было очевидно, что отмена Хлебных законов под давлением радикалов станет ударом не только по экономическому, но и по социальному и политическому превосходству землевладельческих кругов» (pp. 20—21). Атака на Хлебные законы стала для радикалов способом оказаться в центре политической борьбы, не будучи слишком радикальными, в особенности потому, что «преобладающая тенденция экономической мысли была направлена против протекционизма» (p. 21).

⁶³ «Одним из аргументов в пользу введения британских Хлебных законов в 1815 году было опасение, что польское зерно, произведенное рабским трудом, может подкосить местную пшеницу» (Leslie, 1956, 51).

«В северо-западной Европе возник общий дефицит продовольственного зерна» (Fairlie, 1965, 568)⁶⁴. Схватка за отмену Хлебных законов ожесточилась, и их защитники теперь были вынуждены отстаивать консервативную позицию исходя из собственной выгоды. Тем не менее интересно отметить (поскольку мы решили рассматривать отмену Хлебных законов как крупное поражение земельной аристократии), что противодействие этому было гораздо сильнее среди мелких фермеров-арендаторов, нежели среди крупных землевладельцев⁶⁵.

Откуда же тогда взялась вся эта суэта, действительно имевшая место? Ответ заключается в том, что для обеих сторон «Хлебные законы были символом». Для тех, кто выступал за их отмену, это был символ нового и прогрессивного против старого и привилегированного; для тех, кто был против, это был символ защиты джентри-землевладельцев, «без которых невозможна стабильная середина между демократией и деспотизмом»⁶⁶. В разгар этой символической битвы сэр Роберт Пиль посвятил себя достижению единственно достойной цели: не триумфу средних классов, а триумфу либерального государства, с тем чтобы «навсегда сохранить статус земельных

⁶⁴ В это время даже происходил рост производства зерновых в Великобритании для компенсации импорта из традиционных источников за границей — германского и польского побережья и в меньшей степени атлантического побережья Дании, Нидерландов и Франции (Fairlie, 1965, 562). Это существенно сокращало аргументы в пользу протекционизма, поскольку даже выросшего объема британского производства было недостаточно. «Ситуации, в которой Хлебные законы защищали британского фермера от послевоенного избытка зерна на континенте, шла на смену другая, когда их сохранение угрожало Британии голодом» (pp. 571—572).

⁶⁵ «Лидер Антилиги [Роберт Бейкер]... не был представителем аристократии и даже не принадлежал к джентри-землевладельцам. В действительности г-н Бейкер был даже не собственником земли, ... а просто фермером-арендатором... Именно представители этой группы возглавляли Антилигу, а лендлорды были ее неохотными и боязливыми последователями» (Mosse, 1947, 134). Прежде всего, как указывает Мосс, вся эта публичная агитация была слишком «демократичной» на вкус крупных землевладельцев, которые демонстрировали «консервативное нежелание снисходить до сферы повседневной политики» (p. 139).

Это политическое колебание сочеталось с незначительным экономическим интересом. Как указывает Китсон Кларк (Kitson Clark, 1951b, 10), аргументация в пользу отмены Хлебных законов могла представляться резонной для крупных представителей нобилитета, чьи рентные доходы дополняли поступления от рудников, или доков, или городской собственности», или же если их крупные земельные владения обеспечивали достаточный прибавочный продукт, чтобы преодолеть временные трудности, пока они внедряли новую технологию глубокого осушения земель. «Они не утешали фермеров, полагавших, что даже годичный спад цен может уничтожить их, и, возможно, располагавших небольшим капиталом и не имевших научных достижений». См. тж. Moore (1965, 544): «[К 1840-м годам] экономическая ценность Хлебных законов для землевладельческих кругов больше не была настолько очевидной».

⁶⁶ Эту тоску зрения выразил видный тории Джон Уилсон Кроузер в письме лорду Броухему от 19 февраля 1843 года (Jennings, 1884, 3:13).

классов в новых технологических условиях» (Moore, 1965, 651)⁶⁷. Когда 15 мая 1846 года Пиль одержал победу в третьем чтении по отмене Хлебных законов, против него выступало две трети Консервативной партии. Это был редкий парламентский альянс, который в конечном счете оказался в выигрыше⁶⁸.

Пиль проталкивал отмену Хлебных законов через парламент, исходя из двух условий или двух соображений. Во-первых, их отмена могла способствовать форсированному расширению использования в Британии передовых технологий сельского хозяйства, что сочеталось со стимулами, которые облегчили бы этот переход в финансовом отношении: снижением тарифов на семена трав и клевера, законами, которые делали более сложным возвращение городской бедноты в родные сельские места, а тем самым обеспечивали сокращение необходимых местных налогов, а «самое главное... — займами на дренаж почвы», предназначенными для популяризации передовых технологий среди фермеров-арендаторов путем предоставления ссуд владельцам «закрепленного на определенных условиях имущества» („settled estates”), что обременяло пожизненных арендаторов издержками по улучшению хозяйства (Moore, 1965, 554)⁶⁹. Второе же соображение было чисто политическим: Пиль хотел убедиться, что отмена Хлебных законов рассматривается как мудрое решение парламента, а не как реакция на народное давление. Пиль отказался сделать отмену Хлебных законов темой всеобщих выборов в декабре 1845 года (в любом случае это могло глубоко расколоть его собственную партию). Продавливая это решение через парламент путем голосования, которое не совпадало с рамками отдельных партий, он сделал его «победой над демократической агитацией и Лигой [за отмену Хлебных законов], а также доказательством того, что парламент ставил всеобщее благосостояние выше фракционных интересов» (Kemp, 1962, 204)⁷⁰.

⁶⁷ См. тж. Kitson Clark (1967, 27): «[Пиль] не отменял Хлебные законы до того момента, пока после тщательных исследований сам не убедился, что сельскому хозяйству не требовалась защита при их помощи и что оно будет хорошо себя чувствовать и без них».

⁶⁸ Ясное представление по этому поводу дает рассмотрение моделей парламентского голосования у Уильяма О. Эйделотта (Aydelotte, 1972, 326): «Данные голосования показывают, что между сторонниками Пилия [теми консерваторами, которые голосовали за отмену Хлебных законов] и вигами, или либералами, существовали принципиальные разногласия по важным вопросам, а сам Пиль блокировался с оставшейся частью своей партии против либералов по большинству предметов, представлявших особенный интерес для Кобдена, за единственным исключением свободной торговли».

⁶⁹ Это было реализовано путем требования к лендлордам «компенсировать [арендатору] произведенные им улучшения в тот момент, когда он покидал [поместье]» (Moore, 1965, 558).

⁷⁰ Это намерение усматривает Норман Маккорд (McCord, 1958, 203), акцентируя его последствия: «Ничто так ясно не подчеркивает глубочайшее бессилие Лиги [за отмену Хлебных законов]... в политических условиях 1840-х годов, как ее позиция в момент финального кризиса. На протяжении восьми лет Лига агитировала в пользу отмены Хлебных законов, но теперь, когда их действительно предполагалось

Чего на самом деле добилась отмена Хлебных законов? В действительности — двух вещей. С одной стороны, она обеспечила реорганизацию осевого разделения труда в мире-экономике таким образом, что производство пшеницы вновь оказалось периферийным видом деятельности. В последующие годы произойдет подъем Соединенных Штатов и Канады в Северной Америке и России и Румынии в Восточной Европе в качестве крупных экспортеров пшеницы в Западную Европу, что обеспечит более интенсивную концентрацию промышленности в западноевропейской зоне⁷¹. Однако этот сдвиг происходил таким образом, что крупные британские землевладельцы могли переместить свой капитал в новые источники богатства⁷².

отменить, ее представители не обладали никаким контролем над данной процедурой или используемыми при этом конкретными условиями». Тем не менее после отмены Хлебных законов стала «расти легенда о Лиге» (р. 208). Аналогичную точку зрения высказывает Эрик Дж. Эванс (Evans, 1983, 263): «Когда Пиль проводил отмену Хлебных законов, влияние Лиги находилось на низком уровне. Было бы недостаточно охарактеризовать отмену Хлебных законов как предзаданный итог того давления среднего класса, которому, как показал аристократии кризис 1830—1832 годов, она была бессильна противостоять. По меньшей мере, можно утверждать, что Хлебные законы были бы отменены даже без наличия движения за их отмену». Кроме того, Эванс утверждает (р. 267), что «Пиль... лишил Лигу возможности пройти окончательную проверку действием, проведя отмену Хлебных законов в преддверии всеобщих выборов... Это не могло быть совпадением».

⁷¹ Механизм, при помощи которого осуществлялся этот сдвиг, был очень простым: «В период действия Хлебных законов купцы, которые могли быть вполне уверены в получении прибыли от импорта из портов и складов северо-западной Европы, когда это гарантировали необходимые условия, колебались, участвовать ли им в операциях в Черном море или в Америке, даже когда состояние голода в их стране могло сделать это великим обязательством. Прежде всего, обратный путь был настолько долг, что возникали слишком высокие риски, что зерно прибывает уже после того, как цены упадут, а пошлины будут снова введены, и это не позволяло купцам чувствовать себя комфортно. Во-вторых, британские корабли... даже в лучшие времена редко появлялись в Черном море и в других зерновых портах, а стоимость их услуг по перевозке невероятно росла при малейшем ожидании роста цен. Отмена скользящей шкалы [1846] сделала торговлю зерном на дальние расстояния „респектабельной“, а отмена Навигационных актов [1849] позволила купцам использовать любые плавучие средства, доступные в конкретный момент в портах, торгующих зерном» (Fairlie, 1965, 571).

⁷² «Спустя полдюжины лет после отмены Хлебных законов для значительного числа землевладельцев началась великая новая эра сельскохозяйственных усовершенствований» (Thompson, 1963, 247). Это предполагало улучшения в осушении полей, массовое производство глиняных водоотводных труб, добавление в севооборот кормовых культур (брюквы, ноготков) и увеличение поголовья крупного рогатого скота и овец. «По сути дела, землевладельцы рассматривали весь этот комплекс усовершенствований в качестве спасательной операции» (р. 248). Доходы от всего этого в сравнении с эпохой огораживаний были «скудными» (р. 253). Однако, несмотря на то, что «сельскохозяйственное землевладение действительно стало все более дорогостоящей роскошью, [указанные изменения в способе хозяйствования обеспечили землевладельцам] долгое повечерие большой чести, престижа и персонального бо-

С другой стороны, отмена Хлебных законов обеспечила создание новой структуры британской политики, разделенной между правоцентристской Консервативной партией и левоцентристской Либеральной партией (которую фактически вытеснит левоцентристская Лейбористская партия), при этом и та, и другая в основе своей принимали логику центристской либеральной политики. Можно рассматривать это как победу средних классов, но с тем же успехом как уступку со стороны аристократии, «временное отступление... с передовой позиции, оказавшейся опасной» (Kitson Clark, 1951b, 12)⁷³. Тем не менее сами понятия вигов и тори, обозначавшие две коалиции XVIII века, прекратили свое существование.

Исходное преимущество было у Либеральной партии, поскольку среди консерваторов возник серьезный раскол в связи с отменой Хлебных законов⁷⁴. Но теперь возникал новый тип консерватизма, приспособленный к тому, что перемены являются нормой, и этот консерватизм сможет отвоевать власть, «открыто... базируясь на поддержке и голосах народа» (Mosse, 1947, 142). Тем временем те члены Либеральной партии (радикалы), которые хотели, чтобы их партия ассоциировалась с трудящимися классами, уступили тем, кого больше заботила консолидация структуры государства. По словам Асы Бриггс (Briggs, 1956, 72), «то, что провозгласил Билль о реформе, реализовал Билль о Хлебных законах».

Как мог заметить читатель, в числе значимых результатов отмены Хлебных законов я не назвал сохранение доктрины *laissez-faire*, потому что в ней больше мифов, чем реальности. В результате ее нельзя рассматривать в качестве определяющей характеристики либерализма — определенно она не была фундаментальным смыслом (message) либерализма как геокультуры мир-системы. Конечно, в качестве публичной позиции заявлялось, что «любое отступление от *laissez-faire*, если это не требуется неким большим благом, является безусловным злом», как лаконично заметил Джон Стюарт Милль⁷⁵. Однако придаточное предложение в данном случае

гательства, [даже] если их превосходство подошло к концу» (р. 291). Ф.М.Л. Томпсон даже называет 1880—1914 годы «бабьим летом» (название главы 11 его книги) перед «окончательным закатом» (название главы 12) в 1914—1939 годах.

⁷³ «После этого сражения власть осталась в тех же руках, в которых она покоилась и прежде». Следующий билль о реформе будет принят только в 1867 году, и предложит его не кто иной, как Дизраэли, который возглавил успешную попытку Консервативной партии наказать Пилля за осуществление отмены Хлебных законов. Тем самым просвещенные (intelligent) консерваторы продолжили движение по пути мудрого внедрения либеральной программы.

⁷⁴ Маккорд (McCord, 1958, 212) несколько преувеличенно утверждает, что Консервативная партия «примерно на ближайшие 30 лет была обречена на бессилие». Тем не менее он отмечает, что отмена Хлебных законов также «ослабила единство либералов», создав отток «умеренных вигов» в Консервативную партию.

⁷⁵ Mill, *Principles of Political Economy* (1921 ed., p. 950), цит. по: Taylor (1972, 13).

оказывается могущественной и значительной оговоркой. Например, непосредственно в год отмены Хлебных законов (1846) в ходе дебатов по поводу Билля о десятичасовом рабочем дне Маколей утверждал, что, несмотря на наличие экономического обоснования для ограничения рабочего времени, парламенту требовалось принять в расчет социальные потребности женщин и детей, «которые были не в состоянии вступать в подлинные контрактные отношения со своим работодателем» (Taylor, 1972, 44)⁷⁶. Одновременность успешной кампании за отмену Хлебных законов, ставшей оппозицией высокому символу государственного вмешательства в экономику, и зачатков серьезного социального законодательства в Великобритании (а также на континенте) является значительным свидетельством в пользу авторитетного мнения Бребнера (Brebner, 1948, 107), что на самом деле происходил не сдвиг в сторону *laissez-faire*, а переход «от вмешательства государства в торговлю к вмешательству государства в промышленность». Это действительно осознавали классические экономисты и либералы от Адама Смита до Бен-тама и Нассау-старшего⁷⁷, равно как и великий неоклассический экономист

⁷⁶ Речь Маколей была произнесена 22 мая 1846 года. Конечно, патернализм тори как феномен возник еще до 1846 года. В подобном духе на протяжении десятилетий вели свои кампании такие лица, как Ричард Оастлер, Майкл Томас Сэдлер и Джордж Булл. «Они скептически относились к предполагаемым выгодам от неограниченной конкуренции и рассматривали государство в качестве естественной инстанции, которая может обуздать наиболее дикие стороны промышленного капитализма» (Evans, 1983, 228). Когда «в 1833 году величайший из социальных реформаторов-тори лорд Эшли [седьмой граф Шефтсбери]» попытался провести Билль о десятичасовом рабочем дне, уже было понятно, что дело социального законодательства получило поддержку от многих сторон: «Тори-евангелисты дали ему импульс, утилитаристы определили его форму [принцип инспекции], а виги, мастера компромисса, провели [более умеренный билль] через парламент» (Roberts, 1958, 325—326). Аналогичным образом, когда в 1834 году были приняты новые законы о бедных, «преувеличенный страх нищеты» заставил парламент принять систему, рекомендованную Королевской комиссией, «несмотря на то, что она обладала гораздо большей степенью бюрократической централизации, нежели это было приемлемо в нормальных обстоятельствах» (Rose, 1974, 9). Во Франции примерно в тот же период (1827—1841) проходила масштабная кампания за принятие законодательства о детском труде, которое, когда оно наконец было принято, стало «первым примером социального законодательства в стране: никогда до этого государство не вмешивалось в отношения между работодателем и работником» (Heywood, 1988, 231).

⁷⁷ «Адам Смит не был догматичным сторонником *laissez-faire*... Он не верил, что это всегда хорошо или всегда плохо — это зависит от обстоятельств» (Viner, 1927, 271—272). Кроме того, «Смит сам опровергал то, что обычно считается его главным аргументом в пользу *laissez-faire*, демонстрируя, что естественный порядок вещей, если предоставить ему возможности течь своим чередом, во многих отношениях работает против, а не в пользу всеобщего благосостояния» (р. 218). «Классические экономисты в целом всегда были готовы придать государству значительную роль... Моральные и социальные улучшения, а не *laissez-faire* само по себе... были их типичной целью... В произведениях самого Бен-тама не подвергалась сомнению значимость, придаваемая государственному действию в качестве

Альфред Маршалл⁷⁸. Различие между признанием «ценности» *laissez-faire* и проповедью этой доктрины в качестве «абсолютной догмы» было фундаментальным для всех классических экономистов (Rogers, 1963, 535)⁷⁹. Все

рычага реформы» (Gash, 1979, 45). Нассау-старший, которого обычно признают одним из главных противников социального законодательства, был в то же время одним из тех, кто называл *laissez-faire* «самой фатальной из всех ошибок» (Nassau Senior, *Social Economy*, 2:302, цит. в: Sorenson, 1952, 262). Некоторые исследователи занимают более сдержанную позицию. Кеннет Уокер (Walker, 1941, 173) утверждает, что классические экономисты «широко различались в своих умонастроениях». А Дж. Т. Уорд, изучив работы Бребнера, Соренсона и Уокера, говорит, что «вывод, который необходимо сделать из этих исследований, предполагает в целом модификацию, а не отрицание традиционной точки зрения. „Классические экономисты“ могли уступать детям, но не взрослым».

⁷⁸ На исходе своей жизни Альфред Маршалл в восьмом издании «Принципов экономики», опубликованном в 1920 году, так обобщил размышления о *laissez-faire*: «Нашему поколению оставалось уяснить все зло, возникшее от внезапности этого увеличения экономической свободы [во время промышленной революции]... Поэтому мы можем постепенно достичь такого порядка социальной жизни, при котором общее благо превосходит личный каприз даже в большей степени, чем в дни до того, как началось господство индивидуализма» (Marshall, app. A, 750, 752, цит. в: Evans, 1978, 134).

⁷⁹ С. Р. Фей (Fay, 1920, 44) утверждает: «Для учеников Бентама принцип *laissez-faire* не означал... „пусть все будет как будет, и не надо беспокоиться“. Это был военный призыв, призывавший к атаке на любой закон или социальную условность, мешавшие свободе развития. Это была кампания по свержению давно устоявшихся злоупотреблений». Или, по выражению Артура Дж. Тейлора (Taylor, 1972, 25), *laissez-faire* относился к «предписывающей, а не к аналитической области экономической мысли». И, конечно же, неоклассические экономисты были уверены, что эта кампания дала плодотворные результаты. Об этом вполне открыто говорит Маршалл: «Свобода принимать любую торговлю, какую только можно (*laissez faire* в исходном смысле) вместе со свободой отправлять товары в любое место и получать их отсюда уютно (*laissez aller* [неограниченная свобода — *фр.*]) сделали Англию мировым *entrepôt* [перевалочным пунктом — *фр.*]». Но даже в этом случае Маршалл (Marshall, 1921, 84—85) признает, что данная истина была наиболее полно приложима к Великобритании, причем политики не стали уточнять этот момент из тех соображений, чтобы не смущать публику. «Однако в долгосрочной перспективе и для Англии, и для свободной торговли было бы лучше, если [политиков] заставят сделать явными эти затруднительные определения, которые они пропустили. Ведь тогда другие нации получат заблаговременное предупреждение, что от снятия протекционистских пошлин невозможно ожидать дара в виде таких же чистых преимуществ для их ключевых отраслей промышленности, как это было в случае Англии». На самом же деле Маршалл идет еще дальше: «Не существует никакого общего экономического принципа, подкрепляющего представление, что промышленность будет наиболее процветающей, а жизнь — самой счастливой и самой богатой, если каждому будет позволено распоряжаться собственными целями так, как он считает наилучшим» (p. 736).

Конечно, есть и некоторые исследователи, которые скептически относятся к тому, что *laissez-faire* имело значение даже для Великобритании. «Если сравнивать международную торговлю Англии с международной торговлей других стран, а в особенности британский экспорт с экспортом Западной Европы [в XIX веке], то поразительно одновременно имеют место два движения: в протекционистской Франции,

они были убеждены, что «laissez-faire для одного было вмешательством для другого» (Taylor, 1972, 12)⁸⁰.

Однако европейские либералы по-прежнему ощущали, что отмена Хлебных законов была великим событием, которое гарантировало экономический прогресс⁸¹. И последовавшие годы, казалось, предоставили этому подтверждение, что свойственно для многих подобных верований. Ведь мир-экономика теперь вступал в новую кондратьевскую фазу А — «золотой век процветания 1850—1860-х годов», и «многие современники стали связывать это именно с отменой Хлебных законов» — «примирающим мифом», по выражению Бетти Кемп (Kemp, 1962, 195). Эти годы были особенно выгодны для двух главных стран мир-системы того времени — Великобритании и Франции.

В Великобритании этот период получил название «великого Викторианского бума», или, чуть менее высокопарно, «поднятия викторианства», который «покоился на балансе между промышленностью и сельским хозяйством» (Kitson Clark, 1962, 31, 57)⁸². Это был период, в ходе которого британские капиталисты чувствовали себя настолько хорошо, что они в первую очередь стремились «грести в собственных лодках» (Clapham, 1932, 2:145), используя сленг того времени. Конечно, поступать именно так было их обязанностью, поскольку «Великобритания стала открытым рынком почти для всего, что она производила». Это по-прежнему не составляло никакой проблемы, ведь на тот момент превосходство Великобритании было очевидно во всем: в торговле, финансах и промышленности, то есть в создании «тех вещей, которые требовались в первую очередь» (Clapham, 1932, 2:2, 12)⁸³.

1850-е годы были ознаменованы наивысшим подъемом британского экспорта. Вывоз хлопчатой ткани в кусках в это десятилетие «примерно

например, как и во фритредерской Англии... Какая вера после этого может быть реформам Хаскиссона и Пили?» (Labrousse, 1954, 1:45).

⁸⁰ Это противоречие было встроено в либерализм, как в точности предвидел Алевй. Рассматривая Джона Стюарта Милля в качестве центриста, разрывающегося между тем, что Алевй называет философией Вестминстера и философией Манчестера, он приходит к следующему замечанию (Halévy, 1904, 387). Милль, «столкнувшись с авторитарной демократией, возражал либерализму, но столкнувшись с философией конкуренции, возражал социализму. Противоречия между этими двумя фундаментальными принципами утилитаризма стали очевидны каждому. Философский радикализм исчерпал свою активность в истории английской мысли и законодательства».

⁸¹ «Если отмена Хлебных законов в целом рассматривалась как великая победа „левых“, то факт, что вместе с их отменой широко распространилось убеждение, будто для „дешевой пищи“ требуется вездесущая свободная торговля и что протекционизм является синонимом налогообложения жизненно необходимых товаров, был личным триумфом Кобдена» (Biagini, 1991, 137).

⁸² После 1874 года «английское сельское хозяйство потряс ряд разрушительных ударов» (Kitson Clark, 1962, 57). Таким образом, Пиллю удалось предоставить крупным землевладельцам примерно 30 лет на преобразование своего хозяйства.

⁸³ Вот продолжение эйфорической оценки Клэпхэма (pp. 20—21): «Контроль Англии над своей избранной землей, землей, где усиленно работала ее техника, фактически был почти полным. Техника работала и в Америке, но не слишком сильно над товарами на экспорт и вряд ли вообще — над товарами на экспорт в Англию.

удвоился», при этом фактически увеличился даже *темп* роста, что, как утверждает Хобсбаум (Hobsbawm, 1975, 30—31), обеспечило «бесценное [политическое] жизненное пространство». Хлопковые ткани по-прежнему занимали центральное место в богатстве Британии, но именно в этот период в качестве ведущей отрасли промышленности выдвинулись металлургия и машиностроение, а вместе с ними «повсеместно появлялись более крупные промышленные предприятия» (Clapham, 1932, 2:114). Великобритания определенно стала на путь превращения в индустриальное государство — «курс был определен» (Clapham, 1932, 2:22). Это были «бодрые годы» для Великобритании, когда ее экономическое превосходство в мире-экономике было «фактически неоспоримым», а новый мир промышленности «больше напоминал рог изобилия, а не вулкан» (Coleman, 1973, 7—8)⁸⁴. Великобритания выполняла свою роль гегемона с комфортом, но при этом и самодовольно, не всегда ощущая необходимость присмотра за каждым колебанием в мире-экономике⁸⁵.

Бельгийские машины имелись в чрезмерном количестве и хорошем состоянии, но Бельгия была очень мала. Французские машины, судя по всему, были относительно немногочисленны и в худшем состоянии. Голландия едва ли рассматривалась как мануфактурная страна... Немецкая техника... в целом была худшего качества и имела подражательный характер... Британия могла использовать продукцию других стран, оценивать их рынки или уважать их искусство, но предпочитала не сравнивать их с собой в экономических категориях.

⁸⁴ Великобритании казалось, что этот путь предназначен в равной степени и для других стран. Фейтё (Fejtö, 1948a, 1:60) напоминает, что даже «протекционисты [в различных европейских] странах восхищались Англией... примерно в той же степени, что и сторонники ее свободной торговли. Фридрих Лист... призывал своих соотечественников следовать примеру Англии точно так же, как это делали ученики Кобдена». Разумеется, Лист мог помнить о протекционистской политике Англии, которая позволила ей достичь своего экономического превосходства, больше, чем о фритредерской политике, которая обеспечивала поддержание этого превосходства.

⁸⁵ Как указывает Фрэнк У. Феттер (Fetter, 1965, 255), после Первой мировой войны стала популярна точка зрения, согласно которой проблема международной экономики заключалась в том, что Великобритания больше была не в состоянии осуществлять лидерские функции, а Соединенные Штаты еще не достигли такового положения, причем им к тому же не хватало соответствующей стратегии и опыта. «Это достоверная гипотеза, — полагает Феттер, — но я не могу найти какого-либо подтверждения того, что Британская империя или английский народ ощущали какую-либо подобную ответственность в тридцатилетие после 1845 года». Феттер утверждает, что Великобритания не только не «управляла» миром-экономикой, но и не выступала «кредитором последней инстанции». С другой стороны, сам Феттер цитирует (p. 271) статью Уолтера Бэджета 'Обязательства Банка Англии во времена спокойствия', опубликованную в «Экономисте» 14 сентября 1861 года (*Economist*, 1861, p. 1009), в которой утверждалось: «Он обладает национальной функцией. Он один располагает резервом драгоценных металлов страны... Мы уверены, что конечный интерес собственников Банка заключается в наиболее полном исполнении обязательств Банка перед нацией». Феттер интерпретирует эту статью следующим образом: «В глазах Бэджета государственная мудрость банка вступает в счастливый союз с соображениями прибыли, и

Однако не следует преувеличивать: этот путь был «вовсе не завершен», и сельское хозяйство оставалось, «безусловно, величайшей из отраслей промышленности [Великобритании]» (Clapham, 1932, 2:22)⁸⁶. Р. А. Чёрч (Church, 1975, 76) уверен, что, называя этот период «бумом середины Викторианской эпохи», нужно «делать резкую поправку». Да, происходили рост цен⁸⁷, экспансия бизнеса, повышение уровня жизни, но увеличение темпов производства все равно не было значительным, а в 1858 году начался наиболее глубокий

его величайшая услуга для деятельности центрального банка на последующие столетия заключалась в том, что он убедил своих соотечественников, что это был почетный союз, благословенный законами свободной торговли». На мой взгляд, это представляется именно «управлением» экономикой — по меньшей мере, британской, что в 1861 году в значительной степени означало управление миром-экономикой.

Феттер признает, что хотя «банк формально не признавал точку зрения Бэджета, ... [тем не менее] с середины 1870-х годов данный принцип более не подвергался сомнению» (274—275). Финансовая ортодоксия того времени подразумевала наличие золотого стандарта, а Банк Англии рассматривался в качестве кредитора последней инстанции: «Нерушимость золотого стандарта была решением правительства. Задача сохранения золотого стандарта была доверена Банку Англии, и поскольку он выполнял данную миссию, правительство предоставляло ему операционные реквизиты» (р. 282).

Кроме того, эта всемирная роль Банка Англии как гаранта «твердой валюты и активной международной торговли» была хорошо подготовлена Пилем в момент принятия Банковского акта 1844 года, который увековечил победу так называемой денежной школы. «Несмотря на то, что на появление эффективного управления центральным банком и его технологиями потребуются годы, викторианцы могли сослаться на Пилиа как на архитектора устойчивого экономического порядка» (Briggs, 1959, 339).

⁸⁶ Это обстоятельство подчеркивает важность заботы Пилиа об обеспечении переходных мер для крупных землевладельцев, а также те диспропорции, которые продолжали ставить британское правительство перед проблемой непокорного рабочего класса. «Значение текстильных мануфактурщиков в промышленной жизни страны сложно преувеличить. Несмотря на то, что даже хлопковые мануфактуры не были полностью механизированы, ... они выступали в качестве наиболее показательной отрасли века машин и энергии... Поскольку они были весьма механизированы, их продукция производила изумление. Но поскольку они были механизированы не полностью, они увлекали за собой в своем развитии множество тех, кто превратился в ведущих ручной труд маркитантов — и последним зачастую оставалось только выпасть из строя. Не считая трикотажа и кружев, они дали работу для (или же следует говорить о том, что они дали соответствующую торговую марку?) примерно 11 сотен тысяч людей» (р. 28). Доля этой группы работников ручного труда составляла 1 к 19, но к 1901 году она сократилась до 1 к 37 (см. р. 29).

⁸⁷ То, в какой степени рост цен необходимым образом является благоприятным для державы-гегемона, вызывает ряд вопросов. Имла (Imlah, 1950, 191, п. 28) дает три основных объяснения роста цен в этот период: Крымская, Американская гражданская и Прусские войны, новые значительные поставки золота и экспорт средств производства. Росту (Rostow, 1948, 20—21) скептически воспринимает плюсы каждого из этих трех явлений: войны были экономически «непродуктивны», добыча золота была бременем для ресурсов и «не служила всему миру», а экспорт капитала был «непродук-

нисходящий деловой цикл за все столетие. Подобно всем экономическим лидерам, Великобритания готовила собственное падение, сопротивляясь новшествам. Например, Генри Бессемер впервые выступил со своей работой по использованию продувки для менее затратного производства стали еще в 1856 году, но его идеи не получают широкого признания до начала кондратьевской фазы В⁸⁸. Расширение мира-экономики влекло за собой дальнейшую индустриализацию в США и различных частях Европы, что делало конкурентное положение Великобритании «все более сложным», в особенности потому, что эти страны демонстрировали (за значимым исключением Франции) «отсутствие намерений следовать британскому примеру» принятия свободной торговли (Schlote, 1952, 43)⁸⁹. На деле же свободную торговлю невзлюбила сама Великобритания⁹⁰.

тивным делом или же... предприятием, которое приносило свои плоды лишь через длительный промежуток времени». Что касается железнодорожного строительства, то оно окупится только после 1873 года (р. 23). Можно подумать, что Росту предпочитал В-фазы Кондратьева, но, конечно же, в ходе этих фаз получают прибыль иные — и при этом меньшие — группы.

⁸⁸ Как это случается почти всегда, изобретение стало существенным новшеством лишь во время экономического спада. «Гигантский затор финансового капитала и завязший в пудлинговании человеческий капитал, вкупе с все еще [1858] неоспоримым превосходством британской металлургии на мировом рынке — все это было против быстрого изменения. Утрата этой полумонопольной позиции и сопровождавшая ее экономия на производстве (отчасти вынужденная) в 1870—1880 годах были решающими факторами окончательного перехода» (Clapham, 1932, 56—57). То, что экономическое превосходство Великобритании не будет вечным, было очевидно для прозорливого «Экономиста» уже 8 марта 1851 года: «Из относительного прогресса [Великобритании и Соединенных Штатов] в последние 60 лет можно сделать вывод, что превосходство Соединенных Штатов над Великобританией в конечном итоге столь же очевидно, как и ее последующий закат» (цит. в: Clapham, 1932, 10).

⁸⁹ В отношении к другим промышленным странам за пределами Британской империи «британские мануфактуры демонстрировали существенный спад [с 1850 по 1914 годы] показателей доли общего экспорта. Однако доля импорта британских мануфактур значительно выросла» (р. 87). Что касается самой империи, то ее «доля в британской заморской торговле мало изменилась вплоть до начала Первой мировой войны» (р. 88), однако после ее завершения она также снизилась. Британский морской транспорт также вступил в период «относительного упадка» после достижения пика в 1847—1849 годах (Clapham, 1932, 211).

⁹⁰ В 1850 году «никто не допускал, ... что Великобритания была „молодой и поднимающейся“ [что было, по Джону Стюарту Миллю, допустимым исключением для введения протекционистских мер]. Она была старой, установившейся державой, однако по-прежнему возвышающейся, так что данное исключение не применялось... Наиболее естественным было то, что после коллапса начала 1870-х годов и во время следовавших за ним продолжительных и приводивших в замешательство торговых и промышленных трудностей, обычные люди должны были поставить вопрос: „честно“ ли держать рынки открытыми для тех наций, которые закрывают свои рынки?» (Clapham, 1932, 242, 249). В 1881 году была основана Лига справедливой торговли, а в 1885 году Фридрих Лист впервые был переведен на английский язык (р. 251). Как утверждает Коулмен (Coleman, 1973, 10), «к 1880-м годам оптимизм середины Викторианской эпохи испарился».

В этом британском сиянии середины века положение Франции изначально представлялось невыгодным из-за беспорядков 1848 года. Опять-таки, казалось, что французские революции наносят вред экономическому развитию страны. Однако на сей раз это имело место лишь на протяжении краткого времени, поскольку политическое разрешение беспорядков — популистский авторитарный режим Второй империи — служило именно для нейтрализации некоторых политических трений именно потому, что этот режим, как никакой предшествующий⁹¹, сделался сторонником и движущей силой рывка вперед французских экономических структур, тем самым консолидируя либеральное ядро мир-системы.

Экономические индикаторы были очевидны: объем французской внешней торговли утроился (Palmade, 1961, 193), а производство средств производства росло в отношении к производству потребительских товаров (Markovitch, 1966, 322)⁹². Бум наблюдался как во внутренних, так и в иностранных инвестициях, и к 1867 году чистый доход от внешних инвестиций превысил чистый экспорт капитала. По мнению Рондо Э. Кэмерона (Cameron, 1961, 79), это означало, что Франция стала «зрелой» нацией-кредитором⁹³, а

⁹¹ «Вторая империя была первым французским режимом, который столь явно отдал приоритет задачам в экономической сфере» (Plessis, 1973, 85) — и это работало. См. Marczewski (1965, lx): «Революция и Наполеоновские войны вызвали бедственный спад во внешней торговле. Вместе с Реставрацией соотношение между экспортом и физическим выпуском стало расти, но не превзошло уровень 1787—1789 годов до 1855 года. Либеральные меры, инициированные англо-французским соглашением 1860 года, и стимул для мировой торговли в виде открытия новых месторождений золота определенно были факторами рывка французского экспорта в десятилетие с 1855 по 1864 годы».

С другой стороны, не следует полагать, что Вторая империя была чудом, взявшимся из ниоткуда. Уже в 1839 году бельгийская исследовательница Натали Бриавойн задавалась таким вопросом: «Почему научная и промышленная революции в первую очередь произошли во Франции и Англии?» К этому вопросу она добавляет примечание, указывая, что некоторое промышленное развитие, конечно, имело место и в Италии, Германии и Швеции, но утверждает, что тем не менее «присутствует нечто вроде общего согласия, что Франция является средоточием революции в химическом искусстве, а Англия — революции в механике» (Briavoinne, 1:191—192). Ари Сэ (Sée, 1951, 2:226) аналогичным образом напоминает, что «в целом при режиме Луи-Филиппа происходила масштабная экономическая экспансия, отмеченная современниками».

Жан Кусси в своем детальном исследовании (Coussy, 1961) скептически относится к тому, что Вторая империя в некоторой степени являла разрыв с предыдущей и последующей экономической политикой Франции, утверждая, в частности, что экономический либерализм этого режима был «очень относительным либерализмом, на который сегодня бы повесили ярлык умеренного протекционизма» (р. 2). С другой стороны, «умеренный протекционизм» оказывался либеральной крайностью в континууме правительственных мер в капиталистическом мире-экономике. Редко какая-либо страна перешагивала этот уровень открытости больше, чем на короткое время.

⁹² Маркович цитирует Раймона Барра, принимая это за свидетельство фундаментального структурного изменения (см. р. 321).

⁹³ Кэмерон называет это «важным поворотным моментом в истории международных экономических отношений Франции». В качестве части этого процесса «де-

французские государственные финансы, наряду с английскими, приобрели «солидность». Публичная подписка на правительственные займы «демонстрировала силу накоплений и избыток капитала, существовавшие в двух странах» (Gille, 1967, 280)⁹⁴. Короче говоря, для Франции это было такое же время экономического процветания, как и для Великобритании. Это несло «выгоду, если не стало символом веры, Второй империи», однако, как настаивает Ги Пальмад (Palmade, 1961, 127, 129), «благоприятная внешняя ситуация представилась правительству, твердо приверженному тому, чтобы извлечь из нее преимущество».

Кроме того, именно правительство считало, что государственное вмешательство является существенно значимым для экономической экспансии, при этом не рассматривая государственное действие, по словам Наполеона III, как «неизбежное зло» — скорее оно было «благонамеренным мотором любого социального организма». Тем не менее намерение государства заключалось в том, чтобы тем самым стимулировать частные предприятия. Хотя «первоочередной заботой» правительства было «создание столь большого числа видов [экономической] деятельности, сколь возможно», оно по-прежнему желало «избежать этой печальной для государства склонности участвовать в тех видах деятельности, которыми частные лица могут заниматься с тем же успехом, что и оно, или лучше него»⁹⁵. Кроме того, государственная программа публичных работ была направлена не на прямую поддержку промышленности, а на укрепление сельскохозяйственного сектора⁹⁶. А за этой практикой — «предтечей технократической голлистской модернизации» — стояла цель борьбы с «политической нестабильностью и классовым конфликтом»

сятилетие 1850-х годов... также примечательно достижением Францией лидерства во внедрении железнодорожного транспорта» (р. 213). См. тж. Sée (1951, 2:355): «В 1871 году Франция имела более 12 млрд [франков] в зарубежных обязательствах, из которых 2 млрд необходимо было изъять для покрытия военных долгов. Однако эта потеря вскоре обернулась прибылью: Франция могла дешевле приобретать те обязательства, которые Германия, Италия и даже Англия были вынуждены продавать на Парижской бирже, чтобы выбраться из кризиса, случившегося в Центральной Европе в 1873 году».

⁹⁴ Жиль утверждает, что «люди в то время называли [эти публичные подписки] всеобщим избирательным правом капитала» (р. 276).

⁹⁵ Все эти цитаты из Наполеона III приведены по: Palmade (1961, 129).

⁹⁶ Филип Вижье (Vigier, 1977, 18, 19, 21) в своей оценке бонапартизма подчеркивает, сколь далеко Вторая империя продвинулась в реализации уже существовавшей при Июльской монархии программе общественных работ, «чтобы позволить крестьянству сполна заработать на росте сельскохозяйственных цен». Далее Вижье задается вопросом, позволял ли бонапартизм крестьянству в равной степени демократизировать местную политическую жизнь и «последовательно освободиться от надзора местных нотаблей». Отмечая, что мнения историков по последнему вопросу разделились, он указывает, что его собственная позиция будет «довольно гибкой». Шарль Пута (Pouthas, 1983, 459, 462) настроен более позитивно: «Сельское хозяйство получало от бонапартистского режима серьезные выгоды... Крестьяне, убедившись в угрозах социализма и реакции, стали наиболее сильными сторонниками режима — вплоть до того, что англичане и Карл Маркс называли Вторую империю империей крестьянства». Однако в

(Magraw, 1985, 159)⁹⁷, принципиальная для режима, возникшего в плавильном котле революции 1848 года.

Именно здесь возникает знаменитая сен-симоновская связь. В действительности следует говорить о постсенсимонистах, о тех, кто вырос из псевдорелигиозной фазы при Анфантене^{*} и сохранил лишь «радикальный» дух Сен-Симона: непреклонно модернистский, технократический, реформистский, в конечном счете ни «социалистический» и ни «консервативный» (как утверждали некоторые), но сущностно «либеральный» по своему настроению, что стало наиболее очевидно при Второй империи⁹⁸. Он был либеральным по духу, поскольку сочетал две ключевые особенности либерализма: экономическое развитие, связанное с социальным улучшением. Для либералов два эти момента были двумя сторонами одной и той же медали. Сенсиимоны утверждали «превосходство экономической сферы над политической» (Blanchard, 1956, 60), однако они также заявляли (в формулировке Исаака Перейра⁹⁹ 1831 года), что экономический прогресс принесет с собой «улучшение для большинства наиболее крупных и беднейших групп» (цит. в: Plessis, 1973, 86). Конечно же, именно поэтому Наполеон III и сенсиимоны

в конечном итоге в какой мере забота и попечение Наполеона III о крестьянстве отличались от форсированной модернизации Пилем британского сельского хозяйства? В обоих случаях эти меры ублажали значимую политическую силу, которая контролировала продовольственные запасы страны, обеспечивая при этом мягкий переход к сокращению в долгосрочной перспективе роли и доходности этого сектора, что после 1873 года стало ясно для всех. См. Verley (1987, 166): «Внутренняя сельскохозяйственная производительность в 1860-х годах не могла идти в ногу с потребностями глобального роста». Мокир и Най (Mokyr and Nye, 1990, 173) описывают правительственную политику как «перенаправляющую экономику в сторону сельского хозяйства, в котором Франция, очевидно, имела сравнительное преимущество». Если это так, то вскоре оно было утрачено. Я рассматриваю бонапартистские меры как в большей степени имеющие политический характер и направленные на сдерживание крестьянского недовольства.

⁹⁷ С точки зрения Мэгроу, «балансовая ведомость политической экономии бонапартизма была неравномерной» (р. 163).

⁹⁸ См. Carlisle (1968, 444–445): «Сен-симоновский радикализм заключался в решении модифицировать изнутри облик, привычки и практики делового мира либеральной буржуазии в постнаполеоновской Франции. Кроме того, сен-симоновский радикализм состоял во внесении в этот деловой мир, управляемый идеей жесткого, неотвратимого экономического закона, убежденности в том, что избежать этого закона возможно и неизбежно... Последователи Сен-Симона формировали среди французских бизнесменов дух инициативы, принятия рисков, гибкости и экспансионизма». Коул (Cole, 1953, 1:52, 56), говоря об их глобальном видении и участии в строительстве Суэцкого и Панамского каналов, утверждает: «В действительности они были предтечами „четвертого пункта“ президента Трумэна¹⁰⁰. Для них не было ничего слишком великого, чего нельзя было бы спроектировать... Они были первыми, кто разглядел (и одобрил) то, что сейчас называется „управленческой революцией“».

были «сделаны друг для друга» (Weill, 1913, 391—92)⁹⁹, и, разумеется, сенсимонисты были «почти единственной интеллектуальной группой, приемлемой для [Наполеона]» (Boon, 1936, 85). Но верно и обратное: модернизированный (modernist) сегмент буржуазии, подлинные либералы, «нуждались в [Наполеоне], чтобы освободиться от запугивания со стороны богачей» (Aguilhon, 1973, 234)¹⁰⁰, которые преобладали в «партии порядка» в период Июльской монархии. Именно поэтому Альбер Герар (Guérard, 1943, гл. 9) называл Наполеона III «Сен-Симоном на коне».

Именно в этот период подобающее им место в качестве ключевых агентов экономического развития заняли банки. В данном случае также следует воздать должное постсенсимонистам (таким как братья Перейры), которым суждено было «первыми осознать ту роль стимула и координатора, которую банки могут играть в экономической жизни» (Chlepnier, 1926, 15). Однако этот сюжет начался еще до появления братьев Перейров. По меньшей мере, с 1815 года и далее наиболее крупные банки, в особенности банки Ротшильдов и Бэрингов, сместили свои акценты на долгосрочные займы — сначала обсуждая и стимулируя займы правительствам, а затем поддерживая крупные частные предприятия. Как замечает Дэвид С. Лэндес (Landes, 1956, 210—212), поскольку эти банки демонстрировали слишком «ненасытный аппетит», то их могли подкосить конкуренты, поэтому они стремились формировать картели. В частности, Ротшильды обнаружили самую значительную выгоду

⁹⁹ Вейль продолжает: «Последователи Сен-Симона... придавали наивысший приоритет увеличению производства... Не были ли масштабные общественные работы наилучшим способом поддержать бедных?... Осуществить эти масштабные работы было функцией государства... Но если государство пренебрегало своей обязанностью, последователи Сен-Симона не колеблясь зывали к частной инициативе... У правительства империи была та же самая программа». Однако это никоим образом не была демократическая социалистическая программа. См. Bourgin (1913, 406): «Сен-симоновский социализм, основанный на неравенстве, не имел ничего общего с новыми учениями, основанными на демократии. Сторонники сильного государства были источником недоверия для всех противников Наполеона III».

¹⁰⁰ Кемп (Kemp, 1971, 158—159) преуменьшает значение последователей Сен-Симона, исходя из того, что «в целеполагании Второй империи итак слишком много места уделялось тому, что... государству следует принимать на себя роль стимулятора экономики... [Государство] предлагало всем собственникам движимого богатства перспективу его увеличения. Именно этот подспудный призыв к алчности среднего класса и зажиточных крестьян составлял громадную силу режима — но, конечно, только в том случае, если он был действительно платежеспособен. В пятидесятые и шестидесятые годы призыв Гизо *'Enrichissez-vous'* [обогащайтесь — *фр.*] оправдался для значительного числа французов». Поэтому Кемп делает вывод, что «ввиду благоприятной экономической конъюнктуры третьей четверти XIX века представляется вероятным, что ощутимый экономический рост, обязательно предполагавший качественные изменения в структуре финансов и промышленности, имел бы место при любой форме правления, способной поддерживать гражданский мир» (р. 200). Конечно, это верно, но поддерживать гражданский мир было способно именно правительство Наполеона III, а окружали его последователи Сен-Симона, желавшие предпринимать необходимые инициативы.

в негласной связи со Священным Союзом и тем самым оказались в состоянии размещаться на главных финансовых рынках, которые в то время были «в большей степени рынками спроса, нежели центрами денежного предложения» (Gille, 1965, 98)¹⁰¹. Кроме того, «любимый гамбит» Ротшильдов — краткосрочный экстренный заем правительству, испытывающему трудности, — не обязательно был помощью национальной независимости. Кэмерон (Cameron, 1957b, 556) утверждает, что подобные правительства «редко когда-либо вновь добивались [собственной] независимости», сравнивая эту практику с «наркотиком, вызывающим привыкание»¹⁰².

Конечно, существовала и потребность в источниках кредита, контролируемых в большей степени локально. Шлеппер (Chleppner, 1926, 19) напоминает, что у банка братьев Перейров *Crédit Mobilier* были «предшественники» в Бельгии — наиболее известным из них был банк *Société Générale*, основанный голландским королем Вильгельмом в 1822 году. Однако лишь после того, как Бельгия провозгласила независимость в 1831 году с восшествием на престол Леопольда I, этот банк стал крупным игроком в экономическом развитии, в первую очередь в строительстве железных дорог. Если после финансового кризиса 1838 года этот банк и его конкурент *Banque de Belgique*, основанный в 1835 году, впали в состояние относительного оцепенения, то англо-французский экономический кризис 1846—1847 годов ударил по ним еще сильнее. Именно благодаря этим событиям февраль 1848 года создал в Бельгии страх революции, страх потери независимости и «настоящую финансовую панику» (Chleppner, 1926, 238; см. тж. Chleppner, 1931), которая вынудила государство прийти на помощь банку и завершить тем самым беспокойный период. Таким образом, Бельгия смогла избежать революционных потрясений и затем перейти к более подлинной либеральной системе, устранив в 1851 году полуофициальный характер *Société Générale*¹⁰³.

Рассмотренные выше банковские противоречия в Великобритании создали ситуацию, в которой банки были неспособны играть прямую роль

¹⁰¹ «Они могли считать себя банкирами Священного Союза, хотя Меттерних... определенно это не признавал, — продолжает Жиль. — Прежде всего Ротшильды зарабатывали на исключительно благоприятном моменте (*conjuncture*), когда они могли отпихнуть ряд серьезных конкурентов. Теперь они стали консолидировать это положение и даже улучшать его».

¹⁰² Кэмерон утверждает, что они «возвращались за новыми инъекциями снов и снова». Но велик ли был выбор у этих правительств? Жиль (Gille, 1965, 79—80) указывает, что большинство из них могли найти подписчиков на займы только на международном рынке, в частности, на лондонском и парижском. Для этого им требовался организатор, причем не просто какой-нибудь, а вызывавший доверие. «Имени [фирмы с репутацией] в качестве части финансовой операции [по спонсированию займа] было достаточно, чтобы оно притягивало к ней весь доступный капитал. А если [данная фирма] посредством комиссий и возможности размещения средств вдобавок имела определенное количество активных корреспондентов, то это гарантировало ее превосходство».

¹⁰³ Причина особенно острого финансового положения Бельгии в 1838 году была политической, а не экономической. Это был результат окончательного приня-

в стимулировании экономического роста. Кульминацией этих противоречий стал Банковский акт 1844 года, целью которого, с точки зрения Пили, было в первую очередь «придать более солидные основания золотому стандарту», а во-вторых, устранить использование золота в качестве внутреннего политического оружия (Fetter, 1965, 192)¹⁰⁴. Возможно, Великобритания могла в большей степени, чем другие страны, позволить себе отсутствие банковской политики, не стимулирующей экономический рост. Кэмерон (Cameron, 1961, 58—59) называет это «неэффективным», но отмечает, что «парадоксальным образом... сами препятствия, стоявшие на пути рациональной банковской и финансовой системы, стимулировали частный сектор к принятию финансовых новшеств, необходимых для реализации всех преимуществ технических инноваций в промышленности».

То, чему британское государство способствовало посредством своих неудач, а именно достаточное кредитное предложение для экономической экспансии середины столетия, французское государство при Наполеоне III создаст намеренно. Декрет февраля 1852 года, разрешивший создание ипотечных банков (одним из первых среди них был *Crédit Foncier* Эмиля Перейра), обеспечил финансовую поддержку реконструкции Парижа бароном Османом. «Из отстающего игрока Франция стала лидером и новатором в ипотечном кредитовании» (Cameron, 1961, 129)¹⁰⁵. Но Ротшильды были недовольны. Джеймс

тия Вильгельмом Нидерландским договора 1831 года, который признавал отделение Бельгии от Нидерландов. Этот договор был неблагоприятным для Бельгии, будучи принятым под угрозой в 1831 году, но больше не представлялся резонным для более сильной Бельгии в 1838 году (Chlepnier, 1926, 154 и сл. 2).

¹⁰⁴ Золото было примечательной составляющей политических решений Билля о реформе 1832 года. Когда он был разгромлен в Палате лордов, а Веллингтон безуспешно пытался сформировать правительство, Фрэнсис Плейс (как уже было отмечено выше) запустил знаменитый лозунг: «Чтобы остановить герцога, идите за золотом». За этим последовала «золотая» паника, которая повлияла на политическую ситуацию. Но результатом этого, в свою очередь, было «усиление общественного мнения, что банковские билеты должны быть платежным средством» (pp. 135—136). Возможно, в 1844 году Пиль ожидал, что подобное оружие можно будет использовать еще раз, но теперь уже против него, в битве за отмену Хлебных законов. Феттер также отмечает (p. 174), что рост фритредерских настроений в Великобритании 1840-х годов происходил одновременно с «растущим принятием идеи, что выпуск банковских билетов был не формой деловой активности, а функцией правительства». Однако он не комментирует, насколько парадоксальным это было с точки зрения доктрины *laissez-faire*. Очевидно, что чем более свободна торговля товарами, тем менее торговцы товарами желали свободной торговли деньгами. Свобода не слишком дорого стоит, если она помещает под угрозу прибыль.

¹⁰⁵ Эта деятельность стала источником крупного богатства во Второй империи: «Регулярно выпускаемые с высокой процентной ставкой закладные железных дорог и города Парижа или *Crédit Foncier* предоставляли накоплениям безопасное и выгодное место для инвестиций» (Girard, 1952, 399). Неудивительно, что, как далее пишет Кэмерон, «в 1860-е годы идея *credit foncier* [земельного кредита — *фр.*] быстро распространилась, а к 1875 году аналогичные институты имели все европейские страны и несколько государств за пределами Европы».

де Ротшильд утверждал, что это изменение структуры сосредоточит слишком много власти в неопытных руках¹⁰⁶. Как говорят в таком случае, горшок называет чайник черным, хотя черны оба. В любом случае подъем крупных корпоративных банков Второй империи отобрал монополию у так называемых *haute banque* [«высоких» банков — *фр.*] — «могущественной группы частных (неинкорпорированных) банкиров» (Cameron, 1953, 462). Впрочем, последние не обеспечивали достаточный кредит для *французских* деловых предприятий¹⁰⁷.

Ближе к концу Второй империи, в 1867 году, *Crédit Mobilier*, крупнейший из новых банков, рухнул, однако Ротшильды никуда не делись ни тогда, ни до сих пор. Тем не менее либеральное государство посредством своего вмешательства изменило всемирную кредитную структуру современного капитализма: «Банковская система каждой нации в континентальной Европе несла отпечаток французского влияния» (Cameron, 1961, 203)¹⁰⁸. Создание значительного числа банков, ориентированных на международный рынок, могло уменьшить мощь *haute banque*. Для более слабых государственных структур это не обязательно было выдающимся достоинством в стесненных финансовых ситуациях. Дженкс (Jenks, 1927, 273) отмечает искаженный эффект от более значительной конкуренции в сфере займов правительствам:

¹⁰⁶ Подробное рассмотрение взглядов Джеймса де Ротшильда см. в: Gille (1970, 132—134) и тж. Pouthas (1983, 457).

¹⁰⁷ «По всей *monarchie censitaire* [цензитивной монархии, т.е. с законодательными органами, избранными на основе ограниченного права голоса] раздавались жалобы по поводу нехватки организованного кредита, а в действительности — по поводу его отсутствия. В последний год правления Луи-Филиппа недовольство по этому поводу значительно выросло. После 1848 года стало общепризнанным, что кризис возник отчасти из-за отсутствия развитой кредитной системы» (Gille, 1959a, 370). Леви-Лебойе (Lévy-Leboyer, 1964, 699) находит, что у этих жалоб было «мало оснований», утверждая, что в 1840-х годах, когда строились железные дороги, финансовый рынок создавал впечатление жизненно важной части экономики Западной Европы. Но Леви-Лебойе действительно признает, что это было верно главным образом для Парижа и Брюсселя, а также для ряда других центров, и что «существовали серьезные лакуны» (р. 705). Это может быть ключом к разгадке того, что произошло на самом деле. Ален Плесси (Plessis, 1987, 207) указывает, что во время Июльской монархии Банк Франции открывал местные отделения, чтобы другие банки были вынуждены закрываться, в то время как в эпоху Второй империи он закрывал эти же филиалы при протестах местных нотаблей. Последние хотели, чтобы существовали и Банк Франции, и новые банки, поскольку это давало им разносторонние и конкурентные источники кредита.

¹⁰⁸ Кэмерон (Cameron, 1953, 487) дает следующую осмотрительную оценку: «Тщательно оценивая вклад в экономическое развитие *Crédit Mobilier* и его современников, необходимо принимать в расчет возможные взаимозачеты в его записях. Мешал ли экспорт капитала экономическому росту самой Франции? Мог ли *Crédit Mobilier* сделать более весомый вклад, ограничив свою деятельность собственной страной? Ни один краткий ответ на подобные вопросы не будет удовлетворительным, но в совокупности весомость ортодоксального экономического учения и особых экономических условий Франции того времени демонстрируют, что курс, проводившийся *Crédit Mobilier*, был направлен на достижение наибольшей общественной пользы».

«Конкуренция просто снижала риски продвижения займа на рынке в ситуации, когда неудачливый банкир предпринимал усилия, чтобы сбить на него цену... Однако конкуренция действительно стимулировала давление все большего объема денег на зачастую „озадаченных“ заемщиков... Словом, бизнес по предоставлению займов был монопольным (monopolescent)»¹⁰⁹.

Коллапс *Crédit Mobilier* придает достоверность данному анализу. Этот коллапс стал одной из составляющих в цепи событий, которые вели к пересыханию потока займов слабым государствам и, соответственно, к нарастанию кризисных явлений, которые после 1873 года перерастут в «великую депрессию»¹¹⁰.

Либералы достигли того, на что они рассчитывали в середине столетия. Долгий подъем мира-экономики и действия государств его центральной зоны (в особенности Великобритании и Франции) обеспечили последовательный процесс всемирной передислокации, по меньшей мере, до конца XX века. Это можно называть «сильным рынком» — одним из трех столпов либерального миропорядка, которому суждено стать великим достижением капиталистического мира-экономики в XIX и XX веках. Но у этого порядка было и еще два столпа: сильное государство и сильная межгосударственная система, и теперь мы обратимся к процессу их утверждения.

Абсолютные монархии не были сильными государствами. Абсолютизм был только подмошкой, с помощью которых слабые государства стремились стать более сильными. Лишь после 1789 года, в мир-системной атмосфере нормальности изменений и народного суверенитета, можно будет построить подлинно сильные государства, то есть государства, обладающие значительными бюрократическими структурами и достаточной степенью народного признания, которое в военное время может быть обращено в пламенный патриотизм. В центральных зонах мир-системы построить такие государства смогут именно либералы, и только они. Рост бюрократии был значимым спутником экономического роста — по меньшей мере, экономического роста такого уровня, на который теперь надеялись капиталисты и который был технологически возможен.

Разумеется, создание сильного бюрократического государства было длительным процессом, начавшимся еще в конце XV века. Спротивление

¹⁰⁹ Конечно, давать займы более бедным странам всегда легко. Как отмечает Дженкс (Jenks, 1927, 263), «правительства делают безотлагательные займы, поскольку они разрываются между стремлением к прогрессу и желанием расположить к себе налогоплательщика».

¹¹⁰ См. рассуждение Дж. Т. Ньюболда (Newbold, 1932, 429): «Более консервативные деловые дома, выжившие после британского финансового кризиса 1866 года и французского политического коллапса 1870 года, не горели желанием разбрасываться „хорошими“ деньгами после „плохих“ и изыскивать для турок, египтян и „либеральных“ республик Латинской Америки средства из капитала новых займов, которыми выплачивались бы проценты по старым... Поэтому оставалось лишь подождать, пока султан, хедив и полдюжины президентов объявят о своей неспособности выполнять собственные обязательства». Как утверждает Ньюболд, если добавить к этому последствия Гражданской войны в США, то можно легко понять «спекулятивную оргию 1869—1873 годов».

этой конструкции было реальным содержанием того, что мы называем Старым порядком, который в действительности присутствовал и в Британии примерно в той же мере, что и во Франции, как и фактически во всей Европе и в большей части мира. То, что с точки зрения родовой принадлежности можно назвать кольбертизмом, было попыткой превозмочь это сопротивление, забрав реальную власть с локального уровня и сконцентрировав ее в руках монарха. В лучшем случае это имело частичный успех. Якобинство было ничем иным, как кольбертизмом с республиканским лицом. В своей исходной форме оно умерло в 1815 году, но после этого битву за создание сильного государства подхватит либерализм. Но если кольбертизм и якобинство выражали свои намерения резко и явно, тот факт, что либералы отказывались признавать построение сильного государства в качестве своего намерения (а во многом именно это было их приоритетом), объяснялся, возможно, тем, что они оказались в состоянии добиться большего успеха, чем кольбертисты и якобинцы. Действительно, они настолько преуспели, что просвещенные консерваторы подхватили ту же самую цель, в целом стирая по ходу какие-либо идеологические различия между собой и либералами.

Конечно, капиталисты усматривали пользу сильного государства исходя из множества соображений. Одно из них заключалось в том, что сильное государство помогало им накапливать капитал¹¹¹, а второе — что оно гарантировало им этот капитал¹¹². Однако после 1848 года, если не раньше, капиталисты полностью осознали, что только сильное, то есть реформистское государство, способно оградить их от волны рабочего недовольства. Это хорошо понял Перейр: «„Сильное“ государство стало государством благосостояния крупного (*grand*) капитализма» (цит. в: Bouvier, 1967, 166). Разумеется, понятие «государство благосостояния» имеет в данном случае двойную коннотацию: имеется в виду, конечно же, благосостояние рабочих классов, но в равной степени и благосостояние капиталистов.

Викторианская Великобритания в пору ее расцвета считается средоточием антиэтатизма, и это вполне верно, что в то время «[большинство

¹¹¹ Домар (Daumard, 1976, 3:150) цитирует Бюрдо: «Теоретики [капитализма] повторяют лозунг *laissez-faire*, но бизнесмены требуют от законодателей *pouvoir faire* [средства для возможности что-либо сделать]. [Капиталистам] никогда не было достаточно того, что свобода позволяет им действовать — они желали свободы для того, чтобы быть активными».

¹¹² Весной 1914 года секретарь французского *Comité des Houillères* [комитета угольных шахт — *фр.*] Анри де Пейеримхофф произнес речь, в которой заявил о мировой экономической конкуренции: «На что мы можем рассчитывать... в этой борьбе? На наш капитал... Это сила, но это хрупкая сила, когда ее не поддерживают другие. Богачи, лишённые защиты, представляют собой наиболее соблазнительную жертву и самую желанную добычу. Эту роль играла Венеция, а затем Соединенные Провинции. Финансовые притязания амстердамского дома Хоупа^{***} ко всем правителям Европы, похоже, не производили сильного впечатления на гусаров Пишгрю, и я боюсь, что сундуки Светлейшей республики, на деле полупустые, привлекали Бонапарта больше, чем пугали его. Наши деньги работают на нашу империю до той степени, в какой наша империя будет способна защитить наши деньги» (цит. в: Bouvier, 1965, 175).

англичан] в целом с подозрением относились к государству и централизации» (Burn, 1964, 226)¹³. Но в столкновении конфликтующих интересов между теми (главным образом «либералами»), кто хотел, чтобы государство прекратило искусственно поддерживать сельскохозяйственные круги, и теми (главным образом «консерваторами»), кто склонялся в пользу локальной и более традиционной власти в сочетании с риторикой социальной заботы о бедных¹⁴, — в столкновении этих интересов последним было проще найти компенсацию за каждую победу свободной торговли, проталкивая определенный проект государственного вмешательства в промышленность. Бребнер называет это «танцем середины столетия, ... напоминавшим менуэт»: парламентская реформа 1832 года, первый Фабричный акт 1833 года, бюджет Пили 1841 года, Акт о шахтах 1842 года, отмена Хлебных законов в 1846 году, Билль о десятичасовом рабочем дне 1847 года. «Одной общей характеристикой [политических инициатив 1825—1870 годов] была последовательная готовность заинтересованных групп использовать государство для коллективных интересов» (Brebner, 1948, 64, 70)¹⁵.

¹³ Однако Бёрн отмечает и то, что те же самые англичане, когда у них «имелся тот или иной частный интерес, ... были готовы использовать действия государства для продвижения этого интереса».

¹⁴ Конечно, главной уловкой в этой битве была Спинхемлендская система, введенная в 1795 году и действовавшая до 1834 года. Хобсбаум (Hobsbawm, 1962, 200) называет ее «сделанной из лучших побуждений, но ошибочной попыткой гарантировать труженику минимальную заработную плату, субсидируя его заработки из местных налогов в пользу бедных», — ошибочной потому, что в действительности она сокращала заработки. Поланьи (Polanyi, 1957, 81) указывает, что она имела подобное воздействие лишь потому, что в то же самое время, в 1799—1800 годах, были приняты Антиккомбинационные акты. Тем самым консервативный порыв предотвратил создание свободного рынка труда, к которому стремились промышленники, но без какой-либо реальной выгоды для трудящихся классов. Фактически, продолжает Хобсбаум, эту проблему разрешили экономические либералы в своей «привычной проворной и безжалостной манере — заставляя [работника] искать работу за общественное жалование или эмигрировать». Миграция происходила в двух формах: из села в город (см. Cairncross, 1949, 70—71) и за океан. Последнюю стимулировало снятие ограничений на эмиграцию квалифицированных ремесленников (см. Clapham, 1930, 1:489 с анализом уехавших). Предшествующее рассмотрение этой темы см. в: Wallerstein (1989, 120—121 / с. 145 3 тома рус. изд.).

¹⁵ См. приложение к работе Бребнера (pp. 70—73), где приведен длинный список интервенционистских законов XIX века. Об отсутствии оппозиции социальному законодательству наподобие Фабричных актов со стороны классических экономистов пишет не кто иной, как Альфред Маршалл (Marshall, 1921, 763—764): «Ни Рикардо, ни кто-либо другой из его великого окружения, похоже, никогда не цитировались в качестве противников первых Фабричных актов». Маршалл указывает, что Тук, Маккуллох и Ньюмарк были их сторонниками, а Нассау-старший поначалу им противостоял, но затем также поддерживал. Эта готовность главных сторонников *laissez-faire* одобрять некоторые вмешательства государства в социальную сферу была следующим образом теоретически осмыслена другим либеральным экономистом, Стэнли Джевансом, в 1882 году: «Не следует ни максимизировать функции правительства по сигналу квазिवоенных чиновников, ни минимизировать их в соответствии с теориями

До 1848 года большинство аргументов средних классов в пользу социальной реформы было основано на «широко распространенном филантропическом энтузиазме и непростом осознании... зрелища нищеты, в которой были приговорены жить рабочие» (Halévy, 1947, 218). Однако революции 1848 года, которым британцы не могли помочь, но ощущали, что у них в стране революцию удалось предотвратить благодаря началу социального вмешательства государства, добавили к простому чувству вины ощущение политической значимости реформистского законодательства¹¹⁶. Таким образом, именно на самом пике классической эпохи английского либерализма «рост центрального правительства был поколеблен» (Katznelson, 1985, 274)¹¹⁷. Эти основания современного государства могли, как утверждал Эванс (Evans, 1983, 285), «лежать

лучших философов. Нужно научиться судить о каждом случае по его достоинству» (Jevons, *The State in Relation to Labour*, p. 171, цит. в: Clapham, 1932, 2:389). Утверждение Джевонса действительно является прекрасным примером того, что У.Л. Бёрн (Burn, 1949, 221) называет «либеральным противовесом» в Британии середины столетия: «Держался баланс, равновесие — как между разными классами и интересами, так и между „личностью” и государством. Этот баланс был создан примечательным изменением в духе времени, которое способствовало ему. Это изменение можно описать — и так его описывали современники — как подавление принципа целесообразности».

¹¹⁶ В Великобритании, указывает Алеви (Halévy, 1947, 326), это стимулировалось курьезным пережитком религиозных предрассудков: «Нужно представлять себе, какой переполох в 1850 году вызвала в Англии „папская агрессия”. Во всей романо-язычной Европе, в Австрии и Бельгии католицизм разгромил либерализм, атеизм и социализм. Ближе к концу 1851 года Луи-Наполеон, окруженный благословением всего епископата, низвергнет конституцию во Франции. Папская агрессия была ничем иным, как продолжением по ту сторону Ла-Манша этой католической реакции против враждебных сил, которые начиная с 1789 года — а с 1830 года с новой силой — угрожали ей повсеместно. Поэтому было неудивительно, что британское общественное мнение забило тревогу. На континенте поражение революции 1848 года было победой католицизма. Однако Англия избежала этой революции, и когда католическая реакция добралась до нее, она встретила с препятствием, которого больше не существовало на континенте, а именно с победой революции 1846 года, победой либерализма».

Джилберт А. Кейхилл (Cahill, 1957, 75—76) делает из такого же описания противоположный вывод: «1848 год, часто именуемый годом триумфа британского либерализма, в действительности оказался банкротством этой идеологии перед лицом внешних и внутренних угроз. Год революции стал победой британского национализма, поддержанного и усиленного антифранцузскими и антикатолическими настроениями... Британский успех 1848 года был достижением патриотической прессы, которая, ассоциируя между собой требование расторгнуть унию Великобритании и Ирландии, французский радикализм, либерального папу, ирландский папизм и демократический чартизм, снизила напряженность внутреннего социального беспокойства».

¹¹⁷ С 1797 по 1869 годы центральная бюрократия выросла в 15 раз. «Унитарное... английское государство концентрировало перераспределительную публичную политику в центре в результате принятия закона о бедных 1834 года, актов об общественном здоровье 1848, 1866, 1872 и 1875 годов, полицейских актов 1839 и 1856 годов и актов о продовольствии и медикаментах 1860 и 1872 годов».

в самом сердце бури»¹¹⁸. Однако либерализм в духе Гладстона был «беспокойным, реформаторским кредо» (Southgate, 1965, 324), хотя и без малейшей видимости какой-либо приверженности экономическому равенству.

Как было показано, источником гладстоновского реформизма был бентамизм¹¹⁹. Результатом этого была так называемая административная революция, которая трансформировала функцию государства в направлении «нового и более или менее сознательного фабианства» (MacDonagh, 1958, 60)¹²⁰. Мало-помалу «ученики Смита и Рикардо [подошли к пропаганде ряда] социальных реформ, которые несло сильное патерналистское государство» (Roberts,

¹¹⁸ Эванс (р. 289) усматривает в этом «высшую иронию», но в рамках нашего исследования никакой иронии здесь нет. Как утверждает сам Эванс, «никто не знал лучше или не думал, что знает лучше, как управлять наиболее эффективно и наименее убыточно, чем эти философы *laissez-faire* второй генерации, бентамиты-утилитаристы». Впредь эти бентамиты-утилитаристы и их последователи во многих ипостасях будут иметь постоянную роль, поскольку вместе с ростом мощи государства пришел и «рост мощи фигуры эксперта» (Kitson Clark, 1967, 167).

¹¹⁹ См. Coates (1950, 358): «Бентам стремился осуществить свои реформы именно посредством неограниченного использования законодательной мощи государства». См. тж. Checkland (1964, 411): «Бентамизм предполагал отождествление наиболее важных задач общества и предписывания средств для их выполнения; он означал наличие специального законодательства с инспекторами в поле и администраторами в централизованных конторах. Он предполагал, что депутаты парламента, как и Бентам, мыслят с точки зрения „повестки дня“». Между 1852 и 1867 годами данная повестка включала появление полицейских сил, тюрем, благотворительных школ, врачей и ветеринарии — все это регулировалось и пропагандировалось государством. См. Burn (1964, 167—226).

По поводу бентамизма и государства вполне ясно высказался Джон Мейнард Кейнс в своей книге «Конец *laissez-faire*» (Keynes, 1926, 45—46): «Государственный социализм XIX века происходил от Бентама, свободной конкуренции и т. д. и в некоторых отношениях более явно, а в некоторых более смутно являлся в точности той же философией, что и индивидуализм XIX века. И там, и там в равной мере делался акцент на свободу: в первом случае — в негативном смысле, как избежание ограничений для существующей свободы, а во втором — в позитивном, как уничтожение естественных или искусственно созданных монополий. Государственный социализм и индивидуализм были разными реакциями на одну и ту же интеллектуальную атмосферу».

¹²⁰ Это изменение было вполне прагматичным: «Масштабным предметом подобных перемен были естественные ответы на конкретные повседневные проблемы, фактически выдвленные на поверхность острыми потребностями дела» (р. 65). Аналогичный вывод делает Эйделотт (Aydelotte, 1967, 226): «Сейчас является общепризнанным, что XIX век [в Великобритании] был не периодом административного нигилизма, а, напротив, одним из быстрых и значимых промежутков развития государственного регулирования социальной сферы». См. тж. Watson (1973, 70): «Невозможно всерьез усомниться в том, что во время правления Виктории уровень правительственной активности рос, причем значительно». Критику данных представлений см. в: Hart (1965) и Parris (1960).

1958, 335). А затем, на последнем такте, английский либерализм, заново определенный в подобном духе, «нашел дополнительное воплощение в Консервативной партии,... фактически реализовавшей определенные либеральные принципы, которым в ином случае... угрожало забвение» (Ruggiero, 1959, 135).

Во Франции сложилась примечательным образом аналогичная ситуация. Здесь *laissez-faire* тоже стало «господствующим лозунгом», но и здесь «практика довольно отличалась от теории», а «власть предрешающие также осознавали значимость промышленного фактора в глобальной борьбе за превосходство — мирной, но затем склонной становиться воинственной» (Léon, 1960, 182)¹²¹. Кроме того, во Франции XIX век также стал столетием, когда было построено сильное государство. Конечно, это был и будет длительный процесс — от Ришелье к Кольберу, а далее к якобинцам, Наполеону, цензурным монархиям, Второй империи, Третьей и Пятой республикам¹²². Однако во многих отношениях Вторая империя представляла собой ключевой шаг вперед, или, может быть, лучше сказать, что Вторая империя ознаменовала собой закрепление данной структуры, поскольку она заложила основы для ее всенародного признания. Луи-Наполеон был в состоянии сделать это, поскольку, как утверждал Гизо (цит. в: Pouthas, 1983, 144) с призывом завистливого восхищения, он воплощал в одно и то же время «национальную славу, революционную гарантию и принцип порядка»¹²³.

Что удалось Наполеону III, так это установить принцип государства всеобщего благосостояния сверху донизу. Вторая республика вынесла «социальный

Важно помнить, что это было изменение в практике, а не в теории. В большей части Европы в то время господствовала фритредерская доктрина. Действительно, Чарльз П. Кайндлбергер (Kindleberger, 1975, 51) рассматривает общераспространенное обращение к свободной торговле между 1820 и 1875 годами как свидетельство того, что Европа была «единым организмом, который двигался к свободной торговле по идеологическим или, возможно, лучше сказать, доктринальным соображениям». Но затем, после Великой депрессии, Европа отойдет от свободной торговли из прагматических соображений. Реальность оставалась превосходящей теорию.

¹²¹ Значительным различием между Францией и Великобританией в середине столетия, учитывая соотношение их сил в мире-экономике того времени, является то, что французское государство, в отличие от британского, никогда не отказывалось от вмешательства в коммерческую сферу.

¹²² «Рационализация государственного управления началась задолго до революции [1789 года] и с тех пор не останавливалась» (Théret, 1991, 141–142). См. тж. Fontvieille (1976, 2011) о постоянном расширении государства начиная с 1815 года: «Статистически экспансия государства объясняется [*déterminée*] его растущим вмешательством в экономическую структуру».

¹²³ Карл-Фердинанд Вернер (Werner, 1977, xi–xii) усиливает высказывание Гизо: «Бонапартизм, несмотря на то, что в определенной мере нельзя отрицать его консервативные, даже реакционные особенности, требовал от своих сторонников приверженности идеям нации и революции 1789 года в той ее версии, которая была санкционирована Наполеоном I... Политически организованный и голосующий на выборах народ более не был подданным государя, а выступал подлинным сувереном, которому должен был служить даже президент, выбранный путем плебисцита, даже император... Всеобщее право голоса, идеалы свободы, равенства и братства, идея

вопрос» на передний план пресловутой повестки дня, утверждая, что суверенитет всего народа контрастировал с «трагической нищетой жизненных условий некоторых людей» и противоречил ей. С этой точки зрения, представлялись возможными два вывода: такое определение народного суверенитета, которое привело бы к «неограниченной политической власти», либо «абсолютное отрицание политической власти» (*pouvoir*), что было чревато превращением общества в «нечто неуправляемое» (Donzelot, 1984, 67, 70). Бонапартизм представлял собой первое определение, никогда не забывая о том, что ему приходилось использовать власть для обеспечения ответа на «социальный вопрос».

В первое десятилетие у власти Наполеон III восстанавливал порядок репрессивными мерами, использовал государство для введения общественных работ и модернизации банковской системы, а также заключил договор о свободной торговле с Великобританией 1860 года. В этот период Наполеон III был прежде всего озабочен созданием «среды, благоприятной для промышленных капиталистов», то есть такой атмосферы, в которой рабочий класс можно было бы «сдерживать» (Kemp, 1971, 181)¹²⁴. Как только это было достигнуто, Наполеон III обратился к интеграции трудящихся классов в политический процесс. После 1858 года он стал довольно популярен среди рабочих. Это были годы великого процветания, годы политической реформы, годы, когда Франция поддерживала угнетенные нации в Италии и других местах. Появилась и пробонапартистская рабочая группа (Kulstein, 1962, 373—375; тж. Kulstein, 1964). В этой атмосфере нарастала конкуренция между республиканцами, роялистами и самим принцем Наполеоном за расположение рабочих. Все они поощряли кооперативы, исходя из того, что подобные организации не были «несопоставимы со свободной экономикой, в которую все они верили» (Plamenatz, 1952, 126)¹²⁵.

Различными путями Наполеон III стремился «стать ближе к новым социальным левым» (Duverger, 1967, 156)¹²⁶. В 1864 году он легализовал

гражданства — все это представляло собой выжившие достижения революции, что в умах их поборников, впрочем, не означало, что сильной и централизованной власти не требовалось предотвращать будущие революции».

¹²⁴ Буржен (Bourgin, 1913, 224) также отмечает, что «рабочий класс ощущал, что руки его связаны,... что авторитарный император... в конфликтах, связанных с заработной платой, отчетливо занимал позицию против рабочего класса. В то же время невозможно сбросить со счетов... филантропические занятия, которые были, возможно, исключительной особенностью Второй империи».

¹²⁵ Принц Наполеон даже назначил делегацию рабочих для посещения Всемирной выставки в Лондоне в 1862 году. Однако, оказавшись там, они приняли участие в формировании Международной ассоциации рабочих (Первого Интернационала) и по возвращению порвали свои отношения с принцем.

¹²⁶ Однако, как настаивает Буржен (Bourgin, 1913, 232), «государство колебалось в своем отношении к рабочим». Кроме того, добавляет Буржен, это колебание было обоснованным: «По мере того, как империя шла на уступки, которые подрывали ее авторитарную базу, рабочие начинали ощущать, что их сила растет, и убеждаться, что государство, которое успешно запугивало и ласкало их, разваливалось на части».

профсоюзы и забастовки, что представляло собой, по словам Анри Сэ (Sée, 1951, 2:342), «очень значимое событие в социальной истории Франции»¹²⁷. Действительно, режим использовал свои попытки «улучшить условия жизни рабочих и нуждающихся» в качестве центральной темы своей пропаганды, хвастая помощью нуждающимся «от колыбели до могилы» (Kulstein, 1969, 95, 99)¹²⁸. Будучи первым из «демократических бонапартистов», Наполеон III стремился к программе, которая «сделала бы массы консервативными, ... дав им нечто, что можно сохранить (conserve)» (Zeldin, 1958, 50). Именно в этом смысле он сделал возможным завершение проекта превращения Франции в либеральное государство — проекта, который будет освящен конституцией 1875 года¹²⁹. Кроме того, Франция была не только либеральным, но и национальным государством, и именно Франция узаконила отождествление этих двух признаков в Европе XIX века¹³⁰.

Третьим столпом британского/либерального мирового порядка была сильная межгосударственная система. Священный Союз Меттерниха не считался шагом в этом направлении, поскольку его тягостное вмешательство было склонно подогревать брожение в националистических котелках, одновременно пытаясь жестко удерживать отверстия для выпуска пара из этих котелков на прежнем месте, — как покажет 1848 год, это был надежный стимул для дальнейших революций (либо же такова была точка зрения британцев и французов). Британцы в качестве державы-гегемона и наиболее сильного актора в мире-экономике того времени хотели как можно больше свободной торговли, что означало как можно больше политических решений при минимальной потребности в военных расходах. Британцы стремились следовать своим путем без необходимости постоянно прибегать к силе для осуществления этого. Короче говоря, они желали стабильности и открытости

¹²⁷ Сэ отмечает, что сохранялись и различные ограничения, но тем не менее утверждает, что этот закон представлял собой «серьезный шаг вперед, тем более, что вплоть до самого момента его принятия бастующие рабочие по-прежнему обвинялись судебными властями».

¹²⁸ Однако Брюно Тере (Théret, 1989, 1160) весьма здравомысленно напоминает, что «„социальный“ имидж Второй империи немногого стоит, ... если пристально взглянуть на статистику государственных расходов».

¹²⁹ Домар (Daumard, 1976, 138) определяет данный проект следующим образом: «Французы последовательно превращались из подданных в граждан».

¹³⁰ См. Woolf (1992, 101): «Можно утверждать, что французская модель — возможно, даже больше, чем британская — была ключевой в этом процессе создания политической идеи современной (modern) Европы именно потому, что в руках либералов национальная идентичность сочеталась с лидирующей ролью, придаваемой государству. Ведь одной из наиболее примечательных черт этого наследия наполеоновских лет было растущее отождествление либерализма и стандартизованных административных реформ в качестве способа формирования единой государственной идентичности... Когда в XIX веке новые нации-государства достигали независимости, их правительства настаивали на использовании тех же самых методов против того, что они рассматривали в качестве рисков антинациональных региональных или этнических идентичностей».

в той степени, насколько это служило их экономическим интересам. Конечно, в некотором смысле данная цель не была новой. Однако в середине столетия британцы смогли более честно признать это и на протяжении недолгого времени получить значительную выгоду от плодов подобной политики. Разумеется, как заметил Каннингем (Cunningham, 1908, 869),

«можно с определенной справедливостью утверждать, что система свободного [экономического] взаимодействия была благоприятна для Англии, поскольку она достигла особенной стадии развития в качестве промышленной нации, однако данный порядок не обладал такими же преимуществами для тех стран, где экономическая система была менее передовой».

Причем это происходило потому, что, как утверждал Массон (Musson, 1972b, 19), фритредерство в действительности является просто еще одной протекционистской доктриной — в данном случае под протекцией оказываются преимущества тех, кто в определенный момент времени обладает более высокой экономической эффективностью¹³¹.

Не следует забывать и о том, что в той мере, насколько вообще можно говорить о преобладании свободной торговли в капиталистическом мире-экономике XIX века (или, по меньшей мере, среди европейских держав), главным образом это был сюжет, связанный с кондратьевской фазой А середины столетия (1850—1873). «XIX век начался и закончился в Европе... с ограничений международной торговли» (Bairoch, 1976a, 11)¹³², причем это были довольно суровые ограничения — Континентальная блокада в начале этого промежутка и множество протекционистских тарифов в конце.

¹³¹ «[Свободная торговля] представляла собой такой же протекционизм, как и старая меркантилистская политика: оно было направлено на предотвращение или отсрочку роста иностранной промышленной конкуренции — предполагалось, что зарубежные страны будут обменивать свои продукты питания или сырьевые материалы на британские мануфактурные товары, которые в силу своей дешевизны утопят иностранную промышленность».

Отмечая, что преференционные тарифы для британских колоний были полностью отменены лишь в 1860 году (но, разумеется, они будут вновь введены в последней трети столетия), Роберт Л. Шайлер (Schuyler, 1945, 246) утверждает: «Британцам больше не было никакой необходимости заявлять о себе на весь мир, чтобы проложить дорогу для своей торговли — торговля сама стала их защитой». А Эванс (Evans, 1983, 31), рассматривая прежнюю британскую «страсть к торговым договорам» в 1780-х годах, которую он связывает с попыткой преодолеть состояние «резкой изоляции в Европе» после окончания Американской войны за независимость, отмечает, что был заключен лишь один такой договор — договор Идена с Францией 1786 года. Однако этот договор, утверждает Эванс, «оказался первым намеком на ту замаскированную монополию, которой Британии суждено воспользоваться в качестве первой промышленной нации в мире. Либерализация торговли рано или поздно должна была оказаться благоприятной для наиболее эффективных производителей» (о договоре Идена см. Wallerstein, 1989, 87—93, сс. 107—114 3 тома рус. изд.).

¹³² Байрош (Bairoch, 1973, 561—562) характеризует 1860—1880/90 годы как «европейский опыт свободной торговли», в ходе которого произошел «более быстрый

Сама Великобритания лишь понемногу покорилась достоинствам свободной торговли. Политические экономисты в Министерстве торговли были уверены, что принятие Хлебных законов в 1815 году было стимулом для образования германского *Zollverein* [Таможенного союза — нем.], который беспокоил их вдвойне. Таможенный союз продолжил процесс развития конкурирующих мануфактур в германских государствах, а также стремился отрезать британцев от использования этих государств в качестве «великолепной базы для контрабанды» в Пруссию, Баварию, Австрию и Россию, как это было прежде (Clapham, 1930, 1:480—481; Kindleberger, 1975, 33—34)¹³³. В 1830-х годах беспокойство относительно конкурирующих мануфактур нарастало¹³⁴. Этот фактор вкупе с рассмотренными выше внутренними соображениями объяснял действия Пиль в 1840-х годах. Вспомним, что Пиль не был идеологом фритредерства — это был не Кобден. Пиль, используя уместное определение Шайлера (Schuyler, 1945, 134), был «реформатором, действовавшим в рассрочку, не склонным доводить теории до их логического конца»¹³⁵.

Важнейшей темой, связанной со свободной торговлей, или, скажем так, темой, которая привлекала наибольшее внимание общественного мнения, в Великобритании было то, что можно назвать «либеральным интервенционизмом». Для британцев свобода торговли была доктриной, нацеленной на предотвращение любых действий других государств, которые могли бы навредить британским предприятиям. В этом смысле в качестве первого

рост межъевропейской торговли». В более поздней статье (Baigoch, 1989, 36) он приводит другую датировку: 1860—1879 годы. Поланьи (Polanyi, 1957, 19) отдельно называет 1846—1879 годы «фритредерским эпизодом». Формально Великобритания приняла принцип свободной торговли в 1846 году.

¹³³ Кайндлбергер делает следующий вывод: «Исходя из этого, отмена Хлебных законов была мотивирована „фритредерским империализмом“ — желанием получить монополию в мировой торговле мануфактурными товарами. *Zollverein* в 1830-х годах просто обозначил необходимость поторопиться».

¹³⁴ См. Cain (1980, 19): «Попытки, предпринятые в 1830-х годах с целью вынудить европейские страны пойти на уступки на основе взаимности, часто базировались на представлении о том, что должно существовать некое „естественное“ разделение труда между промышленной Британией и сельскохозяйственной Европой. Эти переговоры не увенчались успехом — главным образом потому, что странам типа Франции было суждено избежать зависимости от Британии ради своих мануфактурных товаров».

¹³⁵ Именно этот центристский компромисс позволил последующим наблюдателям сделать столь противоположные оценки его действий. С одной стороны, Дженкс (Jenks, 1927, 126) утверждал, что отмена Хлебных законов (а также железнодорожный бум) «принесли с собой революцию в условиях внешней торговли Великобритании, столь же полную, [сколь и изменения в производстве при предыдущих поколениях]». Примерно в это же время Дерек Уокер-Смит (Walker-Smith, 1933, 17, 27—28), сам будучи консервативным протекционистом, утверждал: «Пересмотр тарифа Пилем был шагом в направлении не свободы торговли, а научного и постепенно менявшегося протекционизма... Протекционистское строение было приведено в порядок. В это время некоторым могло показаться, что новый тариф и пересмотренная скользящая шкала были лишь тонким концом края свободной торговли... [Но] Пиль, будучи столь же

крупного успеха либерального интервенционизма можно рассматривать движение против рабства (а также против работорговли). Ранее мы уже обсуждали, в какой степени британское аболиционистское движение было обусловлено экономическими соображениями (Wallerstein, 1989, 143—146 / сс. 177—180 3 тома рус. изд.)¹³⁶. Здесь же хотелось бы отметить то, насколько движение против рабства обеспечивало саму модель либерального реформизма, — момент, который подчеркивает Блэкберн (Blackburn, 1988, 439—440):

«Во времена полной смуты выступления против рабства помогали реформаторам из среднего класса выдвинуть на первый план их социально-экономические идеалы... [Движение против рабства] обеспечивало модель законодательства, продиктованную общей политикой, а не частными интересами. Эта модель оправдывала вмешательство государства в регулирование соглашений с рабочим классом, при этом освящая данные соглашения как таковые. Сторонники освобождения рабов представляли это как меру, обеспечивающую экономический стимул через расширение рынка — свободный рабочий сам был потребителем»¹³⁷.

Та же самая либеральная вера в легитимность руководимого государством реформизма относилась и к свободной торговле. Насильственное превращение Индии из экспортера хлопковых тканей в экспортера хлопко-сырца позволила владельцам британских хлопковых мануфактур беспрепятственно перехватить торговлю хлопком, как только британское государство «обезопасило Ланкашир от любой угрозы индийской конкуренции на европейских рынках» (Farnie, 1979, 100)¹³⁸. 22 января 1841 года Пальмерстон сказал Окленду: «Дело правительства — открывать и обеспечивать дороги торговцу»

сильным, как и возглавляемая им партия, твердо придерживавшаяся протекционистской системы, усиленной и улучшенной им и его сторонниками».

¹³⁶ Сеймур Дрешер (Drescher, 1981, 18) уверенно отстаивает идею, что движение против рабства было «способом универсализации представления о мире единого среднего класса» или отвлечением от внутренних реформ, рассматривая это движение скорее как «обеспечивающее гуманистическое направление, на фоне которого противоположная ему капиталистическая эксплуатация могла быть очень существенно ограничена в довольно специфических рамках». Робин Блэкберн (Blackburn, 1988, 250), склонный придавать куда более значительную роль экономическим факторам, тем не менее приходит к выводу, что «рабство было свергнуто не по экономическим соображениям, а там, где оно было политически непригодно». Блэкберн, в сущности, имеет в виду степень сопротивления рабов и уровень социальной мобилизации сторонников отмены рабства. Но такой подход представляется мне искусственным разделением экономической и политической сфер.

¹³⁷ Блэкберн (р. 430) также отмечает, что сходство между реформой и аболиционизмом никоим образом не было продуктом парламентской калькуляции. Оба движения поставили под вопрос то, что они рассматривали в качестве аномальных типов собственности... Движение против рабства помогало мобилизовать средние классы (а вслед за ними и народ) без опасности, что они совершат революцию».

¹³⁸ Процесс деиндустриализации не только в Индии, но и на других территориях, вновь инкорпорированных в мир-экономику, рассмотрен в: Wallerstein (1989, 149—152 / сс. 186—188 3 тома рус. изд.).

(цит. в: Platt, 1968b, 85)¹³⁹. Применяя данную логику даже к европейским государствам, один из депутатов парламента от партии вигов в дебатах 1846 года мог рассматривать свободную торговлю в качестве благоприятного принципа везде, где «иностранные нации станут для нас ценными колониями без возложения на нас ответственности по управлению ими»¹⁴⁰. Это ощущение под-
вернувшейся выгоды могло вести к «псевдорелигиозной вере» (или же было на ней основано?), что хлопковые мануфактуры были более жизненно важными для «социального обновления» цивилизации, чем изящные искусства, дорогие для Джона Рёскина*, как утверждал в 1870 году некто Р.Х. Хаттон: «Если нам придется выбирать между Тицианом и ланкаширской текстильной фабрикой, то в таком случае во имя человечества и моральности подайте нам текстильную фабрику» (Farnie, 1979, 87—88)¹⁴¹.

¹³⁹ Плэтт комментирует это высказывание так: «Все викторианцы — политики, торговцы и чиновники — были согласны, что открытие мира для торговли было той целью, преследование которой можно было ожидать от государства. Они вполне могли иметь разногласия относительно средств, но они разделяли веру в цели; они верили, что можно было автоматически рассчитывать на материальный и даже моральный прогресс от расширения торговли. Ричард Кобден, например, резко возражавший против англо-китайских войн, приветствовал их результат — открытие Китая для мировой торговли. Он утверждал, что открывать рынки острием штыка было неверным с точки зрения морали, но на практике доступ на эти рынки послужит взаимной выгоде и в конечном итоге приведет к такой экспансии торговли, которая будет лучшей гарантией мира во всем мире. Большинство чиновников, находившихся в Лондоне, разделяли точку зрения Кобдена».

¹⁴⁰ *Parliamentary Debates*, 3d ser., LXXXIII, 23 February 1846, 1399—1400, цит. в: Semmel (1970, 8). Конечно, были и те, кто осознавал хрупкость преимуществ свободной торговли или, скорее, их временность и делал из этого вывод, что ее не следует использовать вовсе. Одним из этих людей был Дизраэли. В 1838 году он выступал против отмены Хлебных законов, исходя из того, что было бы «иллюзией» предполагать, будто европейские страны «потерпят Англию в качестве мастерской мира». Конечно же, в долгосрочной перспективе он был прав. В речи 1840 года Дизраэли напомнил парламенту, что голландцы тоже некогда относились ко всей Европе как к «собственному хозяйству» (*Parliamentary Debates*, 3d ser., XLI, 13 March 1838, 940; LIII, 1 June 1840, 383—384; цит. в: Semmel, 1970, 155).

В ходе великой парламентской дискуссии 1846 года об отмене Хлебных законов Дизраэли призывал к среднему пути между запретительной протекцией и неограниченной конкуренцией. В качестве примеров каждой из двух крайностей он приводил Испанию и Турцию, говоря об Османской империи так: «Долгое время там всецело использовалась система абсолютной конкуренции — на деле не из какой-либо философской убежденности в этой политике, а из надменного безразличия, с которым раса завоевателей склонна рассматривать торговлю. В Турции была свободная торговля, и что она дала? Она разрушила некоторые из прекраснейших мануфактур в мире» (цит. в: Holland, 1913, 265). Конечно, данная точка зрения является несколько показной, поскольку она оставляет без внимания ту роль, которую в этом уничтожении турецких мануфактур сыграла фритредерская англо-турецкая торговая конвенция 1838 года (см. Wallerstein, 1989, 176—177 / сс. 218—219 3 тома рус. изд.).

¹⁴¹ Хаттон написал это в статье под заголовком «Философия искусства г-на Рёскина» (Hutton, *Mr. Ruskin's Philosophy of Art* // *Spectator*, 6, August 1870, p. 953).

Свободная торговля стала фритредерским империализмом, используя ставшую знаменитой формулировку Джона Галлахера и Рональда Робинсона (Gallagher and Robinson, 1953, 2—3, 11, 13), но следует постоянно помнить и об их ключевом определении: «Британская политика следовала принципу контроля — по возможности неформального и при необходимости формального». Оккупировать или присоединить длинный ряд колоний было очевидно необходимым даже в годы свободной торговли в середине столетия (которые предшествовали всем известной схватке за колонии в последней трети XIX века) — вплоть до того, что этот период, далеко не являвшийся эпохой «безразличия», можно рассматривать как «решающую стадию» в британской заморской экспансии, которая сделала возможным сочетание коммерческого проникновения и колониального владычества. В результате Великобритания могла «распоряжаться теми экономиками, которые можно было наилучшим образом встроить в ее собственную экономику»¹⁴². Хотя вмешательство считалось чем-то неприятным, оно вскоре стало легитимным везде, где представлялась опасность для торговых путей в Индию или же возникала «тревожная угроза» британскому положению в мире-экономике, которую, как считалось, причиняла «нечестная» деятельность торговых держав-соперников (Platt, 1968b, 32).

Несмотря на «сердечное согласие» и фактическое сотрудничество Великобритании и Франции в деле утверждения либерального миропорядка, Франция была не слишком склонна к отказу от явного протекционизма, ведь она уже сделала это на короткий период в 1786 году с неудачными результатами (Wallerstein, 1989, 87—93/с.с. 98—103 3 тома рус. изд.). Великобритания, как и Франция, после 1815 года, тоже сохраняла протекционизм, хотя и несколько более интенсивный¹⁴³. Когда Великобритания двигалась к фритредерскому протекционизму, французы твердо держались на месте по причинам, которые представлялись им довольно убедительными, что демонстрирует речь некоего французского промышленника, обращенная к его коллегам в 1845 году:

¹⁴² Список новых колоний, приобретенных в рассматриваемые годы, включает Новую Зеландию, Золотой берег, Лабуан, Наталь, Пенджаб, Синд, Гонконг, Берар, Ауд, Нижнюю Бирму, Коулун, Лагос, окрестности Сьерра-Леоне, Басутоленд, Грикваланд, Трансвааль, а также происходила дальнейшая экспансия в Квинсленд и Британскую Колумбию. Бернард Семмел (Semmel, 1970, 203) согласен, что «утверждение о политике середины Викторианской эпохи как об „антиимпериализме“ — это миф». Д. Плэтт (Platt, 1973, 90) уместно замечает, что «в течение этого периода, ... с 1830 по 1860 годы, стимулы и возможности для быстрой экономической экспансии [Британии] в тех регионах „неформальной империи“, где ее торговля была еще далеко не существенной — в Латинской Америке, Леванте и на Дальнем Востоке, — попросту отсутствовали».

¹⁴³ Великобритания откажется от промышленного протекционизма только в 1820-х годах и будет держаться за протекционизм в торговле до 1846 года, а в судоходстве до 1849 года. Франция же в меньшей степени хотела смягчать ограничения. Для монархии эпохи Реставрации, за плечами у которой была наполеоновская Континентальная блокада, требовалось сделать сознательный экономический выбор: «Выбор

«Господа, не обращайтесь на теорию, которая заявляет о свободе торговли. Эта теория была провозглашена Англией в качестве истинного закона торгового мира только тогда, когда вслед за долгой практикой практически абсолютных запретов она вывела свою промышленность на столь высокий уровень развития, что больше не осталось такого рынка, на котором какая-либо другая крупная индустрия была бы способна конкурировать с английской»¹⁴⁴.

Действительно, в начале 1840-х годов Франция пыталась, хотя и безуспешно, создать таможенный союз с соседними государствами с целью усиления своего промышленного положения относительно Великобритании¹⁴⁵.

Поэтому может показаться удивительным, что наибольшим европейским успехом фритредерской дипломатии Великобритании в середине века было подписание так называемого договора Шевалье-Кобдена — англо-французского торгового соглашения 1860 года, которое «представляло собой самое значимое соглашение о либерализации торговли в XIX веке» (O'Brien and Pigman, 1992, 98). Что же произошло?

Этот договор повлиял на все наиболее значимые отрасли промышленности. Франция отменила свои запреты и ограничила пошлины, взимаемые со стоимости товаров, которые в течение шести месяцев следовало заменить пошлинами по отдельным видам товаров. Великобритания согласилась впустить к себе беспошлинно почти все французские товары, за важным исключением вина. Уголь предполагалось экспортировать беспошлинно из обеих стран. Но поскольку Великобритания была экспортером, а Франция — импортером, в действительности данный пункт представлял собой уступку с британской стороны, которая вызвала в Великобритании значительное противостояние. Кроме того, договор содержал пункт о стороне наибольшего благоприятствования, подразумевавший, что Великобритания автоматически выиграет от того, в какой степени Франция вступит во взаимные соглашения о снижении тарифов с другими европейскими странами. Каждый новый договор, в свою очередь, содержащий подобный пункт, быстро способствовал общему сокращению тарифов, и в результате «за десятилетие или около

1814 года был вполне очевиден: французская политика свяжет максимальную экономическую свободу внутри страны с максимальным протекционизмом на международном рынке» (Démier, 1992, 97). Крузе (Crouzet, 1972b, 103) комментирует это следующим образом: «Однако более резонным было бы признать, что протекционизм [в период после 1815 года] был абсолютно необходим для континентальной промышленности. Французская ошибка заключалась в том, что он был доведен до крайности — до прямого запрета большинства иностранных мануфактурных товаров».

¹⁴⁴ Léon Talabot, *Conseil général des manufactures: Session de 1845* (1846, 4), цит. в: Lévy-Leboyer (1964, 15).

¹⁴⁵ Подобный союз был почти достигнут с Бельгией в 1842 году, и уже шли разговоры о расширении его на Нидерланды, Швейцарию и Пьемонт, когда «совместное противостояние французских финансовых кругов и внешнеполитических ведомств других великих держав, которые опасались возрождения французского влияния, фактически задушило этот проект» (Cameron, 1961, 37).

того... Европа подошла к свободной торговле как никогда близко за весь период вплоть до окончания Второй мировой войны» (Cameron, 1989, 277)¹⁴⁶.

Британская фритредерская дипломатия всегда была нацелена на Францию. Последняя, конечно, была крупным торговым партнером Британии, но, что еще более важно, Франция была страной, с которой Великобритания имела наибольший и наиболее устойчивый дефицит в балансе торговли (Bairoch, 1976a, 46)¹⁴⁷. Начиная с 1815 года каждая поспешная попытка Великобритании заключить торговый договор с Францией кончалась неудачей. В действительности договоренности были половинчатыми с каждой из сторон, поскольку обсуждавшиеся условия всегда предполагали обязательную взаимность, а прежде всего, несомненно, потому, что французское правительство «было не в силах контролировать протекционистские палаты депутатов» (Dunham, 1930, 101)¹⁴⁸. Однако при Наполеоне III произошло изменение, заключавшееся в его стремлении консолидировать либеральное государство. Точно так же, как спустя десятилетие после репрессий в отношении революционеров, Наполеон придет к признанию профсоюзов, через десять лет государственного усиления французской экономики он будет стремиться к франко-британскому договору 1860 года. Он смог реализовать эту задачу эффективно именно потому, что сделал это втайне, посредством своей авторитарной власти. В один прекрасный день он просто объявил о договоре в письме к министру императорского двора Ашилю Фульду, и это немедленно было признано «новым государственным переворотом Наполеона III» (Bairoch, 1970, 6)¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Таким образом, «договор 1860 года служил в качестве первого звена в длинной цепи торговых соглашений» (Dunham, 1930, 142). Важно понимать, что данный договор представлял собой «существенные уступки с обеих сторон» (Condliffe, 1951, 222). Одним из значимых, но часто упускаемых из виду последствий этой фритредерской интерлюдии было ее воздействие на географию мировой торговли. Если в 1790 году внутриевропейская торговля составляла 76% от европейской международной торговли, то промежуток 1800—1860 годов был периодом растущей географической диверсификации, которая затем развернулась обратно в 1860—1880/1890 годах, чтобы вновь возобновиться впоследствии. Однако это движение не следует преувеличивать. На протяжении столетия внутриевропейская торговля составляла не менее чем две трети от общего объема торговли. См. Bairoch (1974b, 561—563).

¹⁴⁷ Великобритания была в том же положении относительно Франции, что и Соединенные Штаты позднее окажутся в отношении Японии в 1980-х годах и Китая в 1990-х годах и начале XXI века.

¹⁴⁸ Данхем продолжает: «Но даже если бы договор был подписан в 1840 или 1852 годах, он бы мало чего достиг, поскольку в каждом случае не было идеи, скольконибудь большей, чем ограничительное соглашение по ряду товаров». Кроме того, ни в одной из предыдущих попыток никак не ставился вопрос по пункту о стороне наибольшего благоприятствования.

¹⁴⁹ Клод Фолен (Fohlen, 1956, 418) утверждает, что в долгосрочной перспективе Наполеон III заплатил за этот свой жест высокую политическую цену: «Един-

Для Наполеона III в обсуждении условий этого договора были значимы не экономические изменения, которые он нес, а культурный смысл. Подписание договора означало полную приверженность Франции идее либерального государства. С экономической точки зрения это была «кульминация, а не начало открытия французской экономики» (Mokyr and Nye, 1990, 173). Это было не более чем движение от открыто протекционистской системы к «умеренно протекционистскому режиму» (Rist, 1956, 943; срв. Coussy, 1961, 3)¹⁵⁰.

Каковы были его экономические последствия? Артур Луис Данхем (Dunham, 1930, 1–2) утверждает, что он оживил «умирающую французскую промышленность... при помощи шедшего ей на пользу давления иностранной конкуренции»¹⁵¹. Однако Байрош (Bairoch, 1972, 221) не уверен, что Франция получила экономические выгоды — скорее, утверждает он, «либерализация торговли существенно замедлила [французский] экономический рост»¹⁵².

В целом предполагалось, что свободная торговля окажет хорошую службу Великобритании, и как ее сторонники, так и ее враги были склонны соглашаться, что с британской точки зрения это «с самого начала [т.е. с 1846 года] был успех» (Imlah, 1950, 156). Однако появились и скептические мнения относительно того,

ственная серьезная тарифная реформа требовала авторитарного пути ее реализации, против воли буржуазии, и Наполеон III тем самым потерял свой престол. Англо-французский торговый договор 23 января 1860 года рассматривался как „промышленный государственный переворот“ — настолько он противоречил экономической традиции и буржуазной идеологии, даже несмотря на то, что он отнюдь не привел к реальной свободе торговли... Наполеон III предал буржуазию, и она припомнит ему это в 1870 году».

¹⁵⁰ Андре Бродер (Broder, 1976, 335) утверждает то же самое в более резкой тональности: «Не следует предаваться иллюзиям [по поводу договора 1860 года]. Спор об этом договоре в основе своей ложный. На протяжении [XIX] века Франция была непоколебимо протекционистской. Этот протекционизм можно определять как в целом успешный (1820–1852), умеренный (1852–1881) и избирательный (с 1882 года и далее)».

¹⁵¹ См. т.ж. работу Rist (1956), где высказывается согласие с тем, что последствия договора для Франции были в целом благоприятны. Что же касается Великобритании, то, как утверждает Данхем, «сомнительно, что [договор] существенно повлиял на общий ход развития британской промышленности». Таким образом, если следовать за этим британским певцом достоинств свободной торговли, представляется, что договор был фактически милостивым даром британцев (которые едва ли получили от него выгоду) французам (которых склонили к этому ради их собственной выгоды). Но если так, то можно только догадываться, почему британцы были столь страстно заинтересованы в нем. А. А. Илиасу (Iliasu, 1971) утверждает, что мотивы для заключения договора были в большей степени политическими, чем экономическими. В конечном итоге утверждает он, заключение договора было «нарушением принципа» (р. 72), установленного после 1846 года — не вступать в какие-либо коммерческие соглашения. Илиасу связывает договор с «неурегулированным дипломатическим спором» (р. 87) между двумя странами по поводу Италии. В 1861 году Наполеон аннексировал Ниццу, и этот договор рассматривался «вольно или невольно... в качестве взятки с целью получить согласие Великобритании на это действие» (р. 96).

¹⁵² Верно было не только это, но и то, что, как утверждает Байрош (Bairoch, 1970, 7), «новое введение протекционизма [тариф Мелена 1892 года] привело к ускорению темпов роста». Кроме того, этот период более свободной торговли во Франции

насколько хороша свободная торговля была даже для Великобритании: скепсис высказывался как по поводу экономических преимуществ¹⁵³ и степени реальной поддержки, которую она имела в пределах Великобритании, так и относительно того, насколько влиятельны были «фритредеры»¹⁵⁴. Таким образом, утверждает Редфорд (Redford, 1956, 11), великие события 1860 года — англо-французский договор и бюджет г-на Гладстона — могли иметь, а возможно, и действительно имели «меньший практический эффект», чем считалось раньше, однако «они стали блестящей последней каплей в пользу доктрины свободной торговли».

Впрочем, спекуляции относительно степени экономического преимущества для той или иной стороны в англо-французском торговом договоре могут привести к тому, что мы упустим из виду то усилие по конструированию международного порядка, которое освятит либерализм в качестве европейской идеологии. Период 1815—1914 годов именуется термином *Pax Britannica* [Британский мир — *лат.*], но в действительности это ложный путь описания. Фактически это был период постоянных колониальных войн, и «отдельные из них были не столь „незначительны“, как [некоторые] хотели бы [их] называть» (Gough, 1990, 179—181)¹⁵⁵, поскольку создание либерал-национального государства необходимым образом являлось и созданием либерал-имперского государства.

продолжался дольше, чем в других континентальных странах. В более поздней работе (Bairoch, 1976a, 238) Байрош приходит к выводу, что «натиск сельскохозяйственной продукции... был наиболее важным объясняющим фактором в неудаче французского либерального эксперимента».

¹⁵³ Байрош (Bairoch, 1978a, 75) указывает, что в промежутке 1860—1910 годов расширение экспорта Великобритании было более медленным, чем экспорта остальной Европы, и действительно, протекционистские страны чувствовали себя лучше. Но с точки зрения глобального экономического роста, «либеральный период был гораздо менее неблагоприятен для более развитых стран [таких как Великобритания], чем для остальной Европы» (р. 163). Макклоски (McCloskey, 1980, 318) делает более жесткие выводы: «Свободная торговля привела к ухудшению условий торговли для Британии, сократив ее национальный доход».

¹⁵⁴ См. Farnie (1979, 39—41) о том, насколько влиятельность фритредеров была «преувеличена их интеллектуальными наследниками». Фарни полагает, что фритредерство оставалось не более чем «теоретической школой», которая оказывала меньшее влияние на Либеральную партию, нежели крупнейшие фигуры партии вигов или неконформизм (*Whig grandees or the Nonconformist conscience*). Он рассматривает поддержку фритредерства со стороны манчестерских торговцев как производную от «соображений целесообразности, а не принципа», указывая, что вся антилиберальная интеллектуальная агитация имела место уже после отмены Хлебных законов: младоанглизм в 1848 году, христианский социализм в 1850 году, прерафаэлизм в 1851 году и получившие широкую аудиторию «язвительные обличения» Карлейля. «Манчестер стал каменной стеной обиды для поэтов, литераторов и эстетов». Фритредерство могло иметь ряд преимуществ в долгосрочной перспективе, но в краткосрочном плане отмена Хлебных законов «открыла период жестких дебатов, которые бушевали с 1846 по 1853 годы и завершились только с выхолащиванием исходного канона свободной торговли».

¹⁵⁵ См. далее: «Почти в каждой ситуации закон, на котором держалась империя *Pax Britannica*, был неэффективен сам по себе — его приходилось поддерживать си-

Конечно, международная обстановка между 1815 и 1870-ми годами благоприятствовала «более мягкой политике» Великобритании в отношении периферии. То были «безмятежные дни» британской торговли, а миф о «маленькой Англии» был хорошим способом отрицать навязывание «неформальной империи» (Galbraith, 1961, 39—40)¹⁵⁶. Более того, как утверждает Бёрн (Burn, 1949, 222—223), в качестве части того, что он называет «либеральным балансом сил» Великобритании, существенным моментом было направлять гнев населения вовне: «Инстинкт к насилию также был обращен в сторону заграницы... Англичане никоим образом не были мирным народом, но их удовлетворяла сама мысль о том, что следует сделать или что они сделают с мятежными сипаями, бунтующими неграми, русскими, или французами, или (в 1861 году) американцами». Этот специфический поворот был предметом не просто социальной психологии, а социальной мобильности. Благоприятные возможности труда в колониях отобрали у радикализма начала XIX века «часть его силы»¹⁵⁷.

В теории либеральные идеологи противостояли колониализму, исходя из того, что он представлял собой нарушение человеческой свободы¹⁵⁸, но это была всего лишь теория. На практике же британские либеральные (а также социалистические) экономисты и обозреватели располагали развивающейся и все более благоприятной идеей британского имперского правления над «варварами» (данное понятие не включало белых переселенцев-колонистов), хотя

лой. Это было верно как для крупнейшего колониального доминиона — Канады, так и для самой мелкой островной колонии или протектората — Питкэрна».

¹⁵⁶ Кондлифф (Condliffe 1951, 254) не желает принимать даже определение «мягкая» в отношении существующих колоний: «Несмотря на воззрения младоангличан, после утраты американских колоний администрация в оставшихся колониях не ослабла, а стала более жесткой... Мануфактурщики могли протестовать против военных издержек и приготовлений, но большинство англичан твердо сохраняли свою веру в морскую мощь и гордость империи. Более того, на кону стояли крупные денежные интересы. Судовладельческие круги боролись против любых послаблений в Навигационных актах, а у армии и военно-морского флота был профессиональный интерес в сохранении подобных служб и личный интерес в колониальном патронаже».

¹⁵⁷ Р. С. Нил (Neale, 1972, 97) утверждает, что это верно «для, по меньшей мере, некоторых честолюбивых мелких буржуа, составлявших некое подобие групп, из которых мог выйти более сильный средний класс». Говоря о ситуации в Австралии между 1788 и 1856 годами (р. 108), Нил добавляет, что «социальные биографии губернаторов и исполнительных советников... свидетельствуют, что они главным образом принадлежали, по меньшей мере, ко второму поколению средних слоев, проживавших либо в "домашних" графствах (вокруг Лондона) вокруг Лондона, либо в равнинной Шотландии и принадлежавших к англиканской или пресвитерианской церкви».

¹⁵⁸ Классическую формулировку этой официальной позиции см. в следующем письме Кобдена Джону Брайту в 1847 году: «Но вы не должны скрывать от себя, что зло коренится в драчливом, энергичном, самодостаточном, презирающем чужестранцев и жалостливым характере этого знатного островного персонажа — Джона Буля. Прочтите, как его описывает Вашингтон Ирвинг — нащупывающим свою дубинку

в некоторые моменты (1780—1800, 1860—1880 годы) они демонстрировали довольно скептическое отношение к этой доктрине¹⁵⁹. Даже такой мощный сторонник самоопределения наций, как Джон Стюарт Милль, ввел критерий «уместности»¹⁶⁰. Центром британского имперского проекта, конечно же, выступала Индия. Первоначально она была не всего лишь (а возможно, даже и главным образом) вопросом фритредерского империализма, но вопросом прибыли, как справедливо настаивает Бейли (Bayly, 1989, 10)¹⁶¹. А когда фритредерская группа проделала успешную работу по полному устранению со сцены Ост-Индской компании, это было реализовано таким образом, что данное событие стало вкладом в «силу и прочность имперской связи Британии с Индией» (Мооре, 1964, 145).

Французский либерализм был в не меньшей степени ориентирован на имперское государство. В конечном итоге Сен-Симону, равно как и столь многим уверовавшим в «определенность человеческого прогресса», «Восток»

всякий раз, когда он узнаёт о скандале, происходящем где-либо на свете, и пылающим гневом от самой мысли, что другие осмелились ссориться, не спросив его согласия или не пригласив его поучаствовать в этом» (цит. в: Condliffe, 1951, 255).

¹⁵⁹ См. Wagner (1932, 74). Вагнер прослеживает этот сюжет от Адама Смита до Дж. Д. Г. Коула, утверждая, что «они возражали против колониальной политики, а не против колоний или колонизации». В любом случае, продолжает Вагнер, «если экономисты временами пессимистически относились [к достоинствам империи], то их уверенность в этом обычно возвращалась и даже помогала восстановить кредит доверия к империализму, когда он был опасно мал».

¹⁶⁰ См. работу Милля, написанную в разгар европейской революции (Mill, 1849, 31): «Национальность есть желательное средство приобретения свободы, и это достаточное основание для симпатий к желанию итальянцев воссоздать Италию и народа Познани стать Польшей». Действительно, до тех пор, пока некоторый народ неспособен к самоуправлению, для него зачастую лучше находиться под деспотизмом иностранцев, нежели соотечественников, если эти иностранцы являются более цивилизованными и культурными, чем он сам. Но когда, пользуясь метафорой г-на Ламартина, его час пробил и, если этот народ еще не объединен и не смешан с нацией своих завоевателей, отвоевание его собственной нации часто становится неотъемлемым условием как для обретения свободных институтов, так и для возможности, как только они обретены, разрабатывать их в духе свободы».

¹⁶¹ «В... случае Индии финансовый и военный импульс армии Ост-Индской компании в качестве основного источника фритредерской экспансии был не более чем сильным преувеличением. Главным экономическим призом на Востоке для британцев оставались территориальные приобретения в Индии, а не ее торговля. Даже после 1834 года Ост-Индская компания сохраняла многие присущие ей черты меркантилистского деспотизма. Англо-голландское правление на Яве и британский меркантилистский деспотизм на Цейлоне сохраняли те же характеристики и в середине столетия. До 1840-х годов продажа британских мануфактурных товаров в Индии и других восточных территориях шла вяло. В самом деле, экспансия британской мировой торговли между 1790 и 1830 годами может быть существенным преувеличением».

И даже когда позднее торговля вышла на первый план, государственными доходами никоим образом не пренебрегали. См. Jenks (1927, 223—224): «Обременения, которые были сочтены удобными в отношении Индии, представляются несообраз-

представлялся по-прежнему находившимся в «детском возрасте» этого прогресса (Cole, 1953, 1:41)¹⁶². Луи де Буганвиль уже совершил путешествие по Тихому океану, начав его в Сен-Мало 15 декабря 1766 года и посетив Туамоту, Таити, Самоа, Новые Гебриды, Соломоновы острова и Молуккский архипелаг, но определенный интерес к Тихому океану миссионеры и купцы стали демонстрировать лишь после 1796 года. А начиная с вторжения Карла X в Алжир и затем при Луи-Филиппе Франция «постоянно расширяла свои заморские владения» (Schefer, 1928, 430)¹⁶³.

Июльская монархия демонстрировала экономический интерес к поддержанию порядка в китобойном промысле в Тихом океане. Именно в этот момент «сердечное согласие» чуть не обернулось военными действиями из-за острого британско-французского соперничества в так называемом деле Причарда 1843 года. В 1838 году французы заключили договор с Таити, но в 1840 году британцы опередили французов, аннексировав Новую Зеландию (Jore, 1959, 1: 186, 213). Франция «отмстила» в 1842 году, захватив Маркизские острова и учредив протекторат над Таити, а также направив миссионеров в Новую Каледонию. Именно в этот момент Великобритания по Нанкинскому договору «открыла» Китай (Faivre, 1954, 9, 338; Jore, 1959, 1:200—207, 213, 224; 2:81—106, 165—171, 181—353).

Высшей точки противостояние достигло на Таити, где британцам не так повезло, несмотря на то, что они «закрыли глаза» на Маркизские острова. В 1842 году французы арестовали британского консула на Таити, некоего Причарда. В 1843 году лорд Паулет попытался поставить под британский протекторат Гавайи, на которые также претендовали французы. Напряжение нарастало с обеих сторон, но затем и те, и другие отступили. Гизо и Абердин договорились о том, чтобы решить дело миром. Французы постановили освободить Причарда, после чего и он, и Мёрену, французский консул на Таити, были отозваны. Было решено, что французский протекторат не распространится на острова Уоллис или Новую Каледонию, а английский — на Гамбию в Западной Африке. При этом обе державы согласились признать Гавайи в качестве независимого государства (Faivre, 1954, 496—497; Jore, 1959, 2:385—387).

Для этого взаимного отхода от грани пропасти было множество причин. В Ирландии происходил всплеск волнений, одновременно на сцену

ными. Издержки, связанные с восстанием сипаев 1857 года, стоимость передачи прав Ост-Индской компании короне, расходы на одновременные войны в Китае и Абиссинии, каждая правительственная статья в Лондоне, отдаленно относившаяся к Индии, вплоть до оплаты труда уборщиц в Министерстве по индийским делам и расходов кораблей, которые совершали плаванья, но не участвовали в боевых действиях, а также расходы на обучение индийских полков в метрополии перед их отправкой в Индию — все это списывалось на счет безгласного (unrepresented) райята».

¹⁶² Об активной роли последователей Сен-Симона в колониальном предпринимании в Алжире как при Июльской монархии, так и при Второй империи см. Emerit (1941).

¹⁶³ В дополнение к расширению алжирской зоны происходили завоевания на побережье Гвинеи, в Индийском океане и на островах Тихого океана.

вступали Соединенные Штаты. Между Великобританией и США шла активная полемика по вопросу тихоокеанской границы Канады. Съезд Демократической партии США провозгласил лозунг «54°40' или война»¹. Государственный секретарь США Уэбстер распространил доктрину Монро на Гавайи. И британцы, и французы ощущали, что возможные преимущества, которые планировалось получить от продолжения колонизации, не перевешивали ущерба, который мог быть причинен их союзу — столь значимому для их взаимных целей. Им не было суждено допустить повторения подобного случая, равно как и сохранить статус-кво в Тихом океане. Поэтому обе державы решили *veiller au grain* [действовать с оглядкой — *фр.*], или же «держат нос по ветру», как говорят старые моряки (Jorge, 1959, 2:388)¹⁶⁴.

Важность этого восстановления Сердечного согласия для мирового порядка стала очевидна в 1850-е годы вместе с Крымской войной. Исходно это была война, связанная с давним стремлением России расширить свою территорию, могущество и влияние на юг, в зону, контролируемую Османской империей. Поскольку Британия (а также Франция) в равной степени желали контролировать экономические потоки в этой зоне, а британцы на деле уже как следует включились в процесс превращения Османской империи в весьма зависимую от них территорию, две державы решили военным путем продемонстрировать, что русским придется уступить приоритет британцам. Поэтому Крымская война, по словам Поланьи (Polanyi, 1957, 5), «в большей или меньшей степени была колониальным событием»¹⁶⁵. Поскольку Британия действительно была державой-гегемоном и руководила поддержкой французов (а также, разумеется, османов), «война Пальмерстона» не могла закончиться ничем иным, как военным успехом. Россию вынудили

¹⁶⁴ С точки зрения Жан-Поля Февра (Faivre, 1954, 497), британцам в данном случае досталась лучшая позиция, поскольку теперь они имели, по его словам, «более сильное положение [в Тихом океане], чем испанцы». В этом утверждении Февр, разумеется, объединяет Великобританию и Соединенные Штаты в качестве «англосаксов».

¹⁶⁵ С необходимыми поправками Россия для британского общественного мнения играла ту же роль, что и СССР позднее выполнит для общественного мнения США в 1945—1990 годах. См. Briggs (1959, 379—380): «Крымскую войну... невозможно понять, исходя из внимательного изучения мотивов членов британского правительства. По всей Британии распространилось могущественное течение массовой русофобии... [Некоторые английские авторы] ознакомили важные группы читающей публики с той точкой зрения, что лишь порабощенные народы, жаждущие освобождения, могут отбросить полуварварских русских деспотов обратно в азиатские степи... В мире после 1848 года критики России будоражили не ограниченные группы читающей публики, а большие массы людей. Борьбу против общего врага народного дела приветствовали... бывшие чартисты; Дэвид Уркварт"... устраивал «рабочие комитеты по иностранным делам» для расследования «преступлений» русских и обвинения их... Когда [самый показательный радикал и пропагандист кооперации Дж. Дж. Холиок"] понял, что в войне был подписан преждевременный мир, он отказался освещать свой офис на Флит-стрит, предпочтя продемонстрировать большой плакат со стихами Элизабет Барретт Браунинг о продолжающейся тяжелой участи Польши, Италии и Венгрии».

к «унизительному миру». Но можно ли действительно назвать ее тем «редким примером войны, которая достигла того, ради чего она была развязана» (Vincent, 1981, 37—38)?¹⁶⁶

В ретроспективе Крымская война представлялась как «незначительное» исключение для *Pax Britannica*, предполагавшего «локализованные театры военных действий и... ограниченные цели» (Imlah, 1958, 1). Хью Сетон-Уотсон (Seton-Watson, 1937, 359) называет ее «самой ненужной войной в истории современной Европы»¹⁶⁷. Она действительно определенным образом усилила положение Британии в Османской империи¹⁶⁸, но имела и неожиданные негативные побочные эффекты для британцев. Британскому правительству пришлось вывести ряд войск из колоний, чтобы использовать их в боевых действиях, оно даже пыталось вербовать солдат в Соединенных Штатах, что делало напряженными дипломатические отношения двух стран¹⁶⁹. Однако использование этих войск в Крымской войне имело обратный эффект, поскольку оказалось, что «имперское бремя» можно уменьшить, и это дало консерваторам новые аргументы в пользу «восхода нового империализма» (Schuyler, 1945, 233).

Однако еще более важным было то, что войну вообще пришлось вести. Гегемония во многом основана на том факте, что подразумеваемой этим понятием силе в принципе нельзя бросить вызов. И хотя Великобритания победила, это произошло лишь после «ставших достоянием общественности поражений и несчастий первой крымской зимы». Итоговым «парадоксом» стало то, что теперь Великобритании приходилось больше тратиться на готовность к войне, и тем не менее она узрела «закат британского влияния в Европе» (Gash, 1979, 310—311). Поражение же России в результате войны в действительности было

¹⁶⁶ По мнению Винсента, «эта война имела долгосрочные достижения. Когда Россия вновь атаковала Турцию [в 1877 году], ей пришлось делать это непростым путем, по суше, а не за счет превосходства военного флота на Черном море. Турции никогда больше не будет угрожать опасность стать союзником России».

¹⁶⁷ «Основные выгоды от войны получили Наполеон III, чей режим был ею стабилизирован, ... и [Оттоманская] Порта».

¹⁶⁸ См. Baster (1934, 82, 86): «Исход войны восстановил значительный английский интерес к торговым и финансовым перспективам возрожденной Турции и увеличил количество британских предложений по банковским концессиям... Эффективность таких институтов, как Имперский Османский банк, в качестве орудия экономического проникновения в отсталую страну преподала дипломатии XIX века яркий наглядный урок. Крупные нации-экспортеры капитала из Западной Европы определенно не замедлили на этом заработать».

¹⁶⁹ В результате правительство США освободило от должности британского посланника в Вашингтоне (Schuyler, 1945, 221), поскольку Соединенные Штаты официально провозгласили нейтралитет и смотрели с закрытыми глазами на появление в Галифаксе перевалочного пункта для американских волонтеров, которых на самом деле не сложно завербовать, учитывая происходивший экономический спад (Brebner, 1930, 303—305, 320). Вскоре после этого, во время американской Гражданской войны, Соединенные Штаты оказали ответную любезность, вербуй канадцев на службу в войсках северян (pp. 326—327).

лишь временным: Россия обнаружила, что ей «лишь остается терпеливо ждать того момента, когда она сможет стряхнуть оковы, наложенные на нее на Черном море» (Seton-Watson, 1937, 359). А в самой Британии Крымская война убеждала ранее неподатливых владельцев мануфактур в значимости либерального государства в качестве активного имперского государства¹⁷⁰.

1860-е годы должны были ознаменовать окончательное установление мирного глобального порядка, в котором доминировала Британия в ключевом альянсе с Францией. Это действительно был апогей Британии, но это десятилетие также было отмечено и началом ее заката. Тот самый период, когда «британские тенденции в направлении дестабилизации империи достигли наивысшей точки» (Schuyler, 1921, 538), был также периодом «окончательной демонстрации британского бессилия и пацифизма в отношении Шлезвиг-Гольштейна», а значит, была поколеблена «старинная уверенность в моральной силе британского влияния» (Gash, 1979, 317—318)¹⁷¹.

То же самое происходило во Франции. В дополнение к участию в Крымской войне (1854—1856) и захвату Кочина в 1862 году Наполеон III стремился

¹⁷⁰ См. Farnie (1979, 44): «Великий спор, начатый в 1846 году, был завершен Крымской войной, которая ускорила трансформацию глобального облика экономической элиты Ланкашира, начавшуюся в 1850 году с речи Пальмерстона по „делу Пасифико“». Первый международный конфликт эпохи свободной торговли породил экономическое процветание, а не депрессию и рассеял мечту о вечном мире, лелеемую с 1851 года. Война заразила боевым духом все классы Ланкашира и стимулировала притяжение Манчестера к англиканской церкви. Она консолидировала манкунианское общественное мнение в поддержку Пальмерстона и вымостило путь для решительного отвержения представителей Манчестерской школы в ходе послевоенных общих выборов 1857 года, когда значимость действий государства по расширению китайского рынка и неформальной империи Британии была ясно признана электоратом. Поскольку рыночной экономике не удалось достичь полной независимости от государства, этика свободной торговли стала целью в себе, а не средством достижения высокой цели, и была трансформирована из суверенного метода социального возрождения в простой меркантилистский обмен товарами».

¹⁷¹ К 1864 году «Британия, единственный сторонник статус-кво, была изолирована и бессильна... Было ясно, что в будущем Британии придется либо больше делать, либо меньше говорить... Старый антагонизм между властью и либерализмом разрешился в виде нового и опасного синтеза национализма 1848 года и милитаризма династических государств». Сетон-Уотсон (Seton-Watson, 1937, 449, 465) сообщает о высказывании бывшего британского министра иностранных дел лорда Рассела: «Я помню слова Каннинга: „Мне говорят, что рано или поздно мы будем воевать. Если так, то я говорю: лучше поздно“. И я говорю вместе с Каннингом: лучше поздно». К противникам интервенционизма из Манчестерской школы присоединились консерваторы, которые предпочитали вовлеченность в дела колониальных территорий участию в континентальных делах. Последствия этого были очевидны для Мольтке, который в 1865 году говорил: «Англия бессильна на континенте в той же мере, в какой она считает себя таковой». В самой Британии это означало возвращение к власти Консервативной партии: «Начиная с лета 1870 года антиимпериалистические настроения быстро иссякли... Дизраэли искусно воспользовался империалистическим как партийной темой, и возможно, что ни один из разделов его политической

консолидировать позицию Франции в качестве мировой державы в своей авантюре в Центральной Америке, намереваясь тем самым ограничить мощь Соединенных Штатов. В 1852 году Франция и Великобритания предложили США тройственный протекторат над Кубой. «Надменный отказ» Соединенных Штатов усилил подозрения относительно их намерений¹⁷². В 1859 году в ситуации, когда в Мексике имелось два соперничающих правительства, Хуареса в Веракрусе и Сулоаги в Мехико, президент Бьюкенен заявил об амбициях США на Кубе и в Мексике и занял сторону Хуареса. Сулоага обратился за военной поддержкой к французам. После этого, когда США были парализованы начавшейся в 1861 году Гражданской войной, французы и мексиканские монархисты объединили усилия для поддержки эрцгерцога Максимилиана Австрийского в качестве императора Мексики. Франция тем самым начала свою «крымскую кампанию» в Америке.

Когда Хуарес приостановил выплату по долгам, французы, британцы и испанцы объединились, требуя введения долговых уполномоченных в Веракрусе и Тампико. В 1862 году все три державы отправили войска в Мексику, но лишь Франция стремилась поддерживать Максимилиана. Две другие державы и сам Максимилиан отступили, оставив Францию «вынужденной вести реальную войну» в одиночестве. Наполеон III послал в Мексику целую экспедицию, которая провалилась, а Вторая империя была «дискредитирована», утратив значительную часть «своего престижа, на котором [она] во многом была основана» (Schefer, 1939, 11, 241), причем в особенности, конечно же, в Европе¹⁷³.

Таким образом, британско-французские попытки создать либеральный мировой порядок, в котором доминировали бы две державы, были значительным успехом, но в то же время и крупной неудачей. С одной стороны, обе державы до предела распылили свою экономическую и военную мощь и оказались не в состоянии остановить последовательное восхождение Германии и Соединенных Штатов. Одновременное увеличение реальной мощи двух последних стран и их взаимное соперничество зададут форму для все более конфликтного мирового порядка после 1870 года. И Великобритания, и Франция теперь будут вынуждены менять свою модель колониальных приобретений: если раньше темп задавали только они, то теперь каждый (или, по меньшей мере, очень многие) мог свободно «бороться за обладание» ими. Но, с другой

программы не обращался более мощно к британскому электорату, чем его обещание поддерживать единство империи. Победа консерваторов на общих выборах 1874 года полностью убрала младоангличан с поля практической политики» (Schuyler, 1921, 559—560).

¹⁷² Schefer (1939, 7—11): «Боязнь Соединенных Штатов вскоре господствовала в британской, испанской и французской политике [в Карибском бассейне]».

¹⁷³ См. Girard (1977, 25): «После заметных успехов режима к его падению приводят иностранные дела. Франция больше не была достаточно сильной, чтобы открьть для континентальной Европы срединный путь между Старым порядком и революцией. Скорее именно Бисмарк установит эту траекторию на несколько десятилетий».

стороны, Великобритания и Франция успешно навязали мир-системе геокультуру либерализма, все большее уважение которой приходилось оказывать всем, по меньшей мере, до начала Первой мировой войны. Бисмарк не мог возродить язык Священного Союза, но и не имел ни малейшего намерения делать это. Скорее Бисмарк и Дизраэли извлекут положительные уроки из опыта Второй империи и предложат просвещенный консерватизм, который в действительности был консервативным вариантом либерализма.

Поворотным моментом в мировом порядке XIX века станут 1866—1873 годы — «гигантская петля, вокруг которой вращается история конца столетия» (Clapham, 1944, 2:271). Соединенные Штаты остались единым государством, и в 1866 году представлялось очевидным, что таковым станет и Германия. Таким образом, две восходящие державы оказались в состоянии усилить свою геополитическую роль. В то же самое время Великобритания почти присоединилась к Франции в ее «большом скачке» к всеобщему избирательному праву для мужчин. Парламентская реформа 1867 года в Великобритании вполне корректно рассматривается в качестве «конца эпохи» (Burn, 1964, гл. 6). Британский Акт о реформе 1867 года и конвульсии 1870—1871 годов во Франции вместе представляют собой кульминацию тех процессов, которые начались в 1815 году, в попытке укрощения опасных классов (в особенности городского пролетариата) путем включения их в систему в политическом смысле, но таким образом, что они не смогут опрокинуть основные экономические, политические и культурные структуры двух стран.

В предшествующие 50 лет расширение избирательного права в теории было предложением либералов, которому противостояли консерваторы. Классическим свидетельством этого было принятие Акта о реформе 1832 года. В таком случае не выглядит ли странным тот факт, что большинство других принципиальных шагов вперед были предприняты под эгидой или, по меньшей мере, под руководством консервативных политиков: католическая эмансипация 1832 года, которая предшествовала Биллю о реформе 1832 года, отмена Хлебных законов в 1846 году и, самое главное, Акт о реформе 1867 года, который пожаловал мужчинам фактически всеобщее избирательное право? Гертруда Химмельфарб (Himmelfarb, 1966, 117), анализируя события 1867 года, утверждает, что либералы, веря в политическое значение личности, были столь осторожны относительно предоставления политических механизмов на милость массы лиц, что считали всеобщее избирательное право «и серьезным, и опасным делом». Консерваторы же, по утверждению Химмельфарб, с их «верой в вечные истины человеческой природы и общества», беспокоились на сей счет меньше, и поэтому Акт о реформе был именно «консервативной мерой, инициированной и осуществленной консервативным правительством»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ Химмельфарб называет этот акт «одним из решающих событий — возможно, собственно решающим событием — в английской истории. Именно этот акт трансформировал Англию в демократию и сделал демократию респектабельной формой правления (Соединенные Штаты полным уважением не пользовались никогда), а также — и вскоре это воспринималось как само собой разумеющееся — един-

Нет сомнений, что до определенной степени это является корректным описанием процесса рассуждений участников двух данных политических групп, но не уверен, что все происходило именно так.

Мне представляется, что либералы никогда не осмеливались поступать в полном соответствии со своими убеждениями по той простой причине, что они разделяли все страхи консерваторов относительно опасных классов, однако при этом им не хватало политической и социальной самоуверенности консервативных аристократов. Либералы всегда боялись, что их обвинят в безрассудстве. Консерваторы, с другой стороны, не рвались к реформам, но, когда они видели, что реформа необходима, они были готовы вполне решительно двигаться в этом направлении, не опасаясь нападок за радикальные убеждения¹⁷⁵. Кроме того, они без особых уловок могли сделать так, что

ственной естественной и подлинной формой правления». Это вполне корректно, за исключением самого слова «демократия». Всеобщее избирательное право — это не демократия. Если бы это было так, то ни один уважаемый консерватор или в данном случае ни один уважаемый либерал не поддержал бы его. Всеобщее избирательное право — это предоставление полного гражданского статуса всем взрослым (или, по меньшей мере, всем взрослым мужчинам), что далеко не означает равного голоса в принятии политических решений. Однако определение *демократии* как «всеобщего избирательного права для мужчин» действительно стало общим местом в политическом дискурсе после Акта о реформе 1867 года. Что касается либералов и их осторожности, см. Schapiro (1939, 131) об их моменте славы в 1832 году: «Несмотря на защиту всеобщего избирательного права, утилитаристы невозмутимо принимали строгие избирательные ограничения Билля о реформе 1832 года. На деле всеобщее голосование для них в большей степени было логическим выводом из их принципа „величайшего счастья“, нежели жизненно важным вопросом практической политики. Логика заставляла Бентама выступать в защиту всеобщего голосования, но дух компромисса, который постоянно витал над утилитаристами, вдохновлял его на заявления, что он „с радостью согласится на избирательное право для собственника (householder)“».

¹⁷⁵ Нельзя сказать, что консерваторов к этому движению ничего не побуждало. Хинтон (Hinton, 1983, 12–13) напоминает, что решение о реформе 1867 года принималось в момент, которому предшествовали плохой урожай, тяжелая зима и эпидемия холеры — все это «углубляло недовольство». Инициативой в Лиге реформы завладели левые, которые оказались способны собрать в Гайд-парке 150-тысячную демонстрацию под красным флагом. Спустя две недели Дизраэли принял поправку радикалов, которая вчетверо увеличивала численность тех, кто приобретал политические права. Однако это еще не было всеобщим голосованием. К нему по-прежнему не была допущена не только городская беднота (то есть те, кто не был «зарегистрирован» или «не проживал» по городским адресам), но и, что самое важное, были исключены все *сельские* рабочие, что обеспечивало консерваторам дальнейший контроль над соответствующими избирательными округами. Прежде всего Дизраэли стремился предотвратить угрозу «более классово-сознательных определений политики».

расширение избирательного права превратилось бы в голоса за них, а не за либералов¹⁷⁶. Поэтому нельзя считать полным совпадением то, что

«1869—1870 годы, похоже, отчетливо обозначили поворотный момент в отношении британского общественного мнения к колониям. Было очевидно, что, противостоя тому, что выглядело надвигающимся крахом империи,

Но даже с указанными оговорками это был сильный шаг, а сторонники Дизраэли действительно пережили приступы страха. Аса Бриггс (Briggs, 1959, 513—514) напоминает, что лорд Дерби открыто признал: Дизраэли пошел на «великий эксперимент» и сделал «шаг во тьму». А Гаторн-Гарди, один из тех, кто помог Дизраэли провести билль, сказал: «Что за неизвестный мир, куда мы вступаем! Если в этом будут участвовать джентри, их примут в качестве лидеров. Если же мы уступим демагогам, то да поможет нам Бог!» Однако, как утверждает та же Бриггс, известно, что фактические события после 1867 года задним числом оправдали игру тори: «Внезапного изменения в политике не произошло, ... „эпоха улучшений“ не кончилась неожиданно, ... рабочие классы не добились немедленного признания, ... джентри по-прежнему оставались влиятельны, ... процветание средних классов продолжалось».

Конечно, в то время были и такие консерваторы, которые считали, что «отвага Дизраэли в 1867 году» (Goldman, 1986, 95) была острым приступом безумия. В 1869 году автор анонимной статьи (возможно, это был лорд Крэнборн, третий маркиз Солсбери [см. Southgate, 1977, 160]) жаловался, что начиная с 1840-х годов британская Консервативная партия «упорствовала в своих постоянных усилиях разгромить умеренных противников, объединяясь со своими крайними оппонентами. В новизне подобной идеи не может быть никаких сомнений». Наш автор относит свою иронию и к анализу Акта о реформе 1867 года: «Два года назад любимой темой дискуссии было то, является ли консервативной или радикальной мерой предоставление избирательного права собственникам недвижимости... Бессмысленная идея, что чем беднее люди, тем легче они оказываются под влиянием богатых; представление, что те, чье избирательное право следует обсуждать и бороться за него вместе со средними классами, должны исходя из этих соображений возлюбить джентри; впечатление — и не более того, — что грубое состояние умов окажется более чувствительным к традиционным эмоциям; и, наконец, смутное применение к английской политике предполагаемого (на тот момент) успеха Наполеона в сдерживании революции посредством всеобщего избирательного права — все эти аргументы... привели к формированию у основной массы Консервативной партии отчетливого убеждения, что в Билле о реформе, более радикальном, чем аналогичный документ 1832 года, они обнаружили секрет уверенного и блестящего триумфа» (Anon., 1869, 284—285).

¹⁷⁶ Свидетельство того, как это сработало в долгосрочной перспективе, см. в.: McKenzie and Silver (1968). Авторы отмечают, что в то время большинство комментаторов — от Карла Маркса до Уолтера Бэджета (со значимым исключением Дизраэли) — были уверены, что расширение избирательного права станет приговором Консервативной партии. Однако на протяжении трех четвертей последующего столетия Великобританией правила именно эта партия, что порой оказывалось возможным благодаря «успешному привлечению значительной поддержки рабочего класса» (р. 240).

С точки зрения же краткосрочных соображений, см. следующее рассуждение Дэвида Крисэпа Мура (Moore, 1967, 54—55): «Настоящим парадоксом 1867 года — если это вообще следует называть парадоксом, — было не избирательное право, а границы избирательных округов... Что касается избирательных прав самоуправляемых городов (borough), то разница между биллем Пальмерстона 1860 года и биллем Дерби-

британский народ не был готов последовать ортодоксальным последователям Манчестерской школы, как бы ни хотелось этого некоторым политическим лидерам» (Schuyler, 1945, 276).

Политическими лидерами, которые могли желать этого, были либералы, а не консерваторы. Превратив рабочий класс в граждан, которым было что защищать, и вновь убедив средние классы, что они не находятся на грани лишения собственности, консерваторы теперь могли вести Великобританию к более открытому превращению в либеральное *имперское* государство. В любом случае выбор у Великобритании был невелик. В ситуации, когда ее доминирующее экономическое и политическое положение в Европе размывалось, она стремилась к успокоительной и обновленной мощи в своей имперской роли.

Могла ли Вторая империя проделать столь же мягкий переход к зрелому либерально-имперскому государству? Всеобщее избирательное право во Франции уже было, но в ней отсутствовал полностью либеральный парламентский политический режим. Однако Наполеон III это понимал и в 1860-х годах отчетливо пытался двигаться в данном направлении. Как утверждает Пламенац (Plamenatz, 1952, 162), «сделав империю либеральной, Наполеон III... фактически стремился успокоить... республиканцев». Действительно, его режим подвергался нападкам за расточительство денег на престижные расходы и уход

Дизраэли 1867 года была невелика, когда последний получил окончательную редакцию... Однако существенная разница между двумя этими документами заключалась в границах избирательных округов. Парадокс 1867 года заключается в том факте, что либеральное большинство в Палате общин согласилось не только на назначение уполномоченных по границам округов, но и на то, чтобы им были даны указания расширить границы самоуправляемых городов „таким образом, чтобы внести в их пределы все помещения, обитатели которых должны быть включены в них с парламентскими целями, уделяя должное внимание ситуации или иным местным обстоятельствам”... Очевидно, они осознали, что совершили, лишь когда комиссары приняли их инструкции всерьез и когда вступил в силу основанный на их отчетах билль о границах, в результате чего каждый значимый самоуправляемый город был увеличен настолько, что поглотил свои пригородные излишки населения. Для консерваторов, символическая основа власти которых располагалась в графствах и которые, возможно, чувствовали себя в своей тарелке в иерархическом обществе более, чем многие либералы, подобная мера являлась существенно важной в качестве средства восстановления знакомого им мира. С другой стороны, для многих либералов, которые оценили электоральные последствия данных мер, это были просто махинации». Теперь понятно, почему простое расширение избирательного права имело мало общего с установлением демократии.

Акт о реформе 1867 года, помимо привлечения группы трудящихся, известной как «трудящиеся тори», и махинаций с избирательными округами, позволил консерваторам совершить набег на бывших избирателей либералов. См. Smith (1967, 319): «Парадоксальным образом именно Акт об избирательной реформе 1867 года, на первый взгляд, оказавшийся внезапным успехом, посредством которого Дизраэли обязал свою партию к реализации „демократии тори”, в долгосрочной перспективе проделал большую часть работы по созданию условий, необходимых для ассимиляции буржуазии. Предоставив городским рабочим значительную долю в политической власти и сделав внимание к интересам рабочих жизненно важным для политиков, избирательная реформа усилила трения и страхи, которые склоняли

от парламентского контроля путем привлечения публичных займов¹⁷⁷. Однако постепенная либерализация Наполеона III могла легко оказаться успешной, если бы не Франко-прусская война и разгром Франции.

Бисмарк верно понял, что Вторая империя была слабым связующим звеном в структуре британской гегемонии и что ниспровержение Франции обеспечит более быстрый закат Великобритании в рамках геополитических структур мир-системы. Но Бисмарк не ожидал, что низвержение Наполеона III означало и ликвидацию политических ограничений, тщательно разработанных для сдерживания французских рабочих классов и французских радикальных демократов в целом — отсюда и Парижская коммуна. Именно осада Парижа и прекращение огня подняли парижских рабочих на восстание:

«Они сопротивлялись пруссакам больше четырех месяцев и настойчиво желали противостоять им. Поражение потерпели провинциалы — именно провинциалы, над которыми стояли церковь и буржуазия, поддерживали Вторую империю. Они были непатриотичны и реакционны» (Plamenatz, 1952, 137).

В ходе выборов 5—8 февраля [1871 года] Париж и другие крупные города голосовали за республиканцев, но провинции голосовали за роялистов (и за мир). Бонапартисты остались вне игры, и республиканцы стали партией войны. Национализм и республиканизм/социализм были глубоко взаимосвязаны в Парижской коммуне, которая, несомненно, была наиболее значительным рабочим восстанием в истории Западной Европы, а кроме того, восстанием, которое получило значительную поддержку со стороны *employés* [служащих — *фр.*], то есть тех, чья работа была «более чистой», более оплачиваемой и на тот момент более квалифицированной:

«Это был первый случай, когда те, кто еще не стали „белыми воротничками“ [*cols blancs*], но еще оставались „писаками“ [*ronds de cuir*], столь массово

представителей средних классов к движению в сторону Консервативной партии в качестве единственной надежной инстанции, противостоящей поборникам радикализма и интересов труда».

¹⁷⁷ Подробно об этой критике см. в: Girard (1952, 400). Жирар делает следующий вывод: «Значительная часть буржуазии отказывалась видеть во [Второй империи] что-либо иное, помимо „промежуточной команды“, желая при этом применения тех методов, которые восторжествовали в Англии». Причиной разочарования был именно предмет иллюзий: «Империя и финансы в духе Сен-Симона всегда обесценивали будущее, а будущим 1852 года было настоящее 1868-го... Несмотря на творческую смелость и столь значительный объем общественных работ, завершенных такой сравнительно скромной ценой, неблагодарная публика, обретя свои дома, свои железные дороги, свои пароходы, была изумлена, что они стоили так дорого. Часто утверждалось, что Наполеону III, Перейрам, людям политической экономии 2 декабря все это достанется за бесплатно, так что публика теперь желала видеть в этих волшебниках, в которых она разуверилась, исключительно шарлатанов. Публика теперь хотела не чародеев, а очень твердую валюту вслед за широкой общественной дискуссией».

присоединялись к рабочему восстанию. В июне 1848 года *employés* сражались на стороне порядка» (Rougerie, 1964, 128)¹⁷⁸.

Теперь произошло то, чего средние классы смутно боялись в 1815 году и еще более обоснованно в 1848: опасные классы хотели демократии. Они хотели управлять своей страной, которую они считали и *своей* страной, и *своей страной*. Восстание было жестоко подавлено войсками временного правительства в Версале, которое воспользовалось милостивым невмешательством германских войск. Подавление восстания вызвало столь же жестокое сопротивление рабочих, и, после того как это сопротивление прекратилось, состоялись массовые казни и приговоры к ссылке¹⁷⁹.

Но как только это произошло, каковы были последствия? Думаю, что полностью верно описание, которое приводит Пламенац (Plamenatz, 1952, 155—156):

«Коммуна дала республиканцам в 1870-х годах то же самое, что сделало Июньское восстание в середине столетия. Она дискредитировала социалистов и революционеров, но на сей раз не усилила консерваторов...

Крах Коммуны не нанес ущерба республиканцам, но действительно сделал их более консервативными, чем они были бы в ином случае»¹⁸⁰.

Ведь республиканцы стартовали как раз в том месте, где финишировал Наполеон III, говоря на языке либерально-имперского государства и демонстрируя готовность репрессировать опасные классы, если они будут просить слишком много, но при этом и готовность предоставить им гражданство, причем гражданство в либерально-имперском государстве¹⁸¹. Этот

¹⁷⁸ Анализ участия в Коммуне содержится в таблицах в работе Rougerie (1964, 127 и 129).

¹⁷⁹ «Версальские войска, особенно их офицеры, действовали с величайшей жестокостью... Во время последней недели кровопролития на парижских улицах было убито примерно 20 тысяч человек. Нет ничего более безобразного, чем месть благосостоятельных и респектабельных классов, напуганных бедняками» (Plamenatz, 1952, 154). Аналогичным образом Ружери (Rougerie, 1964, 59) говорит о «презренном буржуазном терроре... великом страхе 1871 года... который продемонстрировала жестокость репрессий. Лишь через 10 лет они пожелали предоставить амнистию приговоренным повстанцам».

¹⁸⁰ Несколько иначе оценивает политические последствия Коммуны Джеймс Биллингтон (Billington, 1980, 346): «Она стала спусковым крючком для триумфа правых по всей Европе — и открыла новые горизонты для революционных левых». Возможно и так, но до 1914 года либеральный центр мог довольно легко сдерживать давление как справа, так и слева.

¹⁸¹ См. Elwitt (1975, 306—307): «[Радикальная риторика республиканцев] по своей политической природе была решительной и в то же время ограниченной, безжалостно исключавшей любое радикальное/социалистическое содержание, которое бросало вызов основаниям существующего порядка... Республиканская буржуазия унаследовала всеобщее избирательное право, приветствовала его, использовала его и обратила его в свое политическое преимущество... Что же касается французских рабочих, то их существование как отдельного класса снова и снова отрицалось. Гово-

переход олицетворял Адольф Тьер. Человек, служивший многим режимам, как Талейран и Гизо до него, в 1834 году в Лионе он поддерживал рабочих, но в 1848 году — уже партию порядка. Он не скомпрометировал себя участием в правительствах Второй империи, имел дружественные отношения и с роялистами, и с республиканцами и был яростным врагом революционеров. В 1870 году он говорил, что, хотя и не желал республики, но в его глазах она имела одно достоинство (*titre*): «Из всех способов правления она разделяет нас меньше всего».

Можно утверждать, что к 1875 году либерально-имперское государство в Великобритании и Франции уверенно заняло свое место и продемонстрировало способность сдерживать опасные классы, тем самым став моделью для других государств. Но наиболее устойчивым элементом в этой модели определенно не было доверие к свободному рынку (которое варьировалось вместе с изменением экономического положения указанных стран в мире-экономике и влиянием ее циклических ритмов). Не отличалось либерально-национальное государство и верой в максимальное расширение прав личности (эта вера варьировалась вместе с тем, в каких пределах эти личности использовали данные права, чтобы бросить вызов базовому социальному порядку). Подлинной отличительной чертой либерально-националистического государства была его приверженность разумной реформе, осуществляемой государством, которая одновременно и стимулировала бы экономический рост (или, скорее, накопление капитала), и сдерживала опасные классы (включая их в рамки гражданства и предлагая им часть, хотя и небольшую, имперского экономического пирога).

Для достижения этой цели либерально-имперским государствам приходилось вращаться вокруг политического центра и избегать режимов, которые попадали как реакцией, так и революцией. Конечно, чтобы эта цель стала осуществима, в том или ином государстве должны были отсутствовать серьезные национальные проблемы, связанные с чужестранцами, и сильные внутренние обделенные меньшинства. Такое государство также должно было располагать достаточной силой в мире-экономике, чтобы перспективы коллективного процветания не выглядели несбыточно. Кроме того, ему нужно было обладать достаточной военной мощью или достаточно сильными союзниками, чтобы не зависеть от чрезмерного внешнего вмешательства. Когда все перечисленные условия торжествовали, либерально-имперское государство могло свободно выражать коллективный консерватизм большинства, которому теперь было что сохранять (*conserve*).

Поэтому либерально-имперскому государству прежде всего требовалось быть сильным, усиленным государством. Конечно, с самого начала расширение мощи государства было направлено в первую очередь на то, чтобы контролировать опасные классы:

«Централизация, о которой рассуждали Бентам и особенно [Эдвин] Чедвик, лишь слегка коснулась господствующих средних классов. Централизация, очищенная от теории, означала наделение соответствующей властью тех служб,

которые воздействовали на трудящиеся классы. Централизация — в этом не может быть сомнений — никогда не была направлена даже на малейшее сокращение экономических и социальных свобод более уважаемых классов. Она этого и не совершила» (Hill, 1929, 95—96)¹⁸².

А во-вторых, либерально-имперское государство предполагало приверженность идее расширения избирательного права. Однако, как мы видели, этим расширением осмотрительно управляли: «Классические либералы гарантировали право на осуществление свободы лишь ответственным взрослым лицам» (Crouch, 1967, 209). Понятие ответственности применительно к расширению избирательного права предполагало наличие как определенного времени, так и использование просвещенческой веры в способность человечества к обучению. Поэтому либеральная защита всеобщего избирательного права была, как поясняет Розанваллон (Rosanvallon, 1985, 136—137), «глубоко двусмысленной»:

«В большинстве случаев [подобная защита] была ничем иным, как разновидностью пари на будущее, выражающего ожидаемое представление о движении цивилизации и прогресса Просвещения у конкретной нации... В либеральных и республиканских кругах, которые были благосклонны к этой идее, всеобщее избирательное право продолжало пониматься как признание потенциальной возможности, как нечто гораздо большее, чем следствие принципа равенства, — как символическое объединение людей в общество... Отсюда и масштабные дебаты о преждевременности введения всеобщего избирательного права, которое часто отвергалось на том основании, что было еще слишком рано. Опасались именно права голоса для темных и незрелых масс»¹⁸³.

ря о „примирении”, республиканцы имели в виду интеграцию, когда это возможно, и подавление, когда это необходимо». Третья республика так же, конечно же, продолжала политику активного государства Второй империи. Как утверждает Жирар (Girard, 1952, 393), «оппортунистическая республика окончательно реализует обещания, сделанные [Наполеоном III] в его письме от 5 января 1860 года».

¹⁸² Фрэнк Дарвалл (Darvall, 1934, 307) превозносит успех этой программы: «Как только современное законодательство было поставлено на поток, стимулы для революции и шансы, что она произойдет, быстро становились все меньше и меньше. С одной стороны, создание полицейских сил, современных эффективных структур местного самоуправления, уменьшили возможности беспорядков. Мятежи имели куда меньше благоприятных шансов для перерастания в революцию. С другой стороны, отмена Антикомбинационных актов, принятие Фабричных актов, движение в направлении свободной торговли, программа парламентской реформы — все это успокаивающе действовало на народное недовольство и устраняло стимул для революции. «Как никогда ранее, появилась возможность верить в то, что постепенно, но все же эффективно утешение несчастий можно достичь мирными средствами». Высказывание Дарвалла ясно показывает, почему «рост мощи государства, внедряемый полицейскими мерами, был одним из тех пунктов, которые наиболее жестко оспаривали чартисты» (Evans, 1983, 257).

¹⁸³ Взаимосвязь между образованием и порядком хорошо объясняет Ричард Джонсон (Johnson, 1970, 119): «Одержимость раннего периода Викторианской эпохи проблемой образования для бедных становится лучше всего понятна, если рассматривать ее как заботу об авторитете, власти и утверждении (или новом утверждении?) контроля. Эта забота выражалась в чрезвычайно амбициозной попытке сфор-

Тем не менее либерализм ассоциировался с рационализмом, наукой и экономическим прогрессом, и по этой причине и в этом смысле к середине столетия «почти каждый государственный муж и чиновник... был либералом, независимо от его идеологической приверженности» (Hobsbawm, 1975, 105)¹⁸⁴.

Самый интересный момент, который следует отметить для данного периода, — позиция консерваторов. Если в 1834 году вслед за Актом о реформе сэра Роберт Пиль «переименовал свою партию в консервативную, то это преследовало цель пояснить, что он ни в каком отношении не намеревался проводить реакционную политику» (Halévy, 1947, 57)¹⁸⁵. В то же самое время во Франции вслед за революцией 1830 года консерватизм развивался в качестве «способа управления послереволюционным обществом», способа «завершения революции». Как таковой, консерватизм больше не находился в оппозиции либерализму, что весьма уместно отметил Розанваллон (Rosanvallon, 1985, 277—278): «Скорее он осознал себя как завершение либерализма, как его вечность».

В результате консерваторы также стали благосклонно относиться к сильному государству. Для них в данном случае существовало три соображения. Во-первых, это внутренняя слабость призыва к традиции и преемственности, который еще Бёрк хотел сделать основой консервативной

мировать при помощи образовательных средств определенные модели мышления, чувств и поведения рабочего класса. Находясь под надзором проверенного учителя, окруженная стенами своей игровой площадки, школа предназначалась для воспитания новой генерации рабочего народа — уважительной, благожелательной, усердной, лояльной, патриотической и религиозной».

¹⁸⁴ Однако в этом процессе канонизации либерализма в середине столетия также было верно то, что «теми, кто официально возглавлял дело победоносного буржуазного порядка в сам момент его триумфа, были глубоко реакционные сельские дворяне из Пруссии, фальшивый император во Франции и наследники аристократических землевладельцев в Британии» (р. 3). Теодор Зельдин (Zeldin, 1958, 46) не видит какой-либо случайности или парадокса в следующем обстоятельстве: «Разношерстные качества [Наполеона], возможно, были необходимы для человека, участвовавшего в трансформации страны, в которой новое и старое по-прежнему противостояли и не могли примириться между собой... Его аналогом в Англии во многом был Дизраэли, выполнявший аналогичную задачу, столь же причудливой и мистической фигура, как Наполеон. Их последователи в обеих странах были в равной мере разделены, и им приходилось иметь дело со всеми крайностями — от самого прогрессивного радикализма до самого крайнего консерватизма».

¹⁸⁵ Гэш (Gash, 1963, 163—164) рассуждает о долгосрочных последствиях этого изменения: «Суть внутреннего конфликта в Консервативной партии в 1841—46 годах сводилась именно к обсуждению того, в чем заключался принцип и что подчинялось „гибким правилам политики“. Пиль мог справедливо заявлять, что он никогда не присоединялся к какой-либо политике, которая не была в своей основе консервативной. Поощрять торговлю и промышленность, ослаблять классовый и фанатичный чартизм процветанием, а Лигу [против Хлебных законов] временными уступками — все это, с его точки зрения, было самым верным способом сохранения аристократического лидерства и традиционной структуры власти».

идеологии¹⁸⁶. Ведь, как отмечает Бенетон (Bénéton, 1988, 116), данная позиция ведет к противоречиям, как только появляются длительные разрывы в традиции, ведущие к созданию других традиций, как это было во Франции. Что можно было сделать в таком случае? Консервативная политическая мысль стала колебаться «между фатализмом и радикальным реформизмом, между властью ограниченного государства и призывом к сильному государству». Соответственно, для многих консерваторов сильное государство стало дорогой к восстановлению — по меньшей мере, частичному — традиции. Во-вторых, многие консерваторы ощущали, что консерватизм представлял собой «позицию, которая усматривала главный принцип правления в законе, порядке и стабильности», и, подобно Пилу, они делали из этого вывод, что «консервация и постепенное улучшение институтов государства [были] в принципе необходимым результатом» (Gash, 1977, 59).

Однако наиболее убедительным было третье соображение, что почувствовал либеральный идеолог Гвидо де Руджеро (Ruggiero, 1959, 136—137), рассматривая то, как британские тори под влиянием немецких романтиков перенесли защиту королевских привилегий на само государство:

«Требовалось вновь утвердить именно значимость и престиж государства. Государство следовало рассматривать не как компромисс между противостоящими частными интересами, а как то, что Бёрк назвал живым объединением умов.

По этой причине консерваторы признавали необходимость расширения основ государства и построения его в расчете не на твердую привилегию, а на незаметную, но в то же время основательную платформу чувств и интересов всего народа. Старый торизм создал олигархическое государство, но не было ли либеральное правительство олигархией, менее уполномоченной на власть, поскольку она имела единственное основание в богатстве, не зависевшем от рождения и привилегий древней традиции?

Почему, спрашивали консерваторы, либерализм желал ослабить государство? Ответ был прост. Либерализм хотел позволить наиболее мощным силам свободно играть в соревновании со слабейшими и дать им полную власть эксплуатировать незащищенные массы, которые были жертвами, а не действующими лицами этой борьбы, разрушая всякую власть, стоящую над отдельными лицами и способную осуществить в их отношении умиротворяющую и уравнивающую функцию»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Гэш (Gash, 1977, 27) обобщает точку зрения Бёрка так: «Изменение было такой же частью политической жизни, как и для всех организмов; время само по себе было великим новатором... Однако следовало уважать и преемственность социальной фабрики. Изменение должно являться в малых степенях — посредством эволюции, а не революции, адаптации, а не разрушения... Доктринальный реформист, который действовал, словно человеческую природу и существующее общество можно было не принимать в расчет во имя реализации абстрактной справедливости, для него не был достоин чего-либо большего, кроме усмешки».

¹⁸⁷ Как отмечает Хилл (Hill, 1929, 100), интересным побочным эффектом политической борьбы была роль монархии в качестве символа: «В борьбе с централизующими тенденциями [либерального] реформистского законодательства тори и ра-

Когда в 1960 году лорд Килмуйр* (Kilmuir, 1960, 70—71) попытался объяснить, почему консерваторы в Великобритании всегда возвращались к власти после крупных поражений от «социальных революционных движений» (в качестве таковых он обозначает 1832, 1846, 1906 и 1945 годы), он дал следующий ответ: это «традиция Шефтсбери»¹⁸⁸. Последнюю лорд Килмуйр определяет как отождествление торизма с «государственным вмешательством для обеспечения минимальных жизненных стандартов в различных формах, таких как фабричные акты, акты о жилье и общественном здоровье, а также акты в интересах профсоюзов». Короче говоря, консерваторы возвращались к власти потому, что они использовали государство для реализации своей версии социального реформизма.

Этот «взаимовыгодный альянс между [Консервативной] партией и народом» был ядром так называемого национального торизма Дизраэли. Несмотря на то что изначально восхождение Дизраэли в партии тори было результатом его резкой оппозиции отмене Хлебных законов Пилем, пристальное рассмотрение более поздней политической практики Дизраэли демонстрирует, что она была «главным образом „пилевской“ по своему духу» (Smith, 1967, 4, 15)¹⁸⁸. Важным добавлением Дизраэли к «пилизму» стал империализм. Либеральный реформизм следовало рассматривать как «средство, путь, дисциплину на службе более высокой цели — Империи» (Ruggiero, 1959, 140). Тем самым рабочий класс более плотно привязывался и к нации, и в некотором смысле к Консервативной партии.

Можно утверждать, что если великим политическим достижением либерализма в 1830—1875 годах было сдерживание опасных классов, то его великим идеологическим достижением было сдерживание консерватизма с трансформацией его в разновидность рационального государственно-ориентированного реформизма, в чем и состояло предложение либерализма.

дикалы схожим образом двигались в направлении этатизма другого толка. Дизраэли удастся сдержать самонадеянную власть парламента и кабинета министров, превознося суверена. Ричард Остлер¹⁸⁹ будет взывать к здравому смыслу молодой королевы, чтобы ограничить с помощью ее исключительных прав то, что он называл властью уполномоченных лиц причинять жестокость. Этот призыв был по-прежнему слышен, когда Остлер постарел, но теперь королеву возвеличивали Кингсли¹⁹⁰ и христианские социалисты».

¹⁸⁸ В 1980-х годах, когда Маргарет Тэтчер впервые начиная со времен Веллингтона смогла сделать реформизм нелегитимным в качестве консервативной теории и практики, была предпринята попытка переосмыслить «наследие Дизраэли», предположив, что в действительности его «преследовало» разделение партии, которое произвел Пиль. См. Coleman (1988, 157, 161—162): «[Дизраэли] всегда был в главном привержен интересам партии и ее консервативным целям... Выдающимися моментами являются преемственность и традиционализм кабинета Дизраэли, а не какие-либо отступления... Этот вывод разочарует романтиков, которые хотели бы обнаружить в лидерстве Дизраэли глубокое творческое начало (creativity)... Он не допустил смещение [партии] ни к существенно более прогрессивной, ни к более жесткой и твердолобой позиции». Коулмен также сводит к минимуму радикализм парламентской реформы 1866—1867 годов (см. pp. 131—138).

Общим основанием в данном случае выступали национализм и сильное государство, что влияло даже на культурный облик консерваторов. Рассматривая переход от романтизма к реализму в культуре между 1850 и 1885 годами, Жак Барзун (Barzun, 1943, 143—144) называет его «эхом разочарования» 1848 года и отмечает подъем «реальной политики» и материализма, подкрепленных «августейшей властью физической науки». «Либералов, консерваторов и радикалов, — утверждает Барзун, — объединяло общее стремление к осязаемой территориальной нации; научные гипотезы проверялись их соответствием механической репрезентации или аналогии, ... в то время как сила... применялась в качестве великого разрешителя социальных парадоксов и сложностей»¹⁸⁹.

Поскольку либерализм и консерватизм двигались в направлении «общей политики государственного вмешательства», некоторые консерваторы (такие как Чемберлен, в конце XIX века) пытались настаивать на том отличии, что для консерваторов это был акт «патронажа», в то время как для либералов это была уверенность в том, что «всем людям следует помогать в самоуправлении». Однако, как утверждает Руджеро (Ruggiero, 1959, 151), «на практике эта разница часто была очень тонкой». Хотя, конечно же, она существовала. В 1875 году социалистов по-прежнему удавалось полностью сдерживать, и покончено с этим будет только в 1875—1914 годах. Поэтому Шапиро (Schapiro, 1949, vii) сможет завершить свою книгу о либерализме такими словами: «Когда исторический XIX век закончился в 1914 году, либерализм был принят в качестве образа политической жизни Европы».

¹⁸⁹ Потребность в поиске подтекстов можно усмотреть в том факте, что реализм использовался для того, чтобы символизировать «осязаемую территориальную нацию», точно так же, как романтизм в предшествующий период. См. Agulhon (1973, 13—14): «[В 1848 году] все подталкивало интеллектуальную элиту к тому, чтобы видеть в народе вместилище новых и здоровых сил. Подхватив темы, впервые выдвинутые в конце предыдущего столетия германским романтизмом, вдохновители и лидеры националистических движений в Центральной и Восточной Европе в своей борьбе против аристократов и их космополитических культур превозносили национальные достоинства фольклора, народных песен и сказок, первородного здоровья масс. Конечно, Франция находилась не в том положении — считалось, что национальный вопрос здесь уже был решен. Однако народы и национальности, поднявшиеся на восстание, от Греции до Ирландии и от Польши до Италии, умиляли наших либералов и республиканцев, в связи с чем пустая популистская идеология, которая морально поддерживала европейскую борьбу, не могла не повлиять на их французских друзей».

4

ГРАЖДАНИН В ЛИБЕРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Огюст Сен-Годен, «Роберт Гулд Шоу и 54-й полк».

В ходе Гражданской войны в США северяне довольно неохотно организовали полк афроамериканских волонтеров под командованием белого офицера из аболиционистской семьи из Массачусетса. 54-й полк стал знаменит за свою храбрость при атаке на Форт-Вagner. Спустя примерно 30 лет Сен-Годен был приглашен в Бостон создать бронзовый монумент в честь этого события. Как можно увидеть, главным его героем является белый командир. Только в 1982 году имена 64 погибших афроамериканских солдат были выбиты на задней части монумента. Иллюстрация публикуется с любезного разрешения Йельской коллекции американской литературы, Библиотека редких книг и манускриптов Бейнеке, Йельский университет.

Едва ли приходится лишний раз подчеркивать, что принцип национального суверенитета находился в самом сердце Французской революции. То, что этот принцип был создан и воплощен на практике путем переноса абсолютного суверенитета с короля на нацию, — это трюизм, который стоит повторить — а также исследовать.

Кейт Майкл Бейкер, «Суверенитет» (БАКЕР, 1988)
Я бы сказал, что французская революционная традиция... имела большее воздействие на XIX век, нежели на ее современников.

Эрнест Лабрусс (LABROUSSE, 1949В, 29)

Неравенство является фундаментальной реальностью для мир-системы Модерна так же, как и для любой известной исторической системы. Однако отличительным и особенным свойством исторического капитализма было то, что его целью (а также его достижением) было провозглашено равенство — рыночное равенство, равенство перед законом, фундаментальное социальное равенство всех людей, наделенных равными правами. Великий политический вопрос мира эпохи Модерна, великий культурный вопрос состоял в том, как примирить теоретическое представление о равенстве с продолжающейся и все более острой поляризацией возможностей реальной жизни и тех удовольствий, которые возникали в результате этих возможностей.

На протяжении долгого времени — целых трех столетий, с XVI по XVIII век — этот вопрос едва ли обсуждался в рамках мир-системы Модерна. Неравенство по-прежнему считалось чем-то естественным, фактически установленным Богом. Но как только революционный подъем конца XVIII века превратил язык равенства в культурную икону, как только вызовы власти стали повсеместными, несоответствие теории и практики больше нельзя было игнорировать. Необходимость сдерживать осуществление этого культурного запроса и тем самым держать в узде «опасные классы» стала приоритетом для тех, кто находился у власти. Создание либерального государства было главной структурой, выстроенной с целью ограничения данного запроса. Разработка современных идеологий, в свою очередь, стала важным механизмом в создании либерального государства.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВА

Великим символическим жестом Французской революции было требование больше не использовать титулы — даже «месье» и «мадам». Каждого следовало называть «гражданин» (*citoyen*). Этот жест был направлен на то, чтобы продемонстрировать отвержение традиционных иерархий, включение принципа социального равенства в строящееся новое общество. Но Французская революция закончилась, и титулы были восстановлены. Однако понятие «гражданин» (хотя и не его использование в качестве формы обращения) пережило революцию. Более того — оно жило и здравствовало, став риторическим основанием либерального государства. В юридическом смысле это понятие было принято повсеместно — вплоть до того, что в 1918 году мир был вынужден ввести понятие «безгосударственных» лиц, чтобы описать ту сравнительно небольшую часть человечества, которая была неспособна заявить о своей гражданской принадлежности к какой-либо территории.

Предполагалось, что понятие «гражданин» будет инклюзивным, то есть утверждалось, что все лица в рамках некоего государства, а не только отдельные люди (монарх, аристократы) имели право быть частью — причем равной частью — процесса принятия коллективных решений в политической сфере. Из этого следовало, что каждый должен иметь право получать социальные блага, которые может распределять государство. Ко второй половине XX века существование прав, гарантированных гражданам, стало минимальным определением того, что составляет современное «демократическое» государство, на каковой статус сейчас претендует фактически каждое государство.

Однако обратной стороной инклюзивности гражданства было исключение из него. Те, кто не подпадал под новую категорию граждан определенного государства, по определению подпадали под другое новое понятие — иностранцы (*aliens*). Для данного государства иностранцы, возможно, могли являться гражданами другого государства, но не того, о котором идет речь. Но даже исключение иностранцев в рамках границ каждого конкретного государства не ограничивало численность лиц, теоретически включенных в число граждан, значительным образом. В большинстве случаев более 90% жителей той или иной страны были гражданами — гражданами *в правовом отношении*, то есть гражданство теперь стало вопросом правового определения.

Именно с этой проблемой и столкнулись государства после Французской революции: гражданами были слишком много лиц, и результаты этого могли быть довольно опасными¹. XIX век (а в действительности и XX столетие) стал историей того, как некоторые лица (наделенные привилегиями и преимуществами) последовательно пытались ограничить определение гражданства, а остальные отвечали на это стремлением утвердить его более широкие границы. Именно вокруг этой борьбы сосредоточилось интеллектуальное

¹ «В начале XIX века большинство политических комментаторов [*publicistes*] преследовал призрак социального распада... В основе этой всеобщей озабоченности лежало желание обойти модель народного суверенитета... Страху были подвержены очень многие» (Rosanvallon, 1985, 75—76).

теоретизирование в столетия после 1789 года, именно вокруг нее формировались социальные движения.

Способ узко определять гражданство на практике, при этом сохраняя сам принцип в теории, предполагает формирование двух категорий граждан. Начало этой попытке положил аббат Сийес всего через шесть дней после падения Бастилии. В докладе Конституционному комитету Национального Собрания 20—21 июля 1789 года он предложил разграничение между пассивными и активными правами, пассивными и активными гражданами. Естественные и гражданские права, утверждал Сийес, являются правами, «*ради сохранения и развития которых сформировано общество*». Это — пассивные права. Кроме того, существуют политические права, «*посредством которых сформировано общество*». Это — активные права. Из этого различия Сийес делал следующий вывод:

«Все обитатели той или иной страны должны пользоваться в ней правами *пассивных* граждан; все имеют право на защиту своей личности, своей собственности, своей свободы и т. д. Однако не все имеют право играть активную роль в формировании публичной власти; не все являются *активными* гражданами. Женщинам (по меньшей мере, в настоящее время), детям, иностранцам и прочим не делающим никакого вклада в поддержание общественного устройства лицам, следует запретить активно влиять на общественную жизнь. Каждый уполномочен пользоваться общественными благами, но только те, кто вносит вклад в общественное устройство, является подлинным акционером (*actionnaire*) этого великого общественного предприятия. Лишь они являются действительно активными гражданами, полными членами общества (*association*)» (Siéyès, 1789, 193—194).

После этого Сийес не моргнув глазом добавляет, что равенство политических прав является фундаментальным принципом (но, по умолчанию, только для активных граждан), без чего привилегии утвердятся вновь. 29 октября 1789 года Национальное Собрание внесло это теоретическое положение в правовой акт, определявший в качестве активных граждан тех, кто платил прямые налоги как минимум в размере трехдневной заработной платы. Необходимым условием активного гражданства стала собственность. Как отмечает Розанваллон (Rosanvallon, 1985, 95), «если сувереном является разум, то люди не могут изобретать законы — они должны открывать их... Представление о способностях обнаруживает свою логику в этой схеме»².

Попытка ограничить значение понятия гражданства принимала множество форм, но каждая из них обязательно предполагала появление таких антиномий, которые могли оправдать разделение на пассивных и активных

² Теоретическим обоснованием выступало то, что критерием права на избрание путем голосования была «независимость суждения». Из этого следовало, что «все те, кто считался зависимым от кого-либо в осуществлении своей воли, например, дети, женщины или прислуга, исключались из избирательного права» (Gueniffey, 1988, 616). Таково был происхождение того, что позднее получит название *régime censitaire* [режим избирательного ценза — *фр.*] (Théret, 1989, 519).

Компетентность суждения и далее была главным обоснованием запрета на доступ к избирательному праву. Например, в 1824 году Джеймс Милль, ключевая фи-

граждан. Бинарные разграничения (ранга, класса, гендера, расы/этничности, образования) являются давними реалиями. Отличием XIX века стали попытки соорудить теоретические подмости, которые могли бы узаконить превращение данных различий в правовые категории, с тем чтобы подобные категории служили ограничению того, в какой степени провозглашенное равенство всех граждан реализовывалось на деле.

Причина этого проста. Когда неравенство является нормой, не требуется делать каких-либо новых различий в дополнение к тем, что уже существуют между людьми разных рангов — в целом между знатными и простолюдинами. Однако, когда официальной нормой стало равенство, внезапно оказалось принципиальным понимание того, кто в действительности составлял этих «всех», имевших равные права, то есть кто являлся «активными» гражданами. Чем больше равенство провозглашалось в качестве морального принципа, тем больше внедрялось препятствий — юридических, политических, экономических и культурных, чтобы предотвратить его реализацию. Идея гражданина спровоцировала кристаллизацию и ужесточение — как интеллектуальное, так и правовое — длинного списка бинарных различий, которые затем приняли форму культурных оснований капиталистического мира-экономики в XIX и XX веках: буржуазное и пролетарское, мужское и женское, взрослое и детское, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы, образованные и темные, квалифицированные и неквалифицированные, профессионалы и любители, ученые и профаны, высокая культура и низкая культура, гетеросексуальное и гомосексуальное, нормальное и ненормальное, трудоспособные и инвалиды, а также, конечно, сверхкатегория, которая включает все прочие — цивилизованные и варвары.

В тех государствах, где граждане располагали равными правами, господствующие группы стремились к исключению, в то время как управляемые группы — к включению. Эта борьба велась и на политической, и на интеллектуальной арене — всякий обнаруживал себя по одну из перечисленных выше противостоящих сторон. Те, кто находился на доминирующей стороне, стремились осмыслить указанные различия как в некотором роде естественные. Ключевой проблемой этого лагеря было убедиться в том, что лично они находились на доминирующей стороне каждого и любого бинарного различия. Сталкиваясь с ними, те, кто находился на противоположной стороне, начинали организовываться, стремясь к тому, чтобы обесценить, уничтожить или переопределить данные различия, дабы переместиться в категорию активных граждан, в категорию цивилизованных.

Тот факт, что бинарных категорий существовало множество, создавал определенную сложность: можно было находиться на доминирующей стороне

гура английских либералов того времени, выступал против предоставления избирательного права женщинам и рабочему классу, «исходя из того, что их интересы могут эффективно представлять другие лица, более способные обращаться с политической властью от их лица: в случае женщин — мужья и отцы, а в случае рабочего класса — „наиболее мудрая и достойная часть общества — средние слои“» (Taylor, 1983, 16).

в рамках одних категорий и невозможно — в рамках других. Тем, у кого не было, так сказать, абсолютного основания, приходилось принимать политические решения, если они хотели считаться частью той группы, которая включала полноценных граждан. Часто — и это вполне понятно — они стремились придать приоритетное значение тем категориям, в рамках которых они находились на господствующей стороне. Результатом этого могло быть определенное расширение привилегированной группы, но это просто увеличивало трудности для тех, кто оставался за ее пределами. Именно эта борьба вокруг определения приоритетов в бинарных категориях лежала в основе долгих внутренних споров социальных движений о тактике их борьбы и природе потенциальных и желательных альянсов.

Конечно, понятие гражданства означало освобождение, и оно в самом деле освободило всех нас от мертвого груза унаследованных иерархий, требовавших священного или естественного порядка. Однако это было лишь частичное освобождение от препятствий, а новые включения в число граждан сделали более острыми и более очевидными продолжающиеся (и всё новые) исключения. В актуальной практике универсальные права оказались чем-то вроде лингвистического миража, оксюморона. Создание республики достойных равных обернулось требованием отвергнуть всех прочих, которые тем самым были обречены считаться недостойными³.

Либерализм, который станет доминирующей идеологией мира эпохи Модерна, проповедовал, что этому достоинству можно обучить, и поэтому предлагал управляемое расширение прав, управляемое перемещение пассивных граждан в группу активных — иными словами, путь трансформации варваров в цивилизованных людей. Поскольку правовой процесс этого перемещения мыслился как необратимый, его следовало осуществлять внимательно, осмотрительно, а главное, постепенно. С другой стороны, социальные движения, которые создавались для защиты интересов тех, чьи права были признаны не полностью, всегда обсуждали, что именно возможно сделать для прекращения их непризнания как можно быстрее. Некоторые настаивали, что подобные движения должны быть антисистемными, то есть стремиться к разрушению существующей исторической системы, сделавшей возможным искажение равенства. Другие же выступали в целом за интеграцию, то есть верили, что роль упомянутых движений заключалась в том, чтобы просто ускорить уже существующую либеральную программу управляемого обретения прав.

³ Различение, сделанное Сийесом, будет в той или иной форме принято везде. «Итальянские либералы, как и их единомышленники в других частях Европы, делали четкое различие между гражданами (*i cittadini*) и массами, или населением (*il popolo*). В либеральном государстве население наделялось гражданскими правами, но только собственно гражданам, меньшинству, соответствующему критерию ответственности благодаря наличию таких достоинств, как пол (*sex*), владение собственностью и формальное образование, можно было полноценно доверять политические права... Либеральная позиция... была отражением страха, что политическая демократия может привести к нестабильности государства и „власти толпы”» (Lovett, 1982, 33).

Как уже было сказано, эта история началась вместе с самой Французской революцией. Сийес в своем упомянутом меморандуме утверждал: «Всякая публичная власть без различия является воплощением общей воли; все исходит от народа, то есть Нации. Эти два понятия следует считать синонимами» (Siéyès, 1789, 195). Внедрение этой доктрины было простым и быстрым: все, что называлось королевским, было переименовано в национальное⁴. «Для французских революционеров нация не была данностью — ее нужно было создать» (Cruz Seoane, 1968, 64). Понятие нации быстро распространилось на другие страны⁵. Именно французские революционеры первыми использовали это понятие и для обоснования идеи самоопределения наций. Когда 13 сентября 1791 года Национальное собрание проголосовало за аннексию Авиньона и графства Венессон, это было сделано во имя «права народа определять свою собственную судьбу [*disposer d'eux-mêmes*]» (Godechot, 1965, 189).

Однако, отметив, что национальный суверенитет был установлен в момент перехода суверенитета от короны к нации, Нора (Nora, 1988, 893) задается настоящим вопросом: «Но какая нация? ... И какое общество?» На пике Французской революции энтузиазм обычных людей мог придать идее нации кратковременную гиперэгалитарную тональность. Но при этом существовала и совершенно иная традиция Просвещения, делавшая резкое различие между

⁴ Годешо (Godechot, 1971, 495) отмечает: «В ходе избирательной кампании 1789 года понятие нации неожиданно приобрело революционный резонанс, который стал очень популярен среди масс. В результате „объединенная Нация“, а затем и просто „Нация“ (*Nation*) присвоит себе место монарха в иерархии — отсюда и лозунг, принятый в сентябре 1789 года: „Нация, Закон, Король“. Нация решает и распоряжается законом — король лишь применяет закон. Все, что было „королевским“, теперь стало национальным: Национальное собрание, национальная гвардия, национальная армия, национальное образование, национальная экономика, национальные владения, национальное благосостояние, национальный долг и т. д. По образцу преступления *lèse-majesté* [оскорбление величества — *фр.*] появились преступления *lèse-nation* [оскорбление нации — *фр.*].»

Пьер Нора (Nora, 1988, 801) подчеркивает то обстоятельство, что Французская революция свела воедино три смысла понятия «нация». «Социальный смысл: единство граждан, равных перед законом; правовой смысл: учреждающая (*constituent*) власть в отношении к установленной (*constituted*) власти; исторический смысл: группа людей, объединенных определенной длительностью, с собственным прошлым и будущим». Биллингтон (Billington, 1980, 57) подчеркивает социально-психологическую значимость этого понятия: «[Нация — это] новое братство, в котором менее значимая лояльность, равно как и мелкая вражда, отменяются прочь путем превознесения факта нового рождения в качестве *enfants de la patrie* [сынов отечества — *фр.*] — детей общей родины». Биллингтон называет это «воинственным идеалом».

⁵ Кортесы в Кадисе в 1810 году сделали «национальный суверенитет» и «суверенитет народа» новым базовым политическим принципом, и здесь точно так же все, что было «королевским», теперь стало «национальным» (Cruz Seoane, 1968, 53, 64). Адриан Литтлтон (Lyttleton, 1993, 63) применительно к Италии утверждает: «До 1796 года итальянский вопрос не существовал как политическая реальность. Итальянские якобинцы первыми выдвинут в качестве конкретного политического проекта создание объединенной Италии, а их идея нации была взята у Французской революции».

«нацией» — понятием, используемым для обозначения образованных групп, и «народом», который «не был развращен, но легко подвергался влиянию, [и поэтому] требовалось подобающее его положению моральное, техническое (а также физическое) образование, которое лучше бы подготовило его к трудовой жизни» (Woolf, 1989, 106). Словесные игры продолжались, при этом акцент смещался с отечества (*patrie*) на нацию и далее на народ⁶.

Однако вскоре понятие «нация» станет слишком умеренным, а понятие «народ» — настолько популярным, что его стремились использовать даже аристократические правители.

«К 1830-м годам романтические революционеры почти обыденно говорили о *le peuple*, *das Volk*, *il popolo*, *народе* или *lud* как о некоей восстановительной жизненной силе истории. Новые монархи, пришедшие к власти после 1830 года, Луи-Филипп и Леопольд I, искали одобрения „народа“ в качестве королей „французов“ и „бельгийцев“, а не Франции и Бельгии. Даже реакционный царь Николай I спустя три года после сокрушения польского восстания 1830—1831 годов провозгласил, что его личная власть основана на „народности“ (а в равной степени на самодержавии и православии), причем само слово „народность“, означавшее также „дух народа“, было скопировано с польского *narodowość*» (Billington, 1980, 160).

Но это была больше, чем игра — это была часть ключевого спора о том, кто являлся настоящим гражданином. Причем это был не абстрактный спор. Национальное собрание и его преемник — Конвент — столкнулись с тремя конкретными проблемами, связанными с гражданством: женщины, чернокожие и рабочие. Письменные свидетельства Французской революции разнообразны, но в каждом случае Конвент принимал решения о недопущении данных категорий в число граждан, что вело к ожесточению их представителей.

В случае женщин дело в целом началось плохо. Королевский декрет о созыве Генеральных штатов отдельно указывал, что женщины, владеющие сеньориальными имениями, должны были избрать мужчин-помощников, которые представляли бы их в электоральных коллегиях, — знатных лиц для мирянок и духовных лиц для монахинь (Landes, 1988, 232, п. 5). Тем не менее женщины (религиозные сообщества, общества торговки) действительно составляли наказания, причем некоторые их жалобы предвосхищали проблемы будущих альянсов. Некая мадам В^{***} О^{***} из Пэ-де-Ко писала: «Говорят об

⁶ По утверждению Годешо (Godechot, 1971, 495), чтение *cahiers de doléance* [наказов Генеральным штатам 1789 года] демонстрирует, что использовать понятие *patrie* были склонны именно образованные классы, похоже, вполне осознававшие историческое противоречие между Вольтером, который определял этот термин как «страну, где чувствуешь себя комфортно» (*là où on est bien*), и Руссо, настаивавшим, что это «страна, где ты рожден». Термин «нация» использовали те, кто был более склонен к революционным настроениям. Однако Робеспьер, похоже, хотел спасти понятие *patrie* для дела революции, утверждая, что «в аристократических государствах понятие *patrie* имеет смысл только для патрицианских семей, которые узурпировали суверенитет» (цит. в: Carrère d'Encausse, 1971, 222).

освобождении чернокожих рабов; ... но возможно ли, чтобы [нация] молчала о нас?»⁷

Хорошо известно, что во время Французской революции женщины играли значительную роль в различных народных демонстрациях — наиболее важным эпизодом стали так называемые Октябрьские дни 1789 года, когда парижские рыночные торговки вместе с национальными гвардейцами совершили марш в Версаль и заставили королевскую чету перебраться на жительство в Париж. Однако эта демонстрация касалась прав бедняков, а не собственно женщин⁸, а через два месяца после этих волнений, 22 декабря 1789 года, Национальное собрание формально исключило женщин из числа тех, кто надеялся правом голосовать. Впрочем, в 1790 году Кондорсе написал знаменитый памфлет, призывая к *droit de cité* [право гражданства — *фр.*] для женщин, но он не убедил власть предержащих. Конституция 1791 года подтвердила лишение женщин избирательного права, что было вновь проделано голосованием в Конвенте 24 июля 1793 года, уточнившем, что женщины лишаются всех политических прав, неким аналогом которых при Старом порядке фактически пользовались, по меньшей мере, аристократки⁹.

Правда, некоторые улучшения в правах женщин все же были внедрены. Брак и развод стали гражданскими процессами. Право первородства было

⁷ Duhet, 1989, 33. Вскоре после этого в одной петиции к Национальному собранию было сказано: «Женщины определенно столь же достойны, сколь и (*valent bien*) евреи и цветные» (цит. в: Rebérioux, 1989, x).

⁸ Как утверждает Хафтон (Hufton, 1971, 95), «при Старом порядке наиболее значимое социальное разделение... пролегалo между теми, кто мог гордо заявить, что „в нашем доме всегда есть хлеб“, и теми, кто был не в состоянии это сделать... Женщине, участвовавшей в хлебных мятежах, придавало силу понимание необходимости удержаться на грани между бедностью и нищетой... Нищие не были ни протестующими, ни бунтовщиками... Они отказались от всего и ничего не ожидали.

В таком случае хлебные мятежи Французской революции, будь то марш на Версаль 5–6 октября 1789 года или в меньшей степени *joursées* [дни — *фр.*] жерминаля и пририала третьего года Республики, были преимущественно „женскими днями“. Когда речь шла о хлебе, это было женским делом: хлебный бунт без женщин — это нечто внутренне противоречивое».

Гарриет В. Эпплайт и Дарлин Гей Леви (Applewhite and Levy, 1984, 64) видят роль женщин несколько иначе: «Женщины из народных масс Парижа сделали существенный вклад в наиболее значимую, даже уникальную особенность революции: достижение ею наибольшего в западном мире XVIII века народного суверенитета с демократической основой. Феминистские требования гражданских и политических прав, выраставшие из либерализма Просвещения, никогда не занимали центрального места в революционной борьбе за власть и отрицались кодексом Наполеона, но политическая активность женщин, не принадлежавших к элите, находилась в сердце революционной политики».

⁹ «Когда Филипп Красивый торжественно созвал Генеральные Штаты... в 1302 году, он принял ассамблею, выбранную и женщинами, и мужчинами. На протяжении более чем пяти столетий привилегированные женщины всех сословий сохраняли право голоса как на местном, так и на национальном уровне. Но затем, в 1790-х годах, революция, провозгласившая права человека, отменила политические права женщин» (Hause, 1984, 3).

отменено, были провозглашены права незаконнорожденных детей и их матерей на финансовую поддержку. Был принят закон, позволявший женщинам выступать в качестве свидетельниц в документах, относившихся к *état civil* [гражданскому состоянию — *фр.*], хотя этот вопрос оставался спорным (Abray, 1975, 55). К тому же в накаленной атмосфере якобинского периода женщины стали организовываться, начав играть гораздо большую роль в народных обществах. Они стояли за дверьми Конвента, пытаясь контролировать желающих войти туда, толпились в галереях, выкрикивая свои требования (Landes, 1988, 139—140).

5 мая 1793 года было основано Общество революционных республиканок, которое мужественно продвигало женские требования хлеба. В их языке присутствовали отчетливо феминистские обертоны. Они объединились с «бешеными»¹⁰, которые критиковали якобинцев слева. Но прежде всего это были именно женщины, организованные женщины, которые настоятельно требовали их услышать. Когда в одной из парижских секций женщины потребовали права носить оружие, Фабр д'Эглантин* с жаром заявил в Конвенте: «На смену *bonnet rouge* [красным колпакам — *фр.*], которые республиканки одевают на своих собраниях, придет патронташ, а затем и ружье» (цит. в: Abray 1975, 56). Комитет общественной безопасности назначил отдельный комитет во главе с Андре Амаром**, чтобы рассмотреть, должны ли женщины реализовывать политические права и следует ли им позволить принимать участие в политических клубах. По обоим вопросам ответ окажется отрицательным. Комитет рассудил, что женщины не обладали «моральными и физическими качествами» для реализации политических прав, причем наделить этими правами женщин желали аристократы, «чтобы сравнить их с мужчинами» (цит. в: George, 1976—1977, 434).

Что же касается участия в политических ассоциациях, то Амар вполне открыто объяснял, почему женщинам нельзя позволять в них вступать:

«Если мы считаем, что политическое воспитание мужчин находится в зачаточном состоянии, ... то насколько более оправданно для женщин, обладающих почти нулевым моральным воспитанием, быть менее осведомленными относительно принципов? Поэтому их присутствие в народных обществах придаст активную роль в управлении лицам, более приверженным террору и соблазну. Добавим и то, что женщины по своей организации расположены к перевозбуждению, что было бы смертельно для общественных дел, а также то, что интересы государства будут принесены в жертву всему, что пылкость чувств может породить на пути ошибки и беспорядка» (цит. в: Landes, 1988, 144).

Как отмечала Олив Бэнкс (Banks, 1981, 28), защита «прав человека» не обязательно вела к защите «прав женщин», поскольку «вполне возможно определять природу женщин как иную в сравнении с природой мужчин». Конечно,

¹⁰ Маргарет Джордж (George, 1976—1977, 420) утверждает, что целью республиканок было «организовать женскую половину „народа“ на ревностную поддержку программы „бешеных“».

исключение женщин часто преподносилось как *временная* мера. Более ранний (апрель 1793 года) доклад Ланжюине⁷ призывал к лишению женщин политических прав «на время, которое потребуется для исцеления пороков женского воспитания». Как едко заметила Мари Серати (Cerati, 1966, 170), «[эти пороки], должно быть, были ужасно крепкими, раз потребовалось полтора столетия, чтобы преодолеть их».

Почему именно женские клубы, ставшие первой жертвой закона о подозрительных лицах¹¹, были предметом серьезного спора? Маргарет Джордж (George, 1976—1977, 412) полагает, что «нервы якобинцев были напряжены, их терпение лопнуло в стычке с поборниками демократии участия», а женщины были легкой мишенью. Скотт Х. Лайтл (Lytle, 1955, 25) уточняет, что «революционные женщины стали опасны для последователей Робеспьера, [поскольку последние были] не в состоянии удовлетворить требования парижан по поводу хлеба». Хафтон (Hufton, 1971, 102) связывает последний вопрос с настроениями санкюлотов:

«Санкюлот, сказал Шометт¹² в октябре 1793 года, распуская женские клубы, имел право рассчитывать на то, что его жена будет вести хозяйство, пока он посещает политические собрания... Остальные делали акцент на гордости санкюлота в его новообретенной значимости в *société populaire* [народных обществах — *фр.*], в [парижских] секциях или же в качестве профессионального революционера на заказ... Пока их мужья продолжали выступать, женщины в некоторых территориях вставали в продуктовые очереди, и в этот момент их лояльность оказывалась под возможным подозрением».

Эпплуайт и Леви (Applewhite and Levy, 1984, 76) рассматривают объявление женских клубов вне закона как «триумф буржуазной революции над народной»¹³. Но буржуазным феминисткам, конечно, жилось не лучше. Олимпия де Гуж, автор «Декларации прав женщины и гражданина»¹³, 3 ноября 1793 года была отправлена на гильотину. Чем бы ни объяснялось отношение якобинцев к данным вопросам, ситуация не изменится с их падением. В 1795 году, после *journée* [дней — *фр.*] первого прериаля¹⁴, Конвент полностью запретил женщинам доступ в свое помещение даже в качестве слушательниц,

¹¹ Элизабет Рэч (Racz, 1952, 171) находит в этом факте «иронию», поскольку именно республиканки были пылками сторонницами данного закона.

¹² Такую же оценку дает Леопольд Лакур (Lacour, 1900, 403): «Мишле ошибался, когда писал, что „этот великий социальный вопрос [политические права женщин] был удушен случайным образом“. Террор был логичным средством подавления женских клубов.¹ Тем, что они душили, или, скорее, тем, что они окончательно задушили, была партия, которая в *Ami du peuple* [«Друге народа» — *фр.*] Леклерка² или с трибуны Общества революционных республиканок требовала немедленного внедрения Конституции. Это была женская и мужская партия, которая желала социальной революции, ... которая всерьез восприняла социалистические обещания Робеспьера, а затем голосование за Конституцию».

¹³ Эта декларация не была пугающей: «Женщины, проснитесь! Набат разума слышен по всему миру, узнайте о своих правах» (цит. в: Levy et al., 1979, 92). См. детальный анализ взглядов и роли Олимпии де Гуж в: Scott (1981).

если их не сопровождал мужчина с удостоверением личности гражданина (Abgray, 1975, 58). А в 1796 году Совет пятисот запретил женщинам занимать старшие педагогические должности. В 1804 году Кодекс Наполеона превзошел даже Старый порядок. Если прежде, по меньшей мере, аристократкам было позволено распоряжаться собственностью и участвовать в решении правовых вопросов, то теперь, в более эгалитарном духе Французской революции, все женщины получили равное отношение — все стали полностью бесправными (Levy et al., 1979, 310).

Выше я говорил о смешанной картине. Действительно, можно подчеркнуть негативную сторону описанной ситуации. Джейн Эбрей (Abgray, 1975, 62) утверждает, что она «выступает ярким доказательством принципиального социального консерватизма [революции]». Ивонна Книбилер (Knibiehler, 1976, 824) настаивает, что эти события означали «сравнительное понижение статуса женщины» до такой степени, что, по утверждению Джордж (George, 1976—1977, 415), он стал «отчетливо еще более низким, чем во времена католического и феодального прошлого, поскольку теперь он был определен, облачен и обоснован буржуазными божествами Разума и законами Природы». Серати (Cerati, 1966, 13) утверждает, что претензии женщин на более значительные права во время Французской революции столкнулись с «ледяным восприятием со стороны [в иных случаях] пылких [маскулинных] сторонников равенства». Однако Джоан Б. Лэндес (Landes, 1988, 148) полагает, что частью проблемы были сами феминистки, которые «несли на себе печать двусмысленного отношения к публичным женщинам».

Но можно оценить этот опыт и более позитивно. Лэндес (Landes, 1988, 170) также указывает, что после Французской революции «гендер стал социально значимой категорией... в том отношении, в котором он не имел значения прежде». Джоан Келли (Kelly, 1982, 79) оценивает ситуацию после 1789 года в пользу феминисток в сравнении с историей знаменитого *querelle des femmes* [женского вопроса — фр.], поставленного Кристиной Пизанской и прочими еще в XV веке. У первых феминисток, утверждает Келли, не было «представления о социальном движении, которое изменило бы ход событий», в то время как после 1789 года они «были вдохновлены идеей прогресса и международного социального изменения». А Клэр Гольдберг Мозес (Moses, 1984, 14) настаивает, что если до 1789 года феминизм был значимой темой лишь для высших классов, то Французская революция вела к «подъему феминизма, который был более масштабным и более инклюзивным по своим последствиям». Негативная оценка изложенных выше событий подчеркивает фактически свершившиеся изменения и теоретические обоснования, характерные для того времени. Позитивная же оценка делает акцент на развитии и мобилизации феминистского движения. Господствующие теоретизируют, а те, над кем господствуют, организуются — этот напряженный сюжет останется принципиальной культурно-политической антиномией на протяжении XIX (а также XX) столетия.

История с чернокожими не слишком отличалась от истории с женщинами. Конечно, во времена революции во французской метрополии было мало негров, но их было много в колониях, прежде всего в Сан-Доминго.

В предыдущем томе я уже излагал историю успешных восстаний на этой территории, создания первого государства чернокожих на Американском континенте, войн и, наконец, дипломатической изоляции Республики Гаити (Wallerstein, 1989, *passim*, особенно 240—244, 253—256 / сс. 278—282, 296—312 3 тома рус. изд.). Здесь же хотелось бы сделать акцент на той дискуссии, которая происходила в Париже.

До революции в Сан-Доминго существовала четкая система социальной стратификации. Там была небольшая группа белых, большинство из которых было плантаторами. Кроме того, была группа свободных мулатов. Однако самую большую группу составляли чернокожие, причем почти все они были рабами. Это была иерархичная социальная организация, но ни у одной из названных групп не было политических прав. Поэтому все три группы с энтузиазмом восприняли Французскую революцию, поскольку все они надеялись, что она даст им политические права. Однако белые не хотели, чтобы социальное равенство было даровано свободным мулатам, при этом ни белые, ни свободные мулаты не желали, чтобы гражданские права получили рабы. Опять-таки норма равенства выдвинула вопрос, кто должен быть включен в категорию граждан. Эме Сезер сделал по этому поводу следующее тонкое замечание (Césaire, 1981, 342):

«По аналогии с тем, как королевские власти не могли подавлять чернокожих без определенной степени подавления всех классов, стало быстро ясно, что власть, возникшая в ходе Французской революции, не могла согласиться с требованием свободы со стороны одного из классов колониального общества, не поставив открыто вопрос о самом существовании этого общества. Если более точно, то буржуазная власть, которую породила Французская революция, осознавала, что свобода является неделимой, что нельзя предоставить политическую или экономическую свободу белым плантаторам и при этом держать мулатов в железном кулаке, а также невозможно признать гражданское равенство свободных цветных и в то же время держать чернокожих в каменистых оковах. Короче говоря, чтобы освободить один из классов колониального общества, пришлось бы освободить их все, то есть освободить Сан-Доминго. Но это выглядело противоречащим интересам Франции».

Однако это не означало, что в Национальном собрании и Конвенте не было людей, которые не понимали этого. В ходе дискуссии об освобождении рабов аббат Грегуар заявил: «По-прежнему существует одна аристократия — аристократия цвета кожи» (цит. в: Césaire, 1981, 187). Однако, предполагает Сезер, антиколониализм находился за рамками филантропии и даже антирасизма, и даже Грегуар и Робеспьер не были готовы идти настолько далеко. Готов на это был только Марат, заметивший связь данной проблемы с самим принципом активного гражданства: «Но как можно рассматривать в качестве свободных людей лиц с черной кожей, если мы не рассматриваем в качестве граждан тех, кто не может заплатить и одного экю прямого налога?» (цит. в: Césaire, 1981, 189—190).

Освобождение рабов в 1793 году не было плодом эгалитарных импульсов французских революционеров. Оно было совершено силой Туссен-

Лувертюром, предводителем восстания рабов на Сан-Доминго, и просто ратифицировано декретом Конвента № 2262 от 4 февраля 1794 года, который отменит Наполеон в 1802 году после того, как Туссен будет заключен в тюрьму (причем этот декрет не будет восстановлен до 1848 года).

Еще более показательной была предшествующая дискуссия о правах, которые следует предоставить свободным мулатам. Под давлением Общества друзей чернокожих при сопротивлении клуба Массиака¹⁴, представлявшего интересы белых плантаторов, Учредительное собрание «единогласно» приняло курьезное компромиссное решение. После принятия декрета, наделившего правом голоса свободных цветных, Дюпон де Немур¹⁵ представил «декларацию» белых, где их согласие объяснялось на том основании, что право голоса было дано только «с оговоркой: мулатам, чьи родители были свободными», но не было и не могло быть предоставлено «несвободным или освобожденным лицам, поскольку они являлись представителями „иностранной нации“» (цит. в: Blackburn, 1988, 187—188)¹⁶. Белые бедняки на Сан-Доминго противостояли какой-либо квалификации по критерию собственности, поскольку это дало бы право голоса некоторым свободным мулатам, но не им. Они применяли определение белых плантаторов — «разновидность иностранцев, которым не предоставлены политические права», — ко всем свободным мулатам (Blackburn, 1988, 177). Даже свободные мулаты по определению не были частью «нации», а потому не могли быть гражданами.

Что же касается французских рабочих, то, как мы уже отмечали, идея активного гражданства посредством создания основанного на собственности определения гражданских прав была направлена на исключение этой группы, что и последовало. Однако в горячей революционной атмосфере рабочие стали пытаться улучшить свое положение, создавая собственные организации. Учредительное собрание упразднило гильдии, но работодатели и рабочие дали этому шагу противоположные интерпретации. Для первых единственным законом, который теперь управлял производством, был закон спроса и предложения. Рабочие же полагали, что решение упразднить гильдии означало, что они не смогут свободно создавать свои организации, как они этого желали (Sogea, 1931, 295).

Резкий рост цен вкупе с коллапсом бумажных ассигнаций подогрели бурление в рядах рабочих, пик которого пришелся на весну 1791 года, как раз перед бегством короля и принятием Конституции. Казалось, что забастовки и беспорядки были неподконтрольны парижскому муниципалитету и вели к призыву к Собранию действовать. Сохраняя неэгалитарные стандарты

¹⁴ Белые в Сан-Доминго проигнорируют этот декрет, и действительно, они казнили Оже, лидера свободных цветных, когда он попытался обеспечить его реализацию. Это привело к гражданской войне между белыми и мулатами, которая затем оказалась бессмысленной из-за восстания рабов против как белых, так и мулатов. Робин Блэкберн (Blackburn, 1988, 176) называет «друзей чернокожих» «неэффективной» политической группой, отмечая, что рабовладельческие круги имели «возможность налагать вето не только в Учредительном собрании, но и в революционных клубах».

голосования, Собрание стремилось использовать эгалитарную идеологию против возможности рабочих создавать организации, приняв закон «против заговоров». Одиозный закон Ле Шапелье, принятый 14 июля 1791 года, поставил вне закона объединение рабочих, а 20 июля это предписание было распространено и на *compagnonnages* — давно существовавшие общества взаимопомощи (Wallerstein, 1989, 107 и сн. 248 / с. 132 3 тома рус. изд.).

Стивен Л. Каплан (Kaplan, 1979, 74—75) показывает, как за фасадом нового языка равенства революционеры продолжали использовать те же самые практики, которым следовал роялистский режим:

«Отныне во имя индивидуальной свободы будет подавляться то, что прежде подавлялось во имя коллективного и корпоративного общественного блага... Примечательно, что два ключевых средства социального контроля над миром труда, которые использовались революционерами ради защиты свободы — максимум, основанный на системе поставок продовольствия, добывавшегося путем принуждения, и закон против заговоров, — были краеугольными камнями основанного на запретах патерналистского *Ancien Régime*».

Жан Жорес (Jaurès 1968, 912) в своей истории Французской революции обличал этот «ужасный закон» в том, что под видом равенства между рабочими и работодателями он воздействовал только на рабочих и висел над ними тяжелым грузом на протяжении 70 лет. Жорес цитирует Маркса, который называл данный закон «буржуазным переворотом», и не видит ничего удивительного в том, что Робеспьер молчаливо поддержал его принятие, не сказав ни слова¹⁵.

Французская революция апеллировала к природе — универсальному феномену, который принадлежал каждому. Но в то же время она взывала и к мужеству, которое лишь потенциально (но не обязательно в действительности) было всеобщей характеристикой. Из этих идей революция выводила существование прав человека, но поскольку могло существовать множество «природ» и множество способностей, данный дискурс обладал «амбивалентным качеством» (Landes, 1981, 123). Джоан Скотт (Scott, 1981, 2) вполне уместно резюмирует «настоятельный вопрос отношения отдельных маркированных групп к воплощенному всеобщему»: «Как могли права бедных, мулатов,

¹⁵ С данной точкой зрения, по сути, согласен Ричард Кобб (Cobb, 1970, 184), хотя он отказывается называть это классовым конфликтом: «Конфликт между якобинской диктатурой и народным движением, расхождение путей последователей Робеспьера и санкюлотов, были более прямолинейны, нежели предполагалось. Программные положения мало что значили в этом разводе, а в равной мере невозможно отыскать и какую-либо „неизбежность“ конфликта, используя классовые термины. Обе стороны представляли собой определенные формы правления (для описания коммунизма народного ополчения лучше говорить о правлении со знаком „минус“ (un-government)), которые не могли сосуществовать дольше, чем несколько месяцев». Точные рассуждения о том, как можно рассматривать санкюлотов в качестве социальной категории, см. в: Hobsbawm (1977, 88), Soboul (1962, 394) и Tønnesson (1978, xvii).

чернокожих или женщин фигурировать в качестве прав человека? Общий ответ: затруднительно».

Впрочем, следствием Французской революции было то, что «революционное действие обрело статус, перспектива или угроза которого, на первый взгляд, качественно отличались от мятежных действий и в моральном плане были сопоставимы с тем, во что в иные времена и в иных местах (а порой это происходит и до сих пор) облачались великие религиозные изменения» (Sonenscher, 1989, vi). А поскольку революционное действие было и перспективой, и угрозой, оно, конечно же, производило поляризующий эффект, и эта поляризация «обеспечивала подпочву для политиков на последующие полтора столетия» (Roberts, 1978, 73).

Таким образом, понятие гражданина, предполагавшее великое социальное единство, вело к формализации множества пересекающихся бинарных категорий и к бинарному напряжению политической жизни — расколу между правыми и левыми, «партией порядка» и «партией движения», расколу, нейтрализации которого посвятит все свои силы центристский либерализм. Результатом этого была интенсивная зигзагообразность политической жизни, энергию которой придавала неумолимая сила веры в прогресс и которая искажалась продолжавшей и нарастающей экономической поляризацией реальной жизни внутри мир-системы.

В XIX веке в Западном мире стали доминировать так называемые средние классы, а Европа стала доминировать во всем мире. Когда вы достигаете наивысшего положения, проблема теперь заключается не в том, как добраться до вершины, а как на ней удержаться. Средние классы в национальных рамках, а европейцы в глобальном смысле стремились сохранить свое преимущество, присвоив королевскую мантию природы и достоинства для оправдания своих привилегий. Они называли это цивилизацией — данное понятие было ключевой составляющей их усилий. В западном мире оно было трансформировано в образование, которое стало способом контроля над массами¹⁶. А на глобальном уровне начиная с Наполеона (а в дальнейшем это было последовательно принято всеми прочими европейскими державами) «понятие цивилизации как идеологии... стало беззастенчивой формой культурного империализма» (Woolf, 1989, 119).

¹⁶ См. вывод И. П. Томпсона (Thompson, 1997, 23): «После завершения Французской революции отношение к социальному классу, народной культуре и образованию стало „устоявшимся“. В течение столетия и даже больше большинство воспитателей среднего класса не могли разграничить работу по образованию и работу по социальному контролю, причем это слишком часто влекло за собой подавление или отрицание значимости жизненного опыта их учеников, выраженного на грубоватом диалекте или в традиционных культурных формах. Поэтому образование и полученный опыт находились во враждебных отношениях друг с другом. А те трудящиеся, которые собственными усилиями прорывались к „образованной“ культуре, сразу же оказывались в той точке напряжения, в которой образование несло с собой опасность отвергнуть их товарищей и неверие в собственные силы. Конечно же, это напряжение существует до сих пор».

Французская революция придет к определенному политическому концу в 1793/1799/1815 годах и после этого станет просто политическим символом и фактом культурной памяти. Однако она оставила монументальное наследие для всей мир-системы. Суверенитет теперь принадлежал народу, нации, а нормальным следствием народного суверенитета были политическая дискуссия и политическое изменение. Привилегированным стратам мир-системы пришлось примиряться с тем, что было для них губительным наследием революции. Им еще предстоит понять, смогут ли они инкорпорировать это наследие в институциональном смысле таким способом, чтобы сдерживать его потенциал радикального устранения существующих иерархий.

Этот процесс сдерживания принял три формы. Первой из них была кристаллизация того, что стало называться идеологиями, которые претендовали на статус философских конструкций, но в действительности выступали прежде всего в качестве политических стратегий. Второй формой была выработка определенных понятийных категорий в качестве нового дискурса для описания мира. Как уже было сказано, изначально и в первую очередь это было делом господствующих групп, которые тем самым надеялись ввести дискуссию в определенные рамки и оправдать ограничение гражданских прав. Фактически эта работа по творческой концептуализации была трансформирована и институционализирована в структурах знания, известных как социальные науки. Наконец, третьей формой сдерживания было формирование организационной сети, что также изначально и прежде всего было делом господствующих групп, которые были призваны служить в качестве агентов дальнейшего изменения, но одновременно они же будут действовать в качестве механизмов, ограничивающих изменение.

В период 1815—1848 годов казалось, что всё без исключения в этом изменившемся политическом ландшафте движется по неопределенной траектории. Реакционеры пытались отмотать время назад, отменить то культурное землетрясение, которым была Французская революция. Однако, как было показано выше, они поняли, что в действительности это было невозможно. Со своей стороны, подчиненные и угнетенные группы находились в поисках подходящей и эффективной организации. А возникающий либеральный центр не имел определенности относительно того, как следует или как возможно строить подходящую политическую базу, чтобы поставить волнения под контроль. Как мы уже видели, деятели либерального центра сосредоточились на создании либеральных государств — прежде всего, и это наиболее важно, в самых могущественных странах: Великобритании и Франции.

[МИР-РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА]

Именно мир-революция 1848 года и ее непосредственные результаты потребуют разрешения этих неопределенных поисков и усилий с целью стабилизировать мир-систему и восстановить определенный уровень политического равновесия. Эта революция вновь началась во Франции, где Июльская

монархия исчерпала кредит доверия и легитимность. Восстание 25 февраля 1848 года имело широкую поддержку как среди средних, так и среди рабочих классов, со стороны бонапартистов и даже со стороны церкви и легитимистов, «которые видели в падении Луи-Филиппа возмездие за 1830 год» (Pierrard, 1984, 145). И революция тут же получила отклик в других местах в Европе — в первую очередь, конечно же, в Бельгии, но затем и в тех странах, где национализм становился объединяющим моментом: в Германии, Италии, Венгрии. Вот почему историки стали называть 1848 год «весной народов». Единственной страной, где революция не произошла, была Англия, что практически сразу объяснялось в редакционной статье «Таймс» от 26 февраля 1848 года следующим образом: революции не случилось благодаря «пониманию народа, что при существующем положении вещей у него есть голос в правительстве страны и он может результативно сказать свое слово»¹⁷.

«Таймс» могла быть права относительно Англии, однако во Франции революция приняла более социальный, более рабочий и радикальный настрой. Четыре месяца спустя, 25 июня, там произошла вторая за год, так называемая социальная революция¹⁸, после чего широкая поддержка революции

¹⁷ Эту статью, опубликованную 26 февраля 1848 года, стоит привести полностью: «В течение довольно долгого периода [с 1830 года] суверены и правительства Англии постоянно улучшали и популяризировали все институты страны. Они в громадной мере расширили базу представительства. Они очевидным образом и намеренно увеличили силу Палаты общин. Они открыли муниципалитеты. Они ослабили и уничтожили монополии компаний и классов. Они либерализовали мануфактуры и коммерцию. Но зачем нужно дальше вдаваться в детали? — если говорить вкратце, то они бросились в объятия народа. Они подкосили саму основу демократии снизу, удовлетворив одну за другой все ее справедливые желания. Пусть всякий, кто еще не достиг середины жизни, сравнит народные волнения настоящего времени и те, что предшествовали последней французской революции. Англию тогда непрерывно будоражили крики об органическом изменении. Церковь, церковь, права собственности, закон, монархия и сам порядок должны были исчезнуть. Заметьте, какое изменение пришло на смену этой беспокойной сцене. Сегодня народное беспокойство имеет чисто рациональный и, так сказать, законодательный характер. Тысячи и десятки тысяч людей собираются, чтобы довести до своих представителей свое мнение — причем в целом мудрое мнение — по тому или иному ожидающему решению вопросу, но не относительно фундаментальных оснований общества или переустройства государства, а по тем или иным менее принципиальным и diskutierуемым пунктам. Эта дискуссия является законной по своему предмету и нормальной по своей тональности» (цит. в: Saville, 1990, 229).

¹⁸ «Революция 1848 года определенно была наиболее социальной в современном смысле этого термина из всех французских революций... в том смысле, что это была революция „рабочего класса“, или „пролетарская“ революция» (Labrousse, 1952, 183). Данный аспект был известен и в других странах того времени. Жак Дроз (Droz, 1972b, 462) цитирует декларацию франкфуртского *Arbeiterverein* [Рабочего союза — нем.] от 14 мая 1848 года, где говорилось, что «рабочие составляют собственно народ». Вернер Конце и Дитер Грох (Conze and Groh, 1971, 143) утверждают, что в событиях 1848/1849 годов «основу демократического движения и движения рабочего класса почти исключительно формировало высококвалифицированное меньшин-

испарилась почти сразу. Уже 2 июля *Le Moniteur Industriel* негодовала: «Семья, собственность, нация — все было потрясено до основания, сама цивилизация XIX века оказалась под угрозой удара этих новых варваров» (цит. в: Scott, 1988, 117). Чем кончилась эта вторая революция, известно — свержением социального режима и фактическим воцарением Луи-Наполеона и установлением Второй империи.

Но джинн уже был выпущен из бутылки. Движение за социализм, которое «никогда не было более чем охвостом — правда, полным жизни, — движения за буржуазную демократию» (цит. в: Droz, 1972a, 16)¹⁹, теперь явно отделится от центристского либерализма²⁰. По мнению Алеви (Halévy, 1947, 204), «это было триумфом чартизма — но во Франции, а не в Англии»²¹. Однако это нарождающееся движение «пережило очень масштабное отступление после 1848 года» (Cole, 1953, 1:157) — Луи Рейбо, один из экономистов того времени, с 1840-х годов изучавший социалистическое движение, в 1854 году даже провозгласит: «Социализм мертв. Говорить о социализме — значит произносить погребальную речь» (цит. в: Droz, 1972a, 16). И это будет не последнее подобное преждевременное заявление.

Более смело, даже в то время, было бы предположить, что мертв национализм. Клара М. Ловетт (Lovett, 1982, 92) рассматривает революцию 1848 года в качестве трансформации локальных и региональных итальянских демократических движений в «национальную демократическую сеть», однако в дальнейшем у нее появятся сложности, когда она столкнется с «социальным» вопросом²². Венгерское националистическое движение обнаружило проблему иного рода. Если для Кошута «национализм совпадал с либерализмом» (Fejtő,

ство, а именно „рабочие-ремесленники“, чье социальное положение в то время можно назвать лишь исключительно ненадежным».

¹⁹ Несомненно, до 1848 года это движение было более сильно укоренено во Франции, чем в любой другой стране. Брюа (Bruhat, 1979a, 331) утверждает, что Франция в этот период «неоспоримо была страной социализма».

²⁰ 20 1848 год был «моментом, когда автономное социалистическое движение трудящихся стало возникать в Европе из матрицы демократической революции» (Lichtheim, 1969, vii). См. тж. Lehning (1970, 171). Брюа (Bruhat, 1972, 505) описывает возникающий в 1848 году социализм как «доктринальную силу». В Германии «отчетливого разделения между радикально-демократическими и социалистическими политиками не происходило до 1848 года» (Koska, 1986, 333).

²¹ Однако для Джорджа Лихтхайма тот факт, что чартизм не восторжествовал в Англии, является важным обстоятельством, поскольку это обеспечило «консолидацию викторианского общества» (Lichtheim, 1969, 5). Джон Сейвилл (Saville, 1990, 227) рассматривает это скорее как «замыкание статусных границ в рамках всех обладателей собственности в [Великобритании], как бы ни малы были их активы».

²² «Важнее всего, что революционный опыт убедил многих демократических активистов в невозможности заручиться поддержкой масс в деле культурной и политической революции без проговаривания ее социальных целей в более связанных и более конкретных терминах, нежели это сделал Мадзини... Достигнуть консенсуса, даже призрачного, относительно социальных задач итальянской революции оказалось куда более сложно, нежели договориться по поводу ее культурной и полити-

1948b, 133), то для сербов, румын и хорватов, проживавших в границах Венгрии, венгерский национализм представлялся «движением знати, семейной ссорой между венгерскими сеньорами и правителями в Вене» (Fejtő, 1948b, 153)²³. И все же 1848 год «привел в движение революционную войну в Европе» (Djordjevic and Fisher-Galati, 1981, 106), и она распространится по всем Балканам.

Революции 1848 года стали первой мир-революцией в мир-системе Модерна. Это не значит, что они произошли во всех частях мир-системы — этого не было. Кроме того, революционеры не достигли своих целей — в общем и целом революции были разгромлены политически. Однако их центральным пунктом действительно были проблемы исключения — недопущения к преимуществам гражданских прав. Именно в 1848 году впервые стало очевидно, что в дальнейшем появятся два типа антисистемных движений, два способа обращения с этими исключениями: больше прав в рамках отдельно взятой нации (социальная революция) и отделение одной этно-национальной группы от другой, доминирующей (национальная революция).

Кроме того, именно в 1848 году впервые был отчетливо поставлен вопрос о долгосрочной стратегии. С 1815 по 1848 годы идеологическая борьба считалась борьбой между либералами и консерваторами, наследниками духа (хотя и не в целом тактики) Французской революции и теми, кто пламенно стремился восстановить порядок, проистекавший из более старого способа видения мира. В этой борьбе «демократам» и «радикалам» оставалось мало места. Предмет анафемы для консерваторов, помеха для либералов — последние в основном играли роль назойливого насекомого, вынуждая либералов быть более дерзкими (впрочем, без особого успеха, даже если на это обращали внимание). Но революции 1848 года действительно открыли для этих демократов/радикалов, которые иногда называли себя «социалистами», но порой также и «национальными революционерами», возможность стать чем-то большим, нежели надоедливая муха, возможность организации массовых действий, самостоятельных и отличающихся от либерального центра. Именно это предвосхитил чартизм, и именно это имел в виду Алеви, утверждая, что чартизм восторжествовал не в Англии, а во Франции.

Это была ужасающая перспектива не только для консерваторов, но и для либерального центра — и оба лагеря отреагировали на нее соответствующим образом. Подавление радикалов вошло в порядок вещей — не только в Российской и Австро-Венгерской империях и в различных германских и итальянских государствах, но в равной степени и в либеральных государствах — Франции и Англии. Именно в этом заключалось «поражение», о котором говорил Коул. Для социалистического и профсоюзного движения теперь наступят

ческой цели. Действительно, задолго до и уже после объединения Италии проблема социальной справедливости была главным пунктом разногласий в демократическом лагере» (Lovett, 1982, 50—51).

²³ Хорватские националисты «были не либералами, а просто националистами, имевшими большое желание отомстить всем, кто отказывался признавать, что они составляли отдельную нацию» (Fejtő, 1948b, 154—155).

10—15 трудных лет, то же самое верно и для феминистских и националистических движений.

Это подавление окажется эффективным, но недолгим, поскольку в течение десятилетия или двух данные движения возникнут вновь, причем в куда более сильных формах. При этом никуда не денутся уроки, которые сторонники трех классических идеологий XIX века — консерватизма, либерализма и радикализма — вынесли из опыта 1848 года. Для либералов это были два урока. Первый из них заключался в том, что во многих моментах либералы были ближе к консерваторам, чем они думали, а альянсы с радикальными элементами часто оказывались опасными для их интересов. Однако второй урок состоял в решимости либералов на то, что им придется разработать более удачные теоретические обоснования для тех разграничений, которые они по-прежнему стремились провести среди граждан, между активными и пассивными гражданами в духе Сийеса, если они хотели сохранять это различие.

Консерваторы вынесли иной урок: стратегия Меттерниха (а фактически и де Местра, Бональда и прочих) больше не работала. Консерваторы находились под впечатлением того, что восстание не произошло только в Великобритании, даже несмотря на то, что это была страна, где радикальные силы были наиболее сильны. При этом консерваторы заметили, что Великобритания была единственной страной, где адепты этой идеологии следовали более центристским путем, будучи готовыми на некоторые уступки, чтобы поглотить и включить в сферу принятия политических решений, по меньшей мере, силы среднего класса. Кроме того, консерваторы заметили, что подобная политика оказалась успешной, как и предполагала упомянутая выше передовица в «Таймс». Теперь консерваторы будут готовы идти дальше по пути претворения в жизнь определенной версии центристского либерализма, хотя и более консервативной — именно это историки назовут «просвещенным консерватизмом».

Радикалы (прежние демократы) сделали совсем иной вывод, который заключался в том, что спонтанности было недостаточно²⁴. Если они хотели иметь серьезное политическое влияние, то необходимым условием этого была системная и долгосрочная организация. Это обстоятельство поведет «движения» — эфемерное понятие — в направлении бюрократической организации с собственными членами и чиновниками, финансами и газетами, программами, а на деле и с участием в парламентах.

Сьюэлл (Sewell, 1985, 82) утверждает, что Французская революция изменила саму идею революции: если раньше она понималась, как «нечто,

²⁴ Они уже знали, что заговор не сработает. Красноречивым свидетельством этого был крах восстания Бланки в 1839 году. В 1846 году Карл Шоппер от лица Лондонского комитета коммунистической переписки отмечал в письме: «Заговор никогда не приносил выгоды никому, кроме наших врагов... Мы определенно убеждены, что избежать великой революции невозможно, но произвести эту революцию посредством заговоров и глупых прокламаций... — смехотворно» (цит. в: Ellis 1974a, 42). Но теперь рассуждение пошло дальше: от сомнения в ценности заговоров к сомнению в значимости спонтанного мятежа.

случившееся с определенным государством», то теперь стала пониматься как «нечто, что народ сознательно и намеренно сделал с государством». 1848 год привел указанные движения к пониманию того, что «народ» вряд ли что-либо сделал бы с государством без предшествующего объединения в организационную форму²⁵. Это неизбежно заставит данные движения сосредоточиться на государстве, на *национальном* политическом уровне. Кроме того, это фактически и неизбежно поставит вопрос о том, в какой мере эти движения могли оставаться подлинно антисистемными, а не просто вариантом центристского либерализма, хотя и несколько более нетерпеливым.

История оставшейся части XIX века (а в действительности и значительной части XX столетия) заключалась в том, что центристские либералы будут заниматься теориями, антисистемные движения (как социалистического, так и национально-освободительного типа) — организацией, а просвещенные консерваторы — законодательством. Они будут идти на компромиссы, и в процессе покажется, что они подвергнут опасности антисистемные движения. Однако это станет возможным благодаря теоретизированию либералов о гражданстве, так что теперь пора переходить к этому сюжету.

[ТРУДОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ]

Наиболее сильное требование включения в рамки гражданства в либеральных государствах — Западной Европе и Северной Америке, а позднее и в Центральной Европе — исходило от городских рабочих классов. Именно их борьба, которую они чаще всего называли борьбой за социализм

²⁵ Дик Джири (Geary, 1981, 26—28) предлагает различать три разновидности трудового протеста: доиндустриальный («как правило, хлебный бунт»), раннеиндустриальный (луддизм) и современный индустриальный, признаком которого является создание формальных организаций, имеющих «постоянное, длительное существование». Аналогичным образом Чарльз Тилли (Tilly, 1986, 389, 392) утверждает, что после 1848/51 годов народный протест во Франции «сместился в сторону национального сознания», описывая предшествующий протест как «ограниченный и патронируемый», а последующий — как «национальный и автономный». Крейг Калхун (Calhoun, 1980, 115) также утверждает, что «на социологическом уровне ключевое изменение в переходе к „классовым“ действиям произошло с развитием формальных организаций, которые могли мобилизовать рабочих для национальных действий». Калхун говорит, что это началось в 1820-х годах, но я полагаю, что это слишком ранняя датировка. Самое большее, слабые зачатки этого видятся во Франции, а в Англии в лучшем случае присутствовала частично основанная на классовом принципе активность. Реальные национальные классовые организации — это явление, характерное для периода после 1848 года. Я уверен, что более точно, чем Калхун, временную границу проводит Хобсбаум (Hobsbawm, 1975, 115): «Теперь можно заметить, что два достижения 1860-х годов сохранились. Отныне существовали организованные, независимые, политические, социалистические массовые трудовые движения, влияние домарксистских левых социалистов было главным образом сломлено, а следовательно, структура политики будет постоянно меняться».

пролетариата против буржуазии, привлекала наибольшее внимание и в то время, и впоследствии, так что уместно было бы начать именно с этой части сюжета. Дальнейшее изложение будет организовано в виде временного разделения социализма как идеи и как движения, которое предложил Лабрусс (Labrousse, 1949b, 5): с 1815 по 1851 годы это «могучая идея (*grandeur de l'idée*), но слабое движение», с 1851 по 1871 годы «подъем движения, закат идеи», с 1871 года до конца XIX века — «могучая идея, могучее движение».

Выше мы уже указывали на истоки рабочих движений в 1830—1840-х годах²⁶. Их сбивчивые усилия хорошо объясняет Г.С. Джоунс (Jones, 1983, 59): «Составляющие политики рабочего класса приходилось сводить воедино из разнородного наследия Просвещения, социализма, религиозного нонконформизма и традиционных представлений моральной экономики, причем подобная ситуация была беспрецедентна»²⁷. Однако рабочие движения действительно ощущали себя в некотором смысле наследниками более радикальных элементов революционных традиций²⁸.

²⁶ Именно такая точка зрения высказывалась в то время. Бронтер О'Брайен, радикальный боец и тред-юнионист, писал в 1833 году: «Среди трудящихся классов родился дух, которому не было примеров в былые времена» (цит. в: Briggs, 1960, 68). Однако Джон Фостер (Foster, 1974, 47—72) настаивает, что «незаконные объединения» («*extralegal unionism*») существовали в Англии и раньше, в 1800—1830-х годах, следствием чего была «масштабная культурная реорганизация трудящегося населения» (р. 72). Полагаю, что все зависит от того, что именно определяется как «тред-юнионизм». Джон Рул (Rule, 1988, 10) обнаруживает свидетельства его существования даже в Англии XVIII века в связи с теми конфликтами, которые он находит у Адама Смита, и с принятием Антикомбинационных актов в 1799 году, которые, утверждает Рул, работодатели рассматривали как «усиление своей власти в отношении уже сформировавшихся тред-юнионов». См. тж. рассмотрение у Генри Пеллинга (Pelling, 1976, 14) тред-юнионов в Великобритании до 1825 года, состоявших «почти исключительно из квалифицированных ремесленников, а не из чернорабочих (*laborers*)».

²⁷ Британские рабочие «столь же оглядывались на Локка, сколь и надеялись на Маркса. [Их теорией] была не теория эксплуатации в процессе производства, а теория неравного обмена. Капиталисты по-прежнему рассматривались в первую очередь как посредники или монополисты... Следовательно, прибыль оказывалась производной от продукта труда, принудительно осуществляемого посредством владения средствами производства... Описанная ситуация... наиболее соответствовала положению угнетенного ремесленного или надомного рабочего» (pp. 57—58).

²⁸ Фернан Руде (Rudé, 1969, 52, 95, 112), ведя речь о рабочих Лиона — ключевого политического и экономического центра, где большинство трудящихся «достаточно негативно отреагировали на Реставрацию», не говоря уже о том, что они «вовсе не с энтузиазмом» восприняли воцарение Карла X, — утверждает, что «якобинские традиции сохранились надолго». Указывая на возникновение тред-юнионов и рабочих партий в Соединенных Штатах в 1830-х годах, Эми Бриджес (Bridges, 1986, 163—164) утверждает: «Эта организационная жизнь демонстрирует, что ремесленники эпохи президента Эндрю Джексона были гордыми носителями идеологии [Томаса] Пейна и Американской революции;... их риторика противопоставляла свободного человека рабу, аристократию — республиканству,... а их требования были открыто основаны на равенстве и естественном праве». Ханс Моммзен (Mommesen, 1979, 81)

Как мы знаем, в 1830 году революция произошла во Франции, а не в Англии, где вместо этого в 1832 году был принят Билль о реформе. Главным образом это произошло потому, что в Англии не было режима, аналогичного «ультра» при Карле X²⁹. Однако вне зависимости от того, произошла «революция» или нет, развитие сознания рабочего класса становилось все более прочным и во Франции, и в Англии, причем не в рамках существующих партий, а за их пределами³⁰. Для достижения этой цели нарождающееся социалистическое движение должно было упорным трудом создать для себя поле коллективных требований, что ранее не было допустимо в рамках революционной риторики Французской революции (и ее обобщенного гражданина). Представители социалистического движения стали говорить о «кооперации» и «ассоциации», но не ограничиваясь какой-то отдельной профессией, а применительно ко всем «рабочим» как классу³¹. Потребность в коллективных действиях рабочих

рассматривает рабочие движения в Германии 1860-х годов в качестве «наследников буржуазного радикализма». Однако Жири (Geary, 1981, 49) предупреждает: тот факт, что «радикальные идеи нашли более благостное восприятие среди некоторых групп британского рабочего класса в 1830—1840-х годах, а не позднее, предполагает, что суждения трудовых масс предопределялись изменяющимися обстоятельствами — изобилием, либеральным государством, а не собственно идеологической деятельностью».

²⁹ Руде (Rudé, 1969, 243) подчеркивает разное отношение к правящему режиму в Англии и Франции со стороны средних классов: «Короче говоря, в 1832 году [в Англии] не произошла революция не столько потому, что тори или лорды поддались угрозам вигов или радикалов, столько потому, что никто из значимых сил не желал революции, а также потому, что явно отсутствовала та комбинация политических и материальных факторов, которая одна лишь и могла сделать революцию возможной». Джоунс (Jones, 1983, 57) рассматривает Акт о реформе 1832 года в качестве стимула для сознания рабочего класса, поскольку он рассматривался как «великое предательство» со стороны средних классов того, «что считалось общей борьбой». Это ощущение предательства в дальнейшем усугублялось действиями пришедшего на смену тори правительства вигов — «принудительными законами» для Ирландии, отказом от принятия закона о десятичасовом рабочем дне, атакой на тред-юнионы, Актом о муниципалитетах и новым законом о бедных. Все эти меры рассматривались как «подтверждение предательства со стороны среднего класса. Практический вывод, который из этого следовало сделать, заключался в том, что рабочий класс должен сам бороться за свое освобождение».

³⁰ «Великому движению 1830—1836 годов во Франции и Великобритании не требовались политики — напротив, оно относилось к ним с подозрением. Лидеры существовавших партий были заинтересованы только в том, чтобы оказаться у власти и оставаться при ней» (Dolléans, 1947, 1:30).

³¹ Поэтому Лихтхайм (Lichtheim, 1969, 7) называет Англию и Францию «местом одновременного рождения» нового социалистического движения и относит это «примерно к 1830 году». Сьюэлл (Sewell, 1986, 61) подробно останавливается на Франции и приводит такую датировку: «в 1831, 1832 и 1833 годах», подчеркивая, что «подлинно массовое распространение социализма среди рабочего класса... было следствием усвоения революционной политической традиции, а не отказа от нее» (р. 65). «В Германии в 1830—1840-х годах первые радикальные ассоциации, такие как Коммунистическая лига, вербовали своих участников среди *Handwerksgeseller* [под-

стала заметна еще до 1830 года. Логика их позиции напрямую следовала из последствий упразднения гильдий Французской революцией. Тот, кто контролировал производство, больше не был хозяином — теперь он был нанимателем. Но если тем самым рабочие получили больше свободы, то одновременно они утратили все притязания на отеческую заботу хозяина. В качестве компенсации они приняли «измененную версию корпоративного стиля Старого порядка», создавая рабочие гильдии с собственными ритуалами и прежними организационными формами, «чтобы утвердить преемственность опыта морального сообщества конкретной профессии и сохранить бдительность по отношению к условиям труда на рабочем месте» (Sewell, 1979, 55). Именно эти ремесленники стали наиболее активными сторонниками ранних трудовых движений. Как утверждает Юрген Коцка (Коска, 1986, 314—315), главным образом это были представители «городских ремесел, которые существовали давно и имели значительную стабильность и связность, устоявшиеся традиции гильдий... и довольно большую переговорную силу»³².

мастерей — нем.], то есть поденщиков или молодых ремесленников, воспитанных в правилах гильдий и работающих в зависимом положении» (Коска, 1984, 95).

В качестве «ответа республиканцев на протест рабочего класса, возникший после Июльской революции», Бернард Х. Мосс (Moss, 1976, 38) рассматривает кооперативный социализм. Радикальные республиканцы из Общества прав человека и гражданина представляли, конечно же, средний класс, но «применение эгалитарных принципов к индустриальному обществу выводило их за рамки собственных среднеклассовых интересов в направлении чисто социалистической программы». Таким образом, в противовес точке зрения Маркса, что данное движение являлось «мелкобуржуазным социализмом» и носило «среднеклассовый» характер, Мосс настаивает (р. 47), что его социальной базой был «в первую очередь рабочий класс» и что оно «воплощало притязания настоящего пролетариата на ремесленный социализм (trade socialism) — коллективное владение промышленным капиталом федерацией квалифицированных профессий».

Пламенац (Plamenatz, 1952, 177) также не склонен соглашаться с Марксом, но противоположным образом. Социализм, отнюдь не являясь идеологией пролетариата, «появился во Франции до того, как спрос на него возник у того класса, в интересах которого он был изобретен. Тема [буржуазной] идеологии была естественным образом порождена буржуазным разумом, и рабочие воспользовались ею (либо сделали это в той мере, насколько могли ее понимать), поскольку сначала они приняли принципы 1789 года, уяснив, что „права человека“ значат для них столько же, сколько и для других людей».

³² «Ремесленники (artisans) этого типа жили за пределами домовладений своих нанимателей. Они значительно продвинулись в процессе трансформации из традиционных ремесленников (journeymen) в квалифицированных рабочих, получающих зарплату, но при этом по-прежнему сохраняли многое из того, что традиционно скрепляло ремесло воедино, и использовали это в качестве основы для протеста и организации» (Коска, 1986, 315). Именно к этому типу «длительности, стабильности и связности» апеллирует Калхун (Calhoun, 1980, 421), объясняя возможность их участия в революционных акциях: «Предполагаю, что социальные скрепы, которые предшествуют отдельным „причинам“, имеют ключевую значимость в обеспечении социальной силы для долгосрочного, рискованного и организованного коллективного действия». Сьюэлл (Sewell, 1986, 53) аналогичным образом объясняет «склонность

Они стали использовать такое оружие, как забастовки (даже несмотря на то, что они были запрещены), при помощи анонимных призывов, инициированных неформальными социальными сетями³³. В то же время рабочие стали проявлять озабоченность по поводу «национальности» своих товарищей по труду, то есть возникала проблема «неграждан» в качестве конкурентов на рынке труда. Выше уже рассматривались, какими способами лионские *canuts* [ткачи] в 1831 году сделали наем «иностранных» рабочих одним из главных поводов для недовольства. Но после 1830 года некоторые из напоминавших гильдии ремесленных структур увянут, в особенности из-за «еще большего роста миграции, прежде всего в Париж» (Judt, 1986, 57). Результатом этого станет «новое самоотождествление рабочего с нацией» (Derainne, 1993, 33), но теперь появится спор об основах единства рабочих. Флора Тристан, одна из главных сторонниц этого единства (а в равной степени важная фигура в феминистском движении), в своем памфлете на эту тему, написанном в 1843 году (Tristan, 1983, 53), сделала вывод, который окажется очень противоречивым для истории рабочего движения: поддерживая движения за независимость в колониальных странах, рабочие в качестве класса вливаются в «народ» как некий конструкт:

«Если я постоянно упоминаю Ирландию [католическую ассоциацию, возглавляемую О'Коннеллом], то лишь потому, что Ирландия остается единственной

ремесленников к классово сознательным действиям» в рассматриваемый период в сравнении с «относительным спокойствием фабричных рабочих» тем, каким образом ремесленники «понимали свой труд». Для ремесленников их труд был «в основном следствием общественного взаимопонимания, ... проистекавшего из корпоративной, или цеховой, системы», в то время как у фабричных рабочих было «менее социальное и более индивидуализированное представление о производственных отношениях». См. тж. Moss (1976, 22–23): «Квалифицированные рабочие не переносили процесс индустриализации как невинные жертвы, но придали ему ряд ценностей и направлений: автономию ремесленников, гордость и солидарность, организационный опыт и эгалитарный этос, взращенный народным республиканизмом — все это выступало мотивацией для активного ответа на вызов переходного периода... Квалифицированный рабочий совмещал в себе профессиональное и пролетарское классовое сознание».

³³ «Представление, что забастовки в ранний период индустриализации были иррациональными выплесками недовольства фабричных рабочих, которые еще не научились приспосабливаться к своему новому окружению, противоречит высокой степени рациональности и организации, которую демонстрировали забастовщики, и тому факту, что первые забастовки в основном происходили среди ремесленников в кустарной промышленности, хорошо интегрированным в традиционные ремесленные сообщества» (Aminzade, 1982, 63). Вообще говоря, рабочим в то время приходилось вести коллективные действия с большой осторожностью, поскольку репрессии настигали их крайне быстро. В Испании, например, общества взаимопомощи были разрешены королевским приказом, но как только в Барселоне возникли конфликты, вовлеченные в них соответствующие организации были упразднены, а после различных беспорядков все союзы были подавлены в 1845 году (Tuñón de Lara, 1972, 41–48).

Роберт Сайкс (Sykes, 1988, 193), говоря об Англии, утверждает, что «в самом начале 1830-х годов там произошел, похоже, особенно сильный и ожесточенный всплеск конфликта. Весь этот опыт... оказал глубокое влияние на настроения и отношения классов».

страной, осознавшей, что если народ хочет сбросить с себя рабство, то он должен прежде всего создать огромный, прочный и нерасторжимый союз. Ведь именно такой союз дает силу, и чтобы требовать свои права и выносить право на подобное требование на общественное рассмотрение, необходимо прежде всего говорить достаточно авторитетно, чтобы тебя услышали».

Возможно, Тристан могла говорить так об Ирландии потому, что она была француженкой. Английские же рабочие были заметно более сдержанны по данному поводу — они были сосредоточены только на Англии. Центральным же событием английской истории 1830-х и 1840-х годов был чартизм. Чартистская Хартия, принятая в 1838 году, содержала шесть знаменитых требований, которые, впрочем, на протяжении долгого времени были и требованиями английских радикалов: ежегодное избрание парламента, всеобщее право голоса, равенство избирательных округов, тайное голосование, парламентская неприкосновенность и отмена имущественных требований к праву быть избранным. На вопрос, не был ли это в лучшем случае просто набор требований парламентской демократии, Эдуард Доллеан (Dolléans, 1947, 127) отвечает так: это просто «иллюзия», что Хартия носила «отчетливо социалистический характер» — для чартистов «подлинная демократия предполагала социальную революцию». Возможно ли рассматривать чартизм именно так, долго было предметом спора. На одной стороне этой дискуссии расположились авторы типа Эванса (Evans, 1983, 255, 257), который рассматривает чартизм как «в большей степени наиболее важное политическое движение рабочих, организованное на протяжении XIX века», заявляя, что это была «ключевая стадия в политическом образовании рабочего народа»³⁴. Но есть и другие авторы, такие как Гэш (Gash, 1979, 209), рассматривающий чартизм скорее как просто «продолжение под другим именем старого радикального реформаторского движения». Гэрет Стедмэн Джоунс (Jones, 1983, 168, 171) предлагает взаимосвязь между двумя точками зрения, утверждая, что «если чартизм стал движением рабочих, то это произошло не в силу свободы выбора, а из необходимости»³⁵.

³⁴ С этим соглашается Франсуа Бедарида (Bédarida, 1979, 319): «С британской точки зрения, чартизм представляет собой наиболее мощное, глубокое и насыщенное движение за народное освобождение, которое знала современная Англия. С европейской же точки зрения, он является одним из двух великих революционных сражений, которые дали рабочие в XIX веке — вторым из них была Парижская Коммуна 1871 года».

³⁵ «В вековой перспективе чартизм был последней, наиболее выдающейся и наиболее отчаянной — хотя, возможно, и не самой революционной — версией радикальной критики социума... Представление, лежавшее в основе этой критики, предполагало более или менее эгалитарное общество трудящихся, которое требовало минимального управления...

Радикальная и чартистская политика оказываются бессмысленными, если воспринимать их в качестве ответа на возникновение промышленного капитализма, понятого как объективный, неизбежный и необратимый экономический процесс. Радикальная картина мира представляла собой гораздо более произвольную и искусственную постройку, истоки которой следовало искать не в реальных механизмах экономики, но в ускорившемся и выраженном процессе финансового грабежа, ко-

Однако, как мы знаем, в конечном итоге чартистское движение потерпело крах. Возможно, это произошло потому, как утверждает Эдвард Ройл (Royle, 1986, 57—58), что чартисты «были неспособны предложить связную или действенную стратегию» и оказались разорваны между «безнадежно наивными» моральными воспитателями и «сторонниками физической силы, поглощенными своей же собственной риторикой». Тем не менее, как говорит сам Ройл (Royle, 1986, 93), «величайшим достижением чартистов был сам чартизм — движение, которое исчезло не с отчаянием, а с надеждой». Чартизм был существенной частью кристаллизованного мир-революцией 1848 года процесса определения великой социальной антиномии XIX и большей части XX столетий: буржуазия против пролетариата.

Ни буржуазия, ни пролетариат не являются вечными сущностями. Они были социальными порождениями, отражавшими, конечно же, определенную социальную реальность, которая затем была овеществлена. И, как случается со всеми подобными понятиями, процесс этого овеществления начал именно господствующая, а не подчиненная группа, вопреки последующей уверенности в том, что все было наоборот. Мы уже рассматривали роль Гизо (причем еще до Июльской монархии) в разработке понятия класса, которое он позаимствовал у Сен-Симона. Гизо делал это, конечно же, для того, чтобы оправдать политическую роль буржуазии как группы, отличной от аристократии. Однако целью Гизо было также противопоставить буржуазию (которая, как он полагал, со временем поглотит аристократию) пролетариату и провести разграничение между ними (Botrel and Le Bouil, 1973, 143). Если буржуазии Гизо стремился предоставить *droit de cité* [право гражданства — фр.] и в конечном итоге тотальный политический контроль, то включению в число граждан пролетариата он противостоял особенно сильно. *Droit de cité* следовало закрепить за активными, то есть имевшими собственность, гражданами³⁶.

По мере того как буржуазия медленно переходила в ту более размытую и более инклюзивную категорию, которая именуется «средним классом» или «средними классами»³⁷, пролетариат фактически становился столь

который стал возможен благодаря политическим событиям предшествующих 50 лет». Конечно, чартизм включал в себя и другие элементы. О роли в нем «радикальных христианских чувств» см. Уео (1981, 110—112). О так называемом тори-радикальном характере северного чартизма, под которым подразумевается «традиционный консерватизм», см. Ward (1973, 156 и далее).

³⁶ Рассматривая возникновение понятия «буржуазия» в Испании, М. Раль (Ralle, 1973, 124) цитирует определение этого слова, приведенное в испанской газете *La Emancipación* в 1871 году: «Все те, кто, принадлежа к различным классам и примыкая к различным партиям, живут в условиях социальной несправедливости и стремятся в большей или меньшей степени насладиться плодами своих преимуществ и внести вклад в сохранение данной системы».

³⁷ Именно это впоследствии позволит представителям социальных наук обсуждать точное определение среднего класса с подлинно средневековой клерикальной яростью. Об одном из таких споров об определении, применимом к Франции, см. последовательно работы: Cobban (1967), O'Boyle (1967), Stearns (1979a), O'Boyle (1979) и Stearns (1979b).

же размытой и инклюзивной группой — «рабочим классом» или «трудящимися классами». Среди многих политиков и представителей социальных наук возникнет серьезное сопротивление открыто классовому языку, поскольку его использование стало отождествляться со специфической политической позицией (марксистской), в связи с чем использование такого языка для многих стало означать принятие марксистского анализа и марксистской политики. Однако отход к более размытому языку не устранил саму антиномию, о которой шла речь выше, — даже наоборот, такой язык усиливал ее, делая более легким для отдельных лиц незаметный переход через границу, но при этом твердо ее сохраняя. Для тех, кто преодолел ее, был важен сам факт существования этой границы, которая могла удерживать остальных от ее преодоления, что могло бы подорвать вновь обретенное привилегированное положение полного гражданства у тех, кому удалось ее переступить³⁸.

Поскольку понятие пролетариата, даже в размытой версии рабочего класса в конечном итоге было направлено на исключение из числа граждан, неудивительно, что люди, которых определяли этим понятием, упорно работали над переопределением терминологии. Например, в Каталонии работники розничных магазинов, чьи условия труда были ужасны, отказывались называть себя *obrers* [рабочие — *катал.*] или *proletaris* [пролетарии — *катал.*], настаивая на самоназвании *treballadors* [труженики — *катал.*]. Это было связано с тем, что последний термин в XIX веке меньше ассоциировался с неквалифицированным ручным трудом, чем понятие *obrers* (Lladonosa and Ferrer, 1977, 284). Политика наименования была вполне очевидной и в Германии. Начиная с 1830-х годов термин *Arbeiter* [рабочий — *нем.*] стал расширять свой смысл от оригинального обозначения неквалифицированного работника, включив ремесленников, и затем был принят последними в период их политического радикализма. Однако самозанятые ремесленники сопротивлялись этой категории, а рабочие движения не хотели включать их в нее (Koska, 1986, 326—327)³⁹.

³⁸ Англия всегда была примечательным исключением в этом дотошном отношении к классовому языку. Гэрет Джоунс (Jones, 1983, 2) отмечает необычайную «проницаемость... классового словаря» в Англии, предлагая следующее объяснение этого: «В отличие от Германии, в Англии классовый язык никогда не сталкивался с серьезным соперничеством с предшествующим сословным языком; в отличие от Франции и Америки, республиканский словарь и представления о гражданстве никогда не становились в Англии чем-то большим, нежели второстепенным течением;... в отличие от стран Южной Европы, классовые словари не сопровождали, а задолго предшествовали появлению социал-демократических партий и никогда не ассоциировались исключительно с ними».

³⁹ Рассмотрение терминологии, связанной с рабочими классами в Англии, см. в: Hobsbawm (1979, 59—63). У Хобсбаума также имеется весьма полезное рассмотрение того, каким образом следует воспринимать различных надомных рабочих (*cottage workers and outworkers*): «В ходе раннеиндустриального периода фабричные рабочие не вытеснили надомных рабочих... Напротив, в этот период число надомных рабочих умножилось... Ткачи, работавшие на ручных станках и позже став-

Конечно, в эту игру могли играть обе стороны. Скотт (Scott, 1988, 123—124) излагает интересный сюжет, связанный с докладом Торговой палаты Парижа в 1851 году, в котором была предпринята попытка представить социальную структуру в новых категориях с целью делегитимизировать социальную революцию 1848 года. Задача заключалась в том, чтобы сократить численность рабочих, включив в категорию руководителей предприятий всех самозанятых лиц, всех лиц, производивших товары по заказу, которые нанимали других лиц, даже если последние были членами их семей и не получали за это плату, всех лиц, производивших товары для «буржуазных клиентов» (включая уборщиц), а также всех производивших товары по заказу более чем одного мануфактурщика. Тем самым данный отчет искоренял классовую идентификацию упомянутых лиц в качестве рабочих или пролетариев, о которой они заявили в феврале—июне 1848 года. «Написанный по следам 1848 года, этот документ претендовал на то, чтобы оспорить наиболее радикальные экономические и политические притязания революции и вновь утвердить то представление об экономической организации [иерархичной и гармоничной], которой был брошен дерзкий вызов, особенно со стороны социалистических теоретиков». Это был именно тот случай, когда либералы теоретизировали, а радикалы организовывались.

Промежуток между поражением революций 1848 года и концом 1860-х годов был очень сложным для рабочих движений. Изначальной реакцией власть предержащих было подавить все, что представлялось уходящим корнями в те революционные дни. В свою очередь, разгром чартизма и революций 1848 года породил у рабочих классов чувство «разочарования». Джонс (Jones, 1983, 71) утверждает, что «прочность индустриального капитализма теперь казалась гарантированной, и все, за исключением наиболее отчаявшихся надомных рабочих, были вынуждены адаптироваться к этому факту»⁴⁰. Однако более пристальный взгляд, как представляется, указывает, что слово «адаптироваться» может быть неверным. Возможно, лучше было *отсидеться* до наступления лучших времен. Мне представляется более уместной формулировка Доллеана (Dolléans, 1947, 1:225), который определяет промежуток 1848—1862 годов как «надвигающийся пожар».

шие отмершим явлением, не были просто „пережитком средних веков” — это был растущий класс, причем возникший главным образом *в качестве части капиталистической индустриализации на ее ранних стадиях*, как и фабричные рабочие... Нереально вычеркивать нефабричных рабочих из картины раннего индустриального периода так же, как нереально ограничить рассмотрение социальных последствий внедрения печатной машинки заработками и квалификацией рабочих на машиностроительных заводах с массовым производством, которые выпускали эти машинки, и оставить в стороне печатников» (Hobsbawm, 1964, 116).

⁴⁰ Похожее объяснение «дерадикализации» английского рабочего класса дает Кришан Кумар (Kumar, 1983, 16): «Деморализующее поражение чартизма, вкупе с тем обстоятельством, что в некоторых отраслях промышленности работодатели наконец успешно сломали контроль гильдий над организацией и моделью труда, породили в целом аполитичную фабричную рабочую силу, которая усматривала свои лучшие надежды на будущее в рамках промышленных тред-юнионов».

Примечательно, что все авторы один за другим подчеркивают преемственность между моделями рабочего движения 1840-х и 1860-х годов, как будто трудящиеся вернулись к прежней тактике, едва лишь репрессии слегка ослабли. «Народный радикализм не только пережил 1848 год, но и оставался главной политической силой» (Biagini and Reed, 1991, 5)⁴¹. При этом везде по-прежнему заметна ведущая роль ремесленников, а не неквалифицированных фабричных рабочих. Хинтон (Hinton, 1983, 2) говорит об Англии середины викторианского периода, что «на языке социальных комментариев того времени слова „квалифицированный“ и „организованный“ часто использовались как синонимы»⁴².

Можно, разумеется, признавать уместность того предупреждения, которое делает Юрген Коцка (Koska, 1984, 112) «против преувеличения преемственности между *Handwerk* [ремесленным трудом — нем.] и историей рабочего класса»⁴³. Но все же, как утверждает Сьюэлл (Sewell, 1974, 88—89), определенная

⁴¹ А. И. Массон (Musson, 1976, 355) утверждает относительно Великобритании, что «в 1830—1840-х годах там не было устойчивого, объединенного, классово сознательного „массового движения“, а в середине века „новая рабочая аристократия“ не была создана внезапно. Около 1850 года не было значительного „разрыва“ — была „преемственность“ в смысле продолжительного постепенного изменения». Конце и Грох (Conze and Groh, 1971, 1:159) применительно к Германии говорят о «преемственности — с точки зрения персонального состава, идеологии и в меньшей степени организации — движения рабочего класса, а следовательно, и значительной части демократического движения». А Генри Хоугленд (Hoagland, 1918) утверждает о Соединенных Штатах 1850-х годов следующее: «Отбросив всеобщие и пылкие идеалы, не сформулировав единого воззвания к стране от имени труда, квалифицированные ремесленники принялись за хладнокровный бизнес: добиваться для себя большей оплаты, используя постоянные и закрытые для посторонних организации».

⁴² О Франции см. Moss (1976, 8): «Французское рабочее движение возникло не среди фабричных рабочих,... а среди квалифицированных ремесленников, которые в качестве наемных рабочих были вовлечены в мелкое капиталистическое производство». См. тж. в исследовании Марселя у Сьюэлла (Sewell, 1974, 81): «До конца 1860-х годов, когда были легализованы *chambres syndicales* [объединения рабочих — фр.], ремесленные профессии почти всегда обладали определенной формой рабочей организации, как правило, в виде либо *compagnonnages* [товариществ — фр.], либо обществ взаимопомощи... Напротив, ни в одной пролетарской профессии не обнаруживается свидетельств устойчивой трудовой организации». Относительно Германии см. Geary (1976, 298): «Люди, являвшиеся рядовыми сотрудниками рабочих клубов и ассоциаций 1860-х годов, были в первую очередь квалифицированными рабочими относительно небольших предприятий и определенно не выходцами из рядов концентрированной и неквалифицированной рабочей силы». См. тж. Коцка (1986, 314): «Неудивительно, что главными сторонниками раннего рабочего движения были ремесленники». Небольшое отличие действительно присутствует лишь в отношении Соединенных Штатов: «К 1850-м годам там было больше выразителей интересов неквалифицированной части рабочих классов и больше тех, кто идентифицировал себя в качестве наемных рабочих» (Bridges, 1986, 177). Но затем, в 1850-х годах, в США не было особенного подавления свободных белых рабочих классов.

⁴³ Коцка напоминает, что начиная с 1860-х годов «поднимающееся социал-демократическое и социалистическое рабочее движение» в Германии «открыто ата-

«радикализация» в этот период обнаруживается именно в ремесленной стране, особенно среди «иммигрантов»⁴⁴. Разобраться с этим кажущимся парадоксом помогает комментарий Хинтона (Hinton, 1983, 5), в котором рассматривается два типа квалифицированных рабочих: во-первых, занятые в кустарном производстве, чей «тред-юнионизм был продолжением неформальных сообществ в их ремеслах», а во-вторых, рабочие других отраслей, где «статус квалифицированного работника был чаще результатом профсоюзной организации», а не предшествовал ей. Рабочие первого типа подчас были довольно радикальны, поскольку они «испытывали сравнительно более значительные лишения» (Moss, 1975b, 7), чем фабричные рабочие; при этом первые фактически были вытеснены со сцены, в то время как рабочие второго типа становились главной опорой будущих социалистических и профсоюзных организаций.

Все это время, как, впрочем, и на протяжении XIX и XX веков, «мотивом,... который всегда лежал в основе действий правящего класса, был страх перед массами, обеспокоенность порядком» (Moorhouse, 1973, 346). Для господствующих групп, как и для рабочего класса, всегда оставался актуальным вопрос о том, какая тактика является оптимальной. С точки зрения господствующих групп, подавление обладало определенными достоинствами, но в то же время оно поддерживало бурливший огонь и фактически взращивало бунт. Поэтому в конце 1860-х годов и Наполеон III, и британская Консервативная партия ощутили необходимость ослабить ограничения с целью сделать более вероятным появление рабочих организаций, а возможно, и несколько расширить фактическое определение гражданства. В докладе, написанном в 1860 году для конгресса Национальной ассоциации социальных наук в Великобритании, одобрялся «тред-юнионизм как опыт самоуправления», причем авторы доклада заявляли, что «в случае отсутствия постоянно организованного сообщества лидеры забастовки склонны оказываться более неразумными и жестокими, нежели в ситуации, когда таковое сообщество есть» (цит. в: Pelling, 1976, 51). Данное утверждение представляется элементарным проявлением мудрости социальной науки, что сигнализировало о первой попытке иметь дело с тем вызовом определению гражданства, который теперь бросали организованные движения рабочего класса. Сто лет спустя еще один представитель

ковало кустарно-ремесленные традиции и склонности среди наемных работников и (квалифицированных) промышленных рабочих, поскольку его деятели справедливо признавали, что подобные традиции и склонности были свойственны только ремесленникам, были частными и узкими и как таковые стояли на пути широкой и сознательной классовой солидарности, которую стремились продвигать социалисты» (Koska, 1984, 99).

⁴⁴Сьюэлл (Sewell, 1974, 99—100) предлагает следующую причинно-следственную связь: подавление рабочих организаций при Второй империи демонтировало структуры, являвшиеся эксклюзивными клубами марсельцев-неиммигрантов, крайне католическими, а следовательно, роялистскими, и привело к подъему культуры кафе, которая, в свою очередь, «открыла путь для появления среди ремесленников республиканских и социалистических политиков». Поэтому, утверждает Сьюэлл, подъем «рабочего класса» был «наравне с политическим еще и культурным изменением» (р. 106).

социальной науки ретроспективно высказал мнение, что «протесты низших классов в Англии оказывались направленными на установление гражданства рабочих» (Bendix, 1964, 67). Именно в этом Бендикс видел отличие Англии от континента. Возможно, он неправ вдвойне. Обозначенная цель была верной для рабочих движений и в континентальной Европе, и в Англии, однако неверно, что даже в Англии это была их единственная цель. Но это было единственное, чего им удастся достичь, причем либеральный центр в своем теоретизировании, а просвещенные консерваторы на практике стремились убедить их в том, что это было всё, что им требовалось или чего им следует желать.

К этому периоду относится момент основания так называемого Первого Интернационала — Международной ассоциации рабочих. Это была очень маленькая и слабая организация, а входившие в нее структуры были столь же слабы и преследовали цели, не являвшиеся полностью интернациональными⁴⁵. Однако с точки зрения развивающейся стратегии рабочего движения, Интернационал выступал средоточием великого спора Карла Маркса и Михаила Бакунина (Forman, 1998, гл. 1). У этой дискуссии было много аспектов, но ее ядром было то, что анархисты рассматривали государство как заклятого врага, в то время как марксисты, по сути, использовали двухступенчатую теорию социальной трансформации: сначала каким-то образом обрести государственную власть, а затем изменить мир. Впрочем, вопрос о том, каким образом обрести государственную власть, приведет к резкому разделению среди марксистов, хотя первоначально им пришлось преодолевать силу анархистской точки зрения.

Ситуация получит дальнейшее развитие в последней трети XIX века, когда социализм стал, по определению Лабрусса, мощным движением, а равно

⁴⁵ См. Kriegel (1979, 607): «По сути дела, Интернационал возник в качестве порождения кратковременного схождения различных интересов... [Для британских тред-юнионистов он выглядел] полезным для того, чтобы остановить ввоз в Англию штрейкбрехеров или прекратить конкуренцию со стороны иностранных рабочих, трудившихся за меньшую зарплату. Французские рабочие находились в поисках модели организации — они не были уверены насчет того, какой путь им следует принять. Политическая борьба в альянсе с республиканской буржуазией против империи, которая металась между авторитаризмом и призывом к народной поддержке? Или же экономическая борьба против работодателей, ошеломленных новой волной английской конкуренции и плохо приспособившихся к быстрой трансформаций, которые происходили во французской экономике?.. Значительная польза подобного франко-британского диалога обеспечила этой новой ассоциации конкретную цель». Марсель Ван дер Линден (Van der Linden, 1989) указывает на проблемы, внутренне присущие Интернационалу как международной *политической* ассоциации, которая состояла прежде всего из тред-юнионов в качестве ее членов. Например, ван дер Линден предполагает, что существенной причиной, по которой английские союзы покинули Интернационал после 1867 года, было то, что они больше не нуждались в его помощи против использования в Англии иностранцев в качестве штрейкбрехеров, а еще одной причиной была необходимость обеспечить финансовую помощь во время забастовок, поскольку они стали весомым аспектом жизни Великобритании на национальном уровне.

и мощной идеей. Представляется, что именно поэтому происходила существенная «радикализация» классового конфликта, начиная с Парижской коммуны, а затем в виде подъема социалистических партий и профсоюзов, по меньшей мере, во всех более индустриализованных, более состоятельных частях мир-системы. «В 1880 году [социалистические партии] едва ли существовали... К 1906 году они были... чем-то само собой разумеющимся» (Hobsbawm, 1987, 116—117)⁴⁶. Однако еще одним сегодняшним трюизмом является то, что после 1890 года произошла общая дерадикализация этих движений⁴⁷, кульминацией чего стало голосование всех социалистических партий за войну в 1914 году (с примечательным исключением большевиков)⁴⁸.

Большинство исторических сочинений по данному предмету предлагают следующую картину: кривая воинственных настроений сначала шла вверх благодаря народной мобилизации, а затем вниз благодаря реформистской проницательности (или предательству, если кто-то предпочитает такую риторику). В общих чертах это, несомненно, верно, хотя восходящая часть упомянутой кривой, возможно, никогда не была столь значительной, как уверены некоторые. Как сказал Мишель Перро (Perrot, 1967, 702) о так называемом ревизионизме конца XIX века среди социалистов во Франции, «для того чтобы состоялась „ревизия“, должно быть нечто, что можно ревизовать»⁴⁹.

⁴⁶ «Трудовые и социалистические партии почти везде росли со скоростью, которая в зависимости от выбранной точки зрения была чрезвычайно тревожной или, наоборот, удивительной... Пролетариат вступал в свои партии».

⁴⁷ См. Geary (1981, 109): «Европейский рабочий класс, похоже, действительно отвергал баррикады в пользу забастовок и восстания в пользу мирной организации»

⁴⁸ Двусмысленные дебаты в период, непосредственно предшествовавший объявлению войны, описаны в работе Haurt (1965). Важным моментом является то, что фактически все партии обещали отказаться от участия в войне, но фактически каждая из них голосовала за военные кредиты. Изменение публичной позиции было делом нескольких дней. Анни Кригель и Жан-Жак Беккер (Kriegel and Becker, 1964, 123) объясняют настроения французских социалистов следующим образом: «Похоже, что убежденный социализм есть не что иное, как современная форма якобинства, и когда отечество оказывается в опасности, голос „великих предков“ преобладает над социалистическими теориями, которые сложно привести в соответствие с наличной ситуацией». А Карл Шорске (Schorske, 1955, 284) объясняет голосование Социал-демократической партии Германии за военные кредиты «ничем иным, как логическим завершением четкой линии развития, [в ходе которого] распоряжение ключевыми властными позициями в партии в предшествующее десятилетие перешло к реформистским силам». На самом деле большевики были не единственными, кто выносил войне приговор. Уже в ходе войны, в 1915 году, балканские социалистические партии встретились в Бухаресте и осудили как саму войну, так и тот факт, что большинство социалистических партий поддерживали ее. Они говорили о «позоре Интернационала» (Haurt, 1978, 78).

⁴⁹ Аналогичным образом Джигри (Geary, 1976, 306), рассматривая роль официального марксизма в Социал-демократической партии Германии, утверждает: «Ясно, что радикализм СДП в ее ранние годы преувеличен, и это проблематизирует привычную теорию обуржуазивания партии».

Вопрос заключается в том, где искать корни так называемого радикального политического всплеска, который в конце концов (к 1914 году), похоже, больше не угрожал ни одной из отвердевших социальных структур мир-системы Модерна. Представляется разумным интерпретировать этот всплеск как столкновение по поводу гражданства, то есть по поводу того, на кого должны распространяться привилегии и кто мог извлекать выгоды из принадлежности к тому типу граждан (активному), которые имели данные права. Разумеется, данная проблема носила материальный характер, но в то же время это был вопрос идентичности и идентификации. Узость преобладающих определений реального гражданства в промежутке 1815—1848 годов (обоснованная исходя из соображений, что рабочие были необразованными и не имели собственности, а потому у них не было оснований для поддержания социального порядка) произвела «мир-революцию», которая ужаснула средние слои (поскольку она грозила зайти слишком далеко) и привела к репрессиям. Но когда в последующие 20 лет положительные стороны репрессий себя исчерпали⁵⁰, у народных масс появилось больше политического пространства для маневра. С одной стороны, либеральный центр выступил с призывом «образования» для рабочих классов, а с другой, они сами выступали за собственное «образование».

Это, в свою очередь, вело к созданию серьезных организаций, которые стремились форсировать темпы включения в рамки гражданства, по меньшей мере, мужчин из городских рабочих классов. Этим организациям приходилось довольно громко заявлять о своих политических требованиях, чтобы их воспринимали всерьез как господствующие классы, так и те, на чью политическую мобилизацию они надеялись. Именно поэтому звучала «радикальная» риторика, которая оказалась эффективной, и господствующие группы реагировали на это различными видами уступок: расширением избирательного права, распространением экономических выгод (включая нарождающееся государство благосостояния) и включение в «нацию» через исключения, бывшие результатом расизма и империализма. Конечно, это принесло желаемые результаты: сохранение системы в ее основных чертах и «успокоение» риторики рабочих. Нет необходимости добавлять к этому идеи ошибок в суждении (ложного сознания), собственной заинтересованности руководящей бюрократической страты (предательства, железного закона олигархии) или отдельных интересов лучше оплачиваемых рабочих (трудовой аристократии), чтобы объяснить процесс, который выглядит

⁵⁰ Причем несмотря на вторую волну репрессий вслед за Парижской Коммуной. Международная ассоциация рабочих перестала существовать после Коммуны, отчасти из-за подобных репрессий. Английские члены Интернационала сложили с себя полномочия, чтобы отмежеваться от публикации «Гражданской войны во Франции» руководителя его Генерального совета [Карла Маркса]. А французское правительство провело кампанию по обвинению Интернационала в ответственности за Коммуну, к появлению и деятельности которой он фактически не имел никакого отношения. Но в данном случае было достаточно любого предлога (Forman, 1998, 61).

более или менее всеобщим, а в ретроспективе более или менее неизбежным. Этот процесс происходил в довольно схожих формах во всем мире (в более индустриализованной, более богатой его части — в 1870—1914 годах), несмотря на все национальные вариации в деталях соответствующих историй и непосредственных условий — вариации, которые в конечном итоге оказались незначительными.

В одном смысле «радикализм» после 1870 года был фактически гораздо менее радикальным по своему духу, чем «радикализм» до 1848 года. Как утверждает Гэрет С. Джоунс (Jones, 1983, 237—238),

«одной из наиболее ярких особенностей социальных движений между 1790 и 1850 годами была ясность и конкретность их концепции государства... Оно рассматривалось как плоть и кровь машины принуждения, эксплуатации и коррупции... Триумф народа должен был заменить такое государство народной демократией в духе левеллеров или якобинцев».

Однако конкретной программой были «республиканизм, секуляризм, народное самообразование, кооперация, земельная реформа, интернационализм», причем все эти темы к тому времени стали частью канона либерального центра — по меньшей мере, его прогрессивного фланга. Движения конца XIX века смещают акцент «от власти к благосостоянию» и вместе с этим окажутся в состоянии «оборонительной культуры». В некотором смысле, как бы ни были радикальны движения после 1870 года, они были менее разозлены, чем движения до 1848 года. Соблазн награды в виде гражданских прав становился слишком силен.

Период между 1870-ми годами и Первой мировой войной стал временем первой масштабной организации рабочих классов в политические движения (в первую очередь социалистические и анархистские) и профсоюзы. Поэтому данный промежуток оказался временем серьезных споров о стратегии. Вопрос, который занимал всех участников данных организаций, теперь заключался в том, каким образом рабочие классы могут достигнуть своих целей, а в особенности как им следует относиться к существующим государствам и парламентам. Данная дискуссия велась между марксистами и анархистами, а с ней пересекалась полемика между так называемыми революционерами и так называемыми реформистами. С одной стороны, это были реальные споры, которые поглощали порядочное количество организационной энергии и времени, но с другой стороны, эти дискуссии часто оказывались менее значимыми, нежели предполагали люди того времени и позднее.

Важно отметить, что самые мощные и самые влиятельные движения находились в наиболее экономически сильных странах: Великобритании, Франции, Германии, Соединенных Штатах, Италии, Бельгии, Нидерландах и в меньшей степени в других странах Европы и в «белых» доминионах Великобритании. И если добавить к этому списку Россию, то в таком случае все споры, которые последовательно формировали важнейшую часть исторической памяти мировых рабочих/трудовых движений и стали предметом их дискурса, почти всегда происходили именно в этих странах. И если рассматривать

данные споры в этих странах, то поразительно, насколько удивительно схожими они были, несмотря на все важные и часто отмечаемые исторические особенности положения каждой нации и несмотря на различия в риторических ярлыках, которые обычно использовались для их описания.

Для начала напомним, что после 1870 года всеобщее право голоса для мужчин стало широко распространенным явлением. Наиболее примечательным было расширение избирательного права в 1867 году, введенное в Великобритании Дизраэли, а в Германии Бисмарком. Эти события совпали с теми расширениями избирательного права, которые ранее были введены во Второй империи и в Соединенных Штатах, а затем появятся в других местах Европы. Конечно, избирательное право по-прежнему не было всеобщим⁵¹. Бендикс (Bendix, 1964, 63) рассматривает упомянутые расширения как направление протеста низших классов в сторону «реализации полного участия в существующем политическом сообществе или основания национального политического сообщества, в котором подобное участие оказалось бы возможным». Возможно, Бендикс прав⁵², однако вопрос заключается в том, каким смыслом наделять данные факты.

⁵¹ По оценке Хинтона (Hinton, 1983, 77), даже после дальнейшего расширения избирательного права в Великобритании в 1884 году его получили лишь две трети взрослых мужчин (из-за требований по регистрации по месту проживания и исключения нищих). Х. Ф. Мурхаус (Moorhouse, 1973, 346) утверждает, что до 1918 года лишь половина мужчин из рабочего класса имели право голоса. Однако Хинтон отмечает, что, несмотря на эти данные, после 1884 года «расширение избирательного права никогда не становилось центральным пунктом в политике рабочего класса». Гюнтер Рот (Roth, 1973, 35) настаивает, что Бисмарк рассматривал расширение избирательного права в качестве меры, обеспечивающей «голосование консервативных масс против либералов, особенно в сельской местности». Возможно, такими же были и соображения Дизраэли. Любопытно, что Грох (Groh, 1973, 27) рассматривает расширение избирательного права в Германии в 1867 году как некую меру, которая объяснялась особенной «германской конституционной системой».

⁵² Однако см. аргументы Бриджес относительно Соединенных Штатов (Bridges, 1986, 192): «Акцентируя значимость избирательного права, следует сделать ряд оговорок. Я не утверждаю здесь, подобно Рейнгарду Бендиксу, что рабочие в Соединенных Штатах были менее озлоблены индустриализацией, чем избиратели в других местах, поскольку первые имели право голоса в качестве „компенсации“... Я утверждаю, что в том случае, когда рабочие имели политические цели,... когда им было предоставлено право голоса и при этом они составляли меньшинство городского населения, они неизбежно втягивались в электоральную и партийную политику — и эти практики столь же неизбежно формировали их сознание и их культуру».

Формирование культуры также является предметом рассмотрения у Дитера Лангевиеше (Langewiesche, 1987, 517): «Если определять общество и культуру имперской Германии как „буржуазные“, то в таком случае социалистическое культурное трудовое движение было инструментом *embourgeoisement* [обуржуазивания — *фр.*]. Однако рабочие-социалисты, которые создавали эти культурные организации, и социалистические эксперты, которые вносили вклад в возвышенные программы, не рассматривали свои усилия по улучшению культуры именно в таком ключе. Напротив, они были уверены, что ведут борьбу не за буржуазную, а за национальную культуру — именно от этого переноса классовая система имперской Германии тайно замышляла их удержатъ».

В Великобритании, которая выступала одним из двух главных средоточий рабочего движения до 1870 года, с точки зрения большинства наблюдателей, для так называемого нового тред-юнионизма конца 1880-х годов была свойственна новая (или обновленная) воинственность. Конечно, как указывает Хобсбаум (Hobsbawm, 1984c, 152—153), «новый» тред-юнионизм мог появиться именно в Великобритании, поскольку, в отличие от континентальной Европы, «здесь уже существовал устоявшийся „старый тред-юнионизм“,... с которым нужно было сражаться, трансформировать и расширять его», и именно новый тред-юнионизм станет основанием для Лейбористской партии⁵³. Новые тред-юнионы намеревались охватить более широкий круг, нежели ремесленники или лица с устойчивой, постоянной наемной работой. Они планировали стать «общими» союзами для высококомбинных неквалифицированных рабочих, которым не хватало редких человеческих ресурсов и которые не были организованы, поскольку не могли использовать тактику ремесленных союзов. Общие союзы были их надеждой в качестве оружия (Hobsbawm, 1949, 123—125).

Новый тред-юнионизм делал акцент на стратегии и организационных формах, близких связях с возникающими социалистическими движениями и организации тех, кто еще не был организован, с целью создания тем самым гораздо более сильного профсоюзного движения. Несмотря на то что новый тред-юнионизм часто рассматривается как собственно британский феномен, в действительности аналогичные структуры появлялись и в различных европейских странах (Hobsbawm, 1984d, 19; Pollard, 1984, 58). На заре нового тред-юнионизма в 1889—1891 годах происходил заметный рост профсоюзов, но этот внезапный всплеск оказался довольно непродолжительным. С 1891 по 1914 годы количество профсоюзов действительно продолжало постепенно увеличиваться, но лишь очень незначительным темпом (Hinton, 1983, 45—53, 64)⁵⁴.

⁵³ «Континентальный „новый тред-юнионизм“ конца XIX века был „новым“ главным образом ввиду того, что он утвердил тред-юнионы в качестве серьезной силы, каковой они до этого не были за рамками определенных территорий и отдельных ремесленных профессий». С другой стороны, Дж. Д. Х. Коул (G. D. H. Cole, 1937, 21—22) выступает в защиту «весьма значительной воинственности» старых британских тред-юнионов: «Я полностью согласен с тем, что лидеры тред-юнионов 1860-х и начала 1870-х годов никоим образом не были социалистами — однако то же самое можно сказать и о предводителях чартизма. Я также согласен, что они вовсе не были революционерами, но одно дело — отрицать революционные настроения, и совсем другое — принимать философию капитализма».

В любом случае не следует забывать, что одним из факторов, ускоривших появление нового тред-юнионизма, были два акта, принятых Дизраэли в 1875 году, которые в результате легализовали тред-юнионы, выведя их из-под юрисдикции закона о заговорах, разрешив мирные пикеты и отменив тюремное заключение за невыполнение трудового контракта. Эти акты были примечательно более действенными, чем предшествующее законодательство либерального правительства 1871 года (Hinton, 1983, 22; Pelling, 1976, 66, 69). Это еще один пример того, как уступки консерваторов воплощали в жизнь либеральные теории.

⁵⁴ Хинтон (Hinton, 1983, 50) дает следующее объяснение того, почему этот всплеск был кратким: «Успехи нового тред-юнионизма в 1889—1890 годах были осно-

Почему же произошел этот «краткий расцвет»? По мнению Ричарда Хаймана (Нутан, 1984, 331), «возможности для организации беспорядков [сдерживали] и существенно ограничивали различные институциональные коррективы». По мнению же Хобсбаума (Hobsbawm, 1964, 189), в действительности способность общих профсоюзов с их классовой воинственностью благополучно переносить внезапные спады зависела от того, насколько их «терпели и принимали» работодатели, а это, в свою очередь, зависело от «более осторожной и соглашательской политики». Аналогичным образом утверждает Хауэлл (Howell, 1983, 111), учитывая то, что новый тред-юнионизм оказался наиболее успешным в организации рабочих (в газовой отрасли, металлургии), чей труд имел повышенную стоимость, которые обнаружили потребность отказаться от «экуменической надежды крупномасштабных общих союзов», а из этого следовало, что «условием выживания [была] осторожность». Кейт Берджесс (Burgess, 1975, 309) делает акцент на развитии профсоюзной бюрократии с «образом жизни», отличавшимся от среднего рабочего, что делало тред-юнионы «несклонными» к излишней воинственности, поскольку споры с работодателями могли «угрожать» профсоюзным фондам, положению их официальных лиц и благоприятным общественным выгодам их членов.

В результате новый британский тред-юнионизм фактически завершил несколько процессов. Во-первых, он помог отлучить тред-юнионы от груди Либеральной партии в пользу Лейбористской партии.⁵⁵ Во-вторых, он организовал новые группы рабочей силы — те, в которых организаторам не приходилось конкурировать с уже существующими профсоюзными структурами (Hobsbawm, 1984b, 166—167). А в-третьих, новый тред-юнионизм внес вклад в «сокращение различий» между рабочими классами (Hobsbawm, 1984b, 156). Однако в долгосрочной перспективе окажется, что между старым и новым юнионизмом «не будет существенной разницы в облике» (Duffy, 1961, 319).⁵⁶

Одним из центральных вопросов для рабочего движения в этот период было отношение профсоюзов и социалистических партий, ставшее предметом серьезных споров и определенных трений. В Великобритании тред-юнионы являлись значительной организационной базой для новой Лейбористской партии и получили внутри этой партии более институционализированную роль, нежели это произошло в случае с другими нациями. Однако новый тред-

ваны на полной занятости, на готовности полиции терпеть активное пикетирование и на отсутствии консолидированного противостояния со стороны работодателей. Но ни одно из этих условий не сохранялось долго».

⁵⁵ Однако, как утверждает Хинтон (Hinton, 1983, 60), «подъем социалистической политики в 1890-е годы представлял собой не политическое обобщение индустриальной воинственности, а реакцию на поражение в промышленной борьбе, поиск политических решений там, где не удалось решения промышленные. За этим стояли неполнота и слабость профсоюзной организации».

⁵⁶ Или же, как утверждал Хобсбаум (Hobsbawm, 1949, 133), «тем самым новый тред-юнионизм 1889 года стал неудобно похож на „старый“, с которым он некогда боролся; соответствующим образом изменилась и политика его лидеров. На смену революционным марксистам... все больше шли более умеренные социалисты».

юнионизм в Великобритании был, возможно, последним примером, когда главное средоточие воинственности рабочего движения обнаруживалось в деятельности тред-юнионов как таковых. В 1890-х годах партии в целом стремились контролировать профсоюзы, а не наоборот.

Второй Интернационал решительно стремился прояснить это отношение. Уже в 1881 году швейцарские профсоюзы «охотно» использовали образы мужчины и женщины для указания на то, что отношения партии и профсоюзов имели характер подчинения (Haupt, 1981, 31). Если Первый Интернационал часто обсуждал соотносительные достоинства политического и экономического действия, то Второй Интернационал теперь стал делать между ними *организационное* разграничение.⁵⁷ В 1891 году его конгресс принял резолюцию, призывавшую все социалистические партии учредить профсоюзный секретариат *внутри* партийной структуры (Hansen, 1977, 202). Но когда партии стремились более плотно контролировать профсоюзы, последние сопротивлялись, и «идея автономии профсоюзов обрела почву» (Haupt, 1981, 43). Всегдашние «проблематичные» отношения между профсоюзами, вовлеченными в «повседневные процессы в рамках существующего социального порядка», и партиями с их «проектами социальной трансформации» (Hinton, 1983, viii) постепенно пришли к «расхождению» и «трениям» (Hobsbawm, 1984b, 171) между ними.

В политическом отношении тред-юнионы были оттеснены на обочину, и стратегические споры о степени и формах воинственности отныне будут сосредоточены внутри партий. Вплоть до Первой мировой войны «модельной партией» в мировом социальном/трудовом движении была СДП Германии⁵⁸, наиболее мощная во Втором Интернационале. Это была единственная партия с настоящей массовой базой, партия наиболее значительных теоретических дебатов. Когда в 1877 году СДПГ смогла провести 16 депутатов в германский рейхстаг, результатом этого стало усиление репрессий (антисоциалистические законы 1878 года). Еще одним результатом этого было ослабление позиции анархистов (Ragionieri, 1961, 57—62)⁵⁹ и

⁵⁷ См. Gaston Manacorda (1981, 185): «Этот момент разделения был моментом рождения социал-демократии в Германии». Марксистское теоретизирование по этому вопросу было двойственным. См. описание конфликтующих интерпретаций, выведенных из работ Маркса о роли профсоюзов и их отношении к социалистическим партиям, в: Moses (1990).

⁵⁸ Выражение «модельная партия» является заголовком третьей главы книги Георга Гаупта (Haupt, 1986), в которой рассматривается влияние СДПГ на различные партии Юго-Восточной Европы. С. Р. Фей (Fay, 1981, 187) утверждает, что «мечтой» всех русских социалистов, включая даже большевиков, было «перенести на русскую почву германскую модель как в организационном плане, так и с точки зрения отношений профсоюзов к партии».

⁵⁹ Эндрю Р. Карлсон (Carlson, 1972, 3) утверждает, что в Германии были значительные анархистские группы, вопреки «вводящим в заблуждение» утверждениям других ученых. В отличие от Раджоньери, Карлсон объясняет упадок сколько-нибудь серьезных анархистских движений в 1880-х годах их собственными деяниями, прежде всего покушениями 1878 года, имевшими негативные последствия (гл. 8). Кроме

принятие марксизма в качестве официальной доктрины СДПГ на Эрфуртском конгрессе 1891 года⁶⁰.

Начиная с этого момента СДПГ стала ареной великого спора между Бернштейном и Каутским. Бернштейн проповедовал «реформизм» партии, которая больше не являлась «сектой», утверждая, что при всеобщем избирательном праве партия может достигнуть своих целей через выборные механизмы. Каутский же представлял «ортодоксальный» марксизм, который по определению являлся «революционным» вариантом.

Насколько важен был этот теоретический спор? Джири (Geary, 1976, 306) утверждает, что он заботил «лишь небольшую группу интеллектуалов», а представители профсоюзов «часто голосовали за партийную ортодоксию», поскольку она не влияла на их реальную деятельность, и «не любили никаких теоретиков — ни левых, ни правых». Даже Либкнехт, который позже поддержит Русскую революцию, утверждал (возражая голландскому делегату Интернационала, который в 1893 году был против участия в выборах), что «тактика, по существу, является вопросом практической политики» и что не существует ни «революционной», ни «реформистской» тактики (цит. в: Longuet, 1913, 29). Всплеск революционных настроений произошел после Русской революции 1905 года (Schorske, 1955, 28; Stern and Sauerzapf, 1954, xxxiv, xliii), однако, как и сама эта революция, он не оказался долгим.

того, индустриализация устранила группу «разочарованных ремесленных рабочих» (р. 395), которые были основной базой анархистских групп. Аргументацию Раджоньери можно совместить с этой точкой зрения.

⁶⁰ Рот (Roth, 1963, 165) интерпретирует это событие в первую очередь в качестве «ответа на жесткую властную и классовую структуру Германской империи и на изоляцию и бессилие рабочего движения». Шорске (Schorske, 1955, 3) утверждает, что германское социалистическое движение обратилось к марксизму в ответ на ту «ярость», которую развязал против него Бисмарк. «Марксизм» в качестве учения был порождением 1890-х годов, «в тот самый момент, когда его подлинная природа стала обсуждаться различными марксистскими тенденциями и школами» (Hobsbawm, 1974, 242).

Именно в этот момент в СДПГ произошел окончательный раскол между анархистами и марксистами. В 1880 году социал-демократический депутат-бланкист Вильгельм Хассельман сказал по поводу антисоциалистических законов Бисмарка, что «время парламентской болтовни кончилось, настало время действовать» (цит. в: Bock, 1976, 42). Фракция анархистов формально покинула СДПГ в 1891 году после Эрфуртского конгресса, поскольку ее представители утверждали, что партия оказалась в руках «мелкой буржуазии», желавшей «государственного социализма». Однако их новая организация, Союз независимых социалистов (Verein der Unabhängiger Sozialisten), не имела успеха и вскоре распалась (pp. 68–73).

В 1893 году состоявшийся в Цюрихе третий конгресс Второго Интернационала исключил анархистов, приняв 16 голосами против 2 резолюцию, допускавшую только организации, которые «признавали необходимость... политического действия» в том виде, в котором ее определил на конгрессе Бебель. На следующем конгрессе в Лондоне в 1896 году Либкнехт успешно выдвинул еще одно уточнение: организации-члены Интернационала должны были признавать «законодательное и парламентское действие как необходимое средство достижения [социализма]» (Longuet, 1913, 27, 35).

Можно обобщить эту историческую траекторию как «радикальную теорию при умеренной практике» (Roth, 1963, 163). А базой этого сочетания был «детерминистский марксизм» в двух вариантах (Бернштейна и Каутского)⁶¹. Рот (Roth, 1963, 167) утверждает, что это была «подходящая идеология» для социал-демократической субкультуры, учитывая неспособность рабочего движения «вырваться из изоляции». Мэри Нолан (Nolan, 1986, 389) утверждает то же самое в более дружественных выражениях, подчеркивая, что детерминистский марксизм «предлагал обещание революции в неревolutionной ситуации, теорию революции в стране без собственной революционной традиции». Эрик Матиас (Mathias, 1971, 1:178) утверждает, что превращение марксизма в официальную идеологию СДПГ было «необходимым условием для принятия его фаталистической интерпретации».

Ключевое изменение заключалось не в терминологии, а в том факте, что начиная с 1870-х годов социалисты стали требовать протекционистского законодательства. После 1871 года рабочие классы «вступили в тесные отношения с нациями-государствами» (van der Linden, 1988, 333). Нолан (Nolan, 1986, 386) называет это сдвигом от «политиканства к социальной политике» (from politics to social policy). В Германии это было реакцией рабочих классов на «повестку, сформулированную Бисмарком». Со временем это привело к «общей интеграции рабочего класса в государство» (Mathias, 1971, 1:181)⁶².

В германском случае Рот (Roth, 1963, 8, 315) называет данный процесс «негативной интеграцией», которая, по его определению, позволила «агрессивному массовому движению существовать легально, но препятствовала его доступу к центрам власти»⁶³. В любом случае в 1890 году кайзер

⁶¹ См. выступление Бебеля в Эрфурте: «Буржуазное общество решительно стремится к собственному разрушению; нам нужно лишь ждать момента, чтобы схватить власть, ускользающую из его рук» (цит. в: Mathias, 1971, 1:178). Марксизм, как напоминает Хобсбаум (Hobsbawm, 1987, 134), не обязательно отождествлялся с «революционным» учением: «Между 1905 и 1914 годами типичным революционером на Западе был скорее некий революционный синдикалист, который парадоксальным образом отвергал марксизм как идеологию партий, использовавших его в качестве оправдания отсутствия попыток совершить революцию. Едва ли это было бесчестно в отношении духа покойного Маркса, поскольку для западных массовых пролетарских партий, поднимавших его знамя на своих флагштоках, действительная роль Маркса была поразительно скромной. Основные убеждения их лидеров и бойцов часто были неотличимы от убеждений немарксистских радикалов из рабочего класса или левых якобинского толка».

⁶² Матиас идет еще дальше, утверждая, что рабочий класс «окончательно принял имперское государство и социальный порядок капитализма как непоколебимую реальность». Я не согласен, что он «принял» все это сознательно — определенно не в эту эпоху. Однако фактический результат мог не слишком отличаться.

⁶³ Эта идея нравится Гроху (Groh, 1973, 36), который утверждает, что она соотносится с «поведенческой моделью революционного ожидания [Attentismus]». «Реформистскую» тональность СДПГ уже в 1904 году отмечал Уильям Джеймс Эшли (цит. в: Marks, 1939, 339), который связывал это с улучшением материальных условий

Вильгельм I отменил антисоциалистическое законодательство и предложил созвать международную конференцию для претворения в жизнь международного трудового законодательства (Ragionieri, 1961, 159). Совершив ряд небольших «реформистских уступок», Вильгельм получил прозвище *Arbeiterkaiser* [рабочий кайзер — нем.], хотя и продолжал колебаться, время от времени «возвращаясь к дальнейшим репрессивным правовым мерам» (Hall, 1974, 365). Рот стремится видеть в этой ситуации достаточное отличие от той, что складывалась в Великобритании и Соединенных Штатах. Я соглашусь с тем, что в Германии имело место более шумная риторика, но так ли отличался конечный результат?

Если же от двух «модельных» национальных примеров — Великобритании и Германии — обратиться к другим значительным средоточиям роста социалистических/трудовых движений, то мы обнаружим вариации без существенного отличия. Модель повсеместно предполагала организацию, преодолевающую определенные трудности на фоне государственных репрессий, риторику, которая часто была радикальной при в целом умеренной практике, и нечто вроде «негативной интеграции» в национальные сообщества. Во Франции, например, жестокие репрессии, связанные с подавлением Парижской Коммуны, после 1875 года ослабели, правительство признало мудрость «социальной политики, направленной на рабочий класс» (Schöttler, 1985, 58).

В 1882 году Жюль Гед и его последователи основали Французскую рабочую партию (ФРП), называя себя марксистами, хотя это была ограниченная версия марксизма, на которую по-прежнему влиял анархизм (Willard, 1965, 30). Марксизм в данном случае означал прежде всего отказ от «ассоциационизма», основанного на классовой гармонии, и «революционную стратегию в достижении ремесленного социализма» (Moss, 1976, 157). Похоже, что в марксизме ФРП больше всего нравилась сен-симоновская традиция индустриализма в сочетании с «едкой критикой» капитализма — «провозвестники трансцендентного будущего» (Stuart, 1992, 126)⁶⁴. В отличие от более поздней Французской секции Социалистического Интернационала (ФССИ/СФИО), ФРП никогда не была массовой партией (Cottureau, 1986, 143). Роберт Стюарт в своей эпитафии ФРП (Stuart, 1992, 54) говорит, что это была история «долгого и агонизирующего рождения, ничего не обещающей юности, процветающей и

жизни (точка зрения, которая, как был уверен Маркс, слишком проста), обнаруживая истоки этих настроений в «зависимости социал-демократии от ее сторонников (*Mitlänger*) в рядах рабочей бюрократии и в организационной структуре членства в партии» (р. 345). Вильям Мель (Maehl, 1952, 40) отмечает, что прекращение преследований привело к тому, что партия сосредотачивалась на «практических задачах» и тем самым уходила «далеко с пути вооруженной классовой борьбы».

⁶⁴ Однако, настаивая на первичности социально-экономических трансформаций, в то же самое время «гедисты открыто отвергали идею революции как восстания... Сама по себе политическая парадигма ФРП [развитие и вызревание нового общества в самой утробе старого] утверждает революционную социальную трансформацию» (р. 260).

обнадеживающей зрелости, за которой последовали очевидный решающий кризис и преобразование [в 1905 году]». Впрочем, нельзя ли применить ту же метафору (с определенными различиями на разных этапах) ко всем социалистическим/трудовым движениям?

Французским социалистам было суждено пойти иным путем. В 1896 году Александр Мильеран первым отчеканил термин «реформизм» (Procacci, 1972, 164), он же станет и первым социалистом, который войдет в коалиционное правительство во главе с Пьером Вальдеком-Руссо⁶⁵ под эгидой «республиканской концентрации» (Willard, 1965, 422)⁶⁵. Последующий провал всеобщей забастовки в 1906—1908 годах (а в равной мере и второй аналогичной попытки в 1919—1920 годах) «означал смерть [последней] мечты — о революции через забастовку рабочих» (Perrot, 1974, 1:71).

В любом случае представляется, что все социалистические/рабочие партии фактически следовали по пути реформизма, то есть интеграции (пусть даже негативной) в политические структуры своих стран. Колин Хейвуд (Heuwood, 1990, гл. 1) называет испанских социалистов «выхолащенными марксистами». Голландская партия и профсоюзы «определенно двигались в реформистском направлении» (Hansen, 1977, 199). Итальянская партия реализовывала «смягченную версию» программы СДПГ (Andreucci, 1982, 221), а значительное расширение ее рядов в 1901—1902 годах происходило «под эгидой реформизма» (Procacci, 1972, 163)⁶⁶.

Отличием Соединенных Штатов (а также Канады), настаивает С. М. Липсет (Lipset, 1983, 14), было то, что отсутствие феодального прошлого «способствовало снижению склонности к классово сознательной политике и соответствующим проектам». Однако в данном случае просто необходимо несколько изменить риторику, чтобы увидеть черты сходства с описанным выше. Уилл Херберг (цит. в: Dubofsky, 1974, 275) продемонстрировал, в какой степени отношение Индустриальных рабочих мира⁶⁶ («с их акцентом на прямом действии пролетариата») к цеховому юнионизму Американской федерации труда было аналогичным отношению «ортодоксального марксизма» Каутского к «реформизму» Бернштейна. Джон Лэслетт (Laslett, 1974, 115—116) утверждает, по сути, то же самое относительно Американской социалистической партии.

⁶⁵ Жюль Гед отверг этот шаг, но не получил международной поддержки — в частности, СДПГ провозгласила нейтралитет по данному вопросу. Позиция Гед была довольно последовательной. Он всегда отрицал «республиканский миф» и предлагал взамен этой хроники свободы другой «исторический миф, [основанный на] хронике буржуазных репрессий, которые разворачивали свой кровавый свиток от бойни на Марсовом поле в 1791 году до убийств в Фурье в 1891 году», — вековой мартиролог рабочего класса, освящавший социалистический приговор республиканскому режиму» (Stuart, 1992, 228).

⁶⁶ Джулиано Прокаччи (Procacci, 1972, 332—374) описывает безрезультатный спор между Филиппо Турати и Антонио Лабриолой о том, следует ли Итальянской социалистической партии участвовать в правительстве, стремясь обнаружить некое достоинство в итальянском сценарии. Итальянская партия, утверждает Прокаччи, «опоздала» в своем политическом развитии, но ее «оригинальность» заключалась в «способности присвоить значительную часть наследия демократии Рисорджимен-

Эрик Фоунер (Foner, 1984, 74) в ответ на корпус текстов о том, почему «в США не было социализма», полагает, что на самом деле вопрос надо ставить так: «Почему в любом передовом капиталистическом обществе не произошло социалистической трансформации?» Наиболее разительным отличием Соединенных Штатов и Канады от западноевропейских государств была способность Демократической партии США (а также Либеральной партии Канады) оставаться главным двигателем политики, связанной с рабочим классом (Shefter, 1966, 270; Kealey, 1980, 273), что можно объяснить в большей степени, чем какими-либо иными факторами, ролью городских механизмов в инкорпорации рабочих-иммигрантов⁶⁷.

В конечном итоге ключевым моментом для всех социальных/трудовых движений было их стремление влиться в нацию. Объединение Рабочей партии Бельгии произошло в рамках борьбы за всеобщее избирательное право (Sztejnberg, 1963, 214). Во Франции требования социалистов в 1880-х годах начали концентрироваться вокруг материальных потребностей, которые могли быть удовлетворены лишь путем «возвращения к государству или, скорее, к республике» (Schöttler, 1985, 68). В США профсоюзное движение стало национальным в 1860—1890-х годах, преследуя цель «потребовать единообразных ставок заработных плат» по всей стране, «то есть снизу навязать капитализму

то... Ее отсталость была ее силой» (pp. 74—75). Однако «опоздание» Италии было не столь уж удивительным, а итальянское движение, как мы видели, было не единственным опиравшимся на более ранние, несоциалистические традиции. То же самое определенно верно в отношении Англии, которая отнюдь не была «поздним» игроком. Я полагаю, что ближе к истине точка зрения Пьерпаоло Беллони (Belloni, 1979, 44), утверждающего, что для Социалистической партии Италии революция была твердым и неоспоримым элементом ее собственного кредо, простертым в будущее, которое было неопределенным, но достаточно далеким, чтобы действительно иметь большое влияние на политические действия и стратегию в короткой или среднесрочной перспективе».

⁶⁷ См. Commons (1918, 1:13). Коммонз описывает роль Рыцарей труда в волнениях 1880-х годов в Соединенных Штатах следующим образом: «Никогда прежде какая-либо организация не распространялась так широко и глубоко. Новые зоны конкуренции, новые расы и национальности, новые массы неквалифицированных рабочих, новобранцы из рядов квалифицированных и полуквалифицированных тружеников — все это временно на какое-то время превратилось в некое подобие организации, но скорее было гораздо ближе к процессу — столь быстро менялось членство в ней. В зените своего могущества Рыцари труда насчитывали, согласно своим документам, три четверти миллиона членов, а миллион или более человек прошли через их собрания, но вскоре покинули их». Мартин Шефтер (Shefter, 1986, 272) утверждает, что городские политические механизмы «организовывали раздробленные национальности и сообщества в политическое тело, объединяя под общим флагом квалифицированных рабочих, входивших в профсоюзы, неквалифицированных рабочих, нести ответственность за которых профсоюзы отказывались, и членов средних и высших классов. Причем в ходе организованных кампаний эти механизмы демонстрировали воинственность,... подобную современным им профсоюзам, хотя группы, от имени которых они вели борьбу, и соответствующие вопросы довольно отличались».

определенный порядок» (Montgomery, 1980, 90; см. тж. Andrews, 1918, 2:43—44). Рассматривая Амьенскую хартию Французской федерации профсоюзов 1906 года, Жан Брон (Bron, 1970, 2:132) описывает «дополняющие друг друга баталии» профсоюзов и социалистической партии. Профсоюзы подчеркивали производительную роль рабочих, а социалисты — «аспект „гражданства“».

Рабочие считали себя трудящимися классами — верхние же страты были склонны считать их опасными классами. Со стороны рабочих значительная часть тактической борьбы вращалась вокруг того, каким образом они могли утратить клеймо «опасных классов» и приобрести статус граждан. В Германии после 1871 года социал-демократов обвиняли в том, что они были «врагами нации» и *Vaterlandlos* (лишенными отечества) (Groh, 1966, 17). Им нужно было опровергнуть этот ярлык. Луи Шевалье (Chevalier, 1958, 461) грамотно формулирует теоретическую проблему, которая в конечном итоге носила политический характер:

«Отличать трудящиеся классы от опасных классов... становилось все сложнее, поскольку границы между этими категориями не являлись четкими, а в неопределенной зоне между ними располагались множество посреднических групп, о которых было сложно сказать, принадлежат ли они в большей или меньшей степени к одной или другой категории. Как, в конечном итоге, можно провести границу между ними, если они столь сильно зависят от экономических, политических и биологических обстоятельств, которые перемешивают их и заставляют отдельных лиц перемещаться из одной группы в другую в зависимости от того или иного года, сезона или революций, кризисов и эпидемий?»

Одним из ключевых механизмов, которые широко использовались для разделения трудящихся на категории, был критерий этничности или национальности. Внутренний расизм и внешний империализм/колониализм выполняли функцию перемещения ярлыка «опасных» на определенную подкатегорию трудящихся. В той мере, насколько это было убедительным, некоторые трудящиеся могли становиться активными гражданами, в то время как остальные оставались пассивными или даже негражданами. Опять-таки включение достигалось путем исключения.

Эти внутренние исключения были наиболее заметны в случае Соединенных Штатов. На протяжении XIX века это была территория постоянной иммиграции, где приезжие были склонны селиться в городских зонах и начинать в качестве сравнительно неквалифицированных рабочих, в то время как коренные американцы формировали весьма значительную часть ремесленных групп и с большей вероятностью демонстрировали вертикальную мобильность, при этом их позиции заполнялись вслед за ними вторым поколением рабочих-иммигрантов. Уже в 1850-х годах социальная дистанция между коренными ремесленниками и наемными рабочими, преимущественно иммигрантами, приняла политическую форму шовинистических (*nativist*) партий (антииммигрантских и антикатолических), которые «подчеркивали свою принадлежность к ремесленникам так же, как и свой протестантизм» (Bridges, 1986, 176). Во время Гражданской войны призванного в армию коренного рабочего

часто замещал рабочий-иммигрант, и «расовый антагонизм добавлял энергии естественной борьбе между наемным работником и нанимателем» (Ely, 1890, 62). Сразу же после Гражданской войны стимулом для американского интереса к Первому Интернационалу и участия в нем стала попытка вновь созданного Национального профсоюза регулировать иммиграцию путем соглашения с Интернационалом (Andrews, 1918, 2:86), причем, как уже было сказано, подобный интерес разделяли и британские тред-юнионы. Рабочие организации вели агитацию за Акт об исключении китайцев 1882 года⁷. Зелиг Пёрлмен (Perlman, 1922, 62) в своей знаменитой работе по истории профсоюзного движения в США даже утверждает, что эта агитация «была, несомненно, наиболее значимым единичным фактором в истории американского труда, поскольку без нее всю страну могла наводнить монгольская рабочая сила, так что рабочее движение могло стать расовым, а не классовым конфликтом».

Рабочих-иммигрантов в чрезмерном количестве вербовала Социалистическая партия. С другой стороны, это было неудивительно, поскольку рабочий класс США в конце XIX века, как отмечалось еще в то время, состоял «главным образом из мужчин и женщин, либо родившихся за границей, либо имевших родившихся за границей родителей» (Ely, 1890, 286). Но это же обстоятельство может объяснять и упадок Социалистической партии после того, как иммиграция пресеклась, а третье поколение чуралось связи со своим иммигрантским прошлым.

Разумеется, работодатели извлекали преимущество из этого этнического раскола и часто использовали «черных, узкоглазых (Orientals) и женщин в качестве штрейкбрехеров» (Shefter, 1986, 228). Конечно же, верно и то, что наивысшее положение англоговорящих белых рабочих в этнической иерархии «безоговорочно принималось на протяжении истории [США]» (Soffer, 1960, 151) и что в беспорядках регулярно обвиняли иммигрантов. Однако этого недостаточно для объяснения того, почему этнические/расовые различия между американскими рабочими устойчиво занимали центральное положение. Представляется, что суть проблемы — отношение профсоюзов США к «американизму» — удачно ухватил Джон р, Коммонс (Commons, 1935, 2, xvii):

«[Шахты, где добывался антрацит, часто заключали с горняками соглашения об „открытом предприятии“...] Соответственно, в 1912 году, с ослаблением профсоюзов, угледобывающие компании обнаружили, что их шахты были заполнены синдикалистами (ИРМ), и поменяли свое отношение к профсоюзу на противоположное. Оказалось, что американское рабочее движение, каким бы агрессивным оно ни могло быть, было первым бастионом против революции и самым сильным защитником конституционного правительства. Фактически на плечи профсоюзов падала первая ноша „американизации“ иммигрантов, и они занимались этим более полувека. Когда президент Вильсон усмотрел необходимость в объединении разнородной нации для участия в Первой мировой войне, он был первым президентом, который посетил съезд Американской федерации труда и поприветствовал его. Когда 74-летний Сэмюэл Гомперс, возглавлявший профсоюзное движение на протяжении полувека, возвращался в США после заключения союза с рабочим движением Мексики, к которому он прибег, чтобы предотвратить его перехват коммунистами, его последними

словами на смертном одре на мексиканской границе была фраза: „Боже, храни наши американские институты“.

Другая сфера, где включение/исключение играли значительную роль, находилась за пределами страны — в других странах или в колониальных владениях метрополии. С одной стороны, трудящимся в Западной Европе было легко удерживаться в рамках определенной радикальной/либеральной традиции, приветствовавшей борьбу далеких народов за свое освобождение. В 1844 году 1505 парижских рабочих потребовали от депутатов отменить рабство в колониях, указав, что «рабочий принадлежит самому себе», и «каковы бы ни были недостатки существующей во Франции организации труда, рабочий в определенном смысле свободен» (цит. в: Césaire, 1948, 11). Британские рабочие рассматривали Крымскую войну как выступление «свободных англичан против русского крепостного» (Foster, 1974, 242). А в 1860-х годах британский рабочий класс поддерживал Гарибальди, северян в Гражданской войне в США и польское восстание (Collins, 1964, 29—30)⁶⁸.

Но столь же верно и то, что движение против рабства в начале XIX века сталкивалось с враждебным отношением со стороны рабочего класса, поскольку «черные рабы уже были более зажиточными, чем белые, свобода для черных будет куплена за счет дальнейшего угнетения белых рабов, а как только черные рабы получают свободу, они станут столь же бедны, как белые» (Hollis, 1980, 309). А в начале XX века британские рабочие сосредоточили свою критику имперской политики в Южной Африке на ввозе китайской рабочей силы для работы в рудниках Ранда, что они рассматривали в качестве «еще одного свидетельства поддерживаемого правительством мошенничества» (Hinton, 1983, 73).

Во Втором Интернационале существовал глубокий раскол по колониальным вопросам (Haupt and Rebérioux, 1967a, 77—283). Такие фигуры, как Гайндман в Великобритании и Ленин, отрицавшие империализм при любом удобном случае, уравнивались лицами типа Гендрика ван Коля из Нидерландов, которые утверждали «необходимость колониальной реальности» и просто стремились ограничить ее «преступления», или же фигурами типа Бернштейна, для которого «колониальный вопрос [был] вопросом распространения цивилизации» (Rebérioux and Haupt, 1963, 13, 18). Даже австрийские социалисты, столь известные более тонким пониманием требований множества национальностей в Австро-Венгерской империи, были яростными противниками венгерского «сепаратизма»⁶⁹.

⁶⁸ Действительно, когда Гладстон в апреле 1864 года вынудил Гарибальди прервать визит в Англию, это вызвало такое недовольство, что Гладстон «попытался восстановить равновесие, публично призвав к расширению избирательного права для рабочего класса» (Collins, 1964, 24).

⁶⁹ В 1905 году «Карл Реннер», например, «сурово критиковал трусость австрийской буржуазии, которая стала уступать сепаратистским планам мадяров, [не смотря на то, что] для австрийской столицы венгерский рынок был несравнимо более значим, чем рынок Марокко для Германии». Реннер противостоял «возмущению [венгерских] городских хулиганов, мошенников и политических демагогов против

В конечном итоге даже для тех, кто, как гедисты, занимал антиколониальную позицию, это всегда была в лучшем случае «второстепенная баталия» (Willard, 1965, 63). Преобладавшим настроением была та определенность, выраженная СДПГ, согласно которой в том случае, если социал-демократические партии добьются своего, то их «победа увлечет за ними крестьян и тем самым сделает возможным наступление социализма в экономически отсталых странах» (Haupt, 1986, 57). Именно это заявлялось в качестве вопроса о приоритетах, однако это же служило и сигналом для рабочего класса в смысле вопроса о включении в число «цивилизованных»⁷⁰. В колониальных странах социалистам приходилось делать собственные выводы о приоритетах. Когда Джеймс Коннолли, считавший себя и марксистом, и ирландским националистом, в 1914 году констатировал для себя, что со стороны европейского рабочего класса произошло предательство пролетарского интернационализма⁷¹, то на дублинской штаб-квартире своей партии он повесил плакат с надписью: «Мы служим не королю и не кайзеру, а Ирландии» (Bédarida, 1965, 20) — и в 1916 году возглавил Пасхальное восстание.

[ЖЕНСКИЕ И ФЕМИНИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ]

История женского/феминистского движения в XIX веке очень во многом похожа на историю социального/трудового движения. Однако по большей части случалось так, словно эти два семейства движений находились на далеко отстоящих друг от друга и главным образом параллельных колеях, которые почти никогда не пересекались и редко сотрудничали. Действительно, социальное/трудовое движение во многом рассматривало феминистское/женское движение как соперника, помеху, отвлечение и даже довольно часто как врага. Все это также было связано с включением/исключением.

Конечно же, раздавались отдельные голоса, полагавшие, что два эти вида борьбы не просто сопоставимы, а взаимосвязаны. Еще до 1848 года эту

самых интересов австрийской промышленности, австрийских трудящихся классов и венгерского сельскохозяйственного населения» (цит. в: Anderson, 1991, 107).

⁷⁰ Гэрет Джоунс (Jones, 1983, 181—182) акцентирует момент политической апатии, рассматривая настроения английского рабочего класса в последней трети XIX века: «Если бы рабочий класс сам активно не продвигал ура-патриотизм, то он, несомненно, мог бы поддаться ему пассивно... Неудача попытки радикалов и социалистов произвести сколько-нибудь глубокое впечатление на лондонский рабочий класс в конце Викторианской эпохи и в Эдвардианский период имела более глубокие причины, чем субъективные недостатки ее инициаторов... Снятие осады Мафекинга⁷² и другие империалистические действия предвещали не столько господство недобросовестной политики над массой лондонских рабочих, сколько их отчуждение от политической активности как таковой. По общему согласию политически активный рабочий того времени был радикалом или социалистом. Лоялизм же был порождением апатии». Однако сама апатия, разумеется, была результатом включения в нацию, а тем самым, как минимум, пассивным принятием исключения других».

идею всю свою жизнь проповедовала Флора Тристан⁷. Истинно преданная делу рабочих, она вложила в свою книгу «Рабочий союз» (Tristan, 1983, 83), написанную в 1843 году, мысль о том, что «все тяготы рабочего класса можно обобщить в двух словах: нищета и необразованность. Теперь, чтобы выбраться из этого лабиринта, я вижу только один путь: начать с образования женщин, поскольку женщины несут ответ за воспитание мальчиков и девочек». Надо сказать, что это был глас вопиющего в пустыне, как и в случае с ученицей Жюлье Гедэ Алин Валетт, которая 15 марта 1892 года писала в *L'Harmonie sociale*, что «для обновления общества необходимо, чтобы две его угнетаемые группы, женщины и пролетарии, объединились» (цит. в: Zylberberg-Hocquard, 1978, 89).

Для городского мужчины-рабочего, который зарабатывал наемным трудом, проблема выглядела вполне прямолинейно. Женщинам платили меньше — а до 1914 года «значительно» меньше (Guilbert, 1966, 21), и это угрожало уровню заработных плат в целом⁷¹. Эта предполагаемая угроза озвучивалась от собрания к собранию (Guilbert, 1966, 188). Несмотря на мифологию определенного сорта, доля женщин среди мануфактурных работников была довольно значительной: например, в Париже в середине XIX века она оценивалась в 40% (DeGroat, 1997, 33). Женщин ставили на более «пролетарские» позиции (Judt, 1986, 44–46, 50–51) — отчасти, несомненно, потому, что квалифицированные ремесленники создавали препятствия для занятия их мест (Hinton, 1983, 31), а отчасти потому, что работодатели считали женщин более продуктивной рабочей силой с большей трудовой дисциплиной (или послушанием) и большей технической сноровкой, чем у мужчин (Berg, 1993, 41).

Мужчины-рабочие реагировали на это как на личном, так и на организационном уровне. Салли Александер (Alexander, 1984, 144) рассматривает их реакцию в первую очередь «как желание (правовым образом) контролировать сексуальность и (морально) распоряжаться ей». Сексуальные мотивы никогда нельзя недооценивать, и несомненно, что данное стремление хорошо совпадало с культурными нравами того времени, особенно среди женщин из среднего класса, которые приветствовали «ограничение женского труда неоплачиваемой работой в браке и семье вместе с полным недопущением женщин... к оплачиваемым занятиям» (Kleinau, 1987, 199). Несомненно, верно и то, что среди городских наемных рабочих мужского пола «преобладал пролетарский антифеминизм» (Thönnessen, 1973, 19). Немецкие рабочие-мужчины называли женщин-работниц словом *Fabrikmenschen* (курьезная формулировка, поскольку буквально она означает «фабричные мужчины», но имела смысл «фабричные девушки») и были склонны относиться к ним

⁷¹ Однако см. комментарий Хайди Хартманн (Hartmann, 1976, 155): «Неудивительно, что мужчины-рабочие рассматривали занятость женщин как угрозу для своих рабочих мест, учитывая ту экономическую систему, для которой была характерна конкуренция среди рабочих. Эту угрозу обостряло то обстоятельство, что женщинам платили меньшую зарплату. Однако тот факт, что в ответ на это мужчины пытались не допускать женщин к труду вместо того, чтобы организовать их, объясняется не капитализмом, а патриархальными отношениями между мужчинами и женщинами».

как к «морально извращенным» (Quataert, 1979, 153). Хобсбаум (Hobsbawm, 1978, 8) отмечает, что в ходе столетия образное мышление рабочих менялось таким образом, что к последней трети XIX века образ «вдохновляющих женщин» (см. картину Делакруа «Свобода на баррикадах», посвященную *Les Trois Glorieuses* [Июльским дням 1830 года]), с которого началось столетие, превратился в образ женщин, которые просто «страдали и терпели», в то время как обнаженный мужской торс теперь стал плакатным образом энергии и силы рабочего.

Первый Интернационал разделился по этому вопросу. На его первом конгрессе в Женеве в 1866 году представитель Всегерманского рабочего союза Лассалья предложил запретить занятость женщин из соображений их «защиты» (Hervé, 1983, 23). Окончательная резолюция была компромиссной: в ней утверждалось, что труд женщин заслуживал положительного отношения, но критиковались его условия при капиталистическом производстве (Frei, 1987, 39). Теперь рабочие организации выдвинули свои требования на трех фронтах: равенство заработных плат, так называемая семейная заработная плата и ликвидация опасных условий труда.

Равенство заработных плат («за равный труд») — это стандартное и очевидное требование профсоюзов. Однако в нем часто содержалась тайная надежда на то, что если заработные платы станут равными (для женщин, меньшинств и иммигрантов, для рабочих в других странах), то рабочий, находящийся на вершине иерархии (то есть рабочий-гражданин мужского пола титульной этнической группы) получит преимущество в трудоустройстве — пусть даже по культурно-историческим причинам. В качестве примера можно привести резолюцию девятого конгресса французской Всеобщей конфедерации труда в Ренне в 1898 году:

«Во всех сферах жизни мы стремимся распространять идею, что *мужчина должен кормить женщину*; в отношении женщины — вдовы или молодой девушки, для которой стало вынужденной необходимостью обеспечивать себя самостоятельно, следует понимать, что именно к ней нужно применять формулу „одинаковая плата за одинаковую работу“...

Удерживайте мужчин от того, чтобы брать и делать работу, присущую женщинам, — и наоборот; удерживайте женщин от того, чтобы они забирали работу, которая является естественным делом мужчин» (цит. в: Guilbert, 1966, 173)⁷².

⁷² Формулировка «мужчина должен кормить женщину» в действительности скрывает нечто иное. В самом деле, считалось, что мужчина должен зарабатывать деньги, на которые можно накормить женщину в физическом смысле. Однако Хинтон (Hinton, 1983, 32) напоминает, что для мужчины-рабочего XIX века женщина не должна была выходить на работу, чтобы иметь возможность «домостроительства как сферы физического комфорта и эмоциональной поддержки» — конечно, для самого мужчины, но также и для детей.

Формулировки имеют значение. Представление о том, что *молодая, незамужняя* женщина могла законно работать, было приемлемо повсеместно. Но вот как оно обосновывалось в Японии конца XIX века: «Модель отношения властей и управляющих к женщинам-работницам больше, чем какая-либо другая группа, являли собой

В общем и целом женщины не вступали в профсоюзы или держались от них в стороне. Во Франции в 1900—1914 годах, когда профсоюзы стали сравнительно сильны, их членами, по имеющейся оценке, были лишь 5—10% женщин-работниц (Guilbert, 1966, 29, 34). Предпринимались некоторые попытки создания специальных женских профсоюзов, и в Англии в этот же период они стали сравнительно многочисленными, однако имели меньше возможности для переговоров по различным вопросам, чем «общества взаимопомощи», от которых они были «неотличимы» (Olcott, 1976, 34, 39).

Конечно, для профсоюзов было нелегким делом оправдывать исключение женщин из числа полноценных граждан, что можно увидеть по неохотной резолюции Французской федерации полиграфических рабочих, которая приобрела сомнительную славу за проведение наибольшего количества забастовок, направленных на недопущение женщин к рабочим местам. В конечном итоге эта федерация, признав, что из экономических соображений даже те рабочие, которые были против занятости женщин своим собственным ремеслом, регулярно подталкивали своих жен заняться какой-то другой работой, предложила следующий компромисс:

- «1. Мы поддержим морально и материально те местные организации, которые... пожелают отреагировать на эксплуатацию женщин, добившись для них минимальной профсоюзной ставки оплаты.
2. Во время переходного периода... уже трудоустроенных женщин следует принять в члены федерации на тех же условиях, что и мужчин. По окончании переходного периода будут приняты только те женщины, которые трудоустроены по профсоюзной ставке (цит. в: Guilbert, 1966, 62)».

Но одновременно была принята вторая резолюция, которая вынуждала «рабочих-глав семей применять принцип женщины-домохозяйки и требовать от своих половин отказаться от любой работы за пределами дома». Если же это выглядит несколько несовпадающим с первой резолюцией, то с этим оставалось только смириться.

Для утверждения подобных позиций к своим экспертным знаниям прибегли представители социальных наук. В 1890 году доктор Уильям Оугл объяснял Королевскому статистическому обществу:

«Есть люди, которые работают потому, что труд для них является удовольствием, а есть другие, которые тянут лямку, потому что труд — это обязанность; однако подавляющее большинство людей стимулирует к труду, который по своему объему или характеру им отвратителен, надежда, что они будут способны, во-первых, содержать себя, а во-вторых, жениться и содержать семью... Поэтому если благосостояние государства заключается в зрелом

молодые женщины на ткацких мельницах. Они воспринимались не как рабочие, а «дочери» или «ученицы», которые проводили здесь несколько лет до замужества, работая на свои семьи, нацию и предприятие. Отсутствие заинтересованности и навыка было обоснованием как для низких заработных плат для подобной рабочей силы, так и для ее характеристики как частичной или временной занятости» (Sievers, 1983, 58).

благополучии людей, то в таком случае наиболее процветает та страна, где наибольшая доля населения способна удовлетворить два этих естественных желания» (*Journal of the Royal Statistical Society*, цит. в: Lewis, 1984, 45).

Главным требованием профсоюзных структур стала «семейная заработная плата». Отчасти это требование было порождено реальной проблемой. Если в XVIII веке считалось нормальным, что женщины и дети работают за вознаграждение наравне с мужчинами, то перемещение многих видов производственной деятельности за пределы домохозяйств означало, что женщины и дети теряли доход от надомной работы. Возможно, именно это является ключевым элементом для объяснения провала в реальных доходах домохозяйств в конце XVIII — начале XIX веков (Pinchbeck, 1930, 4; Wallerstein, 1989, 124 / сс. 153—154 3 тома рус. изд.).

Семейная заработная плата представляла собой простую идею: минимальной заработной платы, которую следовало получать взрослому мужчине за его наемный труд, должно было хватать на содержание его самого, его жены и малолетних детей. Эта идея получила широкую огласку, ее активно поддерживало рабочее движение (Lewis, 1984, 49). Она была обращена к массе работодателей, поскольку сулила стабильность рабочей силы (May, 1982, 418), и соответствовала такой ценности XIX века, как «ответственность» мужчин за заботу о своей семье (Evans, 1983, 281). Поэтому она взывала не только к Интернационалу и другим рабочим движениям, но и к центристским политикам всех сортов. Против этой идеи были лишь феминистки (Offen, 1987a, 183).

Идея специального «протекционистского» законодательства для женщин-работниц всегда была «острым вопросом» (Rowbotham, 1974, 114). Она представлялась благородной и долго занимала социалистическое движение (Guilbert, 1966, 413). Однако она была не по нраву анархистам, хотя и лишь потому, что предполагала государственное вмешательство. Феминистки из среднего класса были против этой идеи во имя равенства. Сами женщины-работницы часто опасались, что ее результатом будет сокращение заработных плат. Социалистическое движение определенным образом разделилось. Клара Цеткин, например, утверждала, что данная мера не имела значения, поскольку, по Марксу и Энгельсу, индустриализация ликвидировала пол и возраст в качестве «отличительных» факторов, однако ее позиция не имела большинства в СДПГ (Quataert, 1979, 39). Партия католического центра в Германии поддерживала семейную заработную плату в качестве составной части своего стремления к более социальному капитализму. Для большинства рабочих-мужчин эта идея выступала в качестве алиби для их нежелания видеть равную роль женщин на рабочем месте, а следовательно, и в политическом обществе. Похоже, они полагали, что включение рабочих-мужчин в число граждан требовало отношения к женщинам как к более слабой, более ранимой и, следовательно, более пассивной части населения.

В социалистических партиях вопрос прав женщин получил несколько более приятную аудиторию, нежели в профсоюзах. Наиболее известным

и значимым средоточием спора социалистов об отношениях женщин и партии стала СДПГ, ситуацию в которой Жан Котер (Quataert, 1979) описывал как «феминизм поневоле». Значительная роль Женской конференции и Женского бюро в СДПГ была исключительным явлением для социалистических партий. Изначально эта роль была результатом ограничительных законов германского государства. Прусский *Vereingesez* [закон, регулирующий образование объединений и их права] 1851 года запрещал женщинам не только вступать в политические организации, но даже посещать митинги. Аналогичные законы существовали в Баварии и Саксонии (Evans, 1976, 10—11). Для того чтобы мобилизовать женщин, СДПГ была вынуждена создавать отдельные структуры, которые могли легально заявлять, что не являются политическими. Это убило двух зайцев сразу: позволило СДПГ организовать женщин, несмотря на правительственные законы, и одновременно дало возможность женщинам-социалисткам действовать в качестве организованной фракции в рамках партии, «обеспечив представительство особым интересам женщин». Кроме того, это означало, что женщины-социалистки — именно в силу наличия собственной организации — крайне враждебно относились к феминистским движениям среднего класса, разрыв с которыми был «продекларирован» (Honeycutt, 1979, 32—33).

Результатом этого была любопытная промежуточная позиция партии по феминистским вопросам. С одной стороны, Август Бебель написал наиболее важную и наиболее цитируемую работу о женщинах, когда-либо вышедшую из-под пера социалистического лидера, — книгу «Женщина и социализм», которая считалась относительно «феминистской»⁷³. И хотя женщины-социалистки настаивали, что не существует никакого «женского вопроса» (так же поступали итальянское, французское (гедисты) и российское движения), СДПГ, в отличие от других движений, действительно делала акцент на политической эмансипации женщин (Honeycutt, 1979, 37). Кроме того, несмотря на позицию Розы Люксембург (которая никогда не участвовала в женском движении СДПГ), эта партия действительно стремилась к различным реформам, направленным на «облегчение полового угнетения при капитализме» (Quataert, 1979, 12). С другой стороны, женское движение СДПГ было «главным образом движением замужних женщин» — домохозяйек, а не женщин-работниц (Evans, 1977, 165). И как только германское правительство выпустило новый *Vereingesez* и отменило ограничения для политической деятельности женщин (1908), СДПГ упразднило свою Женскую конференцию (1910), а затем

⁷³ Однако вот саркастический пассаж швейцарского социалиста и радикального феминиста Фрица Брупахера (1935): «Бебель написал милую книгу... Однако этот сорт социализма был просто удобной декорацией для воскресных дней или на тот случай, если нужно было предоставить слово в великие праздничные дни партии — *Märzfeier* [18 марта, день празднования созыва Франкфуртской ассамблеи в 1848 году] и Первомай. Но по рабочим дням до этого типа социализма было очень, очень далеко. Будни не обращали внимания на воскресный социализм и принадлежали буржуазной семье» (цит. в: Frei, 1987, 56).

и Женское бюро (1912). Карен Ханикатт (Honeycutt, 1981, 43) полагает, что цель, которую поставила перед собой Клара Цеткин, лидер женщин-социалисток — «реализация феминистских идеалов через социалистическое движение, — была утопией для ее времени».

Французские женщины-социалистки разделяли враждебное отношение немок к буржуазному феминизму. Луиза Сомоно, организовавшая в 1899 году первую Группу женщин-социалисток, полностью отвергала любое сотрудничество с буржуазными феминистками (Hause and Kenney, 1981, 793). Однако, в отличие от Германии, где женщины в 1900—1913 годах составляли примерно 20% СДПГ, в аналогичной французской партии на них приходилось всего 2—3% (Sowerwine, 1976, 4—5). С другой стороны, социализм и феминизм во Франции представлялись не столь несопоставимыми. Прежде всего, существовал очень влиятельный образ женщин как предводителей Парижской Коммуны (Rabaut, 1983, 6). Народный образ действительно был столь сильным, что даже буржуазные женские движения, казалось, тускнели от его губительного духа⁷⁴.

Во-вторых, во Франции была такая фигура, как Юбертина Оклер, не имевшая аналогов в Германии. В 1879 году она произнесла знаменитую речь на третьем Конгрессе французских рабочих-социалистов, заявив, что она пришла сюда «не потому, что я рабочий, а потому, что я женщина, то есть эксплуатируемый человек — раб, которого послали девять миллионов рабов». Оклер призвала к союзу рабочих и женщин, эффектно завершив свое выступление: «О пролетарии, если вы хотите быть свободными, перестаньте быть несправедливыми! Вместе с современной наукой, вместе с пониманием того, что науке неизвестны предрассудки, провозгласите равенство для всех людей, равенство между мужчиной и женщиной» (Auclert, 1879, 1—2, 16). И Оклер действительно получила от конгресса решительную резолюцию в поддержку «абсолютного равенства двух полов» и права женщин на труд (при этом, конечно, подчеркивался принцип «равная работа — равная оплата»), хотя в то же время в ней настаивалось, что обязанностью женщин было воспитывать своих детей (Guilbert, 1966, 156—157).

Однако и во Франции этот альянс, достигнутый на короткое время, в конечном итоге развалится (Rebérioux, 1978a, xvi; Sowerwine, 1978, 233—234). Раскол среди французских социалистов в 1882 году, обычно считающийся разделением на более реформистскую (брусисты*) и более революционную (гедисты) фракции, имел своим непосредственным поводом именно женский вопрос. В 1881 году Леони Рузад, последовательница Бруса, выставила свою

⁷⁴ «Теперь, точно так же, как новое поколение умеренных политиков Третьей республики стремилось предать забвению ассоциации республиканизма с насилием и беспорядком Коммуны, Июньскими днями террора, феминистки в равной степени очень хотели развезть память о предшествующих связях между феминизмом и политическим радикализмом... Учитывая связи между двумя этими движениями в их ранний период, едва ли выглядит удивительным то, что с самого начала мейнстримный феминизм во Франции предпочел осторожный и умеренный курс, который было бы лучше описывать как запуганность» (McMillan, 1981b, 84).

кандидатуру на выборы в муниципальный совет Парижа, но гедисты были решительно против ее кандидатуры, что привело к их исключению из партии. После этого гедисты сформировали Французскую рабочую партию, заявив, что Брус защищал «борьбу полов», а не «борьбу классов». Гедисты утверждали, что защита политических прав женщин представляла собой «реформизм», поскольку женщины могли добиться этого «легально», а не путем революции, на что брусисты отвечали, что мужчины также добились своих «прав» легально. Тем не менее в дальнейшем гедисты включили права женщин в свой собственный проект (Sowerwine, 1982, 28—45).

В конечном итоге и феминистки, и социалисты во Франции оставили идею коалиции. Для социалистов большое значение имел их серьезный страх, что большинство женщин находятся под значительным влиянием церкви и будут использовать свое право голоса против их партии (Perrot, 1976, 113). Когда Французская секция Рабочего интернационала создала вспомогательную женскую организацию, это в первую очередь преследовало цель предотвратить распространение феминизма, а не добиться полных политических прав для женщин (Sowerwine, 1978, 1).

Наибольшее обострение этих непростых отношений произошло в 1913 году вместе с «делом Курио». Некая Эмма Курио при поддержке своего мужа, долго бывшего воинственным профсоюзным деятелем, стремилась вступить в типографский профсоюз. Ей было отказано, а ее муж был исключен из профсоюза за то, что разрешил ей работать. Вышел большой скандал, и Курио поддержали не только феминистки, но и определенные профсоюзные круги. Вслед за этим проблему планировалось рассмотреть на следующем национальном конгрессе Французской федерации полиграфических работников (ФФТЛ) в 1915 году, который, впрочем, так и не состоялся из-за войны (Albistur and Armogathe, 1977, 361). В то время как многие авторы подчеркивали, что этот инцидент демонстрирует всю глубину враждебного отношения трудящихся к праву на труд женщин, Чарльз Сауэрвин (Sowerwine, 1983, 441) рассматривает его в более позитивном ключе: «Если дело Курио является „показателем отношения к женщинам“, то данный эпизод не демонстрирует упорство мужского сексизма, а является шагом в эволюционном движении в сторону равенства полов».

В итальянском социалистическом движении на страницах журнала *Critica sociale* также происходил знаменитый спор о женском избирательном праве между партийным лидером Филиппо Турати и его жизненной спутницей Анной Кулешовой. В Италии мужчины-социалисты также стремились отложить борьбу за избирательное право для женщин ради более быстрого достижения всеобщего права голоса для мужчин. Использовались в Италии и аргументы о способностях женщин, например, что женщины «не принимали участие в политике». На это Кулешова отвечала, что если ставить вопрос именно так, то нужно задать другой вопрос: «сколько мужчин действительно участвует в политике?» А если предоставить право голоса неграмотным мужчинам, продолжала она, то как можно утверждать, что право голоса нельзя предоставлять женщинам, поскольку они неграмотны? (Ravera, 1978, 77—79; см. тж. Pieroni, 1963, 122—123; Pieroni, 1974, 9; Puccini, 1976, 30—31).

Подобную двусмысленность можно обнаружить повсеместно. В Англии Лейбористская партия неохотно предоставляла поддержку движению женщин за избирательное право, поскольку многие из ее сторонников были уверены, что «феминизм — это просто другое название для расширения привилегий женщин, владеющих собственностью» (Liddington and Norris, 1985, 28). Страх перед голосованием женщин за консерваторов определило то, что большинство мужчин-сторонников лейбористов «не проявляли энтузиазма» в отношении женского избирательного права (Fulford, 1957, 113). Лишь в 1912 году лейбористы решили не поддерживать какое-либо дальнейшее расширение избирательного права, если оно не включало женщин (Hinton, 1983, 79).

В Соединенных Штатах в 1868 году имел место знаменитый инцидент в Национальном конгрессе труда, когда документы Элизабет Кэди Стэнтон⁷⁵ были оспорены на том основании, что она не представляла трудовую организацию. Приняв в конечном итоге ее документы, конгресс считал необходимым заявить о своем несогласии с ее «особым мнением», но пошел на это просто потому, что ее организация стремилась к улучшению условий труда (Andrews, 1918, 2:128).

В Бельгии и Австрии (а равно и в Германии) социалистические партии отказывались поддерживать право голоса для женщин, чтобы не ставить под угрозу всеобщее право голоса для мужчин (Evans, 1987, 86—88). С другой стороны, в одной стране за другой социалисты фактически (хотя и в некоторой степени болезненно) встали на сторону избирательного права для женщин (Evans, 1987, 76). А в послереволюционной России знамя «пролетарского женского движения» Клары Цеткин получило подлинную поддержку Александры Коллонтай и жены Ленина Надежды Крупской (Stites, 1957, 251)⁷⁵.

Однако Мэри Кеннеди и Крис Тилли (Kennedy and Tilly, 1985, 36) настаивают, что феминистки и социалисты, по меньшей мере, с 1890 по 1920 годы оставались «на почтительном расстоянии» друг от друга, а фактически «стали злыми врагами». Лоранс Клейман и Флоранс Рофшор (Klejman and Rochefort, 1989, 231) утверждают, что «с 1889 по 1914 годы конфликтные отношения между организованным феминизмом и социалистической партией не прекращались».

⁷⁵ Но не более, чем в версии Клары Цеткин. Об этом вполне ясно говорит Коллонтай (Kollontai, 1971, 59—60): «Сколь бы очевидно радикальными ни были требования феминисток, нельзя упускать из виду тот факт, что феминистки не могут, исходя из своего классового положения, бороться за фундаментальную трансформацию современной экономической и социальной структуры общества, без чего освобождение женщин не может быть полным».

Аналогичная ситуация была в Италии. Анна Монцони настаивала на необходимости появления, наряду с социалистической партией, организации за освобождение женщин, и если социалисты не понимали этого, то потому, что «рабочий класс унаследовал от буржуазии новую форму антифеминизма». В то же время Анна Кулешова (наряду со спорами со своим спутником Филиппо Турати о важности женского избирательного права) выступала против «межклассовой организации», которая, по ее словам, была неприемлема даже для такой «ясной цели, как эмансипация женщин» (Bortolotti, 1978, 105).

Для женщин из рабочего класса ключевой выбор всегда, похоже, был таков: «Сестры или граждане?» (Sowerwine, 1982, 1). Политически активным женщинам из рабочего класса в конечном итоге не было позволено отказаться от этого выбора.

Тем не менее феминистское/женское движение нельзя рассматривать в первую очередь сквозь призму социального/трудового движения. У него была своя динамика, хотя во многом она была одновременной с динамикой социального движения. Эту динамику хорошо объяснял Джон Стюарт Милль: «Уступки привилегированных непривилегированным столь редко осуществляются посредством какого-либо более лучшего побуждения, чем способность непривилегированных вырвать их, что на любые аргументы против привилегий пола большинство, похоже, мало обращает внимания до тех пор, пока оно способно убеждать себя в том, что женщины не жалуются на эти привилегии» (цит. в: Rossi, 1970, 214).

Поэтому начало рассматриваемому сюжету фактически положили не женщины, а мужчины. Как говорил Уильям Л. О'Нил (O'Neill, 1971, 6) о мужчинах Викторианской эпохи (но это верно и в более общем контексте всего европейского мира XIX века), они «научили женщин представлять себя в качестве отдельного класса... [Они] создали Женщину (the Woman) там, где до этого были только женщины (women)».

В Англии в начале XIX столетия женщины организовывались прежде всего в качестве части движения против рабства, и впоследствии это обстоятельство, возможно, хорошо окупится для феминистских организаций. Как предполагает Олив Бэнкс (Banks, 1981, 22), активное участие женщин в этих движениях «дало им ценный опыт в таких фундаментальных элементах повседневных политических действий, как поиск средств и сбор подписей под петициями». Возможно, это было несколько меньше, чем стояние на баррикадах, но определенно несколько больше, чем салонные беседы. Ранняя чартистская политика была более радикальной по своей тактике — это была массовая политика, и в те дни женщины принимали в ней участие. Однако чартисты проявляют столь же двойственное отношение к правам женщин (особенно избирательным), как впоследствии социальное/трудовое движение. Если на ранней стадии призывы чартистов к всеобщему избирательному праву «отдельно включали» женщин (Fulford, 1957, 38), то в большинстве более поздних заявлений «этот вопрос был оставлен непроясненным» (Thompson, 1976. 132). Общее настроение чартистов предполагало, что основным вопросом был «классовый».

Наиболее дружественное окружение для нарождающегося феминизма предложил социализм в духе Роберта Оуэна, который располагал «и теоретической, и практической склонностью к освобождению женщин» (Taylor, 1983, xiii)⁷⁶. Однако оуэновскому социализму было суждено уйти в прошлое вместе с крахом его колонии «Гармония-холл» (Owenwood) в 1845 году — примерно в

⁷⁶ «Они утверждали, что единственным путем покончить с собственностью на женщин было покончить с частной собственностью как таковой. Определенно

то же время, что произошел коллапс чартизма. Оуэн рассматривал освобождение женщин в качестве более масштабного «социального возрождения», которое он проповедовал, а с исчезновением его движения «ушла и идеологическая связь между феминизмом и радикализмом [английского] рабочего класса». После этого то, что рассматривалось как «два сражения в рамках одной стратегии, [стало] отдельными сражениями, организованными исходя из разных — и порой противоположных — перспектив» (Taylor, 1983, 264).

Последняя четверть XVIII века и первая половина XIX столетия были отмечены присутствием значительного количества ярких женщин-интеллектуалок: от писательниц-феминисток Мэри Уолстонкрафт и Гарриет Мартино в Англии до находившихся в центре культурной жизни мадам де Сталь и Жорж Санд во Франции и берлинских салонов Рахель Фарнхаген, Генриетты Герц и Доротеи фон Курлянд (Hertz, 1988). Но в первую очередь всплеск феминистских движений произойдет во Франции, хотя все они будут находиться внутри различных, главным образом небольших, социалистических движений. Действительно, Леон Абенсуар (Abensour, 1913, 222, 330) будет объяснять отсутствие значительных успехов у феминистских требований в 1830—1848 годах (право на развод, занятие свободными профессиями, политические права) следствием их «твердого союза с социалистическими доктринами».

Наиболее заметным образом феминистки были связаны с последователями Сен-Симона и Фурье. Первые делали значительный акцент на возрождение человека с помощью любви, а следовательно, с помощью женщин, и поначалу придавали им значительную роль в своей организационной структуре (Thibert, 1926, 78). Сенсимонисты основали много женских журналов: *La Femme Libre* [«Свободная женщина»], творение Дезире Вериль, последовательницы Сен-Симона из рабочего класса⁷⁷; *Tribune des Femmes* [«Женская трибуна»] (1832), где публиковались только статьи женщин (Moses, 1982, 251—257); *La Gazette des Femmes* [«Женская газета»], основанная в 1836 году Жанной Деруан и стремившаяся сочетать дух сенсимонизма с демократическими тенденциями в целом⁷⁸.

это было более радикальное решение, нежели утверждавшееся Мэри Уолстонкрафт, однако в некотором смысле это был логический вывод из тех требований, которые выдвинули она и другие феминистки.

⁷⁷ Ее редакционная статья, открывавшая первый номер журнала, называлась «Апостольская миссия женщин». Это было «воззвание к женщинам», начинавшееся с таких слов: «Когда все народы поднялись на борьбу за свободу, а пролетарии требуют права голоса, будем ли мы, женщины, оставаться пассивными посреди этого великого движения за социальную эмансипацию, происходящего на наших глазах?.. Давайте осознали наши права и нашу силу. У нас есть сила нашей привлекательности, власть нашего обаяния — оружие, которому невозможно сопротивляться. Давайте поймем, как пользоваться им» (Adler, 1979, 41). Вериль изменила свое имя на Жанна-Дезире [Жанна-желанная — фр.].

⁷⁸ См. комментарий Селестины Бугле (Bouglé, 1918, 106): «В огне 1848 года это сочетание превратилось в твердый сплав». Бугле также утверждает, что «в раз-

Маргарита Тибер (Thibert, 1926, iii—iv) особо отмечает «сентиментальную и идеалистическую» природу сенсимоновского феминизма и говорит о его «незаинтересованном благородстве». Клэр Гольдберг Мозес (Moses, 1982, 265) дает, возможно, более строгую оценку ситуации, отмечая, каким образом по мере того, как женщины стали самоутверждаться, мужчины-последователи Сен-Симона стали ограничивать их влияние в организации. Однако, утверждает Мозес, «ироничным результатом этого было освобождение», поскольку вследствие этого «женщины-последовательницы Сен-Симона освободились от опеки мужчин» и создали первое независимое женское движение в истории.

Фурье связывал освобождение женщин с «моральным освобождением», центральным моментом его социализма. Но, что еще более важно, он утверждал, что «существенным условием» моральной и социальной свободы женщин была их экономическая независимость, а следовательно, их «право на труд» (Thibert, 1926, 99, 140). Именно Фурье, по всеобщему убеждению, считается изобретателем самого термина «феминизм» (Perrot, 1988, 33)⁷⁹, хотя на этот счет есть разные мнения⁸⁰. В любом случае лучше запомниться в этом качестве, нежели, как Пьер Прудон (Proudhon, 1846, 197, цит. в: McMillan, 1981b, 193), лидер другого важного раннего социалистического движения (которое сохранит свою силу на протяжении столетия), в качестве изобретателя формулы «пота-схуха или домохозяйка» (*courtisane ou ménagère*), за которую Прудон сразу же был осужден Жанной Деруан и за которую его с тех пор постоянно упрекали (Tixerant, 1908, 186)⁸¹.

Как уже было отмечено, Флора Тристан предприняла храбрую попытку настойчиво утверждать, что борьба женщин и борьба пролетариата были общим делом, поскольку обе эти группы занимали «нижнее положение» в обществе (Puech, 1925, 337), а следовательно, обе эти борьбы были «неразделимы» (Albistur and Armogathe, 1977, 284). В самом деле, утверждала Тристан, «женщина — это пролетарий пролетария» (цит. в: Rebérioux, 1978a, xix; см. тж. Dijkstra, 1992, 178; Portal, 1983, 95).

личных формах этот сен-симоновский пророческий настрой по-прежнему живет в сердцах наших сегодняшних [1918 год] суфражисток» (р. 110).

⁷⁹ Однако Перро отмечает, что сам термин был институционализирован лишь в 1892 году вместе с созданием Французской федерации Общества феминисток.

⁸⁰ Шарль-Мари-Жозеф Туржеон в своей книге «Французский феминизм» (Turgéon 1907, 1:10; цит. в: Abmayr, 1975, 43) утверждает, что обнаружил его в работе Фурье «Теория четырех духов» (1841), однако Карен Оффен (Offen 1987b, 193, п. 4), не найдя его в этом произведении, соглашается лишь с тем, что «темное» происхождение данного термина старше, чем 1892 год. Мозес (Moses, 1992, 80—81) также не смогла найти его в произведениях Фурье и утверждает, что первое значимое употребление термина «феминизм» содержится в журнале Юбертины Оклер *La Citoyenne* [«Гражданка» — фр.] в 1885 году.

⁸¹ Прудон утверждал, что феминизм «попахивает проституцией» и называл его «порнократией». В свою очередь, его называли «крестьянином, приверженным патриархальным нравам» (Thibert, 1926, 171, 185, 190).

В ходе мир-революции 1848 года казалось, что подобные воззвания могут наконец принести плоды. В 1848 году ~~феминизм~~ ^{феминизм} ~~вновь~~ ^{вновь} заявил о себе как о части социальной революции во Франции и в других местах. Во Франции было выдвинуто множество требований. Полин Ролан попыталась голосовать на выборах мэра Парижа, но ей было отказано в этом праве. Жанна Деруан потребовала выдвинуть свою кандидатуру на выборы в Национальное собрание в 1849 году. Журнал *Voix des Femmes* [«Голос женщин» — фр.] имел подзаголовок «Социалистический и политический журнал, печатный орган интересов всех женщин». Его издательница Евгения Нибойе даже имела смелость просить, чтобы залы Национальной библиотеки были открыты для женщин-читательниц (Thibert, 1926, 313, 317—318, 327). Однако, за исключением нескольких коммунистических групп, ответом на эти требования была «волна пуританизма» (Devance, 1976, 92). В 1850 году Деруан, Ролан и другие оказались в тюрьме за образование Ассоциации социалистических учителей, учительниц и профессоров на том основании, что это было «тайное общество с политическими целями» (Thibert, 1926, 332—334).

В Соединенных Штатах единственным проявлением мир-революции 1848 года была Конвенция Сенека Фолс, в целом считающаяся учредительным моментом для американского феминизма. Знаменитая Декларация чувств 19—20 июля 1848 года, напоминавшая о Декларации независимости, начиналась такими словами: «Мы поддерживаем эти истины, чтобы они стали самоочевидными: все мужчины и женщины созданы равными». Среди женских горестей, перечисленных в заявлении 18 августа, был обозначен тот факт, что женщины лишены «первого права гражданина — права голоса на выборах», которое было дано (и эта жалоба предвосхищала будущие конфликты) «темным и опустившимся мужчинам — и коренным жителям, и иностранцам» (Rossi, 1973, 416).

В Европе шли суровые репрессии. Результатом Июньских дней во Франции стало то, что «социальное изменение было отвергнуто или принято лишь в ограниченной форме» (Thompson, 1996, 399) в отрицание более либеральной атмосферы Июльской монархии. Феминистская пресса будет закрыта (Adler, 1979, 175), а 26 июля 1848 года специальный декрет приравнял статус женщин к меньшинствам, запретив им даже посещать собрания политических клубов (Tixerant, 1908, 63). В Италии первоначальные симпатии Временного правительства к женскому вопросу сошли на нет из-за дискриминационных мер Учредительного собрания (4—28 мая), за которыми последовало принятие законов, где больше не было какой-либо «иллюзии улучшения статуса женщин» (Anteghini, 1988, 57). Германские феминистки, связанные с либералами, «пали жертвой репрессий, которые последовали за революцией 1848 года» (Hackett, 1972, 362).

Таким образом, сухим остатком 1848 года было подавление не только социалистов, но в равной степени и феминисток. Однако это не привело их друг к другу — скорее теперь две эти «парии» в основном пойдут собственными организационными путями. О'Нил (O'Neill, 1969, 17) так обобщает случившееся в первой половине XIX века:

«Разрыв между сужающейся сферой женщин и расширяющейся сферой мужчин, похоже, достиг наибольшего масштаба в то время, когда либеральные и либертарианские идеи были на подъеме. И в Англии, и в Америке исключение женщин стало более очевидным по мере расширения избирательного права, и защищать это исключение стало более сложно».

Конечно, в равной степени это было верно и для континентальной Европы. Именно этот трудно поддающийся защите разрыв⁸² отныне станет центральным пунктом для феминистских/женских движений.

Преобладающим культурным образом роли, которую женщине предполагалось играть в современном мире, теперь стала домохозяйка. Женщина теперь полностью утратила тот элемент, который существовал в предшествующие эпохи — быть «высоко ценимым сотрудником в экономической сфере» (Ortega, 1988, 13). Конечно, в данном случае следует сделать акцент на словосочетании «высоко ценимым», поскольку большинство женщин не прекратили «сотрудничать» в экономической сфере. Как отмечает Кэтрин Холл (Hall, 1992с, 68), «буржуазия превратила своих женщин в леди, зависимых экономически и подчиненных идеологически, а затем использовала женщин из низших и рабочих классов для обслуживания своих домохозяйств и производства тканей для своих нужд»⁸³.

В XIX веке центральным для геокультуры стало различие между публичной и частной сферами жизни. Оно было провозглашено в качестве одного из великих достижений Модерна и было логичным следствием призыва к рациональности, в котором «правильная социальная организация» представлялась требующей «более строгого определения пространств, ролей и задач» (Perrot, 1988, 35). Последнее, в свою очередь, «служило обоснованием для наделения мужчин и женщин персональными характеристиками и социальными ролями» (Allen, 1991, 29)⁸⁴. Все это получило название «гендеризации (gendering) публичной сферы», и Лэндес (Landes, 1988, 2) отмечает разницу

⁸² Юбертина Оклер в 1879 году ответила на этот широкий разрыв своей знаменитой прокламацией: «Мужчина создает законы для своего преимущества, а мы обязаны молчаливо склонять головы. Довольно быть покорными! Парии общества, вставайте!» (цит. в: Bidelman, 1982, xiv).

⁸³ Хобсбаум (Hobsbawm, 1984с, 93) говорит о «парадоксе индустриализации XIX века, которая имела тенденцию увеличивать и обострять половое разделение труда между домашней работой (неоплачиваемой) и работой вне дома (оплачиваемой)». Но в чем же тут парадокс?

⁸⁴ Шейла Роуботэм (Rowbotham, 1977, 47) говорит о взаимосвязях между гендеризованными сферами и экономической структурой: «Модель свободного рынка и свободно конкурирующих экономических атомов требовала чувства для придания ей связности — до той степени, пока этой эмоции было отведено подобающее место. В противном случае мужчина-буржуа оставался в гоббсовском мире, растворяемый собственной рациональностью. Викторианские средние классы обнаружили свои чувства в собственной женской половине, упакованной в кринолины» — но, конечно же, не только викторианские средние классы. Мишель Перро (Perrot, 1986, 99) отмечает, что «в начале XX века маскулинное сознание явилось [во Франции] в качестве классового измерения... Профсоюзное движение организовывалось, перехватывая

между этой культурной дефиницией XIX века и Старым порядком, в рамках которого «из-за того, что политические права не были всеобщими, отлучение женщин от формальных каналов власти не выглядело особенно исключительным приговором»⁸⁵. Именно в этом и суть: права теперь считались всеобщими, как продолжали настаивать феминистки. В 1876 году германская феминистка Гедвига Донн провозгласила: «Права человека [*Menschenrechte*] не имеют пола» (цит. в: Clemens, 1988, 1).

Однако с самого начала феминистские движения оказались в созданной для них понятийной ловушке. С одной стороны, они были наследниками универсалистской и индивидуалистической традиции, закрепленной Французской революцией. Однако, когда феминистки требовали полных прав в качестве активных граждан, они получали отказ на тех основаниях, что они отличались от мужчин в ряде важных отношений⁸⁶. С другой стороны, когда они приняли альтернативное решение стремиться к «равенству в различии» (понятие, описанное в общих чертах Эрнестом Легуве, французским феминистом середины XIX века)⁸⁷, они, несомненно, искали «путь к расширению либерализма и переговорам с патриархальным политическим миром, который принимался либерализмом» (Caine, 1992, 53). Им также подходило «новое научное представление о теле», которое рассматривало мужское и женское тела «в качестве ряда бинарных оппозиций», бывших несоизмеримыми (Poovey, 1988, 6). Однако, поступая так, они неизбежно соглашались с ролью пассивных

буржуазное определение общественного пространства как маскулинного». От себя могу добавить, что это произошло гораздо раньше, чем в начале XX века.

⁸⁵ Най (Nye, 1993, 47) утверждает, что гендеризация публичной и частной сфер стала легально санкционированной в промежутке 1789—1815 годов, связывая это с научными теориями: «В эту эпоху ученые-медики сконструировали биомедицинскую модель мужчины и женщины, которая делала два пола „естественным образом“ соответствующими их социальным и семейным ролям. Наделенные полом тела, возникшие в результате этого процесса, были определены как одновременно „противоположные“ и „взаимодополняющие“. Поскольку публичная и частная сферы буржуазного космоса были столь резко отделены друг от друга, их могли занимать лишь две полностью различных сущности».

⁸⁶ «Индивидуализм обеспечивал идеологические связи между либеральными движениями... (организациями против рабства, националистическими обществами, моральными крестоносцами, ассоциациями за социальную реформу, политическими партиями и т. д.) и возникновением организованного феминизма. Эти связи действовали в двух направлениях. Во-первых, похоже, что... многие (если не большинство) феминистские активистки вышли из семей, тесно вовлеченных в либеральные движения подобного рода... Во-вторых, они и другие женщины обычно играли активную роль в движениях за либеральные реформы... Обычным опытом женщин, принимавших участие в этих движениях, был изначальный энтузиазм, за которым следовало разочарование из-за ограничений для их деятельности со стороны мужчин, которые их возглавляли» (Evans, 1977, 33).

⁸⁷ «Лозунг Легуве „равенство в различии“ стал лейтмотивом организованного республиканского движения за права женщин и программы реформ, которую он очертил [в 1848 году], женской программой в первые годы Третьей республики» (Offen, 1986, 454).

граждан, принимая, если угодно, ту роль «благодетельных патриархов», которую мужчины приписали себе (Offen, 1983, 257).

Проплыть между Сциллой и Харибдой никогда не было просто, и редко такие плаванья завершались успешно. Рассматривая эту ситуацию с определенной дистанции, можно сделать необычные выводы. Ивонна Тюрен (Turin, 1989, 359) предполагает, что в качестве подлинного движения за освобождение женщин в XIX веке можно рассматривать деятельность монахинь:

«Они первыми стали изучать медицину, фармацию, первыми возглавили предприятия, они же были первыми забастовщицами... Полностью чуждые теориям, феминистским или прочим, они создавали ощущение своего присутствия благодаря своей повседневной практике, выполняя то, что они называли своим призванием, которое подталкивало их к принятию ответственности, а также к инициативам, одобряемым церковью и гражданским обществом. Церковь была единственной структурой, которая предоставляла им свободное пространство, достаточно масштабное для их деятельности... Современная феминистка, прежде чем что-либо сделать, спрашивает себя, делают ли мужчины то, что собирается сделать она. Если ответ положительный, она соглашается на это, а если нет — отказывается. Она знает, как копировать, повторять, приспособливаться, и убивает женскую изобретательность. Монахиня XIX века, женщина до мозга костей, занималась изобретательством всегда».

А в качестве идущего вразрез, но, как ни странно, дополняющего аргумента с другой стороны культурного разделения можно привести анализ (а также критику) психоанализа у Гейл Рубин (Rubin, 1975, 185):

«[Психоанализ] является теорией сексуальности в человеческом обществе. Наиболее важно, что психоанализ дает описание механизмов, при помощи которых происходят разделение и деформация полов, того, каким образом бисексуальные андрогинные младенцы превращаются в мальчиков и девочек. Психоанализ — это *tanqué* [промах — *фр.*] феминистской теории».

Но ни понимание Турен, как преодолевать опасные препятствия, ни представление Рубин о том, как понимать, почему они стали столь опасны, не были прежде всего центральным моментом для тех способов, которыми феминистки мыслили себя и организовывались после 1848 года и вплоть до конца XX века. Феминизму приходилось прокладывать свой путь в мире, где сексизм был не просто легитимен, но утверждался открыто и агрессивно и поэтому обладал воздействием на любого и всякого потенциального союзника. Ребериу (Rebérioux, 1978b, 154) говорит о «силе „культурного“ антифеминизма, общей для всех европейских обществ XIX века и в равной степени разделяемой социалистами: [социалистические] партии могли действовать как антигосударственные, но не как антиобщественные».

Ни ученые, ни политические комментаторы, ни политические лидеры не могли оказать здесь сколько-нибудь существенную помощь. В Англии Герберт Спенсер, поначалу поддерживавший феминизм (что проистекало из его индивидуалистических идей), перешел к антифеминизму, открыв для себя дарвиновский принцип отбора (Raxton 1991). Книга Жюль Мишле «Женщина»

(Michelet, 1981 [1859], 49) содержит невероятно сексистский диалог двух мужчин об ограниченности женщин, «воспитанных ради ненависти и презрения ко всему, что любят и во что верят французы», то есть к светским ценностям, науке и революции 1789 года. Джеймс Ф. Макмиллан (McMillan, 1981a, 362–363) указывает, что Мишле, Прудон и Жюль Симон — все непоколебимые анти-клерикалы — в действительности разделяли традиционные взгляды церкви на роль женщин в доме. Что же касается правых сил, то они превратили феминизм в еще один образчик дегенерации ценностей и связывали свои взгляды с националистскими темами⁸⁸. А в Италии в 1893 году Чезаре Ломброзо и Гульельмо Ферреро выпустили книгу «Преступная женщина, проститутка, нормальная женщина» (*La donna delinquente, la prostituta, la donna normale*), где говорилось об интеллектуальной слабости женщин, их прирожденной склонности ко лжи и генетическом потенциале к девиациям⁸⁹.

Джейн Рендалл (Rendall, 1985, 321) отмечает, что «к 1860 году обычным языком, на котором в [Соединенных Штатах, Франции и Англии] обсуждался вопрос политических прав женщин,... по-прежнему был язык республиканства и гражданства»⁹⁰ — причем, конечно же, не только в этих трех странах⁹¹. Стремление к политической интеграции в государственную структуру стало фактически единственным политическим вопросом для движения, имевшего

⁸⁸ «В книгах и трактатах, выпущенных этой [французской] шовинистской школой, утверждалось, что Франция была наводнена, фактически заражена (их авторы имели беспорядочную склонность к медицинским метафорам) злостными внешними агентами — евреями, протестантами и франкмасонами, причем все они были ясно представлены среди лидеров французского движения за права женщин. Антифеминисты утверждали, что смертельной угрозой для Франции были „интернационализм“ и „космополитизм“. Они резко отрицали все формы англосаксонского культурного империализма, из которых наиболее предосудительным элементом был именно феминизм» (Offen, 1984, 662).

⁸⁹ Мария Касалини (Casalini, 1981, 17–18) утверждает, что позиция лидера социалистов Филиппо Турати, который сравнивал женскую проституцию с мужской преступностью, не слишком отличалась от позиции Ломброзо и Ферреро. Скорее это демонстрирует, что в лучшем случае существовала простая «градация позитивизма — от рационалистического позитивизма с марксистскими влияниями до более ретроградного дарвинизма».

⁹⁰ Приверженность женских движений республиканизму не обязательно была взаимной. Клейман и Рошфор (Kleiman and Rochefort, 1989, 57) озаглавили одну из глав своей книги о французском феминизме так: «Феминизм и республиканизм: диалог глухих». В результате Юбертина Оклер писала в 1889 году по случаю столетия Французской революции: «Женщинам следует праздновать не мужской, а женский 89-й год» (Auclert, 1982, 126). Она же назвала свой журнал «Гражданка» (*La Citoyenne*). См. тж. очень ясное высказывание Луизы-Отто Петерс, одной из основательниц буржуазного феминистского движения в Германии: «Мы боремся против последствий капиталистического социального порядка [*Gesellschaftsordnung*], а не с самим этим порядком» (цит. в: Hervé, 1983, 19).

⁹¹ Например, в России организованное феминистское движение возникло лишь в 1905 году, но когда это произошло, оно стало движением за избирательное право для женщин (Stites, 1978, 191). Об Индии см. Forbes (1982).

«преимущественно среднеклассовый состав» (Evans, 1977, 34). Как выдвинуть требование стать активными гражданами? Ответ казался довольно простым: организоваться, требовать изменения законов, лоббировать эти изменения. Именно этим и занимались феминистки. А если кто-то спрашивал, почему важно стать гражданином? На это отвечали в духе двух марксистских стадий: сначала право голоса — затем все остальное⁹².

Вопрос заключался в том, каким образом получить право голоса. Это требовало организации, причем организацией должны были заниматься сами женщины⁹³. Французские феминистки дали название двум возможным альтернативным тактикам: «политика бреши» (которая ассоциировалась с Марией Дерен) и «политика нападения» (ассоциировалась с Юбертиной Оклер). Вопрос заключался в том, достижению какой эмансипации отдавать приоритет: гражданской или же политической (Bidelman, 1982, гл. 3, 4). В качестве спора о тактике это не слишком отличалось от дискуссии между реформистами и революционерами среди германских социал-демократов. В целом преобладала политика бреши. «Почти везде радикалы (т.е. прежде всего те, кто требовал права голоса для женщин) были меньшинством, которому часто резко противостояло „умеренное“ большинство феминисток» (Evans, 1977, 37).

Обычно умеренность феминистских движений объясняется тем, что в них преобладали женщины из среднего класса с буржуазными ценностями. «Буржуазный менталитет (*mentalités*) предрасполагал их к постепенным,

⁹² «Классический феминизм... в конечном итоге пришел к тому, что сконцентрировался на избирательном праве как краеугольном камне освобождения на Западе. Но это не означает, что право голоса рассматривалось как крайнее феминистское притязание. Существуют довольно ясные свидетельства того, что большинство феминисток рассматривали политическое равенство в качестве средства, как продолжение процесса эмансипации на более высоком уровне. Женщины-избирательницы будут выбирать женщин, женщины будут осуществлять желаемые реформы не только для своего пола (соответствующие законы, право на развод, образование и прочее), но и (посредством призыва к женской чувственности, что порой противоречило магистральной феминистской риторике) делать вклад в национальное возрождение, обеспечив устранение таких пороков, как алкоголизм, проституция и война» (Stites, 1978, xviii). Патрик К. Байдлмен (Bidelman, 1982, 190) так суммирует взгляды французских феминисток: «Без устойчивого либерального ответа на „первую стадию“ — политический вопрос — не могло быть ответа на „вторую стадию“ — женский вопрос». См. защиту данной стратегии у Эллен Карол Дюбуа (Dubois, 1978, 17—18): «Ошибочно делать вывод, что движение за избирательное право для женщин было пустым отвлечением в борьбе женщин за освобождение, поскольку право голоса не решало проблему угнетения женщин... Это было первое независимое движение женщин за свое освобождение».

⁹³ «Либеральный феминизм — это не феминизм, просто добавленный к либерализму... Феминизм требует признания, пусть даже невыраженного и неопределенного, классово-половой идентификации женщин в качестве женщин... [Женщина] была лишена гражданских прав в качестве члена некоего полового класса. Предписанный ей социальный статус не допускал ее участия в индивидуальных достижениях, которые обеспечивало либеральное общество» (Eisenstein, 1981, 6).

правовым решениям» (Hause and Kenney, 1981, 783)⁹⁴. Однако некоторые феминистки все же перешли к более радикальной тактике. Эванс (Evans, 1977, 189—190) подчеркивает значимость примера социалистических движений и возникновения социал-демократических женских движений, поскольку своей «агрессивной тактикой и методами интенсивной пропаганды они вдохновляли тех, кого затем назовут „воинствующими“ феминистками... Массовые уличные демонстрации, знамена и плакаты, лозунги и яркие цвета, а также ударный агрессивный подход к оппонентам — все это были элементы тактики, впервые использованной социалистическим движением».

Агрессивная тактика в особенности была характерна для Великобритании и Соединенных Штатов. «Британские суфражистки столь же уверенно разбили образ женщины как пассивного, зависимого создания, сколь и зеркальные стекла на Риджент-стрит» (Rover, 1967, 20). Дженет Чейфец и Энтони Дворкин (Chafetz and Dworkin, 1986, 112) утверждают, что именно эта воинственность и «сведение проблемы к праву голоса» обеспечили американскому (а также британскому) феминистскому движению «массовую поддержку». И если этого не произошло во Франции, то, как утверждает Мозес (Moses, 1984, 230), не потому, что французское движение «выгорело», а скорее потому, что «феминизм постоянно искореняли репрессивные правительства».

В то же время феминистки, которые вели борьбу за избирательное право, столкнулись с другими группами организованных женщин, которые ставили превыше права голоса иные задачи — либо как цель, либо как приоритет. Суфражистки рассматривали эти движения как существенно менее воинственные, более социально консервативные. Однако некоторые авторы поворачивают проблему другой стороной:

«Отнюдь не радикализовав женское движение,... появление движения суфражисток привело к сжатию его целей с акцентом на прагматизме и умеренности, что существенно сократило размах движения... Доминирующая роль

⁹⁴ Несмотря на утверждение Хоза и Кенни (р. 804), что данное воздействие было особенно сильным во Франции, поскольку феминизм здесь не «получил, как в Британии, воздействия опыта рабочего класса», Констанс Роувер (Rover, 1967, 61) описывает британскую ситуацию следующим образом: «Первые феминистки из среднего класса, которые придадут организованную поддержку борьбе за избирательное право для женщин начиная с 1866 года [Национальное общество за избирательное право для женщин], были гораздо теснее связаны с Лигой против Хлебных законов, чем с первыми реформистскими обществами чартистов, поддержку которым в основном давал рабочий класс. Поэтому не вполне случайно, что Манчестер, центр агитации против Хлебных законов, стал важным центром и для деятельности в поддержку избирательного права для женщин». Перро же (Perrot, 1988, 47) выступает против англосаксонской историографии, которая рассматривает французский феминизм как существенно отличающийся от феминизма в Великобритании и США. Что касается Германии, то Ричард Дж. Эванс (Evans, 1976, 272) настаивает, что его двумя главными характеристиками были «либеральный и среднеклассовый».

суфражисток привела к почти исключительной озабоченности женского движения вопросом, который имел непосредственную важность лишь для некоторых женщин из среднего класса, вместо интереса к проблемам всех женщин, очевидным в ходе агитации против Актов о заразных болезнях⁹⁵ и в некоторых более ранних акциях, связанных с брачным законодательством и трудоустройством» (Caine, 1982b, 549—550)⁹⁶.

Основная идея заключалась не просто в противопоставлении избирательного права другим приоритетам — фундаментальная проблема состояла в другом. Если женщины вступают в публичную сферу, то делается ли это для того, чтобы потребовать признания их индивидуальности вне половых различий (равенство перед законом во всех делах, равенство на рынке, равенство в образовании и иных культурных сферах), или же для того, чтобы обеспечить признание особенных достоинств и талантов женщин (и настоять, что они не ограничены «частной» сферой)? Эта дискуссия в рамках феминистского/женского движения наполняла его содержанием в XIX веке и не прекратилась по сей день⁹⁶.

Важно понимать, что социальные феминистки в действительности были столь же озабочены политическими вопросами (т.е. вопросами права), сколь и политические феминистки, которые сконцентрировались на избирательном праве, ведь закон посягал на права и возможности женщин бесчисленным количеством способов. Запрет аборт (в отличие от их социального неодобрения) был произведен еще в начале XIX века (Rendall, 1985, 226), и с тех пор их легализация станет для женщин одной из задач (McLaren, 1978a; Evans, 1977, 108). Та же самая ситуация была и в сфере контрацепции⁹⁷. Таким

⁹⁵ Акты о заразных болезнях были частью британского законодательства 1860-х годов. О ключевых вопросах того времени и «межклассовом альянсе между феминистками и радикальными трудящимися» см. Walkowitz (1982, особенно pp. 80—83).

⁹⁶ Джейн Льюис (Lewis, 1984, 89) рассматривает последнюю группу, которая «принимала идею женщины как естественного стража морального порядка», как носителя языка евангелической традиции и науки (прежде удерживавших женщину в пределах дома) с целью «аргументации за расширение материнского влияния за пределами дома».

⁹⁷ «Очень немногие сторонники репродуктивных прав... принимали аргументацию, основанную исключительно или даже главным образом на правах женщины в качестве личности, без ссылки на благосостояние сообщества, нации или нового поколения. В этом контексте германское феминистское движение, причем не только радикальные организации, занимало выдающееся место благодаря своей сравнительно передовой позиции и притязаниям, а не из-за своего консерватизма» (Allen, 1991, 204). Однако вопрос заключался в том, что именно в данном случае считать «консервативным», и Ангус Макларен (McLaren, 1978b, 107) указывает на ряд двусмысленностей: «На своей ранней стадии идеология контроля над рождаемостью была любопытной амальгамой. Ее „передовой“ характер воплощался в интересе к правам женщин и самостоятельной медицинской помощи, а ее консерватизм — в приверженности неомальтузианской экономике». А когда в спор вступили представители евгеники, это «сместило внимание с прав матери к правам государства, с количества рабочей силы к ее качеству» (p. 154).

же вопросом была и борьба за трезвость, особенно в Соединенных Штатах, где в движении за трезвость участвовали многие суфражистки⁹⁸. А когда германские феминистки требовали введения дошкольного образования, это было реализацией их собственной модели либерального государства, основанной на идее *Rechtsstaat* [правового государства — нем.], «которая требовала активной роли правительства не только в защите индивидуальных свобод, но и в одобрительном стимулировании чувства общности». Считалось, что детские сады продвигают данную цель, «рано стимулируя в детях инстинкт самодеятельности» (Allen, 1991, 65).

Все эти попытки женщин контролировать элементы собственной женскости (*femaleness*) столкнулись с одним обстоятельством, которое приобрело новую значимость в XIX веке — с появлением дипломированного медика (*medical doctor*) в качестве авторитетного эксперта с базой в виде новой научной медицины⁹⁹. В целом эти терапевты «предполагали, что женщины и мужчины имели больше различий, чем сходств, и что физиологические различия между полами „естественным образом“ транслировались на различные социальные роли» (Theriot, 1993, 19). Терапевт в этом более секуляризованном мире наследовал священнику в качестве «хранителя нормы» в половой сфере (Mosse, 1985, 10)¹⁰⁰. В частности, новая идея «семейного терапевта» стала способом «прямого надзора» в рамках одобренного поведения (Donzelot, 1977, 22, 46). Поэтому не удивительно, что даже консервативные женщины стремились вырваться в публичную сферу и тем самым вновь обрести какую-либо личную автономию.

Разумеется, в этом переходе от религиозного контроля к медицинскому/научному контролю над поведением содержится переход от понятия «естественного» поведения, от которого могут отклоняться грешники, но к которому могут вернуться кающиеся, к понятию «физиологически значимого поведения», с которым может иметь дело ученый и которое может быть «контролируемым» или «изменяемым» („reformed“), но не меняющимся фундаментально. Мишель Фуко (Foucault, 1976, 59) демонстрирует, как это действовало в отношении сексуальности: «Содомит [XVII века] был больным лицом, гомосексуалист [XIX века] был определенным видом». Это, утверждает Фуко, есть разница между запрещенным действием (содомия) и личностью (характером) со своим собственным прошлым, младенчеством, образом жизни (гомосексуальным). И, разумеется, как только эти типы поведения предстают в виде конкретных личностей/характеров, сразу же становится возможным связать

⁹⁸ «Участие суфражисток в крестовом походе [женщин за трезвость]... стало возможным благодаря наличию определенного поля согласия между двумя движениями. Оба эти движения не только были женскими и в защиту женщин, они также утверждали право женщин на активность в публичной сфере» (Blocker, 1985, 471).

⁹⁹ До эпохи Просвещения терапевтов и хирургов в общем и целом ценили не очень высоко — «Мольер тому свидетельством» (Knibiehler and Fouquet, 1983, 4).

¹⁰⁰ Конечно, если этого не происходило, то это, возможно, было еще хуже, поскольку в это время «самым упорным и неотвратимым врагом [феминисток была] Римская католическая церковь» (Evans, 1977, 124).

один тип отклонений с другим, поскольку они укоренены в биологии. При чем лучше всего это смогли сделать не биологи (весьма немногочисленные), а именно терапевты:

«Врачи обладали достаточной практикой в общей науке, чтобы им верили в качестве ученых посредников между тайнами клиники и досадными проблемами повседневной жизни. Доктора также были хорошо организованным сообществом, подчеркнуто светским и политическим в своем облике, и выступали яростными защитниками своих профессиональных и социальных привилегий» (Nye, 1984, xi)¹⁰¹.

Впрочем, феминистки разделились по вопросу, что именно акцентировать в публичной сфере. Для некоторых из них центральными моментами были «метафора материнства» и ощущение, что «семейная и материнская роли оказывают положительное воздействие на общественное и частное поведение женщин» (Allen, 1991, 1, 244). Другие же понимали, что дискурс брака и семьи приведет к ограничению женщин собственно женской сферой, хотя «свободную любовь» защищали очень немногие. Но в любом из двух случаев феминистки были намерены сотрясти «патриархальность... до ее корней» (Basch, 1986, 36) и создать для женщин больше пространства.

Последней важной публичной сферой, где женщины стремились играть свою особенную феминную роль, была геополитика. Именно женщины формировали движения за мир, часто настаивая на том, что именно как женщины, в отличие от мужчин, они отказывались от воинственных проявлений, а поскольку они были «матерями», то они отказывались видеть, как их сыновья гибнут в бессмысленных войнах. Женской специализацией стал пацифизм с его самостоятельной международной организацией — Международной лигой женщин за мир, основанной в 1915 году, в разгар Первой мировой войны, с целью антивоенного протеста¹⁰².

¹⁰¹ Най в первую очередь рассматривает Францию, где, по его словам, эта биологизация социальных девиаций использовалась для объяснения поражения 1870 года и носила «подчеркнуто культурную цель объяснить французам истоки упадка нации и слабости населения страны» (р. xiii). В главе 10 о Великобритании и Германии Най действительно признает, что «подобные заботы не были общими в других местах» (р. 320).

¹⁰² Однако реальные военные действия могли иметь противоположный эффект. В Японии результатом конфликта с Китаем 1894—1895 годов было ускорение «консервативных тенденций, которые были по определению антифеминистскими» и содействовали правительственной пропаганде «ролей, которые могла выполнять женщина в качестве воспитателя детей и сторонника государственной политики» (Sievers, 1983, 103). Итальянские феминистки во время Первой мировой войны «сравнительно легко перешли от убежденного пацифизма к сотрудничеству в деле организации и пропаганды войны» (Bigaran, 1982, 128). То же самое, похоже, происходило и во Франции (Kleiman and Rochefort, 1989, 189). Жо Веллакотт (Vellacott, 1987, 95) утверждает, что в Великобритании сразу по окончании войны «вина была возложена на три „изма“ — феминизм, пацифизм и социализм... Пацифисты действительно оказались правы в своем утверждении, что милитаристский мир был концом женских представлений».

Той сферой деятельности государства, на которую женщины могли повлиять меньше всего, поскольку это не был вопрос законодательства, были категории, использовавшиеся при переписях населения. Например, в Австралии конца XIX века все замужние женщины были обозначены как иждивенки (dependents) — «этот политический жест был сделан в интересах мужчин из рабочего класса с целью закрытия рынка труда» (Deacon, 1985, 46). Подобная классификация получила широкое распространение: «К 1900 году представление, что замужняя женщина, не имевшая оплачиваемой работы за пределами дома, приобретала статус „иждивенки“, стало научным фактом» (Folbre, 1991, 482). Когда понятия социальной науки попадают в законодательство, они обладают таким воздействием и приобретают такую степень легитимности, которые имеют значительный вес в повседневном функционировании социальной системы.

[ЭТНИЧЕСКИЕ И РАСОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ]

Как мы видели, социальные/трудовые движения с большим трудом принимали обоснованность требований прав активного гражданства со стороны феминистских/женских движений. Аналогичным образом феминистские/женские движения с трудом принимали такие же требования этнических/расовых движений. Эта ситуация напоминала корабль, на котором не хватает места для всех, или же, возможно, более удачным образом будет нежелание принять идею корабля с одним классом пассажиров — все граждане, и все граждане равны. В XIX веке этот второй организационный конфликт обнаружится в первую очередь в США, где угнетение чернокожих сыграло столь значимую роль в политических конфликтах и тем самым обусловило подъем их социальных движений. В Великобритании параллельно разворачивалась борьба за права ирландцев, за тем исключением, что она предполагала требование политического отделения, которое главным образом отсутствовало в случае чернокожих в США.

С точки зрения господствующих групп, проблемы прав женщин и прав чернокожих (а на самом деле и других этнических «меньшинств») фундаментально не отличались. Действительно, часто казалось, что восприятия соответствующих движений сливались в одно:

«Гендерная идеология республиканцев облегчала развитие гражданства с расовым оттенком. Гендерная идеология противопоставляла мир мужчин миру женщин, закрепляя за мужчинами продуктивность и независимость, а за женщинами — покорность и зависимость... Приписывая женские черты представителям этнических меньшинств, кондовые американцы не только выхолащивали предположительно покорных и зависимых мужчин, но и в равной степени обозначали их как угрозу республиканской свободе... Обратной стороной зависимости женщин было достойное материнство, а обратной стороной зависимости мужчин — зачатки тирании» (Mink, 1990, 96).

В начале XIX века женщины довольно активно участвовали в аболиционистских движениях, особенно в Великобритании и США. Это было время, когда ситуация с правами женщин ухудшалась повсеместно — а в случае Соединенных Штатов ухудшалась «драматично» (Berg, 1978, 11). Следует напомнить, что первое *формальное* лишение женщин права голоса было провозглашено британским Биллем о реформе 1832 года, целью которого было наделить избирательным правом тех, кто прежде его не имел. Однако при этом в билле содержалась особая оговорка о «лицах мужского пола» — формулировка, которая прежде никогда не встречалась в английском законодательстве. Эта фраза «обеспечила цель для атаки и источник для мести» (Rover, 1967, 3), из которых и вырастет британский феминизм¹⁰³.

Женщины вполне осмысленно обратились к идее «естественных прав», которая была наследием Просвещения и Французской революции, для того чтобы потребовать для себя свободу. Аболиционизм также был основан на идее «естественных прав», поэтому аболиционистское движение «служило катализатором, который трансформировал скрытые феминистские настроения в организованное движение» (Hersh, 1978, 1). Аболиционизм, конечно же, предполагал прекращение рабства и тем самым наделение бывших рабов формальным гражданством. Но поскольку, как уже было сказано выше, де-факто существовало два уровня гражданства, активное и пассивное, непосредственный вопрос заключался в том, к какой из этих двух категорий будут отнесены освобожденные рабы.

Такова была суть споров вокруг 13, 14 и 15-й поправок к Конституции США после окончания Гражданской войны. 1 января 1863 года президент Линкольн освободил рабов (на деле не всех, но большинство). Тринадцатая поправка, принятая в 1865 году, сделала рабство неконституционным. Четырнадцатая поправка 1868 года декларировала, что если в каких-либо штатах отрицалось право голоса за гражданами старше 21 года («жителями мужского пола» в этих штатах), то Конгресс ограничит норму представительства данного штата. Наконец, Пятнадцатая поправка, принятая в 1870 году, провозгласила, что право голоса не будет ограничиваться «на основании критериев расы, цвета кожи или предшествующего состояния рабства».

Феминистки рассматривали 14-ю поправку как «политический регресс», поскольку в ней впервые прозвучало словосочетание «мужской пол», а значит, женщины впервые «открыто не были допущены в политику» (Ryan, 1992, 20). Это было четкой параллелью к тому, что произошло в Великобритании вместе с Актом о реформе 1832 года. Избирательное право было расширено, но женщины из этого процесса были сознательно и специально исключены. Женщины, конечно же, утверждали, что расширение избирательного права

¹⁰³ Роджер Фулфорд (Fulford, 1957, 33) говорит об этой формулировке так: «Она не содержала искусного намерения лишить женщин их законных прав, поскольку этим парламентариям никогда не приходило в голову, что таковые вообще существовали». Это подчеркивает, насколько глубоко подчиненным было положение женщин, из которого феминистское движение стремилось их вытащить.

должно быть сделано для всех, кто был исключен, причем одновременно. Но Уэнделл Филлипс, один из лидеров американского аболиционистского движения, в 1865 году заявил, что в этот момент не следует педалировать требования права голоса для женщин, поскольку «теперь настал час негров». Это знаменитое высказывание получило очень резкий и почти столь же знаменитый ответ со стороны Элизабет Кэди Стэнтон в письме редактору журнала *National Anti-Slavery Standard* 26 декабря 1865 года:

«Женщины, представляющие нашу нацию, за последние тридцать лет сделали все возможное, чтобы обеспечить свободу негра, и поскольку он был самым низшим в иерархии сущих, мы хотели подчеркнуть его притязания. Но теперь, когда небесные врата, ведущие к гражданским правам, медленно поворачиваются на своих петлях, возник серьезный вопрос, не лучше ли нам было стоять в стороне и смотреть, как негр (Sambo) входит в это царство первым...

Для привилегированного сословия очень удобно самодовольно взирать на нас, утверждая, что „теперь настал час негра, не препятствуйте его пути, не беспокойте Республиканскую партию какими-то новыми вопросами, будьте великодушны и щедры; как только негр окажется в безопасности, следующей будет женщина”. Теперь, если бы наша мольба предполагала новую порцию мер или новый ход мыслей, было бы жестоко озадачить „белых граждан мужского пола” даже двумя простыми вопросами сразу. Но у всех не имеющих избирательного права есть одно и то же требование: те же самые логика и справедливость, которые предоставляют избирательное право одному классу, дают его всем.

Борьба последних тридцати лет велась не за чернокожего как такового, а за более широкую основу его человечности» (Gordon, 1997, 504–505)¹⁰⁴.

Женщины-суфражистки не молчали. Им удалось добиться, чтобы в 1867 году из конституции штата Нью-Йорк было изъято слово «мужской пол», наряду со словом «белый», причем вопреки возражениям Хораса Грили

¹⁰⁴ Позже, в статье в *Revolution* 15 января 1868 года, озаглавленной «Кто наши друзья?», Стэнтон писала: «Чарльз Самнер, Хорас Грили, Геррит Смит и Уэнделл Филлипс» с общего согласия предлагают женщинам нашей нации стоять в стороне и взирать на спасение негра. Уэнделл Филлипс говорит, что должна взойти „одна идея для одного поколения” в порядке их значимости. Сначала право голоса для негра, затем трезвость, далее движение за восьмичасовой рабочий день, потом право голоса для женщин. Следовательно, в 1958 году, если брать по 30 лет на поколение, Филлипс и Провидение допустят, чтобы настал черед избирательного права для женщин» (O'Neill, 1969, 117). В действительности избирательное право для женщин было введено в США в 1919 году. Однако, как отмечают Кэрри Кэтт и Нетти Шулер (Catt and Shuler, 1923, 108), «между принятием 15-й поправки (30 мая 1870 года), которая завершила предоставление неграм права голоса, и 1910 годом лежит сорок лет, в течение которых белые женщины наблюдали, молились и работали вместе не покладая рук за тот час женщины, который никогда не пробил». Можно, конечно, заметить, что когда белые женщины в Соединенных Штатах получили право голоса в 1919 году, оно оказалось реальным, в то время как чернокожие мужчины (а также женщины) на деле не получили его до принятия Билля о гражданских правах 1964 года, и даже тогда многие по-прежнему фактически были его лишены.

(O'Neill, 1971, 17). А в Канзасе в 1867 году Стэнтон и Сьюзан Б. Энтони поддерживали кампанию Джорджа Френсиса Трейна, известного расиста, который при этом защищал избирательное право для женщин¹⁰⁵. Но в этой схватке женщин с их давними соперниками по борьбе с рабством — республиканским большинством в Конгрессе США и бывшими рабами — «женщины потерпели поражение в каждой стычке» (Griffith, 1984, 118).

Не все женские лидеры приняли позицию Стэнтон и Энтони. Например, Люси Стоун* утверждала, что «если женщины не смогли обрести свою политическую свободу, то мужчины-негры смогли обрести свою» (Kraditor, 1967, 3). Результатом этого был глубокий раскол в феминистском движении. В 1869 году Энтони и Стэнтон основали Национальную женскую ассоциацию за избирательные права, имевшую с тех пор больше связей с Демократической партией. А Стоун и Генри Уорд Бичер сформировали Американскую ассоциацию за избирательное право для женщин, более связанную с Республиканской партией. Первая из этих организаций была более склонна к социальному анализу, утверждая, что угнетение женщин было результатом замужества и полового разделения труда. Вторая же ассоциация ограничивалась ключевым политическим вопросом избирательного права (Buechler, 1990, 50)¹⁰⁶.

По мере того как во второй половине XIX века женское движение становилось более консервативным по всем социальным/трудовым вопросам, оно становилось столь же консервативным и по всем этническим/расовым

¹⁰⁵ Лидер чернокожих Фредерик Дуглас отрицал связь Стэнтон и Энтони с Трейном (Dubois, 1978, 187). Бланш Глассман Херш (Hersh, 1978, 70) утверждает, что это была лишь «краткая ассоциация». Однако Дюбуа (Dubois, 1978, 95—96) полагает, что, «обратившись к Трейну, [Энтони и Стэнтон] наполнили смыслом обвинения антифеминистских республиканцев, что движение женщин за избирательное право было инструментом, который Демократическая партия использовала против освобожденных лиц». Фредерик Дуглас сам долгое время поддерживал избирательное право для женщин. Он был участником встречи в Сенека Фолс в 1848 году и вновь поддерживал эту идею в 1870-х годах. «Однако в принципиально важные 1866—9 годы он воздерживался от соответствующей поддержки», будучи уверен, что добавление «до кучи» избирательного права для женщин будет угрожать праву голоса для освобожденных лиц и что последнее более значимо и необходимо (Evans, 1977, 48).

¹⁰⁶ Окончательное преодоление раскола произойдет в 1890 году вместе с их объединением в Национальную ассоциацию американских женщин за избирательное право (NAWSA). Однако политика различных женских лидеров не изменилась, судя по тем позициям, которые они впоследствии занимали по вопросам труда. Люси Стоун, демонстрируя свое враждебное отношение к рабочему движению в целом, задавалась вопросом, почему участники Хоумстедской стачки 1892 года боролись со Стальной компанией Карнеги, а не «откладывали сбережения из зарплаты, чтобы начать собственный бизнес, если они недовольны своей работой». С другой стороны, Сьюзен Б. Энтони называла себя «другом Юджина В. Дебса» и другом трудящихся, но, верная своей позиции по избирательному праву для чернокожих, утверждала, что она не поддержит *никакое* дело до тех пор, пока женщины не получат право голоса (Kraditor, 1965, 158—159).

вопросам в рамках отдельных стран (как в Соединенных Штатах)¹⁰⁷ или по колониальным вопросам (как в Великобритании)¹⁰⁸. В процессе этого консервативного сдвига многие феминистки отказались от аргумента «естественных прав». В США они стали утверждать, что женщинам следует дать право голоса, чтобы «уравновесить влияние рожденных за пределами страны» (Berg, 1978, 269). Когда в 1903 году ассоциация NAWSA выступила за «образовательный ценз» для избирательного права (при значимом, но единственном исключении Шарлотты Перкинс Гилман'), она перешла от агитации за расширение избирательного права к предложению «забрать право голоса у некоторых американцев — негров на Юге и натурализованных граждан на Севере» (Kraditor, 1965, 137; см. Flexner, 1975, 316)¹⁰⁹.

¹⁰⁷ В Соединенных Штатах женское движение демонстрировало нарастающее недовольство враждебностью иммигрантских групп к избирательному праву для женщин. «В процессе... избирательные права для женщин, которые некогда были выражением равенства прав, стали вопросом социальной привилегии». То же самое происходило в плане отношений с чернокожими вслед за конфликтом вокруг упомянутых выше поправок. «К концу столетия использование расистских аргументов в поддержку избирательного права для женщин было на Юге общим местом» (Banks, 1981, 141). Филип Н. Коэн (Cohen, 1996, 708–709), говоря о настроениях более позднего поколения феминисток, отмечает: «Феминистки часто допускали, что, разделяя женщин, расизм белых женщин подрывает их собственные интересы и служит белым мужчинам. Однако лидеры движения за избирательные права для белых женщин [в США] часто вполне открыто выступали против небелых (или некоренных) мужчин и женщин. Они допускали меньшую ошибку в феминистском анализе, чем политическая стратегия, отражавшая и создававшая реальные привилегии».

¹⁰⁸ «Рождение организованного феминизма в Британии происходило на фоне энтузиазма в поддержку отмены рабства, но его развитие консолидировалось в период народного империализма» (Ware, 1992, 118). «Феминизм, как и империализм, строился вокруг идеи моральной ответственности. В терминах Викторианской эпохи *ответственность* была связана с опекой, классом, возрастом и иерархией... Феминистская аргументация не меньше, чем апология империализма, была озабочена сохранением расы, расовой чистотой и расовой родиной. Отчасти именно такой она и должна была быть. Одна из наиболее дискредитирующих нападок на дело женской эмансипации заключалась в том, что она будет морально разлагать расу» (Burton, 1990, 296, 299).

¹⁰⁹ Одновременно по вопросу наличия собственности для предоставления права голоса разделилось британское феминистское движение (Banks, 1981, 133–134). В России после освобождения крепостных в 1861 году «женщины, чувствительные к своему статусу, быстро противопоставили освобождение 50 миллионов неграмотных крепостных (а два года спустя и четырех миллионов чернокожих рабов в Соединенных Штатах) отсутствию освобождения для них самих» (Stites, 1978, 43). Однако Стайтс добавляет, что, хотя русское суфражистское движение между 1905 и 1917 годами «могло быть безразлично к всеобщему избирательному праву... нигде в России не слышали чего-либо подобного той резкой враждебности, которую американки типа Кэтт', Стоун и Стэнтон проявляли в отношении трудящихся, негров и „низшего класса“» (р. 228). Однако этот стиль феминистской аргументации

Сильным в Англии и Германии антифеминистски настроенным представителям евгеники, которые выступали против всеобщего голосования, исходя из того, что для высшей расы требовалась высокая рождаемость, некоторые феминистки считали уместным отвечать, что «если призывы женщин к новому социальному порядку не будут удовлетворены, то результатом их отказа вынашивать детей станет упадок расы» (Rowbotham, 1974, 106)¹¹⁰. Преобладающую тональность продемонстрировал так называемый инцидент Раффин в 1900 году. На съезде Национальной федерации женских клубов в Милуоки новым ее членом был признан женский клуб «Эра». Но когда в качестве его представителя вышла Жозефина Сен-Пьер Раффин, исполнительный комитет федерации понял, что это был клуб чернокожих женщин, и отменил свое решение. Миссис Раффин было сказано, что она может принять участие в съезде в качестве делегата от Федерации штата Массачусетс, «белого клуба», членом которого она являлась, но не в качестве представителя «цветного клуба». Инцидент дошел до того, что кто-то попытался отобрать у нее значок (впрочем, безуспешно, поскольку Раффин сопротивлялась), но затем она отказалась от сделанного ей предложения (Moses, 1978, 107—108)¹¹¹.

На пике этого напряжения некоторые суфражистки прибегли к грубому расизму. Например, они выпустили плакат с изображением «звероподобного негра-носильщика, сидящего рядом с утонченной белой леди», с таким заголовком: «Он может голосовать, почему не могу я?» Конечно, этот жест получил очевидный ответ от мужчин-антисуфражистов, что предполагаемая прибавка голосов образованных слоев в результате предоставления избирательного

не ограничивался западными странами. В 1920-х годах некая филиппинская феминистка, явно представительница высших классов, писала: «Мой шофер, мой повар и мой слуга, стоящие ниже меня, могут голосовать — почему же правительство не может предоставить мне и филиппинским женщинам в целом привилегию участия в выборах?» (цит. в: Jayawardena, 1986, 155).

¹¹⁰ Хуже того, Эльза Линдерс, глава, предположительно, более радикального крыла германских суфражисток, выступила против расово смешанных браков (Evans, 1976, 167).

¹¹¹ Почти за полвека до этого, в июне 1854 года, случился почти такой же эпизод недопущения в отношении (белых) женщин — на сей раз со стороны активистов против рабства (белых мужчин). Международная конференция против рабства, проходившая в Лондоне, провела целый день в обсуждении, можно ли позволить женщинам из США заседать в ней в качестве делегатов, и в конечном итоге собрание большинством голосов высказалось против. «На время оставшихся сессий они должны были сидеть за занавеской, „похожей на ту, что скрывает хор от всеобщего взора“» (Ware, 1992, 82).

¹¹² Миссис Вашингтон писала белой реформистке Эдне Д. Чини 23 ноября 1896 года: «Я не могу сказать вам, что я чувствую в связи с тем, что мисс Уиллард» подняла армянский вопрос. Не то, что ей не следовало этого делать, но это настолько странно, что эти люди, у которых нет особенных требований к этой стране, должны занимать столько места в сердцах северных женщин, что цветные жен-

права белым женщинам будет обесценена одновременным его предоставлением и черным женщинам. А в 1910 году один антисуфражист писал в *Atlantic Monthly*: «Мы многое испытали от рук Патрика, а „новая женщина“ добавит к этому и Бриджет». И, в чем состоит более серьезная опасность, к голосу этого глупца, дружелюбного необразованного негра, она добавит (что логично) голос его еще более глупой, более низменной женщины» (Kraditor, 1965, 31). Не помогло и то, что чернокожие, наподобие миссис Букер Т. Вашингтон¹², выступали за компенсацию, исходя из морального превосходства черных над иммигрантами¹².

Переломным моментом для феминистских движений во многом была Первая мировая война. К тому времени или в этот период они добились права голоса во многих странах, но вместе с тем казалось, что феминистские/женские движения вступают в пору серьезного упадка. Конечно, одной из причин этого было то, что процесс мобилизации с целью получения избирательного права трансформировал женское суфражистское мировоззрение. Исходно избирательное право рассматривалось «в качестве способа бросить вызов угнетающим традициям», но затем суфражистское мировоззрение стало «точкой зрения, которая охватывала многие из этих традиций и строила на них аргументы в пользу права голоса» (Buechler, 1987, 78–79)¹³. Ричард Дж. Эванс (Evans, 1977, 227) отмечает, что голосования за сухой закон и за право голоса для женщин в США происходили фактически одновременно и главным образом были поддержаны одними и теми же людьми:

«И то, и другое ассоциировалось с популизмом и прогрессизмом. И то, и другое представляло собой попытку среднего класса белых англосаксонских протестантов контролировать черных, иммигрантов и крупные города. Это был ответ тому, что ощущалось в качестве нарастающей угрозы превосходству американских ценностей. Они достигли победы в войне не в последнюю очередь

щины полностью останутся без внимания». Сама миссис Вашингтон добавила в своем обращении к выставке в Атланте: «Тем представителям белой расы, которые рассчитывают на вклад лиц иностранного рождения и неведомых языков и привычек в дело процветания Юга, да будет мне позволено повторить то, что я говорю собственной расе: „Опустите свое ведро рядом с собой“¹⁴». Печатный орган чернокожих *Woman's Era* в редакционной статье пошел еще дальше: «Безрассудство чужестранцев, покинувших свои родные края и ищущих убежище здесь, многие из которых преступники и предатели, явившиеся сюда без году неделя, но уже присоединившиеся к шумихе и выступающие против коренных граждан этой земли, — это безрассудство становится нетерпимым» (Moses, 1978, 112–113).

¹³ Марика Линдхольм (Lindholm, 1991, 121) утверждает, что завоевания женщин «дали значительной ценой с точки зрения реального структурного изменения», и поэтому называет кампанию шведских феминисток «консервативной революцией». О'Нил (O'Neill, 1971, viii) называет свою книгу «расследованием краха феминизма», утверждая, что избирательное право оказалось «тупиком» (р. 48). А Мэри Джо Бюле (Buhle, 1981, 318) в своей работе об американском феминизме утверждает, что «феминизм, некогда бывший динамичной силой, стал движением, узко направленным в сторону индивидуалистических притязаний „профессиональных женщин“».

потому, что вместе с конфликтом с Германией и (в значительно большей степени) с большевистской революцией 1917 года и революциями в Центральной Европе по окончании войны страх протестантских средних классов по поводу ниспровержения этих ценностей достиг панического размаха».

Если рабочим и женщинам достичь гражданского статуса (то есть активного гражданства) было просто сложно, то для цветных (или других групп, которые определялись характеристиками той же статусной группы и получали столь же недостойное отношение) сделать это было еще сложнее. Интеллектуальное обоснование для подобного отношения к цветным выстраивалось с самого появления капиталистического мира-экономики¹¹⁴. Однако лишь в XIX веке тема высшей и низшей «рас» разрабатывалась постоянно и считалась белыми фактически самоочевидной. Прежде всего, все предшествующие расовые теории допускали определенную возможность изменений — например, путем «обращения»¹¹⁵. Но «начиная с XIX века... тайно или явно произошел раскол человечества; те или иные группы были объявлены „данными” и больше не имели подвижного статуса» (Guillaumin, 1972, 25).

Формы, в которых развивалась классовая идеология, с самого начала сделали расовое разделение почти неизбежным¹¹⁶. Когда простолюдины заявляли о своих правах гражданства в Англии и во Франции, одним из аргументов, которые они иногда использовали, было то, что аристократы являлись «иностранцами» и не имели в этих странах коренного происхождения. Таковы были теория норманнского ига, выдвинутая в Англии еще в XVII столетии¹¹⁷, и теория различия между *„race gauloise”* [галльской расой — *фр.*] и *„race franque”* [франкской расой — *фр.*], которая одно время гуляла как слух, но во время Французской революции вышла на первый

¹¹⁴ «При внимательном рассмотрении становится заметно, что с XVI по XVIII столетия европейская литература была гигантской лабораторией идей, из которой возникли главные тезисы, служившие ключевыми аргументами для утверждения второсортности (inferiority) людей с цветной кожей» (Poliakov et al., 1976, 52).

¹¹⁵ «Термин „раса”, возникший в различных европейских языках, в период раннего Модерна имел крайне нестабильное значение... В начале этой эпохи слова *raza* в испанском, *raça* в португальском или *race* во французском и английском различным образом определяли представления о происхождении или генеалогии в смысле знатного (или библейского) „рода и колена” (race and stock) еще до применения этого определения в Испании к маврам и евреям или его фактического расширения до масштабов парадигм физического и фенотипического различия, которые станут основой более позднего дискурса расизма и расовых различий» (Hendricks and Parker, 1994, 1—2).

¹¹⁶ См. рассмотрение этого в: Balibar and Wallerstein, 1988, гл. 10, 11 (рус. изд. Балибар, Э., Валлерстайн, И. *Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности*. М., 2003).

¹¹⁷ Теория норманнского ига заключается в том, что норманнское завоевание Англии 1066 года лишило ее англосаксонских обитателей их наследия в качестве «свободных и равных граждан», поэтому борьба народа является отвоеванием старинных прав. На Большой печати Содружества образца 1651 года присутствовала надпись, что свобода была «восстановлена по Божьей воле». Как отмечает Кристофер Хилл (Hill, 1958, 67), эта теория «также пробуждала более глубокие чувства английского патриотизма и английского протестантизма. В этом заключается ее сила».

план¹¹⁸. Одновременно подобная аргументация возникла в Италии вместе с этрускоманией (Poliakov, 1974, 65—66). Но если аристократов следовало лишить гражданских прав на основании их иностранного происхождения, то требовалось ли еще более очевидное основание для исключения лиц с цветной кожей? В отличие от *jus soli* [право почвы, т. е. приобретение права гражданства по месту рождения — лат.], *jus sanguinis* [право крови — лат.] является по определению исключительным и неизбежно расистским. Поэтому там, где существовала тема расового превосходства простолюдинов, это означало, конечно же, и наличие более сильной темы аристократических «голубых кровей» и их естественных прав¹¹⁹.

Если в XIX веке раса стала теоретическим понятием, а расизм — институционализированной практикой, то в первую очередь это было результатом того, что центральное место принадлежало понятию гражданства. Ведь гражданство как идея имело два логических следствия. Во-первых, оно вело государства к акцентированию и утверждению гомогенности в качестве единственной прочной основы, которая обосновывала теоретическое равенство граждан. А это, в свою очередь, вело государства к оправданию их политического превосходства над другими государствами на том основании, что особенное гомогенное качество первых государств воплощало более высокий уровень цивилизации, чем уровень подчиненных государств, в равной степени гомогенных, но второсортных.

Органическое качество нации внутренне присуще тому, что получило название якобинства. Ключевая идея последнего состоит в том, что между государством и личностью не должно быть промежуточных элементов. Все личности равны, у них нет иных публичных (или значимых для государства качеств), помимо тех, что они являются гражданами. Группы же, каким бы образом они ни были сформированы, вне зависимости от своей основы, не имеют правового или морального статуса как таковые. Пол Гилрой (Gilroy,

¹¹⁸ Во время Французской революции *race gauloise* стала отождествляться с буржуазией (а стало быть, с «народом»), а *race franque* — с «аристократией» (Poliakov et al., 1976, 69). Авторы цитируемой работы приводят более ранние аргументы Буленвилье, Монтескье и графа Монлозье. А Гизо в дальнейшем открыто использовал это различие в качестве составной части своих усилий по оправданию Французской революции в пользу буржуазии и собственной версии либерализма. «Июльская революция была политическим финалом в том смысле, что она раз и навсегда утвердила буржуазию в качестве правящего класса во Франции, но в то же время она означала триумф „галльской“ точки зрения на Францию» (Poliakov, 1974, 32). На протяжении XIX века данная доктрина использовалась для обоснования враждебного отношения к франкам (германцам), латинянам (итальянцам) и семитам (евреям). Андре Симон (Simon, 1991) называет ее «кельтской культурой».

¹¹⁹ «Расистские мечты действительно проистекали из классовой, а не из национальной идеологии: прежде всего они заключались в претензиях правителей на святость, а аристократов — на „белую“ или „голубую“ кровь и „породу“. В таком случае неудивительно, что предполагаемым основоположником современного расизма должен был оказаться не какой-то мелкий буржуа, а граф Жозеф Артур де Гобино» (Anderson, 1991, 149).

2000, 63) называет получившуюся в результате нацию «насиловственным органическим единством декларации нового типа, прежде всего в области функционирования государства». Это органическое единство воплощало собой прогресс. Мари-Ноэль Бурге (Bourguet, 1976, 812) рассматривает, как это могло отразиться в *Statistique des Préfets* [учетных ведомостях префектов — *фр.*] IX года революции (1800):

«Таким образом, прогресс определялся как движение в направлении еще более гомогенного общества, как триумф человека над природой, единой формы — над разнообразием... Философия Просвещения и Французской революции выковала этот идеал рационального общества, из которого будет исключено все аномальное, патологическое, иное».

Не составит сложности, а тем более не будет нелогичным трансформировать это понятие органических качеств в различные качества для каждой нации и, в более общем смысле, в различие между совокупностью цивилизованных (европейских) наций и всеми остальными». Не представлял сложности и тонкий переход от искусственно созданной гомогенности к культурно-генетической органической реальности, которую было нелегко изменить. Хороший пример этого дает Густав ле Бон, который в своей работе 1886 года по расовой психологии усматривал величайшую опасность для органической нации в ассимиляции: преступников, женщин, этнических групп, жителей колоний (Nye, 1975, 49—50)¹²⁰. Тем самым мы переходим от органического целого, которое легитимировало равенство всех граждан, к органической реальности, которая оправдывала иерархию среди этих граждан. Опять же, мы видим переход от всех граждан к разделению на активных и пассивных граждан. Именно в этой точке исключенные могут потребовать включения, но также могут вобрать в себя отверженных в качестве озлобленного ответного удара, теоретической уловки или организатора идентификации¹²¹.

¹²⁰ Подобно всем мыслителям крайне правого тока в современном мире, Ле Бон (Le Bon, 1978 [1894], 9—10), похоже, верил, что идея равенства личностей и рас в действительности станет править миром: «Настоятельно взывая к толпам, эта идея в конечном итоге оказалась твердо внедрена в их души и скоро принесла свои плоды. Она потрясла основы старых обществ, породила самые значительные революции и ввергла западный мир в ряд жестоких конвульсий, результат которых невозможно предвидеть».

¹²¹ «Такие слова и идеи, как „пролетариат” и „опасные классы”, преследовали дискурс и воображение первой половины XIX века. Эти пугающие, негативные, дикарские воззрения заставляли рабочих занимать определенную позицию в их отношении, либо усваивая их, либо, что было более привычно, отличая себя от них. Рабочие нередко подчеркивали негативные черты, объявляя себя *lundistes* (понеделничными прогульщиками), пьяницами, борцами, сквернословками; в этом отношении понятие *ouvriérisme* [увриеризм, т. е. придание приоритета требованием рабочего класса — *фр.*] подобно понятию *negritude* [негритюд, принадлежность к черной расе — *фр.*]. Напротив, ... тот образ, который они стремились придать себе, представлял собой реактивный контраст... Требовалось наделять себя позитивным образом против тех, кто его

XIX век был апогеем Европы в мире. «Никогда [мировое] господство белого человека европейского происхождения не встречало меньшего вызова» (Hobsbawm, 1975, 135)¹²². Основой этого была военная мощь европейцев, но она была обеспечена их идеологическими построениями. «Европа была „европеизирована“ путем создания объединяющей цивилизационной матрицы (grid), в соотношении с которой можно было мерить и классифицировать все прочие культуры» (Woolf, 1992, 89)¹²³. Когда государства стремились сформировать однородные нации граждан, они одновременно стремились создать и белую (европейскую) расу в «крестовом походе против отсталых территорий мира», за который выступал Сен-Симон (Manuel, 1956, 195)¹²⁴. Причем этот крестовый поход предполагал колонизацию: «Отождествление небелого цвета кожи с недочеловеком стало... существенной частью процесса, посредством которого французы определяли свою роль в качестве колонизаторов» (Bouille, 1988,

отрицал; идентичность формировалась в этом напряжении, в этом отношении к противнику» (Perrot, 1986, 95–96).

¹²² Хобсбаум уточняет, что этот момент наступил в третьей четверти XIX века. Его точку зрения на апогей Европы разделяла одна из главных расистских книг XX века, «Поднимающаяся цветная волна против мирового господства белых» Лотропа Стоддарда, который утверждал (Stoddard, 1924, 153), что «1900 год... был наивысшей точкой белой волны, прилив которой продолжался четыре столетия. В этот момент белый человек стоял на пике своего престижа и славы. Но прошло всего четыре года, и молнии японских орудий над темными водами Порт-Артура открыли для пораженного мира начало отлива».

¹²³ Джон Морли, один из учеников Джона Стюарта Милля, сообщает: «Он привык говорить нам, что оксфордские теологи сделали для Англии нечто подобное тому, что Гизо, Вильмен', Мишле, Кузен'' несколько раньше сделали для Франции — они открыли, расширили, углубили темы и смыслы европейской истории, они напомнили нам, что история является европейским феноменом, что она остается не вполне познаваемой, если относиться к ней как к локальному явлению» (цит. в: Hammond and Foot, 1952, 25). Кристиан Делакампань (Delacampagne, 1983, 200) склонен отрицать, что европейский расизм можно объяснить имперской экспансией, или классовой борьбой, или капитализмом. Вместо этого он предлагает следующее объяснение: «Именно полная нетерпимость характеризует западную культуру с самого ее начала», рассматривая эту нетерпимость как порождение универсалистских претензий Европы. Однако эта точка зрения просто направляет эссенциализм''' против его европейских практиков и ослабляет любое историческое понимание институционализированного расизма в мире XIX века.

¹²⁴ Мануэль (р. 176) цитирует самого Сен-Симона: «Заселить земной шар европейской расой, которая превосходит все остальные, открыть весь мир для путешествий и сделать его таким же обитаемым, как Европа, то есть предприятием, посредством которого европейскому парламенту следует постоянно использовать активность Европы и всегда поддерживать ее импульс». Мануэль добавляет, что под Европой Сен-Симон имел в виду Западную Европу: прежде всего Англию, Францию и Германию. Мануэль (р. 401, п. 11) рассматривает призыв Сен-Симона к крестовому подходу против нецивилизованного беспорядка как параллель точке зрения Бональда, согласно которой достоинство современных государств заключается в том, что они положили конец конфликту феодальных вождей.

245–246)¹²⁵. Конечно же, то же самое было верно и внутри конкретных стран. Уинтроп Д. Джордан (Jordan, 1968, xiii) отмечает, что в послереволюционной Америке дело интеллектуалов «в итоге заключалось в том, чтобы провозгласить Америку страной белых людей».

Идея расовой иерархии получила легитимацию со стороны науки, которая сама по себе была культурной иконой XIX века. Наука сделала это путем «смещения социологической и биологической реальностей» (Guillaumin, 1972, 24)¹²⁶, полностью очевидного для открытых расистов типа Гобино, но лишь слегка заметной либералам-центристам¹²⁷. В середине XIX века «полигенез»

¹²⁵ Но, конечно же, так поступали и британцы. «Даже беглое прочтение [британских] политических речей после 1890 года... демонстрирует, что в интерпретации как национальных, так и международных проблем все больше использовался „биологический“ словарь; одним из наиболее выдающихся образцов этого была речь Солсбери“ [1898] об „умирающих нациях“» (Mock, 1981, 191).

¹²⁶ Жильоме отмечает, что это смещение было новым явлением для XIX и XX веков. В XVIII столетии «эволюция [была] феноменом, внутренне присущим социальному механизму», а происхождение различий было «либо географическим, либо физиологическим, либо чисто социальным механизмом, в любом случае чуждым биологии» (pp. 24–25). Аналогичным образом утверждает Льюис (Lewis, 1978, 74–75): «Даже после всех уточнений репутация [XVIII века] как „века разума“ не превращается в пустой звук. Это столетие было готово и охотно склонялось рассматривать неевропейские народы в духе внутренние присущей им доблести, несомненно, стремясь их романтизировать... Впрочем, XVIII век хотел слышать черные и коричневые голоса и признавать за неевропейскими цивилизациями существование культурных и духовных ценностей, которые отсутствовали в Европе». Но в это вмешались универсализм Французской революции и проблемы, связанные с гражданством.

Леон Поляков и его соавторы (Poliakov et al., 1976, 67) также считают Французскую революцию моментом смещения акцентов. Обратной стороной принципов свободы, равенства и братства — малозаметной, по их мнению, в это время — была «новая научная ментальность, склонная подчеркивать детерминирующий характер биологических элементов. На смену старинным религиозным и культурным классификациям она выдвигала новые, производные от наблюдаемых физических характеристик (цвет кожи и т. д.). Последние считались неизменными и влияющими, как полагали, на поведение тех или иных лиц». При этом Поляков (Poliakov, 1982, 53) также утверждает, что расизм «в его современной форме — как оценочное суждение, удостоверенное наукой, — ведет свою историю с XVIII века». Джордан (Jordan, 1968, xiii) отмечает такой же сдвиг в Соединенных Штатах: «От предшествующих дискуссий спор о природе негров после [Американской] революции особенно отличал быстрый рост в Европе и Америке интереса к анатомическому исследованию человеческих различий после 1775 года» и «широко распространившийся интерес к объяснению этих различий при помощи скальпелей и кронциркулей».

¹²⁷ «Подлинный размах научного расизма лучше всего становится понятным, если обратиться к его призыву к тем, кто обычно не рассматривается в качестве его аудитории, а именно к либералам среди ученых» (Barkan, 1992, 177). Баркан приводит отдельные цитаты из Джулиана Хаксли и Герберта Спенсера. Поляков (Poliakov, 1982, 55–56) говорит о роли Вольтера, Канта и Буффона в утверждении фундамента подобных идей. Вольтер, великий символ гражданских свобод в XIX и XX веках, был открыто настроен против чернокожих и евреев.

пользовался популярностью среди антропологов, несмотря на то, что он бросал вызов даже библейским взглядам. Или, возможно, как раз напротив: одним из соображений, к которым взывал полигенез, было то, что он казался более «научным», чем книга Бытия¹²⁸. Цветан Тодоров (Todorov, 1989, 3) рассматривает этот «сциентизм» как определенного рода предательство «базового принципа Просвещения — триумфа свободы над детерминизмом», который, как он считает, «отказывался подчинять должное существующему». Однако мне представляется, что более прав Коэн (Cohen, 1980, 210), утверждая, что мыслители Просвещения оставили «неразрешенным» спор о том, являются ли различия между «народами» связанными со средой или биологическими по своему происхождению. Этот вопрос оставался неразрешенным в публичных дискуссиях до 1945 года, а возможно, и остается до сегодняшнего времени, хотя вслух об этом не говорится¹²⁹.

Одной из ключевых научных идей, сделавших вклад в эту биологическую интерпретацию социальной реальности, было понятие арийства. Исходно и в основе своей это было лингвистическое понятие, связанное с открытием лингвистами XIX века связей между целым рядом языков: почти все они использовались в Европе, Персии, а некоторые — в Южной Азии. Лингвисты называли эту языковую семью индоевропейской. Уже в 1814 году Балланш предложил изучать санскрит вместо латыни. В действительности это означало принять сторону представления, что язык был созданием человека, а не откровением Бога. Такие лингвисты, как Шлегель и Гримм, открывали невероятную сложность языков, которые считались «примитивными» (Schwab, 1950,

¹²⁸ Уильям Б. Коэн (Cohen, 1980, 233) утверждает, что к 1850-м годам полигенез обуял Францию. Джордан (Jordan, 1968, 509) напоминает, что на Юге США до Гражданской войны «небольшая, но шумная „американская школа“ антропологии настойчиво отрицала изначальное единство человечества, в то время как их клерикальные оппоненты все более жестко и догматично выступали в защиту Книги Бытия». О полигенезе в Великобритании см. Stepan (1982, 3).

¹²⁹ «Столкнувшись с очевидно непреложным различием между расами, лучшие космополитические побуждения просвещенной свободы от предрассудков могли быть подорваны. Они были скомпрометированы двусмысленностью и конфликтом вокруг того, где должны проходить границы человечества, и постоянно терпели поражение от сторонников превосходства белых, полагавших, что большинство просвещенческих версий разума были активными соучастниками определенного политического проекта, вовлеченными в классификацию мира посредством термина „раса“ и трактующими движение истории через расовые категории. Наряду со слабым ощущением единства человеческой жизни, это сочетание было сомнительным наследством для либеральных и социалистических преемников Просвещения. Действительно, можно утверждать, что лишь с разгромом нацистов и их союзников в середине XX века чрезвычайно респектабельная в предшествующий период расовая теория на короткое время была лишена уважения. Но прежде даже отдельным лицам, разочарованным дурным имперским поведением и колониальным экспансионизмом, приходилось разделять те же самые антропологические идеи „расы“, нации и культуры, которые рукоплескали имперской власти, направляя эти идеи в сторону более справедливых целей против самой логики их запутанного пересечения» (Gilroy, 2000, 38).

190—191). На протяжении XIX века арийская теория вошла в «основное течение научного прогресса» (Poliakov, 1974, 327—328).

По мере того как в конце XIX века европейские державы двигались в направлении более активной имперской экспансии, расистские идеи, ранее поддерживавшие рабство, «вырядились в псевдонаучные одежды и стали вызывать к народным массам» (Davis, 1993, 73). Арийская идея теперь стала оправданием господства Европы в неевропейском мире и затем встретила с идеей Востока.

Гилрой (Gilroy, 2000, 72) предполагает, что все это научное и псевдонаучное теоретизирование складывалось в так называемую «расиологию», которую он определяет как «разнообразие эссенциалистских и редукционистских способов рассуждения [о расе], биологических и культурных по своему характеру». Важно отметить, что культурный эссенциализм столь же губителен, как и биологический.

Расистское теоретизирование питало антирасистские движения. Однако следует признать, что в действительности в XIX веке они были довольно слабыми — значительно слабее, чем социальные/трудовые и женские/феминистские движения. В конечном итоге они получали еще меньшую поддержку либерального центра, чем другие разновидности движений. Отчасти это может отражать гораздо большую силу расистской идеологии, чем идеологий буржуазного или мужского превосходства, а отчасти — количественную слабость тех, кто находился на дне расовой иерархии в западных странах. Это не было верно для Соединенных Штатов, но впоследствии именно США станут страной, где чисто расистская идеология укоренится наиболее глубоко, поскольку это была страна рабства, а затем — законов Джима Кроу*.

Центристским либералам было сложно противостоять расизму потому, что они принципиально принимали различие между активным и пассивным гражданством, которое выражалось для них в различии между внутренним потенциалом всех людей быть цивилизованными (а следовательно, активными гражданами) и фактическим уровнем тех, кто еще не раскрыл свой потенциал (следовательно, пассивных граждан). Центристские либералы предполагали, что последним понадобятся «поколения — даже столетия, чтобы преодолеть отставание, даже учитывая самое заботливое, патерналистское внимание со стороны доброжелательных англосаксов» (Bederman, 1995, 123)¹³⁰. Именно этот момент можно усмотреть в уклончивой позиции главы американского движения за трезвость Фрэнсис Уиллард по вопросу расового равенства в ее организации и в ходе ее напряженных публичных споров с лидером чернокожих женщин Идой Б. Уэллс, когда обе они проводили серию

¹³⁰ Кристофер Лэш (Lasch, 1958, 321) указывает, что в споре об аннексии Филиппин Соединенными Штатами разница между империалистским и антиимпериалистским лагерями не заключалась в разных представлениях о равенстве. Скорее она состояла просто в том, что «антиимпериалисты отказывались верить в то, что предназначение [англосаксов] требовало столь сильного напряжения американского народа, особенно когда они видели в этом напряжении угрозу милитаризма и тирании».

выступлений в Великобритании (Ware, 1992, 198—221). Это было заметно и по тому выбору, который делали рабочие и националистические движения в вопросе о том, насколько твердо они желали быть антирасистскими¹³¹.

Крайне редко раздавались высказывания, подобные следующей фразе лидера американских социалистов Юджина В. Дебса (Debs, 1903, 255, 259):

«Весь мир обязан негру, и то, что целая пята наступила на черную шею, является простым доказательством того, что мир еще не является цивилизованным. История негров в Соединенных Штатах — это история беспрецедентного преступления... Мы должны просто сказать: классовая борьба не имеет цвета кожи».

Более уместно напомнить, что XIX век был «эпохой синтеза». И если Маркс синтезировал экономику и дарвиновскую биологию, то Гобино синтезировал расизм — по меньшей мере, с тем же успехом (Cohen, 1980, 217). Расистский бинарный раскол был теоретически осмыслен и переплетен с бинарными расколами сексуальности. Как утверждает Гейл Бидерман (Bederman, 1995, 50), «„белый человек” представлял собой „цивилизацию” в качестве единственного человеческого существа, в равной степени определявшегося белым цветом кожи и мужественностью». Связь расовых различий и рангов с различиями в сексуальности всегда представлялась важной, что было логично, поскольку именно это создавало биологическую основу для иерархии. Джордж Л. Мосс (Mosse, 1985, 133—134) подчеркивает, что в расистском дискурсе «описание чернокожих с самого начала включало их предполагаемую неспособность контролировать сексуальные страсти»¹³². Отношение к мужчине из низшей расы как к существу, неспособному контролировать свои сексуальные импульсы, также способствовало усилению бинарного различия между мужчиной и женщиной. Это не только давало белому мужчине еще одно обоснование выступать защитником белой женщины, но и позволяло ему относиться к черному

¹³¹ См. множество двусмысленных жестов Жореса и французских социалистов по поводу антисемитского гнева алжирских социалистов. Не были готовы они рассматривать и иное предназначение алжирских мусульман, нежели «постепенная ассимиляция» — политика, сформулированная мимоходом и никогда не воплощавшаяся сколько-нибудь ревностно «из-за отсутствия интереса или из-за доктринальных затруднений» (Ageron, 1963, 6, 29). См. тж. примечательный перечень трудностей, с которыми столкнулся в первой половине XIX века Дэниэл О'Коннелл, когда в качестве лидера ирландского националистического движения он говорил своим ирландским сторонникам в США, что они должны занять позицию против рабства. Они отказались это сделать, проявив определенное рвение, и в конечном итоге О'Коннелл ослабил свою публичную позицию. «Вместо ирландской любви к свободолубивой Америке ветер республиканского рабства подул обратно в сторону Ирландии. Ирландцы стали из зеленых белыми, как-то обесцветившись, по словам О'Коннелла, в „атмосфере Америки» (Ignatiev, 1995, 31).

¹³² См. далее: «Стереотип так называемой низшей расы, наполненной похотью, был сутью расизма, частью перевернутых принятых ценностных характеристик у „чу-жака”, который одновременно угрожал обществу и самим своим существованием подтверждал его стандарты поведения».

мужчине так, как последний относился бы к женщине¹³³. А если бы белый мужчина как-то заколебался, то его бы наделили «неврастениями», которая рассматривалась как «телесная слабость», нуждающаяся в излечении¹³⁴.

Сексуальность, в свою очередь, была связана с национализмом. Преобладающая в XIX веке идея буржуазной «респектабельности» распространялась на все классы через национализм, который «едва ли проявлял неуверенность, защищая респектабельность». В то же время быть «ненормальным» означало не быть респектабельным. Здесь-то и появляется терапевт как «хранитель нормальности» (Mosse, 1985, 9—10). Полный круг бинарных ограничений, таким образом, охватывал класс, гендер, расу и сексуальность — все механизмы ограничения расширения гражданства. Национализм требовал отдать первенство тем, кто должен был и мог стать активными гражданами.

Разница и неравенство лиц различного социального происхождения — сословные (*Stände*, *Estates*), классовые, гендерные, расовые и образовательные — не были изобретением XIX века. Эти различия существовали давно и считались естественными, неизбежными, а на самом деле и желательными. Новизной XIX века была риторическая легитимация равенства и понятия гражданства как основы коллективного управления в качестве центрального пункта центристской либеральной идеологии. Как было показано, это вело к теоретическому осмыслению бинарных различий, попытке «заморозить» их логически, сделать переход через границы фактически не просто противоречащим правилам общества, а противоречащим правилам науки. Новизна заключалась и в появлении социальных организаций, созданных теми, кто не был допущен к гражданству этими бинарными овеществлениями, с целью добиться освобождения (или, по меньшей мере, частичного освобождения) от правовых ограничений. Похоже, что каждый успех отдельной такой группы делал попытки следующих притязающих на освобождение более легкими по примеру и более сложными на практике. Гражданство всегда исключало столько же, сколько и включало.

XIX век стал свидетелем создания нашего полного современного понятийного аппарата идентичностей. Как только власть перестала быть аппаратом, который был гарантирован по наследству — системой, легитимность,

¹³³ Оливер Макдонах (MacDonagh, 1981, 339) показывает, как то же самое отношение было сформировано в случае с колониальным владычеством британцев над ирландцами. Он говорит о «концепции братского острова у ирландских националистов. „Братским” он назывался потому, что сексуальный образ в значительной степени постоянно использовался для выражения представления властителя об отношениях между двумя островами. При этом более поздние Земельные акты „мрачно воспринимались как некая аналогия актов о собственности замужних женщин”, а политические декреты, подсознательно действовавшие посредством аналогичной смеси заявления прав и их незащищенности, сохраняли свою силу».

¹³⁴ «Существовала уверенность, что все здоровые мужчины, дикие и цивилизованные, имеют сильный и маскулинный сексуальный порыв... [Но] примитивные мужчины [были] неспособны владеть цивилизованной силой, поскольку у них не было расовой способности к сексуальному самоограничению» (Bederman, 1995, 84—85).

пускать и не реальность которой окончательно отменила Французская революция, — потребовалось разграничить идентичности, имевшие и не имевшие права на власть и богатство. Наиболее необходимы были идентичности наделенных властью. Однако они были относительными, то есть идентифицировали не только тех, кто был их носителем, но и тех, кто им не был. Создавая свои собственные идентичности, власть предрежащие тем самым создавали идентичности остальных.

Идея буржуа предшествовала и вызвала к жизни идею пролетария/рабочего. Идея белого предшествовала и вызвала к жизни идею черного/цветного (Oriental)/небелого. Идея маскулинного мужчины предшествовала идее феминной женщины и вызвала ее к жизни. Идея гражданина предшествовала и вызвала к жизни идею чужестранца/иммигранта. Идея специалиста предшествовала и вызвала к жизни идею масс. Идея Запада (West) предшествовала и вызвала к жизни идею «всего остального» (the rest).

Идеи предшествовали и вызвали к жизни организации, однако организации институализировали идеи. Именно организации/институты гарантировали наследство для одних и оппозиционную роль для других. Конечно, все это были старые категории, однако прежде они не были определяющими понятиями идентичности в мире эпохи Модерна. До XIX века идентичности оставались вопросом «сословий» (*Stände*), а люди определялись по их семье, сообществу, церкви, положению в жизни. Новые категории были признаком новой геокультуры мир-системы Модерна, одушевленной и управляемой идеологией центристского либерализма, которая в течение XIX столетия стала господствовать над ментальностями и структурами.

5

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

Андре Дютертр, «Мурад Бей» (из «Описания Египта / Современного государства» Наполеона (Napoleon, *Description de l'Égypte/État Moderne*, Paris, 1809—1828)). Когда в конце XVIII века

Наполеон вторгся в Египет, он взял с собой большую команду ученых, проделавших значительную справочную работу, озаглавленную «Описание Египта», которая станет одной из краеугольных камней ориентализма.

На этой картине один из художников, участвовавших в этой работе, изобразил одного из главных лидеров египетского военного сопротивления (публикуется с любезного разрешения Библиотеки редких книг и манускриптов Бейнеке, Йельский университет).

Ценности, которые дороги для либералов, не являются относительными... Там, где они получают признание, либеральный порядок справедливости вечен, неизменен и универсален.

Д. Дж. Мэннинг
(D.J. MANNING, 1976, 79)

Я не знаю, что делает человека более консервативным — знать ничего, кроме настоящего, или ничего, кроме прошлого.

Дж. М. Кейнс (KEYNES, 1926, 16)

Мы склонны перегружать новый принцип объяснения.

Фридрих А. Хайек (VON HAYEK, 1952, 209, п. 9)

Столетие, протянувшееся от разгрома Наполеона до начала Первой мировой войны, называлось эпохой пара, эпохой национализма и эпохой буржуазии. Все это обобщенные определения, но это столетие можно также с легкостью назвать и эпохой разъяснительной работы.

Питер Гей (GAY, 1993, 491)

Как уже было сказано, Французская революция имела громадные последствия для реалий капиталистического мира-экономики. Она привела к появлению трех современных идеологий — консерватизма, либерализма и радикализма, а затем к триумфу центристского либерализма в качестве основы геокультуры мир-системы. Она привела к построению либерального государства в центральных зонах мира-экономики. Она привела к возникновению антисистемных движений, а затем к их сдерживанию. Кроме того, она привела к созданию целой новой области знания — исторических социальных наук. Фридрих фон Хайек (Hayek, 1941, 14) обобщает воздействие Французской революции на наши системы знаний так:

«Прежде всего, сам коллапс существующих институтов призвал к немедленному применению всего открывшегося нам знания в качестве конкретной манифестации того Разума, который был божеством (Goddess) Революции».

Центристский либерализм одержит триумф и в этом поле. Чтобы завершить картину этого триумфа либерализма в XIX веке, необходимо изложить историю еще одного столпа мир-системы этого столетия, который фактически продержался и на протяжении двух третей XX века.

В течение XIX века реальный социальный мир значительно изменился. Однако еще больше изменились те способы, которые использовались для его восприятия, исследования и категоризации. Насколько мы не принимаем во внимание последнее, настолько же мы преувеличиваем первое. Наибольшим изменением в реальном социальном мире стало принятие двух доктрин, освященных Французской революцией: нормальности изменения и суверенитета народа. Для участников политического процесса в рамках мир-системы стало необходимым понимать, что именно производило нормальное изменение, дабы обладать способностью ограничивать влияние народных предпочтений на структуры социальной системы. Именно для выполнения этой задачи были изобретены исторические социальные науки и их новый концептуальный язык¹.

Конечно, на тот момент и социальный анализ, и социальная теория были давно известными практиками, и Европа XVIII века была особенным средоточием важных теоретических дискуссий, которые могли бы оказаться полезными для изучения и сегодня, если бы мы собрались это сделать. Однако предшествующая традиция социального анализа не является тем, что сегодня называется социальной наукой. Социальная наука, изобретенная в XIX веке, — это систематизированное, организованное и, да, бюрократизированное исследование того, как функционирует наша социальная система, в особенности мир-система Модерна. Эта «социальная наука» осознала себя как деятельность в сфере знания, которую следовало отличать от «гуманитарных», или «словесных», наук, с одной стороны, и «естественной науки», с другой, и неким образом поместить ее между ними (Lepenies, 1989).

[ИЗОБРЕТЕНИЕ «ДВУХ КУЛЬТУР»]

Промежуток 1789—1848 годов был временем громадной неразберихи с точки зрения как содержания возникающих идеологий, так и содержания и

¹ См. рассмотрение трансформации термина «революция» в Brunot and Bruneau (1937, 617): «Накануне падения Бастилии Людовик XVI недоуменно спросил: „Это бунт?“ — „Нет, сир, это революция“, — ответил герцог Лианкур. Это слово не было новым, даже в смысле глубинного движения, трансформирующего империю. Тем не менее, ... каким бы старым оно ни было, это было начало новой жизни».

структуры возникающих систем знания. Ни термины, которые предполагалось использовать, ни предполагаемые границы, ни даже количество базовых категорий (ключевой вопрос: было их две или три?) еще не были четко определены и определенно никоим образом не были институционализированы. Эти политические и интеллектуальные баталии велись тогда главным образом в географически очень ограниченной зоне: прежде всего, в Великобритании и Франции, а во-вторых, в германских и итальянских государствах, а также в Соединенных Штатах.

Социальная наука возникла не только в тени политических последствий Французской революции для мир-системы. Она возникла также в контексте вековой трансформации систем знания, которая вела и привела к сакрализации идеи, затем получившей название «двух культур» — термин, популяризированный гораздо позже благодаря знаменитой Ридской лекции Ч. П. Сноу в Кембриже 1959 года* (Snow, 1965).

Когда-то в Европе, как и в других местах, существовала только одна культура знания — поиск истины, добра и красоты, которая не разделялась на различающиеся и противостоящие друг другу эпистемологии — скорее, шла постоянная борьба за то, кто будет контролировать эту единую культуру знания. В средневековой Европе притязание на то, чтобы быть единственным арбитром знания, выдвинула церковь, заявив о своем привилегированном доступе к Божьей истине. В некотором смысле все знание, с ее точки зрения, было теологическим. Когда же Европа вновь открыла, в первую очередь через арабо-мусульманский мир, знание древних греков, церковь стремилась поглотить его в качестве части теологического знания, как это делал, например, Св. Фома Аквинский.

Создание мир-системы Модерна сопровождалось продолжительными усилиями представителей нетеологического знания, которые называли себя философами, по освобождению от тяжелой руки церкви. В свое самооправдание они утверждали, что люди могли приобретать знание путем прямого использования своего интеллекта, не проходя сквозь оковы знания, данного через откровение и имевшего специальную институционализированную гильдию интерпретаторов — теологов. Как и церковь, философы утверждали, что существуют естественные законы — законы истины, добра и красоты, но настаивали, что именно они могут воспринимать эти естественные законы так же (если не лучше), как и кто-либо еще. Постепенно, между XV и XVIII столетиями, философы оказались способны оттеснить теологов на обочину и добиться равного и даже первого места в качестве распространителей знания.

Тем не менее более практично ориентированным лицам, вовлеченным в экономические и политические институты мир-системы Модерна, не было очевидно, что философы были существенно более полезны, чем теологи. Их работа представлялась слишком абстрактной, имевшей слишком мало непосредственных практических последствий. Университеты, исходно бывшие полем деятельности теологов, были вконец ослаблены их борьбой с философами и ушли на второй план в качестве средоточия создания и

распространения знания. На смену им возникли другие институты, такие как Коллеж де Франс или Королевское общество в Великобритании¹.

К 1750 году возникло серьезное замешательство по поводу того, где и как могло создаваться знание. Но еще большее замешательство присутствовало относительно наименований, которые могли описывать категории знания. Существовало значительное количество терминов, которое описывали феномены, сегодня именуемые нами социальным знанием, причем они использовались индифферентно и почти взаимозаменяемо².

Представители естественных наук теперь стали заявлять, что поиск истины не мог зависеть от притязаний ни теологов, ни философов, но его следовало располагать в конкретном мире эмпирических наблюдений. Они утверждали, что подобные наблюдения могли вести к гипотезам, которые могли быть верифицированы другими представителями естественных наук и предложены в качестве опытных законов, которые впоследствии можно было применять к решению практических проблем³. Несмотря на то что еще в 1800 году представители естественных наук по-прежнему имели невысокий престиж⁴, их аргументы стали убеждать все больше и больше

² «Что касается социальных наук, то такие термины, как физиология, психология, исследование идей и ощущений, антропология, идеология, политическая экономия, политическая арифметика, наука управления, *art social* [социальное искусство — фр.], этические науки, моральные науки и науки о человеке, использовались беспорядочно, без общего согласия по поводу их значения» (Manuel, 1956, 130—131; см. тж. сн. 4, р. 391). Кейт Майкл Бейкер (Baker, 1964, 215) указывает, что Кондорсе в 1792 году использовал понятия «социальная наука» и «социальное искусство» в качестве равнозначных, а в переводе на английский они превращались в «моральную науку» (р. 220).

³ В дальнейшем это приведет к разграничению науки и ненаучных «искусств» (arts), хотя это не обязательно было единственным следствием данного процесса. Эндрю Каннингем и Николя Жардин (Cunningham and Jardine, 1990, 14) предполагают, что у него мог быть и другой результат, который в 1800 году был сильным конкурентом указанного: «Классификация предметов [около 1800 года] поместила бы инженерию среди искусств — в качестве полезного, а не изящного искусства, в то время как все остальные предметы, которые сейчас изучаются в университетах, такие как химия, история и теология, оказались бы науками. Реальное разделение происходило между владениями знания, управляемого разумом, и владениями практики, или проверенных правил, и апостолы науки надеялись вытеснить навык разумом в житейских делах».

⁴ «В начале 1800-х годов наука не обладала той культурной и институциональной уверенностью, которая позволяла [многим] рассматривать ее в качестве господствующей характеристики XIX столетия. Ее престиж был ниже, чем у соперничающих форм интеллектуальной деятельности, таких как теология и классические дисциплины, которые, даже несмотря на то, что они не пытались объяснить природный мир, выступали могущественными примерами культурно санкционированных корпусов знания... Слово „наука“ (science) еще не потеряло своего более раннего значения систематического знания, или *scientia* [знание — лат.] — для некоторых логика, теология и грамматика оставались именно такими „знаниями“, и сам этот термин использовался в качестве синонима „философии“» (Yeo, 1993, 32—33).

людей. Р. Стивен Тёрнер (Turner, 1974, 2:524) полагает, что уже к 1820 году в Германии понятие *wissenschaftlich* [ученый — нем.] стало «высшей научной похвалой»⁵.

Растущий престиж науки, конечно же, вызывал сопротивление. Бональд мрачно отметил это уже в 1807 году в своей работе «Науки, словесность и искусства». Как указывает Вольф Лепенис (Lepenies, 1989, 9), Бональд видел «в расширяющемся расхождении науки и словесности признак Модерна, а стало быть, симптом упадка»⁶. С другой стороны, публикация Карлейля в *Edinburgh Review* в 1829 году представляла более оптимистичный взгляд на происходящее. Карлейль отмечал, что

«метафизика и моральные науки приходят в упадок, тогда как физические науки с каждым днем приобретают все больше уважения и внимания... То, что не может быть исследовано и понято механическим способом, не может быть исследовано и понято вообще» (цит. в: Ross, 1962, 69—70).

В определенном смысле организационная цель представителей естественных наук (хотя само это понятие еще не существовало) заключалась в том, чтобы отделиться от расплывчатой общепознавательной деятельности и создать некую гавань для определенных ее видов, куда не допускались бы остальные. Естественные науки представляли себя единственным охранителем истины, они должны были отличаться от словесных наук или философии, которые, с точки зрения представителей естественных наук, были чем-то совсем отличным от той деятельности, которой они занимались. Чтобы этот

⁵ Однако следует с осторожностью подходить к тому, насколько рано было окончательно оформлено различие между собственно наукой и гуманитарными дисциплинами. Как утверждает Роберт Н. Проктор (Proctor, 1991, 75), «немецкий ученый конца XVIII — начала XIX века считался носителем моральной культуры в той же степени, что и интеллектуальной. *Wissen* (наука) было в равной мере изучением теологии, медицины, права и философии... Понятия *ученость* (scholarship) или *учение* (study) лучше отражают значение термина *Wissen*, чем понятие *наука* (science)». Сидни Росс (Ross, 1962, 69) утверждает, что термины *философия* и *наука* были все еще взаимозаменяемы в 1820 году, но уже определенно различны в 1850 году, когда философия стала теологической и метафизической ветвью познания, а наука — экспериментальной и физической. А. С. С. Швебер (Schweber, 1985, 2—3) напоминает, что среди ранней викторианской интеллектуальной элиты (примерно 1830—1850 годы) по-прежнему существовал «культ эрудированности, [призывавший] к овладению всем, что было известно и могло быть познано». Швебер отмечает, что Август де Морган, первый профессор математики в Лондонском университете, говорил, что «минимальный стандарт образованного человека [предполагал] знание кое-чего обо всем и всего о чем-то».

⁶ Бональд унаследовал более ранние презрительные взгляды Боссюэ, называвшего социальную науку «тщеславными курьезностями познания», которые не могут породить ничего полезного. Эту позицию можно обнаружить в его «Трактате о похоти», цит. в: Hauser (1903, 387). Озер утверждает, что Боссюэ помещал докторов социальной науки «среди коллекционеров старых медалей и различных видов насекомых».

интеллектуальный «развод» оказался успешен, представителям естественных наук требовалась твердая институциональная база. Поэтому они начали искать себе прибежище в университетах и стали создавать организационные ниши на вновь созданных факультетах естествознания.

Как только они пошли по этому пути, «гуманисты» почувствовали, что их вынуждают к оборонительному ответу — путем стремления к созданию аналогичных организационных ниш (Lee and Wallerstein, 2004, особенно гл. 1—3). Именно так началось возрождение университета в качестве средоточия как производства, так и воспроизводства систем знания. Однако это уже был другой тип университета, нежели его предполагаемый предок — средневековый университет. К XVIII веку тот университет превратился в место — возможно, в первую очередь именно место — «студенческого буйства» (Ziolkowski, 1990, 220—236). Однако уже в XIX веке он превратится в профессионализированный университет, вполне отличный от средневекового. В стенах университета ученые получали свой основной доход и полноценные назначения в структурах, которые становились организационными элементами, позже получившими название кафедр и по умолчанию основанными на различиях между дисциплинами. Студенты теперь тоже были полностью заняты на этих кафедрах и вели серьезное обучение⁷.

Для создания подобной структуры требовалось некоторое время, и это не было легким делом. Оксфордский университет приобрел новые статусы в 1800 и 1817 годах, создав почетные должности в *Literae Humaniores* [гуманитарная словесность — лат.] (классические дисциплины, история, языки) и в естественных науках и математике (Engel, 1974, 1:307). Во Франции различие между словесными и естественнонаучными факультетами датируется с 1808 года (Aulard, 1911). Тем не менее еще в 1831 году сэр Уильям Гамильтон* по-прежнему считал необходимым написать статью «Университеты Англии — Оксфорд», опубликованную в *Edinburgh Review* (53, июнь, 384—427), где он призвал университет осознать, что «образование должно даваться профессионалами, которые преподают один хорошо известный им предмет, а не коллежскими тьюторами, каждому из которых приходится преподавать все предметы, хотя они не способны глубоко преподнести

⁷ «Современная профессура, обладающая двумя функциями [обучение и исследование], и в особенности использование преобладающего дисциплинарного критерия в назначениях предполагают наличие нескольких условий в более масштабном академическом мире. В частности, предполагается существование строго ограниченных академических сообществ, репутацию участников которых могут — по меньшей мере, в общем приближении — оценить местные администраторы в качестве основы своих решений, касающихся назначений» (Turner, 1974, 2:510).

«Подъем *Wissen* в германском университете, сочетавшийся с ограничениями на поступление и более высокими стандартами допуска в университет и к профессорским должностям, имел... явное воздействие на студентов... Им приходилось учиться более добросовестно, поскольку ученость приобрела более серьезную ценность, а профессиональные экзамены стали более жесткими» (McClelland, 1980, 202).

какой-либо отдельный предмет» (цит. в: Engel, 1974, 313). Ученые теперь начинали искать себе подходящие и разнообразные места в рамках университетов. База доходов ученых теперь стала двоякой — университетские назначения и гонорары от книг, причем последнее было более значимо для представителей гуманитарных, нежели естественных наук⁸.

Эпистемологическая разница и распря между «наукой» и «гуманитарными дисциплинами» институционализировалась. Наука определялась как деятельность, эмпирическая по своему методу, направленная на поиск общих законов и, следовательно, как можно более количественная в своих описаниях. Гуманитарные же дисциплины определялись как герменевтические по своему методу, рассматривающие общие законы как редукционистскую иллюзию и, следовательно, качественные в своих описаниях. Позже это различие будет называться различием между номотетической и идиографической эпистемологией, однако это было больше, чем простое различие между двумя эпистемологиями. Каждая из двух сторон была склонна считать другую сторону занимающейся деятельностью интеллектуально сомнительной, если не бесполезной, а то и вредной⁹.

В 1859 году принц Альберт¹ в качестве президента Британской ассоциации за прогресс в науке утверждал:

«Область индуктивных наук... — это область фактов... Тем самым мы обретаем путь, лестницу, с помощью которой даже ребенок может, почти не зная этого пути, добраться до вершины истины» (цит. в: Benson, 1985, 299).

Джон Генри Ньюмен² отвечал на это, что наука просто «дает нам феномены... Мы должны брать ее факты и придавать им смысл» (цит. в: Benson, 1985, 300). Эту же тему развивал Мэтью Арнольд³: «Задача гуманиста заключается в том, чтобы поставить то, что является „только“ знанием, в соответствие с нашим образом действий, нашим чувством прекрасного» (цит. в: Benson, 1985, 301).

⁸ «Также следует отметить значимость профессионализации интеллектуалов [в XIX веке]. В XVIII веке могущественные лица защищали философов, выдавали им стипендии и поддерживали их другими способами. В XIX веке философы стали более автономны в финансовом плане, по двум причинам: с одной стороны, важность университетских назначений, а с другой, развитие книготорговли и, следовательно, гонораров за их работы» (Rosanvallon, 1985, 169, сн. 2).

⁹ К середине XIX века Эрнст Ренан предскажет, что исторические и критические исследования окажутся в «заслуженном небрежении» (цит. в: Supér, 1977, 231). Именно это сделало позитивизм фундаментальным вызовом религиозной вере. Он «поставил под вопрос способность человека вступить в какую-либо осмысленную теологическую дискуссию, и ничего, кроме этого, не могло быть более фундаментальным» (Cashdollar, 1989, 6—7). Однако, как указывает Питер Гей (Gay, 1993, 448), «даже ревностные христиане, хотя и обеспокоенные уходом от религии, подписывались под утверждением [Викторианской эпохи], что их время было научным веком. Это убеждение было столь привычно и стало столь общим местом, что оно фактически не требует документальных подтверждений».

Романтическое движение в значительной мере возникло в качестве ответа на растущие насмешки естественных наук над всем словесным и метафизическим. Как утверждает Питер Аллан Дейл (Dale, 1989, 5),

«подлинную интеллектуальную историю XIX века можно достоверно описать как поиск [гуманистами] адекватной замены утраченной христианской целостности, как попытку воскресить спасительную веру на пепле Французской революции, по едкому выражению Карлейля... [Романтизм переделал] христианство для современного мира, секуляризовав его как метафизическую идею социальной и личностной полноты»¹⁰.

Именно в этом контексте потребность в связном понимании социальной реальности, которая была источником незаметного изменения, вела к созданию социальных наук, а в итоге и к появлению новых типов научных дисциплин¹¹. Собственные претензии на контроль над этой сферой познания выдвинули представители как естественных наук, так и гуманитарного знания. Естественники утверждали, что правила научного метода приложимы к человеческой деятельности точно так же, как к физической или биологической, поскольку правила научного исследования универсальны. Гуманитарии, напротив, утверждали, что люди, в отличие от предметов исследования естественников, были сознательными акторами, определяющими собственную судьбу, а стало быть, любое исследование их деятельности не может

¹⁰ Ричард Р. Йео (Yeo, 1993, 65) утверждает, что наука и романтизм в меньшей степени противостояли друг другу, нежели диалектически соотносились в общем стремлении «создать аудиторию для своей деятельности — в некоторых случаях они воспринимали себя сражающимися за одну и ту же публику». Дэвид Найт (Knight, 1990, 8) добавляет к этому наблюдению, что «представление нового „человека науки“ о самом себе будет создано главным образом романтическими темами: научное открытие в качестве работы гения, стремление к знанию как незаинтересованное и героическое приключение, ученый как деятель драматической истории, автономия научной элиты».

Одной из причин того, что термин *scientist* [ученый — *англ.*], который в 1833 году придумал Вьюэлл¹², не был общепринятым в Великобритании до конца XIX века, было то, что «некоторые значительные фигуры в науке, такие как Майкл Фарадей и Т. Г. Гексли, предпочитали рассматривать свою работу в рамках более широких философских, теологических и моральных проблем» (Йео, 1993, 5).

¹¹ В 1903 году Анри Озер (Hauser, 1903, 5) писал, что «времена после Французской революции были в высшей степени эпохой социальной дезориентации, классового конфликта, открытой рефлексии и открытой критики. Поэтому не приходится удивляться, что именно после Французской революции и особенно во второй половине XIX века социальные науки впервые вырвались на свет в полную силу».

Озер также отмечал влияние Парижской Коммуны на институты познания: «После ужасных репрессий мая 1871 года представлялось более необходимым, чем когда-либо, убрать социальные проблемы из уличной сферы в область науки. Кроме того, республика 4 сентября, подобно своей предшествующей инкарнации 1848 года, нуждалась в чиновниках. И если вы не хотели набирать их из кадров эпохи империи, то их требовалось готовить с помощью подходящего образования» (134—135).

быть подчинено механическому использованию законоподобных обобщений.

По какому пути пойдет социальная наука? Общий ответ заключается в том, что практики будущих социальных наук оказались в глубоких разногласиях относительно этого вопроса — и в существенной степени этот раскол сохраняется по сей день. Некоторые представители социальной науки пойдут по пути сциентизма, другие предпочтут гуманитарный путь, в то время как еще одна группа попытается колебаться между ними¹². Целые дисциплины делали коллективный выбор, но, кроме того, существовали и индивидуальные траектории выбора в рамках организационной структуры каждой дисциплины. Чтобы оценить это, следует последовательно рассмотреть (1) то, в какой степени социальная наука была открыто связана с социальным реформизмом, и (2) попытки «профессионализировать» социальную науку, связанные со спорами о природе объективности и достоинствах ценностного нейтралитета. В результате появится лучшая возможность оценить, как и почему то, что стали называть отдельными дисциплинами социальных наук, получило институциональное существование.

[СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ]

Вслед за Французской революцией с ее обещаниями и ощутимыми провалами наука в целом, а затем и социальная наука в частности, стала рассматриваться как альтернативный путь к улучшению человечества. Данную точку зрения кратко описывает Дэвид Найт (Knight, 1984, 3):

¹² Это был острый спор: «Великая революция мысли, совершенная Французской революцией, была наиболее заметна в обращении с социальными проблемами. Еще со времен Декарта в целом преобладало представление о единстве всего знания. Все явления... могли быть, в конечном счете, поняты при помощи одного и того же метода — математического. Однако с Французской революцией возникла идея, что социальные феномены представляют собой отдельный класс явлений, требующий особого отношения и специальной методологии. Вечно неизменные законы могут быть действительны для естественных наук, поскольку природа вечна и неизменна, однако человеческое общество претерпевает постоянное изменение (прогресс) от эпохи к эпохе. Поэтому особенной задачей социальных наук является не поиск вечных законов, а обнаружение закона изменения как такового» (Grossman, 1943, 386). Но, разумеется, если существует закон изменения, то это должен быть вечный закон, и в таком случае получается, что никакая историзация не имела смысла. Однако можно прийти и к противоположному выводу по поводу человеческого общества. Можно утверждать, что традиционные подходы к социальной политике — философия, классические дисциплины и история — «допускали руководство (если вообще допускали) в форме прецедента, инструкции или исследования идеальной формы правления. Новые же естественные науки, как представлялось, предлагали перспективу точного и релевантного рассуждения» (Checkland, 1951, 48). Чекленд напоминает, что уже в 1783 году Кондорсе призвал ученых «ввести в моральные науки философию и метод естественных наук».

«Не политическая революция, а научное развитие должно было принести процветание и уменьшить нищету. Это должно было произойти как благодаря применению науки там, где раньше деятельность осуществлялась на основании практического опыта и традиционных методов, так и путем общего принятия „научных“ способов мышления. Такова была программа Века науки — эпохи невинности и веры».

Именно в этом контексте невинности и веры в XIX веке произошло вступление в жизнь социальной науки — не в качестве набора университетских дисциплин (и даже не единой дисциплины), а скорее как социального движения, которое, по словам Л.Л. и Джесси Бернардов (Bernard, L.L. and Jessie, 1943, 33),

«было гораздо более эпохальным, чем некий частный предмет, который оно могло обобщить. Ведь это движение представляло собой переход от теологически ориентированного общества к научно мыслящему. Социальная наука [первых двух третей XIX века]... была не родовым термином для всех социальных наук — это была религия общества в родовых схватках индустриализации, точно так же, как теология была религией старого феодального мира».

А поскольку это было социальное движение, оно исходно проявилось не в рамках университетов, а внутри структур, именовавшихся ассоциациями социального знания, наиболее значимые из которых возникли в Великобритании и Соединенных Штатах, а позднее и в Германии. Эти ассоциации были «порождением острой потребности в понимании и исправлении общественных зол того времени,... детищем крайней необходимости в социальных реформах» (Bernard and Bernard, 1943, 25—26). Позднее, когда социальные науки будут институционализированы внутри университетских структур, они не утратят этот фокус¹³.

В Великобритании наиболее ранними из этих организаций были статистические ассоциации. Основателей Манчестерской статистической ассоциации «объединяла общая социальная идеология, [в частности], приверженность социальной реформе» (Elesh, 1972, 33). Двумя ключевыми областями, по которым они собирали данные, были здравоохранение и образование. «Умами статистиков правила урбанизация» (Cullen, 1975, 135). Во время политических волнений 1832 года Уильям Джейкоб, занимавший пост ревизора зерновых доходов в Министерстве торговли, призывал к созданию департамента статистики, обосновывая это тем, что

¹³ «Существовала... тесная связь между новыми социальными науками и всеобщей общественной заинтересованностью в формировании новых политических и культурных институтов, соответствующих изменяющимся политическим условиям» (Wittrock, 1993, 303). Однако существует и несколько иная точка зрения на происхождение: «Реформистская социальная наука не „нарушала“ развитие академической социологии — скорее истоки „социологии“ были заложены в нарушении хода реформ» (Goldman, 1987, 171).

«лучшим способом ослабить беспокойство и увеличить удовлетворенность общественным положением является открытое и ясное сообщение информации о его состоянии и управлении им... Более масштабное распространение точного знания относительно состояния общественных дел смогло бы сдерживать это возбуждение и сектантский дух, которые часто порождались неправильным представлением или преувеличением и создавали беспокойство для правительства и, по меньшей мере, временное недовольство общественного мнения» (цит. в: Cullen, 1975, 20).

Джейкоб был не одинок. Как предполагает Филип Абрамс (Abrams, 1968, 38), «в 1830-х годах мощным мотивом для социальных исследований было опасение, что бедность была отцом санкюлотства».

В 1856 году Национальная ассоциация по развитию социальных наук, известная также под названием Ассоциации социальной науки (АСН), была основана именно с целью поддержки законодательства о социальной помощи¹⁴. Брайан Роджерс (Rodgers, 1952) называет группу социальных

¹⁴ Эта организация была основана в результате учредительного съезда Общества по улучшению законов и Национального союза за реформы при поддержке бывшего премьер-министра от Либеральной партии лорда Рассела. Она «была создана, чтобы обеспечить экспертное руководство для законодательства, в котором отсутствовали приверженность социальной реформе и специальное знание о ней» (Goldman, 2002, 58). Ассоциация быстро дважды сменила свое название. Сначала она называлась Национальной ассоциацией за моральное и социальное усовершенствование народа, а затем — Национальной ассоциацией за улучшение законов, и лишь после этого остановилась на постоянном названии — Национальная ассоциация развития социальной науки. Но поскольку и это название было несколько длинным, она стала называться просто Ассоциацией социальной науки (АСН). Голдмен приводит историю ее организационных процессов на с. 27–66 своей работы.

Перечисленные наименования отражают «этатистскую» ориентацию АСН: «Ее либерализм имел утилитарный характер, высоко ценя рациональность и систематизацию и в основном не обращая внимания на ту степень контроля, которая требовалась на достижения этих целей, а также сравнительно невнимательно относясь к аргументам, основанным на индивидуальных правах» (Goldman, 2002, 133).

«В каких обстоятельствах ассоциация инстинктивно обратилась к деятельности государства? Очевидны три различных типа вмешательства, которые можно назвать так: „освободительные реформы“, „протекционистское законодательство“ и, самое важное, „административный интервенционизм“» (Goldman, 2002, 266).

Однако убежденность ассоциации, что «социальная наука формирует основу усиленной социальной администрации», была реабилитирована успехом этой организации: «Когда в 1886 году АСН была распущена, „Таймс“, выступавшая ее антагонистом, воздала ей чрезмерные почести: „Ни единого улучшения закона, полиции, образования и искусства национального здравоохранения не вступило в силу без первоначального внушения соответствующей идеи по поводу и без со стороны Ассоциации социальных наук“» (Goldman, 2002, 19, 21).

Голдмен (Goldman, 2002, 14) также делает интересное наблюдение, что АСН воплощала черты веберовского идеального типа бюрократии «в своей опоре на экспертное и профессиональное знание, а не на харизматические авторитеты».

реформаторов, социальных работников, юристов, деятелей образования, экономистов, докторов и бизнесменов, которые являлись ее членами, «ее первичным органом» (р. 283), при этом «вполне убежденным, что любую задачу можно разрешить с помощью актов парламента» (р. 289). Лоренс Голдмен считает, что сплоченность этой ассоциации не превышала уровень «либерального форума, каковым Ассоциация социальной науки, по существу, и являлась за фасадом своей риторики нейтралитета и культивирования двух-партийного образа» (Goldman, 1986, 101)¹⁵.

Аналогичные события разворачивались в Соединенных Штатах. По окончании Гражданской войны в 1865 году там была основана Американская ассоциация социальной науки (AACH/ASSA), «поддержанная светскими интеллектуалами Новой Англии,... которые желали понять и улучшить свое быстро меняющееся общество» (Haskell, 1977, vi). Однако в то же время, наряду с этими реформистскими настроениями, Томас Л. Хаскелл рассматривает AACH как структуру, охваченную

«токвильским порывом защищать власть, воздвигать институциональные барьеры против губительных последствий неограниченной конкуренции в сфере идей и моральных ценностей во взаимозависимом массовом обществе» (Haskell, 1977, 63).

Хаскелл называет AACH «движением консервативных реформ» — именно это я и называю *центристским либерализмом*.

Действительно, одним из главных создателей AACH в 1869 году был Эдвин Годкин, в 1865 году основавший важнейший для США леволиберальный журнал *The Nation*. Об учредительном съезде этой организации он писал, что AACH

«окажет обществу великую услугу, если просто поможет пробудить у публики осознание того факта, что не существует более сложного и более важного

Это была добровольная ассоциация, «созданная, можно сказать, чтобы заполнить разрыв, возникший в отсутствии компетентной и хорошо обеспеченной бюрократии идеального типа в десятилетия середины Викторианской эпохи».

¹⁵ «Всецело преобладающим мотивом [для эмпирического исследования в Великобритании] была потребность в сборе информации, которая оказалась бы полезной при осуществлении социальных реформ... Члены Королевского статистического общества и Ассоциации социальной науки воспринимали себя как социальных реформаторов. Они мыслили социальное исследование как инструмент осуществления социальной реформы» (Cole, 1972, 99).

Эти настроения усилились благодаря Крымской войне, расширению избирательного права в 1867 году и необходимости в военном призыве: «Как можно было обеспечить доверие и поддержку целой нации, когда в сердце империи существовала язва нищеты?» (McGregor, 1957, 156).

То, в чем Коул видит непоследовательность, Голдмен (Goldman, 1998, 5) рассматривает как силу AACH: «Ее ежегодные конгрессы... помогали свести вместе провинциальные и столичные либеральные элиты и цементировали сложную и противоречивую амальгаму социальных интересов — религиозных неконформистов,

предмета, чем правильное устройство отношений людей в обществе, и что в отношении данного предмета, как и в отношении всех остальных, более достойны быть услышанными те люди, которые изучали его специально, нежели те, которые этого не делали» (*Nation*, November 4, 1869, p. 381; цит. в: Goldman, 1998, 22).

Хотя реформистское движение социальной науки, возможно, было наиболее сильным в Великобритании и США, в 1862 году на съезде в Брюсселе была создана Международная ассоциация за прогресс социальных наук, делегаты которой прибыли из Бельгии, Нидерландов, Великобритании, Франции, Германии, Италии, России, Швейцарии и Соединенных Штатов. Впрочем, эта организация просуществовала лишь до 1866 года (Goldman, 1987)¹⁶.

Уже в скором времени после объединения в Германии, в 1890 году, аналогичное движение социальной науки возникло и в этой стране под названием Союза за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*). Немцы выразили свои цели более открыто: название организации указывало не на социальную науку, а на социальную политику. Как и другие подобные движения, оно свело вместе ученых и бизнесменов, чиновников и деятелей свободных профессий (Lindenlaub, 1967, 6). Как отмечает Дитер Крюгер (Krüger, 1987, 71),

«Союз представлял собой очевидную связь между доминирующими социально-научной парадигмой и социально-политическими взглядами. Начиная с 1870-х годов в качестве ведущей тенденции в германской политэкономии возникла историческая школа... Это сопровождалось преобладающим среди ученых и культурной буржуазии мнением, что отжившую систему институтов следует усовершенствовать в пользу улучшения положения рабочих классов. Тем самым академическое знание и социально-политические взгляды легитимировали и стимулировали друг друга... Союз за социальную политику был „боевым отрядом социальных реформ“, то есть платформой культурной буржуазии, приверженной этим реформам»¹⁷.

бизнесменов, рабочих, университетских преподавателей, социальных реформаторов, благонамеренных вигов-аристократов и провинциальную прессу; все вместе они формировали гладстоновский либерализм, одновременно традиционный и радикальный».

¹⁶ Однако Голдмен (Goldman, 1998, 5) настаивает, что это был «мощный образец... созвучия „социального знания“ и британского либерализма, называвший среди аналогичных политических и профессиональных установок на континенте свободную торговлю, свободные институты, свободу мнений и представительное государство». То, что Голдмен называет «международным либерализмом», «предполагало общую веру в научные метод и экспертизу, общую уверенность в том, что социальные проблемы можно обсуждать и разрешать на национальных и международных форумах, общую заинтересованность в социальном консенсусе, умеренных реформах и просвещенном государственном управлении, а также общую приверженность политической свободе, миру и свободной торговле» (17–18).

¹⁷ «Одной из постоянных характеристик германских социальных исследований в промежутке 1848–1914 годов была их озабоченность людьми из рабочего класса

Вопрос заключался в том, о какого рода реформах шла речь. С одной стороны, «предпринимательские круги часто ставили Союз за социальную политику на одну доску с социал-демократами, поскольку и тех, и других обвиняли в слишком дружественном отношении к рабочим классам» (Plessen 1975, 59). Действительно, враждебные критики обвиняли академических представителей Союза в том, что они были так называемыми катедер-социалистами (*Kathedersozialisten*), или социалистами из профессорской среды (Dorfman, 1955b, 18).

В том-то и дело! Они были именно катедер-социалистами, а не революционерами. Несмотря на то что германское движение за социальную реформу зародилось в интеллектуальном противостоянии тому, что называлось «манчестерством» «берлинских экономистов» 1820—1850 годов, делавших акцент на достоинствах свободной торговли (Lindenlaub, 1967, 2), это движение противостояло также и марксистской социал-демократии¹⁸. По существу, его анализ общества был очень центристским:

и их проблемами. Важнейшим мотивом этого была необходимость в действии и реформе» (Oberschall, 1965, 137).

¹⁸ «[Педантичные реформаторы] хотели социальной реформы без марксизма» (Ringer, 1969, 139). В 1897 году Густав фон Шмоллер, ключевая фигура Союза за социальную политику и, возможно, ведущий катедер-социалист, обратившись с открытым посланием к Кельнскому конгрессу Союза по случаю его 25-летия, акцентировал центристскую политическую позицию Союза: «Социал-демократы всегда подчеркивали, что это их, а не наша работа заставляла крутиться механизм социальной реформы. С определенной точки зрения, это верно. Их деятельность основана на политически организованной власти. Социал-демократия представляет мощный классовый интерес — мы же являемся небольшой группой ученых и гуманистов-практиков. Мы не могли и не стремились к тому, что могли и хотели осуществить социал-демократы. Но означает ли это, что мы не осуществили другие вещи?

Предприниматели всегда обвиняли нас в чрезмерно дружественном отношении к рабочему классу. Мы были друзьями рабочего и желаем ими быть, поскольку мы уверены, что чрезмерный разрыв между культурным поведением (*Gesittung*) и доходами есть величайшая опасность для будущего, и средством от этого является повышение уровня жизни низших классов нашего общества и государства. Однако это не означает, что мы выступаем врагами предпринимателей, чьи достоинства в качестве вождей и офицеров экономической армии мы всегда признавали» (Schmoller, 1920 [1897], 26).

Шмоллер был очень последователен. На первом съезде Союза за 25 лет до этого, в 1872 году, он говорил, что его основателей беспокоил «глубокий раскол, который пролегал через наше общество, конфликт, который стравливает предпринимателя и рабочего, классы, наделенные собственностью, и классы, лишенные ее, что является возможной опасностью... социальной революции» (цит. в: Rueschmayer and Van Rossen, 1996, 45). Луйо Брентано, еще один основатель Союза и видный катедер-социалист, в письме к Шмоллеру выразил свое равное неприятие «социалистического или абсолютистского деспотизма» (цит. в: Gay, 1993, 469). См. тж. Plessen (1975, 104). Пlessen назвала Союз «посредником между классами». Центристская позиция Союза вполне совпадала с позицией британской АСН, которая «была готова признать успех тред-юнионизма, но в качестве компенсации стремилась навязать тред-юнионам ряд средств для достижения промышленной гармонии, рассчитан-

«Поколение основателей Союза за социальную политику было уверено, что реакционные социальные настроения либеральных экономических кругов и социал-революционные взгляды социалистов усиливали социальную напряженность и должны были привести к классовой борьбе и революции. Они полагали, что стабилизировать шаткий общественный порядок возможно только через социальные реформы» (Lindenlaub, 1967, 4)⁹.

Мари-Луиза Плессен указывает на совпадение социально-политической программы Союза за социальную политику и бисмарковской программы социального законодательства — более того, Плессен утверждает, что «новаторское законодательство Бисмарка не было бы возможно без работы Союза за социальную политику» (Plessen, 1975, 127).

[ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ]

Несмотря на возможность усмотреть явный успех социальной науки как движения за социальную реформу, ставший воплощением центристского либерализма, академическая половина союза академических и неакадемических реформаторов, представлявших средний класс, становилась все более недовольна той ролью, которую она играла. Представители академического сообщества стремились к более автономной и более четко очерченной роли в социальном порядке. Это требовало оторваться от ассоциаций социального знания и создать профессиональные, исключительно академические структуры.

Теперь академические деятели будут отвергать притязания дилетантов на обладание ученым знанием, которые столь широко признавались в XVII и XVIII веках (Torstendahl, 1993, 115), а в XIX столетии все еще обретали законный статус в рамках ассоциаций социального знания. Вместо этого защищалась профессионализация академического сообщества в качестве

ных на то, чтобы ограничить функции и аудиторию тред-юнионов... АСН извлекала пользу из подобных публичных демонстраций социальной солидарности, которые манифестировали ее самозваную роль в классовом примирении» (Goldman, 2002, 201, 205).

⁹ Центристский либерализм повсеместно имел два основных убеждения, которые, как представляется, разделялись представителями социальной науки. Одним из них было то, что «гражданин, наделенный полными избирательными правами, должен быть экономически состоятельным и образованным. Для большинства людей либеральный идеал гражданина был не более чем моделью на будущее, достижение которой было задачей каждой личности» (Langewiesche, 1993, 49). Это создавало «представление» о бесклассовом обществе вместе с «продолжающейся попыткой пропагандировать подобный путь развития, при этом пытаясь управлять им и ограничивать его» (Langewiesche, 1993, 52). Вторым базовым убеждением было отрицание «насилованных форм коллективного действия» и «приверженность конституционному государству» (Langewiesche, 1993, 41–42).

«способа обеспечения настолько прочного авторитета, что истина и ее сторонники могли получить уважение даже массовой публики, которая грозила отказать в почтении всем людям, всем традициям, даже высшим ценностям» (Haskell, 1977, 65).

Однако какое действие предполагал этот авторитет? Как напоминает Дейл (Dale, 1989, 14), первые представители позитивизма в социальной науке (такие как Конт, Милль и Спенсер) полагали, что «теория социального знания, в конечном итоге, означала путь к восстановлению социального порядка. Конечно, это была политическая цель». Не следует упускать из виду тот антиэгалитарный порыв, который был основой этой новой тенденции. Профессионализация была направлена против претензий как народной культуры, так и узких взглядов бизнесменов, ориентированных на прибыль²⁰. Эту двойную цель можно было окончательно достичь путем установления авторитета «общества компетентных лиц», по определению Хаскелла²¹.

²⁰ Наиболее явным это было в Соединенных Штатах. «Возмущенный коррупцией и материализмом, которые породила демократия, и собирающийся под девизами „цивилизации“ и „культуры“, „лучший сорт“ американцев... в конце XIX века принял контрнаступление, чтобы отвоевать определенную часть авторитета, утраченного в предшествующие десятилетия. Вновь и вновь мы обнаруживаем среди ведущих ученых конца XIX века общий идеалистический и элитарный мотив: стремление сделать „высший порядок вещей“ преобладающим над „приземленными приверженцами Маммоны“... Они явным образом отделяли себя от свободно структурированной, не-теоретической, основанной на сообществах культуры Америки эпохи Эндрю Джексона. Средства для этих целей предоставляла специализация, закрепившаяся во вновь созданных профессиональных гильдиях» (Higham, 1979, 9).

В Соединенных Штатах это было связано с политикой прогрессивного движения «с его акцентом на беспристрастности, эффективности государства, электоральной реформе и разделении политики и администрации... [Оно стремилось переместить] политические решения от избранных чиновников к назначенным, а последних в таком случае необходимо было обеспечить возможностью беспристрастной экспертной оценки. Кроме того, это было политическое движение, в рамках которого предполагаемые издержки народной демократии, а также беспокойство рабочего класса можно было смягчить путем возвращения к принципам представительской демократии. Социальный порядок и общественный интерес предполагалось сохранить посредством возвращения государства к „лучшему элементу“. В те времена таковым была не денежная аристократия, и не джентри-землевладельцы, и не клерикальная иерархия — им был хорошо образованный профессиональный класс» (Prewitt, 2004, 782).

²¹ «Сообщество компетентных лиц... является специализированным видом добровольной ассоциации, предлагающим своим членам защиту против тирании общественного мнения, даже если оно принуждает их подчиняться профессиональному мнению. Когда некое лицо вступает в подобное сообщество, оно возвышается над массой и становится независимой от нее; однако в то же время оно намеренно становится более зависимым от своих партнеров и оказывается менее способным сопротивляться консенсусу компетентных лиц» (Haskell, 1977, 75, п. 29).

«Сообществу компетентных лиц приходилось выявлять компетентность, культивировать ее и придавать авторитет тем, кто обладал ею, в соответствии с уни-

Авторитет профессиональной компетентности требовал новой «социальной организации науки» (Wittrock, 1993, 318). Таковой стал исследовательский университет — структура, позволившая университету восстановить его центральную роль в производстве, а не просто в воспроизводстве знания. Становление исследовательского университета было «тесно связано с... подъемом современного государства-нации», в результате чего университеты получили «гораздо больше ресурсов, чем имели раньше» (Wittrock, 1993, 305, 344).

Это не обязательно предполагало отказ от центристских социальных реформ в качестве цели, но скорее более твердо передавало их осуществление в руки экспертов²². Это значило, что выступать в защиту реформ напрямую больше не было безопасно, поскольку у академического сообщества не было прикрытия в виде выдающихся неакадемических фигур. Вместо этого было необходимо обрядить реформистские цели в одежды «объективного» знания — знания, установить и представить которое публике были способны только научные эксперты²³.

версалистскими критериями или, более реалистично, с критериями, которые никоим очевидным образом не являлись личными, основанными на интересах или частных-ми» (Haskell, 1977, 89).

²² «Среди неакадемических, равно как и среди академических, представителей социальной науки импульс для профессионализации обеспечивало напряжение между реформой и знанием» (Furner, 1975, 3). Тем не менее «представитель социальной науки служил своему обществу в качестве эксперта. Экспертиза требовала исследования... Тот, кто верил в пользу высшего образования, ... ценил исследования и выполнял значительное их количество. Он не глумился над исследованиями, как это часто делали гуманисты, однако исследования оставались для него второстепенной целью. Исследования всегда служили неким неявным (и служебным) целям, в первую очередь не для подлинной отдачи открытиям» (Veysey, 1965, 76).

²³ «В области реформистских социальных ценностей представители социальных наук ступали на особенно опасную почву. Зависимость университетов от поддержки уважаемой публики в части фондов и студентов привела к тому, что они охотно демонстрировали полезность своих факультетов и избегали общественной критики. Президенты колледжей [в США] вынуждали факультеты социальных наук демонстрировать свой жизненно важный вклад в демократию. Однако отождествление с противоречивым делом реформ или службой в правительстве в результате политического назначения пользовалось неодобрением, поскольку здесь возникал риск ассоциации с определенными интересами... Чтобы не рисковать своим статусом как объективных ученых, статусом, на котором покоились их позиции и в университете, и в профессии, ученые ограничивали свое политическое участие либеральным центром, где их ценности были менее заметны» (Ross, 1979, 122—123). Росс называет это центристским компромиссом. Действительно, социальные ученые-реформисты оказались перед дилеммой, отмеченной Кёртисом М. Хинсли (Hinsley, 1981, 286): «Роль элиты социальных наук... охватывала две тенденции, которым было нелегко сосуществовать. Ученый должен был распространять среди людей научный опыт в качестве средства духовного подъема и социальной гармонии — спасение предстояло познать напрямую, а не по слухам. Однако, с другой стороны, стремление к исключительности, основанное на предположении, что лишь немногие были

Это окажется политическим трюком, который не выглядел таковым. Как отмечает Фёрнесс, в 1880-х годах в Соединенных Штатах и Герберт Бакстер Адамс¹, и Джон Бейтс Кларк² были уверены, что неупорядоченный промышленный капитализм ведет к несправедливости. Они обнаружили, что не могут напрямую ликвидировать эту несправедливость, и теперь, «по мере приобретения ученого признания, также стали приравнивать умеренность мнения к объективности, а объективность — к научному достоинству» (Furness, 1975, 91). Как отмечает Кеннет Прюитт (Prewitt, 2004, 782), поиск

«социальных теорий ради поддержки целей, имеющих политическое происхождение, ... является сложным полем, полным ловушек для невнимательных, в котором нелегко перемещаться даже для тех, кто предусмотрительно относится к внутренним противоречиям. Возможно ли такое социальное знание, которое одновременно является полезным и действительно используемым, стоящим по ту сторону заинтересованного участия? Лидеры социальной науки, образованные в духе прагматического либерализма,... настаивали, что это возможно».

Наиболее знаменитым спором о защите определенных взглядов и ценностном нейтралитете стала так называемая *Werturteilstreit* (дискуссия о ценностях). В 1909 году Макс Вебер и другие ученые вышли из Союза за социальную политику, чтобы основать Германское социологическое общество, которое предполагалось сделать *wertfrei* (ценностно нейтральным). Однако эта цель была не столь прямолинейной, как может показаться, — фактически с самого начала ее раздирала двусмысленность, ведь представители социальной науки, провозглашавшие свободу от ценностей тем не менее верили, что

«прогресс науки обеспечит процветание на все грядущие времена... Наука, воплощаемая в жизнь ради цели в себе, позволит людям перешагнуть через их незначительные разногласия; наука одержит триумф над войной и социальным конфликтом так же, как она победила невежество и болезни. Наука была гармонизирующей, объединяющей силой» (Proctor, 1991, 96).

Немецкое академическое сообщество оказалось в особенно сложной политической ситуации в так называемый Вильгельмовский период (1871—1918), когда на представителей социальной науки оказывалось очень неуклюжее давление. С одной стороны, их обвиняли в том, что они являются скрытыми социалистами, а сами социалисты одновременно вынуждали их стать своими открытыми союзниками. С другой стороны, представители социальных наук находились под давлением германских националистов, добивавшихся от них открытого самоотождествления с немецкими военными и имперскими

подлинно способны или склонны к тому, чтобы посвятить свою жизнь науке, требовало признания специального статуса. Последняя необходимость стимулировала движение против мошенников и самозванцев, а также усилия по созданию средств формальной аккредитации».

целями²⁴. Свобода от ценностей в этой ситуации была идеологическим выражением «науки в осаде»²⁵. Ценностный нейтралитет предполагал моральное и интеллектуальное лавирование.

Однако был ли этот принцип действенным? Два более поздних ученых, Ральф Дарендорф и Раймон Арон, находившиеся под глубоким влиянием Вебера, подчеркивали сложности и моральные неопределенности приведенных аргументов — то, что Дарендорф называл «взрывоопасной двусмысленностью». Если веберовское различие между фактами и ценностями, между этикой убеждения и этикой ответственности столь явно, спрашивал Дарендорф, то

«почему сам Вебер считал совершенно невыносимой жизнь с этими различиями? Могут ли эти различия одновременно являться интеллектуальным приращением и невозможностью реализации на практике? Не являются ли они предписанием к краху?» (Dahrendorf, 1987, 577—578).

Анализ Арона менее жесткий, но в конечном итоге он не так уж далек от утверждений Дарендорфа:

«Оригинальность и величие Вебера проистекают прежде всего из того факта, что он был и хотел быть и политической фигурой, и ученым, или, точнее, из того, что он разделял и соединял политику и науку. Разделял в том, что наука должна быть независимой от наших предпочтений, очищенной от любых ценностных суждений. Соединял в том, что наука осознавалась неотъемлемой от действия... Ни наука, ни реальность не навязывают каких-либо законов; наука, неспособная к пророчеству или полноте видения, оставляет человека полностью свободным — каждый должен решать за себя... Человек должен выбирать между богами... История — это рассказ о соперничестве богов, о конфликтах между верой и необходимостью» (Aron, 1950, 97—98).

Возможно, именно поэтому Питер Новик (Novick, 1988, 7) утверждал, что объективность подобна «прибиванию желе к стене». Указанный спор всегда вращался вокруг того, что означает быть «незаинтересованным».

²⁴ «Нейтралитет выступал защитой против обвинения в том, что социология была просто еще одним названием социализма. Однако институциональная автономия была не единственной функцией, которую обслуживал принцип нейтралитета.

Нейтралитет был не просто щитом — он был оружием, служившим для того, чтобы умерить попытки со стороны феминисток, социал-дарвинистов и в особенности социалистов политизировать социальную теорию. Именно в качестве реакции на эти движения [немецкие] социологи главным образом и формулировали идеал ценностного нейтралитета» (Proctor, 1991, 120).

²⁵ Proctor (1991, 68). См. далее: «Нейтралитет был либеральным ответом на давление: правительства стремились ввести цензуру, промышленность требовала практических результатов, а социальные движения — востребованности. Нейтралитет был в равной степени и политическим заявлением, и онтологической позицией, частью более общего, либерального представления об отношениях между знанием и властью» (p. 70).

Как указывают Дитрих Руэшмайер и Роман ван Россен (Rueschmayer and van Rossen, 1996, 150), Союз за социальную политику в качестве свидетельства своей незаинтересованности утверждал о «своей равноудаленности от капитала и рабочего класса» — и действительно подвергался атакам со стороны обеих «заинтересованных партий». Однако, учитывая возрастающие политические и идеологические конфликты *внутри* ученого сообщества, Вебер сделал «логическое заключение» (р. 147), что социальная наука должна быть обособлена от морали и политики²⁶.

Сферой, где объективность ценностно нейтральной социальной науки, похоже, споткнулась наиболее показательным образом, была евгеника. Конечно же, это учение было тесно связано с базовой характеристикой мир-системы Модерна — ее устойчивым расизмом, явлением, находившимся в открытом конфликте с теоретическими эгалитарными доктринами, которые были институционализированы в геокультурных структурах, порожденных Французской революцией.

Когда Карл Линней в конце XVIII века создал морфологию, с помощью которой биологи классифицировали всё живое, возникла необходимость объяснить, почему, если человек разумный был в действительности единым родом/видом, то при этом имелись существенные внешние различия между людьми в разных частях света. Сами существенные внешние различия, конечно же, являются предметом социального определения. Мало кто создает или использует социальные категории в соответствии с цветом глаз, однако многие делают это в соответствии с видимым ими цветом кожи. К концу XVIII века термин «раса» использовался в первую очередь для классификации групп именно по этому критерию.

В XVIII веке существовало две основные теории происхождения расовых различий — моногенез, который находился в согласии с традиционной христианской идеей единства человечества (Heiniger, 1980, ч. 3), и полигенез, утверждавший о наличии четких линий разграничения между расами и тем самым «обеспечивавший полезную рационализацию для очевидного исторического подчинения небелых белым» (Lorimer, 1978, 132). Ко второй половине XIX века, несмотря на то, что полигенез был дискредитирован, стала выдвигаться социально-биологическая точка зрения на значительные различия

²⁶ Эту позицию довольно четко выражает Джон Дж. Ганнелл (Gunnell, 2006, 480—481): «Утверждение Вебера о разделении факта и ценности было в меньшей степени философским императивом, нежели признанием неизбежного различия между университетом и политикой к началу [XX] века... Точка зрения Вебера заключалась не в том, что участие в создании ценностных суждений было логически некорректным или невозможным для представителей социальной науки, а в том, что это более не было осуществимой функцией. В обществе с возрастающим идеологическим и культурным плюрализмом академии не оставалось места для ее реализации... Попытка представителей социальной науки отстаивать свои морализирующие настроения подорвала бы их авторитет в области познания — единственный вид авторитета, которым они в конечном итоге теперь обладали и который был единственным источником их потенциального практического влияния».

между расами, и эту позицию мы назвали «научным расизмом». Она предполагала существование «непроходимых стен» (Guillaumin, 1992, 25) между неравными в биосоциальном отношении группами. При этом «были предприняты значительные усилия для популяризации данной авторитетной научной точки зрения» (Lorimer, 1990, 369)²⁷.

Евгеника была социальным движением, происходившим от научного расизма. Она призывала государства к действиям по сохранению «чистоты» рас и созданию различных преимуществ для увеличения численности той расы, которая считалась высшей, за счет остальных. Несмотря на определение евгеники у Рихарда Хофштадтера как «фундаментального консерватизма», поначалу она пользовалась значительной поддержкой либеральных центристов:

«Вокруг евгенического движения существовала атмосфера „реформы“, поскольку оно возникло [в Соединенных Штатах] в то самое время, когда большинству американцев нравилось считать себя реформистами. Подобно реформистским движениям, евгеника принимала принцип государственного действия ради общей цели и рассуждала с точки зрения коллективной судьбы той или иной группы, а не индивидуального успеха» (Hofstadter, 1992, 167).

«Идея расы [была] связана с развитием различных национализмов в Европе [и панъевропейском мире]; два эти факта [были], по меньшей мере, одновременными» (Guillaumin, 1972, 37). Явление, именуемое у С. Дж. У. Паркера (Parker, 1981, 827, 846) «либеральным расизмом», было частью поиска национальной идентичности, который «слишком легко приводил к враждебности ко всем, кто находился за рамками допустимого».

²⁷ Биологической точке зрения не требовалось обязательно базироваться на менделевских принципах наследственности. Некоторые ученые развивали подобные взгляды, исходя из воззрений Ламарка. Эрнест Макбрайд, последний выдающийся британский биолог-ламаркист, был уверен, что к низшим классам относились главным образом ирландцы, имевшие, по его мнению, «постоянно установленные [расовые] характеристики, которые] нельзя было исправить путем обеспечения лучших условий жизни» (Bowler, 1984, 246). Макбрайд утверждал, что эволюционное изменение могло уменьшить, но не устранить полностью эти предполагаемые расовые различия.

Но все же преобладали менделевские аргументы. «В последние годы [XIX века] теория социальной наследственности уже претерпела сложную эволюцию начиная с ее истоков в середине столетия; была подготовлена сцена для ее упорно-агрессивной, ориентированной на врожденность и формально евгенической метаморфозы. Популярность теории Менделя в первом десятилетии XX века лишь кристаллизовала и придала импульс хорошо обоснованным интеллектуальным и эмоциональным темам. В последней четверти XIX века публицисты, терапевты, представители ранней социальной науки и социальные работники уже применяли наследственные объяснения к анализу почти всякой социальной проблемы. Наследственные объяснения человеческого поведения имели то достоинство, что они выглядели воплощением идеи престижа науки, при этом будучи лишены верифицируемого содержания» (Rosenberg, 1976, 49).

Разумеется, евгеника, как известно, пришла к своему наиболее ужасающему, но логичному итогу в Германии, где нацисты проводили программу уничтожения более слабых «пород». Именно в Германии «взаимное участие науки и политики» приняло особенно сильную форму — в этой стране небольшое сообщество борцов за расовую гигиену (как евгеники называли себя там), стремясь к статусу и признанию, сформировали коалицию с консервативными и радикальными правыми политиками (Weingart, 1989, 260)²⁸.

Именно потому, что евгеника пришла в Германии к своему нацистскому итогу, после 1945 года либеральный центр столь твердо отказался от «научного расизма», чтобы сразу же заменить его тем, что можно назвать научным антирасизмом, который также можно было предложить в качестве свободной от ценностей доктрины.

[СОЗДАНИЕ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ]

Внутри университетов профессионализация социальной науки приняла форму учреждения отдельных дисциплин и создания для них соответствующих профессиональных/академических национальных (а фактически интернациональных) организаций. Этот процесс касался не какой-либо единой дисциплины, но «фрагментировался на множество субдисциплин, новых организаций и специализаций» (Goldman, 2002, 356)²⁹. Как будет показано далее, дисциплина, профессия — это «определенные словарь, организация, журнал и конференция» (Maloney 1985, 2).

Первой дисциплиной, которая заявила о своем существовании в новых университетских структурах, была история, наиболее долго присутствовавшая в качестве университетского предмета. Конечно, сам термин «*история*» очень древний, и сегодня, например, общепринято говорить о выдающихся античных историках. Авторы, описывавшие «прошлое» и превозносившие важных правителей, определенно были всегда. Главным источником для этих

²⁸ Патер Вайнгрт (Weingart, 1989, 280) обвиняет эту траекторию теории расовой гигиены в Германии в более общей приверженности «институциональной инерции науки», которая, по его утверждению, «не была ни в малейшей степени поколеблена ее политическим и моральным извращением. Лишь несколько ученых... рассматривали связь между идеологией аполитичной науки и пользой этой идеологии для лишенных моральной составляющей политических целей и сопоставимостью с ними».

²⁹ «Каждая из специализированных социальных наук... формально провозгласила независимость от всех остальных, при этом каждая из них... развивала привычный профессиональный аппарат журналов и ассоциаций, а также более или менее одинаковое учебное расписание на уровне университетов. Интеллектуальный авторитет теперь зависел от членства и ранга внутри легко идентифицируемого сообщества коллег, участники которого имели одинаковый опыт обучения, а следовательно, и в целом схожий набор оценочных критериев» (Haskell, 1977, 24).

историков традиционно была работа их предшественников — в той мере, в какой написанным последними трудам удалось сохраниться.

Однако в XIX веке было создано новое представление о подходящих источниках для работы историков. Иногда это называется «научной революцией» в историографии и явно ассоциируется с работой Леопольда фон Ранке. Именно он завещал нам примечательное требование писать историю *wie es eigentlich gewesen ist* (как она происходила на самом деле)³⁰.

В этом знаменитом лозунге следует отметить две вещи: уверенность в возможности достигнуть истинного описания прошлого и предположение, что не все сделанное прежде во имя истории соответствовало этому правилу. Ранке утверждал, что «объективное» исследование прошлого потенциально существует. Для всех, кто разделял его воззрения, вопрос с тех пор заключался в том, что именно делает описание объективным и что является предметом описания историков. Томас Нипперди (Nipperdey, 1988, 218), считающий Ранке «отцом» идеи научной объективности в истории, настаивает, что ядро его идей заключалась в строгой привязке историка к «источникам и их критике (*Quellenkritik*)», что Нипперди именует «методологически ограниченной объективностью». Юрген Хербст (Herbst, 1965, 216) подчеркивает противоречия историцизма последователей Ранке: «Как идеалисты они заявляли об автономии своей дисциплины и всех *Geisteswissenschaften* [наук о духе — нем.], но как эмпирики они предлагали использовать инструментарий естественной науки».

Понятие источников является весьма эмпирическим. Исходно (причем на протяжении очень долгого времени) считалось, что источники существуют лишь в письменных документах. Позже в рамки этого понятия вошли материальные объекты, такие как археологические находки, доступные для тщательного исследования. Археология использовалась в первую очередь в качестве способа исследования тех территорий и эпох, для которых не существовало письменных источников либо они были очень редкими, то есть это было что-то вроде запасного решения за неимением лучшего.

Однако почему письменные источники являлись основой объективного знания? Ключевой аргумент заключался в том, что они создавались не

³⁰ «„Настоящие“ историки считали себя эмпириками, которые, в отличие от хронологов и литераторов минувших поколений, применяли научные лабораторные инструменты наблюдения и анализа к исследованию прошлых событий» (Herbst, 1965, 101).

Как это обычно бывает со всем, чему приписывается некое происхождение, Ранке был не первым, кто выступил с подобным требованием. Питер Бёрк (Burke, 1988, 190, п. 2) отмечает, что уже в XVI веке Слейдан требовал от историков *„prouit quaeque res acta fuit“* [соответствия фактически случившемуся — лат.], а Попелиньер считал судьбоносно важным *„réciter la chose comme elle est advenue“* [пересказывать вещи так, как они произошли — фр.]. Однако на эти более ранние требования откликнулись немногие, поэтому ни Слейден, ни Попелиньер сегодня не имеют права собственности на указанную максиму, даже среди историографов. Лозунг Ранке стал выдающимся, потому что для него настало время.

для прочтения более поздних исследователей, а каким-то образом отражали непосредственную реальность, как ее видели участники событий того или иного времени. Конечно, существовала возможность, что подобные источники окажутся подделками, написанными позже того времени, которое, как предполагалось, отражал источник, либо же выступали в качестве способа обмана других людей в то время, когда они были написаны. Именно по этой причине источники следовало подвергать процессу *Quellenkritik*. Однако замены использованию подобных источников по-прежнему не существовало. Ранке «подходил к прошлому фактически как к божественному откровению... Этот подход был, как отмечал сам Ранке, разновидностью *Gottesdienst* [богослужения — нем.]» (McClelland, 1980, 173).

Историческое исследование подобного типа было «научным» в той мере, насколько оно считалось легитимным лишь в том случае, если оно было связано с эмпирическими свидетельствами. Однако в других отношениях историки были весьма ненаучны. Большинство из них занимали антитеоретическую позицию, отвергая любой поиск законоподобных высказываний, которые можно было бы вывести из этого эмпирического исследования³¹. Они заняли подобную позицию, по сути, из-за противостояния желавшим реформировать мир радикалам Просвещения и их преемникам³². Новик (Novick, 1988, 27) уверен, что у Ранке «воздержание от моральной оценки, а не манифестация незаинтересованного нейтралитета [было] в данном контексте глубоко консервативным политическим суждением»³³.

И все же это «сведение» политического анализа к «событиям в самом узком смысле» (Burke, 1988, 197) хорошо служило интересам центристских либералов, ведь когда обобщения были отставлены в сторону, исторические произведения в XIX веке впервые стали «национальной религией» (Barrett-Kriegel, 1988, 264). Причина этого была очень простой. Если вы собирались строить либеральные государства, то должны были существовать такие государства, внутри которых люди могли создавать свои идентичности в качестве

³¹ Фриц К. Рингер (Ringer, 1992, 262) рассматривает, в какой степени научная история Ранке имела идиографический характер: «Сам Леопольд фон Ранке рассматривал свою концепцию истории на языке эмпатии и индивидуальности... Более того, он был заинтересован в „оригинальности“ „частного“, а не в чем-то общем. Он был уверен, что [государства] представляли собой культурные и моральные энергии, и это придавало борьбе между ними более высокий смысл».

³² Этот антитеоретический уклон мог принимать различные, почти противоположные формы. Новик (Novick, 1988, 43) отмечает, что в начале XIX века романтики были склонны ценить «теплоту уникального... выше холода абстрактных систем». Однако в последние десятилетия века «именно холодный факт приветствовался в качестве инструмента освобождения от удушающей температуры и влажности всеобъемлющих систем».

³³ Аналогичной точки зрения придерживается Бенетон (Bénétou, 1988, 49): «Поскольку контрреволюция выработала взгляды, противоположные революционным, консервативная тенденция заключалась в том, чтобы обесценить философию в пользу социологии и истории».

«наций», которым они могли отдать свою главную лояльность. Создание нации было существенным моментом в качестве основы либерального государства, а чтобы создать нацию, требовалось наличие государства³⁴.

Историки были преисполнены целью открытия/создания памяти об историческом прошлом для государства. Это было верно для Великобритании и Франции — первых либеральных государств, но в еще большей степени — для Германии и Италии, государств, которые еще предстоит создать в течение XIX века, а затем, разумеется, и повсеместно³⁵.

Как известно, французская революция 1830 года имела отзвук в Польше, находившейся под русским владычеством, что, в свою очередь, имело воздействие на германских интеллектуалов, стимулируя их озабоченность национальным объединением. Ранке, например, в 1832 году написал серию статей на тему, прежде выдвинутую Бертольдом Нибуром: «Историческое развитие народа есть производная от его национального гения». «У нас есть великий германский долг, — заключал Ранке, — создать подлинное германское государство, которое отразит гений нации» (Renouvin, 1954, 75—76)³⁶. Младшее поколение историков того времени, «скептически относившееся к консервативным пристрастиям Ранке и надеявшееся на лидерство Пруссии в деле объединения Германии, обратилось за вдохновением к Гумбольдту, Фихте и Гегелю». Однако поражение революции 1848 года также убедило их в «первичности действия государства и этической правоте политической власти». К 1871 году консерваторы, либералы и даже демократы (радикалы) стали разделять «общую религию истории» (Iggers, 1983, 11)³⁷.

Одновременно с участием немецких историков в создание немецкой нации английские историки были вовлечены в формирование того, что позже

³⁴ Важность существования государства отразилась в пресловутой идее Энгельса о наличии «народов без истории». Для Энгельса в их число входили румыны и славяне (чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы и украинцы/русины), поскольку эти народы никогда не создавали государств. Для поляков Энгельс делал исключение — именно потому, что у них некогда была государственность. См. Rosdolsky (1964, 87—88).

³⁵ Позже, в XX веке, историки стали писать об «изобретении традиции» (Hobsbawm and Ranger, 1992), отмечая этот феномен прежде всего в «новых» постколониальных государствах, которые создавались в то время, но также и в Европе за 30—40 лет до Первой мировой войны (Hobsbawm, 1983, 263).

³⁶ Ренувен (Renouvin, 1954, 164) далее указывает, что в работах 1840-х годов историка правовых систем Савиньи и историка языка Якоба Гримма «присутствовала увлеченность той же темой, что и в трудах по политической истории: открытием прошлых событий, которые позволяли бы рассматривать близкие отношения германских народов».

³⁷ Иггерс (Iggers, 1983, 42—43) рассматривает, как развивалась сама идея истории. К идее индивидуальности Гете и Гумбольдта, которая теперь прилагалась к коллективным группам, и историческому оптимизму Гердера («скрытый смысл в потоке истории») позже добавилась идея «примата государства в рамках нации и общества». Три эти идеи вместе «должны были обеспечить основания для теоретических положений большей части немецкой историографии XIX и XX веков».

будет названо виговской интерпретацией истории. Поскольку Великобритания тогда была державой-гегемоном в мир-системе, ее историки комфортно уверовали в то, что все события, которые привели Великобританию к этому положению, были неизбежными и прогрессивными. Логика данной позиции вполне четко объясняет Мэннинг (Manning, 1976, 84):

«Все события, которые помогли создать восхищающее либералов гражданское общество, необходимым образом являются прогрессивными, а все события, которые отмечены сопротивлением этим изменениям, — необходимым образом реакционными. Гражданское общество по определению является более цивилизованным, чем феодальное. В вокабуляре либерализма слово „гражданское“ отчасти означает „открытое“ и „прогрессивное“, а слово „феодальное“ — „закрытое“ и „реакционное“»³⁸.

Германский историзм и виговская интерпретация истории (которая в действительности была разновидностью историзма) соревновались в деле помещения прогресса конкретной нации в центр своего анализа и своих интересов³⁹.

Франция, подобно Великобритании, тоже стала превращать историю в центральный элемент создаваемого ею национального государства. Озер (Hauser, 1903, 119) рассматривает поворотным моментом в этом процессе Июльскую революцию:

«Именно потому, что ее правление не было „историческим“, Июльская монархия не могла ни игнорировать историю, ни обходиться без нее... Под прямым воздействием политических событий история обратилась в направлении вопросов организации общества. Новое государство было всецело заинтересовано в наличии Гизо и Тьеров, использовавших память средневековой Франции и уроки английских революций, чтобы создать для этого государства легитимность, основанную на разуме».

Однако если Июльская монархия легитимировала историю ради того, чтобы историки легитимировали саму эту монархию, то травматические события 1870—1871 годов — разгром Франции Германией и Парижская

³⁸ «Время было универсальным другом либерализма, другом, который неизбежно принесет больше счастья все большему количеству людей» (Schapiro, 1949, 13). Эндрю С. Скиннер (Skinner, 1965, 15) показывает, как эти воззрения XIX века совпадали с экономической теорией шотландского Просвещения: «Экономика обмена рассматривалась в качестве окончательного результата развития, начинавшегося с примитивного государства... Экономисты делали вывод, что более высокая степень персональной свободы подходила для условий, в которых они фактически находились».

³⁹ Скиннер (Skinner, 1965, 21) называет виговскую интерпретацию истории «примечательным предвосхищением Маркса», по меньшей мере, в смысле «отцовства нового порядка», хотя и не в отношении его «похорон». Однако это лишь еще одно направление, в котором марксизм и либерализм обнаруживали общую почву в XIX, а фактически и в XX веке.

Коммуна — окончательно утвердили историю в качестве интегрирующей основы государства. Вновь созданная Третья республика обратилась к историкам за помощью в деле оживления и нового объединения нации путем реформирования программ в системе средней школы. Уильям Лог (Logue, 1983, 80) описывает рассуждения руководства образовательной системы республики следующим образом:

«Прежде темные и суеверные массы в эти первые годы [после 1875] рассматривались как менее внушительный потенциальный враг республики, чем та молодежь из среднего и высшего класса, которая получила образование из рук священников, послушников и — хуже всего — иезуитов. Либералов XIX века больше всего беспокоило отсутствие единства внутри элиты, а не отсутствие единства элиты и масс... Подлинно республиканская и либеральная элита стала бы естественным предводителем демократического народа»⁴⁰.

Однако Хобсбаум (Hobsbawm, 1983, 270) считает, что мотивом для этого акцента на национальной истории в большей степени был страх радикальных тенденций, утверждая, что историки изобретали «образность, символизм и традиции Республики», дабы контролировать рабочие классы. «Центристы» (Хобсбаум имеет в виду радикальных социалистов) делали это, «маскируясь под крайне левых».

Несомненно, центристские либералы стремились ограничить как консервативные силы, которые ассоциировались у них с церковью, так и радикальные силы, продемонстрировавшие свои лицо и доблесть в дни Парижской Коммуны. Либералы могли использовать научную историю, чтобы создать в общественном сознании некое прошлое, способное объединить нацию и

⁴⁰ В 1875 году Габриэль Моно основал журнал *Revue historique*, будучи уверенным, что во французской исторической традиции существовал изъян. «Моно был убежден, что во Франции существовали первоначальные условия для подобной профессиональной ориентации, однако он нетерпеливо жаловался, что дух профессионализма страдал от чахлого роста». В качестве средства достижения этой цели Моно рассматривал реформу университета. «В ожидании появления подобной академической профессии историка он надеялся, что *Revue historique* выступит... стимулом для принятия методов научного познания молодыми людьми, намеренными избрать карьеру историка» (Keylor, 1975, 52).

Подобная наука не была лишена для Моно политических подтекстов. «Моно был уверен, что германские историки, в особенности из журнала *Historische Zeitung*, сделали значительный вклад в воссоединение Германии. Он надеялся, что *Revue historique* тоже внесет свою лепту в политическую цель оживления французского национального духа после 1870 года» (Stieg, 1986, 6).

По сути дела, те же цели были на уме и у французского министра образования Жюлья Ферри. В своей речи, опубликованной в *Revue internationale de l'enseignement* [Международном обозрении образования — *фр.*] в 1883 году, он призвал профессиональных историков развивать научные идеи, которые могли бы противостоять «ошибочным и утопическим идеям, которые, ... если их не регулировать и не просвещать наукой, способны породить дух беспорядка и анархии» (цит. в: Weisz, 1979, 83).

придать национальной идентичности патриотическую основу, которая бы стабилизировала государство. Конечно, это был не единственный механизм. Служба в вооруженных силах интегрировала и социализировала молодежь в той же степени, что и государственная школьная система. Это было особенно действенным для выходцев из сельских районов и этнических меньшинств. Создание национальных монументов и изобретение публичных церемоний (таких как день взятия Бастилии во Франции) также были частью этой системной кампании (Hobsbawm, 1983, 271)⁴¹. И это тоже было результатом работы историков. Тем самым прошлое становилось безопасным — однако можно ли было утверждать так и о настоящем?

[СОЗДАНИЕ НОМОТЕТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН]

Сколь бы важными ни были создание и стимулирование национальной идентичности, это была лишь часть либеральной повестки. Сильная национальная идентичность служила легитимации государств и жесткому ограничению для обоснования альтернативных и потенциально оппозиционных лояльностей — классу, религии, этносу или языковому сообществу. Однако для безотказного функционирования и в особенности для предупреждения антилиберального давления опасных классов либеральным государствам требовалось понять текущую реальность настоящего. Именно в этом заключалась роль трех номотетических социальных дисциплин: экономики, социологии и политической науки.

Первое, что следует отметить в отношении данной троицы, — то, что это именно троица. В своих работах о прошлом (о роли истории) возникающие университетские структуры соединяли то, что принято называть экономической, политической и социальной сферами, в одну единую «дисциплину». Но как только речь шла о настоящем, представители социальной науки настаивали, что это были три отдельные сферы, и изучать их следовало тоже отдельно.

Для чего делалось это разделение? Существует лишь один его источник: либеральные (но не консервативные или радикальные) мыслители подчеркивали, что знаковой особенностью «модерна» было разделение социальной структуры на три сферы, довольно отличавшихся друг от друга. Причем они были настолько отличны, что, следовательно, их требовалось изолировать друг от друга на практике и, соответственно, изучать совершенно раздельно. Этими тремя сферами были рынок, государство и гражданское

⁴¹ Мишель-Рольф Труильо (Trouillot, 1995, 124) отмечает, что этот новый акцент на традиции вышел за пределы Франции: «Вторая половина XIX века была отмечена беспрецедентным вниманием к системному управлению общественным дискурсом в странах, где одновременно присутствовали значительные трудящиеся классы и широкое избирательное право... [Национальные празднования] объясняли массам, кем они были, отчасти говоря им, кем они не были».

общество. Именно из этого теоретического различия трех сфер, которые, предположительно, обособились в результате перехода к Модерну, университеты вывели три дисциплины: экономику для изучения рынка, политическую науку для изучения государства и социологию для изучения гражданского общества.

Центристский либерализм всегда был привержен осторожной и компетентной реформе институтов, и в середине XIX века эта задача, как было показано, ставила фундаментальный вопрос перед возникающими социальными науками, которые изучали настоящее. Следовало ли их представителям заявлять о себе как о социальных активистах или же просто как о тех, кто производил исследования, которые затем могли использовать социальные реформаторы для реализации своих целей? Когда такие мыслители, как Мирабо и Кондорсе, впервые использовали термин «социальная наука», они сделали его синонимичным «социальному искусству», в чем «содержались практические и реформистские коннотации в качестве рационального руководства к публичной политике и реконструкции общества» (Goldman, 1987, 141). Первоначальным результатом этого стало создание ассоциаций социальной науки, о чем уже было сказано. Однако в конце XIX века поле деятельности переместилось в университеты, в направлении создания отделений разных дисциплин, которые обеспечат появление необходимых специализированных профессионалов.

[1. Экономика]

Первой из этих номотетических дисциплин, которые требовалось институционализировать, стала экономика. Сам термин «экономика» (*economics*) был поздним изобретением. Вплоть до конца XIX века привычным термином в Великобритании и США была «политическая экономия». Во Франции была определенная борьба между понятиями «социальная экономия» и «политическая экономия». Аналогичный раскол имел место в германских государствах, где термин «национальная экономия» (*Nationalökonomie*) конкурировал с термином *Volkswirtschaft* [народное хозяйство — нем.] со всей его двусмысленностью сочетания терминов *Volk* (буквально «народ», но с сильным этническим обертоном) и *Wirtschaft* (обычно переводится как «экономика» с приставкой *Volks-* или без нее). Почему же все эти альтернативные понятия были фактически отвергнуты в пользу более короткого термина «экономика»?

Термин «политическая экономия» предполагает наличие определенного отношения между политической и экономической сферами жизни. Но какого рода эти отношения? Одним из наиболее ранних проявлений политической экономии была так называемая шотландская историческая школа XVIII века, включавшая такие разноплановые фигуры, как Адам Смит, Адам Фергюсон, Уильям Робертсон и Джон Миллар. Они разделяли некие общие, хотя, возможно, и разноплановые, исходные предпосылки как

в отношении истории, так и в отношении политической экономии. Их общим макроисторическим представлением был образ мира, в котором человек проходил через прогрессивную последовательность различных этапов. Наиболее распространенным перечнем этих этапов в то время был следующий: охота, пастбищное хозяйство, сельское хозяйство и коммерция. Основой этого перечня была некая разновидность «технично-экономического детерминизма»⁴².

Если перечисленные фигуры говорили именно о политической экономии, то потому, что они исследовали данные последовательные формы экономической структуры (в особенности коммерцию) как возникающие внутри некоей политической структуры (*polity*), то есть государства, в связи с чем все они делали акцент на «способе жизнеобеспечения» (термин, изобретенный Робертсоном) (Meek, 1967, 37). При этом все они были уверены, что если знать нечто о состоянии собственности, то станет известно нечто и о политической системе, поскольку «между отношениями собственности и формой правления существовала причинная связь»⁴³. Более поздние упорные адепты первичности рынка типа Фридриха фон Хайека будут рассматривать представителей политической экономии XVIII века как деятелей, которые не могли решить, являются ли они учеными или же моральными и социальными философами (Hayek, 1952, 13). Причем ни они, ни последующие поколения не имели отдельного опыта в тех навыках, которые сегодня ассоциируются с экономикой⁴⁴.

Разумеется, Хайек был прав. Адам Смит действительно занимал кафедру моральной философии в университете Глазго, а указанные одновременные занятия моральной философией и историей объясняют серьезное различие между политической экономией тех, кого теперь называют классическими экономистами (от Смита до Маркса), и так называемыми неоклассическими экономистами, которые стали определять поле экономики в конце XIX века.

«Классические экономисты надеялись распутать клубок истории, найти главные великие силы, которые двигали (предопределяли?) курс наций и империй... Они были увлечены изображением „могущественной динамики“.

⁴² Как утверждает Рональд Л. Мик (Meek, 1976, 242), эту стадильную теорию «следует рассматривать в качестве первой масштабной теоретической кристаллизации набора более широких представлений и взглядов — закона непреднамеренных последствий, идеи социальной науки, сравнительного метода, представления о технико-экономическом детерминизме и принципа культурной эволюции».

⁴³ «Общество, как они утверждали, развивалось слепо» (Meek, 1967, 38). Государство формировали не «великие люди», а лежащие в его основе экономические реалии.

⁴⁴ Как указывает Фрэнк У. Феттер (Fetter, 1943, 60) еще в 1870 году любой политический экономист в Соединенных Штатах практиковал что-то еще — «теологию, моральный философию, литературу, языки, право, практическую политику, журналистику, бизнес или определенное направление естественных наук. В политической экономии все они были любителями-самоучками, которым фактически приходилось блуждать в этом поле».

Напротив, задача, поставленная [неоклассиками] Вальрасом⁴⁵ и Маршаллом, представляется посредственной и мелкой, однако именно их усилия в исследовании механики рынков произвели ту экономику, способную разрешать проблемы, которой мы обладаем сейчас» (Gordon, 1973, 255).

Двусмысленные отношения между рынком и политикой одновременно прослеживались и во Франции. До Французской революции центральное место здесь принадлежало физиократам. Сам термин «*физиократия*» означал «власть природы», и правящей природой для физиократов была земля — единственный источник производительного труда и, следовательно, чистой прибыли. Акцент физиократов на различении производительных и бесплодных лиц и предметов стал ключевым элементом политической экономии, даже несмотря на различные взгляды по поводу того, какие группы являются подлинно производительными. Подобно представителям шотландской политической экономии, физиократы были материалистами, а не рационалистами. Сильную поддержку их детерминистским экономическим взглядам оказали высказывания и деяния лидеров Французской революции⁴⁵.

Впрочем, они являли собой нечто большее, чем просто экономический детерминизм. После Термидора их наследие было продолжено группой, именовавшейся идеологами⁴⁶ (*idéologues*), для которых, Впрочем,

«политическая экономия не являлась экономизмом — это было одно из многих средств достижения счастья для общества, основанное на правах человека. Изобилие, которое станет следствием понимания законов экономики, сделает людей „более достойными“, более способными к свободному правлению. Политическая экономия заняла свое место в ряду других моральных и политических наук. Институт [Франции]”” [включавший Академию моральных и политических наук], созданный в 1795 году [по инициативе] идеологов, преследовал целью пропагандировать [подобное хорошее правление]» (Le Van-Mesle, 1980, 272–273).

Однако подобные воззрения стали считаться опасными и даже подрывными — сначала Наполеоном, а затем в еще большей степени Людовиком XVIII и лидерами Реставрации, в связи с чем политическая экономия впала в немилость. Однако вскоре она вновь стала приемлемой во Франции, пересмотрев свое представление о себе. Политическая экономия отбросила свой подрывной образ и взамен акцентировала то, в какой степени она является «центристским» учением. Конечно, в таком качестве она подвергалась нападкам и слева, и справа, но все же она будет стремиться к формированию своей политической пользы, демонстрируя связь между тем, что она определяла в качестве центристских принципов Французской революции, и

⁴⁵ «Рационализм получил смертельный удар. [Французская] революция и последующие события продемонстрировали, что моральные и правовые отношения зависят не только от разума, что экономические интересы были более значимым фактором в определении политической позиции каждой группы населения» (Grossman, 1943, 387).

экономическим либерализмом. В 1845 году политический экономист Эжен Даир писал:

«Славу Французской революции следует закрепить в законе, в основах норм, в установлении свободы, собственности и семьи... Сегодня задача людей, принимающих эти принципы, просто состоит в том, чтобы они были полностью воплощены в действительности, и в энергичной борьбе с любыми ретроgrадами или так называемыми прогрессивными доктринами, которые стремятся отменить сделанное нашими отцами и лишить будущие поколения благ от той крови, что была пролита ради них» (цит. в: Lutfalla, 1972, 495).

Именно потому, что политическая экономия стала столь центристской, некоторые левые католические мыслители стремились противопоставлять «политической экономии» «социальную экономию». В 1835 году каталог факультета социальных наук Католического университета критиковал политическую экономию за озабоченность лишь тем, каким образом осуществляется накопление богатства, и неспособность рассмотреть тот факт, что богатство плохо распределяется:

«Таким образом, успех одних был основан на нищете других, а общество, пробужденное от сна требованиями бедняков, обнаружило наконец, что с приобретением роскоши оно утратило безопасность» (De Caux, 1835, 35).

Из этого утверждения следовала потребность в курсе *социальной* экономики. Но политическая элита не услышала голос этих левых католиков, а требования бедняков (де Ко, несомненно, имел в виду восстание лионских ткачей) не найдут значимого политического выражения до революции 1848 года. Одним из примечательных решений Временного правительства в 1848 году была ликвидация кафедр политической экономии в университете, несмотря на тщетные протесты Общества политической экономии — именно потому, что политическая экономия считалась связанной с социальным консерватизмом. В свою очередь, на призыв правительства ответила Академия моральных наук, заявив, что «недостаточно восстановить силой материальный порядок без восстановления порядка морального» (Le Van-Mesle, 1980, 286).

Как известно, радикализм революции 1848 года не продлился долго, но и политическая экономия уже не была восстановлена как дисциплина. Возможно, после революции она рассматривалась как слишком центристская и недостаточно консервативная. Однако к 1864 году Виктор Дюрюи убедил Наполеона III основать кафедру политической экономии на юридическом факультете, заявив, что Великобритания избежала кровавой революции 1848 года именно потому, что «принципы политической экономии были широко распространены во всех группах общества» (Weisz, 1979, 87). Тем самым Франция возвращалась к центристскому либерализму.

В германских государствах камерализм XVIII века, делавший акцент на экономике государственного управления, в начале XIX века уступил

«национальной экономии». В Пруссии на смену *Staatskunst* (искусству государства) пришла *Staatswissenschaft* (наука о государстве), наука «управления в соотношении с экономическими процессами» (Tribe, 1988, 8). Опять-таки простая защита рыночных принципов была вытеснена тем, что в Германии называлось *исторической экономикой* — последним оплотом политической экономии, который был в равной степени и политическим, и экономическим. В результате Германия по-прежнему придерживалась некой разновидности политической экономии в то время, когда Великобритания, США и Франция оказались окончательно готовы похоронить ее в пользу (неоклассической) экономики.

Со сменой названия происходит значительный сдвиг: *политическая экономия* становится *экономикой*. Уже в 1879 году это предположил имевший широкое влияние У.С. Джевонс⁴⁶, однако институционализировал данное изменение Альфред Маршалл, став в 1884 году профессором политической экономии в Кембридже. Еще в 1881 году он написал работу под название «Принципы экономики» (*Principles of Economics*), а в 1885 году утверждал, что Статистическое общество должно изменить свое название на Общество экономической науки и статистики. Впоследствии, в 1890 году, Маршалл станет основателем Британской экономической ассоциации (позднее — Королевского экономического общества), которую твердо контролировали он сам и его последователи (Kadish, 1982, 143—144, 152; Coats and Coats, 1970). К 1903 году Маршалл смог учредить бакалаврский экзамен по экономике в качестве предмета для старшекурсников Кембриджского университета.

Однако что же подверг институционализации Маршалл? Согласно одной из версий, это было смещение самого фокуса экономического исследования:

«Смена названия означала разрыв с „классической“ экономикой, занимавшейся вопросами капитала и труда в производстве стоимости и распределении национального богатства, и представила новую версию экономики как науки об обмене и ценообразовании. Вместо теории производства и распределения, в центре которой находились рента, прибыль и заработные платы с

⁴⁶ В предисловии ко второму изданию «Теории политической экономии» в новой расширенной редакции 1879 года Джевонс (Jevons, 1879, xiv) пишет: «Среди незначительных изменений я мог бы упомянуть замену понятия политической экономии на единый удобный термин *экономика* (*Economics*). Я не могу не думать, что было бы уместно как можно скорее отбросить это старое надоедливое двойное наименование нашей науки. Ряд авторов пытались ввести совершенно новые имена, такие как плутология, хрематистика, каталлактика и т.д. Но нужно ли нам что-либо лучшее, чем просто экономика?»

Вопрос о наименовании долго был проблемой. В первой половине XIX века Ричард Уотли⁷ защищал политическую экономию от «тех, кто стремился опровергнуть существующий социальный порядок», заявляя им, что «первая половина наименования „политическая экономия“ действительно была неверной». Сам Уотли предложил термин «каталлактика», но он не вошел в моду (Checkland, 1951, 56). Чекленд считает Уотли «одним из отцов-основателей идеи нейтральной науки политической экономии».

соответствующими им производственными агентами — землевладельцами, капиталистами и трудящимися, новая экономическая наука стала теорией, в которой распределение ограниченных ресурсов осуществлялось на основании расчетов абстрактного экономического агента. Новая теория стоимости была основана на взаимодействии агентов, имевших собственные интересы, чье стремление удовлетворить собственные потребности вело, в свою очередь, к удовлетворению потребностей других и, следовательно, к формированию рыночных цен» (Tribe, 2005, 116–117).

Кроме того, можно утверждать, что неоклассическая экономика решительно покончила со связью между экономикой и историей. Печально известно, что Кембриджская программа

Маршалла маргинализировала программу экономического историка Уильяма Каннингема, и действия Маршалла, похоже, заставили Каннингема покинуть Кембридж к 1891 году⁴⁷. Несомненно, между двумя этими личностями существовал конфликт, но Джеффри Ходжсон все же не согласен с тем, что Маршалл враждебно относился к экономической истории как таковой, указывая на то, что он с симпатией хвалил и поддерживал немецкую историческую школу. Ходжсон также отмечает, что в знаменитом споре о методах (*Methodenstreit*) Маршалл не стал на сторону Карла Менгера⁴⁸, несмотря на то, что последний, как и Маршалл, был первооткрывателем теории крайней пользы⁴⁹.

⁴⁷ Представляется, что Маршалл с большей симпатией относился к позиции немецкой исторической школы. Сам он учился в Дрездене и Берлине, где имел связи с Вильгельмом Рошером⁵⁰. «Наиболее существенно, что, в отличие от Менгера, Маршалл не отвергал проблему исторической специфики; в отличие от Менгера, он видел в ней легитимный и важный вопрос для экономистов» (Hodgson, 2005, 334).

Изучение масштабной дискуссии между Каннингемом и Маршаллом придает вес анализу Ходжсона. В 1892 году Каннингем начал атаку на Маршалла (а также Торольда Роджерса⁵¹) на страницах *Economic Journal*, озаглавив свою статью как «Извращение экономической истории». Базовым аргументом Каннингема (Cunningham, 1892, 494–495) был следующий: «С точки зрения экономической теории, пренебрежение терпеливым изучением актуальных фактов представляется извинительным, но с моей точки зрения это катастрофа, поскольку это уводит экономиста от поиска тех узких рамок, внутри которых его обобщения являются хотя бы приблизительно истинными».

Маршалл ответил Каннингему в том же издании (Marshall, 1892, 507), заявив: «Доктор Каннингем ошибается, предполагая, что моя книга основана на „исходном допущении,... что одни и те же мотивы действовали во все времена и производили аналогичные результаты... и что одни и те же законы всегда имеют силу”. Напротив, в главе о росте экономической науки мы настаиваем, что современные экономисты учатся у биологии тому, „что если предмет некой науки проходит через несколько стадий развития, то законы одной стадии будут редко применимы к другой стадии без какой-либо модификации”». В данном случае Маршалл, по меньшей мере, делает уточнение по поводу универсальности экономических законов. В ответ на обвинение со стороны Каннингема в принятии законов ренты Рикардо в качестве объяснения реалий средневековой Англии Маршалл пишет (p. 510): «Однако в действительности

Возможно, правильный путь интерпретации совершенной Маршаллом организационной трансформации экономической науки заключается в том, чтобы рассматривать ее как способ консолидации возможностей экономистов оказывать более эффективное влияние на практическую политику, становясь профессионалами и воздерживаясь от прямого участия — короче говоря, будучи центристскими либералами⁴⁸. Чтобы гарантировать это, Маршаллу требовалось контролировать программу университетского обучения путем создания экономической ортодоксии, что и было подлинным источником его диспута с Каннингемом⁴⁹. В таком случае, как поясняет Роберт Л. Чёрч, сам процесс профессионализации уводил экономистов от историцистского уклона⁵⁰. Однако в то же время эта профессионализация

традиция является в большей или меньшей степени пластичной, а теория ренты часто назначает верхний предел изъятий, которые у лица, фактически обрабатывающего землю, способен выжать вышестоящий держатель земли, находящийся в преимущественном положении и фактически не контролируемый держателем высшей инстанции, то есть правителем данной земли».

⁴⁸ Вот как видит в своем исследовании Джон Мейлони (Maloney, 1985, 2) три главные задачи Маршалла: «Во-первых, он хотел, чтобы экономисты обучались теоретическому корпусу, который он без лишних сожалений признавал недоступным для непосвященных. Во-вторых, посредством развития экономики благосостояния он стремился наделить экономиста правом экспертного голоса в искусстве политической деятельности. В-третьих, он хотел усилить научный авторитет своего предмета, сохраняя его свободным от политического участия».

⁴⁹ Мейлони (Maloney, 1985, 4) поясняет случившееся в экономической науке с 1880 по 1914 годы так: «Экономическая ортодоксия, которую в 1870—1880-х годах со всех сторон обвиняли в теоретической неадекватности и отсутствии социальной значимости, разрешила эту проблему не путем успешного ответа на данную критику, а путем захвата господствующей позиции, на которой она могла в целом ее игнорировать».

⁵⁰ «Экономисты с большей готовностью могли профессионализироваться вокруг неоклассической теории, нежели вокруг учений исторической, индуктивной школы. Точка зрения исторической школы, согласно которой экономические обобщения были относительны, а каждую экономическую проблему следовало рассматривать *de novo* [заново — лат.], подрывала притязания академического экономиста на то, что его блестящее образование делало его взгляды более авторитетными, нежели взгляды лиц без оногo... Без представления о том, что ученый-экономист овладел широко применимыми принципами и специализированными техниками, неизвестными общей массе публики, экономист не мог предъявить значительного притязания на авторитет» (Church, 1974, 2:593).

Эту точку зрения разделяет Мейлони (Maloney, 1985, 215—216): «Экономисты... редко действительно борются с тем мировоззрением, которое заложено в избираемой ими парадигме. Экономические парадигмы — классическая, марксистская, неоклассическая, кейнсианская — различаются прежде всего в своих исходных философских точках... Экономист ограничен как своей философской предпосылкой, так и моделями, делающими акцент на определенных фактах, к которым ведет эта предпосылка. Попытки экономиста завершить эту картину, похоже, откладываются в умах его аудитории меньше, нежели это сделает методологическая суть данной картины, причем подобные попытки окажутся жалкими из-за процесса профессионализации...

позволяла тем же самым экономистам спасти экономику для дела социальной реформы⁵¹.

Акцент на способности влиять на политику в равной степени сказался и на практике французских экономистов, хотя во Франции экономика тяготела к юридическому факультету, а не к факультетам искусств и наук, как в большинстве стран⁵². Не отличалась ситуация и в Германии, где обучение

Профессионализация... благоприятствует именно такому типу парадигмы, который принимает особенно избирательный взгляд на мир».

Таким образом, экономика уходит от историзма — но не от публичной политики. На веб-странице 2008 года экономического факультета Кембриджского университета, придерживающегося крайнего мейнстрима, можно обнаружить следующее утверждение, завершающее раздел «Краткая история факультета»: «Еще одна традиция, поддерживаемая действующими членами факультета, — участие в публичной политике, в том числе активное участие в Комитете по финансовой политике, Комиссии по конкуренции, Комиссии по низкой заработной плате и Совете по аудиторским стандартам. По мере приближения Факультета экономики и политики к своему столетнему юбилею он остается приверженным сохранению полезности экономической науки» (www.econ.cam.ac.uk/contacts/history.html).

⁵¹ Кейт Трайб (Tribe, 2005, 130) объясняет это намерение следующим образом: «Джеванс, Маршалл, Пигу и Кейнс явным образом полагали, что политическая экономия XIX века является „мрачной наукой“, и стремились создать новое учение, способное трансформировать мир. Поэтому в данном прочтении трансформация политической экономии в экономику не является тем случаем, когда абстрактная, формальная, „строгая“ наука вытесняет более широкий, более этически ориентированный корпус знания. Абстрактная, формальная наука, созданная Рикардо, Маккаллохом и их коллегами, с широко принятой в конце XIX века точки зрения, была неудачным отклонением. Она не давала основы для создания позитивной науки для социальной реформы, и именно подобное понимание делало преподавателей и студентов склонными к новой экономической науке. Разработать новую альтернативу позволила новая образовательная структура конца XIX века».

⁵² Как объясняет Виктор Каради (Karady, 1976, 281), само это политическое давление трансформировало юридические факультеты: «В результате эти новые курсы обучения — будь то собственно экономические (политическая экономия, история экономических учений, финансы, статистика) или юридические (международное право, публичное право, история права, конституционное право и т. д.) — объединяло то, что они в меньшей степени удовлетворяли потребности практикующих юристов, нежели администраторов и высших гражданских чиновников, то есть правительственных кадров. Введение этих курсов в некотором смысле представляет собой адаптацию программы университета к требованиям к определенным разновидностям компетенций, более специфически связанных с теми новыми ролями, которыми реформаторы наделяли изучение права, а стало быть, эти курсы были призваны обеспечить появление компетентных политических и административных кадров и в то же время сделать вклад в легитимацию — посредством этой компетентности — той власти, которой они располагали. В этом смысле трансформации юридических факультетов невозможно объяснить, не принимая в расчет идеологию [Третьей] республики, которая была одновременно и демократической, и меритократической и стремилась усилить профессионализацию государственной службы».

экономике имело историцистский фокус, связанный с долгой доминирующей ролью Союза за социальную политику⁵³.

Если помнить об этом обстоятельстве, то знаменитую борьбу времен раннего периода Американской экономической ассоциации, похоже, следует рассматривать не как поединок между участием и экспертизой (таково обычное направление анализа), а как спор о том, каким был наиболее эффективный путь достижения подобающих реформ в публичной политике.

Ключевой фигурой среди экономистов в Соединенных Штатах в конце XIX века был Ричард Т. Эли, обучавшийся в Гейдельберге (Германия) у Карла Книса⁴. Большое влияние на него оказала германская историческая школа, и по возвращению в Америку Эли в 1881 году стал профессором экономики в университете Джонса Хопкинса. Уже в 1882 году он убеждал в необходимости принятия в Америке немецкого социального законодательства Бисмарка (Dorfman, 1955b, 24–25). Эли сформулировал план создания ассоциации экономистов, которые, как он писал в письме 1884 года, «отвергли бы *laissez-faire* в качестве научной доктрины» (цит. в: Coats, 1960, 556).

В 1885 году Эли выступил одним из основателей Американской экономической ассоциации (АЭА), став первым ее секретарем. Первый пункт учредительной декларации о принципах АЭА гласил: «Мы рассматриваем государство в качестве инстанции, положительное воздействие которой является одним из неотъемлемых условий человеческого прогресса». Следующие три пункта этого документа акцентировали «историческое и статистическое изучение существующих условий», необходимость разрешать социальные проблемы, возникающие из конфликта труда и капитала, а также содержали настоятельное утверждение, что АЭА, хотя и не являлась заинтересованным участником, но осознавала, что «прогрессивное развитие экономических условий... должно сопровождаться соответствующим развитием законодательной политики» (Dorfman, 1955, 27).

Сам Эли 25 лет спустя утверждал (Ely, 1910, 60), что данная декларация «была уступкой от имени либерализма (*catholicity*)... Каждое согласование представляло собой некий „успокоительный“ процесс». Этот компромисс оказался неэффективным. В 1892 году Эли оставил пост секретаря АЭА, и хотя впоследствии он был избран президентом ассоциации на один год, его точка зрения относительно необходимости участия АЭА в сравнительно публичной заинтересованной борьбе была отвергнута в пользу более «профессиональной» ориентации⁵⁴. Однако это не означало, что ассоциация перестала искать

⁵³ «[Союз] был намерен не только стимулировать ученые и технические дискуссии по современным экономическим и социальным проблемам, но и осуществлять направляющее воздействие на правительство и общественное мнение» (Ringer, 1969, 146). А поскольку в Германии вплоть до самой Первой мировой войны, как подчеркивает Антони Обершаль (Oberschall, 1965, 139), «представитель социальной науки фактически являлся политическим экономистом», эта ориентация на влияние на публичную политику оставалась центральной.

⁵⁴ «Представление Эли об Американской экономической ассоциации как организации эмпирических экономистов, привязанных к поиску решений актуальных

пути влияния на публичную политику — именно потому, что «высшие и средние классы» рассматривали это как позитивную функцию⁵⁵. Это просто означало, что политические основания (прежде всего принципы центристского либерализма) профессиональной, нейтральной экономики оказались *sub rosa* [скрыты — лат.], а не оглашались публично.

[2. Социология]

Социология пережила тот же процесс профессионализации, что и экономика. Однако это была дисциплина, несколько менее скромная в своей приверженности социальным реформам. Как хорошо известно, сам термин «социология» был изобретен Огюстом Контом, который считал изучение социальных отношений кульминацией позитивистской деятельности, «царицей наук». Однако в каком месте политического спектра можно расположить работу Конта? По мнению Александра Койре (Coyré, 1946, 56), идеи Конта были теми же ультраконсервативными идеями Бональда, только «переодетыми в современное облачение или, скорее, замаскированными им». Похожую оценку дает Роберт А. Нисбет (Nisbet, 1952, 173):

«Сам Конт не был ученым, однако благодаря его романтическому поклонению науке социальные структуры семьи, сообщества, языка, религии покинули открыто теологический и реакционный контекст, в котором они пребывали в мышлении Бональда, и получили научные контекст и терминологию, если не саму суть... Работа Конта представляла собой средство перевода консервативных принципов в более приемлемую для последующих поколений социальных ученых перспективу».

общественных проблем и привлекающих для этих решений широкую публичную поддержку, не воплотилось в жизнь. Представители и классической, и исторической школ пришли к отказу от представления, что экономист должен одновременно выступать в роли исследователя и популяризатора...

У большинства экономистов возникла уверенность, что общественная атмосфера несогласия будет мешать их усилиям по воздействию на публичную политику. Как эти экономисты могли ожидать, что их услышат посторонние лица, если сами они не могли достичь согласия относительно выводов экономической науки?» (Church, 1974, 2:588).

⁵⁵ «Применение науки к государственному управлению было особенно привлекательным для высших и средних классов американского общества, поскольку это сулило ослабление конфликта и восстановление порядка. Не осознавая или не желая признать, что социальный конфликт мог отражать фундаментальные ценностные разногласия или структурное неравенство в обществе, чувствовавшие себя более комфортно социальные классы приписывали эти конфликты, охватывавшие их общество, невежеству или эмоциям, которые ослепляли партии, приверженные своим подлинным интересам, которые, будучи определенными, конечно, оказались бы взаимно гармоничными. Эксперт в области социальных наук, разумеется, помог бы обнаружить ту истину, которая гармонизирует соперничающие интересы и приведет их в согласие с интересами общества в целом» (Church, 1974, 2:598).

Однако известно также, что Конт начинал свою карьеру в качестве секретаря Сен-Симона, которого, возможно, сложно охарактеризовать в политическом смысле, но он определенно был человеком, с открытой враждебностью относившимся к бональдовским взглядам на общество. Фон Хайек (Найек, 1941, 9, 11, 18) полагает, что Конт эволюционировал от более левой позиции к более открытой принадлежности к политическому центру. По мнению Хайека, двумя великими интеллектуальными силами XIX века были социализм и позитивизм (последний он предпочитал называть сциентизмом):

«Обе они... напрямую происходят от этого корпуса профессиональных ученых и инженеров, воспитанных в Париже, а точнее, от... *Ecole polytechnique* [Политехнической школы — *фр.*]...

На протяжении всего развития французского позитивизма этот рационалистический элемент (возможно, благодаря влиянию Декарта) продолжал играть важную роль... Этот дух синтеза, который не будет признавать смысла ни в чем, что не было преднамеренно сконструированным, ... был новым сильным элементом, добавленным к революционному задору молодых политехников — и со временем он даже стал его вытеснять».

Другой крупной фигурой французской социологии середины столетия был Фредерик Ле Пле. Он получил металлургическое образование и был выпускником элитной Горной школы. Из своего образования он вынес отвращение к абстрактному теоретизированию и уверенность, что социальная наука представляет собой аналогию не физики, а скорее «классифицирующей и в высшей степени практичной [науки] металлургии» (Goldfrank, 1972, 134). Поэтому Ле Пле претворял в жизнь эмпирическую, основанную на наблюдениях социологию, вполне противоположную социологии Конта. В то же время он был преданным католиком — опять же, вопреки Конту, хотя Ле Пле можно назвать пасторальным католиком. Из этого он выводил неприязнь к рационализму и индивидуализму в духе Сен-Симона.

Революция 1848 года была для Ле Пле созидательным опытом. В политической атмосфере раскола между партией порядка и трудящимися классами он стремился проповедовать «реформистскую социальную политику» (Kalaora and Savoye, 1989, 100). В 1855 году он основал Общество социальной экономии, которое было особенно озабочено социальными последствиями экономического развития для трудящихся классов. Ле Пле установил связи с британской Ассоциацией социальной науки и преследовал цель социальной гармонии с консервативным оттенком:

«Будучи внимательным, но не свободным от ценностных суждений представителем социальной науки, Ле Пле настаивал, что „мир в обществе“ может быть достигнут лишь путем понимания „социальной реальности“,... состоявшей из иерархии неравных классов, которые воспроизводились в промышленном разделении труда. Тем самым Ле Пле отбрасывал рынок в качестве модели социальных отношений и приводил ему на смену *seigneurie* [сеньорию — *фр.*] с *grande bourgeoisie* [крупной буржуазией — *фр.*], действующей в качестве восходящего „социального авторитета“» (Elwitt, 1988, 212).

Реформизм Ле Пле предполагал не социальное и экономическое изменение, а «моральные реформы, вновь утверждающие пять оснований социальной организации: религию, семью, собственность, труд и покровительство (patronage)» (Chapelle-Dulière, 1981, 745). Однако, несмотря на патерналистский консерватизм Ле Пле, Уолтер Л. Голдфранк (Goldfrank, 1972, 148) считает его «курьезным образом современной фигурой: консервативным (либеральным) технократом в процессе восходящей мобильности, который надеялся „научным образом“ разрешить проблемы, увековеченные той самой правящей группой, на обслуживание которой он притязал». Примечательно, что в Великобритании конца XIX века Ле Пле был воспринят в связи с новым либерализмом зарождающегося государства благосостояния. Его рассматривали как фигуру, представлявшую «третью альтернативу аномии неурегулированного капитализма и тирании социализма» (Abrams, 1968, 60) — короче говоря, как центристского либерала.

Еще одной великой фигурой доуниверситетской социологии был Герберт Спенсер — несомненно, самый читаемый и наиболее оцененный в англоговорящем мире социолог второй половины XIX века. Его социология представляла собой разновидность тотального детерминизма — Спенсер воспринял крайнюю версию дарвиновского «выживания наиболее приспособленного». Эта жесткая, неумолимая версия эволюции утверждала, что все существующее существует во благо. Из этого следовало, как утверждает Филип Абрамс (Abrams, 1968, 73), что «вышей целью социологии было убедить людей в бессмысленности усилий по улучшению условий их жизни законодательными мерами»⁵⁶. Вряд ли стоит говорить, что социал-дарвинизм был несовместим с образом центристского либерализма. Поэтому, несмотря на славу Спенсера в Великобритании и США⁵⁷, его блистательное явление пришло и ушло, мало чего оставив для социологии как становящейся научной дисциплины.

Профессиональная академическая социология родилась в трех местах: во Франции, Германии и США. Мы уже рассматривали двусмысленности той версии свободной от ценностных суждений социологии, которую проповедовал Макс Вебер — ведущая фигура новой немецкой академической социологии. Такие же двусмысленности фактически были составной частью институционализации социологии и во Франции, и в Соединенных Штатах.

⁵⁶ См. далее (р. 78): Спенсер «превратил Невидимую руку в Невидимый кулак и предложил своим современникам спокойно смотреть, как он делает свое злобное дело».

⁵⁷ Хофштадтер (Hofstadter, 1992, 43) рассказывает о памятном визите Спенсера в Соединенные Штаты в 1882 году, на пике его популярности. В одном из своих интервью в прессе «Спенсер высказал (хотя это была несколько колеблющаяся нота) опасение, что американский характер еще не достаточно развился, чтобы использовать американские республиканские институты». Однако Спенсер выразил надежду, что, исходя из «биологических истин», «принципиальная смесь скрещенных разновидностей арийской расы, формирующая население Америки, породит „прекраснейший тип человека, который когда-либо существовал“».

Во Франции ключевой фигурой — как интеллектуальной, так и организационной — был Эмиль Дюркгейм. Подобно Маршаллу, он являлся организатором. Дюркгейм получил академическое образование по философии, которое он находил слишком эзотерическим и слишком далеким от моральных и политических вопросов современности. В 1887 году он был назначен преподавателем философии в Бордо, однако по инициативе Луи Лиара, правительственного директора по высшему образованию, Дюркгейму было позволено читать курс социальной науки. К 1896 году он стал полным профессором в этой дисциплине, причем это было первое подобное назначение во французской университетской системе. В 1898 году Дюркгейм основал научный журнал, в названии которого (*L'Année sociologique* [«Социологический ежегодник» — *фр.*]) упоминалась социология. Для всех, кто был ориентирован на эмпирическую социальную науку во Франции и за ее пределами, этот журнал стал значимой институциональной площадкой. В 1902 году Дюркгейм был приглашен в Париж (в Сорбонну) и в 1908 году стал профессором «социологии педагогики», в 1913 году министерским указом эта формулировка была изменена на профессора «педагогической науки и социологии»⁵⁸.

В это время Дюркгейм проявлял и политическую активность, особенно в ходе дела Дрейфуса. В Бордо он занимал должность генерального секретаря Лиги по защите прав человека, главной организации в поддержку Дрейфуса, и был «любимым оратором на собраниях в регионе Бордо» (Clark, 1972, 161). Как и в случае с Вебером, вопрос заключается в том, насколько тесной была связь между профессиональной и политической деятельностью Дюркгейма. И здесь, опять же, мы имеем двусмысленный ответ, один из вариантов которого предлагает Терри Н. Кларк (Clark, 1972, 170):

«[У Дюркгейма] была примечательная способность формулировать проблемы, которые одновременно являлись стратегическими для социологической теории и упирали на моральные и политические вопросы. Его престиж и среди коллег, и у массовой публики укреплялся своевременностью его теоретических работ по определению светской морали, развитию теории солидарности и нейтрализации причин социальных отклонений. Последователи Дюркгейма также имели общую модель обучения и карьеры. Ряд важных политических событий вновь собирал их вместе».

Однако ответ Кларка сам по себе является двусмысленным, поскольку он обходит стороной вопрос о намерениях. Если Дюркгейм стремился

⁵⁸ В этом смысле Дюркгейм обычно считается основателем той французской социологии, которая известна в настоящий момент. Бернар Лакруа (Lacroix, 1981, 30–31) считает это «реконструкцией прошлого на базе сегодняшних дисциплин», а следовательно, «двойным анахронизмом — эпистемологическим и биографическим». Лакруа утверждает, что на протяжении XIX века использовалось много разных наименований, к тому же не вполне последовательно, «причем эти названия отражали неопределенность границ, смешение объектов, спор о методах в поле знания, находившегося в состоянии полной реорганизации. Единственным устойчивым моментом в этой буре идей была вера в науку».

превратить социологию в истинно позитивную науку⁵⁹, то столь же верно, как утверждает Мелвин Рихтер (Richter, 1960, 172), что для Дюркгейма

«социология должна была создать солидную основу для республики. Она продемонстрировала бы, какие реформы необходимы, обеспечила бы принципы порядка в политике, а также принципы моральной доктрины, которая могла бы объединить страну — ведь Дюркгейм верил, что за переменчивым фасадом политических и идеологических различий лежит реальный ценностный консенсус. Эта вера была движущим мотивом для его попытки обнаружить те связи, которые удерживают вместе членов общества и производят, по меньшей мере, тот минимум порядка и гармонии, что необходим для сохранения общества».

Тот факт, что Дюркгейм считал себя твердым сторонником Третьей республики и был таковым, является значимым общим местом. Но вопрос снова заключается в том, в какое место политического спектра помещало его это обстоятельство. Консервативные представители академического сообщества часто вешали на него ярлык социалиста, и свидетельством, демонстрирующим это, является то, что на личном уровне Дюркгейм сочувствовал французским социалистам, хотя и никогда не был членом их партии⁶⁰.

⁵⁹ За это Дюркгейма довольно сурово отчитывает Вольф Лепенис (Lepenies, 1989, 49): «Ничто не характеризовало научную крайность Новой Сорбонны в большей степени, как ее поглощенность вопросами метода; это было любимое словечко реформаторов,... и наиболее курьезный пример этого... представил Эмиль Дюркгейм в своей наполненной метафизикой работе „Правила метода социологии“. Философов пригласили в социологию, исходя из той аксиомы, столь же волнительной, сколь и скандальной, что „социальные факты“ были чем-то вполне отличным и полностью независимым от личностей, которые составляли общество».

⁶⁰ См. строгую оценку Кларка (Clark, 1972, 171–172): «Отношения Дюркгейма с социализмом были крайне сложными и подверженными значительному ученому противоречию. Его исходной, тезисно заданной темой было отношение индивидуализма к социализму, и хотя она изменилась до отношений личности и общества, социализм никогда не уходил далеко с первого плана ни в „Общественном разделении труда“, ни в „Самоубийстве“, ни в нескольких других работах Дюркгейма. Он планировал написание истории социалистической мысли, хотя и завершил лишь одну ее часть, посвященную Сен-Симону. Несколько раз на воскресный обед к Дюркгейму приходил Жорес, а также Дюркгейм был в тесном контакте с Люсьеном Эрром... Известно, что он приходил на лекции и выходил из Сорбонны, тайно пронося с собой *L'Humanité*“, что само по себе было политическим жестом. Однако Дюркгейм никогда не вступал в социалистическую партию и никогда не участвовал в партийной деятельности своих младших коллег. Его отталкивали эмоции большинства социалистических авторов и отсутствие у них твердости, хотя его по-прежнему волновали многие явления, которые они рассматривали. Тем не менее для большинства, менее озабоченного этими тонкостями, не было сомнений, что Дюркгейм был социалистом». Далее Кларк отмечает (182, сн. 72), что «в „Общем каталоге французской библиотеки“ Отто Лоренца, главном библиографическом списке книг, изданных во Франции, вплоть до 1925 года существовал совмещенный заголовок „Социализм; Социальные науки“».

С другой стороны, Льюис Козер (Coser, 1960, 212) утверждает о его «верности консерватизму»⁶¹.

Однако большинство исследователей помещают Дюркгейма между двумя этими лагерями — вот подлинный образец центристского либерализма. Жорж Вейс (Weisz, 1979, 111), по моему мнению, точно уловил то, в каком месте находились французская социальная наука в целом и Дюркгейм в частности:

«Следует отметить тесные связи между социальными науками в университете и определенной республиканско-прогрессивной идеологией, которая была отчетливо антисоциалистической. Действительно, случай Дюркгейма был более двусмысленным — в той мере, в какой определенные круги считали его социалистом. Но, подчеркивая то, насколько его мысль была эволюционистской, прагматической, антиутопической и порой даже консервативной, Дюркгейм смог разубедить в этом ведущих университетских деятелей».

Уильям Лог (Logue, 1983, 151) добавляет к этому:

«Ведь Дюркгейм отвергал традиционный консерватизм, либерализм, приверженный *laissez-faire*, и коллективистский социализм, в то время как его мысль занимала главная проблема нового либерализма: как сочетать социальную интеграцию и индивидуальную свободу?»⁶²

В этом флирте на грани социалистического движения в равной степени участвовали и многие члены круга Дюркгейма — Мосс, Симиан, Бугле, Хальвбакс, Герц, постоянно писавшие для *L'Humanité* и *Revue socialiste*, «но они по-прежнему не совершали полный переход к политической карьере» (Karady, 1976, 294).

⁶¹ Козер определяет консерватизм как «склонность к поддержанию существующего порядка вещей или к усилению порядка, который выглядит находящимся под угрозой». См. далее (р. 214): «Либеральный или радикальный мыслитель противопоставляет идеальное и реальное государства. Дюркгейм, напротив, заменял разрыв между идеальным и реальным различием нормального и патологического, ... тем самым формируя склонность к консерватизму».

Джозеф Нейер (Neuer, 1960, 45), наоборот, утверждает, что «Дюркгейм рассматривал развитие в направлении „социалистической“ организации общества как неизбежный ответ на этику индивидуализма и прогресса, а в равной степени как следствие того, что он называл „возникновением личности“». Аналогичным образом считает Рихтер (Richter, 1960, 181): «Проблема заключается не в том, как достичь социального порядка — ограничивая индивидуализм или борясь с ним, а в том, как завершить и распространить его... Новую формулировку либерализма [у Дюркгейма] следует рассматривать в контексте его хорошо известной полемики против Спенсера и экономистов-сторонников *laissez-faire*. Его довод о том, что все препятствия индивидуальному развитию устранимы, ... выдает либеральную социальную философию, оправдывающую вмешательство государства в экономическую жизнь».

⁶² См. далее (Logue, 1983, 179): «Социология Дюркгейма предлагала демократическому либерализму оружие, полезное на нескольких фронтах сразу. Она обеспечивала оборону от тех социалистов, которые стремились использовать аргументацию о взаимозависимости людей и долге перед обществом в качестве оправдания коллективизма. Она предполагала отпор тем консерваторам, которые стремились пропа-

В целом дюркгеймовская разновидность центристского либерализма была, возможно, несколько ближе к позиции, сформулированной немецкими катедер-социалистами, нежели к национал-либерализму Вебера. Однако и Шмоллер, и Вебер, и Дюркгейм подчеркивали значимость государства в качестве воплощения коллективных ценностей, и все трое в конечном итоге были националистами. По словам Чарльза С. Майера (Maier, 1992, 134),

«в результате социология от Конта до Дюркгейма представляла собой интеллектуальный проект стимулирования организации гражданского общества, который мог бы стабилизировать все более демократическую политику — причем не только во Франции»⁶³.

Страной, где академическая социология была институционализована раньше всего, на самом деле были Соединенные Штаты, хотя споры и решения здесь не слишком отличались от Франции и Германии. Ключевой организационной фигурой в американской социологии был Альбион Смолл. Его карьера хорошо иллюстрирует траекторию большинства его современников. Сын баптистского священника, Смолл учился в семинарии, но не получил рукоположения. Вместо этого он в 1879 году отправился в Германию, чтобы изучать историю и *Sozialwissenschaft* [социальную науку — нем.]. В 1881 году,

гандировать превосходство социальной ценности семьи над ценностью личности и настаивали, что человеку необходимо руководство, превосходящее его рациональное разумение».

То же самое утверждает Энтони Гидденс (Giddens, 1971, 513): «Социология Дюркгейма была основана на попытке дать новую интерпретацию требованиям политического либерализма перед лицом двойного вызова: с одной стороны, антирационалистского консерватизма, а с другой, социализма».

См. тж. высказывание Рингера (Ringer, 1992, 210) о солидаризме, который, «очевидно, выступал прогрессивной буржуазной альтернативой революционному социализму. Политическим достоинством солидаристского мышления было то, что оно примиряло школу *laissez-faire* с рационализацией для государственного действия ради умеренной социальной реформы... Дюркгеймовское „Общественное разделение труда“... может служить примером позитивистской социальной науки, поддерживающей солидаристские принципы».

⁶³ Роберт Нисбет, определявший себя как консерватор, утверждал (Nisbet, 1952, 167), что социологические понятия по своему происхождению и последствиям на самом деле были консервативными: «Такие идеи, как *статус*, *связность*, *приспособление*, *функция*, *норма*, *символ*, являющиеся консервативными не просто в том поверхностном смысле, что каждая из них обозначает некий аспект общества, прямо связанный с сохранением, или *консервацией*, порядка, но в том важном смысле, что все эти слова являются составляющей частью европейского консерватизма». Точку зрения Нисбета особым образом поддерживал Козер (Coser, 1960, 213).

Проблема здесь заключается в том, что озабоченность порядком действительно является исключительно консервативной идеологической целью, однако тем пунктом, который разделяет консерваторов и центристских либералов, является не то, желателен порядок или нет, а скорее то, каким образом его можно достичь. Центристские либералы уверены, что порядок гарантирован лишь справедливыми, но существенными реформами, которые необходимо предполагают определенную долю экономического перераспределения.

он был назначен преподавателем истории и политической экономии в колледже Колби⁶³. Затем Смолл решил получить степень доктора философии по экономике и истории в университете Джонса Хопкинса и в 1889 году вернулся в Колби уже в качестве его президента. Там он заменил курс моральной философии курсом социологии — это был один из первых курсов, названных именно так.

В 1892 году Смолл был приглашен в недавно основанный Университет Чикаго, чтобы открыть там первый аккредитованный департамент социологии в Соединенных Штатах (а на самом деле — и во всем мире). В 1895 году он основал в Чикаго Американский журнал социологии, а в 1905 году был одним из основателей Американского социологического общества. В том же году Смолл опубликовал свой ключевой текст «Общая социология». Его фундаментальные воззрения хорошо определяет Мартин Балмер (Bulmer, 1984, 34–35):

«Смолл верил, что социология была наукой, что она превращалась из дискурсивной дисциплины в объективную, основанную на эмпирическом исследовании, и что она была кумулятивной дисциплиной, имевший номотетический, теоретический характер...

В то же время социология была и этической дисциплиной, и социологу предназначалась отчетливая роль в улучшении общества. Его экспертные знания и убеждения позволяли ему участвовать в социальной реформе, не поддерживая позицию какого-либо класса или группы интересов. Сциентизм и морализм были тесно связаны».

Как полагает Обершаль, это означало, что Смолл «буквально ходил по острию ножа»⁶⁴. В 1891 году декан факультета политической науки Колумбийского университета Дж. У. Бёрджесс пригласил преподавать социологию Франклина Гиддингса⁶⁵, поскольку он полагал, что «многие специальные вопросы пенологии [учения о тюрьмах и наказаниях], благотворительности и облегчения положения бедных невозможно рассматривать с точки зрения чистой политической экономии, а многие проблемы социальной этики невозможно рассматривать с точки зрения этики индивидуальной» (Dorfman, 1955a, 176). Обершаль называет это требованием курсов по «ущербным,

⁶⁴ «С одной стороны, пытаясь привлечь на свою сторону религиозных сторонников, Смолл провозгласил, что „подлинная социология должна быть по сути своей христианской“, а „принципы подлинной социальной науки будут повторением сути христианства“. С другой стороны, в программном тексте для „Американского журнала социологии“ он писал: „Для многих потенциальных читателей самым важным вопросом будет указание на отношение журнала к „христианской социологии“. Ответ таков:... в своем отношении христианской социологии [этот журнал будет] искренне почтительным, а в отношении предполагаемых „христианских социологов“ — резко позорительным»» (Oberschall, 1972, 203).

Как и экономист Ричард Эли, Смолл был активным приверженцем движения Социального Евангелия⁶⁶, стремившимся «перешагнуть через подразумевавшийся в тот момент конфликт религии и науки» (Potts, 1965, 92).

зависимым и преступным классам» („3 Ds: the defective, dependent, and delinquent classes”).

Все прочие ведущие фигуры начального периода истории американской социологии также различным образом связывали свою научную деятельность с социальными реформами. Лестер Уорд «заменял старый пассивный детерминизм позитивным корпусом социальной теории, применимым к целям реформ» (Hofstadter, 1992, 68). Э. А. Росс стремился, чтобы «мудрый социолог» обращался к «тем, кто управляет моральным капиталом общества», с целью «стать соучастником всех благонамеренных людей для преодоления всех злонамеренных» (цит. в: Dorothy Ross, 1984, 163). Даже Уильям Грэм Самнер, которого обычно определяют как консерватора, критически относился к «*laissez-faire* в содержании [теорий Спенсера, стремясь] утверждать, что „прогресс” означал управление, осуществляемое опытными социальными учеными» (Crick, 1959, 50).

Как отмечают Балмер (Bulmer, 1984, 39) и Обершаль (Oberschall, 1972, 188), работа этих социологов была проникнута скрытым влиянием либерального протестантизма, весьма значимого для прогрессивного движения того времени. Однако все они осознавали возможное смешение социологии и социализма. Когда Альбион Смолл пытался убедить Харпера, президента Чикагского университета, чтобы тот позволил ему основать Американский журнал социологии, он писал, что журнал «был нужен как для того, чтобы ограничить утопические социальные порывы, так и для того, чтобы стимулировать и правильно направить обдуманнные попытки социальной кооперации» (цит. в: Dibble, 1976, 301). Ключевым элементом центристского либерализма было управление в руках специалистов.

[3. Политическая наука]

Последней из трех номотетических социальных наук, возникшей в качестве автономной дисциплины, была политическая наука. Ее ранний период был отмечен основанием трех главных институтов: парижского Института политических исследований («Сьянс По»), факультета политической науки в Колумбийском университете и Лондонской школы экономики (ЛШЭ). Любопытно, что ни одно из этих трех учреждений изначально не было направлено на создание автономной дисциплины политической науки. Действительно, все они были нацелены на мультидисциплинарность и были таковыми на практике. Но в то же время они оставили продолжительный отпечаток на политической науке, даже несмотря на то, что в XX веке она пошла собственным отдельным путем в качестве автономной дисциплины — раньше всего в Соединенных Штатах, а затем (особенно после 1945 года) и по всему миру.

Три перечисленных института были основаны не одновременно. Первым в 1871 году был учрежден парижский Институт политических исследований. Дату основания факультета политических наук Колумбийского

университета установить сложнее, поскольку он сменил много организационных версий — возможно, лучшей точкой отсчета в данном случае будет 1880 год. Последней была Лондонская школа экономики, официально основанная в 1895 году. Их истории взаимосвязаны, но их необходимо рассматривать по отдельности.

Популярное наименование парижского Института политических исследований звучит как «Сьянс По», однако это не его формальное название. Как утверждается в полуофициальной истории «Сьянс По», написанной Ришаром Декуаном в 2007 году, (Descoings, 2007, 27),

«в 1871 году Эмиль Бутми основал Свободную школу политических наук [изначальное название «Сьянс По»]... Кем был Эмиль Бутми? Почему именно в 1871 году? Что следует понимать под „свободной школой“? Как нужно определять „политическую науку“? Именно это в „Сьянс По“ и называют „*baliser le sujet*“ [разметить сюжет — *фр.*]⁶⁵.

Бутми был левоцентристским буржуа, образованным политическим комментатором (*publiciste cultivé*), человеком с множеством связей и большим влиянием. Предпринимателем. Все это в одно и то же время».

Почему именно 1871 год? Возможно, именно с этого и стоит начать. 1870—1871 годы были очень травматичны для Франции, потерпевшей военное поражение от Пруссии. Империя Наполеона III прекратила существование, была провозглашена Третья Республика. Прусский монарх Вильгельм вполне двусмысленно использовал Зеркальный зал Версаля, чтобы провозгласить себя императором Германии. И что, возможно, важнее всего, Париж стал местом глубокой социальной революции — Парижской Коммуны, которая была в конечном итоге утоплена в крови.

В результате французский научный мир пережил «германский кризис французской мысли» (Descoings, 2007, 32—33). Как утверждает Жерар Венсан (Vincent, 1987, 28), «победа Германии была воспринята как победа знания над незнанием». Однако в еще большей степени опыт военного поражения вкупе с Коммуной трансформировали французскую политическую жизнь:

«[Сочетание этих двух событий] вело к уверенности в вероятности нового социального взрыва и возможности нового (военного) поражения. Следовало позаимствовать у Германии ее рецепты, чтобы обратить их против нее же. Поэтому паломничество в Германию стало частью образовательной программы

⁶⁵ Перевести последнее словосочетание весьма сложно. К счастью, сам Декуан объясняет его значение в другой своей работе (Descoings, 2008): «Принять сложность — значит прежде всего сделать ее развертку. Это также всегда означает поставить дополнительные вопросы по исходному вопросу и никогда не принимать определенное высказывание в качестве постулата. Точно определить, „на каком основании некто говорит“, проанализировать используемые слова и выражения, подуматы о том, что не сказано в рассматриваемом вопросе, оценить намерения автора — коротко говоря, это и есть воспринять хорошо известную формулу учеников „Сьянс По“ — *‘baliser le sujet’*».

[*cursus*] французских академических кругов, и именно из германских университетов Эмиль Бутми позаимствовал новую педагогическую систему, которую он учредил в *École libre* [Свободной школе — *фр.*]» (Vincent, 1987, 13).

Коммуну невозможно было отделить и от опыта Великой Французской революции, который по-прежнему был предметом масштабных споров, и по этому поводу у центристских либералов были двойственные чувства. Венсан (Vincent, 1987, 13) предполагает, что Бутми держал в уме и это соображение:

«За шесть лет (1789—1794) традиционные элиты были... сметены и замещены другими, которым в целом удалось править не слишком долго. Практически все лидеры 1792 года были неизвестны в 1788 году, и это заставляет думать о том, что „масса“ обладала некоторыми „угрожающими“ возможностями — опасными, но при этом — почему нет? — потенциально полезными, „поправимыми“, как сказали бы сегодня»⁶⁶.

Принципиальным решением для Бутми было формирование элит. Как отмечает Венсан (Vincent, 1987, 12),

«Бутми без колебаний использовал само это слово [*elite*], которое означало для него обретение Францией субъектов принятия экономических и политических решений, рекрутированных из высших групп господствующего класса, включая группу из нескольких исключительно одаренных лиц, вышедших из „нижних классов“ (лучше иметь их на своей стороне, чем против тебя)»⁶⁷.

Поэтому Бутми использовал свои связи для поиска денег на основание частного института. Однако в первый год он не нашел слишком много студентов, готовых просто изучать политическую ситуацию и заниматься тем, что сегодня можно было бы рассматривать в качестве академической политической

⁶⁶ «Весь коллектив Свободной школы... был занят обеспечением „прогресса в порядке“, используя формулировку Огюста Конта. Все они были поглощены [Французской] революцией и убеждены, что она разразилась из-за неспособности политических структур адаптироваться к масштабным изменениям традиций и ментальностей. Лучше предотвращать, чем наказывать» (Vincent, 1987, 211).

⁶⁷ Бутми открыто изложил эти соображения в письме своему другу Эрнесту Винэ, опубликованном в 1871 году: «Новая образовательная программа рассчитана на те классы, которые обладают уверенным социальным положением и располагают свободным временем для совершенствования своего ума. До нынешнего момента эти классы господствовали на политической арене, но их положение оказалось под угрозой... Находясь под давлением требования предоставить права более многочисленным группам, те классы, которые называют себя элитой, больше не могут сохранять свою политическую гегемонию иным способом, кроме как обращаясь к правам наиболее способных. За рушащейся стеной их привилегий и традиции демократический поток должен натолкнуться на второй бастион блестящих и полезных достоинств, превосходства, престиж которого очевиден, способностей, лишиться которых было бы безумием» (Boutmy, *Quelques idées sur la création d'une Faculté d'enseignement supérieur*, Lettres de E. Boutmy et E. Vinet. Programme. Paris: Imp. de A. Lainé, 1871, 15—16, цит. в: Favre, 1981, 433).

науки. Поэтому Бутми быстро приспособил свою стратегию к существующему положению дел, добавив к передаче знания профессиональные цели. В своем отчете инвесторам в 1872 году он допустил, что необходимо «предложить двум высокочеловеческим (*haut vol*) профессиям, имеющим столь значительное влияние на судьбы наций — дипломатии и высшим государственным постам, возможность получать в этом институте недоступную до настоящего момента первоклассную подготовку» (цит. в: Descoings, 2007, 40). По образному выражению Венсана, это был переход от института знания к институту власти. «Либеральная, антигосударственная Свободная школа стала центром подготовки к экзаменам для назначения на должности в Инспекцию финансов, Государственный совет, Счетную палату и Кэ д'Орсэ [министерство иностранных дел Франции]» (Vincent, 1987, 61)⁶⁸.

Именно так Бутми создал Свободную школу — частное образовательное учреждение, которое не было подчинено Сорбонне и при этом не было клерикальным. Это была школа «политических наук» (отметим формулировку во множественном числе). Однако в словах «политические» и «науки» содержалась некая двусмысленность. Понятие «науки» (*sciences*) на французском языке все еще означало знание в целом, наподобие немецкого *Wissenschaften*. А термин «политические науки» по-прежнему означал и мог означать социальные науки в целом. Действительно, то, что фактически предложил Бутми, главным образом было связано с тем, что сегодня мы назвали бы историей, экономикой и социологией, а не политической наукой в узком смысле⁶⁹.

Джон Бёрджесс был приглашен в Колумбийский университет из колледжа Амхерста в 1876 году в звании профессора политической науки, истории и международного права

⁶⁸ Бутми быстро нашел рациональное обоснование для этого перехода к профессиональному образованию: «Наша политическая наука, чисто французская или латинская, намеренно игнорирует современную Европу или Новый Свет...

Во Франции есть образовательные учреждения для врачей, юристов, инженеров, военных офицеров, но нет для политических фигур... Определенно, это была бы великая и радостная революция, если бы Франции удалось каждый год производить 200—300 умов, вооруженных политическим знанием и располагающих таким положением в обществе, чтобы их слышали, и такими аргументами, чтобы народ осознал, что любые вопросы являются непростыми, а любое решение — комплексным. В то же время курс, организованный для образования государственного деятеля, должен дать стране образованный и здравомыслящий средний класс, являющийся фактором устойчивости демократического общества. До нынешнего времени средний класс характеризовался консервативным инстинктом, хорошими манерами и состоянием. Однако можно сказать, что этот класс никогда не занимал своего положения на основании достоинства политического просвещения» (цит. в: Descoings, 2007, 34). Бутми искал название для этой программы и с некоторым колебанием решился на формулировку *sciences camérales* [камеральные науки — *фр.*], что представляло собой перевод немецкого термина XVIII века *Cameralwissenschaft* (Vincent, 1987, 84).

⁶⁹ См. рассмотрение многодисциплинарности в: Descoings (2007, 39). См. тж. рассмотрение оснований для наименования, которое Бутми избрал для своего учреждения, в: Vincent (1987, 47—48).

(Hoxie, 1955, 6). Как позже, в 1893 году, вспоминал Бёрджесс, намерением руководства университета было «нейтрализовать ревностный профессионализм Юридической школы», предложив студентам, изучавшим частное право, ... курсы по этике, истории и публичному праву, необходимые для более полного усвоения науки юриспруденции» (цит. в: Bryson, 1932, 322). Когда Бёрджесс обнаружил, что Юридическая школа «непроницаема», вместо этого он обратился к созданию Школы политической науки.

В официальной истории факультета политической науки, написанной Р. Гордоном Хокси к двухсотлетию Колумбийского университета, проводится определенная связь с парижским Институтом политических исследований:

«Джона Бёрджесса вдохновляла история Свободной школы. Подобно многим другим ученикам нашего государства, в 1879 году он был сильно озабочен состоянием государственной службы в Соединенных Штатах и тщательно следовал реформам, предпринятым администрацией президента Рутерфорда Хейса. Кроме того, на него сильно повлияли идеи относительно британской государственной службы, которые он почерпнул у сэра Стаффорда Норткота». В ходе визита в Англию в 1878 году Бёрджесс обратил внимание, что государственная служба рассматривалась там в качестве профессиональной карьеры, к которой необходимо готовить так же, как к карьере в медицине или праве. Нельзя ли было открыть в нашей стране магистратуру для обучения чиновников — школу или, по меньшей мере, отделение, весьма похожее на Свободную школу политических наук? Не могла ли она также стать дополнением к очевидно безальтернативному профессионализму курсов права в Колумбийском университете?» (Hoxie, 1955, 11).

Все это отлично подходило политическому движению независимых республиканцев, известному как «шишки»⁷⁰ (Mugwumps) — группе выходцев из элиты общества, приверженной реформе гражданской службы. Они были рафинированными центристскими либералами, противостоявшими так называемым гринбекерам⁷¹ и трудовым союзам, которые, как полагали «шишки», стремились к конфискации собственности. Они также противостояли так называемым радикальным республиканцам, возглавлявшим борьбу за предоставление политических прав освобожденным чернокожим рабам. «Шишки» считали, что радикальные республиканцы — это фанатики. С другой стороны, «шишки» также яростно критиковали социальную безответственность богачей, что предоставляло им центристские очки. Спасение они видели в образованной элите, из чего следовало, что «расширение позиций социальной науки в расписании университета было еще одной частью этого образовательного усилия» (Church, 1974, 577)⁷².

⁷⁰ Это описание представлений «шишек» о социальной науке дополняет Чёрч (Church, 1974, 577): «Они предлагали учить будущую элиту, и университетское образование в дальнейшем было почти полностью ограничено элитой: правильные принципы политической и социальной организации, законы, управляющие социальными и политическими отношениями, которым следовало подчиняться, если общество функционировало правильно. Социальная наука обучала именно этим принципам и за-

Когда попечители Колумбийского университета дали добро Школе (позднее — факультету) политической науки, они отметили, что Бёрджесс «открыто провозгласил ее частью своих взглядов на обучение тех, кто будет служить в правительстве; однако едва ли нужно декларировать эту цель, поскольку это может пробудить ревностные предрассудки в отношении ее успеха» (цит. в: Нохе, 1955, 15). Попечители могли опасаться реакции других факультетов, но нет сомнений, что сами они не сомневались в достоинствах поставленной цели. В «Колледжском справочнике» Колумбийского университета 1880 года цели новой Школы политических исследований были заявлены следующим образом: «Первоочередной целью [является] развитие всех отраслей политической науки. Вторая цель — подготовка молодых людей ко всем видам публичной службы» (цит. в: Crick, 1964, 28).

Подобно тому, как Эмиль Бутми был движущей силой при создании Института политических исследований, а Джон Бёрджесс — при основании факультета политической науки в Колумбийском университете, Сидни и Беатрис Уэбб выступили движущими силами создания Лондонской школы экономики, полное наименование которой звучит как Лондонская школа экономической и политической науки. Уэббы долго хотели создать подобное учреждение, пока в 1894 году не умер некий Генри Хант Хатчисон, завещавший Фабианскому обществу 20 тысяч фунтов стерлингов — по тем временам роскошную сумму. В результате на деловом завтраке 4 августа 1895 года, который был созван Уэббами и на котором присутствовали Грэхэм Уоллес и Джордж Бернард Шоу, было решено (вопреки возражению Шоу) создать ЛШЭ.

Как и в случае с двумя другими рассмотренными учреждениями, первоначальным намерением в данном случае было усовершенствование образования политической и деловой элиты Великобритании. В качестве основы собственных предложений Уэббы использовали программу «Сяанс По». Действительно, несмотря на то, что их интересы были ориентированы строго в отношении экономических вопросов, Ральф Дарендорф, будущий директор ЛШЭ, в своей истории столетия школы (Dahrendorf, 1995, 196) пояснял, что словосочетание «политическая наука» в ее названии было вставлено потому, что

«Уэббы не хотели терять намек на Парижскую свободную школу политических наук и факультет политической науки Колумбийского университета, так что в названии лондонской школы пришлось найти место политическим наукам».

конам, рассматривая развитие английских свобод со времен Великой хартии вольностей (а иногда и со времен деревенских сообществ, возникших в германских лесах), их расширение и дальнейшее обеспечение в Соединенных Штатах, то, как Конституция защищала индивидуальные свободы, собственность и права меньшинств (в данном случае это означало права богатых в отношении желаний „толпы“), и то, как она ограничивала влияние демократии, а также законы и принципы классической экономики *laissez-faire*».

Кроме того, Дарендорф отмечает (Dahrendorf, 1995, 21), что поначалу все занятия проходили по вечерам в качестве способа осуществления задачи профессионального образования:

«Студентов не готовили специально к какой-либо ученой степени, однако посещение занятий было бы полезным для экзаменов в гражданской службе, а равно и для экзаменов в Банковском институте, Лондонской торговой палате и других учреждениях».

Для парижского «Сьянс По» одной из функций (но не единственной) была подготовка студентов для работы в дипломатии и на высших государственных постах. Однако для ЛШЭ это фактически перестало быть главной ролью, в то время как факультет политических наук Колумбийского университета стал докторантурой по социальным наукам, одним из отделений которой была политическая наука (в то время в Колумбийском университете оно называлось отделением публичного права и государственного управления).

Политическая наука в том виде, в каком она известна после 1900 года, впервые возникла в Соединенных Штатах⁷¹. Ее появление было частью того, что Х. Стюарт Хьюз (Hughes, 1958, 66—67) назвал великими идеями 1890-х годов, одной из которых было «проникнуть по ту сторону фикций политического действия... [к] тем, кто обладал подлинными рычагами власти». Бернард Р. Крик (Crick, 1959, 37—38) показывает, как развивалась эта идея:

«На сцене разом появились теории необходимого прогресса и терапевтической науки об обществе. Результатом этого должны были стать новый раскол между политической теорией и политической практикой, предрасположенность к психологическому объяснению и враждебное отношение к историческому и философскому объяснению... Им предстояло обеспечить дополнительные условия... для возникновения уникального типа философии, прагматизма и в целом несистематизированного, но все более влиятельного позитивизма».

Позитивистская и презентистская* ориентация основателей Американской ассоциации политической науки (ААПН) в 1903 году представляла собой разрыв как с историей и экономикой, с одной стороны, так и с ориентацией Бёрджесса на обучение государственной службе. Как утверждает

⁷¹ В попытке объяснить, почему в Великобритании политическая наука действительно не возникла в качестве отдельной номотетической дисциплины вплоть до периода после 1945 года, Дарендорф (Dahrendorf, 1995, 227) связывает это с «огромной силой... традиционной политической философии в старых университетах, в особенности в Оксфорде». Однако затем он добавляет еще один фактор: «Когда дело доходит до практического применения, современная политическая наука оказывается менее эффективной, чем современная экономическая наука». Я не уверен, что формулировка «менее эффективной» является точным определением — я бы сказал «менее влиятельной».

Джон Дж. Ганнелл (Gunnell, 2006, 481), принципиальным соображением для разрыва с историей и экономикой был, впрочем, не метод, а забота об «отношении между социальной наукой и политикой».

Как и их предшественники, основатели ААПН были заинтересованы в приобретении «социальной наукой эффективной практической роли, однако при этом они отвергали позицию катедер-социалистов» (Gunnell, 2006, 481). Они пытались делать именно то, что Вебер и Тённис постараются осуществить в 1909 году при основании Немецкого социологического общества. Став на этот путь, представители американской политической науки, подобно немецким социологам, приближались к тому, что Дарендорф (Dahrendorf, 1995, v) называет водоразделом Сидни Уэбба «между желанием знать причины вещей и желанием изменять вещи».

Способом преодолеть эту черту был центристский либерализм, возможность, которую Теодор Дж. Лоуи (Lowi, 1985, ix) полагает особенно очевидной для Соединенных Штатов, а внутри них — для политической науки:

«Национальное правительство США, возникшее поздно и медленно тем не менее было построено на либеральных принципах. Та же самая история произошла с социальными науками, особенно с политической наукой... Отвергая правых и левых, либерализм избегал суждений о моральности поведения или капитализма. Либеральное правительство могло быть оправдано своей озабоченностью поведением, которое представлялось пагубным только по своим последствиям. Социальная наука могла исследовать подобную систему, интересуясь гипотезами о поведении и его последствиях или, соответственно, о поведении и его причинах. Это способствует объяснению того, почему политическая наука и возникающее национальное правительство обладали подобным влечением к науке».

[НЕЗАПАДНЫЙ МИР]

Институционализация истории и трех номотетических дисциплин — экономики, социологии и политической науки — в последней трети XIX и первой половине XX века приняла форму университетских дисциплин, в рамках которых западный мир изучал себя, объяснял собственное функционирование и лучше контролировал происходящее. Я говорю о Западном мире в целом, хотя на практике, как уже было отмечено, 95% научных кругов находились всего в пяти странах — Великобритании, Франции, Соединенных Штатах, Германии и Италии — и занимались в первую очередь вопросами, связанными с этими странами. Остальные же 5% находились главным образом в Скандинавии, Нидерландах, России, на Пиренейском полуострове и в очень малой степени в Латинской Америке.

Это не должно быть удивительным, поскольку в настоящем томе речь идет о периоде, когда западный мир, в особенности упомянутые пять стран, господствовали над остальным миром в политическом, экономическом и

культурном отношении. И все же остальной мир был предметом определенной заботы для сильных мира сего, которые хотели знать, каким образом лучше всего контролировать тех «остальных», над которыми они господствовали. Нужно понимать, что «контролировать» в данном случае означает контролировать хотя бы в минимальной степени. Поэтому, опять же, неудивительно, что академические специальности возникли для производства некоего желательного знания.

Однако остальной мир в политическом отношении делился на две части, и это разделение стали обозначать с помощью зачастую неточной терминологии. Исследователи иногда говорили о колониях и полуколониях, различая, с одной стороны, зоны под прямым колониальным правлением какой-либо «европейской» державы, а с другой, территории, все еще номинально независимые, но находившиеся под ощутимым европейским господством. Как будет показано далее, подобный способ категоризации в отношении отдельных территорий формировал аналитические рамки, которые необходимо преодолеть, для того чтобы точно интерпретировать ситуацию. Тем не менее для начала можно отметить, что именно в этот период возникла дисциплина, именуемая *антропологией*, которая главным образом была посвящена территориям, бывшим либо колониями, либо особыми зонами в рамках вотчин колониальных держав. Вторая дисциплина, названная *ориентализмом*, в этот период имела дело главным образом (но не исключительно) с полуколониями.

За редкими исключениями, две эти «дисциплины» были полностью отделены друг от друга. Действительно, даже в XX веке немногие представители социальной науки рассматривали две эти «дисциплины» хотя бы как неким смутным образом связанные между собой, а в еще гораздо меньшей степени в качестве двух вариантов в наборе общих тем. Тем не менее эти общие темы существовали. Во-первых, обе эти дисциплины рассматривали «остальной» мир, то есть тот, который в конце XIX века не был частью господствующих панъевропейских зон. Во-вторых, народы, которые рассматривались этими дисциплинами, не рассматривались в качестве «современных» („modern”) — под этим подразумевалось, что они не имели технологий и машин, которые, как считалось, являлись важнейшими признаками современного «прогресса»⁷². Следовательно, считалось, что они не разделяли ценности Модерна в том виде, как они воображались и практиковались в панъевропейском мире. В-третьих же, утверждалось, что эти страны/зоны/народы не имели истории, то есть они не изменялись, не развивались, не прогрессировали в ходе исторического времени.

Однако существовало одно важное различие между народами, которые рассматривались под одной либо другой из указанных вывесок. Антропологи имели дело с популяциями, которые были сравнительно невелики как по

⁷² См. работу Майкла Адаса (Adas, 1989), который рассматривает европейские идеи «машины как цивилизатора» (211—236) и «овладения материальным как необходимым условием цивилизованной жизни» (194—198).

численности, так и по размеру населяемой ими территории. За редким исключением, у этих народов не было письменных памятников на тот момент, когда они оказались под колониальным владычеством. Все они говорили на одном языке, который, как правило, не был общим с другими соседними народностями. Такая же ситуация была и с их божествами. С точки зрения европейских завоевателей, эти народы были названы «примитивными», чуждыми во всех отношениях — их образ жизни и мышления был фактически непонятен обычному европейцу.

Ориенталисты же имели дело с типом людей, довольно отличавшимся от первого. Их предметом были народы или «цивилизации», которые как по численности, так и по населяемой ими территории являлись крупными. У них были письменные тексты, хотя европейцам было трудно их расшифровать. Также представлялось, что у них был общий язык, распространенный на значительной территории, или как минимум язык межнационального общения (*lingua franca*), соответственно, значительным было и количество говоривших на таком языке. Кроме того, предполагалось, что на занимаемой ими обширной территории имела одна господствующая религия, достаточно крупная, чтобы в XIX веке западные ученые квалифицировали ее как «мировую религию». К тому же эти народы определенно имели историю, хотя и такую, которую западные ученые определяли как неким образом «замороженную», а стало быть, не развившуюся в «Модерн». Однако при внимательном рассмотрении оказывалось, что все эти крупные «замороженные» цивилизации были порождением больших бюрократических империй, существовавших когда-то в прошлом (именно их мы определяем в этой работе как «миры-империи»). Эти бюрократические империи и привели к становлению общего языка или языка межнационального общения, общей «мировой религии» и общих культурных традиций. Многие из данных зон (хотя и не все) были по-прежнему достаточно целостными в политическом и военном отношении, чтобы иметь способность к сопротивлению прямой колонизации.

Результатом данного ключевого различия между двумя разновидностями неевропейских зон стало то, что основу дисциплинарных изысканий задавали два разных интеллектуальных вопроса, а также стали использоваться две практических методологии исследования. Антропологи пытались расшифровать, каким образом осуществлялась реальная жизнедеятельность тех народов, которые они изучали, — тех народов, которые они стали практически всецело рассматривать как «племена». Иными словами, они стремились отыскать рациональную основу их поведения за внешним слоем того, что большинству европейцев казалось поведением иррациональным. В этом смысле вопрос о скрытой рациональности поведения не слишком отличался от того, что делали другие представители социальных наук, изучая, как они полагали, «современные» народы. Этот вопрос проистекал из точки зрения Просвещения на роль, подобающую социальной науке.

Однако как они могли все это реализовать? Первоначально антропологам было нечего читать, причем они даже не могли устно общаться с

подобными народами, по крайней мере, на исходной стадии их работы. Решением этой проблемы стал практический метод, названный *включенным наблюдением*, который требовал проведения полевой работы. Как правило, антропологи на некоторое время отправлялись пожить среди обычных людей. Они стремились обнаружить таких лиц, которых они рассматривали в качестве «лингвистов», то есть таких членов группы, которые по тем или иным причинам смогли овладеть определенным европейским языком. Эти лица станут не только посредниками между антропологом и исследуемым им народом, но и переводчиками (как в буквальном смысле — с одного языка на другой, так и в переносном — интеллектуальными переводчиками культуры).

Антропологи будут стремиться узнать все о том или ином изучаемом ими народе, культура которого определялась как единое, интегрированное, неизменное целое, для того чтобы фактически написать этнографию этого народа. Как только эта задача выполнялась, антропологи становились для изучаемых ими народов культурными и политическими переводчиками для европейского мира в целом, а достаточно часто и для колониальных властей, в частности. Это, конечно же, в высокой степени идеализированная картина происходившего, но именно таким в то время и было стандартное описание деятельности антропологов.

У ориенталистов были довольно отличавшиеся задачи и несколько иная практическая методология. Поскольку их предметом было то, что они определяли как «высокую цивилизацию», которая, впрочем, не представлялась им современной в том смысле, в котором себя считала современной европейская цивилизация, то наиболее очевидной и первоочередной проблемой, которую предстояло разрешить, было объяснение того, почему эта «высокая» цивилизация так и не совершила эволюционный скачок в Модерн, который, как предполагалось, сделали европейцы. Конечно, такая постановка вопроса была для европейцев крайне самодовольной. Она предполагала определенное превосходство и в меньшей степени стремилась продемонстрировать его реальность (поскольку это скорее было безусловной предпосылкой), чем объяснить его истоки.

Вопрос заключался в том, как это сделать. Поскольку в данном случае существовала письменная литература, предполагалось крайне необходимым включиться в тот тип полевой работы, который был гордостью антропологов. Однако эта литература была написана на языках, которые довольно сильно отличались от родных языков европейских ориенталистов. Овладение такими языками требовало долгого обучения, особенно потому, что данные тексты по большей части были древними, а многие из них были религиозными. Основные требуемые навыки относились к сфере филологии, а фокус исследования в первую очередь располагался в ограниченном количестве крупных библиотек. Конечно, ориенталисты разделяли те же самые базовые исходные положения социальной науки, что и антропологи. Они так же стремились продемонстрировать рациональные подосновы кажущегося иррациональным поведения и философской аргументации. Кроме того, они стремились стать

переводчиками для изучаемой ими цивилизации для европейского мира в целом и довольно часто для политических властей, в частности.

Стремление антропологов и ориенталистов продемонстрировать скрытую рациональность изучаемых ими племен или цивилизаций практически неизбежно вело к тому, что по внутренне присущей им идеологии они были центристскими либералами. Они хотели сгладить острые углы отношений между могущественными и слабыми, в то же время помогая могущественным управлять своими подопечными и/или обращаться с другими цивилизациями более разумно и более эффективно⁷³. Они содействовали реформам, призванным ограничить конфликт и прежде всего радикальное изменение в противоположную сторону сложившегося статус-кво панъевропейской геополитической власти.

Ориентализм же был наследником долгой традиции в католической церкви. Уже в средние века в ней присутствовали монахи и другие христианские ученые, изучавшие языки и тексты мусульманского мира и Китая в качестве составляющей части усилий по христианизации этих территорий. Подобные исследования приобрели новый (и зачастую более светский импульс) в конце XVIII и особенно в XIX веке, когда европейская экспансия стала охватывать все различные части Азиатского континента.

Во второй половине XVIII века возникла египтология — изучение материальной цивилизации Египта, однако для ее серьезного развития в качестве подраздела ориентализма ключевое значение имели два политических события. Первым из них было неудачное вторжение Наполеона в Египет в 1798 году, а вторым — война за независимость Греции 1823 года. В политическом отношении вторжение в Египет в конечном итоге оказалось бесплодным (см. Cole, 2008), однако у Наполеона был замысел взять с собой целую группу ученых для изучения этой страны. Одним из серьезных результатов этого был многотомный труд под названием «Описание Египта», который представлял собой компендиум статей по истории, архитектуре, флоре и фауне Египта, а также карты и иллюстрации.

Но этот монументальный труд, возможно, имел меньшее значение для создания египтологии, чем воплощение Греции в качестве истока западной

⁷³ Как отмечал Адакс (Adas 1989, 203), преобладало «предположение, что европейцы были лучшими правителями и реформаторами для африканских и азиатских обществ, поскольку они представляли наиболее прогрессивные и наиболее передовые цивилизации, когда-либо известные миру».

В 1903—1904 годах Т. У. Рис Дэвис, специалист по буддийской литературе на языке пали, выступал в защиту значимости ориенталистских исследований для британской публичной политики: «Кроме того, мы никогда не должны забывать, что условия теперь изменились и что в полном соответствии с нашими соображениями по поводу внешней активности в наших военно-морских прогнозах нам также следует в качестве меры практической политики сделать наш разведывательный отдел столь же сильным в точных делах, как и у двух других великих держав. При нынешнем пренебрежительном отношении нашего правительства к этому разведывательному отделу мы испытываем великий риск» (p. 196).

цивилизации — эта идея сегодня является столь расхожей, что сложно вспомнить, что она не всегда была заданным восприятием истории даже для Запада. Именно поэтому первый том своей книги «Черная Афина», где рассматриваются афроазиатские корни (западной) классической цивилизации, Мартин Бернал (Bernal, 1987) озаглавил как «Изобретение Древней Греции, 1785—1985».

Бернал придерживается контрапунктной точки зрения. В отличие от Рима и Египта, именно Греция предоставляла для романтического движения «модели свободы» (р. 289). Слишком благоприятное изображение Египта могло представлять угрозу для «уникальности греческой цивилизации и цивилизации Европы в целом» (р. 269). Когда в 1823 году греки восстали против Османской империи, европейские романтики возглавили призыв к солидарности, провозгласив греческое восстание «борьбой между юным европейским напором и азиатским и африканским упадком, коррупцией и жестокостью» (р. 291).

Здесь нет необходимости рассматривать научную дискуссию, которую породила книга Бернала⁷⁴. Главное, невозможно отрицать, что в XIX веке египтология развивалась в качестве подраздела ориентализма, как исследование иной цивилизации. В целом примирительное изображение египетской цивилизации, преобладавшее в литературе XIX (а в действительности и XX) века, соответствовало геополитике и геокультуре мир-системы этого периода⁷⁵.

Также представляется очевидным, что возникновение классики в качестве поля изучения, в качестве дисциплины в британских (а затем и американских) университетах отражало рывок центристского либерализма в геокультуре. С одной стороны, акцент на пристальном прочтении литературных памятников, который делала классическая филология, представлял

⁷⁴ Наиболее заметным ученым, стремившимся опровергнуть исследование Бернала о египетских корнях древнегреческой цивилизации, была Мэри Лефковиц. В сборнике работ под ее редакцией совместно с Дж. М. Роджерсом, озаглавленном «Ревизия „Черной Афины“», она утверждает (Lefkowitz, 1996): «Свидетельства о египетском влиянии на определенные аспекты греческой культуры явны и неоспоримы... Однако совсем другое дело — свидетельства о египетском происхождении греческой культуры» (р. 6). Лефковиц обвинила Бернала в афроцентризме, и действительно, ее книга 1997 года называлась «Не из Африки: как афроцентризм стал оправданием для преподавания мифов под видом истории».

Отвечая на критику со стороны Лефковиц и прочих (Moore, 2001, 27), Бернал отрицал свою принадлежность к афроцентризму. Он говорил, что скорее заявлял «ассимиляционистскую (позицию), отыскивая общее происхождение африканской и европейской культуры». Он назвал эту позицию «межконтинентальной гибридной» и утверждал, что эта точка зрения «куда больше угрожала представлению о том, что Греция не заимствовала ничего существенного у Египта, чем афроцентристские идеи фундаментального различия и разделения континентов».

⁷⁵ Как указывал Бернал (Bernal, 1987, 442), «высокий статус Египта рухнул вместе с подъемом расизма в 1820-х годах; позиции финикийцев упали с подъемом антисемитизма в 1880-х годах и поникли на его пике между 1917 и 1939 годами».

собой выход за рамки неизменных курсов оксфордско-кембриджского образования. Однако в то же время это был отказ от радикализма, вскормленного Французской революцией. Это была разновидность «третьего пути»⁷⁶.

Тем не менее в рамках возникающего ориентализма как дисциплины Египет уступил первенство Индии. В 1818 году Джеймс Милль опубликовал первое издание «Истории Британской Индии», где развивал тезис о восточном деспотизме как о чем-то совершенно отличном от европейского просвещенного деспотизма. Милль изобразил довольно негативную картину как индустов, так и мусульман в Британской Индии, рассмотрев и тех, и других в качестве неизменяющихся народов (Bannerji, 1995, 60—61). Книга имела огромный успех и была переиздана в расширенной форме. В результате Милль был назначен на высокую должность в ведомстве по делам Индии, а фактически стал его директором.

Однако, несмотря на работу Милля и тот факт, что Индия стала британской колонией, главным центром изучения индийской цивилизации оказалась не Великобритания, а скорее Германия. Немецкий историк Индии конца XX века Дитмар Ротермунд связывает происхождение «индийского вопроса» в германском романтизме с борьбой немецких поэтов и драматургов конца XVIII века «против владычества в Германии французского стиля и аналогов классической литературы». Ротермунд отмечает перевод Георгом Фишером в 1791 году индийского эпоса «Шакунтала», который «стал подлинной сенсацией в литературных кругах» и получил «гораздо более восторженное восприятие, чем английский перевод Уильяма Джонса в Великобритании» (Rothermund, 1986, vii—viii). Индология способствовала тому, что немцы отвергли англо-французский универсализм⁷⁷.

Немецкая индология приняла строго лингвистическую форму. Открытие связей между обширной группой языков, которые сегодня именуются индоевропейской семьей, можно отнести к концу XVIII века. Несмотря на наличие предположений о существовании подобных языковых связей у английских иезуитов и итальянских купцов в XVI веке, у одного голландского лингвиста в XVII веке и у двух французских иезуитов в XVIII столетии, эти гипотезы мало чего стоили, пока основатель Азиатского общества Томас Джонс не выдвинул их в своем председательском послании в 1786 году. Вслед за этим Томас Янг в 1813 году представил актуальный термин «индоевропейский» (Decharneux, 2000, 13).

⁷⁶ Опять-таки это выражение Бернала (Bernal, 1987, 282 и 317), который предположил, что это в равной степени верно и для *Altertumswissenschaft* [общей археологии, науки о Древнем мире — нем.] в германских университетах.

⁷⁷ Направленность индологии, как отмечает Ротермунд (Rothermund, 1986, 13), была вполне идиографической: «[К 1900 году] во всех крупных немецких университетах была кафедра индологии, то есть, в первом строгом смысле данного термина, санскритской филологии, а занимавшие ее профессора были склонны косо смотреть на поборников обобщений, философов и прочих лиц, увлекавшихся спекулятивными теориями».

Однако в Германии индоевропейцы получили наименование индогерманцев (Shapiro, 1981), при этом в немецких исследованиях делался акцент на отыскании *Ursprache* («праязыка»), который иногда ассоциировался с поиском *Urheimat* («прародины»). Этот поиск мог принимать романтические представления о чистоте языка, делая санскрит старейшим языком, а немецкий — ближайшим к санскриту с точки зрения структуры (Mawet, 2000, 62). Именно это Дитмар Ротермунд (Rothermund, 1986, 53) считает «консервативной» версией немецкой индологии, «которая видела в самом отдаленном прошлом воплощение величайшей чистоты и совершенства языка и религии», а ее предметом было «проникнуть сквозь завесу более позднего упадка и разложения, чтобы достичь первоисточника начального откровения».

Тем не менее для Макса Мюллера, самого знаменитого немецкого индолога XIX века, был также свойствен либеральный оптимизм эволюционных доктрин, и он осознал возможность религиозной эволюции индуизма, которая сделала бы его ближе к христианству. Сам Мюллер имел личные связи с лидерами движения Брахмо Самадж — группы, которая, собственно, и осуществляла этот процесс, как и сопоставимые движения в других азиатских религиях в XIX и начале XX века (Rothermund, 1986, 54).

Конечно, индологами были не все немецкие ученые. Именно оппонировав ориенталистам, Гегель сделал столь значительный акцент на той идее, что лишь в Древней Греции человечество стало *in seiner Heimat zu sein* («жить на своей родине») (Droit, 2000, 91). С Индией, таким образом, случилась та же история, что и с Египтом. Это было столкновение европейского универсализма с застывшими цивилизациями Востока, которые *могли* эволюционировать, но лишь под западным руководством. Поэтому не было случайностью, что немецкие (а в действительности и все западные) исследования XIX века, касавшиеся Индии и других азиатских стран, не проявляли интереса к их современной истории⁷⁸.

Наиболее интересным случаем в том направлении, которое приняли ориенталистские представления, в некотором смысле является Китай. Образ Китая как старой, богатой, далекой цивилизации долгое время пробуждал восторг европейцев. Но где-то между серединой и концом XVIII века эта картина сменилась на противоположную: «Теперь китайцев обвиняли в том, чем считало достойным восхищаться Просвещение, — в их стабильности» (Bernal, 1987, 240). Китай стал, особенно в период после первой Опиумной войны (1839—1842), «цивилизацией, которую все рассматривали... как архетипически „статичную” и „традиционную”» (Blue, 1999, 94—95)⁷⁹.

⁷⁸ «За исключением статей Карла Маркса об Индии, которые он написал в Лондоне для нью-йоркской газеты», как едко замечает Ротермунд (Rothermund, 1986, 4).

⁷⁹ Грегори Блю (Blue, 1999, 92) отмечает «широко распространенное (если не всеобщее) пренебрежение [к Китаю] в западном мире XIX века, по мере того, как „прогресс” стал тем паролем, который определял „современную” идентичность Европы в противопоставлении „прочим” цивилизациям».

Как представляется, Германия захватила лидерство и здесь. Однако, в отличие от случая Индии, немецкие мыслители здесь выглядели беспощадными во всех отношениях. Путь здесь проложил Гердер, утверждавший, что Китай «однозначно был хронологически определенным и локализованным порождением восточных монголов,... простым окостенением древнего образа жизни,... уснувшим мамонтом и... набальзамированной египетской мумией» (Rose, 1951, 58).

Гегель был несколько более великодушен. Его точку зрения обобщает Эрнст Роуз (Rose, 1951, 59):

«Китайское государство представляло собой достойную восхищения патриархию и хорошо функционирующую бюрократию, но в то же время и невыносимый деспотизм... В Китае Гегель не мог обнаружить никакого свободного духа, обращенной внутрь религиозности, глубокого чувства или высоких этических стандартов. Вместо этого мертвая рука абстрактного разума останавливала все живое своим увядающим прикосновением. Китай не имел своей доли в истории. „Он всегда оставался таким, каким был“».

Наконец, Гобино, хотя он и был принципиальным противником прогресса и Модерна, тем не менее отыскивал причины пренебрежительно относиться к Китаю, хотя и фактически противоположные соображениям других западных мыслителей. Блю (Blue, 1999, 134) характеризует ход рассуждений Гобино следующим образом:

«[Посредственность, деспотизм и отсутствие свободы] были для него типичными характеристиками „масс“ и „революции“. Поэтому Китай был ярким примером демократического деспотизма и „прогресса“ в его специфическом понимании и тех последствий, которые, по его мнению, из этого проистекали, а именно рабства, стагнации и фактического смертного приговора».

Таким образом, при помощи различных частных аргументов, но в рамках одной и той же логики ориентализм как способ интерпретации «высоких цивилизаций» (более поздних потомков либо поныне существующих исторических миров-империй) произвел совокупный образ этих зон как застывших цивилизаций, которые всегда оставались такими, какими они были. На языке Гегеля это были зоны, которые могли двигаться вперед лишь за счет определенного вмешательства европейского мира.

Задача антропологов в демонстрации своих аргументов была во многом легче. Они имели дело с людьми, у которых не было письменных документов, а уровень их технологий в общем и целом был ниже, чем в Европе XIX века. Как утверждает Кёртис М. Хинсли (Hinsley, 1981, 29) об изучении коренных американцев в Соединенных Штатах, «центральными, мучительными политическими и религиозными проблемами были следующие: являются ли эти люди хоть в каком-то смысле нашими братьями? на основании какого права мы можем объявить их землю нашей?»

В первоначальный период антропология была сосредоточена вокруг дискуссии о так называемом полигенезе — уже рассмотренной выше идее,

согласно которой европейцы и прочие народы не являлись частью одного и того же биологического вида. В 1910 году Джон Линтон Майерс (Myers, 1916, 69) выступил с председательским посланием к антропологической секции Британской ассоциации за прогресс науки, попытавшись объяснить, почему полигенез, к тому моменту полностью отвергнутая идея, был вообще воспринят всерьез. Майерс начинает с замечания, что до конца XVIII века подобные предположения вообще никогда не высказывались всерьез, но затем что-то изменилось. Этим изменением было возникновение аболиционистского движения в Великобритании:

«Рабовладельческий XVIII век довольно хорошо знал, что негры и китайцы были не более чем *Homo ferus* [человек дикий — лат.], не более, чем шимпанзе, и оправдывали порабощение так же, как когда-то это делал Аристотель — из тех соображений, что это, если угодно, шло на пользу самому рабу.

Однако неслучайно, что поколение, которое впервые на политическом уровне засомневалось в законности владения белого черным и претворило эти сомнения в практику и в парламентские акты, было тем поколением, которые впервые усомнилось и на теоретическом уровне, принадлежали ли белые и черные люди к одной крови. До тех пор пока рабство оправдывалось морально, никто не беспокоился о его антропологическом оправдании. Но как только естественность рабства была поставлена под вопрос аболиционистами,... рабовладельцы тут же подняли предшествующий вопрос: „Пусть я владею своим братом и пусть это означает, что я не могу быть его хозяином — но значит ли это, что *этот* человек, этот черный брат в каком-либо истинном смысле вообще является моим *братом*? Не является ли он, судя по его облику, всего лишь домашним животным или существом иного происхождения, чем я?”»⁸⁰

Полигенез был жестокой расистской идеей. Он использовался даже в Великобритании — в качестве аргумента для отказа в избирательных правах для кельтских народов (Rainger, 1978, 69). Однако к концу XIX века в сообществе антропологов он уступил место более старой, альтернативной версии «примитивного человека», связанной с базовой идеей прогресса⁸¹.

Еще в 1690 году Джон Локк (Locke, 1965, 383) сказал, что «вначале весь мир был подобен Америке». В середине XVIII века во Франции и Шотландии идея множественности стадий эволюции человечества была выдвинута

⁸⁰ Интересно отметить, что, по словам Майерса (р. 1), эта переписанная версия его речи 1910 года, которую я привожу здесь, была результатом его пребывания в 1914 году в Калифорнийском университете Беркли в качестве приглашенного профессора классической литературы — вот еще одно свидетельство исторической взаимосвязи между антропологией и идиографическими дисциплинами.

⁸¹ Опровергнуть полигенез помог сам прогресс науки, как указывает Дуглас А. Лоример (Lorimer, 1978, 142): «В конечном итоге дарвинизм разрешил проблему выбора между аргументами моногенеза-полигенеза, просто сделал ее бессмысленной... Дарвинизм изменил представление о видах и тем самым подорвал весь смысл идеи полигенеза... Дарвин доказал не только то, что европеец был связан с негром, но и то, что все люди имели отношение к обезьяне».

в качестве теоретической позиции — наиболее примечательным образом у Жака Тюрго и Адама Смита. В их представлении коренные американцы представляли «достоверную рабочую гипотезу об основных характеристиках „первой“, или „самой ранней“, стадии социально-экономического развития» (Meek, 1976, 128).

Эта гипотеза лучше соответствовала духу времени, чем полигенез. Она также лучше соответствовала возникающему различию между «естественной историей» и «наукой», которое было частью отмеченного выше более общего разделения между философией и наукой. Если прежде эти два термина «означали почти одно и то же: знание о естественном мире» (Merrill, 1989, 12), то теперь, когда наука пришла к разделению на отдельные дисциплины, они стали обозначать разные вещи. Как отмечает Меррилл, теперь «натуралист мог по-прежнему изучать всю природу; ... ученый же изучал только ее часть... Доступ к естественной истории сохранялся для любителей, в то время как наука стала уделом профессионалов».

Очевидно, что, приняв акцент на этнографическом происхождении, антропология стала разновидностью естественной истории, сосредоточившейся на человеческих группах. При этом она, конечно, на какое-то время оставалась открытой для любителей, прежде чем в начале XX века окончательно не стала сферой, зарезервированной за профессионалами. В первой половине XIX века антропология все еще зависела от работы путешественников — порой это были ученые, принимавшие участие в военно-морских экспедициях, порой исследователи, которых отправляли географические общества, порой представители колониальной бюрократии, порой миссионеры, порой деятели, выполнявшие филантропические задачи.

Ключевой переход заключался в определении того, что формировало «примитивность». То, что до середины XIX века «считалось социальным или искусственным состоянием простоты» (в связи с чем его можно было исследовать как биологический феномен), «теперь было заново определено как особенный культурный модус существования» (Betts, 1982, 67). Как только это произошло, антропология смогла стать дисциплиной с четким объектом изучения.

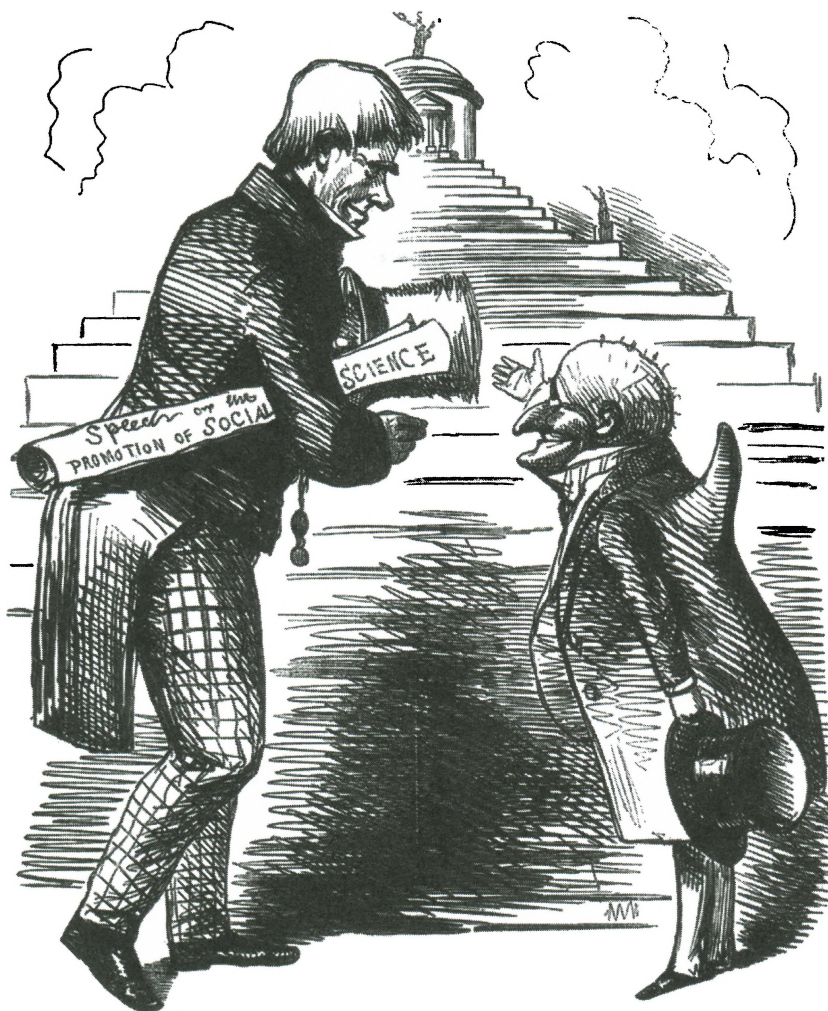
Суть дела уловил Труильо (Trouillot, 1991, 40): «Антропология не создала дикаря — скорее дикарь был *raison d'être* [смыслом существования — *фр.*] антропологии». Поле для этого подготовили два знаменитых высказывания 1871 года. «Мечтания теологов и фантазмы метафизиков [мы заменили] несколькими сухими фактами, ... но это — факты», — заявил итальянский антрополог Чезаре Ломброзо (цит. в: Zagatti, 1988, 24). А Эдуард Тейлор (Taylor, 1920, 410) в своей работе «Примитивная культура» в том же году выдвинул предположение, что «наука о культуре, по сути, является наукой реформаторов».

Теперь границы профессии были очерчены. Антропология станет холистической и дескриптивной дисциплиной, производящей идиографические этнографические описания, основанные на полевой работе. Она займется интерпретацией рациональности «примитивных» народов и будет выступать

за их лучшую интеграцию в современный мир, за их благо и за благо европейских властей, которые правили ими. Такой антропология останется до тех пор, пока антиколониальные революции в эпоху после 1945 года не отменят основные геополитические, а следовательно, и геокультурные рамки, в которых антропология очертила свою нишу в структурах знания.

6

ПАРАФРАЗ АРГУМЕНТАЦИИ

TO THE TEMPLE OF FAME.

MR. PUNCH (WITH THE GREATEST RESPECT), "AFTER YOU, MY LORD!"

«К храму славы». На этой знаменитой карикатуре, опубликованной в журнале «Панч» 23 октября 1858 года, изображен лорд Брухэм, либеральный пэр, в чьем доме за год до этого была основана Ассоциация социальной науки. Автор рисунка высмеивает реформистские воздыхания либеральной аристократии и их связь с формирующимися социальными науками (печатается с любезного разрешения Национальной библиотеки Франции).

Эта книга посвящена мир-системе Модерна в «долгом» девятнадцатом веке, условными границами которого являются 1789 и 1914 годы. Основным характеристикам этого периода посвящено бесчисленное количество книг. Существует и то, что можно рассматривать в качестве традиционной точки зрения на этот период, которую разделяют ученые различных идеологических и/или доктринальных взглядов.

«Долгий» девятнадцатый век рассматривается как столетие множества революций: промышленной революции, научно-технологической революции, народных революций (причем из них наиболее примечательна Великая французская революция). Обычная точка зрения предполагает, что сочетание всех этих революций и было тем, что породило современность (*modernity*) или же получило такое наименование. Начавшись в «долгом» девятнадцатом веке, современность получит продолжение в XX столетии.

В этой работе, на протяжении всех ее четырех томов, написанных к настоящему времени, представлена иная точка зрения. Для начала возьмем понятие «промышленная революция». Для большинства ученых она впервые произошла в Англии или Великобритании (наиболее общепринятые даты — между 1760 и 1840 годами) и затем была скопирована или смоделирована в других странах континентальной Европы и Северной Америки. Однако в третьем томе мы подробно объяснили, почему мы полагаем, что это неверно.

Мы считаем, что происходившее в этот период в Англии было циклическим восходящим подъемом механизации промышленного производства, причем подобные подъемы происходили некоторое количество раз до этого и произойдут некоторое количество раз после этого. Кроме того, мы считаем, что этот процесс относился к миру-экономике в целом, но оказался особенно выгодным для Великобритании, поскольку она победила Францию в борьбе за превращение в новую державу-гегемона в мир-системе.

На протяжении долгого времени преобладающей точкой зрения на Французскую революцию была так называемая социальная интерпретация, утверждавшая, что революция представляла собой свержение

феодалных сил буржуазией, что позволило Франции стать «капиталистической» страной. В последние 40 лет эта интерпретация была оспорена другой, которая рассматривала Французскую революцию в качестве попытки стать на либеральный, парламентский путь, однако эта попытка вышла неудачной.

Опять-таки мы не согласились ни с одной из этих точек зрения. В третьем томе было объяснено, почему Французскую революцию невозможно считать буржуазной революцией, установившей «капитализм», поскольку мы полагали, что Франция стала частью и сегментом капиталистического мира-экономики задолго до этого. Вместо этого мы рассматривали Французскую революцию отчасти как последнюю попытку разгромить Англию в борьбе за превращение в державу-гегемона, а отчасти как «антисистемную» (то есть антикапиталистическую) революцию в истории мир-системы Модерна, которая, по существу, потерпела крах

Мы утверждали, что в мир-системе Модерна происходило два циклических процесса. Первый из них — Кондратьевские циклы длиной примерно 50–60 лет, представляющие собой циклы расширения и стагнации в мире-экономике в целом. Второй крупный циклический процесс гораздо медленнее — это процесс подъема и упадка держав-гегемонов в межгосударственной системе. Во втором томе мы объясняли, каким образом Соединенные провинции (сегодняшние Нидерланды) достигли положения державы-гегемона в середине XVII века, а в третьем томе — каким образом Великобритания оказалась способна стать державой-гегемоном вслед за ее победой над Францией в революционно-наполеоновской «мировой войне» 1792–1815 годов.

Наконец, в третьем томе мы подробно рассмотрели второе значительное расширение функциональных границ капиталистического мира-экономики. Мы объяснили те процессы, благодаря которым четыре зоны, в целом находившиеся за пределами капиталистического мира-экономики (Россия, Османская империя, Индийский субконтинент и Западная Африка), были вовлечены в его рамки и трансформированы в результате этого включения — экономически, политически и социально.

Поэтому, подойдя к изложению истории «долгого» девятнадцатого века, мы базировали его на исследовании, проведенном в первых трех томах. Мир-система Модерна являлась капиталистическим миром-экономикой начиная с «долгого» шестнадцатого века. В середине XIX века державой-гегемоном была Великобритания. Фактические границы мир-системы Модерна к тому времени были расширены, хотя они еще и не включали весь мир в целом. Третья — и последняя — экспансия произойдет в конце XIX — начале XX века, но в этом томе не было необходимости обращаться к данному сюжету (почему мы отложили историю третьего и последнего расширения мир-системы Модерна до пятого тома, было объяснено в предисловии к настоящей книге).

Вместо этого в настоящем томе мы предпочли сосредоточиться на том, что было новым в «долгом» девятнадцатом веке. Мы обозначили эту

новизну как «триумф центристского либерализма». Конечно, не мы первые отметили силу либерализма как идеологии в XIX веке. Однако наш подход к этой проблеме несколько отличался от подхода других ученых. Помимо прочего, это требовало рассмотрения сложной терминологической истории самого понятия «либерализм» и той путаницы, которую его двусмысленное употребление создавало для достоверного исследования идеологической реальности.

Чтобы выполнить эту задачу, необходимо было прежде всего рассмотреть то, что еще не было достигнуто в ходе исторического развития мир-системы Модерна, а именно создание того, что мы называем ее геокультурой. Под последней мы понимаем ценности, которые разделяются широким кругом лиц на всем протяжении мир-системы, как открыто, так и скрыто.

Мы говорили, что до наступления «долгого» девятнадцатого века существовал разрыв между политической экономией мир-системы и ее дискурсивной риторикой. В настоящем же томе мы утверждали, что именно культурное воздействие Французской революции сделало необходимым преодоление этого разрыва путем развития трех основных идеологий мир-системы Модерна — консерватизма, либерализма и радикализма.

Мы попытались объяснить, каким образом получилось так, что либерализм всегда был центристской доктриной — ни левой, ни правой. Мы утверждали, что ни одна из трех идеологий на практике не была антиэтактистской, хотя все они притворялись именно таковой. Кроме того, мы попытались продемонстрировать, какими способами центристский либерализм «укрошал» две остальные идеологии, трансформируя их в собственные фактические воплощения. Таким образом, мы могли утверждать, что к концу долгого девятнадцатого века центристский либерализм стал преобладающей доктриной в геокультуре мир-системы.

Далее мы детально рассмотрели, каким образом центристский либерализм навязал свою идеологию в трех ключевых сферах. Первой из них было создание «либеральных государств» в центральных регионах мир-системы, среди которых исходными и ведущими примерами стали Великобритания и Франция. Второй сферой была попытка трансформации учения о гражданстве из инклюзивного в эксклюзивное. Мы продемонстрировали это на примере трех групп, которым было отказано в гражданстве — женщин, трудящихся классов (лишенных собственности и зачастую неграмотных) и этнических/расовых «меньшинств». Третьей сферой было возникновение исторических социальных наук в качестве отражения либеральной идеологии и способов господствующих групп контролировать подчиненные группы.

Мы двигались в рамках этого исследования, обладая настолько большим количеством эмпирических свидетельств, сколько мы могли собрать воедино, и теми теоретическими аргументами, которые мы могли сформировать. Нами была предложена модель, которая лучше соответствует

целостности всемирной социальной реальности, чем альтернативные способы объяснения «долгого» девятнадцатого века.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

ГЛАВА I

К стр. xiv: ' —

Рауль Пребиш (1901—1986) — аргентинский экономист, один из создателей так называемой теории зависимости, многие положения которой были развиты мир-системным анализом. Основной тезис теории зависимости заключается в том, что неразвитые государства мировой периферии беднеют в результате того, что их ресурсы и капитал утекают в богатые страны центра, при этом проекты догоняющего развития, как правило, оборачиваются «развитием недоразвитости» (термин Андре Гундера Франка).

К стр. 4 сн. 2: ' —

Шатобриан, Франсуа-Рене де (1768—1848) — французский поэт, философ и государственный деятель, один из первых представителей романтизма (в его «реакционной» версии). Свои взгляды изложил в трактате «Гений христианства» (1802). После реставрации Бурбонов в 1815 году стал пэром Франции, был одним из лидеров ультрароялистов. Выступал делегатом от Франции на Веронском конгрессе Священного Союза (1820), был послом в Берлине, Лондоне и Риме, министром иностранных дел Франции (1823—1824). После Июльской революции 1830 года вышел в отставку.

К стр. 4, сн. 2: " —

Крокер, Джон Уилсон (1780—1857) — английский политический деятель, литератор, адвокат. В 1817—1832 годах член парламента, где примыкал к тори.

К стр. 4, сн. 3: "' —

Ami des Patriotes, полное название *L' Ami des patriotes, ou le défenseur de la révolution* («Друг патриотов, или Защитник революции») — периодическое издание, выходившее во Франции в 1790—1792 годах под редакцией известного публициста Мишеля-Луи Этъена, графа Реньо-де-Сен-Жан д'Анжели (1762—1819).

К стр. 5, сн. 3: ' —

Лорд Каслри, Роберт Стюарт, виконт Каслри, 2-й маркиз Лондондерри (1769—1822) — консервативный британский политик ирландского происхождения, в 1812—1822 годах занимал пост министра иностранных дел Великобритании. После падения

К стр. 5, сн. 3: " —

Наполеона один из самых влиятельных политиков Европы, представлял Великобританию на Венском конгрессе.

права Фердинанда на трон — Король Фердинанд VII впервые занял испанский престол в марте 1808 года после отречения своего отца Карла IV. Этому предшествовала попытка заговора Фердинанда против Карла, которая была раскрыта, а Фердинанд был арестован. Однако свержение Карла вызвало недовольство Наполеона, который ввел в Испанию французские войска и посадил на престол своего брата Жозефа. Фердинанд уехал в замок Валансэ, где жил несколько лет под надзором Талейрана, но в Испании тем временем началось восстание против французов. В 1812 году кортесы в Кадисе приняли демократическую конституцию, сильно ограничившую королевскую власть (в частности, король не мог распускать кортесы, которые могли совещаться без его разрешения). В начале 1814 года, после падения Наполеона и изгнания французов с Пиренейского полуострова, Фердинанд VII вновь занял престол и стал воплощать в жизнь ультрареакционную политику, хотя в период французского господства он воспринимался как символ национально-освободительного движения. Это вызвало в стране широкое недовольство, результатом которого стала революция, начавшаяся в 1820 году. Фердинанд был вынужден признать конституцию 1812 года, но вскоре после этого обратился за помощью к Франции, с помощью войск которой революция была подавлена в 1831 году.

К стр. 6, сн. 6: ' —

Людовику XVIII пришлось уступить, издав Хартию — Людовик XVIII еще до возвращения в Париж в 1814 году был вынужден дать обещание установить в стране конституционный строй. Крупная буржуазия, среди которой было немало лиц, обогатившихся в годы правления Наполеона, хотела такой режим, который гарантировал бы порядок, но вместе с подтверждением завоеваний революции, в том числе тех, что уничтожил Наполеон (неприкосновенность собственности, приобретенной в годы революции, сохранение гражданского равенства и представительных органов власти). Конституционная Хартия, «дарованная» Людовиком XVIII, устанавливала двухпалатный парламент, состоявший из избираемой на основе высокого имущественного ценза Палаты депутатов и Палаты пэров, назначаемой королем. После Реставрации 1815 года Людовик XVIII опирался больше на конституционалистов, требовавших выполнения Хартии, чем на ультрароялистов, «более роялистов, чем сам король», которые мечтали о возврате к старому порядку.

К стр. 6, сн. 4: " —

В декларации, изданной в Сент-Уэне, будущий король провозгласил, что он был вынужден «принять либеральную конституцию», которую он назвал Хартией — Сразу же после

отречения Наполеона 6 апреля 1814 года французский Сенат провозгласил реставрацию Бурбонов и конституцию, но Людовик XVIII отказался признать ее, заявив, что она была создана слугами узурпатора. Однако российский император Александр I, чьи войска уже находились в Париже, ответил, что не допустит въезда Людовика в столицу, пока тот не даст формального обещания ввести конституционные порядки. Поэтому Людовик был вынужден подписать в парижском пригороде Сент-Уэне декларацию с обещанием конституции, составленную Талейраном, и торжественно въехал в Париж 3 мая 1814 года. 27 мая была подписана Конституционная Хартия, но практически сразу начались ее грубые нарушения, что привело к возвращению к власти Наполеона в марте 1815 года.

К стр. 6, сн. 4: "" —

Когда в 1830 году Луи-Филипп провозгласил собственную хартию — После свержения Карла X новый король Луи-Филипп Орлеанский провозгласил Конституционную Хартию, опубликованную 14 августа 1830 года. Из нее была исключена преамбула хартии 1814 года, гласившая об «октроировании» (даровании) конституции, поскольку, по мнению парламентского большинства, она «унижала национальное достоинство, будто бы даруя французам то, что принадлежит им по праву».

К стр. 7, сн. 6: ' —

Лорд Сесил — Хью Ричард Хиткотт Гаскойн-Сесил, 1-й барон Квиксвуд (1869—1956) — британский политик, член Консервативной партии, автор популярной брошюры «Консерватизм», которую цитирует Валлерстайн.

К стр. 8, сн. 8: ' —

консерваторы-бональдианцы — последователи Луи-Габриэля Амбруаза Бональда (1754—1840), французского философа и политического деятеля. В Наполеоновскую эпоху Бональд стал известен главным образом как публицист, последовательно отстаивавший традиционалистские взгляды (наиболее известны его работы 1800—1802 годов «Опыт анализа естественных законов социального устройства», «О разводе» и «Законы первобытного общества, рассмотренные в недавние времена при помощи одного только света разума»). После реставрации Бурбонов Бональд стал лидером ультрароялистов в Палате депутатов, а после возведения в звания виконта и пэра — членом Палаты пэров. Конец политической карьере Бональда положила революция 1830 года, когда он был изгнан из парламента и последние годы жизни провел в родном городе Мийо на юге Франции.

К стр. 9: ' —

Констан, Бенжамен (1767—1830) — французско-швейцарский писатель, политик и общественный деятель. В противовес учению Руссо о верховной воле народа выдвинул концепцию «негативной» свободы, т. е. свободы от вмешательства властей в автономную область индивидуальных прав, независимых от

любой общественно-политической власти, которая становится незаконной, нарушая эти права. Кроме того, Констан настаивал на невмешательстве государства в экономические отношения, полагая, что Европа вступает в «эпоху коммерции», которая принесет ее народам свободу.

К стр. 9: " —

в середине XX века он по-прежнему прославлялся в качестве «жизненного центра» Шлезингером — Имеется в виду американский историк Артур Майер Шлезингер-младший (1917—2007), убежденный сторонник либерализма и антикоммунист. Работа Шлезингера, которую цитирует Валлерстайн, называется «Жизненный центр: политика свободы».

К стр. 10, сн. 13: ' —

доктринеры (фр. *doctrinaires*) — политический кружок во Франции в период реставрации Бурбонов и Июльской монархии (1814—1830), состоявший из небольшой замкнутой группы умеренных буржуазных либералов, сторонников конституционной монархии, противников дворянской и клерикальной реакции. Однако решительность требований этой группы и ее притязания на независимость внушали недоверие даже тем министрам, которые поддерживали ее участников, а в общественном мнении за ними сложилась репутация лиц с завышенной уверенностью, что именно они способны противопоставлять идеи интересам, страстям и предубеждениям. За это одна эмигрантская французская газета в апреле 1816 года впервые назвала одного из лидеров кружка Ройе-Коллара «доктринером», намекая в том числе на его воспитание у отцов конгрегации христианской доктрины. Кроме того, такое название отражало немногочисленность кружка: про него говорили, что все его участники могут поместиться на одном диване. Однако после Июльской революции два лидера доктринеров — Франсуа Гизо и герцог де Брольи — стали во главе умеренно-консервативной партии, а Гизо оказался одной из ключевых государственных фигур времен Июльской монархии (занимал должности министра внутренних дел, министра народного просвещения и последнего премьер-министра при короле Луи-Филиппе).

К стр. 11: ' —

Эли Алеви (Галеви) (1870—1937) — французский историк, автор четырехтомной «Истории английского народа в XIX веке», охватывающей события 1815—1852 годов, и двухтомного «Эпилога» к ней, посвященного периоду 1895—1914 годов. Основной мотив работ Алеви — идеализация британского парламентаризма.

К стр. 16, сн. 20: ' —

легитимисты — имеются в виду сторонники Бурбонов, оказавшиеся в оппозиции после прихода к власти Луи-Филиппа. В 1832 году они подняли восстание в Вандее, где традиционно пользовались поддержкой населения, во главе с супругой второго сына Карла X герцогиней Беррийской. Правительство подавило этот мятеж не без труда.

- К стр. 18: ' — Роберт Пиль (1788—1850) — британский политик, один из основателей Консервативной партии (1834), премьер-министр Великобритании в 1834—1835 и 1841—1846 годах.
- К стр. 19: ' — «смешанное устройство» — имеется в виду форма правления, при которой в руках правительства объединены три ключевые функции государства: законодательная, исполнительная и судебная.
- К стр. 19: " — *первые Фабричные законы* — основа английского фабричного законодательства XIX века была заложена в 1802 году, когда Роберт Пиль-старший инициировал принятие закона, согласно которому владельцы бумаго- и шерстопрядильных фабрик обязывались ввести различные улучшения в условия жизни учеников, прекратить их ночную работу и сократить продолжительность рабочего дня до 12 часов. Однако этот закон фактически остался на бумаге, поскольку наблюдение за его исполнением было возложено на уполномоченных от мирового суда, в состав которого входили фабриканты и близкие к ним лица. Кроме того, он не действовал на городских фабриках, а распространение паровых машин быстро привело к тому, что промышленность в Англии стала развиваться именно в городах, а не в сельской местности, как раньше. Поэтому уже в 1819 году прежние правила были распространены на всех несовершеннолетних до 16-летнего возраста (на бумагопрядильных фабриках) и впервые установлен возраст (9 лет), с которого малолетние могли допускаться к работе на фабриках. Следующий закон (1825 года) впервые сократил рабочий день малолетних на бумагопрядильных фабриках по субботам до 9 часов.
- К стр. 20: ' — *ламеннеанским листком* — то есть изданием сторонников Юга-Фелисите-Робера де Ламеннэ (1782—1854) — французского философа и публициста, аббата, одного из основоположников христианского социализма. Эволюция политических взглядов Ламеннэ хорошо иллюстрирует рассуждения Валлерстайна о возможностях альянсов между разными идеологиями. Еще в годы Реставрации Ламеннэ сформулировал свой политический идеал как христианскую монархию и стал одним из убежденных сторонников ультрамонтанства (верховой власти папы римского над светскими государями). Однако после принятия в 1828 году законов, ограничивших права духовенства в деле народного образования, Ламеннэ начинает смещаться в сторону либерализма, поскольку тот призывал к гарантиям личности против тирании правительства, а затем и в направлении радикальной оппозиции. В 1834 году Ламеннэ издал книгу «Слова верующего» с крайне критической оценкой сложившегося во Франции политического режима, который автор называл сговором королей и священников против народа. Влияние

книги было настолько велико, что папа римский осудил книгу специальной энцикликой, после чего Ламеннэ окончательно перешел в лагерь радикальной оппозиции Июльской монархии.

К стр. 20: “ —

фабианцы — представители Фабианского общества, основанного в Лондоне в 1884 году и получившего название в честь римского полководца Фабия Максима Кунктатора по прозвищу Медлительный. В основе взглядов фабианцев лежало представление о постепенном превращении капиталистического общества в социалистическое в результате медленных и последовательных институциональных преобразований.

К стр. 21: ‘ —

Билль о реформе 1832 года был принят в Великобритании на волне революционных событий во Франции 1830 года, которые привели к окончательному установлению в этой стране буржуазной монархии. После отставки реакционного кабинета Веллингтона в 1830 году новый кабинет во главе с Греем, опиравшийся на вигов и левое крыло тори, выдвинул проект реформы, который предусматривал изменение представительства в парламенте в интересах буржуазии за счет уничтожения так называемых «гнилых местечек» — обезлюдивших избирательных округов в сельских местностях, где депутатов фактически назначал лендлорд (примечательно, что депутатом от одного из «гнилых местечек» изначально был Уильям Питт-младший). Земельная аристократия решительно выступила против реформы, и для того чтобы сломить сопротивление лендлордов, буржуазия обратилась за помощью к народным массам. На протяжении следующих полутора лет Англию и Шотландию сотрясали народные волнения, что способствовало ускорению принятия парламентской реформы (июнь 1832 года). В результате компромисса между земельной аристократией и крупной буржуазией последняя, по определению Маркса, была «признана господствующим классом и в политическом отношении». Подробно об этих событиях Валлерстайн пишет в главе 3 настоящего тома.

ГЛАВА II

К стр. 27, сн. 4: ‘ —

Балланш, Пьер-Симон (1776—1847) — французский христианский философ, пытавшийся сочетать идеи спиритуалистов о духовном видении и нравственном преображении с концепцией прогресса. Идеи Балланша оказали значительное влияние на Сен-Симона и Ламеннэ.

К стр. 27, сн. 4: “ —

Ройе-Коллар, Пьер-Поль (1763—1845) — французский политический деятель и философ, один из лидеров кружка доктринеров. В период Реставрации занимал пост президента комиссии народного образования, выступил автором законопроекта,

К стр. 29: * —

направленного на ограждение учебных заведений от всяческих политических тенденций.

поначалу Французская революция получила скромную поддержку от так называемых английских якобинцев — В данном абзаце и примечаниях к нему описываются события, ставшие реакцией на Великую Французскую революцию в Великобритании. Наиболее влиятельной из британских прореволюционных организаций было Лондонское корреспондентское общество, созданное в 1792 году с целью борьбы за избирательные права для всего взрослого мужского населения, которое считается первым политическим движением рабочего класса в Великобритании. Но, в отличие от французских якобинцев, члены этих организаций не участвовали в активной политической жизни, предпочитая распространение брошюр и памфлетов, призывающих к мирному обсуждению реформ. В ноябре 1793 года в Эдинбурге состоялся Всебританский конвент народов трех наций (англичан, шотландцев и ирландцев), созданный по инициативе Лондонского корреспондентского общества, на нем присутствовали 146 делегатов от 40 обществ. Конвент принял решение о «более равном представительстве народа в Палате общин и о сокращении сроков депутатских полномочий в парламенте» и послал приветственное обращение к Национальному Конвенту Франции, в котором приветствовались борьба с монархией и торжество якобинцев. После этого власти Эдинбурга предложили закрыть конвент, его основные деятели были арестованы и отданы под суд. В мае 1794 года король обвинил корреспондентские общества в пренебрежении к парламенту и стремлении к анархии. Вслед за этим Питт внес в парламент билль о приостановке на восемь лет «Хабедас Корпус Акта» (закона о неприкосновенности личности), который был принят парламентом большинством в 201 голос против 39. Осенью 1794 года, то есть уже после падения во Франции якобинской диктатуры, начался ряд судебных процессов над членами корреспондентских обществ, но лондонский суд оправдал ряд демократических деятелей опасений народного возмущения (лондонский митинг в их поддержку собрал 150 тысяч человек). Однако после принятия в 1795 году так называемых «двух актов» (о мятежных митингах и собраниях), которые фактически ставили демократов вне закона, корреспондентские общества начинают распадаться на мелкие группы и их деятельность постепенно замирает. В дальнейшем членов Лондонского корреспондентского общества обвинили в соучастии в восстании матросов (так называемый Норский мятеж мая 1797 года) и заключили в тюрьму, а само общество было запрещено.

- К стр. 29, сн. 8: " — *передислокация сил, проведенная Питтом в 1794 году после победы над вигами* — События 1794 года завершили долгий период борьбы тори против вигов, которые доминировали в английском правительстве на протяжении большей части XVIII века. Уже в 1784 году, через два года после назначения премьер-министром, Питт добился того, что его сторонники победили на выборах в парламент в каждом значимом округе. В 1794 году против питтовского билля, отменявшего право хабеас корпус, выступила левая часть вигов во главе с их лидером Чарльзом Джеймсом Фоксом, но они оказались в меньшинстве при парламентском голосовании. Это означало, что доминирование в британской политике окончательно перешло к тори.
- К стр. 30: ' — *Антикомбинационные акты* — два закона, направленных против объединения («комбинации») рабочих для защиты своих прав. Первый из них («Акт, предотвращающий незаконное объединение рабочих») был принят в 1799 году, за ним последовал дополнительный акт 1800 года.
- К стр. 30: " — *Манчестерская бойня, или бойня при Петерлоо* — события, случившиеся 16 августа 1819 года на площади святого Петра в Манчестере в ходе митинга, на котором были выдвинуты требования предоставления всеобщего избирательного права. В результате столкновения с полицией и гусарами погибло, по разным оценкам, от 11 до 15 человек и было ранено от 400 до 700 человек.
- К стр. 31: ' — *за десятилетие до лобовой атаки на тарифы* — Очевидно, имеется в виду движение за отмену Хлебных законов, зародившееся в Англии вскоре после завершения Наполеоновских войн. В 1815 году крупные землевладельцы, преобладавшие в парламенте, смогли пролоббировать закон, который запрещал ввоз хлеба вплоть до того момента, пока цены на зерно не достигнут уровня, который признавался необходимым для покрытия расходов по обработке земли и земельной ренте. Этот закон способствовал удержанию цен на хлеб в Англии на довольно высоком уровне, что шло на руку лишь небольшой группе землевладельцев, хотя основной отраслью экономики страны уже стала промышленность. После 1815 года установление во Франции и в Германии высоких тарифов на ввоз промышленных товаров привело к снижению их экспорта из Великобритании, а на внутреннем рынке платежеспособный спрос был недостаточен, в том числе из-за высоких цен на хлеб. Поэтому вскоре после завершения Наполеоновских войн в английской экономике начался затяжной спад, а правительству в начале 1820-х годов пришлось пойти на послабление Навигационных актов, что стимулировало внешнюю торговлю. Однако основной причиной, препятствующей росту британского экспорта,

промышленники считали именно Хлебные законы, из чего в дальнейшем и проистекала вся идеология свободной торговли (фритредерства), которую развивали промышленники Манчестера — главного индустриального центра Англии. В 1838 году именно в Манчестере была создана Лига против Хлебных законов, которая в 1846 году добилась их отмены.

К стр. 31, сн. 11: " — *моравские братья* — протестантская деноминация, выросшая из движения гуситов; признает единственным источником веры и религиозной практики Св. Писание. Впервые организационное оформление община моравских братьев получила еще в 1457 году под названием «Братское единение».

К стр. 32: ' — *первый билль Уилберфорса* — имеется в виду речь против работорговли, которую произнес в Палате общин 12 мая 1789 года депутат Уильям Уилберфорс (1759—1833). Вскоре после этого был образован Комитет за отмену работорговли, в который среди прочих вошли и так называемые евангелические англичанцы.

К стр. 37, сн. 21: ' — *Уильям Каннингем* (1849—1919) — английский ученый, родоначальник экономической истории как самостоятельной дисциплины. Первое издание цитируемой Валлерстайном работы Каннингема «Рост английской промышленности и торговли в современную эпоху: система меркантилизма» вышло в 1882 году.

К стр. 42, сн. 31: ' — *Гладстон, Уильям* (1809—1898) — один из самых известных британских либеральных политиков XIX века, четырежды занимавший пост премьер-министра. В 1841—1845 годах был сначала заместителем, а затем министром торговли в кабинете Роберта Пиля, на этом посту эволюционировал из протекциониста в сторонника свободной торговли, в ходе дискуссии об отмене Хлебных законов проведя работу по пересмотру таможенного тарифа.

К стр. 48: ' — *Веллингтон, Артур Уэлсли* (1769—1852) — английский полководец, государственный деятель и дипломат. С 1808 по 1813 годы был главнокомандующим союзными войсками, действовавшими на Пиренейском полуострове против наполеоновской армии. После реставрации Бурбонов был английским послом в Париже, в 1815 году в сражении при Ватерлоо командовал англо-голландской союзной армией, затем возглавлял союзные оккупационные войска во Франции (1815—1818). С 1827 года до конца жизни был главнокомандующим английской армией, одновременно в 1828—1830 годах занимал пост премьер-министра, в 1834—1835 годах — министра иностранных дел. В вопросах государственной политики отличался крайней реакционностью, был ревностным сторонником палочной дисциплины в армии и строго классового отбора офицерского корпуса.

К стр. 49: ' —

На смену так называемому Четверному альянсу, задуманному в 1815 году в Вене, в 1818 году пришел Пятерной союз (или Пентархия великих держав) в Ахене — имеется в виду Ахенский конгресс Священного Союза, главным вопросом которого был вывод оккупационных войск из Франции. Итогом конгресса стало принятие решения о принятии Франции в Священный Союз в качестве полноправного члена.

К стр. 49, сн. 46: " —

Веронский конгресс — последний конгресс Священного Союза (октябрь — декабрь 1822 года), на котором из первых лиц пяти держав альянса присутствовали только российский император Александр I, австрийский император Франц II и прусский король Фридрих Вильгельм III. Поводом для созыва конгресса стали ситуация в Испании после революции 1820 года и провозглашение греческим Национальным собранием независимости Греции от Турции. Александр I при поддержке французского уполномоченного Шатобриана настаивал на том, чтобы Франция взяла на себя подавление революции в Испании, однако французское правительство не испытывало склонности к подобным действиям. В результате конгресс обратился к испанскому правительству с предложением изменить конституцию 1812 года, введенную в 1820 году, в более монархическом духе. После того как в Мадриде ответили на это отказом, всем иностранным посланникам было предписано оставить Испанию, но в апреле 1823 года Франции все же пришлось начать «экзекуцию» от имени всей Европы, и к осени революция была подавлена. Однако Великобритания заняла в испанском вопросе особую позицию: в инструкциях министра иностранных дел Каннинга герцогу Веллингтону предписывалось «не вмешиваться ни применением силы, ни угрозой» в дела Испании, а по поводу вмешательства Франции правительство Англии считало, что для обеспечения безопасности достаточно расположить на франко-испанской границе французский наблюдательный корпус. Значительные разногласия у участников конгресса возникли и по вопросу признания независимости государств Латинской Америки (Россия призывала распространить интервенцию и на испанские колонии), а также по ситуации в Греции. Поэтому планы по созыву следующего конгресса, который по предложению Фердинанда VII должен был быть посвящен противодействию латиноамериканской революции, так и не были реализованы. Столкнувшись с сопротивлением Великобритании, признавшей независимость латиноамериканских стран, и Франции, отложившей своё решение на неопределённый срок, Россия взяла паузу, а после смерти императора Александра I предложения о новых конгрессах Священного Союза больше не рассматривались.

- К стр. 50: * — *принц-регент* — наследник английского престола Георг Август Фредерик (будущий король Георг IV) в 1811—1820 годах выполнял функции принца-регента при своем душевнобольном отце Георге III.
- К стр. 51, сн. 51: * — *в 1819 году с восстановлением платежей металлическими деньгами* — В период войн с Наполеоном из-за быстрого наращивания военных расходов в британское денежное обращение повсеместно вошли банкноты Банка Англии, что вело к девальвации фунта стерлингов. В 1812 году правительство объявило бумажные деньги универсальным законным средством платежа, размен банкнот на золото был прекращен. Однако в начале 1819 года Банк Англии представил меморандум с предложением восстановить золотое обращение, после чего правительство создало для обсуждения этого вопроса секретный комитет, в котором быстро возобладало мнение в пользу золотого стандарта. Одновременно в парламенте состоялась серия пламенных выступлений экономиста Давида Рикардо, избранного в Палату общин от одного из округов Ирландии. В результате в мае 1819 года платежи золотом были возобновлены по старому паритету, Рикардо назвал это решение «триумфом науки и истины над предрассудком и заблуждением». Эта победа сторонников золотого стандарта была закреплена актом Роберта Пиля 1844 года, согласно которому эмиссия банкнот почти на 100% обеспечивалась золотом. Система золотомонетного стандарта продержалась в Англии до самого начала Первой мировой войны.
- К стр. 52: * — *начиная с его реорганизованной версии после 1822 года* — имеется в виду ряд ключевых назначений в кабинете лорда Ливерпуля, состоявшихся в 1822 году. После самоубийства министра иностранных дел лорда Каслри на его место был приглашен Уильям Каннинг, который быстро стал наиболее влиятельным политиком Великобритании и в 1827 году после отставки лорда Ливерпуля на короткое время сам возглавил кабинет министров. Кроме того, в 1822 году министерство внутренних дел возглавил Роберт Пиль, в ближайшие годы осуществивший крупную реформу уголовного законодательства, в ходе которой были усовершенствована пенитенциарная система, смягчены наказания за уголовные преступления и ускорен процесс судопроизводства. Также в это время в состав кабинета вошел депутат парламента Уильям Хаскиссон (упоминается далее, в примечаниях 79—80), который занимался реформой Навигационных актов, направленной на выравнивание условий для всех участников морской торговли.
- К стр. 52, сн. 55: ** — *лодка Оукшотта* — имеется в виду британский консервативный политический мыслитель Майкл Оукшотт (1901—1990),

последователь Эдмунда Бёрка, критиковавший рационализм как игнорирующий «практическое знание, которое существует только в употреблении и... не может быть сформулировано в виде правил».

К стр. 53: ' —

Государство отреагировало на собственную панику созданием «Одиннадцати мучеников» — не вполне понятно, что имеет в виду Валлерстайн, поскольку 11 (по минимальным сведениям) погибших в Манчестерской бойне стали символом дальнейшей борьбы за парламентскую реформу как среди рабочих, так и среди оппозиционно настроенных аристократов (одним из первых на эти события откликнулся поэт П. Б. Шелли).

К стр. 53, сн. 56: " —

бунт лорда Гордона — массовые беспорядки в Лондоне 2—7 июня 1780 года, направленные против Акта о папистах 1778 года, который расширял участие католиков в общественной жизни при условии принесения особой присяги, а также разрешал католикам служить в армии, приобретать землю, содержать школы и отменял преследование католических священников. Эти события получили название по имени лорда Джорджа Гордона, главы Ассоциации протестантов, настаивавшей на отмене Акта о папистах. Столкновения, продолжавшиеся целую неделю, оказались самыми крупными массовыми беспорядками в истории Англии в XVIII веке. 285 человек было убито, несколько сот ранено, около 20—30 человек впоследствии было казнено после суда.

К стр. 53, сн. 57: "' —

лорд Колчестер, Чарльз Эббот (1757—1829), британский политический деятель, спикер Палаты общин в 1802—1817 годах.

К стр. 54: ' —

конгресс в Троппау — второй конгресс Священного Союза, состоявшийся в октябре-декабре 1820 года в чешском городе Троппау (Опаве). Повесткой конгресса стали революционные события в Неаполитанском королевстве, где после восстания офицеров-карбонариев король Фердинанд IV был вынужден согласиться на принятие конституции по испанскому образцу. Конгресс был инициирован Австрией, которая желала ввести свои войска в Италию, и результатом встречи стало принятие протокола, признававшего применение военной силы против Неаполя. Уже в феврале 1821 года австрийская карательная армия вступила на территорию Италии, спустя месяц был занят Неаполь, после чего в Королевстве обеих Сицилий были восстановлены абсолютистские порядки.

стр. 55: ' —

чрезмерная наглость «ультра» — влияние ультрароялистов особенно усилилось при короле Карле X, когда были приняты такие реакционные меры, как закон о выплате бывшим эмигрантам денежного возмещения за земли, конфискованные у них во время революции, закон о наказаниях за проступки

стр. 56: ' —

против религии и церкви, закон, направленный против дробления дворянских поместий.

Этот состав парламента распустил сам король — После Ватерлоо ультрароялисты, победив на выборах, развязали во Франции «белый террор». В государственном аппарате в результате чисток были уволены более 50 тысяч служащих и чиновников. Это быстро вызвало недовольство Людовика XVIII, который придерживался умеренно-либеральных взглядов и даже однажды заметил, что «если этим господам предоставить свободу, в конце концов я сам подвергся бы чистке». В 1816 году король распустил палату депутатов, и на новых выборах значительное количество мест удалось получить либералам, которые провели ряд знаковых законов (о парламентском контроле над бюджетом, о печати и др.). Однако убийство племянника короля герцога Беррийского рабочим Луи Лувелем в 1820 году стало поводом для нового витка реакции.

стр. 56: "" —

если мы начнем действовать примерно как сторонники Католической лиги — имеется в виду один из ключевых эпизодов Религиозных войн во Франции XVI века. В 1576 году под угрозой полной дестабилизации в стране новый король Генрих III даровал гугенотам свободу вероисповедания за пределами Парижа, но это сразу же вызвало реакцию католиков во главе с герцогом Генрихом де Гизом, которые объединились в Католическую лигу и стали оказывать жесткое давление на короля. Это спровоцировало затяжной конфликт партии Гизов с королем, которому после крупного восстания, организованного Католической лигой в Париже в 1588 году, пришлось организовать убийство своего соперника.

К стр. 57: ' —

Луи Блан (1811—1882) — французский социалист, один из лидеров революции 1848 года. В преддверии революции утверждал, что достаточно ввести всеобщее избирательное право и другие демократические преобразования, чтобы вслед за этим стало возможно с помощью государственных субсидий мирным путем организовать «общественные мастерские» (рабочие производственные ассоциации), которые постепенно вытеснят частнокапиталистические предприятия.

К стр. 59: ' —

Уильям Кук Тейлор (1800—1849) — английский публицист ирландского происхождения, один из активных участников борьбы за отмену Хлебных законов. Цитируемая Валлерстайном книга «Жизнь и времена сэра Роберта Пиля» вышла уже после смерти автора.

К стр. 59: "" —

банковская и денежная школы — две ключевые теории денежной эмиссии, возникшие в начале 1800-х годов в Великобритании. Банковская школа основывала свои взгляды на трудах Адама Смита и разделяла так называемый принцип Фуллартона,

сформулированный Джоном Фуллартонем в 1844 году в получившей широкую известность книге «О регулировании денежного обращения» (On Regulation of Currencies). Согласно этому принципу, кредитная экспансия в форме банкнот, выпускаемых банковской системой с частичным резервированием, не создает никакой угрозы инфляции, поскольку банкноты попадают в экономику в качестве ссуд, а не как платежные средства, непосредственно уплачиваемые за товары и услуги. В результате, когда экономика нуждается в большем количестве средств обмена, она увеличивает спрос на ссуды, а когда эта нужда уменьшается, ссуды погашаются и деньги притекают обратно в банки. Напротив, сторонники денежной (валютной) школы во главе с Давидом Рикардо исходили из того, что изменения в объеме денежной массы страны должны совпадать с объемом реальных активов (золота), которые являются обеспечением денег. Это означало, что вся эмиссия банкнот должна быть обеспечена реальными активами на 100%. Победу в этом споре одержала денежная школа, что выразилось в принятии в 1844 году Банковского акта, закрепившего исключительное право эмиссии фунта стерлингов за Банком Англии (см. гл. 3, сн. 85).

- К стр. 60, сн. 72: ' — *людьми с Чейндж-Элли* — имеется в виду лондонская улица, на которой в 1801 году была открыта фондовая биржа, а до этого совершались финансовые сделки между частными лицами.
- К стр. 60, сн. 72: " — *настаивает Бэринг на конгрессе суверенов* — речь идет об Александре Бэринге (1774—1848), представителе наиболее влиятельного в первой трети XIX века британского банкирского дома Бэрингов. После Ахенского конгресса Священного Союза в 1818 году, где решался вопрос о выводе из Франции оккупационных войск (скорее всего, этот конгресс имеется в виду в приведенной цитате), именно Александр Бэринг предоставил Людовiku XVIII заем для выплаты репараций.
- К стр. 61: ' — *Уилмот-Хортон, Роберт* (1784—1841) — британский политический деятель. Занимая пост государственного подсекретаря по военным и колониальным делам (1821—1828), выступал за активизацию эмиграции в колонии бедных британских и ирландских семей.
- К стр. 62, сн. 79: ' — *Милль* — в данном случае имеется в виду не виднейший теоретик либерализма Джон Стюарт Милль, а его отец Джеймс Милль (1773—1836) — шотландский экономист классической школы, последователь Давида Рикардо.
- К стр. 62, сн. 79: " — *Маккаллох* (Маккуллох), Джон Рэмси (1789—1864) — шотландский экономист, первый профессор политической экономии в Университетском колледже Лондона, популяризатор доктрины классической школы.

К стр. 63: ' —

Эдвард Гиббон Уэйкфилд (1796—1862) — видный деятель британского колониализма середины XIX века. В 1820-х годах, будучи чиновником дипломатической службы, Уэйкфилд страстно желал стать землевладельцем и членом парламента, ради чего пустился в авантюры. Проведя три года в Ньюгейтской тюрьме за организацию похищения наследницы богатого семейства Эллен Тернер с целью женитьбы на ней, он ввязался в серию колониальных предприятий в Австралии и Канаде. В дальнейшем Уэйкфилд выступил одним из инициаторов аннексии Новой Зеландии и в 1852 году окончательно туда переселился, уже сколотив себе состояние на спекуляциях землями в колониях. Одновременно Уэйкфилд выступал как теоретик колониализма. В «Письме из Сиднея» (1829) и работе «Англия и Америка» (1833) он выдвинул план систематической колонизации, предложив повысить продажную цену земли в колониях и принять другие меры, способствующие увеличению там контингента наёмных рабочих. Поощрение эмиграции трудящихся из Великобритании Уэйкфилд рассматривал также как средство ослабления опасности социального взрыва в метрополии. В 1849 году опубликовал книгу «Взгляд на искусство колонизации», которая подробно разбирается в 43 главе первого тома «Капитала» Маркса. Далее, в прим. 81, упоминается Центральное бюро по землям и эмиграции, созданное в 1840 году под влиянием ряда инициатив Уэйкфилда, связанных с колонизацией Австралии. Данная структура выступила альтернативой созданию специальных привилегированных компаний в предшествующий период колонизации.

К стр. 64, сн. 83: ' —

В Париже сэр Роберт Уилсон помог бежать Ла Валетту — Антуан-Мари-Шаман, граф де Ла Валетт (1769—1830), муж Эмили-Луизы Богарне, племянницы Жозефины Богарне (первой жены Наполеона), при Первой империи занимал пост министра почт. После Ватерлоо Ла Валетт был арестован за государственную измену и приговорен к смерти, но накануне казни ему удалось сначала выбраться из тюрьмы, обменявшись в камере одеждой со своей женой, а затем бежать из Франции. В этом ему оказал помощь генерал-майор Роберт Томас Уилсон (Вильсон) (1777—1849), прославленный английский военачальник, участвовавший в большинстве войн против Наполеона, в том числе в Отечественной войне 1812 года. После бегства Ла Валетта Уилсон с разрешения английского короля был предан верховному французскому суду, отбыл трёхмесячное заключение, а затем вернулся в Англию. Однако принц-регент, найдя поведение Уилсона недостойным, уволил его от службы, после чего тот отправился в Южную Америку, где принимал участие в борьбе за независимость колоний на стороне Симона Боливара.

К стр. 64, сн. 83: " — в Равенне Байрон вступил в конфликт с австрийской полицией — Лорд Байрон, перебравшийся в Италию в конце 1816 года, сначала поселился в Венеции, но затем перебрался в Равенну, где жила его любовница, графиня Тереза Гвиччиоли. Здесь Байрон активно участвовал в деятельности местного отряда карбонариев, известного как «Американские стрелки», папская полиция в своих донесениях именвала его «первым революционером Равенны». После начала революции в Неаполе карбонарии Равенны при помощи Байрона наметили план восстания на середину февраля 1821 года, но из-за вторжения в Неаполь австрийских войск он не был осуществлен, Байрон был подвергнут преследованиям полиции и в октябре 1821 года уехал в Пизу, а затем в Геную.

К стр. 64, сн. 85: "" — *доктрина Монро* — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в ежегодном послании Конгрессу президентом США Джеймсом Монро 2 декабря 1823 года. Суть доктрины Монро заключалась в объявлении Американского континента зоной, закрытой для вмешательства европейских держав (если речь не шла об их колониях): «В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и этими державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость после тщательного изучения и на основе принципов справедливости мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Соединённым Штатам».

К стр. 65, сн. 86: " — *Фамильный договор* (Семейное согласие) был заключён 15 августа 1761 года в Париже между Францией и Испанией, троны которых в то время занимали представители династии Бурбонов — Людовик XV и Карл III. На основании этого договора Испания вскоре вступила в Семилетнюю войну на стороне Франции, а в 1793 году объявила войну революционной республике.

К стр. 70: " — *заговор в Лиссабоне* — после завершения Наполеоновских войн сохранение оккупации Португалии английскими войсками вызывало значительное недовольство населения страны и в особенности армии. В 1817 году был раскрыт антианглийский

заговор группы офицеров, которые были казнены, однако это не остановило сползание Португалии к революции, произошедшей в 1820 году.

К стр. 70, сн. 95: " — *полковник Фавье, Шарль-Николя (1782—1855), барон, французский военный и политический деятель, участник Бородинской битвы. В 1817 году был отправлен в Лион для расследования волнений ткачей. Его работа была проведена с таким беспристрастием и настолько задела многих высокопоставленных лиц, что продолжение службы оказалось для Фавье невозможным. После этого Фавье проявил себя как активный участник борьбы за независимость Греции.*

К стр. 70, сн. 96: "" — *Форель, Клод-Шарль (1772—1844) — французский историк, филолог и фольклорист, представитель романтизма. В 1824—1825 годах под влиянием событий в Греции опубликовал сборник греческих песен, имевший огромное влияние на современников.*

К стр. 70: "" — *Буонарроти, Филиппо Микеле (1761—1837) — итальянский и французский политический деятель. Революционную деятельность начал в период Великой Французской революции как видный участник Якобинского клуба, затем стал поклонником идей Бабёфа. После образования Священного Союза стал одним из идеологов движения карбонариев. После Июльской революции во Франции переселился в Париж, где и умер.*

К стр. 72: ' — *Полиньяк, Жюль-Огюст-Арман-Мари (1780—1847) — французский государственный деятель, крайний реакционер. В 1829 году был назначен премьер-министром и министром иностранных дел и вскоре выступил инициатором ордонансов 25 июля 1830 года («ордонансы Полиньяка»), которые стали непосредственным поводом для Июльской революции. В дальнейшем был арестован, приговорен к пожизненному заключению, а затем изгнан из Франции.*

К стр. 73: ' — *под руководством Лафайета — знаменитый деятель Американской войны за независимость и Великой Французской революции маркиз Жильбер де Лафайет (1757—1834) в Июльские дни взял на себя командование Национальной гвардией и быстро закончил «уличный» этап революции, выступив в поддержку Луи-Филиппа, который, по его словам, «есть лучшая из республик». Однако вскоре Лафайет, недовольный политикой короля, покинул пост главнокомандующего Национальной гвардией и в феврале 1831 года возглавил Польский комитет в поддержку антироссийского восстания, выступая за вооруженное выступление Франции на стороне восставших поляков.*

К стр. 73, сн. 105: " — *Абердин, Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин (1784—1860) — английский политический деятель, видный представитель тори, в 1830 году занимал пост министра иностранных дел. В 1852—1855 годах — 34-й премьер-министр Великобритании.*

- К стр. 74: * — *Принц Карл* — имеется в виду Карл-Александр Лотарингский (1712—1780), в апреле 1749 года назначенный губернатором и генерал-капитаном (наместником) Австрийских Нидерландов.
- К стр. 74, сн. 109: ** — *заговор Высоцкого* — Под влиянием Июльской революции во Франции польские националисты приняли решение о собственном выступлении против царского режима. Сигналом для восстания должно было послужить убийство великого князя Константина, запланированное на 26 октября 1830 года. Эту идею предложил офицер Петр Высоцкий (1797—1875), однако великий князь был предупрежден о готовящемся восстании своей женой-полькой княгиней Лович, и план покушения не был реализован. Тем не менее именно Высоцкий, как считается, подал сигнал к восстанию в ночь на 29 ноября, обратившись к польским войскам со словами «Братья, час свободы пробил!»
- К стр. 79, сн. 128: * — *Жан-Батист Нотон* (1805—1881) — бельгийский государственный деятель и дипломат, после революции 1830 года — генеральный секретарь министерства иностранных дел Бельгии, затем — премьер-министр.
- К стр. 81, сн. 132: * — *против свирепой реакции карлистов и дона Мигела* — Имеется в виду начало так называемых Карлистских войн в Испании. В изданной королем Фердинандом VII 10 июня 1830 года Прагматической санкции наследницей престола провозглашалась дочь короля Изабелла (сыновей у Фердинанда не было), а его брат, дон Карлос Старший (1788—1855) устранился от престолонаследия. Карлос был изгнан из Испании и нашел приют в Португалии у своего родственника, короля Мигела I (правил в 1828—1834 годах), или дона Мигела, такого же, как и Карлос, сторонника крайнего абсолютизма и клерикализма. После смерти Фердинанда Карлос в октябре 1833 года был провозглашен королем Карлом V в баскских провинциях, после чего восстание быстро охватило Наварру, часть Кастилии и другие регионы Испании. В 1837 году карлисты дошли до Мадрида, но в итоге им пришлось признать королеву Изабеллу, а дон Карлос эмигрировал во Францию. Тем временем в Португалии его союзник дон Мигел после прибытия из Бразилии своего старшего брата Педру в 1834 году был вынужден отречься от престола и покинуть страну.
- К стр. 83, сн. 136: * — *Билль о послаблении католическим диссидентам 1791 года* решил отправление католических богослужений. Под диссидентами в Великобритании понимались все оппоненты государственной Церкви Англии.
- К стр. 83, сн. 137: ** — *Католическая ассоциация* — организация, созданная в Ирландии в 1823 году с целью борьбы за эмансипацию католиков.
- К стр. 87: * — *Джон Брайт* (1811—1889) — английский политический деятель радикального и либерального направления, квакер, сторонник

свободной торговли. В 1839 вместе с Ричардом Кобденом (упоминается в тексте далее) основал Лигу против Хлебных законов. В 1868—1871 годах возглавлял Министерство торговли.

К стр. 87, сн. 144: “ — *Национальный политический союз* — буржуазно-радикальная организация в поддержку парламентской реформы, созданная в Лондоне в 1829 году под руководством фабриканта Фрэнсиса Плейса.

ГЛАВА III

К стр. 96: ‘ — *Мадзини, Джузеппе* (1805—1872) — видный деятель европейского революционного движения, сыгравший ключевую роль в подготовке объединения Италии. В описываемый период находился во Франции, где создал организацию «Молодая Италия». В 1833 году Мадзини был главным организатором вторжения в Пьемонт, совершенного из Швейцарии под началом его сподвижника, генерала Джироламо Раморино, который уже имел опыт участия в польском восстании 1830—1831 годов. Однако экспедиция не удалась, Мадзини был выслан за пределы Франции и переселился в Женеву, а «Молодая Италия» вступила в стадию распада.

К стр. 97: ‘ — *Маколей, Томас Бэбингтон* (1800—1859) — британский политик, историк и писатель, сын промышленника. В 1830 году избрался в Британский парламент и активно включился в дебаты, предшествовавшие парламентской реформе 1832 года. Красноречие Маколея выдвинуло его в первые ряды британских ораторов и сделало его одним из лидеров партии вигов.

К стр. 98, сн. 21: ‘ — *Закон о хозяевах и слугах* 1844 года устанавливал неравные санкции за нарушение трудового соглашения: хозяин платил небольшой штраф, а рабочий попадал на три месяца в тюрьму; хозяин мог свидетельствовать в суде в свою пользу и обжаловать решение суда в высшей инстанции, а рабочий — нет. Кроме того, запрещалось мешать штрейкбрехерам даже угрозами. Закон регулировал отношения между предпринимателем и рабочим до 1863 года.

К стр. 98, сн. 22: “ — *Ирландский принудительный билль, отказ от принятия Билля о десятичасовом рабочем дне, Муниципальные акты* — Ирландский принудительный билль — один из серии чрезвычайных законов, принятых британским парламентом в отношении Ирландии в 1801—1922 годах, получивших название Принудительные акты. После акта об эмансипации католиков 1829 года недовольство в Ирландии на какое-то время стихло, однако затем возродилось из-за неурожая, повлекших за собой голод, и выразилось в резком росте преступности. Реакцией британских властей на это стало принятие очередного «принудительного» билля — так называемого Акта лорда Грея, который действовал

в 1833—1835 годах. Отказ от принятия Билля о десятичасовом рабочем дне — десятичасовой рабочий день был одной из главных задач рабочего движения 1830—1840-х годов, но принятия соответствующего закона парламентом удалось добиться только в 1847 году. Муниципальные акты — имеется в виду реформа местного самоуправления, проведенная Робертом Пилем в 1835 году. До этого в городах Англии сохранялась старая система местного управления, оформившаяся в средние века, однако сразу же после первой избирательной реформы в интересах промышленной буржуазии была проведена и реформа городского самоуправления. По закону 1835 года управление городом переходило к выборным городским советам. В выборах могли участвовать все налогоплательщики — домохозяева и наниматели квартир обоего пола. Городской совет избирал на один год мэра города. Однако муниципальная реформа не затронула вопросы управления графствами, что означало очередную компромисс с земельной аристократией, которая сохраняла управление в сельской местности в своих руках.

К стр. 100, сн. 25: * — *Герцог де Брольи*, Ашиль-Шарль-Леонс-Виктор (1795—1870) — французский государственный деятель. В период Реставрации принадлежал к кругу Гизо и доктринеров, при Луи-Филиппе занимал различные должности в правительстве, в том числе премьер-министра. После захвата власти Наполеоном III удалился от политики и стал литератором.

К стр. 100, сн. 26: * — *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Османской империей предусматривал военный союз между двумя странами в случае, если одна из них подвергалась нападению. Секретная дополнительная статья договора разрешала Турции не посылать войска, но требовала закрытия Босфора для кораблей любых стран (кроме России). Договор вызвал обеспокоенность Франции и Англии, воспринявших его положения как угрозу своему влиянию в Средиземном море, так как положения договора позволяли беспрепятственный выход российских кораблей из Чёрного моря в Средиземное и в то же время давали России возможность заблокировать прохождение военных судов третьих стран в обратном направлении. После истечения срока действия Ункяр-Искелесийского договора под давлением европейских держав была подписана Лондонская конвенция о проливах (1841), лишившая Россию права блокировать вход военных кораблей третьих стран в Черное море.

К стр. 101, сн. 29: * — *Абд-аль-Кафир* (1808—1883) в 1832 году был избран эмиром племенами западного Алжира и создал фактически независимое государство со столицей в Маскаре, формально признав себя вассалом и наместником марокканского султана. В мае того же года началась война Абд-аль-Кадира с французами, которая с

К стр.102: ' —

перерывами продолжалась до 1847 года, когда он сдался и был отправлен во Францию, а затем поселился в Дамаске.

Бельгия... совершила свою революцию мирным путем в 1847 году — имеется в виду принятие закона, существенно снизившего избирательный ценз, что предотвратило развитие событий в Бельгии по французскому сценарию.

К стр.102: " —

Зондербунд — объединение семи католических кантонов Швейцарии (Люцерн, Фрибур, Цуг, Швиц, Ури, Унтервальден, Вале), возникшее осенью 1843 года в связи с недовольством клерикалов проводимыми в Швейцарии либеральными реформами, которые включали подчинение церкви государству, введение свободы преподавания, конфискацию монастырского имущества. 20 июля 1847 года прогрессисты добились от сейма постановления, в котором Зондербунд был признан несовместимым с конституцией; было объявлено о роспуске Зондербунда, а 20 сентября было издано постановление об изгнании иезуитов из Швейцарии. Однако эти меры остались безрезультатными, что привело к войне между Зондербундом и Швейцарской конфедерацией, в которой Австрия, Пруссия и Франция тайно снабжали Зондербунд деньгами и оружием, а потом договорились об активном вмешательстве в швейцарские дела. Военные действия были начаты 3 ноября 1847 года войсками клерикальных кантонов, но закончились уже 29 ноября после поражения Люцерна. Результатом войны стали изгнание иезуитов и принятие в 1848 году новой конституции, которая уменьшала степень независимости кантонов и превращала Швейцарию в федерацию.

К стр. 102, сн. 32: "' —

Люцерн... отомстил за судьбу Кракова в 1846 году — имеется в виду восстание, произошедшее в феврале—марте 1846 года в Кракове, который после Венского конгресса имел статус вольного города. По замыслу организаторов восстания, оно должно было стать сигналом для национально-освободительной революции во всей Польше, однако после подавления восстания русскими и австрийскими войсками Краков был лишен статуса вольного города и включен в состав Австро-Венгрии.

К стр. 103, сн. 36: ' —

неудача 10 апреля — имеется в виду неудавшаяся попытка чартистов подать петицию о расширении избирательных прав в парламент 10 апреля 1848 года. Под петицией стояло 5 млн подписей, однако правительство отвергло ее без обсуждения. Это событие означало окончательный закат чартистского движения.

К стр. 107, сн. 46: ' —

Ледрю-Роллен, Александр-Огюст (1807—1874) — французский политический деятель эпохи Июльской монархии и Второй республики. В 1841 году был избран членом Палаты депутатов, в дальнейшем возглавил радикальное крыло республиканцев.

После Февральской революции 1848 года был избран министром внутренних дел. Участвовал в подавлении июньского восстания, после чего в Национальном собрании стал одним из вождей неоякобинской партии «Горы», присвоившей себе это название в память о Первой республике. В июне 1849 года после провала подготовленного им восстания против президента Луи-Наполеона бежал в Англию, где прожил до 1870 года.

К стр. 107: “ —

«*Партия порядка*» — коалиция консервативных республиканцев-католиков и монархистов, преобладавшая в Законодательном собрании, избранном в мае 1849 года. Лидером «партии порядка» был Адольф Тьер (1797—1877), который первоначально выступал за монархию, однако затем счел, что Луи-Наполеона можно будет легко контролировать на посту президента, и назвал его «наименее худшим из всех возможных кандидатов». Когда эти надежды не оправдались, Тьер и его соратники стали занимать все более жесткую позицию в отношении Луи-Наполеона, что, впрочем, не смогло воспрепятствовать государственному перевороту 2 декабря 1851 года («18-е брюмера Луи Бонапарта»). После этого Тьер был выслан из Франции, однако уже через несколько месяцев ему было дозволено вернуться. Наполеон III чествовал Тьера как «нашего национального историка», но его возвращение в политику состоится только в 1863 году, когда Тьер вновь возглавит парламентскую оппозицию. После падения Второй империи и подавления Парижской коммуны, одним из организаторов которого выступал Тьер, в 1871—1873 годах он занимал пост президента Третьей республики.

К стр. 108, сн. 50: “ —

из-за римской экспедиции 1849 года — 9 февраля 1849 года, вскоре после начала революции в Папской области, в Риме по инициативе Джузеппе Гарибальди была провозглашена республика. На следующий день папа Пий IX обратился к правительствам католических Франции, Австрии и Испании с просьбой оказать ему военную помощь, и президент Франции Луи-Наполеон Бонапарт тут же откликнулся на этот призыв отправкой в Италию экспедиционного корпуса. 4 июля, когда французские войска прорвались к Риму, республика пала, и к власти вернулся Пий IX.

К стр. 109, сн. 53: “ —

21 декабря 1851 года, через три недели после государственного переворота, во Франции был проведен референдум об изменении конституции, предполагавший увеличение срока президентских полномочий до 10 лет. Вопрос, вынесенный на голосование, звучал так: «Вы согласны дать Луи-Наполеону Бонапарту конституционные полномочия на 10 лет?» За это решение высказалось 92% участников референдума при явке 81,7%.

К стр. 110, сн. 54: “ —

Сент-Бёв, Шарль-Огюстен де (1804—1869) — влиятельный французский литератор. В начальный период Второй империи

- восхвалял Наполеона III, однако в последние годы жизни примкнул к противникам империи.
- К стр. 113, сн. 62: ' — *после 1835 года и Тамвортского манифеста* — Ссылка на 1835 год, скорее всего, относится к муниципальной реформе Роберта Пиля (см. выше). Тамвортский манифест — обращение Роберта Пиля к избирателям округ Тамворт, опубликованное в прессе 18 декабря 1834 года, которое стало программным документом Консервативной партии. В нем Пиль заявил, что избирательная реформа 1832 года была «финальным и неотменяемым урегулированием важнейшего конституционного вопроса», обещал, что консерваторы проведут «внимательную ревизию институций, гражданских и церковных», и предложил рассмотрение возможности церковной реформы, в то же время выступив против «вечного вихря смятения».
- К стр. 118, сн. 76: ' — *Ричард Оастлер (1789—1861)* — фабрикант, представитель радикального крыла партии тори, выступавший против эмансипации католиков и избирательной реформы.
- К стр. 118, сн. 76: " — *Майкл Томас Сэдлер (1780—1835)* — английский экономист, депутат парламента. Был широко известен своей благотворительной деятельностью в отношении деревенских бедняков и мало-летних рабочих.
- К стр. 120, сн. 80: ' — *философия Вестминстера и философия Манчестера* — имеется в виду противопоставление государственных интересов, которые в данном случае символизирует Вестминстерский дворец — резиденция парламента Великобритании, и свободной торговли, многие идеологи которой были выходцами из Манчестера («манчестерский» капитализм свободной конкуренции, манчестерская школа политэкономии).
- К стр. 121, сн. 85: ' — *Уолтер Бэджет (1826—1877)* — британский экономист и политический философ, видный представитель манчестерской школы политэкономии.
- К стр. 122, сн. 85: ' — *Банковский акт 1844 года* ограничил деятельность эмиссионных банков и фактически передал полномочия по эмиссии фунта стерлингов Банку Англии.
- К стр. 124 сн. 92: ' — *Раймон Барр (1924—2007)* — премьер-министр Франции в 1976—1981 годах, автор книги "Политическая экономия", выдержавшей 10 изданий.
- К стр. 126: ' — *Анфантен, Бартеlemi-Проспер (1796—1864)* — французский философ, в 1831—1832 годах возглавлял общину сенсимонистов, был осужден за «оскорбление нравственности». После освобождения из тюрьмы уехал в Египет, где выступил с предложением о строительстве Суэцкого канала, затем был директором железнодорожного сообщения Париж—Лион. После революции 1848 года окончательно порвал с социалистами, поддержав переворот Луи-Наполеона, которого Анфантен призывал развивать промышленность во Франции.

- К стр. 126: " — *Исаак Перейр* (1806—1880) — французский бизнесмен и общественный деятель, по происхождению португальский еврей. С 1829 по 1834 годы вместе с братом Эмилем принадлежал к сенсимонистам. В 1835 году братья Перейры приобрели с публичного торга железную дорогу в Сен-Жермен, которая положила начало их богатству. В 1852 году они основали общество *Crédit mobilier*, специализировавшееся на кредитовании промышленности, но в 1867 году обанкротились из-за неудачных спекуляций с деньгами своих вкладчиков.
- К стр. 126, сн. 98: "" — *Четвертый пункт президента Трумэна* — долгосрочная программа технической помощи США экономически слаборазвитым странам Азии, Африки и Латинской Америки, провозглашенная президентом США Гари Трумэном 20 января 1949 года в качестве четвертого пункта его внешнеполитической доктрины.
- К стр. 128: " — *устранив в 1851 году полуофициальный характер Société Générale* — имеется в виду, что банк *Société Générale de Belgique* перестал выполнять функции Национального банка Бельгии, основанного 5 мая 1850 года.
- К стр. 132, сн. 111: " — *Бюрдо, Жорж* (1905—1988) — классик французской политологии, автор десяти томного «Трактата о политической науке». В данном случае цитируется его работа «Либерализм».
- К стр. 132, сн. 112: "" — *Анри де Пейеримхофф произнес речь* — в этом отрывке имеется в виду один из эпизодов периода Революционных и Наполеоновских войн, когда летом 1794 года французская армия под командованием генерала Шарля Пишегрю оккупировала Фландрию, а затем вступила в Голландию, захватив Амстердам и Гронинген. После этого на территории Соединенных Провинций была создана Батавская республика, а в 1806 году Наполеон превратил ее в Голландское королевство во главе со своим братом Луи Бонапартом.
- К стр. 132, сн. 112: "" — *финансовые притязания амстердамского дома Хоупа* — имеется в виду деятельность банкира Генри Хоупа (1735—1811), который после Семилетней войны стал наиболее крупным игроком в сфере международных займов, организуя ссуды правительствам Швеции, Португалии, Баварии и России. В частности, ссуды для португальского короля дали дому Норе & Со эксклюзивное право продавать алмазы из португальских колоний в Бразилии, в результате чего Амстердам стал алмазным центром всей Европы. Торговая и банковская деятельность сделали Генри Хоупа и его кузена Яна Хоупа одними из богатейших людей в Европе, но во время французской оккупации большая часть Хоупов была вынуждена бежать в Лондон.
- К стр. 133: " — *первый Фабричный акт 1833 года, бюджет Пиля 1841 года, Акт о шахтах 1842 года* — Фабричный акт 1833 года (закон Алторпа) сократил продолжительность рабочей недели до 67,5 часа

в неделю, а для детей до 13 лет — до 48 часов. В бюджете на 1842 год Роберт Пиль вновь ввел подоходный налог, существовавший в эпоху Наполеоновских войн, снизил тарифы на ввоз многих видов товаров и сырья, отменил пошлины на экспорт промышленных товаров. Акт о шахтах 1842 года ввел запрет на работу в угольных шахтах женщин и детей до 10 лет.

К стр. 133 сн. 115: " — *Тук, Томас (1774—1858)* — английский экономист из круга Дэвида Рикардо, специализировался на статистике и истории экономики.

К стр. 133 сн. 115: "" — *Ньюмарк, Уильям (1820—1882)* — английский банкир, экономист и статистик.

К стр. 133, сн. 115: "" — *Нассау-старший, Уильям (1790—1864)* — английский адвокат и экономист, участвовал в качестве консультанта парламента в разработке фабричного законодательства 1830-х годов.

К стр. 134, сн. 116: * — *победа революции 1846 года* — имеется в виду отмена Хлебных законов.

К стр. 142: * — *Джон Рёскин (1819—1900)* — английский писатель и теоретик искусства, один из идеологов движения прерафаэлитов.

К стр. 143, сн. 142: * — *Список новых колоний*
Золотой берег — колония на побережье Гвинейского залива, с 1957 года независимое государство Гана.
Лабуан — группа островов близ северо-восточного побережья острова Борнео (Калимантан), ныне входит в состав Малайзии.
Наталь — с 1839 года государство буров в Южной Африке, на побережье Индийского океана; в 1843 году перешло под управление Великобритании.

Синд — историческая область в нижнем течении реки Инд, в 1843 году стала провинцией Британской Индии, ныне — провинция на юго-востоке Пакистана.

Берар — регион в центральной Индии, в настоящее время является частью индийского штата Махараштра.

Ауд — область на севере Индии, в настоящее время входит в состав штата Уттар-Прадеш.

Коулун (Цзюлун) — полуостровная часть Гонконга.

Басутоленд — британская колония в Южной Африке, с 1966 года независимое королевство Лесото.

Грикваланд — британская колония в Южной Африке, по соседству с Наталем и Басутолендом.

Британская Колумбия — провинция на западе Канады, главный город — Виктория.

К стр. 143, сн. 143: " — *Великобритания откажется от... протекционизма... в морском транспорте до 1849 года* — в 1849 году был отменен Навигационный акт 1651 года, который устанавливал, что товары из Азии, Африки и Америки могли ввозиться в Великобританию только на судах, принадлежащих подданным Британии, а их

экипаж должен состоять, по меньшей мере, на 3/4 из британских подданных.

К стр. 146, сн. 152: * — *Тариф Мелена 1892 года* — пакет протекционистских мер, завершивших период свободной торговли, который начался после франко-британского торгового соглашения 1860 года. Назван по имени Жюля Мелена (1838—1925), одного из лидеров Прогрессивной республиканской партии, выступавшей в защиту французской промышленности. В 1896—1898 годах Мелен занимал пост премьер-министра Франции.

К стр. 147, сн. 154: * — *крупнейшие фигуры партии вигов или воздействие неконформизма (Whig grandees or the Nonconformist conscience)* — оба приведенных английских оригинала имеют терминологический характер. Словосочетанием Whig grandees обозначаются ведущие фигуры партии вигов XVIII века, когда она господствовала в британском парламенте: Чарльз Джеймс Фокс, Ричард Бринсли Шеридан, Чарльз Монтегю и др. Термин Nonconformist conscience (воздействие неконформизма) используется для обозначения значительной роли независимых религиозных организаций в британской политике на рубеже XIX—XX веков. Они настаивали, что политические лидеры должны обладать высокими моральными качествами, при этом неконформистский протестантизм (прежде всего методизм и пресвитерианство) был одной из важнейших опор Либеральной партии. Первым значимым эпизодом в данном случае стала кампания, организованная валлийским методистом Хью Прайсом Хьюзом против участия в политике разведенного сэра Чарльза Дайка и уличенного в супружеской неверности Чарльза Стюарта Парнелла.

К стр. 147, сн. 154: ** — *младоанглизм в 1848 году* — имеется в виду Молодая Англия — группа консервативных политиков и публицистов, сформировавшаяся в британском парламенте в 1840-х годах вокруг идеи восстановления привилегий земельной аристократии; лидером Молодой Англии был будущий премьер-министр Бенджамин Дизраэли.

К стр. 148, сн. 155: * — *Питкэрн* — архипелаг в юго-восточной части Тихого океана, английская колония с 1838 года. В настоящее время самая малонаселенная территория Великобритании с постоянным населением порядка 50 человек.

К стр. 149, сн. 159: * — *Коул, Джордж Дуглас Говард (1889—1959)* — английский политический деятель, либертарианский социалист. Один из видных членов Фабианского общества, долгое время стоял на позициях пацифизма.

К стр. 149, сн. 160: ** — *достаточное основание для симпатий к желанию... народа Познани стать Польшей* — имеется в виду восстание в Познани весной 1848 года против прусских властей, после подавления

которого Великое герцогство Познанское в составе Пруссии было превращено в обычную провинцию.

К стр. 150, сн. 161: * — *райят* — в широком смысле: индийский крестьянин, который нес основное бремя податей.

К стр. 150: ** — *острова Уоллис* — архипелаг в юго-западной части Тихого океана, в настоящее время — часть заморской общины Франции Уоллис и Футуна.

К стр. 151: * — «54°40' или война» — Согласно договору 1818 года, граница между США и Британской Северной Америкой (Канадой) была проведена вдоль 49-й параллели от штата Миннесота до Скалистых гор. Территория Орегона, расположенная к западу от Скалистых гор, признавалась свободной для совместного использования англичанами и американцами. Однако во время президентских выборов 1844 года демократы включили в свою программу заявление о том, что претензии США на всю территорию Орегона «ясны и неоспоримы». В конгрессе образовалась группа экспансионистов, выступавших за присоединение всего Орегона вплоть до 54°40' северной широты, то есть до южной границы русской Аляски. В стране стал набирать популярность лозунг «54°40' или война», авторство которого приписывается сенатору Уильяму Аллену. Летом 1845 года Великобритания и США направили к тихоокеанскому побережью военные корабли. Однако в 1846 году, когда началась американо-мексиканская война, США не могли позволить себе вести боевые действия на два фронта, поэтому вновь стали искать компромисс в вопросе об Орегоне. В июне 1846 года был заключён договор, согласно которому граница между английскими и американскими владениями была проведена по 49-й параллели, при этом остров Ванкувер целиком остался за Великобританией. Тем самым была окончательно установлена современная граница между США и Канадой.

К стр. 151, сн. 165: ** — *Дэвид Уркварт* (1805—1877) — английский дипломат и писатель, автор радикально антирусского памфлета «Англия, Франция, Россия и Турция».

К стр. 151, сн. 165: *** — *Холиок*, Джордж Джейкоб (1817—1906) — английский журналист. Начиная как последователь Роберта Оуэна, затем выступил одним из первых теоретиков кооперации для рабочего класса. Ввел в оборот термины «секуляризм» и «джингоизм» (шовинистический национализм в Англии).

К стр. 153: * — *окончательной демонстрации британского бессилия и пацифизма в отношении Шлезвиг-Гольштейна* — имеется в виду аннексия Пруссией и Австрией северогерманского герцогства Шлезвиг-Гольштейн после краткосрочной войны с Данией в начале 1864 года. По условиям мира эта территория была передана в совместное управление Пруссии и Австрии, но уже в

1866 году из-за взаимных разногласий союзники начали войну между собой, безоговорочным победителем в которой стала Пруссия. 12 января 1867 года Шлезвиг-Гольштейн был объявлен прусской провинцией.

- К стр. 153, сн. 170: “ — *дело Пасифико* — один из эпизодов так называемой «дипломатии канонерок». После того как в 1847 году группа греков разгромила в Афинах дом некоего торговца гибралтарского происхождения Дэвида Пасифико, имевшего британский паспорт, тот обратился в министерство иностранных дел Великобритании, пожелав на этом основании добиться от греческого правительства компенсации ущерба на запредельную по тем временам сумму в 31 тысячу фунтов стерлингов. В ответ премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон направил в Грецию военную флотилию, которая блокировала порт Пирея и начала захват греческих кораблей. Эти события вызвали возмущение европейской общественности, а Палата лордов большинством голосов осудила действия премьер-министра лорда Пальмерстона. Однако ему удалось переломить позицию парламента, произнеся пятичасовую речь, в которой был сделан акцент на внутреннем положении Греции и «тираническом правлении» короля Оттона Баварского.
- К стр. 157, сн. 175: ‘ — *лорд Дерби*, Эдуард Джефри Смит-Стэнли (1799—1869) — лидер Консервативной партии до Бенджамина Дизраэли, в период парламентской реформы 1867 года занимал пост премьер-министра Великобритании.
- К стр. 157, сн. 175: “ — *Гаторн-Гарди*, Гаторн (1814—1906) — видный деятель британской Консервативной партии, в кабинете лорда Дерби (1866—1868) заведовал делами по призрению бедных, затем занимал пост министра внутренних дел.
- К стр. 158, сн. 176: ‘ — *разница между биллем Пальмерстона 1860 года и биллем Дерби Дизраэли 1867 года была невелика* — В 1860 году кабинет Пальмерстона предложил снизить размер избирательного ценза до уровня 6 фунтов стерлингов ежегодной арендной платы за жилье, однако это было признано «подлинно опасным». Парламентская реформа 1867 года установила разные избирательные цензы для самоуправляемых городов (боро) и графств — двух основных исторически сложившихся типов избирательных округов в Англии (разница между ними значима для понимания рассуждений Мура). В боро право голоса было предоставлено всем домовладельцам, платившим налоги, или съёмщикам жилья, арендная плата за которое составляла не менее 10 фунтов в год, при условии проживания в нем более 12 месяцев. В графствах избирательный ценз составил 12 фунтов в год для собственников или нанимателей жилья либо 5 фунтов в год для владельцев или арендаторов земли.

- К стр. 159, сн. 177: * — *людям политической экономии 2 декабря* — имеется в виду государственный переворот 2 декабря 1851 года, после которого Луи-Наполеон провозгласил себя императором («восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).
- К стр. 161: * — *Эдвин Чедвик (1800—1890)* — английский социальный реформатор. В 1838 году стал инициатором принятия закона об учете родившихся и умерших, способствовавшего возникновению санитарной статистики. Доклад Чедвика о санитарных условиях жизни промышленных рабочих 1842 года послужил основой для закона об общественном здоровье и создания Главного управления здравоохранения (1848).
- К стр. 162, сн. 181: * — *оппортунистическая республика окончательно реализует обещания, сделанные [Наполеоном III] в его письме от 5 января 1860 года* — имеется в виду упоминаемое выше письмо Наполеона III министру двора Ашилю Фульду, в котором император явочным порядком провозгласил отмену ряда важных пошлин на торговлю с Великобританией и прочими странами.
- К стр. 165: * — *Лорд Килмуйр, Дэвид Максвелл Файф (1900—1967)* — английский консервативный политик, в 1954—1962 годах — лорд-канцлер Великобритании.
- К стр. 165: ** — *Шефтсбери, Энтони Эшли Купер (1671—1713)* — английский философ, оппонент теории Томаса Гоббса об эгоистической природе человека. Конечной целью человеческого существования Шефтсбери считал добродетельность, рассматривая нравственность как сбалансированное соотношение общественных и эгоистических наклонностей.
- К стр. 165, сн. 187: *** — *Ричард Остлер (1789—1861)* — английский социал-реформатор из партии тори, борец за ограничение использования детского труда на фабриках. Был одним из инициаторов принятия закона о десятичасовом рабочем дне в 1847 году.
- К стр. 165, сн. 187: **** — *Кингсли, Чарльз (1819—1875)* — англиканский священник, писатель, историк, один из основателей английского христианского социализма.
- К стр. 166: * — *Чемберлен, Джозеф (1836—1914)* — английский консервативный политик, отец будущего премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена.

ГЛАВА IV

- К стр. 177: * — *Фабр д'Эглантин, Филипп-Франсуа-Назир (1750—1794)* — французский актер, публицист и политический деятель. В Конвенте входил в группу сторонников Дантона, был казнен вместе с ним.
- К стр. 177: ** — *Андре Амар (1755—1816)* — адвокат, депутат Конвента от департамента Изера. Выступал одним из обвинителей на процессе

- жирондистов, способствовал расправе над сторонниками Дантона и «бешеными», а затем и казни Робеспьера.
- К стр. 178: ' — *Ланжюин*, Жан-Дени (1753—1827) — граф, в период Великой Французской революции видный представитель жирондистов, при Наполеоне — сенатор.
- К стр. 178: " — *Шометт*, Пьер-Гаспар (1763—1794) — один из наиболее радикальных деятелей Великой Французской революции, сторонник крайнего террора.
- К стр. 178: "" — *В 1795 году, после jointnée первого прериаля* — имеется в виду парижское восстание 20—23 мая 1795 года, когда рабочим удалось захватить Конвент, но они были подавлены войсками.
- К стр. 178, сн. 12: "" — *Ami du peuple Леклерка* — после убийства Жан-Поля Марата издателем его газеты «Друг народа» стал журналист Жан-Теофиль Леклерк (1771—1796), разделявший позиции «бешеных». Его супруга Полина Леон и бывшая возлюбленная Клер Лакомб были основательницами Общества революционных республиканок.
- К стр. 179: ' — *Кристина Пизанская* (1364/65—1430) — французская писательница итальянского происхождения, автор «Книги о Граде женском», в которой утверждалось, что женщина ни в чём не уступает мужчине по своим способностям; считается предтечей современного феминистского движения.
- К стр. 180: ' — *Аббат Грегуар*, Анри (1750—1831) — депутат Учредительного собрания от департамента Нанси, выступал за отмену привилегий дворянства, эмансипацию евреев и дарование гражданских прав свободнорожденным неграм и мулатам колоний в виде переходной ступени к полной отмене рабства.
- К стр. 181: ' — *клуб Массиака*, или Корреспондирующее общество французских колонистов, был назван по имени маркиза де Массиака, в чьем парижском особняке в 1789 году была создана эта организация.
- К стр. 181: " — *Дюпон де Немур*, Пьер-Самюэль (1739—1817) — французский экономист из школы физиократов, депутат Учредительного собрания, придерживался консервативных позиций.
- К стр. 188, сн. 24: ' — *крах восстания Бланки в 1839 году* — французский социалист Огюст Бланки (1805—1881) участвовал в восстании 27 июля 1830 года, но быстро разочаровался в Июльской монархии и начал с ней открытую борьбу. В 1832 году Бланки был осуждён на годичное тюремное заключение и штраф, в 1836 году вновь был приговорен за участие в недозволенном обществе к двухлетнему заключению и штрафу. Но уже в мае 1839 года он снова возглавил восстание против Луи-Филиппа, через полгода был арестован и приговорён к смертной казни, замененной королем на пожизненное заключение.
- К стр. 192, сн. 31: ' — *кооперативный социализм* — направление европейской социалистической мысли, возникшее в 1830—1840-х годах и

наследовавшее утопическому социализму Роберта Оуэна. Один из главных теоретиков кооперативного социализма Уильям Кинг (1786—1865) рассматривал в качестве ключевой формы объединения трудящихся потребительские кооперативы, которые позволят превратить рабочих в собственников средств производства и тем самым снять противоречия между капиталом и трудом.

К стр. 192, сн. 31: “ — *Общество прав человека и гражданина* — демократическая организация, возникшая в феврале 1848 года в ходе революции во Франции. Объединяло мелкобуржуазных демократов левого направления (свыше 3 тысяч членов) и было тесно связано с революционными клубами Парижа и провинциальных городов. Ставило своей целью защиту прав народа и развитие «социальных последствий» Февральской революции, упрочение демократических свобод на основе принципов «равенства, солидарности и братства», выступало за вооруженную борьбу против контрреволюции. Прекратило свою деятельность после поражения Июньского восстания 1848 года.

К стр. 193: “ — *Католическую ассоциацию, возглавляемую О’Коннеллом* — имеется в виду так называемая Ассоциация отзыва (Repeal Association), основанная ирландским политиком Дэниелом О’Коннеллом (1775—1847) с целью отмены Акта об унии Великобритании и Ирландии 1800 года после того, как власти Великобритании осуществили в 1829 году эмансипацию католиков. Самому О’Коннеллу это позволило стать первым со времен короля Иакова II католическим лорд-мэром Дублина.

К стр. 207, сн. 59: “ — *покушения 1878 года* — В мае 1878 года жестящик из Лейпцига Макс Хедель неудачно покушался на кайзера Вильгельма I. Спустя несколько недель студенту из Дрездена Карлу Эдуарду Нобилингу удалось ранить кайзера, но тот остался жив и правил еще 10 лет. Эти события дали толчок для анархистского террора по всей Европе.

К стр. 209, сн. 63: “ — *Уильям Джеймс Эшли* (1860—1927) — британский экономист, представитель исторической школы.

К стр. 211: “ — *преобразование [в 1905 году]* — имеется в виду образование ФССИ (СФИО) в результате слияния Французской социалистической партии с более радикальной Социалистической партией Франции, которое произошло в 1905 году в соответствии с решением Амстердамского конгресса Второго Интернационала в 1904 году. Эта структура также носила название Объединенной рабочей партии.

К стр. 211: “ — *коалиционное правительство во главе с Пьером Вальдеком-Руссо* было сформировано в 1899 году из таких разнородных деятелей, как генерал Галифе, участник подавления Парижской Коммуны, и социалисты Мильеран и Боден. Несмотря на это,

правительство продержалось три года и оказалось самым долговечным в период Третьей республики.

К стр. 211, сн. 65: "" — *от бойни на Марсовом поле в 1791 году до убийств в Фурье в 1891 году* — имеются в виду расстрел мирной демонстрации в Париже с петицией об упразднении монархии 17 июля 1791 года и расстрел забастовки рабочих 1 мая 1891 года в городе Фурье в департаменте Нор.

К стр. 211: "" — *Индустриальные рабочие мира (ИРМ)* — международная рабочая организация, основанная в Чикаго в июне 1905 года в результате соглашения 200 социалистов, анархистов и радикальных профсоюзных активистов со всей территории США, выступавших против политики Американской федерации труда (АФТ). Целью ИРМ было развитие солидарности рабочего класса в революционной борьбе для последующего уничтожения классовой эксплуатации под девизом «несправедливость в отношении одного — несправедливость для всех». Суть разногласий ИРМ с АФТ заключалась в том, что последняя изначально противопоставляла себя социалистическому движению, утверждая, что для рабочих важны не теории, а реальные материальные достижения. Консервативная верхушка АФТ провозглашала политику классового сотрудничества с предпринимателями, противодействовала приёму в профсоюзы неквалифицированных рабочих, афроамериканцев и иммигрантов.

К стр. 212, сн. 67: ' — *Рыцари труда* — общественный союз в защиту прав рабочих, основанный в качестве тайного общества в 1869 году портным Урией Стивенсом, бывшим членом масонского ордена и филадельфийского профсоюза портных-закройщиков. Уже к началу 1880-х годов движение насчитывало десятки тысяч адептов, но затем стало быстро терять влияние, особенно после того, как в 1886 году от него отпочковался ряд цеховых профсоюзов, сформировавших Американскую федерацию труда во главе с профсоюзным лидером Сэмюэлем Гомперсом.

К стр. 214: ' — *Акт об исключении китайцев 1882 года* был принят Конгрессом в ответ на массовую иммиграцию китайцев на запад США. К моменту его принятия в Калифорнии осели более чем 200 тысяч (почти 10% её населения) китайцев, что привело к резкому росту конкуренции за рабочие места. Действие антикитайского закона должно было продлиться 10 лет, но в общих чертах он просуществовал до 1906 года.

К стр. 214: "" — *соглашения об «открытом предприятии»* — то есть о обязательном членстве в профсоюзе; такое предприятие могло принимать на работу как членов, так и нечленов профсоюза.

К стр. 215: ' — *Гайндман, Генри (1842—1921)* — британский политик и писатель, в 1881 году основал Социал-демократическую федерацию

- Великобритании. Выступал против англо-бурской войны, а после организации Второго Интернационала в 1900 году защищал идею введения самоуправления в Индии.
- К стр. 215: " — *Гендрик ван Коль* (1852—1925) — голландский социал-демократ. В отличие от других европейских социалистов своего времени, решительно выступал в поддержку колониализма.
- К стр. 215, сн. 69: "" — *Карл Реннер* (1870—1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.
- К стр. 216: ' — *Джеймс Коннолли*, считавший себя и марксистом, и ирландским националистом, в 1914 году уяснил, что со стороны европейского рабочего класса произошло предательство пролетарского интернационализма — до 1914 года национальный герой Ирландии Джеймс Коннолли был одним из лидеров ирландского рабочего движения, в 1912 году он стал одним из основателей ирландской Лейбористской партии. Однако после начала Первой мировой войны Коннолли выступил против военного призыва в Ирландии и быстро пришел к пониманию того, что единственным спасением от империалистической войны станет вооружённое восстание.
- К стр. 216, сн. 70: ' — *снятие осады Мафекинга* — один из наиболее известных эпизодов англо-бурской войны. Блокада бурами города Мафекинг в Капской колонии длилась 217 дней, с октября 1899 по май 1900 года, ее снятие было отмечено в Англии праздниками и торжествами.
- К стр. 217: ' — *Флора Тристан* (1803—1844) была дочерью испанского военного офицера и большую часть жизни прожила в Перу. Ее книги «Паломничества парии», «Прогулки по Лондону» и «Рабочий союз» внесли большой вклад в становление феминистского движения. Внуком Флоры Тристан был великий художник Поль Гоген.
- К стр. 222: ' — *брусисты* (они же *поссибилисты*) — последователи Поля-Луи-Мари Бруса (1844—1912), участника Парижской Коммуны, который после возвращения из эмиграции в начале 1880-х годов выдвинул умеренную программу рабочего движения, основной идеей которой было «добиваться возможного» (отсюда второе название). В 1882 году, когда французская Рабочая партия разделилась на гедистов и поссибилистов, последние стали называться Рабочей партией социалистов-революционеров, а затем Федерацией французских трудящихся-социалистов. Поссибилисты пытались руководить и международным рабочим движением, однако большинство социалистических организаций предпочли марксистскую доктрину.

- К стр. 223: ' — Анна Кулешова (наст. фамилия Розенштейн) (1854—1925) — уроженка Симферополя, участница народнического движения, с 1877 года жила в эмиграции (с 1885 года — в Милане). В начале 1890-х годов вместе со своим третьим мужем Филиппо Турати выступила основательницей социалистического журнала «Критика Социале» и Партии итальянских трудящихся (с 1895 года — Итальянской социалистической партии).
- К стр. 224: ' — Элизабет Кэди Стэнтон (1815—1902) — американская общественная деятельница, аболиционистка, влиятельная фигура в раннем движении за права женщин. Её Декларация чувств, впервые представленная на первом конвенте по правам женщин (1848 год, Сенека Фолс, штат Нью-Йорк), считается документом, инициировавшим появление организованных движений за женское равноправие и избирательное право для женщин в США. К 1868 году, когда произошел описываемый Валлерстайном случай, Стэнтон уже давно была широко известным общественным деятелем и вела активную агитацию против 14-й поправки к Конституции США, которая не включала женщин в число лиц, наделенных правом голоса (см. ниже в основном тексте).
- К стр. 232: ' — Жюль Симон (1814—1896) — французский философ либерального направления, публицист и государственный деятель, премьер-министр Франции в 1876—1877 годах.
- К стр. 234: ' — Британские суфражистки столь же уверенно разбили образ женщины как пассивного, зависимого создания, сколь и зеркальные стекла на Риджент-стрит — имеется в виду регулярная практика суфражисток бить стекла в правительственных учреждениях и магазинах в ответ на нежелание властей и Англиканской церкви признать их требования права голоса.
- К стр. 235: ' — Акты о заразных болезнях были приняты в Великобритании в 1864, 1866 и 1869 годах для контроля распространения венерических заболеваний, в особенности у солдат и моряков. Эти акты предполагали, что любая женщина может быть подвергнута медицинскому обследованию и в случае выявления признаков венерических заболеваний отправлена на принудительное лечение. Принятие данных актов вызвало волну общественного протеста, наиболее заметной фигурой которого стала Джозефина Батлер, супруга англиканского священника, считающаяся первой британской феминисткой.
- К стр. 240, сн. 104: ' — Чарльз Самнер, Хорас Грили, Геррит Смит и Уэнделл Филлипс — известные американские политики середины XIX века, сторонники аболиционизма.
- К стр. 241: ' — Люси Стоун (1818—1893) — знаменитая американская аболиционистка и суфражистка, соосновательница ряда влиятельных женских организаций.

- К стр. 241, сн. 106: " — *Хоумстедская стачка* 1892 года в городе Хоумстед (штат Пенсильвания) стала одним из самых острых конфликтов в истории рабочего движения США конца XIX века. Причиной забастовки стал локаут, объявленный в ответ на протесты рабочих, входивших в Объединённую ассоциацию работников железоделательной и сталелитейной промышленности, против требования компании по снижению заработной платы. В забастовке приняли участие около 8 тысяч человек.
- К стр. 241, сн. 106: "" — *Юджин Дебс* (1855—1926) — один из наиболее известных левых политиков США, соорганизатор Социалистической партии Америки (1900—1901) и организации «Индустриальные рабочие мира».
- К стр. 242: ' — *Шарлотта Перкинс Гилман* (1860—1935) — известная американская феминистка, социолог и писательница. Упомянутый Валлерстейном эпизод произошел в ходе конвента по женскому избирательному праву, состоявшегося в Новом Орлеане в 1903 году.
- К стр. 242, сн. 109: " — *Кэтт, Кэрри Чепмен* (1859—1947) — американская суфражистка, организатор национальной кампании по принятию 19-й поправки к Конституции США, которая наделила женщин избирательным правом.
- К стр. 243: ' — *Жозефина Сен-Пьер Раффин* (1842—1924) — американская общественная деятельница, основательница первой газеты чернокожих женщин США «Женская эпоха».
- К стр. 243, сн. 112: " — *Уиллард, Фрэнсис Элизабет Кэролайн* (1839—1898) — американская общественная деятельница, один из организаторов борьбы за избирательное право для женщины и движений за трезвость. Была первой женщиной-деканом в Северо-Западном университете в Чикаго.
- К стр. 244: ' — *Мы испытали многое от рук Патрика, а „новая женщина“ добавит к этому и Бриджет* — Под Патриком в данном случае имеется в виду небесный покровитель Ирландии св. Патрик, а под Бриджет подразумевается карикатурный образ ирландской женщины Бриджет Макбрюизер в американской прессе. Иными словами, речь идет об опасениях антисуфражистов, что наделение женщин избирательным правом удвоит голоса католиков-ирландцев.
- К стр. 244: "" — *миссис Букер Т. Вашингтон* — Маргарет Мюррей-Вашингтон (1865—1925), третья жена Букера Талиафера Вашингтона (1856—1915), выдающегося афроамериканского просветителя и оратора, также активно участвовала в общественной деятельности, выступив, в частности, одной из основательниц Национальной ассоциации цветных женщин (1896).
- К стр. 244, сн. 112: "" — *Опустите свое ведро рядом с собой* — в своем выступлении в Атланте в 1895 году Маргарет Мюррей-Вашингтон напомнила

легенду о морях, которые потеряли курс в океане и остались без пресной воды. Встреченное ими судно четыре раза просигналило опустить за борт ведро, и когда они сделали это, то за бортом оказалась пресная вода, потому что они приплыли к устью Амазонки. Мюррей-Вашингтон использовала эту аналогию, чтобы призвать белых американцев установить добрососедские отношения с негритянским населением США, которое на тот момент составляло 8 млн человек.

- К стр. 245, сн. 117: * — *Содружество* — имеется в виду официальное название Англии при Кромвеле — Английское Содружество (Commonwealth of England).
- К стр. 246, сн. 118: * — *Буленвилле* (1658—1722), Анри де, граф — французский историк, одним из первых осмысливший значение завоевания франками Галлии для возникновения французской аристократии.
- К стр. 246, сн. 118: ** — *граф де Монлозье*, Франсуа-Доминик-Рено (1755—1838) — французский историк и публицист. В книге «О французской монархии», написанной по заказу Наполеона, доказывал, что истинный народ Франции — это феодальная аристократия, а третье сословие — народ пришлый. Книга не оправдала ожиданий императора и была издана лишь в 1814 году.
- К стр. 246, сн. 119: *** — *Гобино*, Жозеф-Артур де (1816—1882) — французский писатель, социолог, автор арийской расовой теории, впоследствии взятой на вооружение национал-социалистами.
- К стр. 248, сн. 123: * — *Вильмен*, Абель-Франсуа (1790—1870) — французский историк, писатель и государственный деятель. Принадлежал к кругу доктринеров, в период Июльской монархии занимал пост министра просвещения.
- К стр. 248, сн. 123: ** — *Кузен*, Виктор (1792—1867) — французский философ, историк и политический деятель. В период Июльской монархии также был министром просвещения, его философия спиритуалистского толка в этот момент приобрела статус официальной доктрины.
- К стр. 248, сн. 123: *** — *эссенциализм* — теоретическая установка, предполагающая приписывание некоторой сущности (в данном случае расы) неизменного набора качеств и свойств.
- К стр. 249: * — *Полигенез* — в данном случае теория происхождения рас от разных источников.
- К стр. 249, сн. 125: ** — *Солсбери*, Роберт Гаскойн-Сесил (1830—1903) — английский политик, в 1898 году — премьер-министр от Консервативной партии и министр иностранных дел. Был одним из инициаторов колониального раздела Африки, оправдывая империалистические устремления цивилизаторской миссией европейцев по отношению к «отсталым» расам.
- К стр. 249, сн. 127: *** — *Буффон*, Жорж-Луи Леклерк де (1707—1788) — французский натурфилософ и естествоиспытатель, выдвинул идею о единстве растительного и животного мира.

- К стр. 250: ' — *Баллани*, Пьер-Симон (1776—1847) — французский писатель и поэт консервативного толка. См. примечание к стр. 27 сн. 4 на стр. 332.
- К стр. 251: ' — *Законы Джима Кроу* — неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890—1964 годов, связанное с комическим персонажем песни «Прыгай, Джим Кроу», которую некий Томас Райс исполнял с вымазанным жжёной пробкой лицом. Песня вошла в число популярных номеров уличных музыкантов, благодаря чему имя Джим Кроу стало нарицательным для обозначения бедно одетого неграмотного чернокожего. Первый из сегрегационных законов относился к железным дорогам Луизианы (1890 год), и уже к 1915 году в каждом южном штате были приняты законы, которые устанавливали сегрегацию в учебных заведениях, отелях, магазинах, ресторанах, больницах, транспорте, туалетах и т.д.
- К стр. 253, сн. 133: ' — *Земельные акты* — серия законов о собственности на землю в Ирландии, принятых британским парламентом с 1870 по 1909 годы. Первый из них был принят под влиянием революционного движения фениев и распространил на всю Ирландию систему землевладения в Ольстере, где арендатор мог быть выселен с земли не по произволу лендлорда, а лишь после определенной компенсации.
- К стр. 253, сн. 133: " — *Акты о собственности замужних женщин* — серия британских законов, начало которой было положено в 1882 году, когда замужним женщинам было позволено самостоятельно владеть и управлять собственностью.

ГЛАВА V

- К стр. 259: ' — *благодаря знаменитой Ридской лекции Ч.П. Сноу в Кембриже 1959 года* — в лекции «Две культуры» английский писатель-реалист Чарльз Перси Сноу говорил о драматическом расколе современной западной интеллигенции на две субкультуры: научную и художественную. Между этими мирами, отмечал Сноу, — почти непреодолимая пропасть, вызванная полярными отношениями представителей двух культур к промышленной и научной революциям, обществу и даже самой человеческой личности. Убедительность рассуждениям Сноу придавало то, что он совмещал в одном лице указанные две культуры, будучи не только писателем, но и ученым-химиком. Это выступление было сделано в рамках так называемых Ридских лекций, ежегодно проходящих в Кембридже в честь английского юриста XVI века сэра Роберта Рида.
- К стр. 260: ' — *Коллеж де Франс или Королевское общество в Великобритании* — Коллеж де Франс — учебно-исследовательское учреждение в Латинском квартале Парижа, предлагающее бездипломные

курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам; образован при Франциске I как институт королевских профессоров, с XVII века носил название Королевский коллеж, современное название имеет с 1870 года. Королевское общество (Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе) — британский аналог академии наук, создано в 1660 году.

- К стр. 262: ' — Уильям Гамильтон (1805—1865) — математик, механик, физик и астроном, один из крупнейших британских ученых XIX века.
- К стр. 263: ' — принц Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский (1819—1861) — супруг королевы Виктории, был известен разнообразной общественной деятельностью.
- К стр. 263: '' — Джон Генри Ньюмен (1801—1890) — кардинал, одна из важнейших фигур религиозной жизни Англии Викторианской эпохи.
- К стр. 263: ''' — Мэтью Арнольд (1822—1888) — поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных британских литературоведов и эссеистов Викторианской эпохи.
- К стр. 264, сн. 10: ' — Вьюэлл, Уильям (1794—1866) — английский философ, теолог и историк науки. В работе «Философия индуктивных наук» (1840) отмечал, что «нам крайне нужно подобрать название для обозначения занимающегося наукой вообще. Я склонен называть его Учёным».
- К стр. 270, сн. 18: ' — Луйо Брендано (1844—1931) — немецкий экономист, младший брат философа и психолога Франца Брендано.
- К стр. 274: ' — Герберт Бакстер Адамс (1850—1901) — американский педагог и историк, работал в университете Джонса Хопкинса.
- К стр. 274: '' — Джон Бейтс Кларк (1847—1938) — американский экономист, основатель школы маржинализма и автор теории предельной производительности. В 1895—1923 годах преподавал в Колумбийском университете.
- К стр. 277, сн. 27: ' — Биологической точке зрения не требовалось обязательно базироваться на менделевских принципах наследственности. Некоторые ученые развивали подобные взгляды, исходя из воззрений Ламарка — В отличие от основателя генетики Грегора Иоганна Менделя (1822—1884), который является признанным авторитетом для современной науки, Жан-Батист Ламарк (1744—1829) принадлежит к предыдущей парадигме знания, близкой к натурфилософии. В широком смысле к ламаркистским относятся различные эволюционные теории, в которых в качестве основной движущей силы эволюции рассматривается некое внутренне присущее организмам стремление к совершенствованию.
- К стр. 279, сн. 30: ' — Слейдан, Иоганнес (1506—1556) — немецкий историк, главный труд — «Рассуждения о положении религии и государства при императоре Карле V» (в 26 книгах) (1555).

- К стр. 279, сн. 30: " — *Попелиньер*, Ланселот-Буазен (1541—1608) — французский историк, автор «Истории Франции с 1550 по 1577 годы».
- К стр. 281: ' — *Бертольд Нибур* (1776—1831) — немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима.
- К стр. 283, сн. 40: ' — *Historische Zeitung* — первый европейский исторический журнал, основанный в 1859 году в Мюнхене Генрихом фон Зибелем.
- К стр. 285: ' — *Сам термин «экономика» (economics) был поздним изобретением* — здесь и далее термин «экономика» означает не просто экономическую науку в расхожем понимании, а ту ее версию, которая известна как «экономикс».
- К стр. 287: ' — *Вальрас*, Леон (1834—1910) — французский экономист, представитель маржинализма. Впервые ввел закон рыночного равновесия (спрос равен предложению).
- К стр. 287: " — *идеологи* — группа французских экономистов, лидером которой был Антуан-Луи Дестют де Траси (1754—1836), в начале XIX века впервые предложивший сам термин «идеология» в значении науки о том, как сознание производит идеи из ощущений.
- К стр. 287: "' — *Институт Франции* (Национальный институт наук и искусств) был учрежден в 1795 году для «собрания находок и совершенствования искусств и наук», первоначально имел три класса (отделения): физики и математики, моральных и политических наук, литературы и искусств.
- К стр. 289: ' — *Джеванс*, Уильям Стэнли (1835—1882) — английский экономист, статистик, философ-логик. Профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере (1866—1876) и Лондоне (1876—1880). Основатель математической школы в политической экономии, один из основоположников теории предельной полезности.
- К стр. 289, сн. 46: " — *Ричард Уотли* (1787—1863) — английский философ и экономист, первый президент Общества статистических и социальных исследований Ирландии. В 1838 году предложил термин «каталлактика», ранее использовавшийся у Аристотеля в значениях «рыночное хозяйство, использующее деньги в качестве посредника в обмене», «превращение врагов в друзей», «превращение чужого в члена общины». Предметом изучения каталластики Уотли рассматривал расширенный порядок человеческого взаимодействия.
- К стр. 290: ' — *действия Маршалла, похоже, заставили Каннингема покинуть Кембридж к 1891 году* — Уильям Каннингем читал лекции по истории в Кембридже с 1874 по 1891 годы. В 1891 году он занял кафедру экономики в Королевском колледже в Лондоне, но в качестве внештатного сотрудника продолжал жить в Кембридже, где и умер в 1919 году.
- К стр. 290: " — *в знаменитом споре о методах Маршалл не стал на сторону Карла Менгера* — имеется в виду происходившая в

1880—1890-х годах дискуссия между двумя экономическими школами — австрийской и исторической, которая стала важным этапом в развитии экономической науки. Основатель «молодой» исторической экономической школы Густав фон Шмоллер утверждал, что экономика должна быть исторической дисциплиной, основанной на эмпирических и индуктивных исследованиях, этически и практически ориентированной, направленной на междисциплинарный подход и изучение институциональной динамики. Австрийский же экономист Карл Менгер в противовес «историкам» считал, что экономическая наука не зависит от исторических обстоятельств и национальной специфики. Он утверждал, что задача учёного-экономиста состоит в том, чтобы свести явления народного хозяйства к простейшим элементам, полагая, что изучение экономики с помощью методов истории противоречит самой сути данной науки.

К стр. 290, сн. 43: "" — *Вильгельм Рошер* (1817—1894) — немецкий экономист, представитель исторической школы.

К стр. 290, сн. 47: "" — *Торольд Роджерс* (1823—1890) — английский экономист и либеральный политик, придерживался взглядов, близких к исторической школе.

К стр. 292, сн. 51: ' — *Пизу*, Артур Сесил (1877—1959) — английский экономист, представитель Кембриджской неоклассической школы, ученик Альфреда Маршалла.

К стр. 293: ' — *Карл Книс* (1821—1898) — немецкий экономист, представитель исторической школы в политэкономии.

К стр. 295: ' — *Ecole polytechnique* — высшая школа для подготовки инженеров, основанная французскими учёными Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в 1794 году. Во Франции является одновременно символом картезианства и прогресса французской индустрии.

К стр. 298, сн. 60: ' — *Люсьен Эрр* (1864—1926) — французский интеллектуал, библиотечарь Высшей Нормальной школы. Был другом ряда известных французских социалистов, включая Жана Жореса, и активным сторонником Дрейфуса.

К стр. 298, сн. 60: "" — *L'Humanité* («Человечество») — ежедневная коммунистическая газета во Франции, основанная в 1904 году Жаном Жоресом; с 1920 по 1994 годы — центральный орган Французской коммунистической партии.

К стр. 301: ' — *Колледж Колби* — частный колледж свободных искусств в штате Мэн, основан в 1813 году; в 1871 году стал первым учебным заведением в своем роде в Новой Англии, который стал принимать женщин.

К стр. 301: "" — *Франклин Гиддингс* (1855—1931) — президент Американского социологического общества (1908), основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894).

Ориентировался на создание всеохватывающей социологической системы, исходя из психологических оснований, понимал социологию как науку, изучающую психические явления в их более высокой сложности и противодействии.

- К стр. 301, сн. 64: *** — *Социальное Евангелие* — влиятельное на рубеже XIX–XX века протестантское движение либерального толка, применявшее христианскую этику к таким социальным проблемам, как неравенство, пьянство, преступность, расовые конфликты, плохая гигиена, детский труд и т.д.
- К стр. 306: ' — *ревностный профессионализм Юридической школы* — одно из старейших образовательных учреждений США, Юридическая школа Колумбийского университета была основана в 1858 году и уже к концу XIX века приобрела громадный авторитет.
- К стр. 306: '' — *Стаффорд Норткот*, 1-й граф Иддесли (1818–1887) — английский государственный деятель, консерватор, занимал ряд министерских постов в кабинетах Дерби и Дизраэли.
- К стр. 306: *** — «*шиишки*» — группа деятелей Республиканской партии, сформировавшаяся во время выборной кампании 1884 года, когда от республиканцев в президенты баллотировался Джеймс Г. Блейн, которого подозревали в коррупции. В связи с этим обстоятельством часть республиканцев поддержала кандидата от демократов Гровера Кливленда, который и победил на выборах. К лидерам «шишек» относились два представителя известной политической династии США: писатель Генри Адамс и крупный железнодорожный чиновник Чарльз Фрэнсис Адамс-младший, внуки 6-го президента США Джона Квинси Адамса.
- К стр. 306: **** — *гринбекеры* — политическая партия США, активная с 1874 по 1884 годы и опиравшаяся главным образом на фермеров, которые пострадали во время экономического кризиса 1873 года. Название партии происходит от разговорного названия бумажных денег *greenback* («зеленая спина», от зеленого цвета бумажных долларов), которые стали выпускаться во время Гражданской войны. Возврат от «дешёвых» бумажных денег обратно к золотым был одним из ключевых пунктов программы президента Хейса (1877–1881), которому противостояли гринбекеры, полагая, что это приведет к засилью частных банков и корпораций. Тем не менее Хейсу удалось осуществить денежную реформу.
- К стр. 307: ' — *Грэхэм Уоллес* (1858–1932) — английский социалист, один из лидеров Фабианского общества, общественный и образовательный деятель.
- К стр. 308: ' — *презентизм* — течение в философии истории, отрицающее объективность исторического познания и рассматривающее историческую науку как проецирование в прошлое современных стремлений и ожиданий.

- К стр. 315: * — *Азиатское общество* было создано в Калькутте в 1784 году британским востоковедом Уильямом Джонсом, который считается основоположником сравнительно-исторического языкознания.
- К стр. 316: * — *Брахмо Самадж* — религиозное общество, основанное в 1828 году в Индии бенгальским аристократом Рам Мохан Роем. Представляло собой одну из первых современных попыток реформы индуизма и положило начало движениям неоиндуизма. Название «Брахмо Самадж» буквально означает «сообщество поклоняющихся Единому Истинному Богу».
- К стр. 318: * — *Вначале весь мир был подобен Америке* — цитата из «Двух трактатов о правлении» Джона Локка (II, 49), более полный вариант: «Вначале весь мир был подобен Америке, и в ещё большей степени, чем теперь, ведь тогда нигде не знали такой вещи, как деньги».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abel, Wilhelm (1973). Crises agraires en Europe, XIIe—XXe siècles. Paris: Flammarion.
- Abensour, Léon (1913). Le Féminisme sous le règne de Louis-Philippe et en 1848. Paris: Plon-Nourrit.
- Abel, Wilhelm (1923). La Femme et le féminisme avant la révolution. Paris: E. Leroux.
- Abrams, Philip (1968). The Origins of British Sociology, 1834—1914. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Abrey, Jane (1975). Feminism in the French Revolution // American Historical Review 80, № 1 (February): 43—62.
- Adas, Michael (1989). Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and the Ideologies of Dominance. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Adler, Laure (1979). À l'Aube du féminisme: Les premières journalistes (1830—1850). Paris: Payot.
- Aelders, Etta Palm, d' (1791). Appel aux Françaises sur la régénération des mœurs et nécessité de l'influence des femmes dans un gouvernement libre. Paris: L'Imprimerie du cercle social.
- Ageron, Charles-Robert (1963). Jaurès et les socialistes français devant la question algérienne (de 1893 à 1914) // Le mouvement social, № 42 (January—March): 3—29.
- Aguet, Jean-Pierre (1954). Contribution à l'histoire du mouvement ouvrier français: Les grèves sous la Monarchie de Juillet (1830—1847). Geneva: Droz.
- Agulhon, Maurice (1970). Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique: Toulon de 1815 à 1851. Paris and The Hague: Mouton.
- Agulhon, Maurice (1973). 1848, ou l'apprentissage de la République, 1848—1852 // Vol. 8 of Nouvelle histoire de la France contemporaine. Paris: Éd. du Seuil.
- Agulhon, Maurice (1979). La République au village. Réédition, augmentée d'une Préface. Paris: Éd. du Seuil.
- Agulhon, Maurice. 1998. «1848, l'année du suffrage universel.» // Le Monde, March 1—2, p. 12.
- Albistur, Maïté, and Daniel Armogathe. 1977. Histoire du féminisme français du Moyen Âge à nos jours. Paris: Éd. de Femmes.
- Aldcroft, D. H. 1964. «The Entrepreneur and the British Economy, 1870—1913.» // Economic History Review, n. s., 17, № 1 (August): 113—134.
- Aldcroft, D. H. 1968. «Introduction: British Industry and Foreign Competition, 1875—1914.» // In The Development of British Industry and Foreign Competition, 1875—1914, ed. D. H. Aldcroft, 11—36. London: George Allen & Unwin.
- Alexander, Sally. 1984. «Women, Class, and Sexual Differences in the 1830s and 1840s: Some Reflections on the Writing of a Feminist History.» // History Workshop Journal, № 17 (Spring): 125—149.
- Allen, Ann Taylor. 1991. Feminism and Motherhood in Germany, 1800—1914. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Allen, Judith. 1990. «Contextualising Late Nineteenth Century Feminism: Problems and Comparisons.» // Journal of the Canadian Historical Association, n. s., 1:17—36.
- Allen, Robert. 1979. «International Competition in Iron and Steel, 1850—1913.» // Journal of Economic History 39, № 4 (December): 911—937.

- Amin, Samir. 1979. *Classe et nation, dans l'histoire et la crise contemporaine*. Paris: Éd. du Minuit.
- Amin, Samir. 1989. *Eurocentrism*. New York: Monthly Review Press.
- Aminzade, Ronald. 1982. «French Strike Development and Class Struggle.» *Social Science History* 4, № 1 (Winter): 57–79.
- Anderson, Benedict. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London: Verso.
- Andreucci, Franco. 1971. «Engels, la questione coloniale e la rivoluzione in occidente.» // *Studi storici* 12, № 3 (July–September): 437–479.
- Andreucci, Franco. 1979. «La Questione coloniale e l'imperialismo.» // *Il marxismo dell'età della Secondo Internazionale* (vol. 2 of *Storia del Marxismo*), 865–893. Turin: Einaudi.
- Andreucci, Franco. 1982. «The Diffusion of Marxism in Italy during the Late Nineteenth Century.» // *Culture, Ideology, and Politics, Essays for Eric Hobsbawm*, ed. R. Samuel and G. S. Jones, 214–227. London: Routledge & Kegan Paul.
- Andrews, John R. 1918. «Nationalisation (1860–1877).» // *History of Labour in the United States*, by J. R. Commons et al., 1–191. New York: Macmillan.
- Angenot, Marc. 1993. *L'Utopie collectiviste: Le grand récit socialiste sous la Deuxième Internationale*. Paris: Presses Univ. de France.
- Anon. 1869. «The Past and Future of Conservative Policy.» // *London Quarterly Review* 127, № 254 (October): 283–295.
- Anteghini, Alessandra. 1988. *Socialismo e femminismo nella Francia del XIX secolo*, Jenny D'Héricourt. Genoa: ECIG.
- Applewhite, Harriet B., and Darline Gay Levy. 1984. «Women, Democracy, and Revolution in Paris, 1789–1794.» // *French Women and the Age of Enlightenment*, ed. Samia I. Spencer, 64–79. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Applewhite, Harriet B., and Darline Gay Levy, eds. 1990. *Women and Politics in the Age of Democratic Revolution*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.
- Armstrong, Sinclair W. 1942. «The Internationalism of the Early Social Democrats of Germany.» // *American Historical Review* 47, № 2 (January): 245–258.
- Aron, Raymond. 1950. *La Sociologie allemande contemporaine*. 2nd ed. Paris: Presses Univ. de France.
- Arrighi, Giovanni. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Ashley, Percy. 1920. *Modern Tariff History, Germany-United States-France*. 3rd ed. New York: Dutton.
- Auclert, Hubertine. 1879. *Égalité sociale et politique de la femme et de l'homme: Discours prononcé au Congrès ouvrier socialiste de Marseille*. Marseille: Imp. Commerciale A. Thomas.
- Auclert, Hubertine. 1976. «Rapport du troisième Congrès ouvrier, Marseille, 20–31 octobre 1879.» // *Romantisme*, nos. 13–14, 123–129.
- Auclert, Hubertine. 1982. *La Citoyenne: Articles de 1881 à 1891. Préface et commentaire d'Edith Tareb*. Paris: Syros.
- Aulard, Alphonse. 1911. *Napoléon Ier et le monopole universitaire*. Paris: Lib. Armand Colin.
- Aydelotte, William O. 1962. «The Business Interests of the Gentry in the Parliament of 1841–47.» // *The Making of Victorian England*, by G. Kitson Clark, 290–305. London: Methuen.
- Aydelotte, William O. 1963. «Voting Patterns in British House of Commons in the 1840s.» // *Comparative Studies in Society and History* 5, № 2 (January): 134–163.
- Aydelotte, William O. 1966. «Parties and Issues in Early Victorian England.» // *Journal of British Studies* 5, № 2 (May): 95–101.

- Aydelotte, William O. 1967. «The Conservative and Radical Interpretation of Early Victorian Social Legislation.» // *Victorian Studies* 11, № 2 (December): 225–236.
- Aydelotte, William O. 1972. «The Disintegration of the Conservative Party in the 1840s: A Study in Political Attitudes.» // *The Dimensions of Quantitative Research in History*, ed. W.O. Aydelotte et al., 319–346. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Babel, Antony. 1934. «Jacques Necker et les origines de l'interventionnisme.» // *Mélanges d'économie politique et sociale offerts à M. Edgard Milhaud*, 25–44. Paris: Presses Univ. de France.
- Bairoch, Paul. 1962. «Le Mythe de la croissance économique rapide au XIXe siècle.» // *La Revue de l'Institut de Sociologie* 35, № 2, 307–331.
- Bairoch, Paul. 1965. «Niveaux de développement économique de 1810 à 1910.» // *Annales E. S. C.* 20, № 6 (November-December): 1091–1117.
- Bairoch, Paul. 1970. «Commerce extérieur et développement économique, quelques enseignements de l'expérience libre-échangiste en France.» // *Revue économique* 21, № 1 (January): 1–23.
- Bairoch, Paul. 1972. «Free Trade and European Economic Development in the 19th Century.» // *European Economic Review* 3:211–245.
- Bairoch, Paul. 1973. «European Foreign Trade in the XIXth Century, The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results).» // *Journal of European Economic History* 2, № 1 (Spring): 5–36.
- Bairoch, Paul. 1974a. *Révolution industrielle et sous-développement*. 4th ed. The Hague: Mouton; Paris: E.P.H.E., VIe Section.
- Bairoch, Paul. 1974b. «Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970.» // *Journal of European Economic History* 3, № 3 (Winter): 557–608.
- Bairoch, Paul. 1976a. *Commerce extérieur et développement économique de l'Europe au XIXe siècle*. Paris: Mouton.
- Bairoch, Paul. 1976b. «Reply to Mr. Gunder Frank's Commentary.» // *Journal of European Economic History* 5, № 2 (Fall): 473–474.
- Bairoch, Paul. 1976c. «Europe's Gross National Product, 1800–1975.» // *Journal of European Economic History* 5, № 2 (Fall): 273–340.
- Bairoch, Paul. 1982. «International Industrialization Levels from 1750 to 1980.» // *Journal of European Economic History* 11, № 2 (Fall): 269–333.
- Bairoch, Paul. 1989. «European Trade Policy, 1815–1914.» // *The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies*, ed. P. Mathias and S. Pollard, 1–161. Cambridge Economic History of Europe 8. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Bairoch, Paul. 1997. *Victoires et déboires: Histoire économique et sociale du monde du XVIe siècle à nos jours*. // Vol. 2, Collection Folio/Histoire. Paris: Gallimard.
- Bairoch, Paul. 1999. *L'Agriculture des pays développés, 1800 à nos jours: Production, productivité, rendements*. Paris: Economica.
- Baker, Houston A., Jr. 1987. *Modernism and the Harlem Renaissance*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Baker, Keith Michael. 1964. «The Early History of the Term „Social Science.“» // *Annals of Science* 20, № 3 (September): 211–226.
- Baker, Keith Michael. 1988. «Souveraineté.» // *Dictionnaire critique de la Révolution française*, by F. Furet and M. Ozouf, 888–902. Paris: Flammarion.
- Baker, Paula. 1984. «The Domestication of Politics.» // *American Historical Review* 89, № 3, (June): 620–647.
- Baldwin, Robert E. 1953. «Britain's Foreign Balance and Terms of Trade.» // *Explorations in Entrepreneurial History* 5, № 4 (May 15): 248–252.

- Balibar, Étienne, and Immanuel Wallerstein.* 1988. *Race, nation, classe: Identités ambiguës.* Paris: La Découverte.
- Ballot, Charles.* 1923. *L'Introduction du machinisme dans l'industrie française.* Lille: O. Marquant.
- Balzac, Honoré de.* 1897. *The Country Parson and Albert Savaron.* Philadelphia: Gerrie Publishing.
- Banks, Olive.* 1981. *Faces of Feminism: A Study of Feminism as a Social Movement.* Oxford: Martin Robertson.
- Bannerji, Himani.* 1995. «Beyond the Ruling Category to What Actually Happens: Notes on James Mill's Historiography in The History of British India.» // *Knowledge, Experience, and Ruling Relations: Studies in the Social Organization of Knowledge*, ed. M. Campbell and A. Manicom, 49–64. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Barbano, Filippo.* 1985. «Sociologia e positivismo in Italia, 1850–1910: Un capitolo di sociologia storica.» // *Sociologia e scienze sociali in Italia, 1861–1890: Introduzione critica e repertorio bibliografico*, ed. F. Barbano and G. Sola, 7–73. Milan: Franco Angeli.
- Barkan, Elazar.* 1992. *The Retreat of Scientific Racism: Changing Concepts of Race in Britain and the United States between the World Wars.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Barker-Benfield, G. J.* 1989. «Mary Wollstonecraft, Eighteenth-Century Commonwealth-woman.» // *Journal of the History of Ideas* 50, № 1, (January–March): 95–116.
- Barnave, Antoine.* 1988 [circa 1792–1793]. *De la Révolution et de la Constitution.* // Grenoble: Presses Univ. de Grenoble.
- Barret-Ducrocq, Françoise.* 1991. *Pauvreté, charité et morale à Londres au XIXe siècle: Une sainte violence.* Paris: Presses Univ. de France.
- Barret-Kriegel, Blandine.* 1988. *Les historiens et la monarchie.* // Vol. 3, *Les Académies et l'histoire.* Paris: Presses Univ. de France.
- Barrows, Susanna.* 1981. *Distorting Mirrors: Visions of the Crowd in Late Nineteenth-Century France.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Barry, Kathleen.* 1988. *Susan B. Anthony: A Biography of a Singular Feminist.* New York: New York Univ. Press.
- Bartier, John.* 1948. «1848 en Belgique.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 1: 355–371. Paris: Éd. du Minuit.
- Barzun, Jacques.* 1943. *Romanticism and the Modern Ego.* Boston: Little, Brown.
- Bartier, John.* 1961. *Classic, Romantic, and Modern.* // 2nd rev. ed. Boston: Little, Brown.
- Basch, Françoise.* 1986. «Women's Rights and the Wrongs of Marriage in Mid-Nineteenth Century America.» *History Workshop Journal*, № 22 (Autumn): 18–40.
- Baster, Albert.* 1934. «The Origins of British Banking Expansion in the Near East.» // *Economic History Review* 5, № 1 (October): 76–86.
- Bastid, Paul.* 1953. «La Théorie juridique des Chartes.» // *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n. s., 3, № 11 (July–September): 163–175.
- Bastid, Paul.* 1970. *Siècles et sa pensée.* Nouv. éd. revue et augmentée. Paris: Hachette.
- Baudis, Dieter, and Helga Nussbaum.* 1978. *Wirtschaft und Staat in Deutschland von Ende des 19. Jahrhunderts bis 1918/19.* Vaduz: Topos.
- Bauman, Zygmunt.* 1986–1987. «The Left as the Counterculture of Modernity.» // *Telos*, № 70 (Winter): 81–93.
- Bayly, C. A.* 1989. *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830.* London: Longman.
- Beales, H. L.* 1934. «The „Great Depression” in Industry and Trade.» // *Economic History Review* 5, № 1 (October): 65–75.
- Bebel, August.* 1988. *Woman in the Past, Present and Future.* London: Zwan.

- Bécarud, Jean.* 1953. «La Noblesse dans les Chambres (1815—1848).» // *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n. s., 3, № 11 (July—September): 189—205.
- Bédarida, François.* 1965. «Le Socialisme et la nation: James Connolly et l'Irlande.» // *Le Mouvement social*, № 52 (July—September): 3—31.
- Bédarida, François.* 1979. «Le Socialisme en Angleterre jusqu'en 1848.» // *Des Origines à 1875*, ed. J. Droz, 257—330. Vol. 1 of *Histoire générale du socialisme*. Paris: Presses Univ. de France.
- Bederman, Gail.* 1995. *Manliness and Civilization: A Cultural History of Gender and Race in the United States, 1880—1917*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Beiser, Frederick C.* 1992. *Enlightenment, Revolution, and Romanticism: The Genesis of Modern German Political Thought, 1790—1800*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Belloni, Pier Paolo.* 1979. «Lotte di classe, sindacalismo e riformismo a Torino 1898—1910.» // *L'età giolittiana, la guerra e il dopoguerra*, ed. A. Agosti and G. M. Bravo, 43—137. Vol. 2 of *Storia del movimento operaio, del socialismo e delle lotte sociali in Piemonte*. Bari: De Donato.
- Beloff, Max.* 1974. «1848—1948, A Retrospect.» // *A Hundred Years of Revolution, 1848 and After*, ed. G. Woodcock, 41—59. New York: Haskell House.
- Benaerts, Pierre, et al.* 1968. *Nationalité et nationalisme, 1860—1878*. // *Peuples et civilisations* 17. Paris: Presses Univ. de France.
- Bendix, Reinhard.* 1964. *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*. New York: Wiley.
- Bénéton, Philippe.* 1988. *Le conservatisme. Que sais-je?*, 2410. Paris: Presses Univ. de France.
- Bennett, George, ed.* 1953. *The Concept of Empire: Burke to Attlee, 1774—1947*. London: Adam & Charles Black.
- Bennett, Jennifer.* 1982. «The Democratic Association, 1837—41: A Study in London Radicalism.» // *The Chartist Experience: Studies in Working-Class Radicalism and Culture, 1830—1860*, ed. J. Epstein and D. Thompson, 87—119. London: Macmillan.
- Benson, Donald R.* 1985. «Facts and Constructs: Victorian Humanists and Scientific Theorists on Scientific Knowledge.» // *Victorian Science and Victorian Values: Literary Perspectives*, ed. J. Paradis and T. Postlewait, 299—318. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Berend, Ivan T.* 1996. «Instabilità, crisi economiche, rapporto centro-periferia.» // *L'età contemporanea, Secolo XIX—XX*, ed. P. Bairoch and E. J. Hobsbawm, 175—222. Vol. 5 of *Storia d'Europa*. Turin: Einaudi.
- Berg, Barbara J.* 1978. *The Remembered Gate: Origins of American Feminism: The Woman and the City, 1800—1860*. New York: Oxford Univ. Press.
- Berg, Maxime.* 1993. «What Difference Did Women's Work Make to the Industrial Revolution?» // *History Workshop Journal*, № 35 (Spring): 22—44.
- Bergounioux, Alain, and Bernard Maini.* 1979. *La Social-démocratie ou le compromis*. Paris: Presses Univ. de France.
- Berlinerblau, Jacques.* 1999. *Heresy in the University: The Black Athena Controversy and the Responsibilities of American Intellectuals*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Bernal, J. D.* 1953. *Science and Industry in the Nineteenth Century*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Bernal, Martin.* 1987. *The Fabrication of Ancient Greece, 1785—1985*. // Vol. 1 of *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.

- Bernal, Martin. 1991. The Archaeological and Documentary Evidence. // Vol. 2 of *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Bernal, Martin. 2006. The Linguistic Evidence. // Vol. 3 of *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Bernard, L. L., and Jessie Bernard. 1943. *Origins of American Sociology: The Social Science Movement in the United States*. New York: Thomas Y. Crowell.
- Bernstein, Samuel. 1948. «Saint-Simon's Philosophy of History.» // *Science and Society*, 12, №1 (Winter): 82–96.
- Bernstein, Samuel. 1952. «The First International and the Great Powers.» // *Science and Society* 16, №3 (Summer): 247–272.
- Berry, Christopher J. 1981. «Nations and Norms.» *Review of Politics* 43, №1 (January): 75–87.
- Bertier de Sauvigny, G. de. 1970. «Liberalism, Nationalism and Socialism: The Birth of Three Words.» *Review of Politics* 32, №2 (April): 147–166.
- Besnard, Philippe. 1979. «La Formation de l'équipe de l'Année sociologique.» // *Revue française de sociologie* 20, №1 (January–March): 7–32.
- Bessel, Richard. 1990. «Workers, Politics and Power in Modern German History: Some Recent Writing on the German Labour Movement and the German Working Class in the Nineteenth and Twentieth Centuries.» // *Historical Journal* 33, №1: 211–226.
- Betley, Jan Andrzej. 1960. *Belgium and Poland in International Relations, 1830–1831*. The Hague: Mouton.
- Betts, Raymond F. 1982. «The French Colonial Empire and the French World-View.» // *Racism and Colonialism: Essays on Ideology and Social Structure*, ed. R. Ross, 65–77. The Hague: Nijhoff, for Leiden Univ. Press.
- Bezucha, Robert J. 1974. *The Lyon Uprising of 1834: Social and Political Conflict in the Early July Monarchy*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Biagini, Eugenio F. 1991. «Popular Liberals, Gladstonian Finance and the Debate on Taxation, 1860–1874.» // *Currents of Radicalism, Popular Radicalism, Organised Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914*, ed. E. F. Biagini and A. J. Reid, 134–162. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Biagini, Eugenio F., and Alastair J. Reid. 1991. «Currents of Radicalism, 1800–1914.» // *Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organised Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914*, ed. E. F. Biagini and A. J. Reid, 1–19. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Bidelman, Patrick K. 1982. *Pariahs Stand Up! The Founding of the Liberal Feminist Movement in France, 1858–1889* // Westport, CT: Greenwood Press.
- Bigaran, Maria Pia. 1982. «Mutamenti dell'emancipazionismo alla vigilia della grande guerra: I periodici femministe italiani del primo novecento.» *Memoria, Rivista di storia delle donne*, №4 (June): 125–132.
- Billig, Michael. 1982, 1983. «The Origins of Race Psychology.» Pts. 1 and 2. *Patterns of Prejudice* 16, №3 (July 1982) 3–16; 17, №1 (January 1983): 25–31.
- Billington, James H. 1980. *Fire in the Minds of Men: Origins of Revolutionary Faith*. New York: Basic Books.
- Birnbaum, Pierre. 1976. «La Conception durkheimienne de l'État: L'apoliticisme des fonctionnaires.» // *Revue française de sociologie* 17, №2 (April–June): 247–258.
- Black, Eugene. 1988. *The Social Politics of Anglo-Jewry, 1880–1920*. Oxford: Blackwell.
- Black, R. D. Collison. 1953. «The Classical Economists and the Irish Problem» // *Oxford Economic Papers*, n.s., 5, №1 (March): 26–40.
- Black, R. D. Collison. 1960. *Economic Thought and the Irish Question, 1817–70*. Cambridge: At the University Press.

- Blackbourn, David.* 1977. «The Mittelstand in German Society and Politics, 1871–1914.» *Social History*, № 4 (January): 409–433.
- Blackbourn, David.* 1984. «The Discreet Charm of the Bourgeoisie: Reappraising German History in the Nineteenth Century.» // *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and politics in Nineteenth-Century Germany*, ed. D. Blackbourn and G. Eley, 157–292. New York: Oxford Univ. Press.
- Blackbourn, David.* 1986. «The Politics of Demagoguery in Imperial Germany.» // *Past and Present*, № 113 (November): 152–184.
- Blackbourn, David.* 1988. «Progress and Party: Liberalism, Catholicism and the State in Imperial Germany.» *History Workshop Journal*, № 26 (Autumn): 57–78.
- Blackburn, Robin.* 1988. *The Overthrow of Colonial Slavery, 1776–1848*. London: Verso.
- Blanc, Louis.* 1841–1844. *Révolution française: Histoire des 10 ans, 1830–1840*. 5 vols. (1, 1841; 2, 1842; 3, 1843; 4, 1844; 5, 1844). Paris: Pagnerre.
- Blanc, Olivier.* 1981. *Olympe de Gouges*. Paris: Syros.
- Blanchard, Marcel.* 1956. *Le Second Empire*. 2d rev. ed. Paris: LiB. A. Colin.
- Blanning, T. C. W.* 1989. «The French Revolution and the Modernization of Germany.» *Central European History* 22, № 2, 109–129.
- Blocker, Jack S., Jr.* 1985. «Separate Paths, Suffragists and the Women's Temperance Crusade.» // *Signs* 10, № 3 (Spring): 460–476.
- Bloom, Solomon F.* 1941. *The World of Nations: A Study of the National Implications in the Work of Karl Marx*. New York: Columbia Univ. Press.
- Blue, Gregory.* 1999. «Gobineau on China, Race Theory, the „Yellow Peril,” and the Critique of Modernity.» // *Journal of World History* 10, № 1 (Spring): 93–139.
- Bock, Hans Manfred.* 1976. *Geschichte des linken Radikalismus in Deutschland*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Böhme, Helmut.* 1967. «Big-Business Pressure Groups and Bismarck's Turn to Protectionism, 1873–79.» // *Historical Journal* 10, № 2, 218–236.
- Bolt, Christine.* 2004. *Sisterhood Questioned? Race, Class and the Internationalization in the American and British Women's Movements, c. 1880s–1970s*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Bonald, Louis de.* 1988 [1802]. *Législation primitive considérée par la raison*. Paris: Éd. Jean-Michel Place.
- Boon, H. N.* 1936. *Rêve et réalité dans l'œuvre économique et sociale de Napoléon III*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Bortolotti, Franca Pieroni.* 1978. «Anna Kuliscioff e la questione femminile.» // *Anna Kuliscioff e l'età del riformismo: Atti del Convegno di Milano, dicembre 1976*, 104–139. Rome: Mondo Operaio-Ed. Avanti!
- Botrel, J.-F., and J. Le Bouil.* 1973. «Sur le concept de „clase media” dans la pensée bourgeoise en Espagne au XIXe siècle.» // *La Question de la „bourgeoisie” dans le monde hispanique au XIXe siècle*, 137–151. Bibliothèque de l'École des Hautes Études Hispaniques, fasc. 45. Bordeaux: Éd. Bière. [Discussion, 152–160.]
- Bouglé, Célestin.* 1918. «Le Féminisme saint-simonien.» // *Chez les prophètes socialistes*, 57–110. Paris: Félix Alcan.
- Bouillon, Jacques.* 1956. «Les Démocrates-socialistes aux élections de 1849.» // *Revue française de sciences politiques*, 6, № 1 (January–March): 70–95.
- Boulle, Pierre H.* 1988. «In Defense of Slavery: Eighteenth-Century Opposition to Abolition and the Origins of Racist Ideology of France.» // *History from Below: Studies in Popular Protest, and Popular Ideology*, ed. Frederick Krantz, 219–246. London: Basil Blackwell.
- Bourgin, Georges.* 1913. «La Législation ouvrière du Second Empire. Revue des études napoléoniennes, 2e année, IV, (September): 220–236.

- Bourgin, Georges.* 1939. La guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris: Éd. Nationales.
- Bourgin, Georges.* 1947. «La Crise ouvrière à Paris dans la seconde moitié de 1830.» // *Revue historique*, 71e année, № CXCVIII (October—December): 203—214.
- Bourgin, Georges.* 1948. «La Révolution de 1848 en France.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 1:165—253. Paris: Éd. du Minuit.
- Bourguet, Marie-Noëlle.* 1976. «Race et histoire : L'Image officielle de la France en 1800.» *Annales E. S. C.* 31, № 4 (July—August): 802—823.
- Bouvier, Jean.* 1967. Les Rothschild. Paris: Le club français du livre.
- Bouvier, Jean, François Furet, and Marcel Gillet.* 1965. Le Mouvement du profit en France au XIXe siècle. Paris and The Hague: Mouton.
- Bouvier, Jeanne.* 1931. Les Femmes pendant la Révolution. Paris: Éd. Eugène Figuière.
- Bowler, Peter.* 1984. «E. W. MacBride's Lamarckian Eugenics and Its Implications for the Social Construction of Scientific Knowledge.» *Annals of Science* 41, № 3, 245—260.
- Bowles, Robert C.* 1960. «The Reaction of Charles Fourier to the French Revolution.» *French Historical Studies* 1, № 3 (Spring): 348—356.
- Boxer, Marilyn.* 1982. «„First Wave” Feminism in Nineteenth-Century France: Class, Family and Religion.» // *Women's Studies International Forum* 5, № 6, 551—559.
- Boyle, John W.* 1965. «Le Développement du mouvement ouvrier irlandais de 1880 à 1907.» *Mouvement social*, № 52 (July—September): 33—53.
- Bramson, Leon.* 1974. The Political Context of Sociology. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Brass, Paul R.* 1991. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi: Sage Publ.
- Brebner, J. Bartlett.* 1930. «Joseph Howe and the Crimean War Enlistment Controversy between Great Britain and the United States.» *Canadian Historical Review* 11, № 4 (December): 300—327.
- Brebner, J. Bartlett.* 1948. «Halévy, Diagnostician of Modern Britain.» *Thought* 13: 101—113.
- Briavoinne, Natalis.* 1839. De l'Industrie en Belgique: Causes de décadence et de prospérité: La Situation actuelle. Vol. 1. Brussels: Eugène Dubois.
- Bridges, Amy.* 1986. «Becoming American: The Working Classes in the United States before the Civil War.» // *Working Class Formation, Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 157—196. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Briggs, Asa.* 1956. «Middle-Class Consciousness in English Politics, 1780—1846.» // *Past and Present*, № 9 (April): 65—74.
- Briggs, Asa.* 1959. The Age of Improvement. London: Longmans, Green.
- Briggs, Asa.* 1960. «The Language of „Class” in Early Nineteenth-Century England.» // *Essays in Labour History*, ed. A. Briggs and J. Saville, 1:43—73. London: Macmillan.
- Briggs, Asa.* 1967. William Cobbett. London: Oxford Univ. Press.
- Bristow, Edward.* 1974. «Profit-Sharing, Socialism and Labour Unrest.» // *Essays in Anti-Labour History*, ed. K. D. Brown, 262—289. London: Macmillan.
- Brock, W. R.* 1941. Lord Liverpool and Liberal Toryism, 1820 to 1827. Cambridge: At the University Press.
- Broder, André.* 1976. «Le commerce extérieur: L'échec de la conquête d'une position internationale.» // *Histoire économique et sociale de la France*, ed. F. Braudel and E. Labrousse, vol. 3, L'avènement de l'ère industrielle (1879—années 1880), 1:305—346. Paris: Presses Univ. de France.
- Bron, Jean.* 1968. Le Droit à l'existence, du début du XIXe siècle à 1884. Vol. 1 of *Histoire du mouvement ouvrier français*. Paris: Éd. Ouvrières.
- Bron, Jean.* 1970. La Contestation du capitalisme par les travailleurs organisés (1884—1950): Histoire du mouvement ouvrier français, vol. 2. Paris: Éd. Ouvrières.

- Brown, Kenneth D., ed. 1976. *Essays in Anti-Labour History*. London: Macmillan.
- Brown, Lucy. 1958. *The Board of Trade and the Free-Trade Movement, 1830–42*. Oxford: Clarendon Press.
- Bruhat, Jean. 1952. *Des origines à la révolte des canuts*. Vol. 1 of *Histoire du mouvement ouvrier français*. Paris: Éd. Sociales.
- Bruhat, Jean. 1972. «Le socialisme français de 1815 à 1848.» // *Des Origines à 1875*, ed. J. Droz, 331–406. Vol. 1 of *Histoire générale du socialisme*. Paris: Presses Univ. de France.
- Bruhat, Jean, J. Dantury, and E. Tersen. 1960. *La Commune de 1871*. Paris: Éd. Sociales.
- Brunet, Georges. 1925. *Le Mysticisme social de Saint-Simon*. Paris: Les Presses Françaises.
- Brunot, Ferdinand, and Charles Bruneau. 1937. *Précis de grammaire historique de la langue française*. Rev. ed. Paris: Masson.
- Bruun, Geoffrey. 1938. *Europe and the French Imperium*. New York: Harpers.
- Bryson, Gladys. 1932. «The Emergence of Social Science from Moral Philosophy.» *International // Journal of Ethics*, 42, № 3 (April): 302–323.
- Bryson, Gladys. 1945. *Man and Society: The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Buck, Paul. 1965. *Introduction to Social Sciences at Harvard, 1860–1920: The Inculcation of the Open Mind*, ed. P. Buck, 1–17. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Bud, Robert, and K. Gerrypenn Roberts. 1984. *Science versus Practice: Chemistry in Victorian Britain*. Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Buechler, Steven M. 1987. «Elizabeth Boynton Harbert and the Women's Suffrage Movement, 1870–1896.» // *Signs* 13, № 1 (Autumn): 78–97.
- Buechler, Steven M. 1990. *Women's Movements in the United States: Women's Suffrage, Equal Rights and Beyond*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Buer, M. C. 1921. «The Trade Depression following the Napoleonic Wars.» *Economica* 1, № 2 (May): 159–179.
- Buhle, Mari Jo. 1981. *Women and American Socialism, 1870–1920*. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Buhle, Mari Jo, and Paul Buhle, eds. 1978. *The Concise History of Women Suffrage: Selections from the Classical Work of Stanton, Anthony, Gage and Harper*. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Bulmer, Martin. 1984. *The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Burdeau, Georges. 1979. *Le Libéralisme*. Paris: Éd. du Seuil.
- Burgess, Keith. 1975. *The Origins of British Industrial Relations: The Nineteenth-Century Experience*. London: Croom Helm.
- Burke, Edmund. 1926. *The Works of the Right Honorable Edmund Burke*. London: Oxford Univ. Press.
- Burke, Peter. 1988. «Ranke als Gegenrevolutionär.» // *Leopold von Ranke und die moderne Geschichtswissenschaft*, ed. W.J. Mommsen, 189–200. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Burn, Duncan L. 1928. «Canada and the Repeal of the Corn Laws.» *Cambridge // Historical Journal* 2, № 3, 252–272.
- Burn, Duncan L. 1961. *The Economic History of Steelmaking, 1867–1939*. 2nd ed. Cambridge: At the University Press.
- Burn, W.L. 1949. «The Age of Equipoise: England, 1848–1868.» *Nineteenth Century and After* 146 (July–December): 207–224.
- Burn, W.L. 1964. *The Age of Equipoise: A Study of the Mid-Victorian Generation*. London: George Allen & Unwin.
- Burnham, T.H., and G.O. Hoskins. 1943. *Iron and Steel in Britain, 1870–1930*. London: George Allen & Unwin.

- Burns, Gene. 1990. «The Politics of Ideology: The Papal Struggle with Liberalism.» *American Journal of Sociology* 95, № 5 (March): 1123–1152.
- Burton, Antoinette M. 1990. «The White Woman's Burden: British Feminists and the Indian Woman, 1865–1915.» // *Women's Studies International Forum* 13, № 4, 295–308.
- Burwick, Frederick. 1996. *The Damnation of Newton: Goethe's Color Theory and Romantic Perception*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Bury, J. P. T. 1948. «La Grande-Bretagne et la Révolution de 1848.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtö, 1:401–448. Paris: Éd. du Minuit.
- Bussemer, Herrad-Ulrike. 1985. *Frauenemanzipation und Bildungsbürgertum: Sozialgeschichte der Frauenbewegung in der Reichsgründungszeit*. Weinheim, Germany: Beltz Verlag.
- Butterfield, Herbert. 1931. *The Whig Interpretation of History*. London: G. Bell & Sons.
- Cahill, Gilbert A. 1957. «Irish Catholicism and English Toryism.» *Review of Politics* 19, № 1 (January): 62–76.
- Cain, P. J. 1980. *Economic Foundations of British Overseas Expansion, 1815–1914*. London: Macmillan.
- Cain, P. J. 1985. «J. A. Hobson: Financial Capitalism and Imperialism in Late Victorian and Edwardian Britain.» // *Journal of Imperial and Commonwealth History* 13, № 3 (May): 1–27.
- Cain, P. J., and A. G. Hopkins. 1987. «Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas, II, New Imperialism, 1850–1945.» // *Economic History Review*, n.s., 40, № 1 (February): 1–26.
- Caine, Barbara. 1978. «John Stuart Mill and the English Women's Movement.» *Historical Studies* 18, № 70 (April): 52–67.
- Caine, Barbara. 1982a. «Beatrice Webb and the „Woman Question,“» *History Workshop Journal*, № 14 (Autumn): 23–43.
- Caine, Barbara. 1982b. «Feminism, Suffrage and the Nineteenth-Century English Women's Movement.» // *Women's Studies International Forum* 5, № 6, 537–550.
- Caine, Barbara. 1992. *Victorian Feminists*. New York: Oxford Univ. Press.
- Cairncross, A. K. 1949. «Internal Migration in Victorian England.» *Manchester School of Economic and Social Studies* 17, № 1, 67–87.
- Calhoun, Craig. 1980. «Transition in Social Foundations for Collective Action.» *Social Science History* 4, № 4 (November): 419–456.
- Calhoun, Craig. 1982. *The Question of Class Struggle: Social Foundations of Popular Radicalism during the Industrial Revolution*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Cameron, Rondo E. 1953. «The Crédit Mobilier and the Economic Development of Europe.» // *Journal of Political Economy* 61, № 6 (December): 461–488.
- Cameron, Rondo E. 1957a. «Profit, croissance et stagnation en France au XIXe siècle.» *Économie appliquée* 10, nos. 2–3 (April–September): 409–444.
- Cameron, Rondo E. 1957b. «French Finance and Italian Unity: The Cavourian Decade.» *American Historical Review* 62, № 3 (April): 552–569.
- Cameron, Rondo E. 1957c. «Le Développement économique de l'Europe du XIXe siècle, 1 Le Rôle de la France.» *Annales E. S. C.* 12, № 2 (April–June): 243–257.
- Cameron, Rondo E. 1958. «Economic Growth and Stagnation in France, 1815–1914.» // *Journal of Modern History* 30, № 1 (March): 1–13.
- Cameron, Rondo E. 1961. *France and the Economic Development of Europe, 1800–1914*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Cameron, Rondo E. 1989. *A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present*. New York: Oxford Univ. Press.
- Cameron, Rondo E., et al. 1967. *Banking in the Early Stages of Industrialization: A Study in Comparative Economic History*. New York: Oxford Univ. Press.

- Cameron, Rondo E., and Charles E. Freedeman. 1983. «French Economic Growth: A Radical Revision.» *Social Science History* 7, №1 (Winter): 3–30.
- Campanini, Aurelia. 1978a. «La Questionne femminile come problema de classe.» // Anna Kulischoff e l'età del riformismo: Atti del convegno di Milano, dicembre 1976, 318–328. Rome: Mondo Operaio-Ed. Avanti!
- Campanini, Aurelia. 1978b. *Questionne femminile e Terza Internazionale*. Bari: De Donato.
- Campbell, Stuart L. 1978. *The Second Empire Revisited: A Study in French Historiography*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Cantimori, Delio. 1948. «1848 en Italie.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 1:255–318. Paris: Éd. du Minuit.
- Carlisle, Robert B. 1968. «Saint Simonian Radicalism: A Definition and a Direction.» *French Historical Studies* 5, № 4 (Fall): 430–445.
- Carlson, Andrew R. 1972. *Anarchism in Germany*. Metuchen, NJ: Scarecrow Press.
- Carnot, Sadi. 1875. Preface to *La Révolution de 1848 et ses détracteurs*, by J. S. Mill, v–xxx. Paris: Lib. Germer Baillière.
- Caron, François. 1979. *An Economic History of Modern France*. New York: Columbia Univ. Press.
- Carrère d'Encausse, Hélène. 1963. «La Révolution de 1905 au Turkestan.» *Le Mouvement social* 45 (Oct.-December): 86–92.
- Carrère d'Encausse, Hélène. 1971. «Unité prolétarienne et diversité nationale: Lénine et la théorie de l'autodétermination.» // *Revue française de science politique* 21, № 2 (April): 221–255.
- Casalini, Maria. 1981. «Femminismo e socialismo in Anna Kulischoff, 1890–1907.» *Italia contemporanea* 33, № 143 (April–June): 11–43.
- Cashdollar, Charles D. 1989. *The Transformation of Theology, 1830–1890: Positivism and Protestant Thought in Britain and America*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Catt, Carrie Chapman, and Nettie Rogers Shuler. 1923. *Woman Suffrage and Politics: The Inner Story of the Suffrage Movement*. New York: Charles Scribner's.
- Cecil, Lord Hugh. 1912. *Conservatism*. London: Williams & Northgate.
- Cerati, Marie. 1966. *Le Club des citoyennes républicaines révolutionnaires*. Paris: Éd. Sociales.
- Césaire, Aimé. 1948. «Introduction, Victor Schoelcher et l'abolition de l'esclavage.» // V. Schoelcher, *Esclavage et colonisation*, 1–28. Paris: Presses Univ. de France.
- Césaire, Aimé. 1981. *Toussaint Louverture: La Révolution française et le problème colonial*. Paris: Présence Africaine.
- Chafe, William. 1977. *Women and Equality: Changing Patterns in American Culture*. New York: Oxford Univ. Press.
- Chafetz, Janet Saltzman, and Anthony Gary Dworkin. 1986. *Female Revolt: Women's Movements in World and Historical Perspective*. Totowa, NJ: Rowman & Allenheld.
- Chandra, Bipan. 1979. *Nationalism and Colonialism in Modern India*. New Delhi: Orient Longman.
- Chapelle-Dulière, Jacqueline. 1981. «Le „Socialisme” de Frédéric Le Play (1806–1882), membre de la Commission du Luxembourg en 1848.» // *Revue de l'Institut de Sociologie* 4:741–769.
- Charlton, Donald Geoffrey. 1959. *Positivist Thought in France during the Second Empire, 1852–1870*. Oxford: Clarendon Press.
- Charvet, John. 1982. *Feminism*. London: Dent.
- Chauvet, P. 1951. «Le Coup d'État vu par un ouvrier.» 1848. *Revue des révolutions contemporaines*, № 189 (December): 148–152.
- Checkland, S. G. 1951. «The Advent of Academic Economics in England.» *Manchester School of Economic and Social Science*, n. s., 19, № 5 (January): 43–70.

- Checkland, S. G.* 1964. *The Rise of Industrial Society in England, 1815–1885*. London: Longmans.
- Checkland, S. G., and E. O. A. Checkland.* 1974. Introduction to *The Poor Law Report of 1834*, ed. S. G. and E. O. A. Checkland, 9–59. Harmondsworth, UK: Penguin.
- Chevalier, Louis.* 1958. *Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle*. Paris: Plon.
- Chlepnier, B.-S.* 1926. *La banque en Belgique: Étude historique et économique*. Brussels: M. Lamertin.
- Chlepnier, B.-S.* 1931. «Les Débuts du crédit industriel moderne.» // *Revue de l'Institut de Sociologie* 9, № 2 (April–June): 293–316.
- Church, R. A.* 1975. *The Great Victorian Boom, 1850–1873*. London: Macmillan.
- Church, Robert L.* 1974. «Economists as Experts, 1870–1920.» // *The University in Society*, ed. L. Stone, 2:571–609. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Clapham, J. H.* 1910. «The Last Years of the Navigation Acts.» Pts. 1 and 2. *English Historical Review* 25, № 99 (July): 480–501; № 100 (October): 687–707.
- Clapham, J. H.* 1916. «The Spitalfield Acts, 1773–1824.» *Economic Journal* 26, № 104 (December): 459–471.
- Clapham, J. H.* 1930. *An Economic History of Modern Britain*. Vol. 1, *The Early Railway Age, 1820–1850*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Clapham, J. H.* 1932. *An Economic History of Modern Britain*. Vol. 2, *Free Trade and Steel, 1820–1850*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Clapham, J. H.* 1944. *The Bank of England*. Vol. 1, 1694–1797. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Clark, Terry N.* 1972. «Emile Durkheim and the French University: The Institutionalization of Sociology.» // *The Establishment of Empirical Sociology: Studies in Continuity, Discontinuity, and Institutionalization*, ed. A. Oberschall, 152–186. New York: Harper & Row.
- Clark, Terry N.* 1973. *Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Sciences*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Clemens, Barbel.* 1988. «Menschenrechte haben kein Geschlecht»: Zum Politikverständnis der Bürgerlichen Frauenbewegung. Pfaffenweiler, Germany: Centaurus Verlagsgesellschaft.
- Clements, R. V.* 1955. «Trade Unions and Emigration, 1840–1880.» *Population Studies* 9, № 2 (November): 167–180.
- Clements, R. V.* 1961. «British Trade Unions and Popular Political Economy, 1850–1875.» // *Economic History Review*, n. s., 14, № 1 (August): 93–104.
- Coates, Willson H.* 1950. «Benthamism, Laissez-faire, and Collectivism.» // *Journal of the History of Ideas* 11, № 3 (June): 357–363.
- Coats, A. W.* 1960. «The First Two Decades of the American Economic Association.» *American Economic Review* 50, № 4 (September): 555–574.
- Coats, A. W., and S. E. Coats.* 1970. «The Social Composition of the Royal Economic Society and the Beginnings of the British Economics „Profession,” 1890–1915.» *British Journal of Sociology* 21, № 1 (March): 73–85.
- Cobb, Richard.* 1970. *The Police and the People: French Popular Protest, 1789–1820*. Oxford: Clarendon Press.
- Cobban, Alfred.* 1950. Introduction to *The Debate on the French Revolution*, ed. A. Cobban, 1–32. London: Nicholas Kaye.
- Cobban, Alfred.* 1967. «The „Middle Class” in France, 1815–1848.» *French Historical Studies* 5 (Spring): 41–52.
- Cobbe, Frances Power.* 1881. *The Duties of Women*. London: Williams & Norgate.

- Cohen, Philip N. 1996. «Nationalism and Suffrage: Gender Struggle in Nation-Building America.» // *Signs* 21, № 3 (Spring): 717–727.
- Cohen, William B. 1980. *The French Encounter with Africans: White Response to Blacks, 1530–1880*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Cole, G. D. H. 1937. «British Trade Unionism in the Third Quarter of the Nineteenth Century.» *International Review for Social History* 2:1–22.
- Cole, G. D. H. 1953. *Socialist Thought: The Forerunners, 1789–1850*. Vol. 1 of *A History of Socialist Thought*. New York: St. Martin's Press.
- Cole, Juan. 2008. *Napoleon's Egypt: Invading the Middle East*. New York: Palgrave-Macmillan.
- Cole, Stephen. 1972. «Continuity and Institutionalization in Science: A Case Study of Failure.» // *The Establishment of Empirical Sociology: Studies in Continuity, Discontinuity, and Institutionalization*, ed. A. Oberschall, 73–129. New York: Harper & Row.
- Coleman, Bruce. 1973. *The Idea of the City in Nineteenth-Century Britain*. Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Coleman, Bruce. 1988. *Conservatism and the Conservative Party in Nineteenth-Century Britain*. London: Edward Arnold.
- Collini, Stefan. 1978. «Sociology and Idealism in Britain, 1880–1920.» *Archives européennes de sociologie* 19, № 1, 3–50.
- Collini, Stefan. 1979. *Liberalism and Sociology: L. T. Hobhouse and Political Argument in England, 1880–1914*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Collini, Stefan, Donald Winch, and John Burrow, eds. 1983. *That Noble Science of Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Collins, Henry. 1964. «The International and the British Labour Movement.» *Society for the Study of Labour History Bulletin*, № 9 (Autumn): 24–39.
- Collins, Irene, ed. 1970. *Government and Society in France, 1814–1848*. London: Edward Arnold.
- Cominos, Peter T. 1963. «Late-Victorian Sexual Respectability and the Social System.» *International Review of Social History* 8:18–48, 216–250.
- Commons, John R. 1918. *Introduction to History of Labour in the United States*, ed. J. R. Commons et al., 13–21. New York: Macmillan.
- Commons, John R. 1935. «Introduction to Volumes III & IV.» // *History of Labour in the United States*, ed. J. R. Commons et al., 3: ix–xxx. New York: Macmillan.
- Condliffe, J. B. 1951. *The Commerce of Nations*. London: George Allen & Unwin.
- Condorcet, Jean-Antoine Nicolas de Capitat Marquis de. 1778. *Réflexions d'un citoyen catholique sur les lois de France relatives aux protestants*. N.p., n.d.
- Condorcet, Jean-Antoine Nicolas de Capitat Marquis de. 1788. *Réflexions sur l'esclavage des nègres*. Rev. and corrected ed. Neuchâtel, Switzerland.
- Conze, Werner, and Dieter Groh. 1966. *Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung: Die deutsche Sozialdemokratie vor, während und nach der Reichsgründung*. Stuttgart: Ernst Klett Verlag.
- Conze, Werner, and Dieter Groh. 1971. «Working-Class Movement and National Movement in Germany between 1830 and 1871.» // *Mouvements nationaux et indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient*, by Comité International des Sciences Historiques and Commission Internationale d'Histoire des Mouvements Sociaux et des Structures Sociales, ed. E. Labrousse, 1:134–174. Paris: Lib. Armand Colin.
- Cookson, J. E. 1975. *Lord Liverpool's Administration: The Crucial Years, 1815–1822*. Edinburgh: Scottish Academic Press.
- Coole, Diana H. 1993. *Women in Political Theory: From Ancient Mysogyny to Contemporary Feminism*. 2nd ed. Hertfordshire, UK: Harvester Wheatsheaf.

- Coornaert, Emile.* 1950. «La pensée ouvrière et la conscience de classe en France de 1830 à 1848.» // Studi in Onore de Gino Luzzatto, 3:12–33. Milan: Dott. A. Giuffrè-Ed.
- Copans, J., and J. Jaurin, eds.* 1994. Aux origines de l'anthropologie française: Les Mémoires de la Société des Observateurs de l'Homme en l'an VIII. Paris: Jean Michel Place.
- Coppock, D. J.* 1964. «British Industrial Growth during the Great Depression (1873–96): A Pessimist's View.» // Economic History Review, n. s., 17, № 2 (December): 389–396.
- Cordillot, Michel.* 1990. La Naissance du mouvement ouvrier à Besançon: La Première Internationale, 1869–1872. Rev. ed. Annales Littéraires de l'Université de Besançon, Cahiers D'Etudes Comtoises, № 45. Paris: Les Belles-Lettres.
- Corry, B. A.* 1958. «The Theory of the Economic Effects of Government Expenditure in English Classical Economy.» Economica, n. s., 25, № 97 (February): 34–48.
- Coser, Lewis.* 1960. «Durkheim's Conservatism and Its Implications for His Sociological Theory.» // Emile Durkheim, 1858–1917, ed. K. H. Wolff, 211–232. Columbus: Ohio State Univ. Press.
- Cosslett, Tess.* 1982. The «Scientific Movement» and Victorian Literature. New York: St. Martin's Press.
- Cottureau, Alain.* 1980. «Vie quotidienne et résistance ouvrière à Paris en 1870.» Étude préalable to Le Sublime, by Denis Poulet. Paris: François Maspéro.
- Cottureau, Alain.* 1986. «The Distinctiveness of Working-Class Cultures in France, 1848–1900.» // Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States, ed. I. Katznelson and A. Zolberg, 111–154. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Coudert, Alison.* 1989. «The Myth of the Improved Status of Protestant Women: The Case of the Witchcraze.» // The Politics of Gender in Early Modern Europe, ed. D. J. R. Brink et al., 61–90. Sixteenth Century Essays & Studies 12. Kirksville, MO: Sixteenth Century Journal Publ.
- Coussy, Jean.* 1961. «La Politique commerciale du Second Empire et la continuité de l'évolution structurelle française.» Cahiers de l'Institut de Science Economique Appliquée, № 120 [série P, № 6] (December): 1–47.
- Craeybeckx, Jan.* 1968. «Les débuts de la révolution industrielle en Belgique et les statistiques de la fin de l'Empire.» // Mélanges offerts à G. Jacquemyns, 115–144. Brussels: Université Libre de Bruxelles, Ed. de l'Institut de Sociologie.
- Crafts, N. F. R.* 1984. «Economic Growth in France and Britain, 1830–1910: A Review of the Evidence.» // Journal of Economic History 44, № 1 (March): 49–67.
- Crick, Bernard R.* 1955. «The Strange Quest for an American Conservatism.» Review of Politics 17, № 3 (July): 359–376.
- Crick, Bernard R.* 1964. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions. 3rd printing. Berkeley: Univ. of California Press.
- Croce, Benedetto.* 1934. History of Europe in the Nineteenth Century. London: George Allen & Unwin.
- Cronin, James E.* 1983. «Politics, Class Structure, and the Enduring Weakness of British Social Democracy.» // Journal of Social History 16, № 3 (Spring): 123–142.
- Cross, Máire, and Tim Gray.* 1992. The Feminism of Flora Tristan. Oxford: Berg.
- Crouch, R. L.* 1967. «Laissez-faire in Nineteenth-Century Britain: Myth or Reality?» Manchester School of Economic and Social Studies 35, № 3 (September): 199–213.
- Crouzet, François.* 1964. «Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792–1815.» // Journal of Economic History 24, № 4: 567–590.
- Crouzet, François.* 1967. «Agriculture et révolution industrielle: Quelques réflexions.» Cahiers d'histoire 12, nos. 1–2, 67–85.

- Crouzet, François. 1970. «Essai de construction d'un indice annuel de la production industrielle française au XIXe siècle.» *Annales E.S.C.* 25, №1 (January–February): 56–99.
- Crouzet, François. 1972a. «Encore la croissance économique française au XIXe siècle.» // *Revue du nord* 54, № 214 (July–September): 271–288.
- Crouzet, François. 1972b. «Western Europe and Great Britain: Catching Up in the First Half of the Nineteenth Century.» // *Economic Development in the Long Run*, ed. A. J. Youngson, 98–125. London: George Allen & Unwin.
- Crouzet, François. 1975. «Trade and Empire: The British Experience from the Establishment of Free Trade until the First World War.» // *Great Britain and Her World, 1750–1914*, ed. B. M. Ratcliffe, 209–235. Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Crouzet, François. 1978. *L'économie de la Grande-Bretagne victorienne*. Paris: S. E. D. E. S.
- Crouzet, François. 1985. *De la supériorité de l'Angleterre sur la France: L'économie et l'imaginaire, XVIIe–XXe siècles*. Paris: Lib. Académique Perrin.
- Cruz Seoane, María. 1968. *El Primer lenguaje constitucional español (Las Cortes de Cádiz)*. Madrid: Ed. Moneda y Crédito.
- Cullen, L. M. 1980. «The Cultural Basis of Modern Irish Nationalism.» // *The Roots of Nationalism, Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 91–106. Edinburgh: John Donald.
- Cullen, Michael J. 1975. *The Statistical Movement in Early Victorian Britain: The Foundations of Empirical Social Research*. Hassocks, Sussex, UK: Harvester Press.
- Cunningham, Andrew, and Nicholas Jardine. 1990. «Introduction: The Age of Reflexion.» // *Romanticism and the Sciences*, ed. A. Cunningham and N. Jardine, 1–9. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Cunningham, Hugh. 1981. «The Language of Patriotism, 1750–1914.» *History Workshop Journal* 12 (Autumn): 8–33.
- Cunningham, William. 1892. «The Perversion of Economic History.» *Economic Journal* 2, №3 (September): 491–508.
- Cunningham, William. 1907. *The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times: The Mercantile System*. 4th ed. London: Cambridge Univ. Press.
- Cunningham, William. 1908. *The Industrial Revolution; Being the Parts Entitled Parliamentary Colbertism and Laissez Faire*, Reprinted from «The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times,» by W. Cunningham. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Currie, R., and R. M. Hartwell. 1965. «The Making of the English Working Class?» // *Economic History Review*, n. s., 18, № 3, 633–643.
- Curtin, Philip. 1990. «The Environment beyond Europe and the European Theory of Empire.» // *Journal of World History* 1, № 2 (Fall): 131–150.
- Daget, Serge. 1973. «Le Mot esclave, nègre, Noir et les jugements de valeur sur la traite négrière dans la littérature abolitionniste française de 1770 à 1845.» // *Revue française d'histoire d'Outre-Mer* LX, 4, № 221, 511–548.
- Dahrendorf, Ralf. 1987. «Max Weber and Modern Social Science.» // *Max Weber and His Contemporaries*, ed. W. J. Mommsen and J. Osterhammel, 574–581. London: Unwin Hyman.
- Dahrendorf, Ralf. 1995. *LSE: A History of the London School of Economics and Political Science, 1985–1995*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Dale, Peter Allan. 1989. *In Pursuit of a Scientific Culture: Science, Art and Society in the Victorian Age*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
- Darvall, Frank O. 1934. *Popular Disturbance and Public Order in Regency England*. London: Oxford Univ. Press.

- Daston, Lorraine.* 1988. *Classical Probability in the Enlightenment*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Daumard, Adeline.* 1963. *La Bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848*. Paris: S. E. V. P. E. N.
- Daumard, Adeline.* 1976. «L'État libéral et le libéralisme économique.» // *Histoire économique et sociale de la France*, vol. 3, pt. 1 (MSP 419), ed. F. Braudel and E. Labrousse. Paris: Presses Univ. de France.
- Davies, Emily.* 1988. *The Higher Education of Women*. London: Hambledon.
- Davis, David Brion.* 1966. *The Problem of Slavery in Western Culture*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Davis, David Brion.* 1984. *Slavery and Human Progress*. New York: Oxford Univ. Press.
- Davis, Horace B.* 1941. «The Theory of Union Growth.» *Quarterly // Journal of Economics* 55 (August): 611–637.
- Davis, John A., ed.* 1979. *Gramsci and Italy's Passive Revolution*. London: Croom Helm.
- Davis, John A., ed.* 1989. «Industrialization in Britain and Europe before 1850.» // *The First Industrial Revolutions*, ed. P. Mathias and J. A. Davis, 44–68. Oxford: Basil Blackwell.
- Davis, Mary.* 1993. *Comrade or Brother? A History of the British Labour Movement, 1789–1951*. London: Pluto Press.
- Davis, T. W. Rhys.* 1903–1904. «Oriental Studies in England and Abroad.» *Proceedings of the British Academy*, 183–197.
- Deacon, Desley.* 1985. «Political Arithmetic: The Nineteenth-Century Australian Census and the Construction of the Dependent Woman.» // *Signs* 11, № 1 (Autumn): 27–47.
- Deane, Phyllis, and W. A. Cole.* 1967. *British Economic Growth, 1688–1959: Trends and Structures*. 2nd ed. London: Cambridge Univ. Press.
- Debs, Eugene V.* 1903. «The Negro in the Class Struggle.» *International Socialist Review* 4, № 5 (November): 257–260.
- DeCaux, Charles.* 1835. «L'Université catholique. Premier semestre. Programme des Cours, Faculté des Sciences Sociales, Cours d'économie politique.» *L'Université Catholique* 1 (July): 53–54.
- Decharneux, Baudouin.* 2000. «Introduction philosophique: Les Indo-Européens, de l'étude aux fantasmes.» // *Modèles linguistiques et idéologies, «Indo-Européen»*, ed. S. Vanséveren, 13–29. Brussels: Éd. Ousia.
- Degler, Carl N.* 1956. «Charlotte Perkins Gilman on the Theory and Practice of Feminism.» *American Quarterly* 8, № 1 (Spring): 21–39.
- DeGroat, Judith A.* 1997. «The Public Nature of Women's Work: Definitions and Debates during the Revolution of 1848.» *French Historical Studies* 20, № 1 (Winter): 31–48.
- Dehio, Ludwig.* 1962. *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. New York: Vintage Books.
- Delacampagne, Christian.* 1983. *L'Invention du racisme, Antiquité et Moyen Age*. Paris: Fayard.
- Delaisi, Francis.* 1905. *La Force allemande*. Paris: Pages libres.
- Demangeon, Albert, and Lucien Febvre.* 1935. *Le Rhin: Problèmes d'histoire et d'économie*. Paris: Lib. Armand Colin.
- DeMarchi, N. B.* 1976. «On the Early Dangers of Being Too Political an Economist: Thorold Rogers and the 1868 Election to the Drummond Professorship.» *Oxford Economic Papers*, n. s., 28, № 3 (November): 364–380.
- Démier, Francis.* 1992. «Nation, marché et développement dans la France de la Restauration.» *Bulletin du Centre d'Histoire de La France Contemporaine*, № 13, 95–103.
- Demoulin, Robert.* 1938. *Guillaume 1er et la transformation économique des provinces belges*. Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège 80. Paris: Lib. E. Droz.

- Demoulin, Robert. 1950. La Révolution de 1830. Brussels: La Renaissance du Livre.
- Demoulin, Robert. 1960. «L'Influence française sur la naissance de l'Etat belge.» // Revue historique, 84e année, CCXXIII, 1 (January–March): 13–28.
- Derainne, Pierre-Jacques. 1993. «Naissance d'un protectionnisme national ouvrier au milieu du XIXe siècle.» // *Proletaires de tous les pays, unissez-vous? Les difficiles chemins de l'internationalisme, 1848–1956*, ed. S. Wolikow and M. Cordillot, 27–34. Dijon: EUD.
- Desanto, Dominique. 1980. Flora Tristan: La femme révoltée. New ed. Paris: Hachette.
- Deschamps, Henry-Thierry. 1956. La Belgique devant la France de Juillet: L'Opinion et l'attitude françaises de 1839 à 1848. Paris: Société d'Édition „Les Belles Lettres.”
- Descoings, Richard. 2007. Sciences Po: De La Courneuve à Shanghai. Paris: Presses de Sciences Po.
- Descoings, Richard. 2008. «... et assumer la complexité.» 8 December. <http://www.richard-descoings.net/2009/10/04/et-assumer-la-complexite> (accessed August 18, 2010).
- Dessal, M. 1949. «Les incidents franco-belges en 1848.» // Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848, 107–113. Paris: Presses Univ. de France.
- Devance, Louis. 1976. «Femme, famille, travail et morale sexuelle dans l'idéologie de 1848.» *Romantisme*, nos. 13–14, 79–103.
- Devleeshouwer, Robert. 1970. «Le Consulat et l'Empire: Période de „take-off” pour l'économie belge?» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 17:610–619.
- Devreese, Daisy Eveline. 1989. «L'Association Internationale des Travailleurs, Bilan de l'historiographie et perspectives de recherche.» // *Cahiers d'histoire de L'IRM*, № 37, 9–32.
- Devulder, Catherine. 1987. «Histoire allemande et totalité, Leopold von Ranke, Johann Gustav Droysen, Karl Lamprecht.» // *Revue de synthèse*, 4th ser., 108, № 2 (April–June): 177–197.
- Dhondt, Jean. 1949. «La Belgique en 1848.» // Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848, 115–131. Paris: Presses Univ. de France.
- Dhondt, Jean. 1955. «L'Industrie cotonnière gantoise à l'époque française.» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 2 (October–December): 233–279.
- Dhondt, Jean. 1969. «The Cotton Industry at Ghent during the French Régime.» // *Essays in European Economic History, 1789–1914*, ed. François Crouzet et al., 15–52. London: Edward Arnold.
- Dhondt, Jean, and Marinette Bruwier. 1973. «The Industrial Revolution in the Low Countries, 1700–1914.» // *The Emergence of Industrial Societies*, ed. C. Cipolla, 1:329–366. The Fontana Economic History of Europe 4. London: Collins.
- Dibble, Vernon. 1976. «„Review Essay” of Herman and Julia R. Schwendinger's // *Sociologists of the Chair: A Radical Analysis of the Formative Years of North American Sociology*» *History and Theory* 15, № 3, 293–321.
- Dicey, Alfred Venn. 1914 [1965]. *Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England, during the Nineteenth Century*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Dijkstra, Sandra. 1992. Flora Tristan: Feminism in the Age of George Sand. London: Pluto Press.
- Djordjević, Dimitrije, and Stephen Fisher-Galati. 1981. *The Balkan Revolutionary Tradition*. New York: Columbia Univ. Press.
- Dolléans, Édouard. 1947. *Histoire du mouvement ouvrier*. 2 vols. Paris: Colin.
- Dominick, Raymond H. III. 1982. *Wilhelm Liebknecht and the Founding of the German Social Democratic Party*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press.
- Donzelot, Jacques. 1977. *La Police des familles*. Paris: Éd. du Minuit.
- Donzelot, Jacques. 1984. *L'Invention du social: Essai sur le déclin des passions politiques*. Paris: Fayard.

- Dorfman, Joseph.* 1955a. «The Department of Economics.» // A History of the Faculty of Political Science, by R. G. Hoxie et al., 161—206. New York: Columbia Univ. Press.
- Dorfman, Joseph.* 1955b. «The Role of the German Historical School in American Economic Growth.» // American Economic Review, Papers and Proceedings, 45, № 2 (May): 17—28. [Discussion, 29—39.]
- Dorpalen, Andrew.* 1969. «The German Struggle against Napoleon: The East German View.» // Journal of Modern History 41, № 4 (December): 485—516.
- Drachkovitch, Milorad.* 1953. Les Socialismes français et allemand et le problème de la guerre, 1870—1914. Geneva: Droz.
- Drescher, Seymour.* 1981. «Art Whip and Billy Roller; Or Anti-slavery and Reform Symbolism in Industrializing Britain.» // Journal of Social History 15, № 1 (Fall): 3—24.
- Dreyer, F. A.* 1965. «The Whigs and the Political Crisis of 1848.» // English Historical Review 80, № 316 (July): 514—537.
- Droit, Roger-Pol.* 2000. «L'Orient comme paradis ou comme enfer: Science des religions et mythes philosophiques à l'époque contemporaine.» // Sciences, mythes et religions en Europe, Royaume, 14—15 octobre 1997, ed. D. Lecourt, 97—103. Luxembourg: European Communities.
- Droixhe, Daniel, and Klaus Keifer, eds.* 1987. Images de l'africain de l'Antiquité au XXe siècle. Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang.
- Droz, Jacques.* 1963. «L'Origine de la loi des trois classes en Prusse.» // Réaction et suffrage universel en France et en Allemagne (1848—1850), ed. J. Droz, 1—45. Bibliothèque de la Révolution de 1848 22. Paris: Lib. Marcel Rivière.
- Droz, Jacques.* 1967. Europe between Revolutions, 1815—1848: The Fontana History of Europe. London: Collins.
- Droz, Jacques.* 1971. «Cisleithanie, Les Masses laborieuses et le problème national.» // Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient, by Comité International des Sciences Historiques and Commission Internationale d'Histoire des Mouvements Sociaux et des Structures Sociales, ed. E. Labrousse, 1:74—92. Paris: Lib. Armand Colin.
- Droz, Jacques.* 1977a. Introduction // Des origines à 1875, ed. J. Droz, 9—24. Vol. 1 of Histoire Générale du Socialisme. Paris: Presses Univ. de France.
- Droz, Jacques.* 1977b. «Le Socialisme allemand du Vormärz.» // Des Origines à 1875, ed. J. Droz, 407—456. Vol. 1 of Histoire Générale du Socialisme. Paris: Presses Univ. de France.
- Dubofsky, Melvyn.* 1974. «Socialism and Syndicalism.» // Failure of a Dream? Essays in the History of American Socialism, ed. J. Laslett and S. M. Lipset, 252—285. Garden City, NY: Anchor.
- DuBois, Ellen Carol.* 1978. Feminism and Suffrage: The Emergence of an Independent Women's Movement in America, 1848—1869. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Duchet, Michèle.* 1975. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris: Albin Michel.
- Duffy, A. E. P.* 1961. «New Unionism in Britain, 1889—1890: A Reappraisal.» // Economic History Review, n. s., 14, № 2 (December): 306—319.
- Duhet, Paule-Marie.* 1971. Les Femmes et la Révolution, 1789—1794. Paris: Julliard.
- Duhet, Paule-Marie, ed.* 1989. 1789, Cahiers de doléances des femmes et autres textes. Nouv. éd. augm. Paris: Des Femmes.
- Dunbabin, J. D. D.* 1963. «The „Revolt of the Field': The Agricultural Labourers' Movement in the 1870s.» // Past and Present, № 26 (November): 68—97.
- Dunham, Arthur Louis.* 1930. The Anglo-French Treaty of Commerce 1861 and the Progress of the Industrial Revolution in France. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.

- Dupuis, Charles.* 1909. *Le Principe d'équilibre et le concert européen, de la Paix de Westphalie à l'Acte d'Algéciras.* Paris: Perrin.
- Durkheim, Emile.* 1925. «Saint-Simon, fondateur du positivisme et de la sociologie.» // *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 50e année, XCIX, nos. 5–6 (May–June): 321–341.
- Duroselle, Jean-Baptiste.* 1951. *Les Débuts du catholicisme social en France (1822–1870).* Paris: Presses Univ. de France.
- Duverger, Maurice.* 1967. *La Démocratie sans le peuple.* Paris: Éd. du Seuil.
- Echard, William E.* 1983. *Napoleon III and the Concert of Europe.* Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press.
- Eichtal, Eugène d'.* 1903. «Carlyle et le Saint-Simonisme: Lettres à Gustave d'Eichtal.» // *Revue historique*, 28e année, LXXXII, 2 (July–August): 292–306.
- Einaudi, Mario.* 1938. «Le Prime ferrovie piemontesi ed il conte di Cavour.» // *Rivista di storia economica* 3:1–38.
- Eisenstein, Elizabeth L.* 1959. *The First Professional Revolutionist, Filippo Michele Buonarroti (1761–1837).* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Eisenstein, Zillah R.* 1981. *The Radical Future of Liberal Feminism.* Boston: Northeastern Univ. Press.
- Elbaum, B., and W. Lazowick.* 1984. «The Decline of the British Economy: An Institutional Perspective.» // *Journal of Economic History* 44, № 2 (June): 567–583.
- Elesh, David.* 1972. «The Manchester Statistical Society: A Case Study of Discontinuity in the History of Empirical Social Research.» // *The Establishment of Empirical Sociology, Studies in Continuity, Discontinuity, and Institutionalization*, ed. A. Oberschall, 31–72. New York: Harper & Row.
- Eley, Geoff.* 1976. «Social Imperialism in Germany: Reformist Synthesis or Reactionary Sleight of Hand?» // *Imperialismus im 20. Jahrhundert: Gedenkschrift für George W. F. Hallgarten*, ed. J. Radkau and I. Geiss, 71–86. Munich: C. H. Beck.
- Eley, Geoff.* 1980. *Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Eley, Geoff.* 1984. «The British Model and the German Road: Rethinking the Course of German History before 1914.» // *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth Century Germany*, ed. D. Blackbourn and G. Eley, 37–155. New York: Oxford Univ. Press.
- Eley, Geoff.* 1996. *From Unification to Nazism: Reinterpreting the German Past.* Boston: Unwin and Hyman.
- Ellis, John.* 1974a. «Patterns of Political Violence during the Second Republic, 1845–51.» // *Revolt to Revolution: Studies in the 19th and 20th Century European Experience*, ed. M. Elliott Bateman et al., 59–112. Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Ellis, John.* 1974b. «Revolutionary Trends in Europe: A Historical Introduction.» // *Revolt to Revolution: Studies in the 19th and 20th Century European Experience*, ed. M. Elliott Bateman et al., 31–57. Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Elstain, Jean Bethke.* 1981. *Public Man, Private Woman: Women in Social and Political Thought.* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Elton, Godfrey Lord.* 1923. *The Revolutionary Idea in France (1789–1871).* London: Edward Arnold.
- Elvin, Mark.* 1986. «A Working Definition of „Modernity“?» // *Past and Present*, № 113 (November): 209–213.
- Elwitt, Sanford.* 1975. *The Making of the Third Republic: Class and Politics in France, 1868–1884.* Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press.
- Elwitt, Sanford.* 1988. «Debate, Social Science, Social Reform and Sociology.» // *Past and Present*, № 121 (November): 209–214.

- Ely, Richard T. 1890. *The Labor Movement in America*. Rev. ed. New York: T. Y. Crowell.
- Ely, Richard T. 1910. «The American Economic Association, 1885–1909.» // *American Economic Association Quarterly*, 3rd ser., 11, № 1, 47–92.
- Emerit, Marcel. 1941. *Les Saint-simoniens en Algérie*. Paris: Les Belles-Lettres.
- Emerit, Marcel. 1943. «Les Saint-simoniens au Maroc.» // *Bulletin de l'Enseignement Public du Maroc*, 30e année, № 176 (April–June).
- Emerit, Marcel, ed. 1949. *La Révolution de 1848 en Algérie*. Paris: Larose.
- Emy, Hugh Vincent. 1973. *Liberals, Radicals and Social Politics, 1892–1914*. Cambridge: At the University Press.
- Endres, Robert. 1948. «1848 en Autriche.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2:65–122. Paris: Éd. du Minuit.
- Engel, Arthur. 1974. «Emerging Concepts of the Academic Profession at Oxford: 1800–1854.» // *The University in Society*, ed. L. Stone, 1:305–351. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Erickson, Charlotte. 1949. «The Encouragement of Emigration by British Trade Unions, 1850–1900.» // *Population Studies* 3, № 3 (December): 248–273.
- Evans, David Owen. 1951. *Social Romanticism in France, 1830–1848*. Oxford: Clarendon Press.
- Evans, Eric J., ed. 1978. *Social Policy, 1830–1914: Individualism, Collectivism and the Origins of the Welfare State*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Evans, Eric J., ed. 1983. *The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain, 1783–1870*. London: Longman.
- Evans, Richard J. 1976. *The Feminist Movement in Germany, 1894–1933*. London and Beverly Hills: Sage Publications.
- Evans, Richard J. 1977. *The Feminists: Women's Emancipation Movements in Europe, America and Australasia, 1840–1920*. London: Croom Helm.
- Evans, Richard J. 1986. «The Concept of Feminism: Notes for Practicing Historians.» // *German Women in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: A Social and Literary History*, ed. R.-E. B. Joeres and J. M. Maynes, 247–268. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Evans, Richard J. 1987. *Comrades and Sisters: Feminism, Socialism, and Pacifism in Europe, 1870–1945*. Brighton, Sussex, UK: Wheatsheaf Books.
- Fairlie, Susan. 1965. «The Nineteenth-Century Corn Law Reconsidered.» // *Economic History Review*, n. s., 18, № 3 (December): 562–575.
- Fairlie, Susan. 1969. «The Corn Laws and British Wheat Production, 1829–76.» // *Economic History Review*, n. s., 22, № 1 (April): 88–116.
- Faivre, Jean-Paul. 1954. *L'Expansion française dans le Pacifique, de 1800 à 1842*. Paris: Nouvelles Éd. Latines.
- Fakkar, Rouchdi. 1968. *Sociologie, socialisme et internationalisme prémarxistes: Contribution à l'étude de l'influence internationale de Saint-Simon et de ses disciples. (Bilan en Europe et portée extraeuropéenne)*. Neuchâtel, Switzerland: Delachaux & Niestlé.
- Farnie, D. A. 1979. *The English Cotton Industry and the World Market, 1815–1896*. Oxford: Clarendon Press.
- Farr, James. 1988. «The History of Political Science.» *American Journal of Political Science* 32, № 4 (November): 1175–1195.
- Faure, Alain, and Jacques Rancière. 1976. *La Parole ouvrière, textes rassemblées et présentées, 1830/1851*. Paris: UGE.
- Fauré, Christine. 1991. *Democracy without Women: Feminism and the Rise of Liberal Individualism in France*. Bloomington: Indiana Univ. Press.

- Favre, Pierre.* 1981. «Les Sciences d'État entre déterminisme et libéralisme: Émile Boutmy et la création de l'École libre de sciences politiques.» // *Revue française de sociologie* 22, № 3 (July–September): 429–468.
- Fay, C. R.* 1920. *Life and Labour in the Nineteenth Century.* Cambridge: At the University Press.
- Fay, C. R.* 1926. «Price Control and the Corn Averages under the Corn Laws.» // *Economic Journal (Economic History)* 1, № 1 (January): 149–154.
- Fay, C. R.* 1932. *The Corn Laws and Social England.* Cambridge: At the University Press.
- Fay, Victor.* 1981. *Remarks in Jaurès et la classe ouvrière, 187–188.* Collection mouvement social. Paris: Ed. Ouvrières.
- Feaveryear, A. E.* 1931. *The Pound Sterling: A History of English Money.* London: Oxford Univ. Press.
- Fehér, Ferenc.* 1987. *The Frozen Revolution: An Essay on Jacobinism.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Feis, Herbert.* 1930. *Europe, the World's Banker, 1870–1914.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Fejtő, François.* 1948a. «Introduction: L'Europe à la veille de la Révolution.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 1:25–125. Paris: Éd. du Minuit.
- Fejtő, François.* 1948b. «La Guerre de l'indépendance hongroise.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2:123–204. Paris: Éd. du Minuit.
- Fejtő, François.* 1948c. «Conclusion.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2:435–466. Paris: Éd. du Minuit.
- Fejtő, François.* 1948d. «Le Sens de la Révolution de 1848 en Hongrie et en Autriche.» // *Revue socialiste*, n. s., nos. 17–18 (January–February): 107–116.
- Fejtő, François.* 1949. «Paris des années 40, capitale de la Révolution.» // *Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848*, 357–369. Paris: Presses Univ. de France.
- Feldman, Gerald D.* 1986. «German Economic History.» // *Central European History* 19, № 2 (June): 174–185.
- Feray, E.* 1881. *Du Traité de commerce de 1860 avec l'Angleterre.* Paris: Plon.
- Festy, Octave.* 1908. *Le Mouvement ouvrier au début de la Monarchie de Juillet (1830–1834).* // Vol. 2, part 3 of *Bibliothèque d'Histoire Moderne.* Paris: Éd. Cornély.
- Festy, Octave.* 1913. «Le Mouvement ouvrier à Paris en 1840.» // 3 pts. *Revue de l'École Libre des Sciences Politiques* 6 (July–August): 67–79; (September–October): 226–240; (November–December): 333–361.
- Fetter, Frank W.* 1943. «The Early History of Political Economy in the United States.» // *Proceedings of the American Philosophical Society* 87, № 1 (July): 51–60.
- Fetter, Frank W.* 1959. «The Politics of the Bullion Report.» // *Economica*, n. s., 26, № 102 (May): 99–120.
- Fetter, Frank W.* 1965. *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797–1875.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Fitchett, W. H.* 1899–1900. *How England Saved Europe: The Story of the Great War (1798–1815).* 4 vols. London: Smith, Elder & Co.
- Fitzpatrick, David.* 1984. *Irish Emigration, 1801–1921.* // Vol. 1 of *Studies in Irish Economic and Social History.* Dublin: Economic and Social History Society of Ireland.
- Flamant, Maurice.* 1988. *Histoire du libéralisme.* // *Que sais-je?* № 1797bis. Paris: Presses Univ. de France.
- Fletcher, Roger.* 1984. *Revisionism and Empire: Socialist Imperialism in Germany, 1897–1914.* London: George Allen & Unwin.
- Flexner, Eleanor.* 1975. *A Century of Struggle: The Women's Rights Movement in the United States.* Rev. ed. Cambridge, MA: Belknap Press.

- Flinn, M. W. 1961. «The Poor Employment Act of 1817.» // *Economic History Review*, n. s., 14, № 1 (August): 82–92.
- Fohlen, Claude. 1956. «Bourgeoisie française, liberté économique et intervention de l'état.» // *Revue économique* 7, № 3 (May): 414–428.
- Fohlen, Claude. 1961. «Sociétés anonymes et développement capitaliste sous le Second Empire.» // *Histoire des entreprises*, № 6 (November): 65–77.
- Folbre, Nancy. 1991. «The Unproductive Housewife: Her Evolution in Nineteenth-Century Economic Thought.» // *Signs* 16, № 3 (Spring): 463–484.
- Foner, Eric. 1983. *Nothing but Freedom: Emancipation and Its Legacy*. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press.
- Foner, Eric. 1984. «Why Is There No Socialism in the United States?» // *History Workshop Journal*, № 17 (Spring): 57–80.
- Foner, Philip S. 1977. *The Great Labor Uprising of 1877*. New York: Monad.
- Fong, H. D. 1930. *Triumph of Factory System in England*. Tientsin, China: Chihli Press.
- Fontvieille, Louis. 1976. «Évolution et croissance de l'État français de 1815 à 1969» // *Économies et sociétés* 10 (September–December): 9–12 [Cahiers de l'I.S.M.E.A., Série AF, № 13].
- Fontvieille, Louis, with Anita Bringent. 1982. «Évolution et croissance de l'administration départementale française, 1815–1974.» // *Économies et sociétés* 16 (January–February): 1–2 [Cahiers de l'I.S.M.E.A., Série AF, № 14].
- Foote, George A. 1951. «The Place of Science in the British Reform Movement, 1830–1850.» // *Isis* 42, pt. 3, № 129 (October): 192–208.
- Forbes, Geraldine H. 1982. «Caged Tigers: „First Wave” Feminists in India.» // *Women's Studies International Forum* 5, № 6, 525–536.
- Forman, Michael. 1998. *Nationalism and the International Labor Movement: The Idea of Nation in Socialist Anarchist Theory*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press.
- Fossaert, Robert. 1955. «La Théorie des classes chez Guizot et Thierry.» // *La Pensée*, № 59 (January–February): 59–69.
- Foster, John. 1974. *Class Struggle and the Industrial Revolution: Early Industrial Capitalism in Three English Towns*. New York: St. Martin's Press.
- Foster, John. 1976. «Some Comments on 'Class Struggle and the Labour Aristocracy, 1830–60.» // *Social History* 1, № 3 (October): 357–366.
- Foucault, Michel. 1976. *La Volonté du savoir*. Vol. 1 of *L'Histoire de la sexualité*. Paris: Gallimard.
- Fox, Robert, and George Weisz, eds. 1980. *The Organization of Science and Technology in France, 1808–1914*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- France, *Ministre de l'Agriculture du Commerce et des Travaux Publics*. 1860. // *Enquête, Traité de commerce avec l'Angleterre*. Paris: Imprimerie Nationale.
- Frank, Andre Gunder. 1976a. «Multilateral Merchandise Trade Imbalances and Uneven Economic Development.» // *Journal of European Economic History* 5, № 2 (Fall): 407–438.
- Frank, Andre Gunder. 1976b. «Trade Balances and the Third World: A Commentary on Paul Bairoch.» // *Journal of European Economic History* 5, № 2 (Fall): 469–472.
- Frank, Andre Gunder. 1977. «Imbalance and Exploitation.» // *Journal of European Economic History* 6, № 3 (Winter): 750–753.
- Fraser, Derek. 1969. «The Agitation for Parliament Reform.» // *Popular Movements, 1830–1850*, ed. J. T. Ward, 31–53. London: Macmillan.
- Fredrickson, George M. 1971. *The Black Image in the White Mind: The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817–1914*. New York: Harper & Row.

- Freedeman, Charles E.* 1965. «Joint Stock Business Organization in France, 1807—1867.» // *Business History Review* 39, № 2 (Summer): 184—204.
- Frei, Annette.* 1987. *Rote Patriarchen: Arbeiterbewegung und Frauenemanzipation in der Schweiz um 1900.* Zurich: Chronos.
- Fridieff, Michel.* 1952. L'Opinion publique française devant l'insurrection polonaise de 1830—1831.» // 3 pts. *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n. s., 2, № 6 (April—June): 111—121; № 7 (July—September): 205—214; № 8 (October—December): 280—304.
- Fulford, Roger.* 1957. *Votes for Women: The Story of a Struggle.* London: Faber & Faber.
- Fuller, Margaret.* 1992. «Women in the Nineteenth Century.» // *The Essential Margaret Fuller*, ed. Jeffrey Steele, 243—378. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Furet, François.* 1963. «Pour une définition des classes inférieures à l'époque moderne.» // *Annales E. S. C.* 18, № 3 (May—June): 459—474.
- Furet, François.* 1988. Preface to *De la Révolution et de la constitution*, by A. Barnave, 9—29. Paris: Presses Univ. de Grenoble.
- Furner, Mary O.* 1975. *Advocacy and Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science, 1865—1905.* Lexington: Univ. Press of Kentucky for Organization of American Historians.
- Furner, Mary O.* 1990. «Knowing Capitalism: Public Investigation and the Labor Question in the Long Progressive Era.» // *State and Economic Knowledge: The American and British Experience*, ed. M. O. Furner and B. Supple, 241—286. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars; Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gabaccia, Donna.* 1999. «The „Yellow Peril” and the „Chinese of Europe”: Global Perspectives on Race and Labor, 1815—1930.» // *Migration, Migration History, History, Old Paradigms and New Perspectives*, ed. J. L. Lucassen, 177—196. Bern: Peter Lang.
- Galbraith, John S.* 1961. «Myths of the „Little England” Era.» // *American Historical Review* 67, № 1 (October): 34—48.
- Gallagher, John, and Ronald Robinson.* 1953. «The Imperialism of Free Trade.» // *Economic History Review*, n. s., 6, № 1 (August): 1—15.
- Galliot, René.* 1979. «Nazione e nazionalità nei dibattiti del movimento operaio.» // *Il Marxismo dell'età della Seconda Internazionale*, 785—864. Vol. 2 of *Storia del Marxismo*. Turin: Einaudi.
- Garden, Maurice.* 1978. «Un exemple régional: L'industrie textile des Pays-Bas autrichiens.» // *Histoire économique et sociale du monde*, ed. Pierre Léon, vol. 3, *Inerties et Révolutions, 1730—1840*, ed. Louis Bergeron, 20—27. Paris: Lib. Armand Colin.
- Garnier, Joseph.* 1852. «De l'Origine et de la filiation du mot économie politique et les divers autres noms donnés à la science économique.» 2 pts. *Journal des économistes*, IIe année, XXXII, nos. 135—136 (July—August): 300—316; XXXIII, nos. 137—138 (September—October): 11—23.
- Gash, Norman.* 1935. «Rural Unemployment, 1815—34.» // *Economic History Review* 6, № 1 (October): 90—93.
- Gash, Norman.* 1951. «Peel and the Party System, 1830—50.» // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 1:47—70.
- Gash, Norman.* 1956. «English Reform and French Revolution in the General Election of 1830.» // *Essays Presented to Sir Lewis Namier*, ed. R. Pares and A. J. P. Taylor, 258—288. London: Macmillan.
- Gash, Norman.* 1965. *Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832—1852.* Oxford: Clarendon Press.

- Gash, Norman. 1977. «From the Origins of Sir Robert Peel.» // *The Conservatives*, ed. Lord Butler, 19—108. London: George Allen & Unwin.
- Gash, Norman. 1979. *Aristocracy and People: Britain 1815—1865*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Gates, Henry Louis, Jr. 1988. «The Trope of the New Negro and the Reconstruction of the Image of the Black.» // *Representations*, № 24 (Fall): 129—155.
- Gay, Peter. 1993. *The Cultivation of Hatred*. Vol. 3 of *The Bourgeois Experience, Victoria to Freud*. New York: W. W. Norton.
- Gayer, Arthur D., W. W. Rostow, and Anna Jacobson Schwartz. 1953. // *The Growth and Fluctuation of the British Economy, 1790—1850*. 2 vols. Oxford: Clarendon Press.
- Geanakoplos, Deno J. 1976. «The Diaspora Greeks: The Genesis of Greek National Consciousness.» // *Hellenism and the First Greek War of Liberation (1821—1830): Continuity and Change*, ed. N. P. Diamandouros, 59—77. Thessalonica: Institute for Balkan Studies.
- Geary, Dick. 1976. «The German Labour Movement, 1848—1918.» // *European Studies Review* 6, № 3 (July): 297—330.
- Geary, Dick. 1981. *European Labour Protest, 1848—1939*. London: Croom Helm.
- Gellner, Ernest. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
- Gemelli, Giuliana. 1987. «Communauté intellectuelle et stratégie institutionnelles: Henri Berr et la Fondation du Centre International de Synthèse.» // *Revue de synthèse*, 4th ser., 8, № 2 (April—June): 225—259.
- Genovese, Elizabeth Fox. 1987. «Culture and Consciousness in the Intellectual History of European Women.» // *Signs* 12, № 3 (Spring): 329—347.
- George, M. Dorothy. 1927. «The Combination Laws Reconsidered.» // *Economic Journal* (Economic History) 1, № 2 (May): 214—228.
- George, M. Dorothy. 1936. «The Combination Laws.» // *Economic History Review* 6, № 2 (April): 172—178.
- George, Margaret. 1976—1977. «The „World Historical Defeat” of the Républicaines-Révolutionnaires.» // *Science and Society* 40, № 4 (Winter): 410—437.
- Gerbod, Paul. 1965. *La Condition universitaire en France au XIXe siècle*. Paris: Presses Univ. de France.
- Gerhard, Ute. 1982. «A Hidden and Complex Heritage: Reflections on the History of German's Women's Movements.» // *Women's Studies International Forum* 5, № 6, 561—567.
- Gerschenkron, Alexander. 1943. *Bread and Democracy in Germany*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Giddens, Anthony. 1971. «Durkheim's Political Sociology.» // *Sociological Review*, n.s., 19, № 4 (November): 477—519.
- Gignoux, C.-J. 1923. «L'Industrialisme de Saint-Simon à Walther Rathenau.» // *Revue d'histoire des doctrines économiques et sociales* 11, № 2, 200—217.
- Gille, Bertrand. 1959a. *La Banque et le crédit en France de 1815 à 1848*. Paris: Presses Univ. de France.
- Gille, Bertrand. 1959b. *Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste (1815—1848)*. Paris: S. E. V. P. E. N.
- Gille, Bertrand. 1965. *Histoire de la Maison Rothschild*. Vol. 1, *Des origines à 1848*. Geneva: Droz.
- Gille, Bertrand. 1967. *Histoire de la Maison Rothschild*. Vol. 2, *1848—1870*. Geneva: Droz.
- Gille, Bertrand. 1970. *La Banque en France au XIXe siècle*. Geneva: Droz.
- Gillis, John R. 1970. «Political Decay and the European Revolutions, 1789—1848.» // *World Politics* 22, № 3 (April): 344—370.

- Gilroy, Paul.* 2000. *Against Race: Imagining Political Culture beyond the Color Line.* Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Girard, Louis.* 1952. *La Politique des travaux publics sous le Second Empire.* Paris: Lib. Armand Colin.
- Girard, Louis.* 1966. «Révolution ou conservatisme en Europe (1856): Une Polémique de la presse parisienne après la guerre de Crimée.» // *Mélanges Pierre Renouvin: Études d'histoire des relations internationales*, 125–134. Paris: Presses Univ. de France.
- Girard, Louis.* 1977. «Caractères du Bonapartisme dans la seconde moitié du XIXe siècle.» // *Le Bonapartisme, phénomène historique et mythe politique*, ed. K. Hammer and P. C. Hautmann, 22–28. Munich: Artemis Verlag.
- Glaser, John F.* 1958. «English Nonconformity and the Decline of Liberalism.» // *American Historical Review* 63, № 2 (January): 352–363.
- Glenn, Evelyn Naka.* 1992. «From Servitude to Service Work: Historical Continuities in the Racial Division of Paid Reproductive Labor.» // *Signs* 18, № 1 (Autumn): 1–43.
- Godechot, Jacques.* 1965. *Les Révolutions: 1770–1799.* 2nd ed. Paris: Presses Univ. de France.
- Godechot, Jacques.* 1971. «Nation, patrie, nationalisme et patriotisme en France au XVIIIe siècle.» // *Annales historiques de la Révolution française*, 43e année, № 206 (October–December): 481–501.
- Goldfrank, Walter L.* 1972. «Reappraising Le Play.» // *The Establishment of Empirical Sociology: Studies in Continuity, Discontinuity and Institutionalization*, ed. A. Oberschall, 130–151. New York: Harper & Row.
- Goldman, Lawrence.* 1986. «The Social Science Association, 1857–86: A Context for Mid-Victorian Liberalism.» // *English Historical Review* 101, № 398 (January): 95–134.
- Goldman, Lawrence.* 1987. «A Peculiarity of the English? The Social Science Association and the Absence of Sociology in Nineteenth-Century Britain.» // *Past and Present*, № 114 (February): 133–171.
- Goldman, Lawrence.* 1998. «Exceptionalism and Internationalism: The Origins of American Social Science Reconsidered.» // *Journal of Historical Sociology* 11, № 1 (March): 1–36.
- Goldman, Lawrence.* 2002. *Science, Reform, and Politics in Victorian Britain: The Social Science Association, 1857–1886.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Goldman, Lawrence.* 2005. «Victorian Social Science: From Singular to Plural.» // *Organization of Knowledge in Victorian Britain*, ed. M. Daunton, 87–114. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Goldstein, Jan.* 1982. «The Hysteria Diagnosis and the Politics of Anticlericalism in Late Nineteenth-Century France.» // *Journal of Modern History* 54, № 2 (June): 209–239.
- Goldstein, Leslie.* 1980. «Mill, Marx, and Women's Liberation.» // *Journal of the History of Philosophy* 18, № 3 (July): 319–334.
- Goldstein, Leslie.* 1982. «Early Feminist Themes in French Utopian Socialism: The St.-Simonians and Fourier.» // *Journal of the History of Ideas* 43, № 1 (January–March): 91–108.
- Goliber, Sue Helder.* 1982. «Marguerite Durand: A Study in French Feminism.» *International Journal of Women's Studies* 5, № 5 (November–December): 402–412.
- Gonnet, Paul.* 1955. «Esquisse de la crise économique en France de 1827 à 1832.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 33, № 3, 249–292.
- Gooch, Brison D.* 1956. «A Century of Historiography on the Origins of the Crimean War.» // *American Historical Review* 62, № 1 (October): 33–58.
- Goode, William J.* 1960. «Encroachment, Charlatanism, and the Emerging Profession: Psychology, Sociology, and Medicine.» // *American Sociological Review* 25, № 6 (December): 902–965.

- Gordon, Ann D., ed. 1997. *Selected Papers of Elizabeth Cady Stanton and Susan B. Anthony*. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Gordon, Barry L. 1976. *Political Economy in Parliament, 1819—1823*. London: Macmillan.
- Gordon, Barry L. 1979. *Economic Doctrine and Tory Liberalism, 1824—1830*. London: Macmillan.
- Gordon, H. Scott. 1973. «Alfred Marshall and the Development of Economics as a Science.» // *Foundations of Scientific Methods, the Nineteenth Century*, ed. R. N. Giere and R. S. Westfall, 234—258. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Gordon, Linda. 1991. «On „Difference,”» *Genders*, № 10 (Spring): 91—111.
- Goriély, Benjamin. 1948a. «La Pologne en 1848.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2:267—318. Paris: Éd. du Minuit.
- Goriély, Benjamin. 1948b. «La Russie de Nicolas 1er en 1848.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2:355—393. Paris: Éd. du Minuit.
- Gouges, Olympe de. N. d. *Les Droits de la Femme*. N. p.: A la Reine.
- Gouges, Olympe de. 1980. «The Declaration of the Rights of Woman.» // *Women in Revolutionary Paris, 1789—1795, Selected Documents*, ed. D. G. Levy et al., 87—113. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Gouges, Olympe de. 1993. *Ecrits Politiques*. Paris: Côté Femmes.
- Gough, Barry. 1990. «Pax Britannica, Peace, Force and World Power.» // *Round Table*, № 314, 167—188.
- Gourevitch, Peter Alexis. 1977. «International Trade, Domestic Coalitions, and Liberty: Comparative Responses to the Crisis of 1873—1896.» // *Journal of Interdisciplinary History* 8, № 2 (Autumn): 281—313.
- Granger, Gilles-Gaston. 1989. *La Mathématique sociale du Marquis de Condorcet*. Paris: Éd. Odile Jacob.
- Gray, Robert Q. 1979. «The Political Incorporation of the Working Class.» // *Sociology* 9, № 1 (January): 101—104.
- Greer, Donald M. 1925. *L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848: La Troisième Ministère de Lord Palmerston au Foreign Office (1846—1851)*. Paris: F. Rieder.
- Grew, Raymond. 1962. «How Success Spoiled the Risorgimento.» // *Journal of Modern History* 34, № 3 (September): 239—253.
- Griewank, Karl. 1954. *Der Wiener Kongress und die europäische Restauration, 1814/15*. 2nd rev. ed. Leipzig: Koehler & Amelany.
- Griffith, Elisabeth. 1984. // *In Her Own Right: The Life of Elizabeth Cady Stanton*. New York: Oxford Univ. Press.
- Groh, Dieter. 1966. «The „Unpatriotic” Socialists and the State.» // *Journal of Contemporary History* 1, № 4 (October): 151—178.
- Groh, Dieter. 1973. *Negative Integration und Revolutionärer Attentismus: Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend der Ersten Weltkriege*. Frankfurt am Main: Propyläen.
- Gross, Leo. 1968. «The Peace of Westphalia, 1648—1948.» // *International Law and Organization*, ed. R. A. Falk and W. F. Hanreider, 45—67. Philadelphia: J. B. Lippincott.
- Grossman, Henryk. 1943. «The Evolutionist Revolt against Classical Economics.» 2 pts. // *Journal of Political Economy* 51, № 5 (October): 381—393; № 6 (December): 506—522.
- Gruner, Wolf D. 1985. *Die Deutsche Frage: Ein Problem der Europäischen Geschichte seit 1800*. Munich: C. H. Beck.
- Gruner, Wolf D. 1992. «Was There a Reformed Balance of Power System or Cooperative Great Power Happening?» // *American Historical Review* 97, № 3 (June): 725—732.

- Gueniffey, Patrice. 1988a. «Introduction au texte et notes.» // De la Révolution et de la Constitution, by A. Barnave, 31–38 and notes passim. Grenoble: Presses Univ. de Grenoble.
- Gueniffey, Patrice. 1988b. «Suffrage.» // Dictionnaire critique de la Révolution française, by F. Furet et al., 614–624. Paris: Flammarion.
- Guérard, Albert. 1943. Napoleon III. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Guichen, Eugène, vicomte de. 1917. La Révolution de juillet 1830 et l'Europe. Paris: Émile-Paul Frères.
- Guilbert, Madeleine. 1966. Les Femmes et l'organisation syndicale avant 1914. Paris: Éd. du CNRS.
- Guillaumin, Colette. 1972. L'Ideologie raciste: Genèse et langage actuel. Paris: Mouton.
- Guiral, Pierre. 1960. «Le libéralisme en France (1815–1970): Thèmes, succès et lacunes.» // Tendances politiques dans la vie française depuis 1789, 17–40. Colloques, Cahiers de Civilisation. Paris: Hachette.
- Guizot, François. 1820a. Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris: Chez Ladvocat.
- Guizot, François. 1820b. «Avant-propos de la troisième édition.» // Supplément aux deux premières éditions du «Gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel.» Paris: Ladvocat.
- Guizot, François. 1846. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Paris: Didier.
- Gunnell, John G. 2006. «The Founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory, and Politics.» // American Political Science Review 100, № 4 (November): 479–486.
- Guyot, Raymond. 1901–1902. «La Dernière négociation de Talleyrand: L'Indépendance de la Belgique.» // 2 pts. Revue d'histoire moderne et contemporaine 2 (1901): 573–594; 3 (1902): 237–281.
- Guyot, Raymond. 1926. La Première entente cordiale. Paris: F. Rieder.
- Haag, Henri. 1960. «La Social-démocratie allemande et la Première Guerre Mondiale.» // Histoire contemporaine. Comité International des Sciences Historiques. XIe Congrès International des Sciences Historiques, Stockholm, 21–28 Août 1960. Rapports 5:61–96. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Hackett, Amy. 1972. «The German Women's Movement and Suffrage, 1890–1914: A Study of National Feminism.» // Modern European Social History, ed. R.J. Bezucha, 354–386. Lexington, MA: D.C. Heath.
- Hackett, Amy. 1901a. La Jeunesse de Bentham. // Vol. 1 of La Formation du radicalisme philosophique. Paris: Félix Alcan.
- Hackett, Amy. 1901b. L'Évolution de la doctrine utilitaire de 1789 à 1815. // Vol. 2 of La Formation du radicalisme philosophique. Paris: Félix Alcan.
- Hackett, Amy. 1904. La formulation du radicalisme philosophique // vol. 3. Paris: F. Alcan.
- Hackett, Amy. 1905. L'Angleterre et son Empire. Paris: Pages Libres.
- Hackett, Amy. 1930. The World Crisis, 1914–1918: An Interpretation. Oxford: Clarendon Press.
- Hackett, Amy. 1935. «English Public Opinion and the French Revolution of the Nineteenth Century.» // Studies in Anglo-French History, ed. A. Coville and H. Temperley, 51–60. Cambridge: At the University Press.
- Hackett, Amy. 1947. The Age of Peel and Cobden: A History of the English People, 1841–1852. London: Ernest Benn.
- Hackett, Amy. 1948. Histoire de socialisme européen. Rédigée d'après des notes de cours par un groupe d'amis et d'élèves. Paris: Gallimard.

- Hackett, Amy. 1949. England in 1815. // 2nd rev. ed. Vol. 1 of A History of the English People in The Nineteenth Century. London: Ernest Benn.
- Hackett, Amy. 1950. The Triumph of Reform (1830–1841) // 2nd rev. ed. Vol. 3 of A History of the English People in the Nineteenth Century. London: Ernest Benn.
- Hall, Alex. 1974. «By Other Means: The Legal Struggle against the SPD in Wilhelmine Germany, 1890–1900.» // Historical Journal 17, № 2 (June): 365–386.
- Hall, Catherine. 1992a. «Competing Masculinities: Thomas Carlyle, John Stuart Mill and the Case of the Governor Eyre.» // White, Male and Middle Class: Explorations in Feminism and History, 255–295. New York: Routledge.
- Hall, Catherine. 1992b. «The Early Formation of Victorian Domestic Ideology.» // White, Male and Middle Class: Explorations in Feminism and History, 75–93. New York: Routledge.
- Hall, Catherine. 1992c. «The History of the Housewife.» // White, Male and Middle Class: Explorations in Feminism and History, 43–71. New York: Routledge.
- Halpérin, Jean. 1848. «La Transformation de la Suisse, prélude aux révolutions.» // Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde, ed. F. Fejtö, 1:127–161. Paris: Éd. du Minuit.
- Hammen, Oscar J. 1958. «1848 et le „Spectre du Communisme.“» // Le Contrat Social 2, № 4 (July): 191–200.
- Hammond, J. L. 1930. «The Industrial Revolution and Discontent.» // Economic History Review 2, № 2 (January): 218–228.
- Hammond, J. L., and M. R. D. Foot. 1952. Gladstone and Liberalism. London: English Universities Press at Saint Paul's House.
- Hangland, Kjell. 1980. «An Outline of Norwegian Cultural Nationalism in the Second Half of the Nineteenth Century.» // The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe, ed.
- Hangland, Kjell. 1980. «An Outline of Norwegian Cultural Nationalism in the Second Half of the Nineteenth Century.» // The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe, ed. R. Mitchison, 21–29. Edinburgh: John Donald.
- Hansen, Alvin H. 1921. «Cycles of Strikes.» American Economic Review 11, № 4 (December): 616–621.
- Hansen, Erik. 1977. «Workers and Socialists: Relations between the Dutch Trade-Union Movement and Social Democracy, 1894–1914.» // European Studies Review 7, № 2 (April): 199–225.
- Haraszti, Eva H. 1978. Chartism. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hargreaves, E. L. 1930. The National Debt. London: Edward Arnold.
- Harley, C. Knick. 1982. «British Industrialization before 1841: Evidence of Slower Growth during the Industrial Revolution.» // Journal of Economic History 42, № 2 (June): 267–289.
- Harlow, Vincent T. 1953. British Colonial Developments, 1774–1834. Oxford: Clarendon Press.
- Harrison, Royden. 1960–1961. «The British Working Class and the General Election of 1868.» // 2 pts. International Review of Social History 5, № 3 (1960): 424–455; 6, № 1 (1961): 74–109.
- Harsin, Paul. 1936. «La Révolution belge de 1830 et l'influence française.» // Revue des sciences politiques 53 (April–June): 266–279.
- Hart, Jennifer. 1965. «Nineteenth-Century Social Reform: A Tory Interpretation of History.» // Past and Present, № 31 (July): 39–61.
- Hart, Jennifer. 1974. «Nineteenth-Century Social Reform: Tory Interpretation of History.» // Essays in Social History, ed. M. W. Flinn and T. C. Smout, 196–217. Oxford: Clarendon Press.

- Hartmann, Heidi. 1976. «Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex.» // *Signs* 1, № 3, pt. 2 (Spring): 137–169.
- Hartog, François. 1988. *Le XIXe siècle et l'histoire: Le Cas Fustel de Coulanges*. Paris: Presses Univ. de France.
- Hartwell, R.M. 1961. «The Rising Standard of Living in England, 1800–1850.» // *Economic History Review*, n.s., 13, № 3 (April): 397–416.
- Hartwell, R.M. 1963. «The Standard of Living during the Industrial Revolution: A Discussion.» // *Economic History Review*, n.s., 16, № 1 (August): 135–146.
- Hartz, Louis. 1948. *Economic Policy and Democratic Thought: Pennsylvania, 1774–1860*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Haskell, Thomas L. 1977. *The Emergence of Professional Social Science: The American Social Science Association and the Nineteenth-Century Crisis of Authority*. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Haskell, Thomas L. 1984. «Professionalism versus Capitalism: R. H. Tawney, Emile Durkheim, and C. S. Peirce on the Disinterestedness of Professional Communities.» // *The Authority of Experts*, ed. T. L. Haskell, 180–225. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Hasquin, Hervé. 1971. *Une mutation: Le «Pays de Charleroi» aux XVIIe et XVIIIe siècles; aux origines de la Révolution industrielle en Belgique*. Brussels: Éd. de l'Université de Bruxelles.
- Haupt, Georges. 1965. *Le Congrès manqué: L'Internationale à la veille de la première guerre mondiale*. Paris: François Maspéro.
- Haupt, Georges. 1972. *Socialism and the Great War: The Collapse of the Second International*. Oxford: Clarendon Press.
- Haupt, Georges. 1974. «Les Marxistes face à la question nationale: L'Histoire du problème.» // *Les Marxistes et la question nationale, 1848–1914*, by G. Haupt et al., 9–61. Paris: François Maspéro.
- Haupt, Georges. 1986. *Aspects of International Socialism, 1871–1914: Essays*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Haupt, Georges, and Claudie Weill. 1974. «L'Eredità de Marx ed Engels e la questione nazionale.» // *Studi Storici* 15, № 2 (April–June): 270–324.
- Haupt, Georges, and Madeleine Rebérioux, dirs. 1967a. *La Deuxième Internationale et l'Orient*. Paris: Éd. Cujas.
- Haupt, Georges, and Madeleine Rebérioux, dirs. 1967b. «L'Internationale et le problème colonial.» // *La Deuxième Internationale et l'Orient*, ed. G. Haupt and M. Rebérioux, 17–48. Paris: Éd. Cujas.
- Haupt, Georges, Michael Löwy, and Claudie Weill. 1974. *Les Marxistes et la question nationale, 1848–1914*. Paris: François Maspéro.
- Hause, Steven C., and Anne R. Kenney. 1981. «The Limits of Suffragist Behavior: Legalism and Militancy in France, 1876–1922.» // *American Historical Review* 86, № 4 (October): 781–806.
- Hause, Steven C., and Anne R. Kenney. 1984. *Women's Suffrage and Social Politics in the French Third Republic*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Hauser, Henri. 1901. «L'Entrée des États-Unis dans la politique „mondiale” d'après un américain.» // *Annales des sciences politiques* 16, 444–456.
- Hauser, Henri. 1903. *L'Enseignement des sciences sociales: État-actuel de cet enseignement dans les divers pays du monde*. Paris: Lib. Marescq Ainé.
- Hauser, Henri. 1905. *L'Impérialisme américain*. Paris: Pages Libres.
- Hayek, Frederick A. von. 1941. «The Counter-Revolution of Science.» // *Economica*, n.s., 8 (February): 9–36.
- Hayek, Frederick A. von. 1952. *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason*. Glencoe, IL: Free Press.

- Hazelkorn, Ellen.* 1980. «Capital and the Irish Question.» // *Science and Society* 44, № 3 (Fall): 326–356.
- Heilbron, Johan.* 1985. «Les Métamorphoses du durkheimisme, 1920–1940.» // *Revue française de sociologie* 26, № 2 (March–April): 203–237.
- Heinen, Jacqueline.* 1978. «De la Ière à la IIIe Internationale, la question des femmes.» // *Critique communiste*, nos. 20/21, 109–179.
- Heiniger, Ernstpeter.* 1980. *Ideologie des Rassismus: Problemsicht und ethische Verurteilung in der kirchlichen Sozialverkündigung.* Immensee, Switzerland: Neue Zeitschrift für Missionswissenschaft.
- Henderson, W. O.* 1934. *The Lancashire Cotton Famine, 1861–1865.* Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Henderson, W. O.* 1950. «Prince Smith and Free Trade in Germany.» // *Economic History Review*, n. s., 2, № 3, 295–302.
- Henderson, W. O.* 1976. *Studies in German Colonial History.* London: Frank Cass.
- Hendricks, Margo, and Patricia Parker.* 1994. Introduction to Women, «Race», and Writing in the Early Modern Period, ed. M. Hendricks and P. Parker, 1–14. London: Routledge.
- Henriques, Ursula.* 1968. «How Cruel Was the Victorian Poor Law?» // *Historical Journal* 11, № 2, 365–371.
- Hentschel, Volker.* 1978. *Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im Wilhelminischen Deutschland: Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat?* Stuttgart: Klein-Cotta.
- Hentschel, Volker.* 1981. «Produktion, Wachstum und Produktivität in England, Frankreich und Deutschland von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg: Statistische Grenzen und Nöte beim Internationaler wirtschaftshistorischen Vergleich.» *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 68, № 4, 457–510.
- Herbst, Juergen.* 1965. *The German Historical School in American Scholarship.* Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Hericourt, Jenny P. d'.* 1860. *La Femme affranchie: Réponse à MM. Michelet, Proudhon, E. de Girardin, A. Comte et aux autres novateurs modernes.* 2 vols. Brussels: A. La-Croix, van Meenen.
- Hersh, Blanche Glassman.* 1978. *The Slavery of Sex: Feminist-Abolitionists in America.* Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Hertneck, Friedrich.* 1927. *Die Deutschen Sozialdemokratie und die orientalische Frage in Zeitalter Bismarcks.* Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
- Hertz, Deborah.* 1988. *Jewish High Society in Old Regime Berlin.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Hervé, Florence.* 1983. «„Dem Reich der Freiheit werb'ich Bürgerinnen“: Die Entwicklung der deutschen Frauenbewegung, von den Anfängen bis 1889.» // *Geschichte der deutschen Frauenbewegung*, ed. F. Hervé, 12–40. Cologne: Pahl-Rugenstein.
- Hexter, J. H.* 1936. «The Protestant Revival and the Catholic Question in England, 1778–1829.» // *Journal of Modern History* 8, № 3 (September): 297–318.
- Heywood, Colin.* 1988. *Childhood in Nineteenth-Century France: Work, Health and Education among the «Classes Populaires.»* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Heywood, Paul.* 1990. *Marxism and the Failure of Organised Socialism in Spain, 1879–1936.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Higham, John.* 1979. «The Matrix of Specialization.» // *The Organization of Knowledge in Modern America, 1860–1920*, ed. A. Oleson and J. Voss, 3–18. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

- Higonnet, Patrick L. R., and Trevor B. Higonnet. 1967. «Class, Corruption, and Politics in the French Chamber of Deputies, 1846–1848.» // *French Historical Studies* 5, № 2 (Autumn): 204–224.
- Hill, Christopher. 1958. «The Norman Yoke.» // *Puritanism and Revolution: Studies in Interpretation of the English Revolution of the Seventeenth Century*, 50–122. London: Secker & Warburg.
- Hill, R. L. 1929. *Toryism and the People, 1832–1846*. London: Constable.
- Hilton, Boyd. 1977. *Corn, Cash, Commerce: The Economic Policies of the Tory Governments, 1815–1830*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Hilts, Victor L. 1973. «Statistics and Social Science.» // *Foundations of Scientific Method: The Nineteenth Century*, ed. R. N. Giere and R. S. Westfall, 206–233. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Himmelfarb, Gertrude. 1966. «The Politics of Democracy: The English Reform Act of 1867.» // *Journal of British Studies* 6, № 1 (November): 97–138.
- Hinsley, Curtis M., Jr. 1981. *Savages and Scientists: The Smithsonian Institution and the Development of American Anthropology, 1846–1910*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Hinton, James. 1983. *Labour and Socialism: A History of the British Labour Movement, 1867–1974*. Brighton, UK: Wheatsheaf Books.
- Hoagland, Henry E. 1918. «Humanitarianism (1840–1860).» // *History of Labour in the United States*, by J. R. Commons et al., 1: 485–623. New York: Macmillan.
- Hoagwood, Terence Allen. 1996. *Politics, Philosophy and the Production of Romantic Texts*. De Kalb: Northern Illinois Univ. Press.
- Hobhouse, L. T. 1911. *Liberalism*. London: Oxford Univ. Press.
- Hobsbawm, Eric J. 1949. «General Labour Unions in Britain, 1889–1914.» // *Economic History Review*, n. s., 1, nos. 2/3, 123–142.
- Hobsbawm, Eric J. 1952. «Economic Fluctuations and Some Social Movements since 1800.» // *Economic History Review*, n. s., 5, № 1, 1–25.
- Hobsbawm, Eric J. 1957. «The British Standard of Living, 1790–1850.» // *Economic History Review*, n. s., 10, № 1 (August): 46–68.
- Hobsbawm, Eric J. 1962. *The Age of Revolution, 1789–1848*. London: Abacus.
- Hobsbawm, Eric J. 1963. «The Standard of Living during the Industrial Revolution: A Discussion.» // *Economic History Review*, n. s., 16, № 1 (August): 119–134.
- Hobsbawm, Eric J. 1964. *Labouring Men: Studies in the History of Labour*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric J. 1974. «La Diffusione del Marxismo (1890–1905).» // *Studi storici* 15, № 2 (April–June): 241–269.
- Hobsbawm, Eric J. 1975. *The Age of Capital, 1848–1875*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric J. 1978. «Sexe, symboles, vêtements et socialisme.» // *Actes de la recherche en sciences sociales*, № 23 (September): 2–18.
- Hobsbawm, Eric J. 1979. «Soziale Ungleichheit und Klassenstrukturen in England: Die Arbeiterklasse.» // *Klassen in der europäischen Sozialgeschichte*, ed. Hans-Ulrich Wehler, 53–65. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hobsbawm, Eric J. 1983. «Mass Producing Traditions: Europe, 1870–1914.» // *The Invention of Tradition*, ed. E. J. Hobsbawm and T. Ranger, 263–307. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hobsbawm, Eric J. 1984a. «The Making of the Working Class 1870–1914.» // *Worlds of Labour: Further Studies in the History of Labour, 194–213*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric J. 1984b. «The „New Unionism“ in Perspective.» // *Worlds of Labour: Further Studies in the History of Labour, 152–175*. London: Weidenfeld & Nicolson.

- Hobsbawm, Eric J.* 1984c. «Men and Women: Images on the Left.» // *Worlds of Labour: Further Studies in the History of Labour*, 83–102. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Hobsbawm, Eric J.* 1984d. «Der New Unionism: Eine comparative Betrachtung.» // *Auf dem Wege zur Massengewerkschaft*, ed. Wolfgang J. Mommsen and Hans-Gerhard Husung, 19–45. Stuttgart: Ernst Klett.
- Hobsbawm, Eric J.* 1987. *The Age of Empire, 1875–1914*. New York: Pantheon.
- Hobsbawm, Eric J.* 1988. «Working-Class Internationalism.» // *Internationalism in the Labour Movement, 1830–1940*, ed. F. van Holthoon and M. van den Linden, 1:3–16. Leiden: E. J. Brill.
- Hobsbawm, Eric J.* 1990. *Nations and Nationalism since 1780: Program, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hobsbawm, Eric J., and Terence Ranger, eds.* 1992. *The Invention of Tradition*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Hodgson, Geoffrey M.* 2005. «Alfred Marshall versus the Historical School?» // *Journal of Economic Studies* 32, № 4, 331–348.
- Hoffman, Ross J. S.* 1933. *Great Britain and the German Trade Rivalry, 1875–1914*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Hoffmann, Walther.* 1949. «The Growth of Industrial Production in Great Britain: A Quantitative Study.» // *Economic History Review*, n.s., 2, № 2, 162–180.
- Hofstadter, Richard.* 1992. *Social Darwinism in American Thought*. Boston: Beacon Press.
- Hohenberg, Paul.* 1972. «Change in Rural France in the Period of Industrialization, 1830–1914.» // *Journal of Economic History* 32, № 1 (March): 219–240.
- Holland, Bernard.* 1913. *Fall of Protection, 1840–1850*. London: Edward Arnold.
- Hollinger, David A.* 1984. «Inquiry and Uplift: Late Nineteenth Century American Academics and the Moral Efficacy of Scientific Practice.» // *The Authority of Experts: Studies in History and Theory*, ed. T. L. Haskell, 142–156. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Hollis, Patricia.* 1980. «Anti-Slavery and British Working-Class Radicalism in the Years of Reform.» // *Anti-Slavery, Religion and Reform: Essays in Memory of Roger Anstey*, ed. C. Bolt and S. Drescher, 294–315. Folkestone, UK: Dawson; Hamden, CT: Archon.
- Holmes, Stephen.* 1984. *Benjamin Constant and the Making of Modern Liberation*. New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Hone, J. Ann.* 1982. *For the Cause of Truth: Radicalism in London, 1796–1821*. Oxford: Clarendon Press.
- Honeycutt, Karen.* 1979. «Socialism and Feminism in Imperial Germany.» // *Signs* 5, № 1 (Autumn): 30–41.
- Honeycutt, Karen.* 1981. «Clara Zetkin: A Socialist Approach to the Problem of Women's Oppression.» // *European Women on the Left: Socialism, Feminism, and the Problems Faced by Political Women, 1880 to the Present*, ed. Jane Slaughter and Robert Kern, 29–49. Westport, CT: Greenwood Press.
- Hooks, Bell.* 1988. *Talking Back: Thinking Feminist, Thinking Black*. Toronto: Between the Lines.
- Horn, Norbert, and Jürgen Kocka, eds.* 1979. *Recht und Entwicklung der Grossunternehmen im 19. und früher 20. Jahrhundert: Wirtschafts-, sozial- und rechtshistorische Untersuchungen zur Industrialisierung in Deutschland, Frankreich, England und den USA*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Horsefield, J. K.* 1949. «The Bankers and the Bullionists in 1819.» // *Journal of Political Economy* 57, № 5 (October): 442–448.

- Horvath-Peterson, Sandra.* 1984. *Victor Duruy and French Education: Liberal Reform in the Second Empire.* Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press.
- Houssaye, Henri.* 1901. «Allocution.» // *Annales internationales d'histoire*, vol. 1, *Histoire générale et diplomatique*, 5—8. International Congress of Historical Sciences, Paris, 1900. Paris: Lib. Armand Colin.
- Howkins, Alun.* 1977. «Edwardian Liberalism and Industrial Unrest: A Class View of the Decline of Liberalism.» // *History Workshop Journal*, № 4 (Autumn): 143—161.
- Hoxie, R. Gordon.* 1955. *A History of the Faculty of Political Science*, Columbia University. New York: Columbia Univ. Press.
- Hroch, Miroslav.* 1968. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas.* Prague: Univ. Karlova.
- Hufton, Owen.* 1971. «Women in Revolution, 1789—1796.» // *Past and Present*, № 53 (November): 90—108.
- Hughes, H. Stuart.* 1958. *Consciousness and Society: The Reorientation of European Social Thought, 1890—1930.* New York: Knopf.
- Humphreys, R. A.* 1965. «British Merchants and South American Independence.» // *Proceedings of the British Academy* 51: 151—174.
- Humphries, Jane.* 1977. «Class Struggle and the Persistence of the Working-Class Family.» Cambridge // *Journal of Economics* 1, № 3 (September): 241—258.
- Huskinson, William.* 1825. «Substance of Two Speeches Delivered in the House of Commons on the 21st and 25th March, 1825...» // *Edinburgh Review* 42, № 84 (August): 271—303.
- Hyman, Richard.* 1984. «Massenorganisation und Basismilitanz in Großbritannien 1888—1914.» // *Auf dem Wege zur Massengewerkschaft*, ed. Wolfgang J. Mommsen and Hans-Gerhard Husung, 311—331. Stuttgart: Ernst Klett.
- Iggers, Georg G.* 1958a. *The Cult of Authority, The Political Philosophy of the Saint-Simoniens.* A Chapter in the Intellectual History of Totalitarianism. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Iggers, Georg G.* 1958b. *The Doctrine of Saint-Simon, An Exposition, First Year, 1828—1829.* Trans. with notes and introduction by Georg G. Iggers. Boston: Beacon Press.
- Iggers, Georg G.* 1962. «The Image of Ranke in American and German Historical Thought.» // *History and Theory* 2, № 1, 17—40.
- Iggers, Georg G.* 1970. «Le Saint-Simonisme et la pensée autoritaire.» // *Économies et sociétés*, 4, № 4 (April): 673—691.
- Iggers, Georg G.* 1983. *The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present.* Rev. ed. Middleton, CT: Wesleyan Univ. Press.
- Ignatiev, Noel.* 1995. *How the Irish Became White.* New York: Routledge.
- Iliasu, A. A.* 1971. «The Cobden-Chevalier Commercial Treaty of 1860.» // *Historical Journal* 14, № 1 (March): 67—98.
- Imlah, Albert H.* 1948. «Real Values in British Foreign Trade, 1798—1853.» // *Journal of Economic History* 8, № 2 (November): 132—152.
- Imlah, Albert H.* 1949. «The Fall of Protection in Britain.» // *Essays in History and International Relations in Honor of George Hubbard Blakeslee*, ed. Dwight Erwin Lee, 306—320. Worcester, MA: Clark Univ. Publications.
- Imlah, Albert H.* 1950. «The Terms of Trade of the United Kingdom, 1798—1913.» // *Journal of Economic History* 10, № 2 (November): 170—194.
- Imlah, Albert H.* 1952. «British Balance of Payments and Export of Capital, 1816—1913.» // *Economic History Review*, n. s., 5, № 2, 208—239.
- Imlah, Albert H.* 1958. *Economic Elements in the Pax Britannica: Studies in British Foreign Trade in the Nineteenth Century.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

- Ivray, Jehan d'. 1928. *L'Aventure saint-simonienne et les femmes*. Paris: Félix Alcan.
- Jacobitti, Edmund K. E. 1981. *Revolutionary Humanism and Historicism in Modern Italy*. New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Jacquemyns, Guillaume. 1934. «Les Réactions contre l'individualisme de 1789 à 1848.» // *Revue de l'Université de Bruxelles* 39, № 4 (May–July): 421–437.
- Jacquy, Marie-Clotilde. 1988. *Images de Noir dans la littérature occidentale*. Vol. 1, *Du Moyen-Age à la conquête coloniale*. Cultures Sud/Notre Librairie. Paris: La Documentation Française.
- Janes, R.M. 1978. «On the Reception of Mary Wollstonecraft's *A Vindication of the Rights of Woman*.» // *Journal of the History of Ideas* 39, № 2 (April–June): 293–302.
- Janowitz, Morris. 1972. «The Professionalization of Sociology.» // *Varieties of Political Expression in Sociology*, ed. R.K. Merton, 105–135. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Jardin, André, and André-Jean Tudesq. 1973. *Le France des notables*. 2 vols. *Nouvelle histoire de la France contemporaine* 6 and 7. Paris: Éd. du Seuil.
- Jaurès, Jean. 1903. «La Doctrine saint-simonienne et le socialisme.» // *Revue socialiste* 38 (July–December): 129–149.
- Jaurès, Jean. 1968. *Histoire socialiste de la Révolution française*. Paris: Éd. Sociales.
- Jayawardena, Kumari. 1986. *Feminism and Nationalism in the Third World*. Rev. ed. New Delhi: Kali for Women; London: Zed.
- Jelarch, Barbara. 1976. «The Balkan Nations and the Greek War of Independence.» // *Hellenism and the First Continuity and Change*, ed. N.P. Diamandouros, 157–169. Thessalonica: Institute for Balkan Studies.
- Jenks, Leland H. 1927. *The Migration of British Capital to 1875*. New York: Knopf.
- Jennings, Louis J., ed. 1884. *The Correspondence and Diaries of the Late Right Honorable John Wilson Croker, LL.D., F.R.S.* 3 vols. London: John Murray.
- Jeremy, David J. 1977. «Dammings the Flood: British Government Efforts to Check Outflow of Technicians and Machinery, 1780–1843.» *Business History Review* 51, № 1 (Spring): 1–34.
- Jervis, Robert. 1992. «A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert.» // *American Historical Review* 97, № 3 (June): 716–724.
- Johnson, Christopher H. 1966. «Etienne Cabet and the Problem of Class Antagonism.» // *International Review of Social History* 11, № 3, 403–443.
- Johnson, Christopher H. 1971. «Communism and the Working Class before Marx: The Icarian Experience.» // *American Historical Review* 76, № 3 (June): 642–689.
- Johnson, Christopher H. 1974. *Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Johnson, Christopher H. 1975. «The Revolution of 1830 in French Economic History.» // *1830 in France*, ed. J.M. Merriman, 139–189. New York: Franklin Watts.
- Johnson, Christopher H. 1983. «Response to J. Rancière, „Le Mythe de l'Artisan.”» // *International Labor and Working Class History*, № 24 (Fall): 21–25.
- Johnson, Richard. 1970. «Educational Policy and Social Control in Early Victorian England.» // *Past and Present*, № 49 (November): 96–119.
- Johnston, Hugh J.M. 1972. *British Emigration Policy, 1815–30: «Shovelling Out Paupers.»* Oxford: Clarendon Press.
- Joll, James, ed. 1950. *Britain and Europe: Pitt to Churchill, 1793–1940*. London: Nicholas Kaye.
- Jones, Charles. 1980. «„Business Imperialism” and Argentina, 1875–1900: A Theoretical Note.» // *Journal of Latin American Studies* 12, № 2 (November): 437–444.

- Jones, D. Caradog. 1941. «Evolution of the Social Survey in England since Booth.» *American Journal of Sociology* 46, № 6 (May): 818–825.
- Jones, Gareth Stedman. 1971. *Outcast London: A Study in the Relationship between Classes in Victorian Society*. Oxford: Clarendon Press.
- Jones, Gareth Stedman. 1977. «Society and Politics at the Beginning of the World Economy.» *Cambridge Journal of Economics* 1, № 1 (March): 77–92.
- Jones, Gareth Stedman. 1983. *Languages of Class: Studies in English Working Class History, 1832–1982*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Jones, Gareth Stedman. 1984. «Some Notes on Karl Marx and the English Labour Movement.» // *History Workshop Journal*, № 18 (Autumn): 124–137.
- Jones, Kathleen, and Françoise Vergès. 1991. «Women of the Paris Commune.» // *Women's Studies International Forum* 14, № 5, 491–503.
- Jones, Robert Alan, and Robert M. Anservitz. 1975. «Saint-Simon and Saint-Simonism: A Weberian View.» // *American Journal of Sociology* 80, № 5 (March): 1095–1123.
- Jordan, Constance. 1990. *Renaissance Feminism: Literary Texts and Political Models*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Jordan, Winthrop D. 1968. *White over Black: American Attitudes toward the Negro, 1550–1812*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press.
- Jore, Léonce. 1959. *L'Océan pacifique au temps de la Restauration et de la Monarchie de Juillet, 1815–1848*. 2 vols. Paris: Éd. Besson & Chantemerle.
- Jorland, Gérard. 2000. «L'Orient et le mythe du peuple primitif.» // *Sciences, mythes et religions en Europe*, Royaumont, 14–15 octobre 1997, ed. D. Lecourt, 67–90. Luxembourg: European Communities.
- Judt, Tony. 1986. *Marxism and the French Left: Studies in Labour and Politics in France, 1830–1981*. Oxford: Clarendon Press.
- Juglar, Clément. 1862. *Des Crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis*. Paris: Guillaumin.
- Julien, Charles-André. 1981. Preface to Toussaint Louverture: La Révolution française et le problème colonial, by Aimé Césaire, 7–19. Paris: Présence Africaine.
- Kadish, Alon. 1982. *The Oxford Economists in the Late Nineteenth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- Kalaora, Bernard, and Antoine Savoye. 1989. *Les Inventeurs oubliés*. Seyssel, France: Champ Vallon.
- Kaplan, Marion A. 1979. *The Jewish Feminist Movement in Germany: The Campaigns of the Jüdischer Frauenbund, 1904–1938*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Kaplan, Steven L. 1979. «Réflexions sur la police du monde du travail, 1700–1818.» // *Revue historique*, 103e année, CCLXI, 1, № 529 (January–March): 17–77.
- Kaplan, Steven L. 1993. *Adieu 89*. Paris: Fayard.
- Karady, Victor. 1976. «Durkheim, les sciences sociales et l'Université, bilan d'un demi-échec.» // *Revue française de sociologie* 17, № 2 (April–June): 267–312.
- Karlsson, Gunnar. 1980. «Icelandic Nationalism and the Inspiration of History.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 77–89. Edinburgh: John Donald.
- Kasler, Dirk. 1984. *Die Frühe deutsche Soziologie 1909 bis 1934, und ihre Entstehungs-Milieus*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Katznelson, Ira. 1985. «Working-Class Formation and the State: Nineteenth-Century England in American Perspective.» // *Bringing the State Back In*, ed. P. B. Evans et al., 257–284. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kealey, Gregory S. 1980. *Toronto Workers Respond to Industrial Capitalism, 1867–1892*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

- Kedourie, Elie.* 1985. *Nationalism*. 3rd ed. London: Hutchison.
- Kehr, Eckart.* 1965. «Englandhass und Weltpolitik.» // *Der Primat der Innenpolitik: Gesammelte Aufsätze zur preussisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhunderts*, 149–175. Berlin: Walter de Gruyter.
- Kelly, Gary.* 1993. *Women, Writing, and Revolution, 1790–1827*. Oxford: Clarendon Press.
- Kelly, Joan.* 1982. «Early Feminist Theory and the Querelle des Femmes, 1400–1789.» // *Signs* 8, № 1 (Autumn): 4–28.
- Kelly, Joan.* 1984. «Did Women Have a Renaissance?» // *Women, History and Theory: The Essays of Joan Kelly*, 19–50. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Kemp, Betty.* 1962. «Reflections on the Repeal of the Corn Laws.» // *Victorian Studies* 5, № 3 (March): 189–204.
- Kemp, Tom.* 1971. *Economic Forces in French History*. London: Dennis Dobson.
- Kennedy, Marie, and Chris Tilly.* 1985. «At Arm's Length: Feminism and Socialism in Europe, 1890–1920.» // *Radical America* 19, № 4, 35–51.
- Kennedy, Marie, and Chris Tilly.* 1987. «Socialism, Feminism and the Stillbirth of Socialist Feminism in Europe, 1890–1920.» // *Science and Society* 51, № 1, 6–42.
- Kennedy, Paul.* 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Keylor, William R.* 1975. *Academy and Community: The Foundation of the French Historical Profession*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Keynes, John Maynard.* 1926. *The End of Laissez-Faire*. London: Hogarth Press.
- Kiernan, Victor.* 1967. «Marx and India.» // *The Socialist Register 1967*, 159–189. London: Merlin Press.
- Kilmuir, Lord.* 1960. «The Shaftesbury Tradition in Conservative Politics.» // *Journal of Law and Economics* 3 (October): 70–74.
- Kindleberger, Charles P.* 1951. «Group Behavior and International Trade.» // *Journal of Political Economy* 59, № 1 (February): 30–46.
- Kindleberger, Charles P.* 1961a. *Economic Growth in France and Britain, 1851–1950*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Kindleberger, Charles P.* 1961b. «Foreign Trade and Economic Growth: Lessons from Britain and France, 1850 to 1913.» // *Economic History Review*, n. s., 14, № 2 (December): 289–305.
- Kindleberger, Charles P.* 1975. «The Rise of Free Trade in Western Europe, 1820–1875.» // *Journal of Economic History* 35, № 1 (March): 20–55.
- Kindleberger, Charles P.* 1984. «Financial Institutions and Economic Development: A Comparison of Great Britain and France in the Eighteenth and Nineteenth Centuries.» // *Explorations in Economic History* 21, № 2 (April): 103–124.
- Kintzler, Catherine.* 1987. *Condorcet: L'Instruction publique et la naissance du citoyen*. Paris: Gallimard.
- Kissinger, Henry A.* 1973. *A World Restored*. Gloucester, MA: Peter Smith.
- Kitson Clark, G.* 1951a. «The Electorate and the Repeal of the Corn Laws.» // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 1:109–126.
- Kitson Clark, G.* 1951b. «The Repeal of the Corn Laws and the Politics of the Forties.» // *Economic History Review*, n. s., 4, № 1, 1–13.
- Kitson Clark, G.* 1962. *The Making of Victorian England*. London: Macmillan.
- Kitson Clark, G.* 1967. *An Expanding Society: Britain, 1830–1900*. Cambridge: At the University Press.
- Klein, Ira.* 1971. «English Free Traders and Indian Tariffs, 1874–1896.» // *Modern Asian Studies* 5, № 3 (July): 251–271.
- Klein, Ira.* 1980. «Prospero's Magic: Imperialism and Nationalism in Iran, 1909–1911.» // *Journal of Asian History* 14, № 1, 47–71.

- Kleinau, Elke.* 1987. *Die Freie Frau: Soziale Utopien des frühen 19. Jahrhunderts.* Düsseldorf: Schwan.
- Klejman, Laurence, and Florence Rochefort.* 1989. *Légalité en marche: Le Féminisme sous la Troisième République.* Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques.
- Klima, Arnost.* 1948. «La Révolution de 1848 en Bohême.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2: 205–237. Paris: Éd. du Minuit.
- Klinge, Matti.* 1980. «„Let Us Be Finns”: The Birth of Finland's National Culture.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 67–75. Edinburgh: John Donald.
- Knibiehler, Yvonne.* 1976. «Les médecins et la „nature féminine” au temps du Code Civil.» // *Annales E. S. C.* 31, № 4 (July–August): 824–845.
- Knibiehler, Yvonne, and Catherine Fouquet.* 1983. *La femme et les médecins.* Paris: Hachette.
- Knight, David.* 1984. *The Age of Science: The Scientific World-View of the Nineteenth Century.* Oxford: Basil Blackwell.
- Knight, David.* 1990. «Romanticism and the Sciences.» // *Romanticism and the Sciences*, ed. A. Cunningham and N. Jardine, 13–24. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kocka, Jürgen.* 1980. «The Study of Social Mobility and the Formation of the Working-Class in the Nineteenth Century.» // *Le mouvement social*, № 111 (April–June): 97–117.
- Kocka, Jürgen.* 1984. «Craft Traditions and the Labour Movement in Nineteenth-Century Germany.» // *The Power of the Past: Essays for Eric Hobsbawm*, ed. Pat Thane et al., 95–117. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kocka, Jürgen.* 1986. «Problems of Working-Class Formation in Germany: The Early Years, 1800–1875.» // *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 279–351. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Kocka, Jürgen.* 1988. «German History before Hitler: The Debate about the German Sonderweg.» // *Journal of Contemporary History* 23, № 1 (January): 3–16.
- Kocka, Jürgen.* 1995. «The Middle Classes in Europe.» // *Journal of Modern History* 67 (December): 783–806.
- Kocka, Jürgen, and Heinz-Gerhard Haupt.* 1996. «Vecchie e nuove classi nell'Europa del XIX secolo.» // *L'Età contemporanea, Secoli XIX–XX*, ed. P. Bairoch and E. J. Hobsbawm, 675–751. Vol. 5 of *Storia d'Europa*. Turin: Einaudi.
- Koerner, Konrad.* 1982. «Observations on the Sources: Transmission and Meaning of „Indo-European” and Related Terms in the Development of Linguistics.» // *Papers from the 3rd International Conference on Historical Linguistics*, ed. J. P. Maher et al., 153–180. Amsterdam: John Benjamins.
- Kohlstedt, Sally Gregory.* 1976. *The Formation of the American Scientific Community: The American Association for the Advancement of Science, 1848–1860.* Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Kohlstedt, Sally Gregory, Michael M. Sokal, and Bruce V. Lewenstein.* 1999. *The Establishment of Science in America: 150 Years of the American Association for the Advancement of Science.* New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Kohn, Hans.* 1946. *The Idea of Nationalism.* 3rd printing, with additions. New York: Macmillan.
- Kohn, Hans.* 1956. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background.* New York: Macmillan.
- Kohn, Hans.* 1965. «Nationalism and Internationalism in the Nineteenth and Twentieth Centuries.» // *Grands Thèmes.* Comité International des Sciences Historiques.

- XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports, 1:191–240. Horn/Vienna: F. Berger & Söhne.
- Kolakowski, Leszek. 1978. *Main Currents of Marxism: Its Rise, Growth, and Dissolution*. 3 vols. Oxford: Clarendon Press.
- Kollontai, Alexandra. 1971. «The Social Basis of the Woman Question.» // *Selected Writings of Alexandra Kollontai*, 58–73. Translated [from the Russian] with an introduction and commentaries by Alix Holt. London: Allison & Busby.
- Koonz, Claudia. 1987. *Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and Nazi Politics*. New York: St. Martin's Press.
- Koyré, Alexandre. 1946. «Louis de Bonald.» // *Journal of the History of Ideas* 7, № 1 (January): 56–73.
- Kraditor, Aileen S. 1965. *The Ideas of the Woman Suffrage Movement, 1890–1920*. New York: Columbia Univ. Press.
- Kraditor, Aileen S. ed. 1968. *Up from the Pedestal: Selected Writings in the History of American Feminism*. New York: Quadrangle Books.
- Kraehe, Enno E. 1992. «A Bipolar Balance of Power.» // *American Historical Review* 97, № 3 (June): 707–715.
- Kriegel, Annie. 1979. «L' Association Internationale des Travailleurs (1864–1876).» // *Des Origines à 1875*, ed. J. Droz, 603–634. Vol. 1 of *Histoire générale du socialisme*. Paris: Univ. de France.
- Kriegel, Annie, and Jean-Jacques Becker. 1964. 1914: *La guerre et le mouvement ouvrier français*. Paris: Lib. Armand Colin.
- Krug, Charles. 1899. *Le Féminisme et le droit civil français*. Nancy: Imp. Nancéienne.
- Krüger, Dieter. 1987. «Max Weber and the „Younger” Generation in the Verein für Sozialpolitik.» // *Max Weber and His Contemporaries*, ed. W.J. Mommsen and J. Oberhammel, 71–87. London: Unwin Hyman.
- Kuczynski, Jürgen. 1975. *Studien zu einer Geschichte der Gesellschaftswissenschaften*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Kuhn, Thomas. 1976. «Mathematical vs. Experimental Traditions in the Development of Physical Science.» // *Journal of Interdisciplinary History* 7, № 1 (Summer): 1–31.
- Kukiel, Marian. 1953. «La Révolution de 1830 et la Pologne.» // *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n.s., 3, № 11 (July–September): 235–248.
- Kulstein, David I. 1962. «The Attitude of French Workers towards the Second Empire.» // *French Historical Studies* 2, № 3 (Spring): 356–375.
- Kulstein, David I. 1964. «Bonapartist Workers during the Second Empire.» // *International Review of Social History* 9: 226–234.
- Kulstein, David I. 1969. *Napoleon III and the Working Class: A Study of Government Propaganda under the Second Empire*. N.p.: A Publication of the California State Colleges.
- Kumar, Krishan. 1983. «Class and Political Action in Nineteenth-Century England: Theoretical and Comparative Perspectives.» // *Archives européennes de sociologie* 24, № 1, 3–43.
- Labrousse, Ernest. 1948. «Les Deux révolutions de 1848.» // *Revue socialiste*, n.s., nos. 17–18 (January–February): 1–6.
- Labrousse, Ernest. 1949a. «1848–1830–1789: Comment naissent les révolutions.» // *Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848*, 1–20. Paris: Presses Univ. de France.
- Labrousse, Ernest. 1949b. *Le mouvement ouvrier et les idées sociales en France le 1815 à la fin du XIXe siècle*. Les Cours de la Sorbonne. Paris: Centre de Documentation Universitaire.

- Labrousse, Ernest.* 1952. Le Mouvement ouvrier et les théories sociales en France au XIXe siècle. Les Cours de la Sorbonne. Paris: Centre de Documentation Universitaire.
- Labrousse, Ernest.* 1954. Aspects de l'évolution économique et sociale de la France et du Royaume-Uni de 1815 à 1880. 3 vols. Paris: Centre de Documentation Universitaire.
- Labrousse, Ernest, ed.* 1956a. Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIX siècle, 1846—1851. Bibliothèque de la Révolution de 1848, 19. La Roche-sur-Yon: Impr. Centrale de l'Ouest.
- Labrousse, Ernest.* 1956b. «Panoramas de la crise.» // Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIXe siècle, 1846—1851, ed. E. Labrousse, iii—xxiv. Bibliothèque de la Révolution de 1848, vol. 19. La Roche-sur-Yon: Impr. Centrale de l'Ouest.
- Labrousse, Ernest.* 1976. «À Livre ouvert sur les élans et les vicissitudes des croissances.» // Histoire économique et sociale de la France. Tome 3, L'Avènement de l'ère industrielle (1789—années 1880), 2: 859—1024. Paris: Presses Univ. de France.
- Lacour, Leopold.* 1900. Les Origines du féminisme contemporaine. Trois femmes et la Révolution: Olympe de Gouges, Théoigne de Mericourt, Rose Lacombe. Paris: Plon-Nourrit.
- Lacroix, Bernard.* 1981. Durkheim et la politique. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques.
- Laidler, David.* 1987. «Bullionist Controversy.» // The New Palgrave: A Dictionary of Economics, ed. J. Eatwell et al. London: Macmillan.
- Lambi, Ivo Nikolai.* 1963. Free Trade and Protection in Germany, 1868—1879. // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Beihefte № 44. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Landauer, Carl.* 1961. «The Guesdists and the Small Farmer: Early Erosion of French Marxism.» // International Review of Social History 6, pt. 2, 212—225.
- Landes, David S.* 1949. «French Entrepreneurship and Industrial Growth in the Nineteenth Century.» // Journal of Economic History 9, № 1 (May): 45—61.
- Landes, David S.* 1956. «Vieille banque et banque nouvelle: La révolution financière du dix-neuvième siècle.» // Revue d'histoire moderne et contemporaine 3: 204—222.
- Landes, Joan B.* 1981. «Feminism and the Internationals.» Telos, № 49 (Fall): 117—126.
- Landes, Joan B.* 1988. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Lange, David.* 1977. «London in the Year of Revolutions, 1848.» // London in the Age of Reform, ed. J. Stevenson, 177—211. Oxford: Basil Blackwell.
- Langewiesche, Dieter.* 1987. «The Impact of the German Labor Movement on Workers' Culture.» // Journal of Modern History 59, № 3 (September): 506—523.
- Langewiesche, Dieter.* 1993. «Liberalism and the Middle Classes in Europe.» // Bourgeois Society in Nineteenth-Century Europe, ed. J. Kocka and A. Mitchell, 40—69. Oxford: Berg.
- Lasch, Christopher.* 1958. «The Anti-Imperialists, the Philippines, and the Inequality of Man.» // Journal of Southern History 24, № 3 (August): 319—331.
- Laslett, John H. M.* 1964. «Reflections on the Failure of Socialism in the American Federation of Labor.» // Mississippi Valley Historical Review 50, № 4 (March): 634—651.
- Laslett, John H. M.* 1974. «Comment [on Daniel Bell].» // Failure of a Dream? Essays in the History of American Socialism, ed. J. H. M. Laslett and S. M. Lipset, 112—123. Garden City, NY: Anchor/Doubleday.
- Lasserre, Adrien.* 1906. La Participation collective des femmes à la Révolution: Les antécédents du féminisme. Paris: Félix Alcan.

- Lazarsfeld, Paul F.* 1961. «Notes on the History of Quantification in Sociology: Trends, Sources, and Problems.» // *ISIS* 52, pt. 2, № 168 (June): 277–331.
- Le Bon, Gustave.* 1978 [1894]. *Les Lois psychologiques de l'évolution des peuples*. Paris: Les Amis de Gustave Le Bon.
- Lebrun, Pierre.* 1948. *L'industrie de la laine à Verviers pendant le XVIIIe et le début du XIXe siècles: Contribution à l'étude des origines de la révolution industrielle*. Faculté de Philosophie et Lettres, fasc. 114. Liège.
- Lebrun, Pierre.* 1961. «La rivoluzione industriale in Belgio: Strutturazione e destrutturazione delle economie regionali.» // *Studi storici* 2, nos. 3/4: 548–658.
- Leclercq, Yves.* 1991. «Les Débats d'orientation économique de la France (1815–1850).» // *Cahiers de l'I.S.E.A., Series AF: Histoire quantitative de l'économie française*, № 4 (July): 91–119.
- Le Cour Grandmaison, Olivier.* 1987. «La Citoyenneté à l'époque de la Constituante.» // *Annales historiques de la Révolution française*, nos. 269–270 (July–December): 248–265.
- Lecuyer, Bernard-Pierre.* 1983. «Les Statistiques démographiques et sociales et les statisticiens durant la Restauration.» // *Sciences, médecines et technologies sous la Restauration*. Paris: Maison des Sciences de l'Homme.
- Lecuyer, Bernard-Pierre.* 1988. Preface to *Législation primitive considérée par la raison*, by L. de Bonald, i–vi. Paris: Jean-Michel Place.
- Ledru-Rollin, A.-A.* 1850. *De la décadence de l'Angleterre*. 2 vols. Paris: Escudier Frères.
- Lee, Dwight E., and Robert N. Beck.* 1954. «The Meaning of Historicism.» *American Historical Review* 59, № 3 (April): 568–577.
- Lee, Richard E., and Immanuel Wallerstein, coord.* 2004. *Overcoming the Two Cultures: Science versus the Humanities in the Modern World-System*. Boulder, CO: Paradigm.
- Lee, W. R., and Eve Rosenhaft, eds.* 1997. *State, Social Policy and Social Change in Germany, 1880–1994*. Updated and rev. 2nd ed. Oxford: Berg.
- Lefkowitz, Mary R.* 1996. «Ancient History, Modern Myths.» // *Black Athena Revisited*, ed. M. R. Lefkowitz and G. M. Rogers, 5–23. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press.
- Lefkowitz, Mary R.* 1997. *Not Out of Africa: How Afrocentrism Became an Excuse to Teach Myth as History*. Rev. ed. New York: Basic Books.
- Lefrane, Georges.* 1930. «The French Railroads, 1823–1842.» // *Journal of Economic and Business History* 2, № 2 (February): 299–331.
- Lehning, Arthur.* 1938. *The International Association, 1855–1859: A Contribution to the Preliminary History of the First International*. Leiden: E. J. Brill.
- Lehning, Arthur.* 1970. *From Buonarroti to Bakunin: Studies in International Socialism*. Leiden: E. J. Brill.
- Lemoine, Robert J.* 1932. «Les Étrangers et la formation du capitalisme en Belgique.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 20, № 3, 252–336.
- Lentini, Orlando, ed.* 1981. *La Sociologia italiana nell'età del positivismo*. Bologna: Il Mulino.
- Léon, Pierre.* 1960. «L'industrialisation en France en tant que facteur de croissance économique, du début du XVIIIe siècle à nos jours.» // *Première conférence internationale d'histoire économique*, 165–204. Paris and The Hague: Mouton.
- Léon, Pierre, François Crouzet, and Richard Gascon, eds.* 1972. *L'industrialisation en Europe au XIXe siècle, Cartographie et typologie*. // *Colloque International du C.N.R.S.*, Lyon, 7–10 Octobre, 1970. Paris: Éd. du C.N.R.S.
- Leopold, Joan.* 1970. «The Aryan Theory of Race in India, 1870–1920: Nationalist and Internationalist Visions.» // *Indian Economic and Social History Review* 7, № 2 (June): 271–297.

- Leopold, Joan. 1974. «British Applications of the Aryan Theory of Race to India, 1850–1870.» // *English Historical Review* 89, № 352, 578–603.
- Lepenies, Wolf. 1989. *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. [Originally published as *Die Drei Kulturen*.]
- Lerner, Gerda. 1993. *The Creation of Feminist Consciousness: From the Middle Ages to Eighteen-seventy*. New York: Oxford Univ. Press.
- Leslie, R. F. 1952. «Polish Political Divisions and the Struggle for Power at the Beginning of the Insurrection of November 1830.» // *Slavonic Review* 31, № 76 (December): 113–132.
- Leslie, R. F. 1956. *Polish Politics and the Revolution of November 1830*. London: Athlone Press.
- Leuilliot, Paul. 1953. «Notes et remarques sur l'histoire économique et sociale de la France, sous la Restauration.» // *Revue de synthèse*, n. s., 33 (74, sér. gén.) (July–December): 149–172.
- Le Van-Mesle, Lucette. 1980. «La Promotion de l'économie politique en France au XIXe siècle, jusqu'à son introduction dans les facultés (1815–1881).» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 27 (April–June): 270–294.
- Levasseur, Emile. 1903–1904. *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870*. 2nd ed. entièrement refondue. 3 vols. Paris: A. Rousseau.
- Levy, Darline Gay, et al., eds. 1979. *Women in Revolutionary Paris, 1789–1795: Selected Documents*. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Lévy-Leboyer, Maurice. 1964. *Les Banques européennes et l'industrialisation internationale dans la première moitié du XIXe siècle*. Paris: Presses Univ. de France.
- Lévy-Leboyer, Maurice. 1968a. «La Croissance économique en France au XIXe siècle: Résultats préliminaires.» // *Annales E. S. C.* 23, № 4 (July–August): 788–807.
- Lévy-Leboyer, Maurice. 1968b. «Le Processus d'industrialisation: Le Cas de l'Angleterre et la France.» // *Revue historique*, 92e année, CCXXXIX (April–June): 281–298.
- Lévy-Leboyer, Maurice. 1970. «L'Héritage de Simiand: Prix, profit et termes d'échange au XIXe siècle.» // *Revue historique*, 94e année, № 243 (January–March): 77–120.
- Lévy-Leboyer, Maurice. 1971. «La Décélération de l'économie française dans la seconde moitié du XIXe siècle.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 49, № 4, 485–507.
- Lévy-Leboyer, Maurice, and François Bourguignon. 1985. *L'Économie française au XIXe siècle: Analyse macro-économique*. Paris: Economica.
- Lewis, Gordon K. 1978. *Slavery, Imperialism, and Freedom: Studies in English Radical Thought*. New York: Monthly Review Press.
- Lewis, Gordon K. 1983. *Main Currents in Caribbean Thoughts: The Historical Evolution of Caribbean Society in Its Ideological Aspects, 1492–1900*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Lewis, Jane. 1984. *Women in England 1870–1950: Sexual Divisions and Social Change*. Brighton, UK: Wheatsheaf Books.
- Lewis, Jane, ed. 1987. *Before the Vote Was Won: Arguments for and against Women's Suffrage*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lewis, W. A. 1957. «International Competition in Manufacturers.» // *American Economic Review* 47, № 2, 578–587.
- Lhomme, Jean. 1960. *La Grande bourgeoisie au pouvoir (1830–1880)*. Paris: Presses Univ. de France.
- Lichtheim, George. 1969. *The Origins of Socialism*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Liddington, Jill, and Jill Norris. 1984. *One Hand Tied Behind Us: The Rise of the Women's Suffrage Movement*. Reprinted and corrected ed. London: Virago.
- Lidtke, Vernon. 1980. «The Formation of the Working Class in Germany.» // *Central European History* 13, № 4 (December): 393–400.

- Lincoln, Andrew.* 1980. «Through the Undergrowth: Capitalist Development and Social Formation in 19th Century France.» // *People's History and Socialist Theory*, ed. R. Samuel, 255–267. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lindenlaub, Dieter.* 1967. *Richtungskämpfe im Verein für Sozialpolitik: Vierteljahresschaft für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Beiheft № 53.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Lindholm, Marika.* 1991. «Swedish Feminism, 1835–1945: A Conservative Revolution.» // *Journal of Historical Sociology* 4, № 2 (June): 121–142.
- Linebaugh, Peter, and Marcus Rediker.* 1990. «The Many Headed Hydra: Sailors, Slaves and the Atlantic Working Class in the Eighteenth Century.» // *Journal of Historical Sociology* 3, № 3 (September): 225–522.
- Lipset, S. M.* 1983. «Radicalism or Reformism: The Sources of Working-Class Politics.» // *American Political Science Review* 77, № 1 (March): 1–18.
- Lis, Catharine, and Hugo Soly.* 1977. «Food Consumption in Antwerp between 1807 and 1859: A Contribution to the Standard of Living Debate.» // *Economic History Review*, 2nd. ser., vol. 30, № 3: 460–486.
- Lisanti, Nicola.* 1979. «La Nascità del movimento operaio, 1815–1860.» // *Dall'Età preindustriale alla fine dell'Ottocento*, ed. A. Agosti and G. M. Bravo, 219–267. Vol. 1 of *Storia del movimento operaio, del socialismo e delle lotte sociali in Piemonte*. Bari: De Donato.
- Lissagaray, Prosper-Olivier.* 1976. *Histoire de la Commune de 1871.* Paris: La Découverte.
- Lladonosa, Manuel, and Joaquim Ferrer.* 1977. «Nacionalisme català i reformisme social en els treballadors mercantils a Barcelona entre 1903 i 1939. El C. A. D. C. I.» // *Teoría y práctica del movimiento obrero en España, 1900–1936*, ed. A. Balcells, 281–329. Valencia: Fernando Torres, Ed.
- Locke, John.* 1965 [1689]. *Two Treatises of Government.* New York: New American Library/Mentor.
- Logue, William.* 1979. «Sociologie et politique: Le Libéralisme de Célestin Bouglé.» // *Revue française de sociologie* 20, № 1 (January–March): 141–161.
- Logue, William.* 1983. *From Philosophy to Sociology: The Evolution of French Liberalism, 1870–1914.* De Kalb: Northern Illinois Univ. Press.
- Longuet, Jean.* 1913. *Le Mouvement socialiste international.* Paris: A. Quillet.
- Lora, Guillermo.* 1990. *A History of the Bolivian Labour Movement, 1848–1971.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Lorimer, Douglas A.* 1978. *Colour, Class, and the Victorians: English Attitudes to the Negro in the Mid-Nineteenth Century.* Leicester, UK: Leicester Univ. Press.
- Lorimer, Douglas A.* 1990. «Nature, Racism, and Late Victorian Science.» // *Canadian Journal of History* 25, № 3 (December): 369–385.
- Lorwin, Val.* 1958. «Working-Class Politics and Economic Development in Western Europe.» // *American Historical Review* 63, № 2 (January): 338–351.
- Louis, Paul.* 1905. *Le Colonialisme.* Bibliothèque Socialiste, № 36. Paris: Société Nouvelle de Librairie et d'Édition.
- Lovett, Clara M.* 1982. *The Democratic Movement in Italy, 1830–1876.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Lowi, Theodore J.* 1985. Foreword to *Disenchanted Realists, Political Science and the American Crisis, 1884–1984*, by R. Seidman, vii–xvii. Albany: State Univ. of New York Press.
- Löwy, Michael.* 1974. «Le Problème de l'histoire (remarques de théorie et de méthode).» // *Les Marxistes et la question nationale, 1848–1914*, by G. Haupt et al., 370–391. Paris: Maspéro.
- Lukes, Steven.* 1973. *Individualism.* Oxford: Basil Blackwell.

- Lutfalla, Michel.* 1972. «Aux Origines du libéralisme économique en France, Le „Journal des Économistes.” Analyse du contenu de la première série, 1841–1853.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 50, № 4, 494–517.
- Luzzatto, Gino.* 1948. «Aspects sociaux de la Révolution de 1848 en Italie.» // *Revue socialiste*, n. s., nos. 17–18 (January–February): 80–86.
- Lyon, Peyton V.* 1961. «Saint-Simon and the Origins of Scientism and Historicism.» // *Canadian Journal of Economics and Political Science* 27, № 1 (February): 55–63.
- Lytle, Scott H.* 1955. «The Second Sex (September, 1793).» // *Journal of Modern History* 27, № 1 (March): 14–26.
- Lyttleton, Adrian.* 1993. «The National Question in Italy.» // *The National Question in Europe in Historical Context*, ed. M. Teich and R. Porter, 63–105. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- MacCoby, S., ed.* 1952. *The English Radical Tradition, 1763–1914.* London: Nicholas Kaye.
- MacDonagh, Oliver.* 1958. «The Nineteenth Century Revolution in Government: A Reappraisal.» // *Historical Journal* 1, № 1, 52–67.
- MacDonagh, Oliver.* 1962. «The Anti-Imperialism of Free Trade.» // *Economic History Review*, n. s., 14, № 3 (April): 489–501.
- MacDonagh, Oliver.* 1981. «Ambiguity in Nationalism: The Case of Ireland.» // *Historical Studies* 19, № 76 (April): 337–352.
- Macpherson, C. B.* 1962. *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke.* Oxford: Clarendon Press.
- Maehl, William.* 1952. «The Triumph of Nationalism in the German Socialist Party on the Eve of the First World War.» // *Journal of Modern History* 24, № 1 (March): 15–41.
- Magraw, Roger.* 1985. *France, 1815–1914: The Bourgeois Century.* Fontana History of Modern France. London: Fontana Press/Collins.
- Maier, Charles S.* 1992. «Democracy since the French Revolution.» // *Democracy, the Unfinished Journey: 500 b.c. to a.d. 1993*, ed. John Dunn, 125–153. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Malefakis, Edward.* 1977. «Un Análisis comparativo del movimiento obrero en España e Italia.» // *Teoría y práctica del movimiento obrero en España, 1900–1936*, ed. A. Balcells, 95–111. Valencia: Fernando Torres, Éd.
- Maloney, John.* 1985. *Marshall, Orthodoxy and the Professionalisation of Economics.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Manacorda, Gaston.* 1981. *Remarks in Jaurès et la classe ouvrière, 184–186.* Collection mouvement social. Paris: Ed. Ouvrières.
- Mann, Michael.* 1970. «The Social Cohesion of Liberal Democracy.» // *American Sociological Review* 35, № 3 (June): 423–431.
- Manning, D. J.* 1976. *Liberalism.* London: J. M. Dent & Sons.
- Manuel, Frank E.* 1956. *The New World of Henri Saint-Simon.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Marcuse, Herbert.* 1974. «Marxism and Feminism.» // *Women's Studies* 2, № 3, 279–288.
- Marczewski, Jean.* 1961. «Y a-t-il eu un „take off” en France?» // *Cahiers de l'I.S.E.A., Series AD: Évolution des techniques et progrès de l'économie*, № 1 (February): 69–94.
- Marczewski, Jean.* 1963. «The Take-Off Hypothesis and French Experience.» // *The Economics of Take-Off into Sustained Growth*, ed. W. W. Rostow, 119–138. London: Macmillan.
- Marczewski, Jean.* 1965. «Le Produit physique de l'économie française de 1789 à 1913 (comparaison avec la Grande-Bretagne).» // *Cahiers de l'I.S.E.A., Series AF: Histoire quantitative de l'économie française*, № 4 (July): vii–cliv.

- Marczewski, Jean.* 1987. «Préface» to «Le Produit intérieur brut de la France de 1789 à 1982.» // by Jean-Claude Toutain. Cahiers de l'I.S.M.E.A., Series AF: Histoire quantitative de l'économie française, № 15 (May): 3—48.
- Marichal, Juan.* 1955. «España y las raíces semánticas del liberalismo.» // Cuadernos, № 11 (March—April): 53—60.
- Marichal, Juan.* 1956. «The French Revolution Background in the Spanish Semantic Change of „Liberal.”» // American Philosophical Society Yearbook 1955, 291—293. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Markovitch, Timohir J.* 1965. «La crise de 1847—1848 dans les industries parisiennes.» // Revue d'histoire économique et sociale 43, № 2, 256—260.
- Markovitch, Timohir J.* 1966. «L'Industrie française de 1789 à 1964: Conclusions générales.» // Cahiers de l'I.S.E.A, Series AF: Histoire quantitative de l'économie française, № 7 (November).
- Markovitch, Timohir J.* 1967. «Le revenu industriel et artisanal sous la Monarchie de juillet et le Second Empire.» // Cahiers de l'I.S.E.A, Series AF: Histoire quantitative de l'économie française, № 8 (April).
- Marks, Harry J.* 1939. «The Sources of Reformism in the Social Democratic Party of Germany, 1890—1914.» // Journal of Modern History 11, № 3 (September): 334—356.
- Marriott, Sir J. A. R.* 1918. The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Marrus, Michael R.* 1972. «French Jews, the Dreyfus Affair, and the Crisis of French Society.» // Modern European Social History, ed. R. J. Bezucha, 335—353. Lexington, MA: D. C. Heath.
- Marshall, Alfred.* 1892. «Reply» [to «The Perversion of Economic History»], // Economic Journal 2, № 3 (September): 507—519.
- Marshall, Alfred.* 1921. Industry and Trade. London: Macmillan.
- Marshall, Susan E.* 1986. «In Defense of Separate Spheres: Class and Status Politics in the Antisuffrage Movement.» // Social Forces 65, № 2 (December): 327—351.
- Martin, Gaston.* 1948. L'Abolition de l'esclavage (27 avril 1848). Collection du Centenaire de la Révolution De 1848. Paris: Presses Univ. de France.
- Martin, Kingsley.* 1963. The Triumph of Lord Palmerston. Rev. ed. London: Hutchison.
- Martin, Wendy.* 1972. The American Sisterhood: Writings of the Feminist Movement from Colonial Times to the Present. New York: Harper & Row.
- Marx, Karl, and Frederick Engels.* 1976. «Manifesto of the Communist Party.» // Collected Works, vol. 6, Marx and Engels, 1845—1848, 477—519. New York: International Publishers.
- Mason, E. S.* 1931. «Saint-Simonism and the Rationalisation of Industry.» // Quarterly Journal of Economics 45 (August): 640—683.
- Mastellone, Salvo.* 1957. La Política estera del Guizot (1840—1847). Florence: La Nuova Italia.
- Masure, Auguste.* 1892—1893. «La Reconnaissance de la monarchie de juillet.» // 2 pts. Annales de l'École Libre de Sciences Politiques 7 (October 1892): 696—721; 8 (January 1893): 72—117.
- Mathias, Eric.* 1971. «The Social Democratic Working-Class Movement and the German National State Up to the End of World War I.» // Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient, 1: 175—183. Paris: Lib. Armand Colin.
- Matoré, Georges.* 1967. Le Vocabulaire et la société sous Louis-Philippe. 2nd ed. Geneva: Slatkine Reprints.
- Matthew, H. C. G.* 1973. The Liberal Imperialists: The Ideas and Politics of a Post-Gladstonian Elite. London: Oxford Univ. Press.

- Matthew, H. C. G. 1979. «Disraeli, Gladstone, and the Policy of Mid-Victorian Budgets.» // *Historical Journal* 22, № 3 (September): 615–643.
- Mawet, Francine. 2000. «Inde, réponses ou questions?» // *Modèles linguistiques et idéologies, «Indo-Européen»*, ed. S. Vanséveren, 61–84. Brussels: Éd. Ousia.
- May, Arthur J. 1948. «L'Amérique et les révolutions du milieu du siècle dernier.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2: 395–434. Paris: Éd. du Minuit.
- May, Martha. 1982. «The Historical Problem of the Family Wage: The Ford Motor Company and the Five Dollar Day.» // *Feminist Studies* 8, № 2 (Summer): 399–424.
- Mayer, Arno J. 1969. «Internal Courses and Purposes of War, 1870–1956: A Research Assignment.» // *Journal of Modern History* 41, № 3 (September): 291–303.
- Mayer, Arno J. 1981. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. New York: Pantheon.
- McBride, Theresa M. 1976. *The Domestic Revolution: The Modernization of Household Science in England and France, 1820–1920*. London: Croom Helm.
- McCalman, Iain. 1986. «Anti-slavery and Ultra Radicalism in Early Nineteenth-Century England: The Case of Robert Wedderburn.» *Slavery and Abolition* 7, № 2 (September): 99–117.
- McClelland, Charles E. 1980. *State, Society, and University in Germany, 1700–1914*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- McCloskey, Donald N. 1971. «International Differences in Productivity? Coal and Steel in America and Britain before World War I.» // *Essays on a Mature Economy: Britain after 1840*, ed. D. N. McCloskey, 285–304. London: Methuen.
- McCloskey, Donald N. 1980. «Magnanimous Albion: Free Trade and British National Income, 1841–1881.» *Explorations in Economic History* 17, № 3 (July): 303–320.
- McCloskey, Donald N., and Kars G. Sandberg. 1971. «From Damnation Entrepreneur.» *Explorations in Entrepreneurial History* 9, № 1 (Fall): 89–108.
- McCloskey, Donald N., and J. Richard Zesher. 1976. «How the Gold Standard Worked, 1880–1913.» // *The Monetary Approach to the Balance of Payments*, ed. J. A. Frenkel and H. G. Johnson, 357–385. London: George Allen & Unwin.
- McCord, Norman. 1958. *The Anti-Corn Law League, 1838–1846*. London: George Allen & Unwin.
- McCormmach, Russell. 1974. «On Academic Scientists in Wilhelmian Germany.» // *Daedalus* 103, № 3, 157–171.
- McDougall, Mary Lynn. 1978. «Consciousness and Community: The Workers of Lyon, 1830–1850.» // *Journal of Social History* 14, № 1 (Fall): 129–145.
- McGregor, O. R. 1957. «Social Research and Social Policy in the Nineteenth Century.» *British Journal of Sociology* 8, № 2 (June): 146–157.
- McGrew, William W. 1976. «The Land Issue in the Greek War of Independence.» // *Hellenism and the First Greek War of Liberation (1821–1830): Continuity and Change*, ed. N. P. Diamandouros, 111–129. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies.
- McKenzie, Robert, and Allan Silver. 1968. *Angels in Marble: Working Class Conservatives in Urban England*. London: Heinemann.
- McLaren, Angus. 1978a. «Abortion in France: Women and the Regulation of Family Size, 1800–1914.» *French Historical Studies* 10, № 3 (Spring): 461–485.
- McLaren, Angus. 1978b. *Birth Control in Nineteenth-Century England*. London: Croom Helm.
- McMillan, James F. 1981a. «Clericals, Anticlericals and the Women's Movement in France under the Third Republic.» // *Historical Journal* 24, № 2, 361–376.
- McMillan, James F. 1981b. *Housewife or Harlot: The Place of Women in French Society, 1870–1940*. Brighton, Sussex, UK: Harvester Press.

- Meek, Ronald L. 1967. «The Scottish Contribution to Marxist Sociology.» // *Economics and Ideology and Other Essays*, 34–50. London: Chapman & Hall.
- Meek, Ronald L. 1976. *Social Science and the Ignoble Savage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Melder, Keith. 1977. *The Beginnings of Sisterhood: The American Woman's Rights Movement, 1800–1850*. New York: Schocken Books.
- Mellon, Stanley. 1958. *The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.
- Mellor, G. R. 1951. *British Imperial Trusteeship, 1783–1850*. London: Faber & Faber.
- Menager, Bernard. 1981. «Forces et limites du bonapartisme populaire en milieu ouvrier sous le Second Empire.» // *Revue historique*, 105e année, CCLXV, 2, № 538 (April–June): 371–388.
- Merle, Marcel, ed. 1969. *L'Anticolonialisme européen de Las Casas à Marx. Textes choisis et présentés*. Collection U. Paris: Lib. Armand Colin.
- Merrill, Lynn L. 1989. *The Romance of Victorian Natural History*. New York: Oxford Univ. Press.
- Merriman, John M. 1975. «Radicalism and Repression: A Study of the Demobilisation of the „Democ-Socs” during the Second French Republic.» // *Revolution and Reaction: 1848 and the Second French Republic*, ed. R. Price, 210–235. London: Croom Helm.
- Merriman, John M. 1978. *Agony of the Republic: The Depression of the Left in Revolutionary France, 1848–1851*. New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Meyssonier, Simone. 1989. *La Balance et l'horloge: La Genèse de la pensée libérale en France au XVIIIe siècle*. Montreuil: Éd. de la Passion.
- Michaud, Stéphane, ed. 1984. *Un Fabuleux destin, Flora Tristan*. Actes Du Premier Colloque International Flora Tristan, Dijon, 3 et 4 mai 1984. Dijon: Éd. Univ. de Dijon.
- Michelet, Jules. 1860. *La Femme*. 3rd ed. Paris: Hachette.
- Michels, Roberto. 1908. *Il Proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiana*. Turin: Fratelli Bocca, Ed.
- Michie, Ranald. 1993. «The City of London and International Trade, 1850–1914.» // *Decline and Recovery in Britain's Overseas Trade, 1873–1914*, ed. D. C. M. Platt et al., 21–63. London: Macmillan.
- Middleton, Lucy, ed. 1977. *Women in the Labour Movement: The British Experience*. London: Croom Helm.
- Mill, John Stuart. 1849. «The French Revolution of 1848, and Its Assailants.» *Westminster Review* LI, April–July, 1–47. [Published anonymously.]
- Mill, John Stuart. 1970. «The Subjection of Women.» // *Essays on Sex Equality by John Stuart Mill and Harriet Taylor Mill*, ed. A. Rossi, 123–242. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Miller, Sally M., ed. 1981. *Flawed Liberation: Socialism and Feminism*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Milward, Alan S., and S. B. Saul. 1973. *The Development of the Economics of Continental Europe, 1850–1914*. London: George Allen & Unwin.
- Mink, Gwendolyn. 1986. *Old Labor and New Immigrants in American Political Development: Union, Party, and State, 1875–1920*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Mink, Gwendolyn. 1990. «The Lady and the Tramp: Gender, Race, and the Origins of the American Welfare State.» // *Women, the State and Welfare*, ed. L. Gordon, 92–122. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
- Minogue, K. R. 1963. *The Liberal Mind*. London: Methuen.

- Mitchison, Rosalind.* 1980. «Nineteenth Century Scottish Nationalism: The Cultural Background.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 131–142. Edinburgh: John Donald.
- Mock, Wolfgang.* 1981. «The Function of „Race” in Imperialist Ideologies: The Example of Joseph Chamberlain.» // *Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914*, ed. P. Kennedy and A. Nicholls, 190–203. Basingstoke, UK: Macmillan.
- Mokyr, Joel.* 1974. «The Industrial Revolution in the Low Countries in the First Half of the Nineteenth Century.» // *Journal of Economic History* 34, № 2: 365–391.
- Mokyr, Joel, and John V. C. Nye.* 1990. «La Grande quantification» [review of *L'Économie française au XIXe siècle*, by M. Lévy-Leboyer and F. Bourgnigon], // *Journal of Economic History* 50, № 1 (March): 172–176.
- Molnár, Miklós.* 1971. «Mouvements d'indépendance en Europe: Rôle de la question agraire et du niveau de culture.» // *Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient*, ed. E. Labrousse, 217–227. Comité International des Sciences Historiques, Commission Internationale d'Histoire des Mouvements Sociaux et des Structures Sociales. Paris: Lib. Armand Colin.
- Molnár, Miklós.* 1975. *Marx, Engels et la politique internationale*. Paris: Gallimard.
- Mommsen, Hans.* 1979. *Arbeiterbewegung und nationale Frage; ausgew. Aufsätze*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Mommsen, Wolfgang J., and Jürgen Osterhammel, eds.* 1985. *Imperialism and After: Continuities and Discontinuities*. London: George Allen & Unwin.
- Montgomery, David.* 1980. «Strikes in Nineteenth-Century America.» // *Social Science History* 4, № 1 (Winter): 81–104.
- Mooers, Colin.* 1991. *The Making of Bourgeois Europe: Absolutism, Revolution, and the Rise of Capitalism in England, France and Germany*. London: Verso.
- Moore, David Chioni, ed.* 2001. *Black Athena Writes Back: Martin Bernal Responds to His Critics*. Durham, NC: Duke Univ. Press.
- Moore, David Cresap.* 1961. «The Other Face of Reform.» // *Victorian Studies* 5, № 1 (September): 7–34.
- Moore, David Cresap.* 1965. «The Corn Laws and High Farming.» // *Economic History Review*, n. s., 18, № 3 (December): 544–561.
- Moore, David Cresap.* 1967. «Social Structure, Political Structure, and Public Opinion in Mid-Victorian England.» // *Ideas and Institutions of Victorian Britain*, ed. Robert Robson, 20–57. London: G. Bell & Sons.
- Moore, R. J.* 1964. «Imperialism and „Free Trade” Policy in India, 1853–54.» // *Economic History Review*, n. s., 17, № 1 (August): 135–145.
- Moorhouse, H. F.* 1973. «The Political Incorporation of the British Working Class: An Interpretation.» // *Sociology* 7, № 3 (September): 341–359.
- Moorhouse, H. F.* 1975. «On the Political Incorporation of the Working Class: Reply to Gray.» // *Sociology* 9, № 1 (January): 105–110.
- Moorhouse, H. F.* 1978. «The Marxist Theory of the Labour Aristocracy.» // *Social History* 3, № 1 (January): 61–82.
- Moravio, Sergio.* 1980. «The Enlightenment and the Sciences of Man.» // *History of Science* 18, pt. 4, № 142 (December): 247–268.
- Morazé, Charles.* 1957. *Les Bourgeois conquérants, XIX siècle*. Paris: A. Colin.
- Morgan, David.* 1975. *Suffragists and Liberals: The Politics of Women Suffrage in England*. Oxford: Blackwell.
- Morgan, E. Victor.* 1965. *The Theory and Practice of Central Banking, 1797–1913*. London: Frank Cass.

- Morley, Charles.* 1952. «The European Significance of the November Uprising.» // *Journal of Central European Affairs* 11, № 4 (January): 407–416.
- Morrell, Jack, and Arnold Thackray.* 1981. *Gentlemen of Science: Early Years of the British Association for the Advancement of Science.* Camden Fourth Series 30. Oxford: Clarendon Press.
- Moses, Claire Goldberg.* 1982. «Saint-Simonian Men/Saint-Simonian Women: The Transformation of Feminist Thought in 1830s France.» // *Journal of Modern History* 54, № 2 (June): 240–267.
- Moses, Claire Goldberg.* 1984. *French Feminism in the Nineteenth Century.* Albany: State Univ. of New York Press.
- Moses, Claire Goldberg.* 1992. «Debating the Present, Writing the Past: „Feminism” in French History and Historiography.» // *Radical History Review*, № 52 (Winter): 79–84.
- Moses, John A.* 1990. *Trade Union Theory from Marx to Walesa.* New York: Berg.
- Moses, Wilson J.* 1978. *The Golden Age of Black Nationalism, 1850–1925.* Hamden, CT: Archon.
- Moss, Bernard H.* 1975a. «Parisian Workers and the Origins of Republican Socialism, 1830–1833.» // 1830 in France, ed. J. M. Merriman, 203–221. New York: Franklin Watts.
- Moss, Bernard H.* 1975b. «Parisian Producers” Associations (1830–51): The Socialism of Skilled Workers.» // *Revolution and Reaction: 1848 and the Second French Republic*, ed. R. Price, 73–86. London: Croom Helm.
- Moss, Bernard H.* 1976. *The Origins of the French Labor Movement, 1830–1914: The Socialism of Skilled Workers.* Berkeley: Univ. of California Press.
- Mosse, George L.* 1947. «The Anti-League, 1844–1846.» // *Economic History Review* 17, № 2, 134–142.
- Mosse, George L.* 1985. *Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe.* New York: Howard Fertig.
- Mouralis, Bernard.* 1987. «Le Concept du primitif: L'Europe, productrice d'une science des autres.» // *Notre Librairie*, № 90 (October–December): 86–91.
- Muret, Maurice.* 1925. *La Crépuscule des nations blanches.* Paris: Payot.
- Murphy, Marjorie.* 1986. «The Aristocracy of Women's Labor in Autumn.» // *History Workshop Journal*, № 22 (Autumn): 56–69.
- Musson, A. E.* 1959. «The Great Depression in Britain, 1873–1896: A Reappraisal.» // *Journal of Economic History* 19, № 2 (June): 199–228.
- Musson, A. E.* 1963. «British Growth during the Great Depression (1873–96): Some Comments.» // *Economic History Review*, n. s., 15, № 3, 529–533.
- Musson, A. E.* 1964. «British Industrial Growth, 1873–96: A Balanced View.» // *Economic History Review*, n. s., 17, № 2 (December): 397–403.
- Musson, A. E.* 1972a. *British Trade Unions, 1800–1875.* London: Macmillan.
- Musson, A. E.* 1972b. «The „Manchester School” and Exportation of Machinery.» // *Business History* 14, № 1 (January): 17–50.
- Musson, A. E.* 1976. «Class Struggle and the Labour Aristocracy, 1830–60.» // *Social History* 1, № 3 (October): 335–356.
- Myers, John Lynton.* 1916. «The Influence of Anthropology on the Course of Political Science.» // *University of California Publications in History* 4, № 1 (February 29): 1–81.
- Neale, R. S.* 1972. *Class and Ideology in the Nineteenth Century.* London: Routledge & Kegan Paul.
- Neff, Emery.* 1926. *Carlyle and Mill: Mystic and Utilitarian.* New York: Columbia Univ. Press.

- Neuman, R. P. 1974. «The Sexual Question and Social Democracy in Imperial Germany.» // *Journal of Social History*, № 7 (Spring): 271–286.
- Newbold, J. T. Walton. 1932. «The Beginnings of the World Crisis, 1873–96.» // *Economic Journal (Economic History)* 2, № 7 (January): 425–441.
- Newell, William H. 1973. «The Agricultural Revolution in Nineteenth Century France.» // *Journal of Economic History* 33, № 4 (December): 697–731.
- Newman, Edgar Leon. 1974. «The Blouse and the Frock Coat: The Alliance of the Common People of Paris with the Liberal Leadership in the Middle Class during the Last Years of the Bourbon Restoration.» // *Journal of Modern History* 46, № 1 (March): 26–59.
- Newman, Edgar Leon. 1975. «What the Crowd Wanted in the French Revolution of 1830.» // 1830 in France, ed. J. M. Merriman, 17–41. New York: Franklin Watts.
- Newman, Gerald. 1987. *The Rise of English Nationalism: A Cultural History, 1740–1830*. New York: St. Martin's.
- Newsinger, John. 1979. «Revolution and Catholicism in Ireland, 1848–1923.» // *European Studies Review* 9, № 4 (October): 457–480.
- Neyer, Joseph. 1960. «Individualism and Socialism in Durkheim.» // *Emile Durkheim, 1858–1917*, ed. K. H. Wolff, 32–76. Columbus: Ohio State Univ. Press.
- Nicolson, Harold. 1946. *The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity, 1812–1822*. London: Constable and Co.
- Nipperdey, Thomas. 1988. «Zum Problem der Objektivität bei Ranke.» // *Leopold von Ranke und die moderne Geschichtswissenschaft*, ed. W. J. Mommsen, 215–222. Stuttgart: Klein-Cotta.
- Nisbet, Robert A. 1944. «De Bonald and the Concept of the Social Group.» // *Journal of the History of Ideas* 5, № 3 (June): 315–331.
- Nisbet, Robert A. 1952. «Conservatism and Sociology.» *American Journal of Sociology* 58, № 2 (September): 167–175.
- Nisbet, Robert A. 1966. *The Sociological Tradition*. New York: Basic Books.
- Nolan, Mary. 1986. «Economic Crisis, State Policy, and Working-Class Formation in Germany, 1870–1900.» // *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 352–393. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Nora, Pierre. 1988. «Nation.» // *Dictionnaire critique de la Révolution française*, ed. F. Furet et al., 801–812. Paris: Flammarion.
- Norrell, Robert J. 1990. «After Thirty Years of „New” Labour History, There Is Still No Socialism in Reagan Country.» // *Historical Journal* 33, № 1, 227–238.
- Norton, Philip, and Arthur Aughey. 1981. *Conservatives and Conservatism*. London: Temple Smith.
- Novick, Peter. 1988. *That Noble Dream: The «Objectivity» Question and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Noyes, P. H. 1966. *Organization and Revolution: German Worker Associations and the Revolutions of 1848 and 1849*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Nye, John Vincent. 1987. «Firm Size and Economic Backwardness: A New Look at the French Industrialization Debate.» // *Journal of Economic History* 47, № 3 (September): 649–669.
- Nye, John Vincent. 1991. «The Myth of Free-Trade Britain and Fortress France: Tariffs and Trade in the Nineteenth Century.» // *Journal of Economic History* 51, № 1 (March): 23–46.
- Nye, Robert A. 1975. *The Origins of Crowd Psychology: Gustave Le Bon and the Crisis of Mass Democracy in the Third Republic*. London: Sage.

- Nye, Robert A. 1981. «Degeneration, Hygiene, and Sports in Fin-de-Siècle France.» // *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Western Society for French History*, ed. E. L. Newman, 404–412. Las Cruces: New Mexico State Univ. Press.
- Nye, Robert A. 1984. *Crime, Madness, and Politics in Modern France: The Medical Concept of National Decline*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Nye, Robert A. 1993. *Masculinity and Male Codes of Honor in Modern France*. New York: Oxford Univ. Press.
- Obermann, Karl. 1965. «Der Wiener Kongress, 1814/1815.» // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 13, № 3, 474–492.
- Oberschall, Anthony. 1965. *Empirical Social Research in Germany, 1848–1914*. Paris and The Hague: Mouton.
- Oberschall, Anthony. 1972. «The Institutionalization of American Sociology.» // *The Establishment of Empirical Sociology: Continuities, Discontinuities, and Institutionalization*, ed. A. Oberschall, 187–251. New York: Harper & Row.
- O'Boyle, Lenore. 1966. «The Middle Class in Western Europe, 1815–1848.» // *American Historical Review* 71, № 3 (April): 826–845.
- O'Boyle, Lenore. 1967. «The „Middle Class” Reconsidered: A Reply to Professor Cobban.» // *French Historical Studies* 5, № 1 (Spring): 53–56.
- O'Boyle, Lenore. 1979. «The Classless Society: Comment on Stearns.» // *Comparative Studies in Society and History* 21, № 3 (July): 397–413.
- O'Brien, Patrick. 1986. «Do We Have a Typology for the Study of European Industrialization in the XIXth Century?» // *Journal of European Economic History* 15, № 2 (Fall): 291–333.
- O'Brien, Patrick, and Çağlar Keyder. 1978. *Economic Growth in Britain and France, 1780–1914: Two Paths to the Twentieth Century*. London: George Allen & Unwin.
- O'Brien, Patrick, and Geoffrey Allen Pigman. 1992. «Free Trade, British Hegemony and the International Economic Order in the Nineteenth Century.» // *Review of International Studies* 18: 89–113.
- Offen, Karen. 1983. «The Second Sex and the Baccalauréat in Republican France, 1880–1924.» // *French Historical Studies* 13, № 2 (Fall): 252–286.
- Offen, Karen. 1984. «Depopulation, Nationalism, and Feminism in Fin-de-Siècle France.» // *American Historical Review* 89, № 3 (June): 648–676.
- Offen, Karen. 1986. «Ernest Legouvé and the Doctrine of „Equality in Difference” for Women: A Case Study of Male Feminism in Nineteenth-Century French Thought.» // *Journal of Modern History* 58, № 2, 452–484.
- Offen, Karen. 1987a. «Feminism, Antifeminism, and National Family Politics in Early Third Republic France.» // *Connecting Spheres: Women in the Western World, 1500 to the Present*, ed. M. J. Boxer and J. H. Quataert, 177–186. New York: Oxford Univ. Press.
- Offen, Karen. 1987b. «Sur l'origine des mots „féminisme” et „féministe.”» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 34 (July–September): 492–446.
- Offen, Karen. 1988. «Defining Feminism: A Comparative Historical Approach.» // *Signs* 14, № 1 (Autumn): 119–157.
- O'Gorman, F. 1967. *The Whig Party and the French Revolution*. London: Macmillan.
- Olcott, Teresa. 1976. «Dead Centre: The Women's Trade Union Movement in London: 1874–1914.» // *London Journal* 2, № 1 (May): 33–50.
- O'Neill, William L. 1969. *The Woman Movement: Feminism in the United States and England*. London: George Allen & Unwin.
- O'Neill, William L. 1971. *Everyone Was Brave: A History of Feminism in America*. With a new Afterword by the author. New York: Quadrangle.

- Ortega López, Margarita. 1988. «„La Defensa de las mujeres” en la sociedad del Antiguo Régimen: Las Aportaciones del pensamiento ilustrado.» // *El Feminismo en España: Dos siglos de historia*, ed. P. Folguer, 3–28. Madrid: Ed. de la Fundación Pablo Iglesias.
- Ortner, Sherry B. 1974. «Is Female to Male as Nature Is to Culture?» // *Woman, Culture, and Society*, ed. M. Z. Rosaldo and L. Lamphere, 67–87. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.
- Ottaviano, Chiara. 1982. «Antonio Labriola e il problema dell'espansione colonial.» // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi* 16: 305–328.
- Paish, George. 1909. «Great Britain's Capital Investment in Other Lands.» // *Journal of the Royal Statistical Society* 72, № 3 (September 30): 465–480 (with discussion, 481–495).
- Paish, George. 1911. «Great Britain's Capital Investment in Individual Colonial and Foreign Countries, Pt. 2.» // *Journal of the Royal Statistical Society* 74 (January): 167–187 (with discussion, 187–200).
- Palencia-Roth, Michael. 2008. «The Presidential Addresses of Sir William Jones: The Asiatic Society of Bengal and the ISCSA.» // *Diogenes* 55, № 2, 103–115.
- Palmade, Guy P. 1961. *Capitalisme et capitalistes français au XIXe siècle*. Paris: LiB.A. Colin.
- Pancaldi, Giulia. 1994. «The Technology of Nature: Marx's Thoughts on Darwin.» // *The Natural Sciences and the Social Sciences: Some Critical and Historical Perspectives*, ed. I. B. Cohen, 257–274. Boston Studies in the Philosophy of Science 150. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
- Pankhurst, Richard K. P. 1957. *The Saint-Simonians: Mill and Carlyle*. London: Libella Books, Sidgwick & Jackson.
- Pannekoek, A. 1912. «Révolution mondiale.» // *Le Socialisme*, № 214, 6e année, № 21 (January): 4.
- Paquot, Thierry. 1980. *Les faiseurs des nuages: Essai sur la genèse des marxismes français, 1880–1914*. Paris: Le Sycomore.
- Parker, C. J. W. 1981. «The Failure of Liberal Racialism: The Racial Ideas of C. A. Freeman.» // *Historical Journal* 24, № 4 (December): 825–846.
- Parris, Henry. 1960. «The Nineteenth-Century Revolution in Government: A Reappraisal Reappraised.» // *Historical Journal* 3, № 1, 17–37.
- Paxton, Nancy L. 1991. *George Eliot and Herbert Spencer: Feminism, Evolutionism and the Reconstruction of Gender*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Payne, Howard C. 1956. «Preparation of a Coup d'État: Administrative Centralization and Police Powers in France, 1849–1851.» // *Studies in Modern European History in Honor of Franklin Charles Palm*, ed. F. J. Cox et al., 175–202. New York: Bookman Associates.
- Payne, Peter L. 1967. «The Emergence of the Large-Scale Company in Great Britain, 1870–1914.» // *Economic History Review*, n. s., 20, № 3 (December): 519–542.
- Payne, Peter L. 1968. «Iron and Steel Manufactures.» // *The Development of British Industry and Foreign Competition, 1875–1914*, ed. D. H. Aldcroft, 71–99. London: George Allen & Unwin.
- Pelling, Henry, ed. 1954. *The Challenge of Socialism*. London: Adam & Charles Black.
- Pelling, Henry, ed. 1968. «The Working Class and the Origins of the Welfare State.» // *Popular Politics and Society in Late Victorian Britain*, 1–18. London: St. Martin's Press.
- Pelling, Henry, ed. 1976. *A History of British Trade Unionism*. London: Macmillan.
- Perkin, Harold. 1969. *The Origins of Modern English Society, 1780–1880*. London: Routledge & Kegan Paul.

- Perkin, Harold.* 1977. «Individualism versus Collectivism in Nineteenth Century Britain: A False Antithesis.» // *Journal of British Studies* 17, № 1 (Fall): 105–118.
- Perkins, Dexter.* 1927. *The Monroe Doctrine, 1823–1826.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Perlman, Selig.* 1918. «Upheaval and Reorganization (since 1876).» // *History of Labor in the United States*, by J. R. Commons, et al., 193–537. New York: Macmillan.
- Perlman, Selig.* 1922. *A History of Trade Unionism in the United States.* New York: Macmillan.
- Perlman, Selig, and Philip Taft.* 1935. *Labor Movements.* Vol. 4 of *History of Labor in the United States, 1896–1932.* New York: Macmillan.
- Perrot, Jean-Claude, and Stuart J. Woolf.* 1984. *State and Social Statistics in France.* Chur, Switzerland: Harwood Academic Publishers.
- Perrot, Michelle.* 1967. «Les Guesdistes: Controverses sur l'introduction du marxisme en France.» // *Annales E. S. C.* 22, № 3 (May–June): 701–710.
- Perrot, Michèle.* 1974. *Les ouvriers en grève: France, 1871–1890.* 2 vols. Paris: Mouton.
- Perrot, Michelle.* 1976. «L'Éloge de la ménagère dans le discours des ouvriers français au XIXe siècle.» // *Romantisme*, nos. 13–14, 105–121.
- Perrot, Michelle.* 1986. «On the Formation of the French Working-Class.» // *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 71–110. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Perrot, Michelle.* 1988. «Naissance du féminisme.» // *Le Féminisme et ses enjeux: Vingt-sept femmes parlent*, 29–60. Paris: FEN–Edilig.
- Phillips, G. A.* 1971. «The Triple Industrial Alliance in 1914.» // *Economic History Review*, 2nd ser., 24, № 1 (February): 55–67.
- Picavet, François.* 1891. *Les idéologues.* Paris: Félix Alcan.
- Pieroni Bortolotti, Franca.* 1963. *Alle origini del movimento femminile in Italia, 1848–1892.* Rome: Einaudi.
- Pieroni Bortolotti, Franca.* 1974. *Socialismo e questione femminile in Italia, 1892–1922.* Milan: G. Mazzotta.
- Pierrard, Pierre.* 1984. *L'Église et les ouvriers en France, (1890–1940).* Paris: Hachette.
- Pinchbeck, Ivy.* 1930. *Women Workers and the Industrial Revolution, 1750–1850.* London: George Routledge & Sons.
- Pinkney, David H.* 1958. *Napoléon III and the Rebuilding of Paris.* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Pinkney, David H.* 1963. «Laissez-Faire or Intervention? Labor Policy of the First Months of the July Monarchy.» // *French Historical Studies* 3, № 1 (Spring): 123–128.
- Pinkney, David H.* 1964a. «The Crowd in the French Revolution of 1830.» // *American Historical Review* 70, № 1 (October): 1–17.
- Pinkney, David H.* 1964b. «The Myth of the French Revolution of 1830.» // *A Festschrift for Frederick B. Artz*, ed. D. H. Pinkney and T. Rapp, 52–71. Durham, NC: Duke Univ. Press.
- Pinkney, David H.* 1972. *The French Revolution of 1830.* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Plamenatz, John.* 1952. *The Revolutionary Movement in France, 1815–1870.* London: Longman, Green.
- Platt, D. C. M.* 1968a. «The Imperialism of Free Trade: Some Reservations.» // *Economic History Review*, 2nd ser., 21 (August): 296–306.
- Platt, D. C. M.* 1968b. *Finance, Trade, and Politics: British Foreign Policy, 1815–1914.* Oxford: Clarendon Press.

- Platt, D. C. M. 1973. «Further Objections to an „Imperialism of Free Trade,” 1830—1860.» // *Economic History Review*, 2nd ser., 26, № 1 (February): 77—91.
- Platt, D. C. M. 1993a. «Introduction: Britain's Decline.» // *Decline and Recovery in Britain's Overseas Trade, 1873—1914*, ed. D. C. M. Platt et al., 1—12. London: Macmillan.
- Platt, D. C. M. 1993b. «Particular Points of Strength in Britain's Overseas Trade.» // *Decline and Recovery in Britain's Overseas Trade, 1873—1914*, ed. D. C. M. Platt et al., 65—76. London: Macmillan.
- Platt, D. C. M. 1993c. «Trade Competition in the Regions of Recent Settlement.» // *Decline and Recovery in Britain's Overseas Trade, 1873—1914*, ed. D. C. M. Platt et al., 91—138. London: Macmillan.
- Plechanow, Georg. 1902—1903. «Über die Anfänge der Lehre vom Klassenkampf.» // *Die Neue Zeit* 21, № 1: 275—286, 292—305.
- Pleck, Elizabeth. 1983. «Feminist Responses to „Crimes against Women,” 1868—1896.» // *Signs* 8, № 3 (Spring): 451—470.
- Plessen, Marie-Louise. 1975. *Die Wirksamkeit des Vereins für Sozialpolitik von 1872—1890: Studien zum Katheder- und Staatssozialismus*. Berlin: Duncker & Humboldt.
- Plessis, Alain. 1973. *De la Fête impériale au mur des fédérés, 1852—1871*. Paris: Éd. du Seuil.
- Plessis, Alain. 1987. «Le „Retard français,” la faute de la banque? Banques locales, succursales de la Banque de France et financement de l'économie sous le second Empire.» // *Le capitalisme français, 19e-20e siècles: Blocages et dynamismes d'une croissance*, ed. P. Fridenson and A. Straus, 199—210. Paris: Fayard.
- Poggi, Stefano, and Maurizio Bossi, eds. 1994. *Romanticism in Science: Science in Europe, 1790—1840*. Boston Studies in the Philosophy of Science 152. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publ.
- Pohl, Hans. 1989. *Aufbruch der Weltwirtschaft: Geschichte der Weltwirtschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Polanyi, Karl. 1957. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Poliakov, Léon. 1974. *The Aryan Myth: A History of Racist and Nationalist Ideas in Europe*. London: Sussex Univ. Press.
- Poliakov, Léon. 1982. «Racism from the Enlightenment to the Age of Imperialism.» // *Racism and Colonialism: Essays on Ideology and Social Structure*, ed. Robert Ross, 55—64. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Poliakov, Léon, Christian Delacampagne, and Patrick Girard. 1976. *Le racisme: Collection Point de Départ*. Paris: Éd. Seghers.
- Pollard, Sidney. 1963. «Factory Discipline in the Industrial Revolution.» // *Economic History Review*, 2nd ser., 16, № 2 (December): 254—271.
- Pollard, Sidney. 1964. «The Factory Village in the Industrial Revolution. //» *English Historical Review* 79, № 312 (July): 513—531.
- Pollard, Sidney. 1973. «Industrialization and the European Economy.» // *Economic History Review*, n. s. 26, № 4: 636—648.
- Pollard, Sidney. 1977. «Merchandise Trade and Exploitation.» // *Journal of European Economic History* 6, № 3 (Winter): 745—749.
- Pollard, Sidney. 1983. «England, Der unrevolutionäre Pionier.» // *Europäische Arbeiterbewegungen im 19. Jahrhundert, Deutschland, Österreich, England und Frankreich im Vergleich*, ed. J. Kocka, 21—38. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- Pollard, Sidney. 1984. «Wirtschaftliche Hintergründe des New Unionism.» // Auf dem Wege zur Massengewerkschaft, ed. Wolfgang J. Mommsen and Hans-Gerhard Husung, 46—75. Stuttgart: Ernst Klett.
- Ponteil, Félix. 1968. L'Éveil des nationalités et le mouvement libéral (1815—1848). Nouv. éd. mise à jour. Peuples et Civilisations 15. Paris: Presses Univ. de France.
- Poovey, Mary. 1988. Uneven Developments: The Ideological Work of Gender in Mid-Victorian England. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Poper, Barbara Corrado. 1987. «The Influence of Rousseau's Ideology of Domesticity.» // Connecting Spheres: Women in the Western World, 1500 to the Present, ed. M. J. Boxer and J. H. Quataert, 136—145. New York: Oxford Univ. Press.
- Portal, Magda. 1983. Flora Tristán, precursora. Lima: La Equidad.
- Postel-Vinay, Gilles, and Jean-Marc Robin. 1992. «Eating, Working, and Saving in an Unstable World: Consumers in Nineteenth-Century France.» // Economic History Review, n. s. 45, № 3 (August): 494—513.
- Postgate, Raymond. 1974. «The Principles of 1848.» // A Hundred Years of Revolution, 1848 and After, ed. G. Woodcock, 93—119. New York: Haskell House.
- Potter, J. 1955. «The British Timber Duties, 1815—60.» // Economica, n. s., 22 (May): 122—136.
- Potts, David B. 1965. «Social Ethics at Harvard, 1881—1931: A Study in Academic Activism.» // Social Sciences at Harvard, 1860—1920: From Inculcation to the Open Mind, ed. Paul Buck, 91—128. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Pouthas, Charles H. 1962. «La réorganisation du Ministère de l'Intérieur et la reconstitution de l'administration préfectorale par Guizot en 1830.» // Revue d'histoire moderne et contemporaine 9 (October—December): 241—263.
- Pouthas, Charles H., et al. 1983. Démocratie, réaction, capitalisme, 1848—1860. Peuples et Civilisations 16. Paris: Presses Univ. de France.
- Prewitt, Kenneth. 2004. «Political Science and Its Audiences.» // Political Science and Politics 37, № 4 (October): 781—784.
- Preyer, Robert O. 1985. «The Romantic Tide Reaches Trinity.» // Victorian Science and Victorian Values: Literary Perspectives, ed. J. Paradis and T. Postlewait, 39—68. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Price, Richard. 1990. «Britain.» // The Formation of Labour Movements, 1870—1914: An International Perspective, ed. M. van der Linden and J. Rojahn, 3—24. Leiden: E. J. Brill.
- Price, Roger. 1972. The French Second Republic: A Social History. London: B. T. Batsford.
- Price, Roger. 1975a. The Economic Modernization of France. London: Croom Helm.
- Price, Roger. 1975b. Introduction to Revolution and Reaction: 1848 and the Second French Republic, ed. R. Price, 1—72. London: Croom Helm.
- Prinz, Michael. 1989. «Wandel durch Beharrung: Sozialdemokratie und „Neue Mittelschichten“ in historischer Perspektive.» // Archiv für Sozialgeschichte 24: 35—73.
- Procacci, Giulia. 1972. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Rome: Ed. Riuniti.
- Proctor, Robert N. 1991. Value-Free Science? Purity and Power in Modern Knowledge. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Prothero, I. J. 1969. «Chartism in London.» // Past and Present, № 44 (August): 76—105.
- Prothero, I. J. 1971. «London Chartist and the Trades.» // Economic History Review, 2nd ser., 24, № 2 (May): 202—219.
- Prothero, I. J. 1979. Artisans and Politics in Early Nineteenth-Century London: John Gast and His Times. Folkestone, Kent, UK: William Dawson & Son.

- Proudhon, Pierre-Joseph. 1912. *Les Femmelins: Les grandes figures romantiques*. Paris: Nouvel le Librairie Nationale.
- Przeworski, Adam. 1980. «Social Democracy as a Historical Phenomenon.» *New Left Review*, №122 (July–August): 27–58.
- Przeworski, Adam, and Michael Wallerstein. 1982. «The Structure of Class Conflict in Democratic Capitalist Societies.» // *American Political Science Review* 76, №2 (June): 215–238.
- Puccini, Sandra. 1976. «Condizione della donna e questione femminile (1892–1922).» // *Problemi del Socialismo* 17, №4 (October–December): 9–23.
- Puech, Jules-L. 1925. *La Vie et l'œuvre de Flora Tristan*. Paris: Marcel Rivière.
- Pugh, Evelyn L. 1982. «Florence Nightingale and J. S. Mill Debate Women's Rights.» // *Journal of British Studies* 21, №2 (Spring): 118–138.
- Puryear, Vernon John. 1931. *England, Russia, and the Straits Question, 1844–1856*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Quataert, Jean H. 1979. *Reluctant Feminists in German Social Democracy, 1885–1917*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Quero Molares, J. 1948. «L'Espagne en 1848.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtö, 1: 319–354. Paris: Éd. du Minuit.
- Rabaut, Jean. 1983. «1900, tournant du féminisme français.» *Bulletin de la société d'histoire moderne*, 82e année, sér. 14, №17, 5–16. [Supplement to *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, №1, 1983.]
- Racz, Elizabeth. 1952. «The Women's Rights Movement in the French Revolution.» // *Science and Society* 16, №2 (Spring): 151–174.
- Ragionieri, Ernesto. 1961. *Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani, 1875–1895*. Milan: Feltrinelli.
- Rainger, Ronald. 1978. «Race, Politics and Science: The Anthropological Society of London in the 1860's.» // *Victorian Studies* 22, №1 (Autumn): 51–70.
- Ralle, M. 1973. «La notion de „bourgeoisie” dans l'idéologie de la Première Internationale en Espagne.» // *La Question de la „bourgeoisie” dans le monde hispanique au XIXe siècle*, 119–131. Bibliothèque de l'École des Hautes Études Hispaniques 45. Bordeaux: Éd. Bière. [Discussion, 131–135.]
- Rancière, Jacques. 1981. *La nuit des prolétaires: Archives du rêve ouvrier*. Paris: Fayard.
- Rancière, Jacques. 1983. «The Myth of the Artisan: Critical Reflections on a Category of Social History.» // *International Labor and Working Class History*, №24 (Fall): 1–16.
- Rancière, Jacques. 1984. «A Reply.» // *International Labor and Working Class History*, №25 (Spring): 42–46.
- Ravera, Camilla. 1978. *Breve storia del movimento femminile in Italia*. Rome: Ed. Riuniti.
- Read, Donald. 1958. *Peterloo: The «Massacre» and Its Background*. Manchester, UK: Manchester University Press.
- Reardon, Bernard. 1976. *Liberalism and Tradition: Aspects of Catholic Thought in Nineteenth-Century France*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Rebérioux, Madeleine. 1978a. Preface to *Les femmes et le socialisme*, by C. Sowerwine, xi–xxiii. Paris: Presses de la FNSP.
- Rebérioux, Madeleine. 1978b. «La questione femminile nei dibattiti della II Internazionale.» // *Anna Kuliscioff e l'età del riformismo: Atti del Convegno di Milano, dicembre 1974*, 140–154. Rome: Mondo Operaio—Ed. Avanti!
- Rebérioux, Madeleine. 1989. Preface to 1789: *Cahiers de doléances des femmes et autres textes*, ed. Paule Duhet, i–xii. Nouv. éd. augm. Paris: Des Femmes.

- Rebérioux, Madeleine, Christiane Dufrancantel, and Béatrice Slema.* 1976. «Hubertine Auclert et la question des femmes à „l'immortel congrès" (1879).» *Romantisme*, nos. 13–14, 123–152.
- Rebérioux, Madeline, and Georges Haupt.* 1963. «L'attitude de l'Internationale.» // *Le Mouvement social*, № 45 (October–December): 7–37.
- Reddy, William M.* 1979. «Skeins, Scales, Discounts, Steam, and Other Objects of Crowd Justice in Early French Textile Mills.» *Comparative Studies in Society and History* 21, № 2 (April): 204–213.
- Reddy, William M.* 1984. *The Rise of Market Culture: The Textile Trade and French Society, 1750–1900.* Cambridge: Cambridge Univ. Press. Redford, Arthur. 1956. // *Manchester Merchants and Foreign Trade. Vol. 2, 1850–1939.* Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Reddy, William M.* 1968. *Labour Migration in England, 1800–50.* 2nd ed., rev. W.H. Chaloner. New York: A. M. Kelley.
- Reichand, Richard W.* 1953. «The German Working Class and the Russian Revolution of 1905.» // *Journal of Central European Affairs* 13, № 2 (July): 136–153.
- Reid, Alastair.* 1978. «Politics and Economics in the Formation of the British Working Class: A Response to H. F. Moorhouse.» *Social History* 3, № 3 (October): 347–361.
- Reid, Alastair.* 1983. «Intelligent Artisans and Aristocrats of Labour: The Essays of Thomas Wright.» // *The Working Class in Modern British History: Essays in Honor of Henry Pilling*, ed. J. M. Winter, 171–186. London: Cambridge Univ. Press.
- Reid, Alastair.* 1991. «Old Unionism Reconsidered: The Radicalism of Robert Knight, 1870–1900.» // *Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organised Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914*, ed. E. F. Biagini and A. J. Reid, 214–243. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Rémond, René.* 1982. *Les Droites en France.* Paris: Aubier Montaigne.
- Rendall, Jane.* 1985. *The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the United States, 1780–1860.* London: Macmillan.
- Renouvier, Charles.* 1868. «De la philosophie du XIXe siècle en France.» *L'Année philosophique—Première Année (1867).* Paris: Lib. Geemer Baillière.
- Renouvin, Pierre.* 1949. «L'idée d'Etats-Unis d'Europe pendant la crise de 1848.» // *Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848*, 31–45. Paris: Presses Univ. de France.
- Renouvin, Pierre.* 1954. *Le XIXe siècle. Vol. 1, De 1815 à 1871: L'Europe des nationalités et l'éveil de nouveaux mondes. Histoire des Relations Internationales 5.* Paris: Lib. Hachette.
- Rerup, Lorenz.* 1980. «The Development of Nationalism in Denmark.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 47–59. Edinburgh: John Donald.
- Reynolds, James A.* 1954. *The Catholic Emancipation Crisis in Ireland, 1823–1829.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Rhys Davies, T. W.* 1903–1904. «Oriental Studies in England and Abroad.» // *Proceedings of the British Academy, 1903–1904*, 183–197.
- Richard, Gaston.* 1914. *La Question sociale et le mouvement philosophique au XIXe siècle.* Paris: Lib. Armand Colin.
- Richter, Melvin.* 1960. «Durkheim's Politics and Political Theory.» // *Emile Durkheim, 1858–1917*, ed. K. H. Wolff, 170–210. Columbus: Ohio State Univ. Press.
- Richter, Melvin.* 1964. *The Politics of Conscience: T. H. Green and His Age.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

- Ringer, Fritz. K. 1969. *The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Ringer, Fritz. K. 1979. *Education and Society in Modern Europe*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Ringer, Fritz. K. 1992. *Fields of Knowledge: French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Rist, Charles. 1897. «La Durée du travail dans l'industrie française de 1820 à 1870.» // *Revue d'économie politique* 11, № 4 (May): 371–393.
- Rist, Marcel. 1956. «Une Expérience française de libération des échanges au dix-neuvième siècle, le traité de 1860.» // *Revue d'économie politique*, 66e année (November–December): 908–961.
- Roberts, David. 1958. «Tory Paternalism and Social Reform in Early Victorian England.» // *American Historical Review* 63, № 2 (January): 323–337.
- Roberts, David. 1959. «Jeremy Bentham and the Victorian Administrative State.» // *Victorian Studies* 2, № 3 (March): 193–210.
- Roberts, David. 1963. «How Cruel Was the Victorian Poor Law?» // *Historical Journal* 6, № 1, 97–107.
- Roberts, J. M. 1978. *The French Revolution*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Robertson, William Spence. 1939. *France and Latin American Independence*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Robinson, Ronald E. 1991. «Introduction: Railway Imperialism.» // *Railway Imperialism*, ed. C. B. Davis Jr. and K. E. Wilburn, 1–6. New York: Greenwood.
- Rodgers, Brian. 1952. «The Social Science Association, 1857–1886.» // *Manchester School of Economic and Social Studies* 20, № 3 (September): 283–310.
- Roehl, Richard. 1976. «French Industrialization: A Reconsideration.» // *Explorations in Economic History* 13, № 3 (July): 233–281.
- Rogers, J. D. 1963. «Laissez-faire in England.» // *Palgrave's Dictionary of Political Economy*, 2:535–537. Reprint of rev. ed.. New York: Augustus M. Kelley.
- Roller, Michel. 1948. «Les Roumaines en 1848.» // *Le printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtő, 2: 239–266. Paris: Éd. du Minuit.
- Romalis, Coleman, and Shelly Romalis. 1983. «Sexism, Racism and Technological Change: Two Cases of Minority Protest.» *International Journal of Women's Studies* 6, № 3 (May/ June): 270–287.
- Rosanvallon, Pierre. 1985. *Le moment Guizot*. Paris: Gallimard.
- Rosdolsky, Roman. 1964. «Engels und das Problem der „geschichtlosen“ Völker (Die Nationalitätenfrage in der Revolution 1848–1849 im Lichte der „Neuen Rheinischen Zeitung“).» // *Archiv für Sozialgeschichte* 4: 87–282.
- Rose, Ernst. 1951. «China as a Symbol of Reaction in Germany, 1830–1880.» // *Comparative Literature* 2, № 1 (Winter): 57–76.
- Rose, Michael E. 1974. *The Relief of Poverty, 1834–1914*. London: Macmillan.
- Rose, R. B. 1984. «The „Red Scare” of the 1790's: The French Revolution and the „Agrarian Law,”» // *Past and Present*, № 103 (May): 113–130.
- Rose, Sonia O. 1986. «Gender and Work: Sex, Class, and Industrial Capitalism.» *History Workshop Journal*, № 21 (Spring): 113–131.
- Rosen, Andrew. 1974. *Rise Up Women! The Militant Campaign of the Women's Social and Political Union, 1903–1914*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Rosenberg, Charles E. 1976. *No Other Gods: On Science and American Social Thought*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Rosenberg, Hans. 1943. «Political and Social Consequences of the Great Depression of 1873–1896 in Central Europe.» // *Economic History Review* 13, nos. 1 and 2, 58–73.

- Ross, Dorothy. 1979. «The Development of the Social Sciences.» // *The Organization of Knowledge in Modern America, 1860–1940*, ed. A. Olesen and J. Voss, 107–138. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Ross, Dorothy. 1984. «American Social Science and the Idea of Progress.» // *The Authority of Experts, Studies in History and Theory*, ed. T.L. Haskell, 157–175. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Ross, Dorothy. 1991. *The Origins of American Social Science*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Ross, Sydney. 1962. «Scientist: The Story of a Word.» *Annals of Science* 18, № 2 (June): 65–85.
- Rosselli, John. 1980. «The Self-Image of Effeteness: Physical Education and Nationalism in Nineteenth-Century Bengal.» // *Past and Present*, № 86 (February): 121–148.
- Rossi, Alice S., ed. 1970. *Essays on Sex Equality* [by] John Stuart Mill and Harriet Taylor Mill. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Rossi, Alice S., ed. 1973. *The Feminist Papers, from Adams to de Beauvoir*. New York: Columbia Univ. Press.
- Rostow, W. W. 1938. «Investment and the Great Depression.» // *Economic History Review* 8, № 2 (May): 136–158.
- Rostow, W. W. 1939. «Investment and Real Wages, 1877–86.» // *Economic History Review* 9, № 1 (November): 144–159.
- Rostow, W. W. 1942. «Adjustments and Maladjustments after the Napoleonic Wars.» // *American Economic Review* 32, part 2, suppl., *Papers and Proceedings of the Fifty-fourth Annual Meeting of the American Economic Association* (March): 13–23.
- Rostow, W. W. 1948. *British Economy of the Nineteenth Century*. New York: Oxford Univ. Press, 1948.
- Rostow, W. W. 1971. *The Stages of Economic Growth*. 2nd ed. Cambridge: At the University Press.
- Roth, Guenther. 1963. *The Social Democrats in Imperial Germany: A Study in Working-Class Isolation and National Integration*. Totowa, NJ: Bedminster Press.
- Rothermund, Dietmar. 1986. *The German Intellectual Quest for India*. New Delhi: Manohar.
- Rougerie, Jacques. 1964. *Procès des Communards, présenté par Jacques Rougerie. Collection „Archives.”* Paris: Juilliard.
- Rougerie, Jacques. 1965. «Sur l'histoire de la Première Internationale.» // *Le Mouvement social*, № 51 (April–June): 23–45.
- Rougerie, Jacques. 1968. «Remarques sur l'histoire des salaires à Paris au XIXe siècle.» // *Le Mouvement social*, № 63 (April–June): 71–108.
- Rougerie, Jacques. 1972. «1871, jalons sur une histoire de la Commune de Paris: Livraison spéciale préparée sous la direction de Jacques Rougerie avec la collaboration de Tristan Haan, Georges Haupt et Miklós Molnár.» // *International Review of Social History* 17, pts. 1 and 2, i–ix, 1–624.
- Rousseaux, Paul. 1938. *Les Mouvements de force de l'économie anglaise, 1800–1913*. Brussels: L'Édition Universelle; Paris: De Brouwer & Cie.
- Rover, Constance. 1967. *Women's Suffrage and Party Politics in Britain, 1866–1914*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Rowbotham, Sheila. 1974. *Women, Resistance and Revolution: A History of Women and Revolution in the Modern World*. New York: Pantheon.
- Rowbotham, Sheila. 1977. *Hidden from History: 300 Years of Women's Oppression and the Fight Against It*. 3rd ed. London: Pluto Press.

- Rowe, D. J. 1967. «The London Working Men's Association and „The Peoples' Charter.”» // *Past and Present*, № 36 (April): 73–86.
- Royle, Edward. 1986. *Chartism*. 2d ed. London: Longman.
- Rubel, Maximilien. 1960. *Karl Marx devant le bonapartisme*. Paris and The Hague: Mouton.
- Rubin, Gayle. 1975. «The Traffic in Women.» // *Toward an Anthropology of Women*, ed. R. R. Reiter, 157–210. New York: Monthly Review Press.
- Rudé, Fernand. 1940. «La première expédition de Savoie (février 1831).» // *Revue historique*, CLXXXVIII–CLXXXIX, 65e année (July–December): 413–443.
- Rudé, Fernand. 1969. *L'Insurrection lyonnaise de novembre 1831: Le mouvement ouvrier à Lyon de 1827–1832*. 2nd ed. Paris: Éd. Anthropos.
- Rudé, George. 1967. «English Rural and Urban Disturbances on the Eve of the First Reform Bill, 1830–1831.» // *Past and Present*, № 37 (July): 87–102.
- Rudé, George. 1969. «Why Was There No Revolution in England in 1830 or 1848?» // *Studien über die Revolution*, ed. M. Kossok, 231–244. Berlin: Akademie-Verlag.
- Rueschmayer, Dietrich, and Roman Van Rossen. 1996. «The Verein für Sozialpolitik and the Fabian Society: A Study in the Sociology of Policy-Relevant Knowledge.» // *States, Social Knowledge, and the Origins of Modern Social Policies*, ed. D. Rueschmayer and T. Skocpol, 117–162. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Ruggiero, Guido de. 1959. *The History of European Liberalism*. Boston: Beacon Press.
- Rule, John. 1988. «The Formative Years of British Trade-Unionism: An Overview.» // *British Trade-Unionism, 1750–1850*, ed. John Rule, 1–28. London: Longman.
- Ruwet, Joseph. 1967. *Avant les révolutions: Le XVIIIe siècle*. Brussels: Fondation Charles Plisnier.
- Ryan, Barbara. 1992. *Feminism and the Women's Movement: Dynamics of Change in Social Movement, Ideology and Activism*. New York: Routledge.
- Sagnac, Philippe. 1901–1902. «Les Juifs et Napoléon (1806–1808).» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 2: 595–604.
- Said, Edward W. 1978. *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
- Said, Edward W. 1985. «Orientalism Reconsidered.» // *Race and Class* 27, № 2 (Autumn): 1–15.
- Sakellariou, Michel. 1948. «L'Hellénisme et 1848.» // *Le printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtö, 2: 319–354. Paris: Éd. du Minuit.
- Salvadori, Massimo. 1977. *The Liberal Heresy: Origins and Historical Development*. London: Macmillan.
- Samuel, Raphael. 1977. «Workshop of the World: Steam Power and Hand Technology in Mid-Victorian Britain.» *History Workshop*, № 3 (Spring): 6–72.
- Santarelli, Enzo. 1964. *La Revisione del marxismo in Italia*. Milan: Feltrinelli.
- Sartorius von Waltershausen, A. 1931. *Die Entstehung der Weltwirtschaft: Geschichte des zwischenstaatlichen Wirtschaftslebens von letzten Viertel des achtzehnten Jahrhunderts bis 1914*. Jena: Gustav Fischer.
- Saul, S. B. 1960. «The American Impact on British Industry, 1895–1914.» *Business History* 3, № 1 (December): 19–38.
- Saul, S. B. 1971. «Some Thoughts on the Papers and Discussion on the Performance of the Late Victorian Economy.» // *Essays on a Mature Economy, Britain after 1840*, ed. D. N. McCloskey, 393–397. London: Methuen.
- Saville, John. 1990. *1848: The British State and the Chartist Movement*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sayers, R. S. 1932. «The Question of the Standard in the Eighteenth-Fifties.» // *Economic History* 2, № 7 (January): 575–601.

- Schapiro, J. Salwyn. 1934. *Condorcet and the Rise of Liberalism*. New York: Harcourt, Brace & Co.
- Schapiro, J. Salwyn. 1939. «Utilitarianism and the Foundations of English Liberalism.» // *Journal of Social Philosophy* 4, № 2 (January): 121–137.
- Schapiro, J. Salwyn. 1949. *Liberalism and the Challenge of Fascism: Social Forces in England and France (1815–1870)*. New York: McGraw-Hill.
- Schefer, Christian. 1907. *Les Traditions et les idées nouvelles, la réorganisation administrative, la reprise de l'expansion (1815–1830)*. Vol. 1 of *La France moderne et le problème colonial*. Paris: Félix Alcan.
- Schefer, Christian. 1928. *L'Algérie et l'évolution de la colonisation française*. Paris: Lib. Anc. Honoré Champion.
- Schefer, Christian. 1939. *Les Origines de l'expédition du Mexique (1858–1862): La Grande Pensée de Napoléon III*. Paris: Marcel Rivière.
- Schenk, H. G. 1947. *The Aftermath of the Napoleonic Wars: The Concert of Europe — An Experiment*. New York: Oxford Univ. Press.
- Schlesinger, Arthur M., Jr. 1962. *The Vital Center: The Politics of Freedom*. Boston: Houghton Mifflin.
- Schlote, Werner. 1952. *British Overseas Trade from 1700 to the 1930s*. Oxford: Basil Blackwell.
- Schmoller, Gustav von. 1920. «Zur 25jährigen Feier des Vereins für Sozialpolitik.» // *Zwanzig Jahre Deutscher Politik (1897–1917), Aufsätze und Vorträge*, 23–34. Munich: Duncker & Humblot.
- Schnerb, Robert. 1936. «Napoleon III and the Second French Empire.» // *Journal of Modern History* 8, № 3 (September): 338–355.
- Schnerb, Robert. 1963. *Libre échange et protectionnisme. Que sais-je?* № 1032. Paris: Presses Univ. de France.
- Schnerb, Robert. 1968. *Le XIXe siècle: L'Apogée de l'expansion européenne. Histoire Générale des Civilisations*. Paris: Presses Univ. de France.
- Schnetzler, Barbara V. 1971. *Die frühe amerikanische Frauenbewegung und ihre Kontakte mit Europa (1836–1869)*. Bern: Peter Lang.
- Schoelcher, Victor. 1948. *Esclavage et colonisation*. Paris: Presses Univ. de France.
- Schorske, Carl E. 1955. *German Social Democracy, 1905–1917: The Development of the Great Schism*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Schöttler, Peter. 1985. *Naissance des Bourses de travail, un appareil idéologique d'état à la fin du XIXe siècle*. Paris: Presses Univ. de France.
- Schroeder, Paul W. 1989. «The Nineteenth Century System: Balance of Power or Political Equilibrium?» // *Review of International Studies* 15: 135–153.
- Schroeder, Paul W. 1992a. «Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power?» // *American Historical Review* 97, № 2 (April): 683–706.
- Schroeder, Paul W. 1992b. «A Mild Rejoinder.» // *American Historical Review* 97, № 3 (June): 733–735.
- Schuman, Frederick L. 1958. *International Politics: The Western State System and the World Community*. 6th ed. New York: McGraw-Hill.
- Schumpeter, Joseph. 1964. *Business Cycles*. 1st abr. ed. Philadelphia: McGraw-Hill.
- Schuyler, Robert L. 1921. «The Climax of Anti-Imperialism in England.» // *Political Science Quarterly* 36, № 4 (December): 537–560.
- Schuyler, Robert L. 1922. «The Rise of Anti-Imperialism in England.» // *Political Science Quarterly* 37, № 3 (September): 440–471.
- Schuyler, Robert L. 1945. *The Fall of the Old Colonial System: A Study in British Free Trade, 1770–1870*. London: Oxford Univ. Press.
- Schwab, Raymond. 1950. *La Renaissance orientale*. Paris: Payot.

- Schwartz, Anna Jacobson.* 1987. *Money in Historical Perspective.* Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Schweber, S. S.* 1985. «Scientists as Intellectuals: The Early Victorians.» // *Victorian Science and Victorian Values: Literary Perspectives*, ed. J. Paradis and T. Postlewait, 1–37. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Schwendinger, Herman, and Julia R. Schwendinger.* 1974. *Sociologists of the Chair: A Radical Analysis of the Formative Years of North American Sociology (1883–1922).* New York: Basic Books.
- Scott, James C.* 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed.* New Haven, CT: Yale Univ. Press.
- Scott, Joan Wallach.* 1974. *The Glassworkers of Carmaux: French Craftsmen and Political Action in a Nineteenth-Century City.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Scott, Joan Wallach.* 1981. «French Feminists and the Rights of „Man”: Olympe de Gouge's Declarations.» *History Workshop Journal*, № 28 (Autumn): 1–21.
- Scott, Joan Wallach.* 1988. «A Statistical Representation of Work: Le Statistique de l'Industrie à Paris, 1847–1848.» // *Gender and the Politics of History*, 113–138. New York: Columbia Univ. Press.
- Sée, Henri.* 1921. *Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe aux XVIIIe et XIXe siècles.* Paris: M. Giard.
- Sée, Henri.* 1923. «Esquisse de l'évolution industrielle de la France de 1815 à 1848: Les progrès du machinisme et de la concentration.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 11, № 4, 473–497.
- Sée, Henri.* 1924. «Quelques aperçus sur la condition de la classe ouvrière et sur le mouvement ouvrier en France de 1815 à 1848.» // *Revue d'histoire économique et sociale* 12, № 4, 493–521.
- Sée, Henri.* 1927. *La vie économique de la France sous la monarchie censitaire (1815–1848).* Paris: F. Alcan.
- Sée, Henri.* 1951. *Histoire économique de la France.* 2nd ed. 2 vols. Paris: A. Colin.
- Seecombe, Wally.* 1986. «Patriarchy Stabilized: The Construction of the Male Breadwinner Wage Norm in Nineteenth-Century Britain.» *Social History* 11, № 1 (January): 53–76.
- Semidei, Manuela.* 1966. «De l'Empire à la décolonisation à travers les manuels scolaires français.» // *Revue française de science politique* 16, № 1 (February): 56–86.
- Semmel, Bernard.* 1970. *The Rise of Free Trade Imperialism.* Cambridge: At the University Press.
- Sergent, Bernard.* 1982. «Penser — et mal penser — les Indo-Européens (Note critique).» // *Annales E. S. C.* 27, № 4 (July–August): 669–681.
- Seton-Watson, Hugh.* 1977. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism.* London: Methuen.
- Seton-Watson, R. W.* 1937. *Britain in Europe, 1789 to 1914.* Cambridge: At the University Press.
- Sewell, William H., Jr.* 1974. «Social Change and the Rise of Working Class Politics in Nineteenth-Century Marseille.» // *Past and Present*, № 65, 75–109.
- Sewell, William H., Jr.* 1979. «Property, Labor, and the Emergence of Socialism in France, 1789–1848.» // *Consciousness and Class Experience in Nineteenth-Century Europe*, ed. J. Merriman, 45–63. New York: Holmes & Meier.
- Sewell, William H., Jr.* 1983. «Response to J. Rancière, „The Myth of the Artisan,» // *International Labor and Working-Class History*, № 24 (Fall): 17–20.
- Sewell, William H., Jr.* 1985. «Ideologies and Social Revolutions: Reflections on the French Case.» // *Journal of Modern History* 57, № 1 (March): 57–85.

- Sewell, William H., Jr. 1986. «Artisans, Factory Workers, and the Formation of the French Working Class, 1789–1848.» // *Working-Class Formation: Nineteenth Century Patterns in Western Europe and the United States*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 45–70. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Sewell, William H., Jr. 1988. «Le citoyen/la citoyenne: Activity, Passivity, and the Revolutionary Concept of Citizenship.» // *The Political Culture of the French Revolution: The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture*, ed. C. Lucas, 2:105–123. Oxford: Pergamon Press.
- Sewell, William H., Jr. 1990. «Collective Violence and Collective Loyalties in France: Why the French Revolution Made a Difference.» // *Politics and Society*, 68, № 4 (December): 527–552.
- Shapiro, Fred R. 1981. «On the Origin of the Term „Indo-Germanic,» // *Historiographia Linguistica* 8, № 1, 165–170.
- Shefter, Martin. 1986. «Trade Unions and Political Machines: The Organization and Disorganization of the American Working Class in the Late Nineteenth Century.» // *Working Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and North America*, ed. I. Katznelson and A. R. Zolberg, 197–278. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Sherman, Dennis. 1974. «The Meaning of Economic Liberalism in Mid-Nineteenth-Century France.» // *History of Political Economy* 6, № 2 (Summer): 171–199.
- Shine, Hill. 1941. *Carlyle and the Saint-Simonians: The Concept of Historical Periodicity*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Sievers, Sharon. 1983. *Flowers in Salt: The Beginnings of Feminist Consciousness in Modern Japan*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.
- Siéyès, Emmanuel-Joseph. 1789. «Préliminaire de la Constitution, lu les 20 et 21 juillet 1789, au Comité de Constitution.» // *Recueil des pièces authentiques approuvées par l'Assemblée Nationale de France, 178–200*. Geneva: 1e éd.
- Siéyès, Emmanuel-Joseph. 1985. *Écrits politiques*. Paris: Éd. des Archives contemporaines.
- Silbering, Norman J. 1923. «Financial and Monetary Policy of Britain during the Napoleonic Wars.» // *Quarterly Journal of Economics* 38 (November): 214–233.
- Silva, Pietro. 1917. *La Monarchia di luglio e l'Italia*. Turin: Fratelli Bocca Ed.
- Silver, Allan. 1967. «The Demand for Order in Civil Society: A Review of Some Theories in the History of Urban Crime, Police and Riots.» // *The Police*, ed. D. J. Bordua, 1–24. New York: Wiley.
- Simon, André. 1946. «Les Origines religieuses de l'indépendance belge.» *Chantiers* 11, no. 2 (15 November): 1–28.
- Simon, André. 1949. *L'Église catholique et les débuts de la Belgique indépendante*. Wetteren, Belgium: Éd. Scaldis.
- Simon, André. 1959. «Lamennais en Belgique.» // *Revue belge de philologie et d'histoire* 37: 408–417.
- Simon, André. 1991. «Théoriciens français du racisme au 19e siècle.» // *Gavroche*, № 55 (January–February): 21–25.
- Simon, Walter M. 1956. «History for Utopia: Saint-Simon and the Idea of Progress.» // *Journal of the History of Ideas* 17, № 3 (June): 311–331.
- Simoni, Pierre. 1980. «Science anthropologique et racisme à l'époque de l'expansion coloniale: Le cas du Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle de Pierre Labousse.» *Historical Papers* (Ottawa) 15, № 1, 167–184.
- Singelmann, Joachim, and Peter Singelmann. 1986. «Lorenz von Stein and the Paradigmatic Function of Social Theory in the Nineteenth Century.» *British Journal of Sociology* 37, № 3 (September): 431–452.

- Sked, Alan, ed. 1979. *Europe's Balance of Power, 1815–1848*. London: Macmillan.
- Skinner, Andrew S. 1965. «Economics and History: The Scottish Enlightenment.» *Scottish Journal of Political Economy* 12 (February): 1–22.
- Skocpol, Theda. 1985. «Cultural Idioms and Political Ideologies in the Revolutionary Reconstruction of State Power: A Rejoinder to Sewell.» // *Journal of Modern History* 57, № 1 (March): 86–96.
- Slaughter, Jane, and Robert Kern. 1981. *European Women on the Left: Socialism, Feminism, and the Problems Faced by Political Women, 1880 to the Present*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Slicher van Bath, B. H. 1963. *The Agrarian History of Western Europe, a.d. 500–1850*. New York: St. Martin's.
- Smelser, Neil J. 1991. *Social Paralysis and Social Change*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Smith, Carol H. 1995. «Race-Class-Gender Ideology in Guatemala: Modern and Anti-Modern Forms.» // *Comparative Studies in Society and History* 37, № 4 (October): 723–749.
- Smith, Paul. 1967. *Disraelian Conservatism and Social Reform*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Smith, Paul. 1989. «Liberation as Authority and Discipline.» // *Historical Journal* 32, № 2 (September): 723–737.
- Snyder, Carl. 1934. «Measures of the Growth of British Industry.» // *Economica*, n.s., 1 (November): 421–435.
- Soboul, Albert. 1948. «La Question paysanne en 1848.» // 3 pts. *La Pensée*, № 18, 55–66; № 19, 25–37; № 20, 48–56.
- Soboul, Albert. 1962. «A propos des réflexions de Georges Rudé sur la sans-culotterie.» // *Crítica storica* 1, № 4 (July 31): 391–398.
- Soffer, Benson. 1960. «A Theory of Trade Union Development: The Role of the „Autonomous” Workman.» // *Labor History* 1, № 2 (Spring): 141–163.
- Soffer, Reba N. 1982. «Why Do Disciplines Fail? The Strange Case of British Sociology.» *English Historical Review* 97, № 385 (October): 767–802.
- Solle, Zdenek. 1969. «Die tschechische Sozialdemokratie zwischen Nationalismus und Internationalismus.» // *Archiv für Sozialgeschichte* 9: 181–266.
- Soloway, Richard A. 1990. *Demography and Degeneration: Eugenics and the Declining Birthrate in Twentieth-Century Britain*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press.
- Somit, Albert, and Joseph Tanenhaus. 1982. *The Development of American Political Science: From Burgess to Behavioralism*. New York: Irvington Publ.
- Sonenscher, Michael. 1989. «Editorial, 1789–1989.» // *History Workshop Journal*, № 28 (Autumn): v–vi.
- Soreau, Edmond. 1931. «Le loi Le Chapelier.» // *Annales historiques de la Révolution française*, 8e année, № 46 (July–August): 287–314.
- Sorenson, Lloyd R. 1952. «Some Classical Economists, Laissez Faire, and the Factory Acts.» // *Journal of Economic History* 12, № 3 (Summer): 247–262.
- Southgate, Donald G. 1965. *The Passing of the Whigs, 1832–1886*. London: Macmillan.
- Southgate, Donald G. 1977. «From Disraeli to Law.» // *The Conservatives*, ed. Lord Butler, 109–270. London: George Allen & Unwin.
- Sowerwine, Charles. 1976. «The Organisation of French Socialist Women, 1880–1914: A European Perspective for Women's Movements.» *Historical Reflections* 3, № 2 (Winter): 3–24.
- Sowerwine, Charles. 1978. *Les Femmes et le socialisme: Un siècle d'histoire*. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques.

- Sowerwine, Charles. 1982. *Sisters or Citizens? Women and Socialism in France since 1876*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sowerwine, Charles. 1983. «Workers and Women in France before 1914: The Debate over the Courian Affair.» // *Journal of Modern History* 55, № 3 (September): 411–441.
- Spain, Jonathon. 1991. «Trade Unionists, Gladstonian Liberals and the Labour Law Reforms of 1875.» // *Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organised Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914*, ed. E.F. Biagini and A.J. Reid, 109–133. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Spengler, Oswald. 1926. *The Decline of the West: Form and Actuality*. New York: A. A. Knopf.
- Spitzer, Alan B. 1962. «The Good Napoleon III.» *French Historical Studies* 2, № 3 (Spring): 308–329.
- Stanton, Elizabeth Cady, Susan B. Anthony, and Matilda Joslyn Gage, eds. 1881. *History of Woman Suffrage*. 6 vols. Rochester, NY: Charles Mann.
- Stark, W. 1943. «Saint-Simon as a Realist.» // *Journal of Economic History* 3, № 1 (May): 42–55.
- Stark, W. 1945. «The Realism of Saint-Simon's Spiritual Program.» // *Journal of Economic History* 5, № 1 (May): 24–42.
- Starzinger, Vincent. 1965. *Middlingness: «Juste Milieu» Political Theory in France and England, 1815–48*. Charlottesville: Univ. Press of Virginia.
- Stearns, Peter N. 1965. «Patterns of Industrial Strike Activity during the July Monarchy.» *American Historical Review* 70, № 2 (January): 371–394.
- Stearns, Peter N. 1974. *1848: The Revolutionary Tide in Europe*. New York: W. W. Norton.
- Stearns, Peter N. 1979a. «The Middle Class: Toward a Precise Definition.» // *Comparative Studies in Society and History* 29, № 3 (July): 377–396.
- Stearns, Peter N. 1979b. «Reply.» // *Comparative Studies in Society and History* 29, № 3 (July): 414–415.
- Stengers, Jean. 1950–1951. «Sentiment national, sentiment orangiste et sentiment français à l'aube de notre indépendance.» // 2 pts. *Revue belge de philologie et d'histoire* 28:993–1029 (pt. 1); 29:61–92 (pt. 2).
- Stepan, Nancy. 1982. *The Idea of Race in Science: Great Britain, 1800–1960*. Hamden, CT: Archon Books.
- Stern, Fritz. 1971. *The Failure of Illiberalism: Essays on the Political Culture of Modern Germany*. New York: Knopf.
- Stern, Leo, and Rudolf Sauerzapf. 1954. Introduction to *Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution von 1905–1907 auf Deutschland*, ed. L. Stern, xi-lxxvi. Berlin: Rütten & Loening.
- Stevenson, John. 1977. «The Queen Caroline Affair.» // *London in the Age of Reform*, ed. J. Stevenson, 117–148. Oxford: Basil Blackwell.
- Stevenson, John. 1979. *Popular Disturbances in England, 1700–1870*. London: Longman.
- Stewart, Robert. 1971. *The Politics of Protection: Lord Derby and the Protectionist Party, 1841–1852*. Cambridge: At the University Press.
- Stieg, Margaret F. 1986. *The Origin and Development of Scholarly Historical Periodicals*. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press.
- Stigler, George J. 1965. «The Politics of Political Economists.» // *Essays in the History of Economics*, 51–65. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Stites, Richard. 1957. «The Russian Revolution and Women.» // *Connecting Spheres: Women in the Western World, 1500 to the Present*, ed. M. Boxer and J. Quataert, 246–255. New York: Oxford Univ. Press.
- Stites, Richard. 1978. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

- Stocking, George W., Jr. 1971. «What's in a Name? The Origins of the Royal Anthropological Institute.» *Man*, n. s., 6, № 3 (September): 369–390.
- Stoddard, Lothrop. 1920. *The Rising Tide of Color against White World-Supremacy*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Stokes, Eric. 1959. *The English Utilitarians and India*. Oxford: Clarendon Press.
- Stokes, Eric. 1980. «Bureaucracy and Ideology: Britain and India in the Nineteenth Century.» *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 30: 131–156.
- Stolcke, Verena. 1981. «Women's Labours: The Naturalisation of Social Inequality and Women's Subordination.» // *Of Marriage and the Market: Women's Subordination Internationally and Its Lessons*, ed. K. Young et al., 159–177. London: CSE Books.
- Storr, Marthe Severn. 1932. *Mary Wollstonecraft et le mouvement féministe dans la littérature anglaise*. Paris: Presses Univ. de France.
- Strandmann, Hartmut Pogge von. 1969. «Domestic Origins of Germany's Colonial Expansion under Bismarck.» // *Past and Present*, № 42 (February): 140–159.
- Struminger, Laura S. 1984. «The Legacy of Flora Tristan.» *International // Journal of Women's Studies* 7, № 2 (May/June): 232–247.
- Stuart, Robert. 1992. *Marxism at Work: Ideology, Class and French Socialism during the Third Republic*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Stürmer, Michael. 1977. «Krise, Konflikt, Entscheidung, die Sache nach dem neuen Cäsar als europäische Verfassungsproblem.» // *Le Bonapartisme, phénomène historique et mythe politique*, ed. K. Hammer and P.C. Hartmann, 102–118. Munich: Artemis Verlag.
- Suel, Marc. 1953. «L'Adresse et sa discussion de 1814 à 1830.» // *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n. s., 3, № 11 (July–September): 176–188.
- Sugihara, Kaoru. 1986. «Patterns of Asia's Integration into the World Economy, 1880–1913.» // *The Emergence of a World Economy, 1500–1914: Papers of the IX. International Congress of Economic History*, by W. Fischer et al., 2: 709–746. Wiesbaden: Franz Steiner.
- Super, R. H. 1977. «The Humanist at Bay: The Arnold-Huxley Debate.» // *Nature and the Victorian Imagination*, ed. U. C. Knoepfelmacher and G. B. Tennyson, 231–245. Berkeley: Univ. of California Press.
- Swingewood, Alan. 1970. «Origins of Sociology: The Case of the Scottish Enlightenment.» *British // Journal of Sociology* 21, № 2 (June): 164–180.
- Sydie, Rosalind A. 1991. «From Liberal to Radical: The Work and Life of Mary Wollstonecraft.» // *Atlantis* 17, № 1 (Fall–Winter): 36–51.
- Sykes, Robert. 1988. «Trade Unionism and Class Consciousness: The „Revolutionary” Period of General Unionism, 1829–1834.» // *British Trade-Unionism, 1750–1850*, ed. J. Rule, 178–199. London: Longmans.
- Sztejnberg, Maxime. 1963. «La Fondation du Parti Ouvrier Belge et le ralliement de la classe ouvrière à l'action politique.» // *International Review of Social History* 8, pt. 2, 198–215.
- Talmon, J. H. 1952. *The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Secker & Warburg.
- Taricone, Fiorenza. 1992. «Cronologia per una storia sociale femminile, dall'Unità al fascismo.» // *Il Politico*, № 162 (April–June): 341–364.
- Tarlé, Eugène. 1929. «L'insurrection ouvrière de Lyon.» // 3 pts. *Revue marxiste*, № 2 (March): 132–153; № 3 (April): 265–294; № 4 (May): 412–428.
- Taylor, Arthur J. 1960. «Progress and Poverty in Britain, 1780–1850: A Reappraisal.» // *History* 45, № 153 (February): 16–31.
- Taylor, Arthur J. 1972. *Laissez-Faire and State Intervention in Nineteenth-Century Britain*. London: Macmillan.

- Taylor, Barbara. 1983. *Eve and the New Jerusalem: Socialism and Feminism in the Nineteenth Century*. New York: Pantheon.
- Taylor, Barbara. 1992. «Mary Wollstonecraft and the Wild Wish of Early Feminism.» // *History Workshop Journal*, № 33 (Spring): 197–219.
- Taylor, Edward B. 1920. *Primitive Culture*. New York: J. P. Putnam.
- Taylor, Keith. 1982. *The Political Ideas of the Utopian Socialists*. London: Frank Cass.
- Temperley, Harold. 1925a. *The Foreign Policy of Canning, 1822–1827*. London: G. Bell & Sons.
- Temperley, Harold. 1925b. «French Designs on Spanish America in 1820–5.» // *English Historical Review* 40, № 158 (January): 34–53.
- Terlinden, Charles. 1922. «La Politique économique de Guillaume 1er, roi des Pays-Bas en Belgique (1814–1830).» // *Revue historique*, 47e année, CXXXIX (January–April): 1–40.
- Therborn, Göran. 1974. *Science, Class, and Society: On the Formation of Sociology and Historical Materialism*. Göteborg: Tryck Revo Press.
- Théret, Bruno. 1989. «Régimes économiques de l'ordre politique.» Doctorat d'État en Science Économique, Université Paris-I Panthéon-Sorbonne. 2 vols.
- Théret, Bruno. 1991. «Le Système fiscal français libéral du XIXe siècle, bureaucratie ou capitalisme?» // *Études et documents* 3: 137–224.
- Theriot, Nancy M. 1993. «Women's Voices in Nineteenth-Century Medical Discourse: A Step toward Deconstructing Science.» // *Signs* 19, № 1 (Autumn): 1–31.
- Thibert, Marguerite. 1926. *Le Féminisme dans le socialisme français de 1830 à 1850*. Paris: Marcel Giard.
- Tholfsen, Trygve R. 1961. «The Transition to Democracy in Victorian England.» // *International Review of Social History* 6, pt. 2, 226–248.
- Tholfsen, Trygve R. 1976. *Working Class Radicalism in Mid-Victorian England*. London: Croom Helm.
- Thomas, Edith. 1948. *Les Femmes en 1848: Collection du Centenaire de la Révolution de 1848*. Paris: Presses Univ. de France.
- Thomis, Malcolm I. 1970. *The Luddites: Machine-Breaking in Regency England*. Newton Abbot, Devon, UK: David & Charles.
- Thomis, Malcolm I., and Peter Holt. 1977. *Threats of Revolution in Britain, 1789–1848*. London: Macmillan.
- Thompson, Dorothy. 1976. «Women and Nineteenth-Century Radical Politics.» // *The Rights and Wrongs of Women*, ed. J. Mitchell and A. Oakley, 112–138. Baltimore: Penguin.
- Thompson, Dorothy. 1984. *The Chartists: Popular Politics in the Industrial Revolution*. London: Temple Smith.
- Thompson, E. P. 1997. *The Romantics: England in a Revolutionary Age*. New York: New Press.
- Thompson, F. M. L. 1963. *English Landed Society in the Nineteenth Century*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Thompson, Victoria. 1996. «Creating Boundaries: Homosexuality and the Changing Social Order in France, 1830–1870.» // *Feminism and History*, ed. Joan Wallach Scott, 398–428. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Thompson, William. 1983. *Appeal of One Half of the Human Race, Women, against the Pretensions of the Other Half, Men, to Retain them in Political, and Hence in Civil and Domestic Slavery*. London: Virago.
- Thönnessen, Werner. 1973. *The Emancipation of Women: The Rise and Decline of the Women's Movement in German Social Democracy, 1863–1933*. London: Pluto Press.

- Thyssen, A. *Pontoppidon*. 1980. «The Rise of Nationalism in the Danish Monarchy 1800—1864, with Special Reference to Its Socio-Economic and Cultural Aspects.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 31—45. Edinburgh: John Donald.
- Tickner, Lisa. 1987. *The Spectacle of Women: Imagery of the Suffrage Campaign, 1907—1914*. London: Chatto & Windus.
- Tilly, Charles. 1964. «Reflections on the Revolutions of Paris: An Essay on Recent Historical Writing.» // *Social Problems* 12, № 1 (Summer): 99—121.
- Tilly, Charles. 1972. «How Protest Modernized in France, 1845—1855.» // *The Dimensions of Quantitative Research in History*, ed. W.O. Aydelotte et al., 192—255. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Tilly, Charles. 1986. *The Contentious French: Four Centuries of Popular Struggle*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Tilly, Charles, Louise Tilly, and Richard Tilly. 1975. *The Rebellious Century, 1830—1930*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Tilly, Charles, and Lynn Lees. 1974. «Le Peuple de juin 1848.» // *Annales*, E.S.C. 29, № 5 (September—October): 1061—1091.
- Tilly, Richard H. 1990. *Vom Zollverein zum Industriestaat: Die wirtschaftlichsoziale Entwicklung Deutschlands, 1834 bis 1914*. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Tissot, Louis. 1948. «Les Événements de 1848 dans les pays du Nord.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtö, 1: 373—400. Paris: Éd. du Minuit.
- Tixerant, Jules. 1908. *Le Féminisme à l'époque de 1848, dans l'ordre politique et dans l'ordre économique*. Paris: V. Giard & E. Brière.
- Todorov, Tzvetan. 1989. *The Deflection of the Enlightenment*. Stanford, CA: Stanford Humanities Center.
- Tomaszewski, Jerzy. 1993. «The National Question in Poland in the Twentieth Century.» // *The National Question in Europe in Historical Context*, ed. M. Teich and R. Porter, 293—316. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tønnesson, Kåre D. 1978. *La Défaite des sans-culottes: Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III*. Oslo: Presses Univ. d'Oslo.
- Torstendahl, Rolf. 1993. «The Transformation of Professional Education in the Nineteenth Century.» // *The European and American University since 1800: Historical and Sociological Essays*, ed. S. Rothblatt and B. Wittrock, 109—141. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Toutain, Jean-Claude. 1987. «Le Produit intérieur brut de la France de 1789 à 1982.» *Économies et sociétés. Cahiers de l'I.S.M.E.A.*, ser. AF 15, 21, № 5 (May).
- Treble, J.H. 1973. «O'Connor, O'Connell and the Attitudes of Irish Immigrants towards Chartism in the North of England, 1838—48.» // *The Victorians and Social Protest: A Symposium*, ed. J. Butt and I.F. Clarke, 33—70. Newton Abbot, Devon, UK: David & Charles; Hamden, CT: Archon Books.
- Tribe, Keith. 1988. *Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse, 1750—1840*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tribe, Keith. 2005. «Political Economy and the Science of Economics in Victorian Britain.» // *Organization of Knowledge in Victorian Britain*, ed. M. Daunton, 115—137. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Tristan, Flora. 1846. *L'Emancipation de la femme ou le testament de la paria*. Ouvrage posthume, complété d'après ses notes et publié par A. Constant Éd. Paris.
- Tristan, Flora. 1983. *The Workers' Union*. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Trouillot, Michel-Rolph. 1991. «Anthropology and the Savage Slot: The Poetics and Politics of Otherness.» // *Recapturing Anthropology: Working in the Present*, ed. T.G. Fox, 17—44. Santa Fe, NM: School of American Research Press.

- Trouillot, Michel-Rolph. 1995. *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston: Beacon Press.
- Tudesq, André-Jean. 1964. *Les Grands notables en France (1840—1849): Etude historique d'une psychologie sociale*. 2 vols. Paris: Presses Univ. de France.
- Tuñón de Lara, Manuel. 1972. *El Movimiento obrero en la historia de España*. Madrid: Tau-rus.
- Turin, Yvonne. 1989. *Femmes et religieuses au XIXe siècle: Le Féminisme «en religion»*. Paris: Éd. Nouvelle Cité.
- Turner, R. Steven. 1974. «University Reformers and Professional Scholarship in Germany, 1760—1806.» // *The University in Society*, ed. L. Stone, 2:495—531. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Turner, R. Steven. 1980. «The Prussian Universities and the Concept of Research.» *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literature* 5:68—93.
- Twelmann, Margrit. 1972. *Die deutsche Frauenbewegung: Ihre Anfänge und erste Entwicklung*. Vol. 2, Quellen 1843—1889. Marburger Abhandlungen zur Politischen Wissenschaft, vol. 17, № 1—2. Meisenheim-am-Glan, Germany: Verlag Anton Hain.
- Valensi, Lucette. 1977. «Nègre/Negro: Recherches dans les dictionnaires français et anglais du XVIIIème au XIXème siècles.» // *L'idée de race dans la pensée politique française contemporaine*, ed. P. Guiral and E. Temine, 157—170. Paris: Éd. du CNRS.
- Valensi, Lucette. 1993. *The Birth of the Despot: Venice and Sublime Porte*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Van der Linden, Marcel. 1988. «The Rise and Fall of the First International: An Interpretation.» // *Internationalism in the Labour Movement, 1830—1940*, ed. F. Holthoon and M. van der Linden, 323—335. Leiden: E. J. Brill.
- Veblen, Thorstein. 1964a [1918]. *The Higher Learning in America*. New York: Augustus Kelley.
- Veblen, Thorstein. 1964b [1915]. *Imperial Germany and the Industrial Revolution*. New York: Augustus Kelley.
- Vellacott, Jo. 1987. «Feminist Consciousness and the First World War.» // *History Workshop Journal*, № 23 (Spring): 81—101.
- Vellacott, Jo. 1987. «Lecteurs forts et secteurs faibles dans l'économie française des années 1860: Une simulation économétrique.» // *Le capitalisme français, 19e—20e siècle: Blocages et dynamismes d'une croissance*, ed. P. Fridenson and A. Straus, 151—173. Paris: Fayard.
- Verley, Patrick. 1989. *L'Industrialisation, 1830—1914: Nouvelle histoire économique de la France contemporaine*. Vol. 2. Paris: La Découverte.
- Vermeil, Edmond. 1948a. «Pourquoi la tentative de 1848 a-t-elle échoué en Allemagne?» // *Revue socialiste*, n. s., nos. 17—18 (January—February): 99—106.
- Vermeil, Edmond. 1948b. «Un Paradoxe historique: La Révolution de 1848 en Allemagne.» // *Le Printemps des peuples: 1848 dans le monde*, ed. F. Fejtö, 2:9—63. Paris: Éd. du Minuit.
- Veysey, Lawrence R. 1965. *The Emergence of the American University*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Veysey, Lawrence R. 1979. «The Plural Organized World of the Humanities.» // *The Organization of Knowledge in Modern America, 1860—1920*, ed. A. Oleson and J. Voss, 51—106. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Vidal, César. 1931. *Louis-Philippe, Metternich et la crise italienne de 1831—1832*. Paris: E. de Boccard.
- Vigier, Philippe. 1977. «Le Bonapartisme et le monde rural.» // *Le Bonapartisme, phénomène historique et mythe politique*, ed. K. Hammer and P. C. Hartmann, 11—21. Munich: Artemis Verlag.

- Villieus, Marc de Baron. 1910. Histoire des clubs de femmes et des Régions d'Auragones, 1793—1848—1871. Paris: Plon.
- Vincent, Gérard. 1987. Sciences Po: Histoire d'une réussite. Paris: Éd. Olivier Orban.
- Vincent, J. R. 1981. «The Parliamentary Dimension of the Crimean War.» Transactions of the Royal Historical Society, 5th ser., 31:37—49.
- Viner, Jacob. 1927. «Adam Smith and Laissez Faire.» // Journal of Political Economy 35, № 2 (April): 198—232.
- Viner, Jacob. 1949. «Bentham and J.S. Mill: The Utilitarian Background.» American Economic Review 39, № 2 (March): 360—382.
- Viner, Jacob. 1960. «The Intellectual History of Laissez Faire.» // Journal of Law and Economics 3 (October): 45—69.
- Vogel, Lise. 1983. Marxism and the Oppression of Women: Toward a Unitary Theory. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press.
- Von Laue, Theodore H. 1953. «The High Cost and the Gamble of the Witte System: A Chapter in the Industrialization of Russia.» // Journal of Economic History 13, № 4 (Fall): 425—448.
- Von Laue, Theodore H. 1961. «Russian Peasants in the Factory, 1892—1904.» // Journal of Economic History 21, № 1 (March): 61—80.
- Von Laue, Theodore H. 1964. «Russian Labor between Field and Factory, 1892—1903.» California Slavic Studies 3: 33—65.
- Vovelle, Michel. 1993. La Découverte de la politique: Géopolitique de la Révolution française. Paris: La Découverte.
- Waelti-Walters, Jennifer. 1990. Feminist Novelists of the Belle Epoque: Love as a Lifestyle. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Wagner, Donald O. 1931—1932. «British Economists and the Empire.» 2 pts. Political Science Quarterly 46, № 2 (June 1931): 248—276; 47, № 1 (March 1932): 57—74.
- Walker, Kenneth O. 1941. «The Classical Economists and the Factory Act.» // Journal of Economic History 1, № 2 (November): 168—177.
- Walker-Smith, Derek. 1933. The Protectionist Case, 1840—1846. Oxford: Basil Blackwell.
- Walkowitz, Judith R. 1982. «Male Vice and Feminist Virtue: Feminism and the Politics of Prostitution in Nineteenth Century Britain.» History Workshop Journal, № 13 (Spring): 79—90.
- Wallerstein, Immanuel. 1989. The Modern World-System. Vol. 3, The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730—1840s. San Diego: Academic Press.
- Wallerstein, Immanuel. 1995. «Three Ideologies or One? The Pseudo-Battle of Modernity.» // After Liberalism, 72—92. New York: New Press.
- Wallerstein, Immanuel, et al. 1996. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.
- Walmsley, Robert. 1969. Peterloo: The Case Reopened. Manchester, UK: Manchester Univ. Press.
- Ward, J. T. 1962. The Factory Movement, 1830—1855. London: Macmillan.
- Ward, J. T. 1973. Chartism. London: B. T. Batsford.
- Ward-Perkins, C. N. 1950. «The Commercial Crisis of 1847.» Oxford Economic Papers, n. s., 2, № 1 (January): 75—94.
- Ware, Vron. 1992. Beyond the Pale: White Women, Racism, and History. London: Verso.
- Washington, Joseph R., Jr., ed. 1984. Jews in Black Perspectives: A Dialogue. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson Univ. Press.

- Watson, George. 1973. *The English Ideology: Studies in the Language of Victorian Politics*. London: Allan Lane.
- Webster, C. K. 1925. *The Foreign Policy of Castlereagh, 1815—1822: Britain and the European Alliance*. London: G. Bell & Sons.
- Webster, C. K. 1931. *The Foreign Policy of Castlereagh, 1812—1815: Britain and the Reconstruction of Europe*. London: G. Bell & Sons.
- Wehler, Hans-Ulrich. 1970. «Bismarck's Imperialism, 1862—1890.» // *Past and Present*, № 48 (August): 119—155.
- Wehler, Hans-Ulrich. 1971. *Sozialdemokratie und Nationalstaat: Nationalitätenfrage in Deutschland, 1840—1914*. 2nd ed., rev. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Wehler, Hans-Ulrich. 1985. *The German Empire, 1871—1918*. Leamington Spa, UK: Berg.
- Weigall, David. 1987. *Britain and the World, 1815—1986*. New York: Oxford Univ. Press.
- Weil, Cdt. Maurice-Henri. 1919. *Metternich et l'Entente Cordiale, une dépêche inédite, les manœuvres et les inquiétudes du Chancelier*. Paris: Auguste Picard.
- Weil, Cdt. Maurice-Henri. 1921. *Guizot et l'Entente Cordiale*. Paris: Félix Alcan.
- Weill, Georges. 1913. «Les Saint-Simoniens sous Napoléon III.» // *Revue des études napoléoniennes*, 2e année, III (May): 391—406.
- Weill, Georges. 1924. *Histoire du mouvement social en France (1852—1924)*. 3rd ed, rev. Paris: F. Alcan.
- Weill, Georges. 1930. *L'Éveil des nationalités et le mouvement libéral (1815—1848)*. Paris: Lib. Felix Alcan.
- Weindling, Paul. 1989. «The „Sonderweg” of German Eugenics: Nationalism and Scientific Internationalism.» *British Journal for the History of Science* 22, pt. 3, № 74 (September): 321—333.
- Weingart, Pater. 1989. «German Eugenics between Science and Politics.» // *Science in Germany, The Intersection of Institutional Intellectual Issues*, ed. K. M. Olesko, 260—282. Osiris, 2nd ser., 6.
- Weisz, George. 1979. «L'Idéologie républicaine et les sciences sociales: Les durkheimiens et la chaire d'histoire d'économie sociale à la Sorbonne.» // *Revue française de sociologie* 20, № 1 (January—March): 83—112.
- Wengenroth, Ulrich. 1994. *Enterprise and Technology: The German and British Steel Industries, 1865—1895*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Werner, Karl Ferdinand. 1977. *Preface to Le Bonapartisme, phénomène historique et mythe politique*, ed. K. Hammer and P. C. Hartmann, ix—xii. Munich: Artemis Verlag.
- White, R. J. 1950. *Introduction to The Conservative Tradition*, ed. R. J. White, 1—24. London: Nicholas Kaye.
- White, R. J. 1973 [1957]. *Waterloo to Peterloo*. New York: Russell & Russell.
- Willard, Claude. 1965. *Le Mouvement socialiste en France (1893—1905): Les Guesdistes*. Paris: Éd. Sociales.
- Willard, Claude. 1971. *Le Socialisme de la Renaissance à nos jours*. Paris: Presses Univ. de France.
- Willard, Claude. 1978. *Socialisme et communisme français*. Rev. ed. Paris: Lib. Armand Colin.
- Williams, Glamor. 1980. «Wales: The Cultural Bases of Nineteenth and Twentieth Century Nationalism.» // *The Roots of Nationalism: Studies in Northern Europe*, ed. R. Mitchison, 119—129. Edinburgh: John Donald.
- Williams, Gwyn A. 1982. «Druids and Democrats: Organic Intellectuals and the First Welsh Radicalism.» // *Culture, Ideology, and Politics: Essays for Eric Hobsbawm*, ed. R. Samuel and G. S. Jones, 246—276. London: Routledge & Kegan Paul.

- Williams, Judith Blow. 1972. *British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750–1850*. Oxford: Clarendon Press.
- Williams, Raymond. 1983. *Culture and Society, 1780–1950*. With new preface. New York: Columbia Univ. Press.
- Williamson, Jeffrey G. 1962. «The Long Swing: Comparisons and Interactions between British and American Balance of Payments, 1820–1913.» // *Journal of Economic History* 22, №1 (March): 21–46.
- Willson, A. Leslie. 1964. *A Mythical Image: The Ideal of India in German Romanticism*. Durham, NC: Duke Univ. Press.
- Wilson, Charles. 1965. «Economy and Society in Late Victorian Britain.» // *Economic History Review*, n. s., 18, №1 (August): 183–198.
- Winterarl, Barry D., and Stanley N. Katz. 1987. «Foundations and Ruling Class Elites.» *Daedalus*, №1 (Winter): 1–39.
- Winch, Donald. 1963. «Classical Economics and the Case for Colonization.» *Economica*, n. s., 43rd year, vol. 30, №120 (November): 387–399.
- Winch, Donald. 1965. *Classical Political Economy and Colonies*. London: G. Bell & Sons.
- Winch, Donald. 1990. «Economic Knowledge and Government in Britain: Some Historical and Comparative Reflections.» // *State and Economic Knowledge: The American and British Experience*, ed. M. O. Furner and B. Supple, 40–47. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars; Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wittrock, Björn. 1993. «The Modern University: The Three Transformations.» // *The European and American University since 1800: Historical and Sociological Essays*, ed. S. Rothblatt and B. Wittrock, 303–362. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wolff, Richard J. 1986. «Christian Democracy and Christian Unionism in Italy, 1890–1926.» *Italian Quarterly* 27, №103 (Winter): 49–57.
- Wood, George H. 1909. «Real Wages and the Standard of Comfort since 1850.» // *Journal of the Royal Statistical Society* 72, pt. 1 (March 31): 91–103.
- Woolf, Stuart. 1989. «French Civilization and Ethnicity in the Napoleonic Empire.» // *Past and Present*, №124 (August): 96–120.
- Woolf, Stuart. 1991. *Napoleon's Integration of Europe*. London: Routledge, Chapman & Hill.
- Woolf, Stuart. 1992. «The Construction of a European World-View in the Revolutionary-Napoleonic Years.» // *Past and Present*, №137 (November): 72–101.
- Wright, Gordon. 1938. «The Origins of Napoleon III's Free Trade.» // *Economic History Review* 9, №1 (November): 64–67.
- Wright, H. R. C. 1955. *Free Trade and Protection in the Netherlands, 1816–30*. Cambridge: At the University Press.
- Wright, Vincent. 1975. «The Coup d'État of December 1851: Repression and the Limits to Repression.» // *Revolution and Reaction: 1848 and the Second French Republic*, ed. R. Price, 303–333. London: Croom Helm.
- Wurms, Renabe. 1983. «Kein einzig Volk von Schwestern: Frauenbewegung 1890–1914.» // *Geschichte der deutschen Frauenbewegung*, ed. F. Hervé, 41–83. Cologne: Pahl-Rugenstein.
- Yaari, Aryeh. 1978. *Le Défi national*. Vol. 1, *Les Théories marxistes sur la question nationale à l'épreuve de l'histoire*. Paris: Éd. Anthropos.
- Yaari, Aryeh. 1979. *Le Défi national*. Vol. 2, *Les Révolutions éclatées*. Paris: Éd. Anthropos.
- Yeo, Eileen. 1981. «Christianity in Chartist Struggle, 1838–1842.» // *Past and Present*, №91 (May): 109–139.

- Yeo, Eileen. 1982. «Some Practices and Problems of Chartist Democracy.» // *The Chartist Experience: Studies in Working-Class Radicalism and Culture, 1830–1860*, ed. J. Epstein and D. Thompson, 345–380. London: Macmillan.
- Yeo, Richard R. 1993. *Defining Science: William Whewell, Natural Knowledge and Public Debate in Early Victorian Britain*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Yeo, Stephen. 1977. «A New Life: The Religion of Socialism in Britain, 1883–1896.» *History Workshop*, № 4 (Autumn): 5–56.
- Zagatti, Paola. 1988. «Colonialismo e razzismo: Immagini dell'Africa nella pubblicistica postunitaria.» *Italia contemporanea*, № 170 (March): 21–37.
- Zak, L. A. 1971. «Die Grossmächte und die deutschen Staaten am Ende der napoleonischen Kriege.» *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 19, № 11, 1536–1547.
- Zeldin, Theodore. 1958. *The Political System of Napoleon III*. London: Macmillan.
- Zeldin, Theodore. 1959. «English Ideals in French Politics during the Nineteenth Century.» // *Historical Journal* 2, № 1, 40–58.
- Zeldin, Theodore. 1967. «Higher Education in France, 1848–1940.» // *Journal of Contemporary History* 2, № 3 (July): 53–80.
- Zeldin, Theodore. 1979. *France, 1848–1945. Vol. 1, Politics and Anger*. Oxford: Clarendon Press.
- Zévaès, Alexandre. 1953. «La Fermentation sociale sous la Restauration et sous la Monarchie de Juillet.» // *Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle*, n. s., 3, № 11 (July-September): 206–234.
- Ziolkowski, Theodore. 1990. *German Romanticism and Its Institutions*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Zolberg, Aristide R. 1972. «Moments of Madness.» // *Politics and Society* 2, № 2 (Winter): 183–207.
- Zolberg, Aristide R. 1999. «The Great Wall against China: Responses to the First Immigration Crisis, 1885–1925.» // In *Migration, Migration History, History: Old Paradigms and New Perspectives*, ed. J. L. Lucassen, 291–315. Bern: Peter Lang.
- Zubrzycki, J. 1953. «Emigration from Poland in the Nineteenth and Twentieth Centuries.» // *Population Studies* 6, № 3 (March): 248–272.
- Zylberberg-Hocquard, Marie-Hélène. 1978. *Féminisme et syndicalisme en France*. Paris: Anthropos.

УКАЗАТЕЛЬ

При составлении настоящего указателя некоторые термины были подвергнуты адаптации. Названия регионов внутри отдельных стран или континентов, имена монархов или президентов, а также события, группы и законы, имеющие отношение только к конкретной стране, сгруппированы в виде подпунктов к более значимому (родовому) термину. Однако заморские колонии и города, а также иные лица, помимо монархов и президентов, даны в качестве самостоятельных пунктов указателя. Кроме того, как самостоятельные пункты оформлены общие категории, которые могут быть использованы для рассмотрения явлений в рамках нескольких терминов, а пункты, имеющие отношения к разным нациям, например, договора и войны, расположены отдельно под своими наиболее распространенными названиями.

А

Абд-эль-Кадир — 101
Абель, Вильгельм — 74
Абенсуар, Леон — 226
Абердин, 4-й граф (Джордж Гамильтон Гордон) — 73, 150
Абрамс, Филип — 267, 296
Абиссиния — 150
Абсолютизм — xiv, 15, 27, 28, 29, 56, 73, 94, 100, 131, 169, 270
Австралия — 148, 238
Квинсленд — 143
Австрийские Нидерланды, см. Бельгия
Австрия, Австро-Венгерская империя — 46, 47, 74–76, 102, 104, 110, 112, 134, 140, 187, 215, 216, 224
Богемия — 111
избирательное право — 224
Иосиф II, император — 76
Агульон, Морис — 20, 127, 166
Агуэ, Жан-Пьер — 95
Адамс, Герберт Бакстер — 274
Адас, Майкл — 310, 313
Адлер, Лаура — 226, 228
Адрианопольский мир — 73
Ажерон, Шарль-Робер — 252
Азия — 32, 36, 313, 316
Восточная — xvii
Дальний Восток — 143

Южная — 250

Алеви, Эли — 11, 18, 21, 25, 46, 51, 52, 64, 83, 84, 85, 98, 102, 120, 134, 186, 187
Александр, Салли — 217
Алжир — 72, 73, 100, 101, 150, 252
Аллен, Энн Тейлор — 229, 235, 236, 237
Альберт, принц — 263
Альбистур, Маите — 223, 227
Альперин, Жан — 102
Амар, Андре 177
Америка (Американский континент, обе Америки), см. тж. Соединенные Штаты Америки (США) — xiii, xiv, xvi, 18, 34, 36, 69, 70, 116, 120, 154, 180, 196, 229, 249, 318
Испанская Америка — 66
Карибский бассейн — 154
Латинская Америка — 35, 51, 65, 68, 80, 131, 143, 309
Северная Америка — 64, 82, 116, 148, 189, 249, 252, 272, 293, 296, 323
Центральная Америка — 154
Южная Америка — 36, 51, 64, 65
Американская ассоциация за избирательное право для женщин (AWSA) — 241
Американская ассоциация политической науки (ААПН/APSA) — 309
Американская ассоциация социальной науки (AACH/ASSA) — 268
Американская социалистическая партия — 211

- Американская федерация труда — 211, 214
 Американская экономическая ассоциация (АЭА/АЕА) — 293
 Американский журнал социологии — 301, 302
 Американское социологическое общество 301
 Аминзаде, Рональд — 193
 Амстердам — 132
 Амьенская хартия — 213
 Англия, *см.* Великобритания
 Англо-китайские войны — 142
 Англо-турецкое торговое соглашение 1838 года — 142
 Англо-французский торговый договор (договор Шевалье-Кобдена) 1860 года — 124, 147
 Англосаксы — 251
 Андерсон, Бенедикт — 216, 246
 Андреуччи, Франко — 211
 Антверпен — 76, 79
 Антеджини, Алессандра — 228
 Антирасизм, *см.* Расизм
 Антисемитизм — 252
 Антисистемные движения — xvii, 187, 189
 Антиэтатизм, *см.* Этатизм
 Антропология — 259, 260, 310, 311, 312, 317, 319, 320
 Анфантен, Бартеlemi-Проспер — 126
 Аппоньи, Антуан, граф — 74, 102
 Аргентина (Республика Ла Плата) — 64
 Арийцы — 250, 296
 Аристократия — 19, 31, 47, 53, 56, 85, 87, 92, 93, 97, 109, 114, 116, 117, 180, 190, 195, 198, 202, 246, 272
 Армогат, Даниэль — 223, 227
 Арнольд, Мэтью — 263
 Арон, Реймон — 275
 Арриги, Джованни — vii
 Арсен, Поль — 77
 Археология — 279, 315
 Аскен, Эрве — 74
 Атеизм — 134
 Атлантический ежемесячник — 244
 Африка — 32, 68, 101, 313, 314
 Гвинейское побережье — 150
 Западная Африка — 150, 324
 колониальная схватка за Африку — xvii
 Южная Африка — 64, 215
 Ахен — 49, 65
- Б**
 Байдлмен, Патрик К. — 229, 233
 Байрон, Джордж Гордон, лорд — 64
 Байрош, Поль — 36, 38, 139, 140, 145, 146, 147
 Бакунин, Михаил — 200
 Баланс сил — 19, 49, 113, 148
 Балвер, Генри, лорд — 112
 Балибар, Этьен — 245
 Балканы, *см.* Европа
 Балланш, Пьер-Симон — 250
 Балмер, Мартин — 301, 302
 Банк Бельгии — 128
 Банк Франции — 130
 Баннерджи, Химани — 315
 Барзун, Жак — 67, 166
 Баркан, Элазар — 249
 Барр, Реймонд — 124
 Бастер, Альберт — 152
 Бастид, Поль — 6
 Басутоленд — 143
 Баш, Франсуаза — 237
 Бебель, Август — 208, 221
 Бедариде, Франсуа — 194
 Бедерман, Гейл — 251, 252, 253
 Безуча, Роберт Дж. — 94, 95, 96, 97
 Бейкер, Кейт Майкл — 169, 260
 Бейкер, Роберт — 114
 Бейли, С. А. — 32, 63, 149
 Беллони, Пьер Паоло — 212
 Белофф, Макс — 27, 104
 Бельгия — 21, 34, 35, 44, 73—83, 85, 85, 88, 99—101, 104, 121, 124, 128, 129, 134, 144, 175, 185, 203, 212, 224, 269
 Австрийские Нидерланды — 74, 75, 78
 Валлония — 76, 77, 79
 избирательное право — 212, 224
 Леопольд I — 81, 104, 128, 175
 Льеж — 75, 78
 Мехеленская школа — 79
 Фландрия — 74, 76
 Бендикс, Рейнхард — 200, 204
 Бенетон, Филипп — 4, 56, 164, 280
 Бенсон, Дональд Р. — 263
 Бентам, Иеремия — 9, 11, 12, 13, 19, 52, 63, 87, 118, 119, 135, 156, 161
 Бентамизм, *см. тж.* Великобритания — 135
 Берг, Барбара Дж. — 239, 242
 Берг, Максим — 217
 Берлин — 103, 290
 Бернал, Мартин — 68, 314, 315, 316
 Бернард, Джесси — 266
 Бернард, Л. Л. — 266
 Бернштейн, Эдуард — 208, 209, 211, 215
 Бертье де Совиньи, Г. — 5
 Бессемер, Генри, сэр — 123
 Бетли, Ян Анджей — 80, 81
 Беттс, Реймонд Ф. — 319
 Бёрджесс, Джон У. — 301, 305—308
 Бёрджесс, Кейт — 206

Бёрк, Питер — 163, 164, 279, 280
 Бёрк, Эдмунд — 4, 7, 15, 29, 103
 Бёрн, Дункан Л. — 148, 155
 Бёрн, У.Л. — 133, 134
 Бёртон, Антуанетта М. — 242
 Бигаран, Мария Пия — 237
 Биллингтон, Джеймс Х. — 3, 4, 28, 57, 66, 160, 174, 175
 Бинарные категории, см. Цивилизация / варварство
 Бирма, Нижняя — 143
 Бирмингем — 53
 Бисмарк, Отто фон — 43, 109, 154, 155, 159, 204, 208, 209, 271, 293
 Бичер, Генри Уорд — 241, 244
 Блан, Луи — 57, 71, 85, 100, 101
 Бланки, Луи-Огюст — 188
 Бланшар, Марсель — 109, 126
 Блокер, Джек С., мл. — 236
 Блондель, Леон — 101
 Блэкберн, Робин — 31, 32, 141, 181
 Блэндфорд, маркиз — 84
 Блю, Грегори — xiii, 316, 317
 Бойл, Джон У. — 50
 Бональд, Луи де — 10, 16, 17, 21, 27, 56, 57, 188, 248, 261, 294
 Бортолотти, Франка Пиерони — 224
 Ботрель, Ж.-Ф. — 195
 Боулер, Питер — 277
 Брайсон, Глейдис — 306
 Брайт, Джон — 87, 103, 148
 Браун, Уильям, коммодор — 64
 Браунинг, Элизабет Баррет — 151
 Бребнер, Дж. Бартлетт — 13, 20, 91, 118, 119, 133, 152
 Бриавойн, Натали — 74, 76, 124
 Бриггс, Аса — 52, 53, 60, 87, 88, 98, 117, 122, 151, 157, 190
 Бриджес, Эми — 190, 198, 204, 213
 Британская ассоциация за прогресс в науке — 263
 Бродер, Андре — 146
 Брок, У.Р. — 51, 52, 54, 60
 Брольи, герцог — 100
 Брон, Жан — 213
 Брувьё, Маринетт — 43, 132
 Брук, Тимоти — xiii
 Брупбакер, Фриц — 221
 Брусисты — 222, 223
 Брухэм, Генри, лорд — 322
 Брюа, Жан — 69, 96, 97, 186
 Брюун, Джеффри — 33
 Брюне, Жорж — 92
 Брюно, Фердинанд — 4, 258
 Брюно, Шарль — 4, 258

Брюссель — 77, 104, 130
 Бувье, Жан — 43, 132
 Буганвиль, Луи де — 150
 Бугле, Селестин — 226, 298
 Буильон, Жак — 106
 Буленвилье, Анри де — 362
 Булл, Джордж — 118
 Буль, Пьер — 248
 Бун, Х.Н. — 127
 Буонарроти, Филиппо — 70, 81
 Бурге, Мари-Ноэль — 247
 Бургиньон, Франсуа — 44, 45
 Буржен, Жорж — 70, 71, 106, 127, 137
 Буржуазия — 5, 17, 27, 69, 71, 72, 77, 78, 86, 92, 93, 106, 107, 109, 111, 126, 127, 146, 148, 158—160, 190, 195, 200, 208, 215, 224, 229, 246, 254, 257, 269, 295, 324
 Бутми, Эмиль — 303—307
 Бухарест — 201
 Буэнос-Айрес — 64
 Бьяджини, Эуженио Ф. — 120, 198
 Бьюэр, М.С. — 33
 Бэдджет, Уолтер — 121, 157
 Бэнкс, Оливия — 177, 225, 242
 Бэри, Дж.П.Т. — 102—104, 112
 Бэринги, банк Бэрингов — 60, 127
 Бюле, Мэри Джо — 244
 Бюрдо, Жорж — 132
 Бюхлер, Стивен М. — 241, 244

В

Вагнер, Дональд О. — 149
 Вайнгарт, Патер — 278
 Вайнер, Джейкоб — 12, 118
 Валетт, Алин — 217
 Валлерстайн, Иммануил — 4, 47, 91, 94, 133, 139, 141—143, 180, 182, 220, 245, 262
 Вальдек-Руссо, Пьер — 211
 Вальрас, Леон — 287
 Ван дер Линден, Марсель — 200, 209
 Ван Калкен, Франс — 78
 Ван Коль, Гендрик — 215
 Ван Россен, Роман — 270, 276
 Варшава — 106
 Ватерлоо — 26, 46, 53, 55, 64, 76
 Ватикан — 78
 Григорий XVI — 78
 Пий IX — 102
Mirari Vos [дивлюсь вам — лат.] (энциклика) — 78
 Вашингтон, столица США — 152
 Вашингтон, Букер Т., супруги — 243, 244
 Вебер, Макс — 261, 274—276, 296, 297, 300, 309

- Вейль, Жорж — 47, 66, 67, 81, 100, 127
 Вейль, Морис-Анри — 102
 Вейс, Жорж — 283, 288, 299
 Великая депрессия — 98, 131, 136
 Великобритания, см. тж. Гегемония — *passim*
 (во всей книге)
 аболиционистское движение — 31, 32, 141, 239, 240, 318
 Акт о заразных болезнях — 235
 Акт о здоровье и морали подмастерий (1802) — 61
 Акт о трудоустройстве бедняков (1817) — 61
 Акт о шахтах (1842) 133
 Акт об избирательной реформе (1867) — 155—158
 Акт об унии Великобритании и Ирландии (1800) — 82
 Акты о полиции (Полицейские акты) — 134
 Акты о продовольствии и медикаментах — 134
 Акты об общественном здоровье — 134, 165
 Англиканская церковь (Церковь Англии), англиканцы — 82, 148, 153
 Антикомбинационные акты — 30, 94, 133, 162, 190
 Банк Англии — 122
 Банковский акт (1844) — 122, 129
 «белые» переселенческие колонии / «белые» доминионы — 148, 203
 бентамиты, см. Утилитаристы
 Билль о десятичасовом рабочем дне — 98, 118, 133
 Билль о послаблении католическим диссидентам (1791) — 83
 Билль (акт) об избирательной реформе (1832) — 21, 84—88, 97—99, 117, 129, 155—157, 163, 191, 239
 британский мир (*Pax Britannica*) — 50, 147, 152
 бунт лорда Гордона — 53, 82
 великий Викторианский бум — 120, 122
 виги — 5, 18, 29, 30, 37, 52, 54, 61, 67, 82—87, 98, 104, 115, 117, 118, 142, 147, 157, 191, 269
 виговская, интерпретация истории — 52, 282
 Виктория (королева), Викторианская эпоха — 112, 120, 123, 132, 135, 142, 143, 162, 186, 198, 216, 225, 229, 242, 261, 263, 268
 «всемирный перевалочный пункт» — 119
 Джон Буль — 148
 «домашние графства» (графства вокруг Лондона) — 148
 закон о хозяевах и слугах (1844) — 98
 законы о бедных — 31, 61, 63
 избирательное право (право голоса) — 84, 87, 103, 155—158, 204, 215, 224, 229, 234, 239, 318
 Ирландия — 41, 44, 62—64, 82—84, 87, 99, 103, 104, 112, 134, 150, 166, 191, 193, 194, 216, 238, 252, 253, 277
 Земельные акты — 253
 ирландские рабочие в Англии — 62, 99
 «картофельный» голод — 103, 104
 католическая ассоциация — 83
 Ольстер — 41
 Пасхальное восстание — 216
 Принудительные законы — 191
 консерваторы, см. Тори
 Королевское общество — 260
 Ланкашир (Ланкастершир) — 38, 141, 142, 153
 Лейбористская партия — 87, 117, 205, 206, 224
 либералы, см. Виги
 Лига реформы — 156
 Лига справедливой торговли — 123
 луддиты — 30, 52
 Манчестерская бойня — 30, 53, 54, 60
 Манчестерская школа — 12, 153, 158
 «мастерская мира» — 37, 142
 методизм — 61, 86
 Министерство торговли (Торговое бюро) — 83, 140, 266
 младоанглизм (движение «Молодая Англия») — 147, 154
 Муниципальные акты — 98
 Навигационные акты — 83, 116, 148
 новые законы о бедных — 118, 134, 191
 неконформизм — 82, 190, 268
 норманнское иго — 245
 Ост-Индская компания — 113, 149, 150
 отмена скользящей шкалы в зерновой торговле (1846) — 116, 140
 Палата общин — 51, 84, 158, 185
 Пентричское восстание — 53
 Прерафаэлизм — 147
 Пресвитерианство — 148
 преференции для колониальных товаров — 139
 Спинхемлендская система — 133
 Стюарты — 48
 Тамвортский манифест — 113
 тори — 7, 18, 22, 30, 47, 48, 51, 52, 54—56, 61, 66, 70, 72, 82, 83, 85, 99, 114, 117, 118, 157, 158, 164, 165, 191, 195
 национальный торизм — 165
 пилизм — 165
 реакция тори — 18, 26, 51
 тори-евангелисты — 118
 тористская интерпретация истории — 52

- «трудящиеся тори» — 158
 утилитаристы — 11—13, 19, 20, 118, 120, 135, 156
 фабианство — 20, 135, 307
 Фабричные акты — 133, 162, 165
 финансовый кризис 1816 года — 42
 Флит-стрит — 151
 Хлебные законы (и их отмена) — 39, 41, 42, 52, 53, 62, 83, 88, 98, 103, 104, 113—118, 120, 129, 133, 140, 142, 147, 155, 163, 165, 234
 христианский социализм — 147, 165
 чартизм — 25, 86, 88, 98, 99, 103, 134, 151, 162, 163, 186, 187, 194, 195, 197, 205, 225, 226, 234
 «Шесть актов» — 53, 54
 Шотландия — 28, 32, 44, 60, 62, 63, 87
 равнинная — 148
 эмансипация католиков — 82—84
 Веллакотт, Жо — 237
 Веллингтон, герцог — 48, 61, 72, 73, 83—87, 99, 129, 165
 Вена — 46, 47, 49, 103, 104, 187
 Венский конгресс, Венский мир — 48, 58
 Венгрия — 112, 151, 185—187, 215, 216
 Венесуэла — 64
 Венеция — 75, 77, 132
 Венсан, Жерар — 303—305
 Веракрус — 154
 Вербье — 75
 Вериль, Жанна-Дезире — 226
 Верли, Патрик — 126
 Вермейль, Эдмон — 111
 Вернер, Карл-Фердинанд — 136
 Версаль — 160, 176, 303
 Вест-Индия — 113
 Видаль, Сезар — 47
 Виллерме, Луи-Рене — 96
 Вильмен, Абель-Франсуа — 248
 Вине, Эрнест — 304
 Включенное наблюдение — 312
 Вовель, Мишель — 28
 Вольтер — 175, 249
 Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) — 218
 Вторая мировая война — 33, 145
 Второй Интернационал — 207, 208, 215
 Вулф, Стюарт — 59, 138, 175, 183, 248
 «Высокие» банки — 130
- Г**
- Гайндман, Генри Майерс — 215
 Галифакс — 152
 Галларс, М. — 48
 Галлахер, Джон С. — 143
 Гамбия — 150
 Гамбург — 76, 77
 Гамильтон, Уильям, сэр — 262
 Ганнелл, Джон Дж. — 276, 309
 Гарден, Морис — 74
 Гарибальди, Джузеппе — 215
 Гарнье-Паже, Луи-Антуан — 92
 Гаторн-Гарди, Гаторн — 157
 Гаупт, Георг — 207, 215, 216
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 281, 316, 317
 Гегемония — xii, xiv—xvi, 22, 25, 26, 35, 46, 51, 64, 66, 99, 152, 323, 324
 американская — xii
 британская — 39, 46, 48, 69, 73, 110, 112, 121, 122, 138, 151, 159, 282, 324
 голландская — xii, xiv, 324
 Гед, Жюль и его последователи (гедисты) — 210, 211, 216, 217, 221, 223
 Гей, Питер — 257, 263, 270
 Гейер, Артур Д. — 36, 38
 Гексли, Томас Генри — 264
 Геокультура — xiii, xvi, 3, 4, 69, 113, 117, 229, 254, 276, 314, 320, 325
 Геополитика, см. Межгосударственная система
 Гениффи, Патрис — 171
 Гент — 75, 76
 Герар, Альбер — 127
 Германия (Германские государства) — 25, 31, 39, 50, 62, 69, 77, 82, 100, 103, 108, 111, 114, 124, 125, 140, 154, 155, 160, 166, 185—187, 191, 196, 198, 201, 203, 204, 207—210, 213, 215, 218, 220—222, 224, 228, 230, 232—235, 237, 243, 245, 246, 248, 259, 261, 266, 269, 270, 274, 278, 281—283, 285, 288, 289, 292, 293, 296, 300, 303, 304, 307, 315—317
 Бавария — 75, 140, 221
 Вильгельм I (кайзер) — 209—210, 274, 303
 избирательное право — 108, 204
 катедер-социалисты — 270, 300, 309
 нацисты — 250, 278
 Палатинат — 75
 Пруссия — 46, 47, 75, 140, 163, 221, 281, 289, 303
 Таможенный союз (*Zollverein*) — 140
 Франкфуртская ассамблея — 186, 221
 vaterlandlos [лишенные отечества — нем.]
 (в отношении социал-демократов) — 213
 Герц, Генриетта — 226
 Герц, Роберт — 299
 Гидденс, Энтони — 300
 Гиддингс, Франклин — 301
 Гилман, Шарлотта Перкинс — 242
 Гильбер, Мадлен — 217—220, 222
 Гильомен, Колетт — 245, 249, 277
 Гизо, Франсуа — 9—12, 29, 58, 70, 79, 91—94, 100—102, 107, 127, 136, 150, 161, 195, 246, 248, 282

- Гишен, Эжен де, виконт — 72—74, 79, 100
 Гладстон, Уильям Юарт — 42, 87, 135, 147, 215, 269
 Гобино, Жозеф-Артур де, граф — 246, 249, 252, 317
 Годешо, Жак — 174, 175
 Годкин, Эдвин — 268
 Голдмен, Лоренс — 157, 267—269, 271, 278, 285
 Голдфранк, Уолтер Л. — 295, 296
 Голландия, см. Нидерланды
 Голландская Ост-Индия — 76
 Гомперс, Сэмюэл — 214
 Гонконг, Коулун — 143
 Гонне, Поль — 70, 94
 Гордон, Х. Скотт — 287
 Гордон, Энн Д. — 240
 Гориэль, Бенджамин — 112
 Граждане, различение активных и пассивных граждан — xvii, 10, 28, 82, 88, 92, 136—138, 156, 158, 160, 169—254, 271, 325
 Грегуар, Анри-Жан-Батист, аббат — 180
 Грей, лорд — 81, 82, 85, 93
 Греция — 28, 51, 65, 66, 68, 69, 72, 73, 111, 166, 313, 314, 316
 Грили, Хорас — 240
 Гримм, Якоб — 250, 281
 Гриффит, Элизабет — 241
 Гриэр, Дональд М. — 103
 Гросс, Лео — 49
 Гроссман, Хенрик — 265, 287
 Грох, Дитер — 185, 198, 204, 209, 213
 Грэхэм, Джеймс, сэр — 103
 Грюнер, Вольф Д. — 46
 Гу, Барри — 147
 Гуж, Олимпия де — 178
 Гумбольдт, Вильгельм фон — 281
 Гэлбрейт, Джон С. — 148
 Гэш, Норман — 6, 18, 50, 51, 84, 85, 87, 93, 98, 103, 119, 152, 153, 163, 164, 194
 Гьюо, Раймон — 72, 80, 99, 100
 Д
 Д'Эглантин, Фабр — 177
 Дайси, Альберт Венн — 13
 Дания — 114
 Данхем, Артур Льюис — 145, 146
 Дарвалл, Фрэнк О. — 25, 37, 60, 162
 Дарендорф, Ральф — 307—309
 Даффи, А. И. П. — 206
 Дворкин, Энтони Гэри — 234
 Двух культур, концепция — 258—265
 Де Ламартин, Альфонс — 149
 Де Местр, Жозеф — 4, 56, 57, 92, 188
 Де Морган, Август — 261
 Дебс, Юджин В. — 241, 252
 Деванс, Луи — 228
 Девлишауэр, Роберт — 76
 Дегроат, Джудит Энн — 217
 Дейл, Питер Аллан — 264, 272
 Деиндустриализация, см. Индустриализация
 Де Ко, Шарль — 288
 Деколонизация — xiii, xvi, 63, 82
 Декуан, Ришар — 303, 305
 Делаив, Виктор — 2
 Делакампань, Кристиан — 248
 Делакруа, Эжен — 218
 Деманжеон, Альбер — 28, 76
 Демулен, Робер — 35, 77—80
 Демьер, Фрэнсис — 144
 Дерби, лорд, Фредрик Стенли, 16-й граф Дерби — 157
 Дерен, Пьер-Жак — 193
 Деруан, Жанна — 227, 228
 Деспотизм — 10, 18, 19, 27, 58, 64, 70, 78, 114, 149, 270, 315, 317
 просвещенный, см. тж. Консерватизм — 19
 Дешарно, Бодуэн — 315
 Джадт, Тони — 193, 217
 Джаявардена, Кумари — 243
 Джевонс, Уильям Стэнли — 134, 289
 Джейкоб, Уильям — 266
 Дженкс, Лиланд Х. — 51, 59, 103, 130, 131, 140, 149
 Дженнингс, Луис Дж. — 114
 Джервис, Роберт — 46
 Джереми, Дэвид — 41
 Джилрой, Пол — 246, 250, 251
 Джири, Дик — 189, 191, 198, 201, 208
 Джонс, Томас — 315
 Джонс, Уильям — 315
 Джонс Хопкинс, университет — 293, 301
 Джонсон, Кристофер Х. — 34, 72, 102
 Джонсон, Ричард — 162
 Джонстон, Хью Дж. — 62
 Джордан, Уинтроп Д. — 249, 250
 Джордж, М. Дороти — 30
 Джордж, Маргарет — 177—179
 Джорджевич, Димитрие — 187
 Джоунс, Гэрет Стедман — 98, 190, 191, 194, 196, 197, 203, 216
 Диббл, Вернон — 302
 Дизраэли, Бенджамин — 117, 142, 153, 155—158, 163, 165, 204, 205
 Дийкстра, Сандра — 227
 Дикон, Десли — 238
 Дин, Филлис — 38

Договор Идена (1786) — 139
 Доллеан, Эдуард — 71, 97, 191, 194, 197
 Домар, Аделин — 69, 71, 92—94, 102, 132, 138
 Донн, Гедвига — 230
 Донзело, Жак — 29, 137, 236
 Дорфман, Йозеф — 270, 297, 301
 Дрешер, Сеймур — 141
 Дроз, Жак — 185, 186
 Друа, Роже-Поль — 316
 Дубофски, Мелвин — 211
 Дутлас, Фредерик — 241
 Дуэ, Поль-Мари — 186
 Дхондт, Жан — 76, 102
 Дэвис, Мэри — 251
 Дьюба, Элвин Кэрл — 233
 Дювержер, Морис — 109, 137
 Дюпон де Немур, Пьер-Самюэль — 181
 Дюпюи, Шарль — 49
 Дюркгейм, Эмиль 297—300
 Дюрюи, Виктор — 288

Е

Евгеника — 235, 243, 276—278
 Евреи — 176, 232, 245, 246, 249
 Европа — 25, 28, 32—34, 36, 39, 46, 47, 49, 50, 58, 64—66, 68, 69, 73, 77, 80—82, 85, 99—106, 108, 110, 112, 113, 121, 123, 129, 132, 134, 136, 138—140, 142, 144, 145, 147, 152, 154, 158, 160, 166, 173, 183, 185—187, 203—205, 225, 228, 231, 247—251, 258, 259, 277, 281, 300, 305, 310—318, 323
 Балканы — 65, 187
 Восточная — 116, 166
 Западная — xiv, 4, 33, 35, 36, 39, 106, 116, 119, 130, 152, 159, 189, 212, 215, 248
 континентальная — 35, 36, 130, 154, 200 205
 революции 1848 года, см. тж. Франция, Революция 1848 года — 12, 20, 66, 101, 103—106, 108, 112, 113, 126, 128, 134, 149, 184—197, 202, 228, 281
 романоязычная — 133
 Северная (Скандинавия) — 111, 309
 северо-западная — 81, 114, 116
 Центральная — 125, 166, 189, 245
 Южная — 28, 111, 196
 Европейский концерт, см. Венский конгресс, Венский мир
 Египет — 68, 131, 256, 313—317

Ж

Жакемен, Гильом — 78
 Жакерии — 110
 Жарден, Андре — 27, 100
 Жардин, Никола — 260

Женщины, женские движения — ii, 12, 95, 105, 118, 171, 172, 175—179, 183, 207, 214, 217—247, 251—254, 325
 движения за трезвость — 236, 240, 251
 «политика бреши» и «политика нападения» — 233
 Жиль, Бертран — 40, 125, 128, 130
 Жирар, Луи — 109
 Жор, Леонс — 150, 151
 Жорес, Жан — 182

З

Зауэрцапф, Рудольф — 208
 Зельдин, Теодор — 55, 107, 109, 138, 163
 Золотой берег — 143
 Золотой стандарт — 59, 60, 113, 122, 129
 Зондербунд — 102

И

Иггерс, Георг Г. — 21, 92, 281
 Игнатев, Ноэль — 252
 Идеологии — xvii, 3—24, 27—30, 32, 37, 43, 51, 91, 109, 132, 134, 140, 146—148, 163—166, 169, 173, 182—184, 187—188, 190—192, 198, 209, 235, 238, 245, 246, 248, 251, 253, 257, 258, 260, 266, 278, 292, 298—300, 313, 323, 325
 Избирательное право (право голоса), см. тж. соответствующие пункты в: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Россия, Соединенные Штаты Америки (США) — 12, 18, 19, 29, 88, 105, 155—157, 162, 171, 208, 224, 225, 233, 234, 244, 271, 284
 способность (компетентность) как основа права голоса — 10, 171
 Илеш, Дэвид — 266
 Илиасу, А.А. — 146
 Имла, Альберт Х. — 36, 37, 40—42, 50, 64, 122, 146, 152
 Индийский океан — 150
 Индия, Индийский субконтинент — xvi, 35, 68, 141, 143, 149, 150, 232, 315—317, 324
 Ауд — 143
 Берар — 143
 восстание сипаев — 148
 министерство по индийским делам — 150
 Пенджаб — 143
 Индоевропейские языки — 250, 315, 316
 Индустриализация — xii, 34—36, 40, 43, 75, 82, 123, 143, 193, 197, 204, 208, 220, 229, 266
 «отрыв» (концепция экономического роста) — 43, 76
 Индустриальные рабочие мира (движение) — 211
 Иностранцы, см. Чужестранцы
 Институт политических исследований (ИПИ) (парижский), см. *Sciences Po* («Сьянс По»)

- Ипотечные банки — 129
 Ирвинг, Вашингтон — 148
 Ирландия, см. Великобритания
 Испания — 4, 5, 21, 28, 49—51, 54, 62, 64—66, 74, 81, 110—112, 142, 151, 154, 193, 195, 211, 245
 Карлисты — 81
 кортесы — 4, 5, 112, 174
 Фердинанд VII — 5
 Историзм — 22, 282, 292
 История (как наука или сфера гуманитарной деятельности) — 257, 258, 260, 262, 263, 265, 275, 278—284, 286, 290, 293, 300, 301, 305, 306, 308, 309, 314, 325
 История как богослужение (*Gottesdienst*) (у Л. фон Ранке) — 280
 Италия (итальянские государства) — 28, 50, 55, 64, 69, 73, 96, 100, 110, 112, 125, 137, 146, 149, 151, 166, 173, 174, 185—187, 203, 211, 212, 221, 223, 224, 228, 232, 237, 246, 259, 269, 281, 309, 315
 избирательное право (право голоса) — 223
 карбонарии — 73
 Неаполь — 54, 112
 Пьемонт — 73, 74, 97, 144
 Рисорджименто — 211
 Савойя — 73, 96
 северная и центральная — 110
 Сицилия — 112
 южная — 28
- Й**
 Йео, Ричард Р. — 260, 264
 Йео, Эйлин — 195
- К**
 Кабе, Этьен — 102
 Кавеньяк, Луи-Эжен, генерал — 106, 107
 Кайндлбергер, Чарльз П. — 40, 136, 140
 Калаора, Бернард — 295
 Калифорнийский университет Беркли — 318
 Каллен, Майкл Дж. — 266, 267
 Калхун, Крейг — 189, 192
 Камерализм — 288, 305
 Канада — 83, 116, 148, 151, 211, 212
 Британская Колумбия — 143
 Виктория — 103
 Квебек — 82
 Либеральная партия Канады — 212
 Ньюфаундленд — 83
 Каннинг, Джордж — 64—66, 70, 80, 153
 Каннингем, Уильям — 37, 139, 290
 Каннингем, Эндрю — 260
 Кантимори, Делио — 21, 110, 112
 Каплан, Стивен Л. — 4, 182
 Каради, Виктор — 282, 299
 Карлайл, Роберт Б. — 126
 Карлейль, Томас — 22, 67, 147, 261, 264
 Карлсон, Эндрю Р. — 207
 Каррер д'Анкокс, Элен — 175
 Касалини, Мария — 232
 Каслри, Роберт Стюарт, виконт — 5, 46—48, 50, 64, 65
 Католицизм 55, 59, 77—79, 82—84, 87, 134, 179, 238, 295, 313
 Католический университет (парижский) — 288
 Каутский, Карл — 208, 209, 211
 Кацнельсон, Ира — 134
 Кейдер, Чаглар — 36, 43, 44
 Кейдиш, Эйлон — 289
 Кейлор, Уильям Р. — 283
 Кейн, Барбара — 230, 235
 Кейн, П. Дж. — 41, 140
 Кейнс, Джон Мейнард — 135, 257
 Кейрнкросс, А. К. — 133
 Кейхилл, Джилберт А. — 134
 Кембриджский университет — 289, 290, 292, 315
 Кёльн — 270
 Келли, Джоан — 179
 Кемп, Бетти — 115, 120
 Кемп, Том — 127, 137
 Кеннеди, Мэри — 224
 Кенни, М. Р. — 234
 Килмуйр, Дэвид Максвелл Файф, лорд, 1—й граф Килмуйр — 165
 Кингсли, Чарльз — 165
 Кили, Грегори С. — 212
 Киссинджер, Генри А. — 8, 47, 50
 Китай — 36, 68, 142, 145, 150, 153, 214, 215, 237, 313, 316—318
 Китсон Кларк, Дж. — 52, 104, 114, 115, 117, 120, 135
 Кларк, Джон Бейтс — 274
 Кларк, Терри Н. — 297, 298
 Классика — 67, 68, 262, 314, 315, 318
 Классовый конфликт, классовая борьба — 91—169, 182, 201, 214, 223, 225, 248, 252, 264, 270
 Классы
 господствующие (доминирующие) группы (страты) — 53, 60, 86, 87, 179, 180, 199, 202, 212, 213, 243, 246, 283, 294, 304
 «опасные» — 31, 32, 88, 106, 155, 156, 160, 161, 165, 169, 213, 247, 284
 средние, см. Буржуазия
 трудящиеся
 рабочие 29—31, 44, 52, 54, 60, 61, 63, 69—71, 86, 88, 94, 96—99, 101, 102, 108, 110, 113, 117, 122,

- 132, 133, 137, 141, 157—159, 162, 163, 165, 172, 185, 189—193, 196—199, 201—204, 206, 209—217, 224, 225, 226, 229, 234, 238, 269, 270, 272, 276, 283, 284, 295, 326
ремесленники 94—96, 105, 106, 186, 190, 192, 193, 196, 198, 199, 205, 208, 213, 217
- Клейман, Лоренс — 224, 232
- Клейнау, Элке — 217
- Клеменс, Барбел — 230
- Клима, Арност — 111
- Клэпхэм, Дж. Х. — 48, 53, 59, 62, 120—123, 133, 134, 140, 155
- Книбилер, Ивонна — 179, 236
- Книс, Карл — 293
- Кобб, Ричард — 182
- Коббан, Альфред 195
- Кобден, Ричард — 103, 115, 120, 121, 140, 142, 144, 148
- Козер, Льюис — 299, 300
- Койре, Александр — 294
- Колаковский, Лешек — 21
- Колби (колледж) — 301
- Коллеж де Франс — 260
- Коллинз, Генри — 215
- Коллинз, Ирен — 93
- Коллонтай, Александра — 224
- Колониальная схватка, см. Африка
- Колчестер, лорд — 53
- Кольбер, Жан-Батист — 74, 136
- Кольбертизм — 132
- Колмен, Х. — 44
- Колумбийский университет — 302, 305—308
- Коммонз, Джон Р. — 212, 214
- Коммунизм — 92, 99, 103, 104, 110
- Компетенция (как критерий принятия решений) — 268, 272, 273, 292
- Кондлифф, Дж. Б. — 33, 36, 50, 145, 148, 149
- Кондорсе, Жан-Антуан-Николя де Капита де, маркиз — 176, 260, 265, 285
- Кондратьевские циклы — 113, 120, 123, 139, 324
- Коннолли, Джеймс — 216
- Консерватизм — xvii, 5—9, 14, 16, 18, 19, 22, 61, 103, 117, 161, 163—166, 179, 188, 257, 296, 299, 300, 325
просвещенный — 155
- Констан, Бенжамен — 4, 9, 27, 29
- Константин, великий князь — 74, 80
- Константинополь — 66, 85
- Конт, Огюст — 27, 81, 294, 304
- Континентальная блокада — 75, 113, 139, 143
- Конце, Вернер — 185, 198
- Корнарт, Эмиль — 91
- Королевское статистическое общество — 219
- Коттеро, Ален — 210
- Коул, Дж. Д. Х. — 16, 60, 92, 126, 150, 186, 205
- Коул, Стефен — 268
- Коул, Джуан — 313
- Коулмен, Брюс — 53, 121, 123, 165
- Коутс, Альфред Уильям — 289, 293
- Коутс, С. Э. — 289
- Коутс, Уилсон Х. — 135
- Коцка, Юрген — 186, 192, 196, 198, 199
- Кочин — 153
- Кочрейн, Томас, 10-й граф Дандоленд — 64
- Козн, Уильям Б. — 250, 252
- Козн, Филип Н. — 242
- Крайбекс, Ян — 75
- Краков — 102
- Крауч, Р. Л. — 162
- Крафтс, Н. Ф. Р. — 45
- Крейдитор, Эйлин — 241, 242, 244
- Крестьяне — 43, 44, 57, 63, 96, 105, 109, 125—127, 216
- Крефельд — 75
- Крехе, Энно Э. — 46
- Кригель, Анни — 200, 201
- Крик, Бернард — 7, 302, 307, 308
- Кристина Пизанская — 179
- Кроукер (Крокер), Джон Уилсон — 114
- Кроче, Бенедетто — 73, 94
- Крузе, Франсуа — 35, 45, 75, 144
- Крупская, — Н. К. 224
- Крюгер, Дитер — 269
- Крус Сеоане, Мария — 4, 174
- Крымская война — 122, 151—154, 215, 268
- Крэнборн, лорд, 3-й маркиз Солсбери — 157
- Куба — 154
- Кузен, Виктор — 248
- Кулешова, Анна — 223, 224
- Кульштайн, Давид И. — 137, 138
- Кумар, Кришан — 197
- Куотерт, Жан — 218, 220, 221
- Курио, Эмма — 223
- Куси, Жан — 124, 146
- Кэмерон, Рондо И. — 35, 36, 40, 44, 128—130, 144, 145
- Кэмпбелл, Стюарт Л. — 107, 109
- Кэтт, Кэрри Чепмен — 240
- Кэшдоллар, Чарльз Д. — 263
- Л**
- Лабриола, Антонио — 211
- Лабрусс, Эрнест — 70, 91, 102, 106, 120, 169, 179, 185, 190, 200
- Ла Валетт, герцог — 64
- Лagos — 143

- Лакруа, Бернар — 297, 297
 Ламеннэ, Юг-Фелисите-Робер де — 27, 78, 79
 Лангевеише, Дитер — 204, 271
 Ланжюине, Жан-Дени — 178
 Ла Плата, см. Аргентина — 64
 Лассаль, Фердинанд — 218
 Лафайет, маркиз, де — 73, 74, 80
 Ле Ван-Мель, Люсетт — 287, 288
 Ле Бон, Гюстав — 247
 Лебрюн, Пьер — 74–76
 Левант — 143
 Левассёр, Эмиль — 96, 97, 100
 Леви, Дарлин Гей — 176, 178, 179
 Леви-Лебойе, Морис — 33–36, 43, 44, 130, 144
 Легуве, Эрнест — 230
 Ледрю-Ролан, Александр-Огюст — 107, 112
 Лейдлер, Дэвид — 59
 Леклерк, Жан-Теофиль — 178
 Лекюйер, Бернар-Пьер — 56
 Ленин, В. И. — 215
 Ленинг, Артур — 186
 Леон, Пьер — 135
 Лепенис, Вольф — 258, 261, 298
 Лесли, Р. Ф. — 74, 113
 Лефковиц, Мэри Л. — 314
 Лешар (гравёр) — 90
 Ли, Ричард Л. — 262
 Лиар, Луи — 297
 Либкнехт, Карл — 208
 Ливерпуль, лорд (Роберт Дженкинсон) — 52, 62
 Лиддингтон, Джилл — 224
 Лидс — 53
 Лимбург — 83
 Линденлауб, Дитер — 269–271
 Линдерс, Эльза — 243
 Линдхольм, Марика — 244
 Линней, Карл — 276
 Лион — 69, 70, 74, 90, 95, 96, 161, 190
 Липсет, Сеймур Мартин — 211
 Лис, Кэтрин — 76
 Лиссабон — 70
 Лист, Фридрих — 121, 123
 Лихтхайм, Георг — 80¹, 186, 191
 Ллойд Джордж, Дэвид — 87
 Ловетт, Клара М. — 173, 186, 187
 Локк, Джон — 190, 318
 Ломброзо, Чезаре — 232, 319
 Лонге, Жан — 208
 Лондон — 53, 80, 112, 137, 142, 148, 150, 208, 244
 Гайд-парк — 156
 Лондонский университет — 261
 Лоренц, Отто — 298
 Лоример, Дуглас А. — 276, 277, 318
 Лоуи, Теодор Дж. — 309
 Луддизм, см. тж. Великобритания, луддизм — 30, 52, 78, 189
 Луццатто, Джино — 111
 Льеж, см. Бельгия, Льеж — 75, 78
 Льюис, Жан — 93
 Льюис, Гордон К. — 220, 249
 Льюис, Джейн — 235
 Льядоноса, Мануэль — 196
 Лэндес, Джоан Б. — 175, 177, 179, 182, 229
 Лэндес, Дэвид С. — 40, 127
 Лэш, Кристофер — 251
 Люксембург — 83
 Люцерн — 102
- ### М
- Мадзини, Джузеппе — 96, 111, 186
 Мазур, Огюст — 72, 73
 Майерс, Джон Линтон — 318
 Макбрайд, Эрнест — 277
 Макгрегор, бригадный генерал — 64
 Макгрегор, О. Р. — 268
 Макдонах, Оливер — 52, 135, 253
 Маккаллох, Дж. Р. — 62, 292
 Маккензи, Роберт — 157
 Макклелланд, Чарльз И. — 262, 280
 Макклоски, Дональд Н. — 37, 147
 Маккорд, Норман — 113, 115, 117
 Макларен, Ангус — 235
 Макмиллан, Джеймс Ф. — 222, 227, 232
 Маколей, Томас Бэбингтон — 118
 Мальтус, Томас — 13, 62
 Манакорда, Гастон — 207
 Манчестер, см. тж. Великобритания — 30, 34, 41, 53, 76, 147, 153, 234
 Манчестерская статистическая ассоциация — 266
 Мануэль, Фрэнк И. — 248
 Марат, Жан-Поль — 180
 Маричаль, Хуан — 4, 5, 9, 58, 119, 133, 290
 Маркизские острова — 150
 Маркович, Тихомир — 35, 38, 40, 102, 124
 Маркс, Гарри Дж. — 209
 Маркс, Карл — 17, 68, 91, 103, 125, 157, 182, 190, 192, 200, 202, 207, 220, 252, 282, 316
 Марксизм — 21, 22, 92, 196, 200, 201, 203, 206–211, 220, 232, 270, 291
 Марокко — 215
 Марраст, Арман — 105, 106
 Марчевский, Жан — 43, 124
 Мартино, Гарриет — 226

- Маршалл, Альфред — 19, 119, 133, 287, 289, 290, 291, 297
- Массон, А. И. — 41, 139, 198
- Матиас, Эрик — 209
- Маз, Франсина — 316
- Межгосударственная система — 26, 131, 138
- Международная ассоциация за прогресс социальных наук — 269
- Мейгро, Роджер — 126
- Мейлони, Джон — 278, 291
- Мейсон, И. С. — 20
- Мейсонье, Симон — 20
- Мексика — 154, 214
- Максимилиан фон Габсбург, император Мексики, эрцгерцог — 154
- Мехико — 154
- Сулоага, Феликс Мария, президент Мексики — 154
- Меллон, Стэнли — 56—58, 78
- Меллор, Дж. Р. — 113
- Мель, Вильям — 210
- Менгер, Карл — 290
- Мендель, Грегор — 277
- Меррилл, Линн Л. — 319
- Мерримен, Джон М. — 107
- Местро (директор департамента колоний Франции) — 106
- Меттерних, Клеменс Венцель фон, князь — 7, 8, 25, 47, 49, 50, 54, 55, 65, 81, 102, 104, 128, 138, 188
- Мёрену (французский консул на Таити) — 150
- Мигел, дон, правитель Португалии — 81
- Миграция — 40, 41, 45, 61—63, 69, 75, 95, 133, 193, 199, 212—214, 218, 242, 244, 254
- Мик, Рональд Л. — 286, 319
- Миллар, Джон — 285
- Милль, Джеймс — 62—63, 171, 315
- Милль, Джон Стюарт — 20, 86, 104, 105, 117, 120, 123, 149, 225, 248, 272
- Милуорд, Алан С. — 75, 76, 82
- Минк, Гвендолин — 238
- Миног, К. Р. — 8
- Мировые религии — 311
- Мишле, Жюль — 178, 232, 232, 248
- Младогегельянцы — 92
- Мозес, Джон А. — 207
- Мозес, Клар Гольдберг — 179, 226, 227, 234
- Мозес, Уилсон Дж. — 243, 244
- Мок, Вольфганг — 249
- Мокир, Джоэл — 75, 126, 146
- Мольке, Гельмут Бернхард фон, граф — 153
- Молуккские острова — 150
- Моммзен, Ханс — 190
- Моно, Габриэль — 283
- Монлозье, Франсуа-Доминик де Рейно де, граф — 246
- Монтгомери, Дэвид — 213
- Монтескьё, Шарль-Луи-Секондат, барон — 246
- Монцони, Анна — 224
- Моравские братья — 31
- Моразе, Шарль — 109
- Морли, Джон — 248
- Морли, Чарльз — 80
- Мосс, Бернард Х. — 94, 192, 193, 198, 199, 210
- Мосс, Джордж Л. — 114, 117, 236, 252, 253
- Мосс, Марсель — 299
- Мур, Дэвид Крисэп — 84, 88, 114, 115, 157
- Мур, Дэвид Чиони — 314
- Мур, Р. Дж. — 149
- Мурад Бей — 256
- Мурхаус, Х. Ф. — 199, 204
- Мэннинг, Д. Дж. — 5, 8, 10, 20, 257, 282
- Н
- Най, Джон Винсент — 40, 42, 126, 146
- Най, Роберт А. — 230, 237, 247
- Найт, Дэвид — 264, 265
- Нанкинский договор (британско-китайский) — 150
- Наполеон Бонапарт, см. Франция, Наполеон Бонапарт
- Нарваз, Рамон Мария, генерал, 1-й герцог Валенсия — 111, 112
- Нассау-старший, Уильям — 118, 119, 133
- Наука (естественная) — 258—265, 279, 286, 319
- Науки о духе — 279
- Национализм, см. Нация
- Национальная ассоциация американских женщин за избирательное право (NAWSA) — 234, 241
- Национальная ассоциация по развитию социальных наук, см. тж. Ассоциация социальной науки (АСН) — 199, 267
- Национальная федерация женских клубов — 243
- Национальные и национально-освободительные движения, см. Нация
- Нация, национализм — xvii, 31, 32, 66, 68, 69, 78, 83, 99, 105, 107, 111, 134, 138, 153, 159, 166, 174—176, 185—187, 189, 206, 215, 245, 249, 253, 257, 274, 277, 300
- Неаполь, см. Италия, Неаполь
- Немецкое социологическое общество — 309
- Неравенство, см. Равенство
- Нессельроде, граф — 80, 81
- Нибойе, Евгения — 228
- Нибур, Бертольд — 281
- Нидерландско-бельгийский договор 1831 года — 129

Нидерланды — 74, 76—79, 83, 100, 114, 129, 144, 203, 269, 309, 324
 Вильгельм I, король Нидерландов — 77—79, 128, 129
 Оранский дом — 79, 80
 Николсон, Гарольд — 47, 48
 Нисбет, Роберт А. — 5, 17, 21, 294, 300
 Нил, Р.С. — 148
 Нипперди, Томас — 279
 Ницца — 146
 Новая Зеландия — 143, 150
 Новая Каледония — 150
 Новик, Питер — 275, 280
 Новые Гебридские острова — 150
 Нолан, Мэри — 209
 Нора, Пьер — 174
 Ньюболд, Дж. Т. Уолтон — 131
 Ньюмарк, Уильям — 133
 Ньюмен, Джеральд — 29
 Ньюмен, Джон Генри — 263
 Ньюмен, Эдгар Леон — 71, 96

О

Общества взаимопомощи — 69, 94, 95, 193, 198, 219
 Общество социальной экономии (французское) — 295
 О'Бойл, Линор — 195
 О'Брайен, Бронтер — 190
 О'Брайен, Патрик — 36, 43, 44
 О'Коннелл, Дэниэл — 83, 193, 252
 О'Коннор, Фергюс — 99
 О'Нил, Уильям Л. — 225, 228, 240, 241, 244
 Обершаль, Антони — 270, 293, 301, 302
 Озер, Анри — 261, 262, 282
 Океания — 64
 Оклер, Юбертина — 222, 227, 229, 232, 233
 Оксфордский университет — 248, 262, 315
 Олкотт, Тереза — 219
 Ориентализм — 257, 310, 313—315, 317
 египтология — 313, 314
 индология — 315—316
 Ортега Лопес, Маргарита — 229
 Осман, Жорж-Эжен, барон — 129
 Османская империя — xvi, 50, 65, 66, 100, 142, 151, 152, 314, 324
 Остлер, Ричард — 165
 «Отрыв» (концепция экономического роста), см. Индустриализация
 Оугл, Уильям — 219
 Оуэн, Роберт, и его последователи — 61, 225, 226
 Оффен, Карен — 220, 227, 230—232

П

Пальмад, Ги-П. — 107, 124, 125
 Пальмерстон, Генри Джон Темпл, виконт — 99, 102—105, 111, 112, 141, 151, 153, 157
 Панамский канал — 126
 Панкхёрст, Эммелин — ii
 Париж — 64, 71, 73, 74, 77, 80, 93, 95, 96, 101—106, 109, 125, 128—130, 159, 176—178, 180, 181, 191, 215, 217, 223, 228, 295, 297, 302, 303, 306—308
 Паркер, С. Дж. У. — 245, 277
 Паррис, Генри — 13, 134
 Паулет, Джордж, лорд — 150
 Пейеримхофф, Анри де — 132
 Пейн, Томас — 190
 Пеллинг, Генри — 190
 Первая мировая война — 121, 123, 155, 203, 207, 214, 237, 244, 257, 281, 293
 Первый Интернационал (Международная ассоциация рабочих) — 137, 200—202, 214, 218
 Перейры, Исаак и Эмиль (братья Перейры) — 126, 129, 132, 159
 Пернамбуку — 70
 Перро, Мишель — 201, 211, 223, 227, 229, 234, 248
 Петерс, Луиза-Отто — 232
 Пёркин, Харольд — 13
 Пёркинс, Декстер — 64
 Пёрлмен, Зелиг — 214
 Пигмен, Джеффри Аллен — 144
 Пиль, Роберт, сэр — 21, 61, 84, 93, 103, 104, 114—116, 129, 140, 163, 165
 Пинкни, Дэвид Х. — 71, 72
 Пинчбек, Айви — 220
 Питкэрн — 148
 Питт, Уильям, младший — 29, 30, 59
 Пламенац, Джон — 14, 91, 97, 107, 109, 137, 158—160, 192
 Плейс, Фрэнсис — 85, 129
 Плесси, Ален — 124, 126, 130
 Плессен, Мари-Луиза — 270, 271
 Плеханов, Г. В. — 92
 Плэтт, Д. С. М. — 142, 143
 Познань — 149
 Поланьи, Карл — 13, 50, 113, 133, 140, 151
 Полиньяк, Жюль де, князь — 72, 101
 Политика, участие народа в политике — ix, xvii, 3—12, 14—21, 25—29, 31, 42, 45—48, 50—52, 54—62, 65, 69—74, 76, 78—80, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 91—117, 119, 121, 124—126, 128, 129, 131, 134, 137—146, 148, 149, 154—161, 163—166, 169—174, 176—181, 183, 184, 186, 187, 189—192, 194—200, 202—204, 206—213, 215, 216, 220—223, 225, 228, 230—233,

- 235, 237—239, 241, 242, 258, 259, 272—276, 285, 287, 291—295, 297—310, 312—314, 318
- Политическая наука (политология) — 284, 285, 301—309
- Политическая экономия, см. Экономика
- Поллард, Сидни — 81, 105
- Польша — 80, 81
- Поляков, Леон — 245, 246, 249, 251
- Понтейль, Феликс — 69, 76, 78, 82
- Попелиньер, Ланселот-Вуазен де — 279
- Портал, Магда — 227
- Португалия — 21, 28, 51, 64, 81
- Постгейт, Реймонд — 67
- Поттс, Дэвид Б. — 301
- Прайс, Роджер — 72, 105, 108
- Пребиш, Рауль — xiv
- Причард, Джордж — 150
- Прокаччи, Джульано — 211
- Проктор, Роберт Н. — 261, 274, 275
- Промышленная революция — xiii, xv, xvi, 11, 14, 45, 76, 119, 124
- Просвещение — 8, 162, 174, 175, 190, 236, 239, 247, 250, 280, 282, 305, 311, 316
- Протеро, И. Дж. — 53, 54, 98
- Протестанты — 20, 31, 61, 76, 77, 79, 82, 213, 232, 245, 302
- Прудон, Пьер-Жозеф — 227
- Приюитт, Кеннет — 272, 274
- Пуви, Мэри — 230
- Пути, Шарль — 93, 125, 130, 136
- Пуччини, Сандра 223
- Пьерони Бортолотти, Франко 223, 224
- Пьеррар, Пьер — 185
- Пэкстон, Нэнси Л. — 231
- Пюэш, Жюль-Л. — 227
- Пятерной союз (Пентархия) — 49
- Р**
- Рабо, Жан — 222
- Работоторговля (атлантическая) — 31, 32, 141
- Равенна — 64
- Равенство — 10, 27, 55, 56, 75, 105, 127, 135, 136, 162, 169—173, 179—182, 190, 194, 218, 220, 222, 223, 220, 233, 235, 242, 246, 247, 249, 251, 253, 294
- Равера, Камилла — 223
- Рагоньери, Эрнесто — 207, 210
- Райан, Барбара — 239
- Райт, Х. Р. С. — 75—77
- Райт, Винсент — 108
- Раль, Мишель — 195
- Раморино, Джироламо, генерал — 96
- Ранке, Леопольд фон — 279—281
- Расизм — 69, 180, 202, 213, 242, 243, 245, 246, 248—252, 276—278, 314
- Рассел, Джон, 1-й граф Рассел, лорд — 153, 267
- Раффин, Жозефина Сен-Пьер — 243
- Ребриу, Маделин — 176, 215, 222, 227, 231
- Редфорд, Артур — 147
- Реймбах, Абрахам — ix
- Рейнджер, Рональд — 281
- Рейнольдс, Джеймс А. — 83, 84
- Ремесленники, см. Классы
- Ремон, Рене — 9, 56
- Ренан, Эрнст — 263
- Рендалл, Джейн — 232, 235
- Ренн — 218
- Реннер, Карл — 215
- Ренувен, Пьер — 49, 50, 66, 69, 74, 79, 101
- Реформизм — 78, 135, 141, 164, 165, 208, 211, 223, 296
- Рель, Ричард — 44
- Рёскин, Джон — 142
- Рид, Дональд — 30, 53, 54, 59
- Рикардо, Дэвид — 51, 60, 62, 63, 133, 135, 290, 292
- Рингер, Фриц К. — 270, 280, 293, 300
- Рис Дэвис, Т. У. — 313
- Рист, Марсель — 146
- Рихтер, Мелвин — 298, 299
- Ришелье, Арман-Жан дю Плесси, кардинал, герцог — 136
- Робертс, Дэвид — 7, 11, 13, 118, 135, 183
- Робертсон, Уильям — 285, 286
- Робертсон, Уильям Спенс — 65
- Робеспьер, Максимилиан — 11, 175, 178, 180, 182
- Робинсон, Рональд И. — 143
- Роджерс, Брайен — 267
- Роджерс, Дж. М. — 314
- Роджерс, Торольд — 290
- Рожье, Шарль — 104
- Розанваллон, Пьер — 10, 11, 27, 58, 70, 162, 163, 170, 171, 263
- Розенберг, Чарльз И. — 277
- Ройе-Коллар, Пьер-Поль — 27
- Ройл, Эдвард — 195
- Романтизм — 66—69, 107, 166, 249, 264, 315
- Росдольский, Роман — 281
- Росс, Дороти — 302
- Росс, Эдвард Олсворт — 232
- Росс, Сидни — 261, 262, 273
- Росси, Элис — 225, 228
- Россия — xvi, 25, 26, 47, 66, 72, 73, 75, 80, 81, 116, 140, 151—153, 187, 203, 225, 232, 242, 269, 309, 324
- декабристы — 80
- избирательное право (право голоса) — 232
- Лига кадетов — 80
- Николай I, император — 65, 80, 106, 175

Ростоу, У.У. — 33, 34, 36, 38, 43, 122
 Роувер, Констанс — 234, 239
 Рот, Гюнтер — 204, 208, 209
 Ротермунд, Дитмар — 315, 316
 Ротшильды — 51, 127—130
 Роу, Д.Дж. — 98
 Роуботэм, Шейла — 220, 229, 243
 Роуз, Майкл И. — 118
 Роуз, Эрнст — 317
 Рошер, Вильгельм — 290
 Рубин, Гейл — 231
 Руве, Жозеф — 75
 Руде, Жорж — 86, 95
 Руде, Фернан — 70, 73, 74, 190, 191
 Руджеро, Гвидо де — 13, 50, 57, 58, 136, 164—166
 Ружери, Жак — 160
 Рузад, Леони — 222
 Рул, Джон 1— 90
 Румыния — 116, 187, 281
 Русины — 281
 Руссо, Жан-Жак — 10—12, 16, 175
 Руссо, Поль — 36
 Руэшмайер, Дитрих — 270, 276
 Рынки — 13, 17, 18, 31, 34—37, 39—41, 45, 51, 53, 62, 76, 77, 108, 113, 120, 121, 123, 128, 130, 131, 133, 141, 142, 144, 153, 161, 169, 176, 193, 215, 229, 235, 238, 284—287, 289, 295
 «Рыцари труда» (организация) — 212
 Рэнджер, Теренс — 281
 Рэч, Элизабет — 178

С

Савой, Антуан — 295
 Сайкс, Роберт — 193
 Саймон, Уолтер Б. — 20, 78, 79
 Сакеллариу, Мишель — 111
 Самнер, Чарльз — 240
 Самоа — 150
 Санто-Доминго — 179—181
 Сапега, Лев, князь — 81
 Саутгейт, Дональд Дж. — 84, 86, 88, 135, 157
 Сауэрвайн, Чарльз — 222, 223, 225
 Свободная торговля, *см.* *Laissez-faire*
 Священная Римская империя — 75
 Священное право королей, *см.* Абсолютизм
 Священный Союз — 25, 47—49, 51, 57, 58, 65, 66, 70, 72—74, 79, 88, 128, 138, 155
 Сезер, Эме — 106, 180, 215
 Сейвилл, Джон — 185, 186
 Семейная заработная плата — 218, 220
 Семиты, *см.* Антисемитизм
 Семмел, Бернард — 142, 143
 Сен-Годен, Огюст — 168
 Сен-Мало — 150
 Сен-Симон, Клод-Анри де Ровруа, граф — 20, 21, 92, 94, 107, 126, 127, 149, 150, 159, 195, 226, 227, 248, 295, 298
 Сенека Фолс, конвенция (1848) — 228, 241
 Серати, Мари — 178, 179
 Сербы — 187, 281
 Сердечное согласие — 26, 99, 100, 101, 103, 143, 150, 151
 Сесил, Хью, лорд — 7, 18, 19, 21, 22
 Сетон-Уотсон, Р.У. — 64, 69, 81
 Сетон-Уотсон, Хью — 152, 153
 Сиверс, Шэррон — 219, 237
 Сийес, Эммануэль-Жозеф, аббат — 171, 173, 174, 188
 Сильва, Пьетро — 81
 Сильвер, Аллан — 157
 Симиан, Франсуа — 299
 Симон, Андре — 246
 Симон, Жюль — 232
 Скандинавия, *см.* Европа, Северная (Скандинавия)
 Скиннер, Эндрю С. — 282
 Скотт, Вальтер — 67
 Скотт, Джоан Уоллах — 178, 182, 186, 197
 Сликер ван Бат, Б.Х. — 74
 Словаки — 281
 Словенцы — 281
 Смолл, Альбион — 300—302
 Смит, Адам — 10, 118, 135, 149, 190, 285, 286, 319
 Смит, Геррит — 240
 Смит, Пол — 158, 165
 Сноу, Чарльз Перси — 259
 Собуль, Альбер — 182
 Соединенное Королевство, *см.* Великобритания
 Соединенные Провинции, *см.* Нидерланды
 Соединенные Штаты Америки (США), *см.* *тж.* Америка (Американский континент, обе Америки); Гегемония — *xii*, *xvii*, 24, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 62, 64, 116, 121, 123, 131, 145, 151—155, 168, 190, 198, 203, 204, 210—215, 224, 228, 232, 234, 238—244, 249, 250—252, 259, 266, 268, 269, 272, 274, 273, 277, 285—287, 293, 296, 300—302, 306—310, 317
 Акт об исключении китайцев (1880) — 214
 Билль о гражданских правах (1964) — 240
 Гавайи — 150, 151
 Гражданская война — 122, 131, 154, 168, 213—215, 239, 250, 268
 Декларация независимости — 26, 228
 Демократическая партия — 212, 241
 доктрина Монро — 64, 151

- избирательное право (право голоса) — 204, 229, 240—243
 Калифорния — 318
 президенты США
 Бьюкенен, Джеймс — 154
 Вильсон, Вудро — 214
 Линкольн, Авраам — 239
 Монро, Джеймс — 80
 Трумэн, Гарри — 126
 «четыре пункта» — 126
 Хейс, Рутерфорд — 306
 рабство и законы Джима Кроу — 239, 241, 251, 252
 Республиканская партия — 240, 241
 Техас — 102
 «Шишки», см. Республиканская партия
 13—я, 14—я и 15—я поправки к Конституции — 239
 Сол, С. Б. — 75, 76, 82
 Соломоновы острова — 150
 Сомоно, Луиза — 222
 Соренсон, Ллойд С. — 119
 Соро, Эдмон — 181
 Соффер, Бенсон — 214
 Социал-дарвинизм — 275, 296
 Социализм — 14, 21, 22, 91, 92, 109, 120, 125, 127, 134, 135, 147, 159, 186, 189—192, 200, 201, 208, 210, 212, 216, 221, 222, 225, 227, 237, 275, 295—300
 Социальная наука — 265—278
 профессионализация и ценностный нейтралитет — 271—278
 Социальное Евангелие (движение) — 301
 Социология — 92, 266, 275, 280, 284, 285, 295—302, 305, 309
 Союз за социальную политику (германский) — 269
 Спенсер, Герберт — 22, 231, 249, 272, 296, 299, 302
 Способность голосовать, см. Избирательное право (право голоса)
 Стайнберг, Максим — 212
 Стайтс, Ричард — 224, 232, 233, 242
 Сталь, мадам де (Анна-Луиза-Жермена Неккер) — 27, 226
 Старк, Вернер — 92
 Старцингер, Вернер — 93
 Старый порядок (*Ancien régime*) — 14, 28, 50, 71, 75, 93, 154, 176, 179, 192, 230
 Стейнберг, Максим — 212
 Стенгерс, Жан — 78—801
 Стерн, Лео — 208
 Стернз, Питер Н. — 95, 195
 Стивенсон, Джон — 53, 72
 Стиг, Маргарет Ф. — 283
 Стипен, Нэнси — 250
 Стоддарт, Лотроп — 248
 Стоун, Люси — 241, 242
 Стэнтон, Элизабет Кэди — 242, 240—242
 Стюарт, Роберт — 210
 Стюарт, Чарльз, сэр — 48
 Суверенитет (народный) — xvii, 3, 5, 10, 15, 25—31, 131, 137, 169, 170, 174, 176, 184, 258
 Суэль, Марк — 55, 70
 Суэцкий канал — 126
 Сьерра-Леонет — 143
 Сьюпер, Р. Х. — 263
 Сэ, Анри — 35, 37, 95, 96, 124, 138
 Сэдлер, Майкл Томас — 118
 Сэмюэл, Рафаэль — 37, 38
- ### Т
- Таити — 150
 Талабо, Леон — 144
 Талейран, Шарль-Морис де — 48, 72, 73, 80, 100, 161
 Тампико — 154
 Тарле, Е. В. — 71
 Тейлор, Артур Дж. — 117—120
 Тейлор, Барбара — 172, 225, 226
 Тейлор, У. Кук — 59
 Тейлор, Эдуард Б. — 319
 Темперли, Харольд — 65, 66
 Тере, Бруно — 136, 138, 171
 Терио, Нэнси М. — 236
 Терлинден, Шарль — 77
 Тённис, Фердинанд — 309
 Тёрнер, Р. Стивен — 261, 262
 Тибер, Маргарита — 226—228
 Тиксеран, Жюль — 227, 228
 Тилли, Крис — 224
 Тилли, Чарльз — 95, 109, 189
 Тиссо, Луи — 111
 Тихий океан, см. Океания
 Тициан (Вечеллио) — 142
 Тодоров, Цветан — 250
 Томас, Эдит — 105
 Томис, Малькольм И. — 29, 30, 54, 83, 86
 Томпсон, Виктория — 39, 225, 228
 Томпсон, И. П. — 52, 183
 Томпсон, Ф. М. Л. — 116, 117
 Тоннессон, Коре Д. — 182
 Торстендаль, Рольф — 271
 Трайб, Кейт — 289, 290, 292
 Трейн, Джордж Френсис — 241
 Тристан, Флора — 193, 194, 217, 227
 Троппау (конгресс Священного Союза) — 54

Труильо, Мишель-Рольф — 184, 319
 Туамоту — 150
 Тудеск, Андре-Жан — 4, 16, 20, 27, 93, 100, 101, 110
 Тук, Томас — 133
 Туньон де Лара, Хосе Мануэль — 193
 Турати, Филиппо — 211, 223, 224, 232
 Туржеон, Шарль-Мари-Жозеф — 227
 Турция, см. Османская империя
 Туссен Лувертюр — 180, 181
 Тьер, Адольф — 71, 94, 107, 161, 282
 Тюрго, Жак — 319
 Тюрен, Ивонна — 231
 Тэтчер, Маргарет — 165

У

Уайт, Р.Дж. — 3, 7, 15, 53, 54
 «Уэкоглазые» — 214
 Уилки, Дэвид — ix
 Уиллард, Клод — 210, 211, 216
 Уиллард, Фрэнсис — 243, 251
 Уилсон, Роберт, сэр — 64
 Уинч, Дональд — 63
 Уиттрок, Бьорн — 266, 273
 Украинцы — 281
 Университет Глазго — 286
 Ункяр-Искелесийский договор — 100
 Уокер, Кеннет О. — 119
 Уокер-Смит, Дерек — 140
 Уолковиц, Джудит Р. — 235
 Уоллес, Грэхэм — 307
 Уоллис — 150
 Уолстонкрафт, Мэри — 226
 Уорд, Дж.Т. — 61, 86, 119
 Уорд, Лестер — 195, 302
 Уостон, Джордж — 3, 17, 135
 Уотли, Ричард — 289
 Управленческая революция — 126
 Уркварт, Дэвид — 151
 Ученые, см. Наука (естественная)
 Уэбб, Сидни и Беатрис — 307, 309
 Уэбстер, Дэниэл — 151
 Уэбстер, С.К. — 55
 Уэйголл, Дэвид — 50
 Уэйкфилд, И.Дж. — 63
 Уэйр, Врон — 242, 243, 252
 Уэллс, Ида Б. — 251

Ф

Фавр, Пьер — 304
 Фавье, полковник — 70
 Фарадей, Майкл — 264
 Фарни, Д.А. — 141, 142, 147, 153

Фарнхаген, Рахель — 226
 Февр, Жан-Поль — 150, 152
 Февр, Люсьен — 76
 Фей, Виктор 98
 Фей, С.Р. — 119, 207
 Фейтё, Франсуа — 104, 121
 Феминистские и суфражистские движения, см. Женщины
 Фергюсон, Адам — 285
 Фермеры-арендаторы — 114, 115
 Феррер, Жоакин — 196
 Ферреро, Гильемо — 232
 Ферри, Жюль — 283
 Фести, Октав — 94
 Феттер, Фрэнк У. — 59, 121, 122, 129, 286
 Фёрнер, Мэри О. — 273
 Физиократия — 287
 Филлиппс, Уэнделл — 240
 Финикийцы — 314
 Фицджеральд, Визи — 83
 Фихте, Иоганн Готлиб — 281
 Фишер-Гелати, Стефен — 187
 Флао, граф — 102
 Флекснер, Элеанор — 242
 Флинн, М.У. — 61
 Фолен, Клод — 145
 Фольбр, Нэнси — 238
 Фома Аквинский, св. — 259
 Фон Курлянд, Доротея — 226
 Фонвьель, Луи — 136
 Форман, Майкл — 200, 202
 Форьель, Клод — 70
 Фоссерт, Роберт 92
 Фостер, Джон — 190, 215
 Фоунер, Эрик — 212
 Франкмасоны — 232
 Франция — *passim* (во всей книге)
 Авиньон — 174
 белый террор — 55
 бонапартизм — 107–109, 125, 136, 137
 Бурбоны — 48, 65, 100, 109
 Венессон (графство) — 174
 волонтеры Роны — 73
 восстание двух су (1786) — 96
 Вторая империя — 106, 107, 109, 124–126, 129, 130, 136–138, 150, 154, 155, 158, 159, 161, 162, 186, 199, 204
 Вторая республика — 136
 галльская раса / франкская раса — 245
 Декларация прав женщины и гражданина — 178
 дело Дрейфуса — 297
 доктринеры — 10, 27

- «друзья чернокожих» (*amis des Noirs*) — 181
 избирательное право (право голоса) — 37, 57, 102, 108, 125, 158, 160, 176, 202, 204, 234
 избирательный ценз, цензитивная монархия — 37, 102, 130
 Июльская монархия — 11, 16, 26, 27, 47, 70, 71, 101, 105, 107, 110, 125, 127, 130, 150, 184, 195, 228, 282
 Июльская революция (1830) (Июльские дни, «Три славных дня») — 2, 47, 56, 66, 67, 70–74, 77, 78, 82, 84, 85, 91, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 163, 191, 192, 281, 282
 Карл X — 6, 11, 56, 65, 70–73, 85, 100, 150, 190, 191
 Католическая лига — 56
 Комитет общественной безопасности — 177
 Конституция 1875 года — 138
 Легитимисты — 16, 56–58, 72, 185
 Луи-Наполеон Бонапарт (Наполеон III) — 28, 40, 42, 46, 55, 57, 76, 105–110, 125, 127–129, 134, 136–138, 145, 146, 153, 154, 157–160, 162, 176, 179, 181, 183, 186, 189, 256, 257, 287, 303, 313
 Луи-Филипп Орлеанский, см. тж. Франция, Июльская монархия — 6, 70–73, 79, 85, 100, 102, 104–106, 110, 111, 124, 130, 150, 175, 185
 Людовик XI — 10
 Людовик XV — 106
 Людовик XVI — 11, 258
 Людовик XVIII, см. тж. Реставрация — 6, 48, 55–58, 65, 70–72, 84
 Мильеран, Александр, президент Франции — 211
 Наполеон Бонапарт — 28, 40, 46, 55–57, 76, 105–110, 125–127, 129, 134, 136–138, 145, 146, 153, 154, 157–163, 176, 179, 181, 182, 186, 199, 256, 257, 287, 303, 313
 Наполеон (принц) — 137
 Национальная библиотека — 2, 90, 228, 322
 Общество прав человека и гражданина — 192
 Орлеанская монархия, см. Июльская монархия
 Орлеанский дом — 103, 109
 отмена рабства — 105
 Парижская Коммуна — 159, 160, 194, 202, 202, 222, 264, 282–283, 303
 «партия движения» — 73
 «партия порядка» — 107
 политический коллапс 1870 года — 123, 131
 Пятая республика — 136
 расстрел в Фурмье — 211
 революционно-наполеоновский период — 3, 28, 30, 34
 революция 1848 года — 2, 11, 14, 70, 103, 108–113, 126, 128, 184–197, 228, 288, 295
 республиканцы — 14, 67, 97, 107–109, 112, 158–162, 166, 192, 238, 241, 306
 Реставрация — 5, 6, 8, 16, 26, 55–58, 70, 71, 84, 95, 109, 124, 143, 190, 287
 соялисты — 56, 58, 137, 159, 161
 сенсимонисты — 126, 226
 Совет пятисот — 179
 Сто дней (возвращение Наполеона с Эльбы), см. тж. Ватерлоо — 46, 55
 тариф Мелена — 146
 Третья республика — 136, 162, 222, 230, 283, 292, 298, 303
 Филипп Красивый — 176
 Французская (Великая) революция — xv, xvi, 2–7, 11, 13–17, 20, 25, 26, 28–30, 32, 40, 48, 55, 57–59, 67, 68, 70, 71, 74, 83, 96, 107, 109–111, 124, 136, 137, 169–184, 191, 192, 230, 232, 239, 245–247, 249, 257–259, 264 265, 276, 287, 288, 304, 315
 ассигнации — 59, 181
 «бешеные» — 177
 Вандея — 78
 Генеральные штаты — 175, 176
 двухсотлетие революции (1989) — 4, 58
 «идеологи» — 287
 закон Ле Шателье — 94, 96, 182
 Конвент — 175–181
 максимум (цен) — 182
 Марсельеза — 72
 наказы Генеральным штатам 1789 года — 175
 Национальное собрание — 105, 108, 171, 174–176, 180, 228
 Общество революционных республиканок — 178
 расстрел на Марсовом поле (1791) — 211
 террор — 11, 29, 107
 якобинцы — 20, 27, 29, 52, 132, 136, 177, 178, 203
 «ультра», см. легитимисты
 франко-прусская война (1870–1871) — 159
 Хартия Людовика XVIII (1817) — 6, 55, 58, 70, 71, 93
canuts (лионские ткачи) — 96, 193
 Французская рабочая партия (ФРП) — 210
 Французская секция Рабочего Интернационала (ФСРИ / SFIO) — 210
 Французская федерация полиграфических рабочих (ФФПР) — 219
 Фрей, Аннетт — 218, 221
 Фридримен, Чарльз — 44

Фрэзер, Дерек — 86
 Фуко, Мишель — 236
 Фулфорд, Роджер — 224, 225, 239
 Фульд, Ашиль — 145
 Фурье, Франсуа-Мари-Шарль — 226, 227
 Фэйрли, Сьюзан — 39, 114, 116
 Фюре, Франсуа — 58

Х

Хайек, Фридрих А. фон — 92, 256, 287
 Хайем, Джон — 272
 Хайнигер, Эрнстпетер — 276
 Хаксли, Джулиан — 249
 Хальвбакс, Морис — 299
 Ханикатт, Карен — 221, 222
 Хансен, Эрик — 207, 211
 Харли, С. Ник — 38
 Харпер, Уильям Рейни — 302
 Харт, Дженнифер — 52, 135
 Хартманн, Хайди — 217
 Хаскелл, Томас Л. — 268, 272, 273, 278
 Хаскиссон, Уильям — 62, 63, 120
 Хассельман, Вильгельм — 208
 Хаттон, Р.Х. — 142
 Хатчисон, Генри Хант — 307
 Хафтон, Олвен — 176, 178
 Хейвуд, Колин — 61, 118, 211
 Хекстер, Дж.Х. — 82
 Хендерсон, У.О. — 42, 82
 Хендрикс, Марго — 245
 Херберг, Уилл — 211
 Хербст, Юрген — 279
 Херц, Дебора — 226
 Херш, Бланш Глассман — 239, 241
 Хилл, Кристофер — 245
 Хилл, Р.Л. — 61, 162, 164
 Хилтон, Бойд — 53
 Химмельфарб, Гертруда — 155
 Хинсли, Кёртис М., мл. — 273, 317
 Хинтон, Джеймс — 156, 198, 199, 204—207, 215, 217, 218, 224
 Хобхаус, Л.Т. — 19
 Хобсбаум, Эрик Дж. — 11, 20, 34, 35, 44, 46, 47, 50, 60, 66, 67, 91, 94, 104, 106, 110, 121, 133, 163, 182, 189, 196, 197, 201, 205—209, 218, 229, 248, 281, 283, 284
 Хогг, Квентин — 7
 Ходжсон, Джефффри М. — 290
 Хоз, Стивен С. — 234
 Хокси, Р. Гордон — 306
 Холиоок, Джордж Джейкоб — 151
 Холл, Алекс — 229
 Холл, Кэтрин — 210

Холланд, Бернард — 53, 83, 142
 Холлис, Патрисия — 215
 Холт, Питер — 29, 30, 54, 83, 86
 Хорваты — 187, 281
 Хортон, Уилмот — 61, 62
 Хоупы, купеческий дом — 132
 Хоугленд, Генри И. — 198
 Хоффманн, Вальтер — 38
 Хофштадтер, Ричард — 277, 296, 302
 Хохенберг, Пауль — 44
 Хуарес, Бенито — 154
 Хьюз, Х. Стюарт — 308
 Хэккетт, Эми — 228
 Хэммен, Оскар Дж. — 103
 Хэммонд, Дж.Л. — 248

Ц

«Цветные» — 176, 180, 181, 243, 245, 246, 248
 Цейлон — 149
 Цивилизация / варварство — 172, 184
 Циллерберг-Окар, Мари-Элен — 217
 Циолковский, Теодор — 262
 Цюрих — 208

Ч

Чедвик, Эдвин — 161
 Чейфец, Дженет Зальцман — 234
 Чекленд, И.О.А. — 135
 Чекленд, С.Дж. — 37, 135, 265, 289
 Черное море — 116, 152
 Чернокожие (негры), см. тж. Соединенные Штаты Америки (США), Рабство и законы Джима Кроу
 Чехи — 281
 Четверной альянс — 49
 Чёрч, Р.А. — 122
 Чёрч, Роберт Л. — 291, 294, 306
 Чикагский университет — 301
 Чили — 64
 Чини, Эдна Б. — 243
 Чужестранцы (иностранцы) — 148, 161, 244, 254

Ш

Шаброль, Кристоф, граф — 70
 Шайлер, Роберт Л. — 62, 63, 104, 139, 140, 152—152, 158
 Шапель-Дюльер, Жаклина — 296
 Шапиро, Дж. Солвин — 9, 108
 Шапиро, Фред Р. — 156, 166, 282
 Шатобриан, Франсуа-Рене де — 4, 27, 56, 67, 71
 Шваб, Раймонд — 250
 Шварц, Анна Якобсон — 36, 38
 Швебер, С.С. — 261
 Швейцария — 21, 44, 102, 112, 144, 269
 Швеция — 111, 124

Шевалье, Луи — 213
 Шевалье, Мишель — 144
 Шельда — 77
 Шенк, Х. Г. — 48, 50, 66
 Шефер, Кристиан — 73, 101, 150, 154
 Шефтер, Мартин — 212
 Шефтсбери, лорд, Энтони Эшли Купер, 3-й граф — 118, 165
 Шёльхер, Виктор — 106
 Шёттлер, Петер — 210, 212
 Шлегель, Фридрих фон — 250
 Шлезвиг-Гольштейн — 153
 Шлезингер, Артур М. — 9
 Шлепнер, Б. С. — 77, 82, 127—129
 Шлоте, Вернер — 36
 Шмоллер, Густав фон — 270, 300
 Шометт, Пьер-Гаспар — 178
 Шоппер, Карл — 188
 Шорске, Карл Э. — 201, 208
 Шоу, Роберт Гудд — 168
 Шрёдер, Пауль В. — 47, 47
 Штюмер, Майкл — 108
 Э
 Эбрей, Джейн — 177, 179, 227
 Эванс, Ричард Дж. — 221, 224, 230, 233—236, 241, 243, 244
 Эванс, Эрик Дж. — 12, 25, 26, 29—31, 36, 40, 41, 50, 53, 65, 81, 84, 85, 98, 116, 118, 119, 134, 139, 162, 194, 220
 Эйделотт, Уильям О. — 115, 135
 Эйзенштейн, Зилла Р. — 233
 Эйзенштейн, Элизабет — 70, 81
 Эйпен — 75
 Экономика (как наука), экономикс — 19, 119, 190, 252, 284—294, 301, 302, 305, 307—309
 «Экономист» (журнал) — 121, 123
 Элвитт, Сэнфорд — 160, 295
 Эли, Ричард Т. — 214
 Эллис, Джон — 105, 106, 188
 Элтон, Годфри, лорд — 28, 56, 71
 Эмерит, Марсель — 150
 Энгель, Артур — 262, 263
 Энгельс, Фридрих — 17
 Эндрес, Роберт III
 Эндрюс, Джон Р. — 213, 214, 224
 Эно — 75
 Эпплайт, Гарриет Б. — 176, 178
 Эрве, Флоранс — 218, 232
 Эрр, Люсьен — 298
 Эрфурт — 208, 209
 Этатизм — 12, 17, 19, 132, 165

Эшли, Уильям, лорд — 118
 Эшли, Уильям Джеймс — 209

Ю

Южная Африка
 Грикваланд — 143
 Наталья — 143
 Трансвааль — 143

Я

Ява — 149
 Якобинство, см. тж. Франция, якобинство
 Янг, Томас — 315
 Япония — 218, 237

А

Année sociologique, L' («Социологический ежегодник») — 297

С

Canuts (лионские ткачи), см. Франция, *Canuts*
Crédit Foncier («Ипотечный кредит»), банк — 129
Crédit Mobilier («Мобильный кредит») банк — 128, 130, 131

D

Droit de cité [право гражданства — фр.], см. тж. Избирательное право (право голоса)

H

Historische Zeitung, журнал — 283

L

L'Humanité («Человечество»), газета французских социалистов — 298
Laissez-aller [неограниченная свобода — фр.] — 119
Laissez-faire, доктрина свободной торговли — 12, 13, 17, 19, 106, 117—120, 129, 132, 133, 135, 136, 215, 293, 299, 300, 302, 307

M

Methodenstreit [спор о методе — нем.] — 290

Q

Quellenkritik [критика источников — нем.] — 279, 280
Querelle des femmes [женский вопрос — фр.] — 179

R

Revue historique, журнал — 283

S

Sciences Po («Сьянс По»), школа политических исследований — 302, 303, 307, 308
Société Générale, банк — 128

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ)

**Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)
вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru**

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ.
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ:

1. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / предисловие Г. М. Дерлутьяна; пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
2. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600—1750. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750* / пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2015, 2016.
3. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s* / пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2016.
4. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789—1914. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System IV. Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914* / пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М., 2016.
5. Зверев В. О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906—1914 гг.). М., 2016.
6. Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.
7. Козлов Д. Ю.. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914—1917). М., 2013.
8. Котельников В. Р. Отечественные авиационные поршневые моторы 1910—2009. М., 2010.
9. Люттвак Эдвард Н. Возвышение Китая наперекор логике стратегии. *Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy* / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2016.

10. *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.
11. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. *Luttwak Edward N.* The Strategy: Logic of War and Peace / пер. с англ. А. Н. Ковалёва, Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015, 2016.
12. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. *Luttwak Edward N.* Coup d'État: Practical Handbook / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015.
13. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960—1964. М., 2015.
14. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
15. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016.
16. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938—1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938—1948 гг. М., 2016.
17. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938—1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948—1968 гг. М., 2016.
18. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева. М., 2003.
19. *Свойский Ю. М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
20. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
21. *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940—1969 годы. М., 2013.
22. *Симонов Н. С.* Очерки истории банковской системы России. 1988—2013 гг. М., 2016.
23. *Симонов Н. С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.
24. *Степанов А. С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 года). М., 2009.
25. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.

26. Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
27. Тумишис М. А., Золотарёв В. А. Евреи в НКВД СССР. 1936—1938 гг. Опыт биографического словаря. М., 2016.
28. Тумишис М. А. Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М., 2016.
29. Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013.
30. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918—1923. М., 2010.
31. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

32. Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815—1830. М., 2011.
33. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810—1917 гг. М., 2011.
34. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817—1828 гг. М., 2011.
35. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828—1940 гг. М., 2011.
36. Платошкин Н. Н. Чили 1970—1973 гг. Прерванная модернизация. М., 2011.
37. Платошкин Н. Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года. М., 2013.
38. Платошкин Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. М., 2015.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ:

а) Сборники и хрестоматии:

39. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновой и А. В. Подосинова. М., 2009.

40. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибиков, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
41. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
42. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
43. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
44. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
45. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.
46. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
47. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: Паушто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
48. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
49. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
50. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
51. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
52. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
53. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.

54. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
55. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
56. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
57. Немецкие анналы и хроники X—XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.
58. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Том 1 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
59. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Том 2 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
60. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015.

б) Русь и Россия. Славянский мир:

61. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII—XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
62. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М., 2015.
63. *Бадаланова Геллер Ф. К.* Книга сущая в устах: фольклорная Библия бесарабских и таврических болгар. М., 2016.
64. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
65. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
66. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
67. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016.
68. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
69. *Каштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.

70. *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
71. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
72. Мария Фёдоровна, императрица, 1847—1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875—1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882—1960. Письма (1918—1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
73. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
74. *Мендюков А. В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX—XX веков. М., 2016.
75. *Менькова И. Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
76. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830—1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
77. *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016.
78. *Пулькин М. В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII—XIX в.). М., 2013, 2015.
79. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
80. Собрание проповедей протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. Е. Н. Викторова, И. Н. Сергеев. М., 2016.
81. *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток:

82. *Агишев С. Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
83. *Ауров О. В., Марей А. В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
84. *Белозёрова В. Г.* Традиционное искусство Китая: В 2 т. Том 1: Неолит — IX век / отв. ред. М. Е. Кравцова. М., 2016.
85. *Большаков О. Г.* Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII—VIII вв.). М., 2016.

86. Ганина Н. А. Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.
87. Генрих Хантингдонский. История англоv / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
88. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
89. Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А. Ю. Серёгиной. М., 2013.
90. Долгорукова Н. М. Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.
91. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
92. Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
93. Лидов А. М. Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
94. Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
95. Мереминский С. Г. Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М., 2016.
96. Святитель Хромотий Аквилейский. Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
97. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine Love* / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina. М., 2010.

ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ:

98. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012.
99. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
100. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.

101. Лобанова Н. В., Филатова В. Ф. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.
102. Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
103. Логинов К. К. Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья. М., 2010.
104. Ольговский С. Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.
105. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ:

106. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга 1/введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
107. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга 2—4/введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
108. Квинт Смирнский. После Гомера/вступ. ст., пер. с др.греч. яз., прим. А. П. Большакова М., 2016.
109. Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида/пер. А. И. Щетникова. М., 2013.
110. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994—1998 гг. Херсон. Том I/Золотарёв М. И. и др. М., 2013.
111. Латинские панегирики/вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М., 2016.
112. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова/под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М., 2015.
113. Хроника Симеона Магистра и Логофета/пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова. М., 2013.
114. Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова/под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010.
115. Виноградов А. Ю. Миновала уже зима языческого безумия. Церкви и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
116. Виноградов А. Ю. «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.

117. *Ермолаева Е. Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
118. *Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
119. *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
120. *Кузьмин Ю. Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013.
121. *Куланда С. В.* Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
122. *Лапырёнок Р. В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М., 2016.
123. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. *Luttwak Edward N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire / пер. с англ. А. Н. Ко-
валя. М., 2010, 2012, 2016.
124. *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
125. *Позднев М. М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
126. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и черте-
жей античных памятников с комментариями. М., 2006.
127. *Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, обще-
ство). М., 2013.
128. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая
половина X вв.). Том II. Часть I. М., 2013.
129. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая
половина X вв.). Том II. Часть II. М., 2013.
130. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая
половина X вв.). Том II. Часть III. М., 2013.
131. *Суриков И. Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаиче-
ских и классических Афин. М., 2009.
132. *Суриков И. Е.* Античный полис. М., 2010.
133. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година
междоусобиц. М., 2011.
134. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На по-
роге нового мира. М., 2015.
135. *Суриков И. Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории
древнегреческой культуры. М., 2013, 2015.
136. *Файер В. В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.
М., 2010.

137. Файер В. В. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»:

138. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. I. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2010.

139. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. II. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2010.

140. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. III. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2011.

141. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IV. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2011.

142. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. V. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2012.

143. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. VI. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2012.

144. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. VII. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2013.

145. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. VIII. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2013.

146. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IX. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2014.

147. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. X. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2014.

148. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XI. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2015.

149. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XII. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2015.

150. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XIII. / гл. ред. А. В. Подосинов. М., 2016.

ЕГИПТОЛОГИЯ:

151. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2013.

152. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2014.

153. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2015.
154. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2016.
155. *Лаврентьева Н. В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства). М., 2012.
156. *Прусаков Д. Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. М., 2015.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

157. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2006.
158. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2008.
159. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2009.
160. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2010.
161. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2011.
162. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2012.
163. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей в 2 ч. / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2013.
164. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2015.
165. *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009.
166. *Вальков Д. В.* Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО:

167. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура. М., 2014.
168. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия. М., 2015.
169. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016.

170. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2 (4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920—1980-е гг.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений О. А. Седаковой:

171. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том). М., 2010.

172. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том). М., 2010.

173. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том). М., 2010.

174. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том). М., 2010.

175. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой. М., 2013.

Собрание сочинений В. В. Биbihина:

176. Биbihин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I. М., 2010.

177. Биbihин В. В. Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II. М., 2013.

178. Биbihин В. В. Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III. М., 2013.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

179. Кизим А. В. Крымская война. Учебное пособие. М., 2016.

180. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH IX (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.

181. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH X (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.

182. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH XI (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.

183. Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении. Учебник. М., 2012.

184. Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М., 2013.

185. Рязановский А. Р. Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён. М., 2015.

186. Смышляев А. Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие. М., 2007.

187. Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. М., 2016.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка.

Благодарим за сотрудничество.

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НАШИ КНИГИ:

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, кор. 2, по будням с 10:00 до 19:00.

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.urss.ru

www.kniger.by

www.ozon.ru

www.greybooks.ru

www.good-book.com.ua

www.setbook.ru

www.libroroom.ru

www.arhe.com.ua

и многие другие.

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «PRIMUS VERSUS», ул. Покровка, д. 27, стр. 1, www.dbiblio.org
- ТД «БИБЛИО-ГЛОБУС», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, www.biblio-globus.ru
- «ГИПЕРИОН», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3, www.hyperionbook.ru
- «ГНОЗИС», Турчанинов пер., д. 4, www.gnosisbooks.ru
- Книжная лавка историка «КЛИ», ул. Б. Дмитровка, д. 15, www.rosspen.ru
- «КНИГА МАКСИМА», Ленинские горы, д. 1, стр. 51, здание Первого гуманитарного корпуса МГУ им. М.В. Ломоносова, www.maxi-book.ru
- «КНИЖНАЯ ЯРМАРКА В ОЛИМПЕЙСКОМ», Олимпийский пр-т, д. 16, стр. 1, здание СК Олимпийский, www.marketbooks.ru
- «МОСКВА», ул. Тверская, д. 8, стр. 1; ул. Воздвиженка, д. 4/7, стр. 1, www.moscowbooks.ru
- «МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ», www.mdk-arbat.ru
- «МУЗЕЙ АНДРЕЯ РУБЛЁВА», Андроньевская пл., д. 10, www.rublev-museum.ru
- Книжная галерея «НИНА», ул. Волхонка, д. 18/2, www.kniginina.ru
- «ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы, www.pravslavo.ru
- Книжный киоск «РОССПЭН», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, www.rosspen.ru
- Книжный магазин «РОССПЭН», 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1, www.rosspen.ru
- «РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ», ул. Пушечная, д. 7/5 стр. 2. <http://www.hamlet.ru>
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ», ул. Нижняя Радищевская, д. 2, www.kmrz.ru
- «У КЕНТАВРА», ул. Чаянова, д. 15, здание РГГУ, www.knigirggu.ru

Научное издание

Валлерстайн Иммануил

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА
Том IV
Триумф центристского либерализма,
1789—1914

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Редактор
Н. П. Проценко

Корректор
С. А. Давыдова

Дизайн макета
М. В. Григоренко

Верстка
А. А. Васильева

Дизайн обложки
Е. А. Горева

Подписано в печать 24.10.2016 г. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1611

Русский фонд содействия образованию и науке
119435, Москва, Малая Пироговская, д. 13, стр. 1
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

